

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

в истории и памяти
народов Юга России:
события, участники, символы

Материалы VII Всероссийской
научной конференции
с международным участием,
посвященной 85-летию начала
Великой Отечественной войны

г. Ростов-на-Дону
24–27 июня 2026 г.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ФОНД «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА»

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ И ПАМЯТИ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ: СОБЫТИЯ, УЧАСТНИКИ, СИМВОЛЫ

Материалы VII Всероссийской научной конференции
с международным участием, посвященной 85-летию
начала Великой Отечественной войны
(г. Ростов-на-Дону, 24–27 июня 2026 г.)

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2026

УДК 97(47)07/08(470.6)(063)
B27

Издается при финансовой поддержке фонда «История Отечества»

Главный редактор
академик РАН Г.Г. Матишов

Редакционная коллегия:
д.г.н. С.В. Бердников, к.филол.н. Н.А. Власкина, к.филол.н. Т.Е. Гревцова,
д.и.н. Е.Ф. Кринко, А.Р. Лисица, к.и.н. М.В. Медведев, Р.Г. Михалюк

**Великая Отечественная война в истории и памяти
B27 народов Юга России: события, участники, символы:**
материалы VII Всероссийской научной конференции с между-
народным участием, посвященной 85-летию начала Вели-
кой Отечественной войны (г. Ростов-на-Дону, 24–27 июня
2026 г.). – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2026. –
512 с. – ISBN 978-5-4358-0285-6.

В материалах сборника рассматривается широкий круг вопросов, связанных с событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на юге СССР и их отражением в исторической памяти населения региона. В центре внимания авторов находятся новые подходы и источники изучения событий военного времени, боевые действия на южном фланге советско-германского противостояния, взаимодействие власти и общества в 1941–1945 гг., военная экономика, антропология войны, повседневность фронта и тыла, нацистская оккупация и военные преступления захватчиков, коллаборационизм, а также особенности отражения Великой Отечественной войны в пространстве памяти, политики и культуры.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 97(47)07/08(470.6)(063)

*Редколлегия не несет ответственности за достоверность при-
водимой авторами информации. Ответственность за нарушение
интеллектуальных прав третьих лиц несут авторы либо лица, их
представляющие.*

ISBN 978-5-4358-0285-6

© ЮНЦ РАН, 2026
© Авторы, 2026

FEDERAL RESEARCH CENTRE
THE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE *HISTORY OF MOTHERLAND* FUND

**THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN THE HISTORY AND MEMORY
OF THE PEOPLES OF THE SOUTH OF RUSSIA:
EVENTS, PARTICIPANTS, AND SYMBOLS**

Proceedings of the 7th All-Russian Scientific Conference
(With the International Component)
Dedicated to the 85th Anniversary of the Beginning
of the Great Patriotic War
(Rostov-on-Don, 24–27 June 2026)

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2026

UDC 97(47)07/08(470.6)(063)
B27

Published with the financial support
from the *History of Motherland Fund*

Editor-in-Chief:
Academician RAS *Matishov, G.G.*

Editorial Board:
Dr (Geography) *Berdnikov, S.V.*, PhD *Vlaskina, N.A.*, PhD *Grevtsova, T.E.*,
Dr (History) *Krinko, E.F.*, *Lisitsa, A.R.*, PhD *Medvedev, M.V.*, and *R.G. Mikhalyuk*

B27 (2026) The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, and Symbols. Proceedings of the 7th All-Russian Scientific Conference (With the International Component) Dedicated to the 85th Anniversary of the Beginning of the Great Patriotic War (Rostov-on-Don, 24–27 June 2026). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 512 p. (In Russian). ISBN 978-5-4358-0285-6.

The proceedings cover a wide range of issues related to the events of the Great Patriotic War of 1941–1945 in the South of the USSR and their reflection in the historical memory of the population of the region. The authors focus on novel approaches to and sources for the study of wartime events, hostilities on the southern flank of the Soviet-German confrontation, the interaction of authorities and society in 1941–1945, war and military economies, the anthropology of war, daily life at the front and in the rear, Nazi occupation and war crimes of the invaders, collaborationism, as well as the reflection of the Great Patriotic War in memory, politics, and culture.

The current publication is intended for researchers, teachers, postgraduate, graduate and undergraduate students, as well as readers interested in the considered issues.

UDC 97(47)07/08(470.6)(063)

The Editorial Board is not liable for the possible inaccuracy of the information provided by the authors. The authors or/and their representatives are responsible for the violation of the third parties intellectual property rights.

ISBN 978-5-4358-0285-6

© SSC RAS (2026)
© Authors (2026)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая Отечественная война – это не только одна из самых трагических страниц в истории нашей страны, но и символ стойкости, мужества и единства советского народа, который в самые тяжелые времена сумел сплотиться перед врагом. 22 июня 1941 г. – день, когда на мирное небо над нашей Родиной опустилась тень войны, навсегда изменившая судьбы миллионов людей. В этом году мы вспоминаем 85-ю годовщину трагического начала Великой Отечественной войны и в рамках нашей конференции отдаем дань уважения тем, кто проявил беспримерную храбрость и жертвенность в борьбе за Родину.

Юг России стал ареной ожесточенных сражений, где мужество и героизм советских солдат и мирных жителей проявились в самых трудных условиях. Здесь, на южных рубежах нашей страны, происходили события, которые вошли в историю и стали основой для формирования национальной идентичности. Отсюда начинался наш путь к общей Победе над врагом.

Академическое сообщество сыграло значительную роль в годы Великой Отечественной войны, внося важный вклад в разработку технологий и материально-техническое обеспечение фронта, помогая стране адаптироваться к военным условиям, преодолеть многочисленные трудности. Комиссия по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР внесла неоценимый вклад в дело сохранения живой летописи военных лет. В июне 1945 г. с особым вниманием был отпразднован 220-летний юбилей Академии наук СССР. Это масштабное и торжественное мероприятие посетили многочисленные делегации иностранных ученых, что стало настоящим международным признанием роли советской науки.

Мы рады представить сборник материалов VII Всероссийской научной конференции с международным участием «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы», посвященной 85-летию начала Великой Отечественной войны. Наша конференция стала важной площадкой для обсуждения военной проблематики: результаты своих исследований представляют более 180 специалистов из десятков регионов России, а также из Республики Абхазии, Республики Армения, Республики Беларуси, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан. Традиционно участие в конференции принимают

представители не только разных областей исторической науки, но и других областей знания.

Введение в научный оборот рассекреченных архивных документов и применение новых подходов позволили участникам конференции по-новому взглянуть на советско-германское противостояние на юге страны в 1941–1943 гг. и его результаты, охарактеризовать проблемы и практики выживания человека в экстремальных условиях военного времени, выявить специфику отражения войны в различных формах исторической памяти, обстоятельства ее использования и фальсификации различными политическими силами на постсоветском пространстве. Значительное внимание уделяется проблемам нацистской оккупации, коллаборационизму части жителей и сопротивлению населения захватчикам в годы Великой Отечественной войны. Широко обсуждаются вопросы нанесенного оккупантами материального ущерба и людских потерь.

Наша конференция – это не только дань памяти, но и возможность для открытого научного диалога. Мы надеемся, что публикуемые в сборнике материалы станут существенным дополнением научных знаний о Великой Отечественной войне, будут способствовать развитию патриотических чувств у молодежи. Важно помнить о прошлом и извлекать из него уроки для будущего. Это наш общий долг перед теми, кто отдал свои жизни за нашу Родину и свободу.

*Заместитель президента РАН,
научный руководитель ЮНЦ РАН
академик Г.Г. Матишов*

РАЗДЕЛ 1

НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В.С. Христофоров

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (22 ИЮНЯ – 31 ДЕКАБРЯ 1941 г.): НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

История Великой Отечественной войны (1941–1945) остается в центре внимания исследователей в связи с тем, что появляются новые возможности для ее изучения благодаря рассекречиванию новых документов российских архивов, в том числе материалов советских спецслужб. Особый интерес представляют документы, связанные с начальным периодом боевых действий (22 июня – 31 декабря 1941 г.), так как именно в эти недели и месяцы решалась судьба советского народа, в этот период Красная армия героически вела боевые действия, но была вынуждена отступать [4; 5].

С конца XX в. рассекречивание и введение в научный оборот документов советских спецслужб приобрели систематический характер и привлекали внимание исследователей [9: 42–52]. В 2025 г. к 80-летию победы в Великой Отечественной войне в архивах ФСБ России [2] и Службы внешней разведки России [3] проведено рассекречивание новых, ранее неизвестных документов, и они стали доступны исследователям.

Введение в научный оборот новых, ранее неизвестных архивных документов, применение в исследовании историко-сравнительного метода, сопоставление известных исторических фактов с новыми материалами, выявление различий и противоречий в трактовке событий позволяют нам расширить понимание обстоятельств начала войны, особенностей советской военной стратегии, характера боевых действий и условий работы в первые месяцы кровавого конфликта.

Целью исследования является комплексный анализ новых, ранее неизвестных архивных документов начального этапа Великой

Отечественной войны (22 июня – 31 декабря 1941 г.). Основная задача при введении новых документов в научный оборот заключается в расширении понимания обстоятельств начала войны, характера боевых действий, условий мобилизации в СССР в первые месяцы конфликта. Важным является социально-психологический аспект – изучение реагирования советского населения на начало войны.

Документы свидетельствуют, что в связи с начавшимися боевыми действиями потребовалось изменить организационную структуру и систему работы отечественной разведки и контрразведки, принять новые нормативные правовые акты (законы, указы, постановления), издать приказы.

Стремительное продвижение германских частей вглубь территории СССР, направление в тыл Красной армии десантов и диверсантов противника отрицательно влияли на настроения населения, а также на психологическое состояние советских военнослужащих и гражданского населения [10: 205–221]. Красная армия несла значительные безвозвратные потери, в окружении и плену оказались сотни тысяч советских военнослужащих, им пришлось испытать неимоверные тяготы военного плена, а также столкнуться с элементами недоверия после возвращения из плена [7; 8; 11].

Перед контрразведывательными подразделениями была поставлена задача по предупреждению возникновения паники, растерянности и распространения ложных слухов. 24, 25 и 26 июня нарком госбезопасности В. Меркулов подписал директивы, в которых предписывалось задерживать лиц, распространявших панические слухи, а также интернировать иностранных граждан государств, воюющих с СССР [4: 57, 59, 76, 86].

Необходимо обратить внимание на то, что к началу войны разведывательные и контрразведывательные функции в СССР выполняли четыре различных наркомата (государственной безопасности, внутренних дел, обороны, военно-морского флота), а также Коминтерн. В связи с этим остро стоял вопрос организации взаимодействия между разведками и контрразведками различных ведомств, обмена оперативной информацией, взаимного доверия и проведения совместных оперативно-розыскных мероприятий.

В связи с началом войны наркоматы госбезопасности и внутренних дел провели внутреннюю перестройку в своих ведомствах, мобилизационное развертывание, изменили организационную структуру,

уточнили формы и методы оперативной деятельности в военное время. Все оперативно-розыскные подразделения НКГБ-УНКГБ (республик, краев и областей) были переведены на круглосуточный режим работы, проведены аресты лиц, которые находились в разработке как активные контрреволюционеры или подозревались в шпионской деятельности. На местах вся работа велась во взаимодействии и по согласованию с партийным руководством [4: 35].

На предприятиях оборонного значения активно велась контрразведывательная работа, направленная на предотвращение диверсий и нарушений технологического цикла, вводились дополнительные посты милиции и противопожарной безопасности, под контролем контрразведки находились склады с оружием и боеприпасами, взрывчатыми веществами. Для патрулирования на улицах Москвы было дополнительно выделено 1525 сотрудников милиции [4: 49].

В документах архивов госбезопасности зафиксировано, что уже 23 июня 1941 г. все подразделения НКГБ-УНКГБ на местах находились в повышенной боевой готовности и перешли на круглосуточный режим работы.

Особую опасность, как свидетельствуют документы, для слаженной работы в тылу Красной армии представляли парашютисты и диверсанты противника. В начальный период войны немецкие разведчики и диверсанты, совершая диверсионные акты на транспортных коммуникациях и линиях связи, вносили дезорганизацию в деятельность советского тыла, создавали панику среди населения, распространяли слухи о приближении немецких войск. К работе в тылу Красной армии германская разведка активно привлекала советских военнопленных.

Для организации работы советских спецслужб по борьбе с парашютистами и диверсантами СНК СССР 24 июня принял постановление, возложив эту деятельность на Наркомат внутренних дел и его структурные подразделения в прифронтовых областях [4: 65].

Еще одним новшеством в работе спецслужб стало введение военной цензуры на основании постановления Государственного комитета обороны СССР (далее – ГКО) от 6 июля. Фактически устанавливался гласный политический контроль за перепиской военнослужащих действующей Красной армии. Военные цензоры вскрывали и проверяли письма военнослужащих, в случае

обнаружения в них сведений военного характера письма конфисковывались [5: 308–309].

Советским спецслужбам, которые с февраля 1941 г. находились в стадии реорганизации, противостоял хорошо подготовленный и мобилизованный противник в лице разведок и контрразведок Германии, Венгрии, Румынии, Финляндии [12].

В целях консолидации усилий различных подразделений разведки и контрразведки в борьбе против спецслужб противника в июле 1941 г. наркоматы внутренних дел и госбезопасности были объединены в единый Наркомат внутренних дел СССР. Таким образом, советские спецслужбы вернулись в состояние, в котором они находились до начала масштабной реформы, проведенной в феврале 1941 г.

Кризисная ситуация на фронте и в тылу требовала принятия жестких репрессивных мер. Советской военной контрразведке было предоставлено право арестовывать дезертиров без предварительной санкции военного прокурора, а также проводить проверку бывших советских военнопленных, привлекать их «к строжайшей ответственности» [5: 35–36].

Жесткие репрессивные меры, принимавшиеся летом и осенью 1941 г. по указанию «директивных органов СССР» и предписаний Л. Берии, привели к необоснованным арестам и расстрелам генералов Красной армии. В середине июля 1941 г. на основании постановления ГКО были арестованы несколько генералов, руководивших Западным фронтом, во главе с командующим фронтом генералом армии Д.Г. Павловым. Они были обвинены в трусости, бездействии, паникерстве, сдаче оружия противнику без боя. ГКО призывал расправиться с ними, так как они «запятнали звание воина Красной армии» [6: 95–96].

Следователь военной контрразведки попытался обвинить генерала армии Павлова в предательстве. Однако Павлов заявил: «Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по не зависящим от меня причинам. <...> Я не изменник, злого умысла в моих действиях, как командующего фронтом, не было. Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию» [1: 455].

22 июля Военная коллегия Верховного суда приговорила Д.Г. Павлова и других генералов, проходивших по этому делу, к расстрелу. 31 июля 1957 г. все обвиняемые были реабилитированы.

28 октября и 1 ноября 1941 г. в Куйбышеве были расстреляны генерал-полковники Г.М. Штерн и А.Д. Локтионов, генерал-лейтенанты Я.В. Смушкевич, П.В. Рычагов, И.И. Проскурин и Ф.К. Арженухин, генерал-майор артиллерии Г.К. Савченко и другие (всего 24 человека). Они были заключены под стражу накануне Великой Отечественной войны по сфальсифицированному обвинению «в участии в военно-фашистском заговоре» и не признавали своей вины. Вместо того, чтобы направить генералов, имевших боевой опыт на Дальнем Востоке и в Испании, на фронт в любом качестве, их расстреляли без решения суда. В 1954–1956 гг. уголовные дела в отношении указанных лиц прекращены за отсутствием состава преступления, они были реабилитированы [5: 215–220, 247–249, 260].

Отступление частей и соединений Красной армии летом и осенью 1941 г., оставление ряда городов и значительной части территорий оказывало негативное влияние на общественные настроения населения, о чем НКВД СССР регулярно информировал Сталина. Советские люди особенно переживали из-за возможности сдачи противнику Москвы и Ленинграда, так как немцы могли прорвать фронт [14: 199–203].

Анализ документов советских спецслужб дает наглядное представление о политических настроениях различных слоев населения в начале Великой Отечественной войны. Несмотря на то что части Красной армии отступали, неся большие потери убитыми, ранеными, пропавшими без вести и попавшими в плен, а в советском тылу обострились бытовые и продовольственные трудности, у части населения были тревожные ожидания и некоторая растерянность. Тем не менее у большинства преобладали чувство патриотизма, желание скорейшей победы над врагом.

Настроения советского населения зависели от успехов Красной армии в боях с германскими войсками. Начиная с военного парада, который состоялся 7 ноября 1941 г. на Красной площади, и последовавших успехов в боях под Москвой в декабре 1941 г., градус патриотических настроений населения заметно увеличивался. В качестве примера приведем выдержку лишь из одного письма, направленного на Западный фронт из г. Куйбышева: «Я всей душой, каждой каплей своей крови ненавижу немецких варваров, которые нарушили наш покой, наш груд, разбили наши молодые жизни. Ненавижу за разрушенные города, за страдания людей, за гибель безвинных стариков,

женщин, детей, за кровь, которую проливают наши бойцы на фронте. Но наши города не сдались, они отвечают партизанской борьбой за пролитую кровь. И они опять будут советскими, над ними скоро вновь засияет наша Красная Звезда. Каждый удар по немцам, который наносите вы, отгоняя их от Москвы, приближает желанный час победы над подлыми извергами. А Москвы им никогда не видать и не потушить этим гадам кремлевской звезды...» [13: 687].

Контрнаступление частей и соединений Красной армии под Москвой оказалось полной неожиданностью для немецкого военного командования. Органы военной контрразведки совместно с военным командованием сумели сохранить в тайне сосредоточение резервных армий и подготовку для контрнаступления под Москвой [15: 228–233].

Источники и литература

1. 1941 год: Документы: в 2 кн. Кн. 2 / Сост. Л.Е. Решин и др.; науч. ред. В.П. Наумов. М., 1998.
2. Абакумов – Сталину. Особая папка ГУКР «Смерш» НКО СССР. М., 2025.
3. Документальные материалы (1939–1945) из архива Службы внешней разведки Российской Федерации // Российское историческое общество. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/dokumentalnye-materialy-1939-1945-iz-arkhiva-sluzhby-vneshnej-razvedki-rossijskoj-federatsii.html> (дата обращения: 01.03.2026).
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. М., 2000.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 г. М., 2000.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 2. Д. 3.
7. Христофоров В.С. Архивные документы Федеральной службы безопасности Российской Федерации о советских военнопленных // Отечественные архивы. 2001. № 6. С. 11–16.
8. Христофоров В.С. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 65–72.
9. Христофоров В.С. Материалы Центрального архива ФСБ России периода Великой Отечественной войны // Вестник архивиста. 2005. № 3. С. 42–52.

10. Христофоров В.С. Общественные настроения советского населения в начальный период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – декабрь 1942) // Победа одна на всех. Духовные-социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. М., 2025. С. 205–221.

11. Христофоров В.С. Советские военнопленные периода Великой Отечественной войны (1941–1945): особенности формирования, хранения и поиска документов // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2024 г.) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2024. С. 28–35.

12. Христофоров В.С. СССР – Финляндия: противостояние 1941–1944 гг. М., 2018.

13. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ЦА ФСБ России). Ф. 3. Оп. 8. Д. 718.

14. ЦА ФСБ России. Ф. 3ос. Оп. 8. Д. 11.

15. ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 10. Д. 100.

Д.А. Аманжолова

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

В условиях Великой Отечественной войны советское общество приобрело героический и трагический опыт межкультурных коммуникаций, пересечения этносоциальных общностей, конфликтов и компромисса. Советский народ как историческая культурно сложная реальность приобрел осязаемые черты и получил международное признание вследствие сложного взаимодействия социальных технологий, адаптивных кросскультурных практик, множества подвижных, разноуровневых групповых и индивидуальных модерностей, которые обретались в рамках советского национального проекта. В годы войны политическое и географическое пространство объединялось в образе советской Родины, включавшем этническое разнообразие, возникло новое качество межэтнической

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН FMGR-2026-0003. Тема: Исторический опыт управления этнокультурным многообразием и критика «деколонизации прошлого» народов России (0149-2026-0003).

консолидации. Исследование этого процесса в бывших советских республиках, в том числе в Средней Азии и Казахстане, происходит противоречиво: если в советский период интернационализм и патриотизм советских людей рассматривались в единстве, то после 1991 г. историки сосредоточились на этнонациональных аспектах истории войны [13; 18].

Важно, что ученые разных регионов и научных центров России совместно с коллегами из этих стран проводят большую работу по дальнейшему наполнению исторической памяти новыми фактами, документальными публикациями, визуальными и иными источниками, ценными выводами и обобщениями [21]. Происходит дальнейшее последовательное накопление источниковой базы [11; 12; 19; 22], продолжаются публикации об истории фронта и тыла [2; 8–10; 15; 17; 27], отдельных социальных групп и регионов [3; 5; 6; 23], исследуются устная история, эпистолярный жанр как источник [4], культура и искусство и др. [26]. Стали появляться труды по истории детства и женщин в годы войны, эвакуированных [1; 14; 24; 25].

Великая Отечественная война служит примером, в котором преобладает позитивный этноцентристский контекст, призванный показать особый вклад каждого народа той или иной бывшей советской республики в победу над фашизмом. В то же время сегментированный характер взаимодействия историков бывшего СССР сказался на уровне и масштабах научных дискуссий, влияние западной историографии отражается в попытках методологического и дискурсивного обновления подходов, нередко заимствуемых поверхностно и некритично. Сменились приоритеты в тематике, внимании к социально-антропологическим проблемам, усилилась этнизация общественного сознания, в том числе ученых, что проявляется в сосредоточенности авторов на судьбе, подвигах и трагедиях титульных народов, и это оставляет за пределами внимания представителей других национальностей этих республик. Явно недостаточно исследуются ведущая роль государства в обеспечении мобилизации общества и Победы, экономические и социальные особенности развития республик в годы войны. Узбекский историк Д.А. Алимова заметила: за годы независимости не появилось ни одной оригинальной работы, кроме исследования об экономике республики в годы войны, но были попытки уравнивать фашизм и коммунизм. При этом «ни в одной из работ, посвященной II Мировой войне, касательно Узбекистана»

вопрос о противостоянии идеологий «не рассматривался философски, а принимался априори» [7: 19].

Отмечается смена акцентов и попытки навязать так называемый «деколониальный» подход к истории СССР, в том числе в военный период. В диссертации Ф.К. Караева об историографии и истории Таджикистана в период Великой Отечественной войны подчеркивается, что «стремление к переписыванию истории Второй мировой войны, скрывание реальных исторических фактов и самое неприемлемое это принижение роли народов Советского Союза в победе над фашистской Германией и его союзников превратилось в оружие достижения своих геополитических целей со стороны стран коллективного Запада» [16: 3].

В то же время заметны противоречия в конструировании исторической памяти о Великой Отечественной войне. В ряде случаев она исключается из дискурса как научное, а значит, и как ценностное понятие, подменяемое расширительным обращением к истории Второй мировой войны. Использование термина «Вторая мировая война» подчеркивает отстранение от советской и российской концепций, а также некую приверженность западным идеологическим установкам. Примордиальный подход к существу этничности обусловил отказ от осмысления терминов «советский народ» и «советскость», их содержательного наполнения и дискуссий по этому поводу в мировой историографии. Делается акцент на негативных последствиях войны и памяти об исторических обидах. Политика нациестроительства и консолидации общества противопоставляет позитивную идентичность, связанную с досоветским периодом, ее негативному наполнению при оценке советского прошлого. Викимизация стала актуальным направлением его трактовки, в том числе периода войны.

Для историографии истории Великой Отечественной войны в бывших республиках Средней Азии и Казахстана характерны внимание к публикации источников, изучение национальных формирований, депортации и лагерей (на территории Казахстана), истории повседневности, гендерные исследования; приверженность части историков, прежде всего в Таджикистане и Киргизии, «традиционным» темам (боевой и трудовой подвиг, эвакуация); приоритет описательного подхода к изложению фактов и событий. В то же время проявляются презентизм и политизация; примордиальное

толкование нации и этнизация памяти, географическая сепарация, отсутствие дискуссий о советскости и советском народе; виктимизация общественного сознания; недостаточное внимание к социально-экономической проблематике, почти полное игнорирование вклада эвакуированных в республики специалистов, рабочих и крестьян других регионов и национальностей СССР в развитие экономики; монохромное толкование роли этнополитических элит как преимущественно жертв центральной власти; попытки «деколонизации» истории народов СССР, противоречивость интерпретаций и методологических подходов, склонность к заимствованию дискурсивных клише.

Великая Отечественная война – неотъемлемая часть преемственной истории народов бывшего СССР, совместным подвигом одержавших Великую Победу над нацизмом, обеспечивших сохранение наследия межкультурной солидарности и единства многонациональной евразийской цивилизации. История Великой Победы советского народа как интернациональной общности, ее целостность и историческая правота оказываются ныне на острие идеологических противоречий и информационных войн, нацеленных на «деколонизацию» советского прошлого и неокOLONиальное подчинение постсоветских государств.

Источники и литература

1. Абдрахманова К.К. Женщины Восточного Казахстана на фронтах Великой Отечественной войны // Материалы международной научно-практической конференции «Вопросы персоналистики казахстанской истории: М.-А.Х. Асылбеков». Алматы, 2019. С. 286–296.

2. Абдулина А.Т. Казахи в национальном составе Героев Советского Союза // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск, 2020. С. 352–360.

3. Абсеметов М.О. Россия – Казахстан: вклад ученых в Великую Победу. Томск, 2017.

4. Акрамов З.И., Акрамов М.И. Письма воинов Таджикистана в годы Великой Отечественной войны на примере писем Усмона-танкиста // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск, 2020. С. 360–368.

5. Акрамов М.И. Деятельность научных учреждений Таджикистана в годы Великой Отечественной войны и в период послевоенного восстановления // Муаррих (Историк). 2024. № 1 (37). С. 41–47.

6. Алимов Д.Х. Хатлонская область Республики Таджикистан в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2012.

7. Алимova Д.А. Парадоксы войны: межнациональное согласие и сближение культур, как ресурс победы // Эшелоны идут на Восток. Эвакуация в Узбекистан в годы Великой Отечественной войны. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 75-летию Великой Победы (г. Ташкент, 27 сентября 2019 г.). Оренбург, 2019. С. 19–23.

8. Алымкулов Н.А. Кыргызстанцы – герои Советского Союза и полные кавалеры Ордена Славы: новые факты, имена. Бишкек, 2025.

9. Ахмедов Х.Т. Вклад Республики Узбекистан в победу над фашизмом // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 5. С. 415–419.

10. Бабаджанов Х.Б. Военная индустриализация Узбекистана в 1941–1945 годах // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 5. С. 384–400.

11. Вклад узбекского народа в победу во Второй мировой войне. Сборник архивных документов. Ташкент, 2023.

12. Генерал армии С.К. Нурмагамбетов. Халык Қаһарманы. Герой Советского Союза. Государственный деятель. Сб. документов и материалов. Астана, 2024.

13. Дятленко П.И. Проблемы и перспективы сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне (на примере Киргизстана) // Россия в XXI веке: Великая Отечественная война и историческая память. XXIX Моисеевские чтения – международная научно-практическая конференция. Сб. докл. и материалов / Под общ. ред. акад. РАН М.Ч. Залиханова, проф. МНЭПУ С.А. Степанова, сост. Г.Р. Исакова. М., 2021. С. 464–467.

14. Елеханова С.В. Участие женщин-медиков из Западного Казахстана в Великой Отечественной войне // Материалы международной научно-практической конференции «Вопросы персоналистики казахстанской истории: М.-А.Х. Асылбеков». Алматы, 2019. С. 207–212.

15. Ералина А.Е., Исмаилов С.С. История становления и развития фабрики «Большевичка» в Кустанайской области в годы Великой Отечественной войны на основе документов государственного архива Костанайской области // Материалы международной научно-практической конференции «Вопросы персоналистики казахстанской истории: М.-А.Х. Асылбеков». Алматы, 2019. С. 226–232.

16. Караев Ф.К. Историография и история Таджикистана периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 2024.

17. Кирешев Н.И. Формирование кадровых воинских частей и соединений в Киргизской ССР в годы Великой Отечественной вой-

ны // Альманах «Казачество». История геополитики, международных отношений всеобщей истории. 2023. № 69. С. 106–113.

18. Несломленный народ. От общей победы к общей исторической памяти / Отв. ред. М.А. Липкин, Б.Г. Аяган. М., 2021.

19. Оборонная промышленность Кыргызстана. 1941–1945 гг.: Сборник документов / Сост. Г.Т. Гуля и др. Бишкек, 2025.

20. Победа единства: народы Евразии в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Материалы Международной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 5–7 мая 2025 г.) / Сост. и отв. ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитонова. Чебоксары, 2025.

21. Победили вместе. Советская Средняя Азия в годы Великой Отечественной войны. М., 2025.

22. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП(б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сборник документов / Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова (отв. сост.). Алматы, 2020.

23. Саидасанов Ю.Ш. Горно-Бадахшанская автономная область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2011.

24. Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К., Елеуханова С.В. Жумашев Р.М., Мажитова Ж.С. Великая Отечественная война и женщины Казахстана: женские истории и повседневность. Караганда, 2020.

25. Сактаганова З.Г., Абдукаримова Ж.К., Сальникова А.А. Дети войны: беспризорность и безнадзорность в Центральном Казахстане в 1941–1945 гг. (по архивным документам) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. Кн. 6. С. 202–214.

26. Шакиев М.Н., Садыков Т.С., Жеребцов И.Л. Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Кемел Тоқаев шығармашылығы («Солдат соғысқа кетті» романы негізінде) // Вестник ЕНУ имени Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2024. Т. 146. №. 1. С. 215–232.

27. Шерматов Г.А. Организация и деятельность эвакуогоспиталей на территории Таджикистана в годы Великой Отечественной войны // Муарих (Историк). 2023. № 1 (33). С. 41–53.

И.В. Грибков

РУМЫНСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ: ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Изучение румынской оккупационной политики на территориях СССР (под румынским управлением в 1941–1944 гг. находились территории Молдавской ССР, Винницкой, Одесской и Николаевской

областей УССР, известные как губернаторства Бессарабия и Буковина и генерал-губернаторство Транснистрия) традиционно находится в тени изучения нацистской оккупации. Долгое время оккупационная политика Румынии и процессы в этом регионе характеризовались как «забытые» [3]. Однако анализ историографии показывает, что в новом тысячелетии эта тема превратилась в самостоятельное поле исследований, что делает актуальной необходимость обзора и систематизации современных историографических тенденций. В данной статье автор определяет современную историографию как совокупность исторических работ, которые относятся к периоду 2000–2020-х гг.

Центральной в изучении румынского режима на территориях СССР по-прежнему остается тема Холокоста. Отметим, что основные выводы и направления исследований европейских, американских и румынских авторов определяют тезисы, сформированные Международной комиссией по исследованию холокоста в Румынии, в которую вошли ведущие западные исследователи (но не вошел при этом ни один историк из Молдовы, России и Украины). Международная комиссия и Румынское государство признали прямую ответственность румынского государства и лично И. Антонеску за уничтожение евреев как посредством прямых приказов, так и путем создания невыносимых условий жизни. Вина режима распространялась не только на официальные территории Румынии, но и на находившиеся «под румынским управлением» территории СССР [28]. В рамках этой концепции написаны основополагающие работы западных историков [24; 25; 37], а также концептуальная энциклопедия «Холокост на территории СССР» [18]. Также (прежде всего, в рамках немецкой историографии) дебатруется вопрос о самостоятельности политики Холокоста: был ли это результат немецкого давления и влияния или самостоятельная политика уничтожения [23], обладавшая своей спецификой и практиками [2; 30; 34; 40].

Самостоятельным направлением историографии Холокоста стали исследования уничтожения цыган [30], так как данные практики во многом совпадают с практиками холокоста [11]. Отдельно можно отметить позицию патриарха советской историографии И. Левита, который в работе, вышедшей после его смерти, отделяет режим Антонеску от позиции исторического румынского государства и румынского народа [6]. Современные исследователи, в том числе

российские, также стремятся расширить исследования Холокоста, вписывая их в рассмотрение политики построения моноэтнического Румынского государства [15; 17; 20], религиозной концепции румынского общества [34], фронтирной теории и сложных социальных практик [26]. Важно отметить, что все указанные исследования оставляют в стороне участие румынских войск и спецслужб в уничтожении населения вне собственно румынской зоны управления.

Наряду с темой Холокоста традиционно одной из ключевых тем является религиозная политика румынских оккупантов, прежде всего, деятельность румынской православной миссии. Достаточно традиционно в историографии представлены две точки зрения на деятельность румынских религиозных структур. Комплиментарная концепция подчеркивает роль церкви в культурной, социальной и духовной поддержке местного населения и восстановлении религиозной жизни [8; 22; 31; 32; 39]. Критическая подчеркивает роль церкви как инструмента оккупационной политики, целью которой являлось порабощение населения и выкачивание ресурсов, а также захват канонических территорий Московского патриархата [16; 19]. Отдельно можно говорить о сложной теме участия церкви в Холокосте и антисемитской пропаганде, а также об обсуждении вины ее высших иерархов [34]. Российские исследователи также обращают внимание на попытки распространения религиозной политики румынами на территории РСФСР [10]. В новом тысячелетии активно исследуется политика румынских властей в отношении иных конфессий: католиков [21] и старообрядцев [13].

Новой темой стали исследования комплексной национальной политики оккупантов [15; 17]. Безусловно, наиболее существенный историографический задел сделан в рассмотрении положения немецкого населения, которое, с одной стороны, обладало особым экстерриториальным статусом, но с другой стороны, рассматривалось румынами как потенциально проблемное и необходимое к переселению [12; 40]. Однако в настоящее время развиваются и исследования практик, направленных против славян, гагаузов и иных нерумынских меньшинств [13; 20].

Новой, особенно для Румынии, стала тема роли румынской армии в оккупационной политике, в том числе (что особенно важно) на территориях Юга России, включая Крым. В самой Румынии вновь усиливается «героическая» историография, которая подчеркивает

как успешность военных действий румынской армии и «немецкую вину» в ее неудачах, так и неучастие ее в немецких преступлениях и уничтожении мирного населения [27; 33; 35; 41]. Оппонирует этому взгляду работа, которая возлагает на румынскую армию и жандармерию прямую ответственность за преступления, отмечая, что в системе румынских силовых структур именно военным подразделениям отводилась роль исполнителей преступной политики [38]. Российская историография на данный момент представлена работами, написанными с консервативных позиций, которые практически не рассматривают роль армии в оккупации и уничтожении населения [7]. Ряд новейших работ, основанных на открытых румынских военных архивах, позволяет пересмотреть традиционные (в том числе для советской историографии) тезисы о низком боевом духе румынской армии и принудительном характере участия румын в войне и преступлениях. Документы подтверждают, что участие в преступлениях было активным и инициативным и румынские войска оставались дисциплинированными исполнителями преступных приказов [29].

К новым тенденциям стоит отнести активно развивающееся направление истории повседневности и исследования социальных, экономических и культурных практик оккупации. Но если первые работы были безусловно комплиментарны к румынской гражданской администрации [39; 42], акцентируя внимание исключительно на позитивных аспектах ее деятельности для части населения, то современные работы используют многоаспектный подход [1], указывая на разную эффективность политики оккупантов и различные последствия для разных социальных групп. В рамках фронтирной теории современные работы позволяют не абсолютизировать практики оккупации, а показать их динамику в зависимости от широкого исторического контекста [26].

Одной из важных тенденций можно назвать процесс активной публикации новых источников, которые должны фундировать новые историографические дискуссии. Причем если российские издатели в основном републикуют малоизвестные, но введенные в научный оборот источники [9], то исследователи презентуют как новые источники личного происхождения [4; 5], так и архивные документы [31; 22; 41]. Среди публикаций важно отметить мемуары примара Одессы Германа Пынти [14; 22] и видного деятеля оккупационной администрации Александру Смокины [36].

Изучение румынского оккупационного режима, по нашим оценкам, переживает новый подъем, связанный с формированием нового поколения исследователей и массовым открытием новых источников. Для российской историографии в рамках изучения румынских оккупационных практик специфической проблемой является наличие ряда методологически неопределенных вопросов: размытым остается место союзников Германии, в том числе Румынии, в системе оккупационной политики; продолжается терминологическая неясность в определении румынской оккупационной политики (в частности, корректность применения терминов «румынская» или «немецко-румынская» оккупация для конкретных регионов). Остаются актуальными проблемы открытости и доступности источников, в том числе зарубежных, а также возможность открытой дискуссии с зарубежными оппонентами и возможность презентации результатов работы российских историков на международном уровне. В целом можно отметить, что политика румынских оккупантов давно не является «забытой», но требует активного участия российской историографии в современных историографических процессах, с использованием новых возможностей, источников и подходов.

Источники и литература

1. Бабич А.В. Одесса 1941–1944. Пережить оккупацию. Одесса, 2020.
2. Гайсбюлер С. Тринадцать тез про Голокост на підконтрольних Румунії територіях у липні 1941 року // Голокост і сучасність. 2014. № 1. С. 87–104.
3. Забытый агрессор: румынская оккупация Молдавии и Транснистрии. Сборник статей / Сост. А.Р. Дюков. М., 2010.
4. Киянская О.И., Фельдман Д.М. Одесская периодика времен румынской оккупации (по материалам архива Н.А. Логуновой) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 12–23.
5. Козленко П.Е. Одесса. Документы и свидетельства, 1941–1944. Одесса, 2015.
6. Левит И.Э. Шоа – Холокост – Катастрофа: «еврейский вопрос» в политике диктатуры И. Антонеску: в 2 т. Тирасполь, 2015.
7. Малютина Т.П. Авантюра маршала Антонеску: румыны в войне против СССР 1941–1944 гг. Воронеж, 2019.
8. Михайлуца М.І. Православна церква на Півдні України в роки Другої світової війни (1939–1945). Одеса, 2008.
9. Одесса: жизнь в оккупации. 1941–1944 / Сост., отв. ред. и авт. вступ. статьи О.В. Будницкий. М., 2013.

10. Петров И.В. Миссионерская деятельность Румынской православной церкви на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны и позиция русских архиереев // Русин. 2019. № 58. С. 150–169.

11. Покивайлова Т.А. Дискриминационная политика румынского правительства в отношении еврейского населения и цыган в годы Второй мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 5 (49). URL: <https://history.jes.su/s207987840001561-6-1/> (дата обращения: 20.04.2026).

12. Пономаренко Р.О. «Советские немцы» и другие фольксдойче в войсках СС. М., 2014.

13. Пригарин А.А., Федорова А.И. Русские старообрядцы Одессы: этноконфессиональность в условиях поликультурного города. Рига, 2023.

14. Пынтя Г. Торжество справедливости. Одесса, 2019.

15. Синицын Ф.Л. Национальная и религиозная политика румынских оккупантов на территории Транснистрии (1941–1944) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 63–70.

16. Содоль В.А. Последствия румынской оккупации 1941–1944 гг. для православной церкви Молдавии // Русин. 2021. № 63. С. 190–204.

17. Солонарь В.А. Очищение нации. Насильственные перемещения населения и этнические чистки в Румынии в период диктатуры Иона Антонеску (1940–1944). СПб., 2020.

18. Холокост на территории СССР: энциклопедия / Гл. ред. И.А. Альтман. М., 2009.

19. Шкаровский М.В. Православные Церкви Юго-Восточной Европы в годы Второй мировой войны. М., 2019.

20. Шорников П.М. Румынизация или депортация? Судьбы славян и гагаузов Бессарабии и Северной Буковины в планах официального Бухареста. 1941–1944 // Русин. 2011. № 4 (26). С. 96–120.

21. Шпионы Ватикана...: о трагическом пути священников-миссионеров: воспоминания Пьетро Леони, обзор материалов следственных дел / Сост. И.И. Осипова. М., 2012.

22. Adevărul Despre Odesa Sub Români (Mărturii ale localnicilor, documente și materiale) / ed. A. Moraru. Chișinău, 2020.

23. Al III-lea Reich și Holocaustul din România. 1940–1944: documente din arhivele germane / O. Trașcă, D. Deletant. București, 2007.

24. Ancel J. The History of the Holocaust in Romania. Jerusalem, 2011.

25. Deletant D. Hitler's Forgotten Ally: Ion Antonescu and His Regime, Romania 1940–1944. Houndmills; New York, 2006.

26. Dumitru D. The State, Antisemitism, and Collaboration in the Holocaust. The Borderlands of Romania and the Soviet Union. New York, 2018.

27. *Dutu A.* Armata romana in razboi (1941–1945). București, 2016.
28. Final Report / International Commission on the Holocaust in Romania; ed. T. Friling, R. Ioanid, M. Ionescu. Iași, 2004.
29. *Harward Grant T.* Romania's Holy War: Soldiers, Motivation, and the Holocaust. Ithaca, 2021.
30. *Ioanid R.* The Holocaust in Romania. The destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940–1944. Chicago, 2000.
31. Mareșalul Ion Antonescu și Basarabia, 1941–1944. Culegere de documente / Ed. A. Petrencu, A. Moraru, G. Buzatu. Iași, 2008.
32. Mitropolitul Visarion Puiu, șef al Misiunii B.O.R. în Transnistria: documente / Ed. D. Stavarache, G. Vasilescu, M. Stavarache-Zaharia. București, 2024.
33. *Pandea A., Ardeleanu E.* Românii în Crimeea 1941–1944. București, 1995.
34. *Popa I.* The Romanian Orthodox Church and the Holocaust. Bloomington, 2017.
35. *Rășcănescu G.* Erou la Cotul Donului. Însemnări din război 1941–1944. București, 2025.
36. *Smochina A.* Care patrie? Memoriile unui subprefect roman in Transnistria. București, 2014.
37. *Solonari V.* A Satellite Empire: Romanian Rule in Southwestern Ukraine, 1941–1944. Ithaca, 2019.
38. *Solonari V.* Uniformed Murderers: Romanian Army and Gendarmerie as Tools of Genocide. Ithaca, 2026.
39. *Solovei R.* Activitatea Guvernământului Transnistriei în domeniul social-economic și cultural (19 august 1941 – 29 ianuarie 1944). Iași, 2009.
40. *Steinhart E.C.* The Holocaust and the Germanization of Ukraine. New York, 2018.
41. Transnistria 1941–1944. Adevărul din testimonii. București, 2024.
42. *Verenca O.* Administrația civilă română în Transnistria. București, 2000.

С.В. Кулик, А.С. Прищепа

ИСТОРИЯ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РСФСР В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ УЧЕНЫХ

Великая Отечественная война уходит всё дальше и дальше от наших дней. Историки нескольких поколений провели титаническую работу по изучению различных ее аспектов. Изданные монографии, научные труды, опубликованные письма фронтовиков, партизан, блокадников, интервью с участниками Великой Отечественной

войны дали не только глубокое представление о событиях тех трагических лет, но и позволили выявить лакуны. Изучение партизанского движения на территории Ленинградской области явилось неотъемлемой частью общей картины сдерживания и последующего разгрома нацистских войск и их союзников. Отметим, что данный регион имел не только военно-стратегическое, но и морально-политическое значение. Активные действия партизанских отрядов оказали значительное влияние на события в Северо-Западном регионе нашей страны.

Трагедия и героизм жителей блокадного Ленинграда – это исторический феномен, не имеющий аналогов. Город не только выживал, но и боролся. Он был теснейшим образом связан с партизанским движением. Именно в Ленинграде 27 сентября 1941 г. был создан первый в СССР штаб по руководству партизанским движением на Северо-Западе РСФСР. В блокадном городе велись подготовка и формирование партизанских отрядов и групп. Опыт был столь успешен, что в дальнейшем были созданы региональные штабы и Центральный штаб партизанского движения.

К особенностям деятельности партизанского движения в Ленинградской области, которые попадали в поле зрения историков, в частности, относятся следующие: организация деятельности партизан и руководство ею в Северо-Западном регионе [8]; высокая инициативность по вовлечению жителей города в партизанское движение, в том числе рабочих предприятий [4] и ученых и студентов города [14]; изучение вопросов, связанных с материальным обеспечением [10]; использование агитационных материалов и периодической печати на оккупированной фашистами и их союзниками территории [1]. В последние годы большое внимание стало уделяться изучению преступлений нацистов и их пособников на оккупированных территориях Северо-Запада [7].

Географическое расположение региона, а именно близость границ с Финляндией, Эстонией и Латвией, создавало дополнительные сложности. Войска Финляндии приняли участие не только в попытках захвата Ленинграда, но и в жесточайшем уничтожении пленных и преступлениях против мирного населения. Карательные отряды, сформированные в Эстонии и Латвии, бесчинствовали на территории Ленинградской области. Партизанские отряды Северо-Запада сыграли значительную роль в обороне Ленинградского региона

в период 1941–1944 гг. Их вклад оказался весомым: он включал диверсионную и разведывательную деятельность, а также содействие продвижению советских войск в ходе битвы за Ленинград.

При этом в архивах Санкт-Петербурга находятся материалы, рапорты, докладные записки и оперативные данные партизан [17], протоколы опросов о боевых действиях партизан [18], в том числе переписка с партийными и военными организациями города [16], а также многие другие сведения, требующие дальнейшей обработки, публикации и интерпретации.

При поддержке Совета ветеранов Федеральной службы безопасности РФ и Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда С.К. Бернев и В.И. Хрисанфов приступили к исследованию деятельности партизанских бригад. Авторы опубликовали монографию, посвященную деятельности 5-й Ленинградской партизанской бригады. В ней детально описана деятельность партизанских отрядов на территории оккупированной Ленинградской области, их боевая, политическая и идеологическая работа [2].

Усилиями С.К. Бернева составлен и издан сборник «Блокадные дневники и документы, 1941–1944: из архива Управления Федеральной службы безопасности России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области» [3].

Особого внимания заслуживают работы Б.Н. Ковалёва, основанные на многолетнем изучении архивных материалов. Он рассматривает важные вопросы, связанные с деятельностью военных преступников против мирного населения в годы Великой Отечественной войны [6], а также исследует проблемы розыска пособников нацистов и коллаборантов на Северо-Западе РСФСР и их дальнейшую жизнь в стране, особенно в период оттепели [5]. В своих научных работах профессор Б.Н. Ковалёв приводит неопровержимые доказательства целенаправленного геноцида советского населения в 1941–1945 гг.

В заключение обратим внимание на статьи, посвященные партизанскому движению на Северо-Западе РСФСР. Исследователям удалось выявить различные исторические сюжеты, которые затрагивают деятельность партизан не только на территории РСФСР, но и на сопредельной территории БССР; показать, что партизанские отряды играли ключевую роль в противодействии оккупационному режиму, участвуя в диверсионной деятельности и сборе необходимой информации [9; 11–13; 15].

Краткий обзор трудов петербургских историков, занимающихся изучением различных аспектов истории Великой Отечественной войны, позволил проследить динамику развития исследований партизанского движения на Северо-Западе РСФСР на современном этапе.

Источники и литература

1. Бернев С.К. Периодическая печать на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР (1941–1944) // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 9–11.

2. Бернев С.К., Хрисанфов В.И. Партизаны в битве за Ленинград: Пятая ленинградская партизанская бригада К.Д. Карицкого и ее боевой путь. 1943–1944 гг. СПб., 2024.

3. Блокадные дневники и документы, 1941–1944: из архива Управления Федеральной службы безопасности России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области: сборник / Сост. С.К. Бернев. М., 2024.

4. Громов Р.М., Нестерова О.Р. Партизанское движение в Великой Отечественной войне // Молодой ученый. 2016. № 29 (133). С. 304–307.

5. Ковалёв Б.Н. «Оттепель» и наследники Гитлера. Из истории розыска и наказания нацистских пособников на Северо-Западе России в конце 50-х – первой половине 60-х годов XX века. М., 2024.

6. Ковалёв Б.Н. Советское законодательство и его влияние на судьбы военных преступников в годы Великой Отечественной войны // Олег Иванович Чистяков. Человек и ученый: сборник научных публикаций к 100-летию со дня рождения выдающегося историка и правоведа, лауреата Государственной премии Российской Федерации, заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова / Под общ. ред. В.М. Клеандровой. М., 2025. С. 209–220.

7. Ковалёв Б.Н., Кулик С.В. Преступления нацистов и их пособников на оккупированной территории Северо-Запада России (1941–1944 гг.) // Вопросы истории. 2021. № 3. С. 76–84.

8. Колотушкин В.Г. Вопросы дисциплины в партизанских отрядах Ленинградской области в 1941–1944 гг. // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 2 (27). С. 1–6.

9. Колотушкин В.Г. «Места памяти» партизанского движения в Новгородской области // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 2 (41). С. 160–164.

10. Красножёнова Е.Е., Колотушкин В.Г. Продовольственное обеспечение партизанских отрядов в Ленинградской области (1941–1944 годы) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 49–70.

11. Красножёнова Е.Е., Кулик С.В. По местам партизанской славы: к вопросу о сохранении памяти о Великой Отечественной войне на Северо-Западе

России // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной к 75-летию окончания Второй мировой войны, Волгоград, 01–02 октября 2020 года / Отв. ред. П.В. Смолянский, И.А. Скорченко, Т.А. Приказчикова. Волгоград, 2020. С. 35–39.

12. Красножёнова Е.Е., Кулинок С.В. Преступления нацизма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по документам архивов Северо-Запада России и Республики Беларусь // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 98–120.

13. Красножёнова Е.Е., Кулинок С.В. Формы и методы борьбы с партизанским движением на пограничной территории Беларуси и Северо-Запада России // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 870–883.

14. Лагушкин С.Г. Галерея политехников – участников Великой Отечественной войны // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2010. № 2-1 (100). С. 7–12.

15. Материалы межвузовской конференции, посвященной 65-летию полного снятия блокады Ленинграда (Санкт-Петербург, 18 декабря 2008 г.). СПб., 2009.

16. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб.). Ф. Р-116Л. Оп. 4. Д. 386.

17. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116Л. Оп. 10. Д. 14.

18. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116Л. Оп. 13. Д. 21.

М.Е. Колесникова

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ФОРМАТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ОПЫТ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

85 лет назад началась Великая Отечественная война 1941–1945 гг., ставшая основной частью Второй мировой войны 1939–1945 гг. Решающий вклад в разгром нацизма внес Советский Союз. Важную роль в достижении Победы над нацизмом сыграло исторически сложившееся многонациональное содружество народов СССР. В нем отразились высшие принципы духовности и патриотизма, которые укрепляли моральную и физическую стойкость защитников Родины. После распада СССР во всём мире, по разным

оценкам, проживают почти 30 млн наших соотечественников, большая часть – в сопредельных государствах, бывших союзных республиках. Это наши соотечественники, проживающие за рубежом, – дети, внуки и правнуки тех, кто жил в СССР, тех, кто воевал с нацизмом. Память о событиях Великой Отечественной войны и об общей Победе над нацизмом остается важнейшим объединяющим россиян элементом исторического поля.

Проблема сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне приобретает значимость в условиях негативной тенденции в мировой политике, связанной с искажением исторических фактов, переписыванием истории, очернением общего прошлого. Используются различные манипулятивные практики, особенно воздействующие на молодежь, которые способствуют распространению недостоверной информации, основанной на искаженных данных об исторических событиях. В условиях «войн памяти» важна работа по противодействию фальсификациям и достоверному освещению исторических фактов [1: 100].

При содействии Национального центра исторической памяти при Президенте Российской Федерации идет работа по совершенствованию законодательства в сфере сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., решаются практические вопросы поиска имен погибших воинов, захороненных как неизвестных, установления судеб пропавших без вести, формируется система мониторинга состояния воинских захоронений, в том числе за рубежом, проводится работа по проектам «Без срока давности» и «Архивный десант», направленным на сохранение памяти о жертвах геноцида, совершённого нацистами и их пособниками на территории СССР в годы войны [3].

Укрепление связей с проживающими за рубежом соотечественниками, защита их прав и интересов, в том числе и исторической памяти, поддержание общероссийской культурной идентичности, помощь в сохранении их самоидентификации и поддержка гуманитарных контактов с исторической родиной – всё это находится в числе главных задач внешней политики России, включающей и публичную дипломатию. Ресурсы и инструменты последней способствуют продвижению положительного имиджа страны за рубежом, в сопредельных государствах, оказывая влияние на социокультурное развитие приграничных территорий.

Публичная дипломатия направлена на развитие межкультурной коммуникации между государствами, народами, обществами, а также осуществляется в области международного гуманитарного сотрудничества. Реализация международных проектов ведется в соответствии с Концепцией гуманитарной политики РФ за рубежом (утверждена Указом президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611), которая нацелена на усиление роли русского языка в современном мире в качестве средства международного общения, популяризацию достижений России в науке и культуре, противодействие фальсификации истории, продвижение российского образования и науки в мире [2]. Цель гуманитарной политики заключается в формировании объективного восприятия России в мире, распространения знаний о России с целью лучшего понимания нашей страны и расширения контактов между людьми.

Международное гуманитарное сотрудничество – одно из направлений деятельности Северо-Кавказского федерального университета (далее – СКФУ). Сотрудничество СКФУ с зарубежными партнерами направлено на обеспечение интеграции университета в международное академическое сообщество, получение дополнительных возможностей развития. Успешно используются ресурсы публичной дипломатии в области гуманитарного сотрудничества, прежде всего с Арменией, Грузией, Абхазией, Южной Осетией. Развитие многопланового взаимодействия и партнерства между вузами и научными учреждениями этих стран и СКФУ отвечает национальным интересам государств, служат делу мира, безопасности и стабильности в Кавказском регионе. Деятельность осуществляется на основе договоров о сотрудничестве, заключенных университетом с вузами-партнерами в указанных государствах.

Интересным форматом являются молодежные исторические школы (далее – МИШ) для студентов и аспирантов, обучающихся по гуманитарным специальностям. Их целью является формирование проектных компетенций у молодежи, историческое просвещение, противодействие фальсификации истории, расширение представлений о событиях истории России, методологии истории и тенденциях российской и зарубежной историографии. МИШ направлены на противодействие фальсификации истории на постсоветском пространстве, привлечение внимания к важным историческим событиям, темам, объединяющим историю России и зарубежных государств.

Ключевыми темами нескольких исторических школ, проводимых Гуманитарным институтом СКФУ, выступили история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и Битвы за Кавказ (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.) как одного из самых длительных и кровопролитных сражений войны. В годы Великой Отечественной войны на территории Закавказья были сформированы воинские подразделения, принимавшие участие в решающих сражениях. Осенью 1942 г. было сформировано 10 национальных стрелковых дивизий, в том числе четыре азербайджанские, четыре грузинские, две армянские. На 20 ноября 1942 г. в составе Северной группы войск, действовавшей на ставропольском направлении, азербайджанцы, армяне и грузины составляли треть личного состава. 44-я армия, дислоцировавшаяся в районе г. Махачкалы, по существу была национальной, так как ее большинство составляли национальные дивизии. Единство и братство народов Кавказа стало решающим фактором Победы в Битве за Кавказ. Это событие нашло закрепление в тексте Федерального закона от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», согласно которому 9 октября – День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Битве за Кавказ, обоснование к которому готовили ученые Гуманитарного института СКФУ [5].

Ежегодно на площадке СКФУ проходят международные МИШ, посвященные Битве за Кавказ. Руководителем школ является доцент кафедры истории России Гуманитарного института СКФУ, руководитель научно-образовательного центра «Лаборатория изучения Второй мировой войны и противодействия фальсификации истории» (с 2025 г.), кандидат исторических наук, доцент Е.Н. Стрекалова.

МИШ организуются в рамках проектов, поддержанных правительством Ставропольского края и направленных на формирование общей исторической памяти молодежи о многонациональном подвиге народов всего бывшего Советского Союза в годы Великой Отечественной войны и общих смыслов о ценности подвига на фронте и в тылу, на оккупированной территории, в партизанских отрядах; ценности исторической памяти о Великой Победе 9 мая 1945 г.

МИШ являются площадкой для активного взаимодействия через значимые вехи общего исторического прошлого – Битву за Кавказ и Великую Победу 9 мая 1945 г. Участниками такого взаимодействия выступают студенческая молодежь Ставропольского края и лидеры

молодежного мнения регионов Северного Кавказа и стран Закавказья. МИШ способствуют формированию исторической памяти молодежи о борьбе всего советского народа с гитлеровской армией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. МИШ направлены на сохранение и защиту традиций народов Кавказа: уважение к старшему поколению – поколению победителей; гармонизацию межнациональных отношений посредством сохранения исторической памяти об общей Победе над нацизмом в 1945 г.; укрепление связей России со странами Большого Кавказа; формирование имиджа Ставропольского края как региона дружбы и добрососедских отношений народов Кавказа. В рамках МИШ проходят международные научные конференции и круглые столы.

В 2023 г. в рамках МИШ в СКФУ прошел Всероссийский (с международным участием) научный молодежный форум «Сражения 1943 г., изменившие ход Второй мировой войны в исторической памяти молодежи (к 80-летию Победы в Сталинградской битве, Битве за Кавказ и Курской битве)». Мероприятие было организовано при поддержке правительства Ставропольского края, Российского исторического общества и фонда «История Отечества». Среди участников форума были ученые и учащаяся молодежь как из России, так и стран ближнего зарубежья – Армении и Абхазии. Проект был направлен на привлечение широкого внимания студенчества к героическому прошлому многонационального народа СССР, воспитанию гражданственности и патриотизма у молодежи.

В 2024 г. совместно с ассоциацией «Казачи Терского казачьего войска» при финансовой поддержке правительства Ставропольского края и Фонда президентских грантов Гуманитарный институт СКФУ провел МИШ «Битва за Кавказ в исторической памяти многонационального народа-победителя» (3–9 октября 2024 г., 100 участников, в том числе 20 студентов из Армении, Абхазии, Южной Осетии). В качестве лекторов выступили ученые из Абхазии и Чехии. Программа школы предусматривала проблемные лекции, дискуссии, проектную работу, мастер-классы, экскурсии в музеи, посвященные истории Великой Отечественной войны, посещение мемориалов, в том числе Музея-памятника защитникам перевалов Кавказа. Бои за перевалы Кавказа шли пять месяцев (с сентября 1942 г. по январь 1943 г.) и стали самым высокогорным фронтом за весь период Великой Отечественной войны.

С 6 по 10 октября 2025 г. в СКФУ прошла Международная молодежная историко-правовая школа «Битва за Кавказ (1942–1943 гг.) в исторической памяти молодежи: к 80-летию Великой Отечественной войны». В ней приняли участие 40 студентов из России, Абхазии и Южной Осетии. Ключевой темой стал подвиг народов Кавказа, взаимопомощь и единство всех народов СССР в достижении Победы над нацизмом. МИШ способствовала формированию у молодого поколения глубокого понимания исторических событий и сохранению памяти о подвиге многонационального народа, отстоявшего Кавказ для будущих поколений. Проблемные лекции и мастер-классы проводили ведущие ученые из Ставрополя, Ростова-на-Дону, Махачкалы и Сухума. Большой блок в программе школы был связан с правовыми аспектами сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне, в том числе и среди соотечественников за рубежом, вопросами правового преследования попыток реабилитации нацизма, значения Нюрнбергского процесса и сохранения памяти о нем.

В 2026 г. ученые Гуманитарного института СКФУ реализовали проект «Историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в России и за рубежом – связь поколений», поддержанный правительством Ставропольского края. В его рамках 3–8 мая была проведена МИШ «Историческая память об общей Победе над нацизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. как фундамент дружественных отношений народов Кавказа» с участием студентов и экспертов из Абхазии, Южной Осетии и Армении. Проект включал проведение в марте 2026 г. конкурса студенческих эссе по тематике истории Великой Отечественной войны (200 человек) и круглого стола «Историческая память об общей Победе над нацизмом в годы Второй мировой (1939–1945 гг.) и Великой Отечественной (1941–1945 гг.) войн: связь времен и поколений».

СКФУ неслучайно становится местом проведения МИШ. В университете действует старейшая на Северном Кавказе научная школа по изучению истории Великой Отечественной войны (в 1944 г. образован исторический факультет); пишутся монографии и учебные пособия, в том числе и для школы; проводятся конференции; реализуется студенческий исследовательский проект «Память о войне и устная история» [4], основанный на анализе и научном осмыслении интервью с непосредственными очевидцами Великой Отечественной

войны в аспекте индивидуальной и коллективной памяти. Совместно с архивистами издаются сборники архивных документов, совместно с Комитетом по делам архивов Ставропольского края реализуется проект «Архивный десант» (с 2024 г.). На базе СКФУ работает Ставропольское отделение Российского исторического общества. Ежегодно с Региональным отделением Российского военно-исторического общества в Ставропольском крае проводится международная научная конференция, посвященная Битве за Кавказ.

Источники и литература

1. Колесникова М.Е. Историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: связь поколений // Единое пространство исторической памяти народов Кавказа, победивших нацизм: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2025. С. 96–100.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 19.05.2026).
3. Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации. URL: <https://russiancip.ru/> (дата обращения: 19.05.2026).
4. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования / Науч. ред. Е.Н. Стрекалова. СПб, 2008.
5. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 284-ФЗ О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45803> (дата обращения: 19.05.2026).

Е.Ф. Кринко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Нацистская оккупация стала одним из самых тяжелых периодов в истории Ростовской области. Захватчики и их пособники совершили многочисленные преступления против жителей Дона и советских военнослужащих, оказавшихся в плену. Эти преступления

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2026 г. (проект № 125011200146-5).

были обусловлены как общими принципами нацистской идеологии, так и непосредственными целями оккупационной политики, направленной на ликвидацию советской государственности и колонизацию восточноевропейского пространства с уничтожением и выселением значительной части считавшегося неарийским населения.

Расследование фактов нацистских злодеяний началось сразу после освобождения районов и городов Ростовской области представителями советского военного командования, особыми отделами военной контрразведки Смерш при участии местных жителей. Затем к данной работе подключились органы государственной безопасности, внутренних дел и прокуратуры, а также представители органов государственной власти и партийных организаций. Однако масштаб преступлений оказался настолько велик, что руководство страны создало специальную Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям (далее – ЧГК) СССР. В целях оказания содействия работе ЧГК СССР в регионах, освобожденных от оккупантов, создавались республиканские, краевые и областные комиссии.

Ростовская областная комиссия проделала значительную работу по сбору материала о последствиях нацистской оккупации. Достаточно сказать, что только к расследованию преступлений были привлечены 14,5 тыс. свидетелей [10: 7–8]. Согласно данным ЧГК, в Ростовской области общее число пострадавших от оккупации составило 182 061 человек. Были расстреляны 46 289, замучены 42 599, отравлены 5, повешены 139, сожжены 12 человек, насилию подверглись еще 210 человек. Оказались убиты при бомбардировке 7 737, избиты оккупантами 915, угнаны на принудительные работы 84 030, пропали без вести 125 человек [3: 8]. Захватчики расстреляли 15 192 и замучили еще 5 806 военнопленных на территории Ростовской области [10: 33]. К 20 декабря 1944 г. сумма материального ущерба, причиненного Ростовской области оккупацией, была определена в 13 435 287,7 тыс. рублей [10: 1–3].

В настоящее время документы Ростовской областной комиссии содержатся в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Государственного архива Ростовской области

и Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Материалы по отдельным районам и городам хранятся в Центре хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области и в муниципальных архивах. Документы о насилии над жителями и военнопленными, материальном ущербе от оккупации неоднократно были представлены как в виде разделов в сборниках документов более общего характера [6: 430–438], в том числе, посвященных истории Дона в годы Великой Отечественной войны [5; 7; 9], так и в виде самостоятельных публикаций [4; 8; 12]. Особое значение имеет публикация тома по Ростовской области из серии документов «Без срока давности», создавшая условия для нового этапа изучения трагедии мирных граждан оккупированных территорий СССР [2].

Материалы, изданные до 1991 г., достаточно широко использовались советскими и продолжают использоваться современными российскими историками. В то же время работы зарубежных историков опираются преимущественно на немецкие документы, вывезенные в США после Второй мировой войны. Однако результаты расследований преступлений нацистов и их пособников органами государственной безопасности на материалах Ростовской области всё еще недостаточно изучены, поскольку вплоть до последнего времени оставались недоступны исследователям. Лишь отдельные документы по данной теме из Архива Управления Федеральной службы безопасности (далее – ФСБ) Российской Федерации по Ростовской области были представлены в сборнике, вышедшем в рамках проекта «Без срока давности» в 2020 г. [2].

В 2026 г. Правительством Ростовской области, Управлением ФСБ России по Ростовской области и ЮНЦ РАН был издан специальный сборник документов, позволяющий устранить данный пробел [11]. Опубликованные в нем материалы можно разделить на несколько групп по их информативной значимости.

1. Докладные записки областных управлений, районных и городских отделов и отделений наркоматов внутренних дел (далее – НКВД) и государственной безопасности (далее – НКГБ), в которых содержится общая характеристика «нового порядка» на Дону в условиях нацистской оккупации. Особо следует выделить докладную записку начальника Управления НКВД по Ростовской области комиссара государственной безопасности С.В. Покотило, направленную

заместителю наркома внутренних дел комиссару государственной безопасности 1-го ранга В.Н. Меркулову и первому секретарю Ростовского обкома ВКП(б) Б.А. Двинскому 2 марта 1943 г. [1: 40–56 об.]. К этому времени прошло чуть более двух недель с момента освобождения областного центра и еще почти полгода оставалось до полного освобождения территории Ростовской области. Поэтому приводимые данные, разумеется, являются неполными. Тем не менее в докладной записке содержится значительное количество сведений, позволяющих представить: положение в Ростовской области в период оккупации и специфику оккупационного режима; структуры и функции административных, карательных и разведывательных органов оккупантов; роль немецких комендатур, органов местной власти, бургомистров и полицейских; масштаб злодеяний, насилия и грабежей оккупантов; социальный состав коллаборационистов, принимавших участие в деятельности созданных немцами учреждений; использование оккупантами учреждений культуры и церквей; поведение молодежи. Дана также характеристика положения в Ростовской области после изгнания оккупантов с указанием численности оставшегося населения, предварительных итогов подсчета материального ущерба от оккупации и мероприятий, направленных на восстановление хозяйства.

2. Справки и другие документы, раскрывающие более подробно практики геноцида оккупантов и их пособников по отношению к населению Дона. В них приведены конкретные факты злодеяний нацистов по различным городам и районам Ростовской области, что позволяет дополнить имеющиеся сведения по данным вопросам.

3. Материалы о тех, кто совершал злодеяния, – оккупантах и их пособниках из числа местных жителей. К ним, в частности, относится докладная записка областного управления НКГБ о деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника на территории Ростовской области, составленная в сентябре 1943 г., практически сразу после ее полного освобождения [11: 172–196]. Захваченные личные дела руководящего состава Ростовского городского бургомистерства позволяют составить представление о «социально-политической физиономии контингентов населения, принимавших участие в созданных немцами учреждениях» [11: 172]. В подготовленном по данным материалам документе об этом говорится так: «За малым исключением, это все

привлекавшиеся в прошлом органами НКВД за контрреволюционные преступления, в анкетах и автобиографиях бравирующие своим контрреволюционным прошлым, высказывающие свою ненависть к большевикам и пресмыкающиеся перед оккупантами» [1: 46–46 об.].

4. Достаточно немногочисленны документы, рассказывающие об участии жителей оккупированных городов и районов Ростовской области в сопротивлении врагу. Тем не менее в ряде докладных записок встречаются упоминания о противодействии жителей мероприятиям захватчиков в различных формах: саботаже принятых оккупационными властями решений, уклонении от работ и регистрации, игнорировании кампаний по сбору теплых вещей для вермахта, помощи партизанам, евреям и коммунистам, которым угрожала гибель. Активной формой сопротивления врагу стало создание партизанских отрядов и подпольных организаций. Однако деятельность некоторых отрядов и групп была пресечена немецкими карательными органами по доносу предателей.

5. Во многих документах рассказывается о привлечении к юридической ответственности пособников врагу. Это не только докладные записки и специальные сообщения районных и городских отделов и отделений НКВД, составленные по итогам следственной и агентурно-оперативной работы в первые недели и месяцы после освобождения городов и районов Ростовской области советскими войсками, но и показания самих обвиняемых и свидетелей, раскрывающие конкретные факты деятельности пособников, которые не только содействовали в обеспечении немецких войск необходимыми ресурсами, но и выдавали врагу коммунистов, активистов, комсомольцев, участников сопротивления – нередко своих соседей или знакомых, обрекая их на гибель и обеспечивая себе лучшие условия для выживания и материальные блага. Публикуемые документы показывают, что работа по привлечению к ответственности пособников врагу, несмотря на ее масштабы, носила адресный и дифференцированный характер. При отсутствии необходимых доказательств арестованных граждан освобождали из-под стражи. Данные материалы показывают также пути превращения советских граждан в пособников врагу и мотивы предательства: для кого-то это страх, для кого-то – личная неприязнь, жажда обогащения, наконец, ненависть к советской власти.

Таким образом, публикация указанных материалов позволяет рассмотреть нацистскую оккупацию с новых сторон, детально раскрыть структуру оккупационных властей, служб и учреждений, проанализировать социальный состав коллаборационистов, пошедших на сотрудничество с врагом, оценить их роль в совершавшихся преступлениях против местных жителей и военнопленных, охарактеризовать деятельность органов государственной безопасности в привлечении захватчиков и их пособников к юридической ответственности. В то же время использование указанных источников сопровождается определенными ограничениями, в том числе связанными с наличием персональных данных. Поэтому фамилии, имена и отчества ряда лиц, обвинявшихся в пособничестве врагу, при публикации сокращены, с учетом того что подавляющая часть приводимых материалов носит досудебный характер. Из этических соображений сокращены и фамилии женщин, подвергавшихся насилию.

Источники и литература

1. Архив Управления ФСБ России по Ростовской области. Ф. 19. Оп. 4. Д. 1. Т. 1.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ростовская область: сборник документов / Отв. ред. О.А. Литвиненко. М., 2020.
3. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 125. Д. 10.
4. Документы обвиняют // Информационный (военно-исторический) сборник № 22. Ростов-на-Дону, 1963. С. 62–66.
5. Завещано помнить... Донские архивы – 70-летию Великой Победы: сборник документов и материалов / Сост. О.В. Валуйскова и др.; науч. ред. Е.Ф. Кринко. Ростов-на-Дону, 2015.
6. Злодеяния фашистских палачей. Документы // Наш край. Т. 2. Из истории советского Дона. Документы. Октябрь 1917 г. – 1965. Ростов-на-Дону, 1968. С. 430–438.
7. И помнит мир спасенный...: сборник документов архивов Ростовской области / Отв. сост. Л.В. Левендорская. Ростов-на-Дону; Белгород, 2020.
8. Кринко Е.Ф. Документы об уничтожении нацистскими оккупантами психически больных в Ростовской области // Войны и вооруженные конфликты на юге России в социально-демографической и историко-антропологической ретроспективе. Материалы круглого стола (г. Ростов-на-Дону, 26 сентября 2017 г.). Ростов-на-Дону, 2017. С. 235–264.

9. На защите Родины. Партийная организация Дона в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Сост. В.М. Резванов и др. Ростов-на-Дону, 1980.

10. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 22.

11. Черные дни оккупации: Дон в годы Великой Отечественной войны: по рассекреченным документам органов государственной безопасности: сборник документов / Сост. Е.Ф. Кринко и др. Ростов-на-Дону, 2025.

12. Voronin K.V. Documents about the Activities of the Rostov Regional Commission for the Establishment and Investigation of the Crimes of the Nazi Invaders and the Damage Caused by Them // Russkii Arkhiv. 2019. Vol. 7. Is. 1. P. 57–79.

И.В. Киселёв

«БИТВА ЗА КАВКАЗ» ГЕНЕРАЛА И.И. МАСЛЕННИКОВА

Мемуары военачальников стали одним из первых общедоступных и массовых источников по истории Великой Отечественной войны, оказав огромное влияние на формирование представлений о ходе событий на фронтах и в штабах. Даже с введением в оборот массы официальных документов, подчас ставящих под сомнение достоверность воспоминаний, этот массив продолжает воздействовать на историческую память общества. Советские генералы и маршалы, оставившие после себя опубликованные воспоминания, сумели донести свою правду о войне, пусть даже в ограниченной цензурой и самоцензурой форме. Но многим не посчастливилось сделать и этого.

События Битвы за Кавказ 1942–1943 гг. не стали исключением. Из почти двух десятков командармов мемуары опубликовали только трое – К.А. Вершинин, А.А. Гречко и И.П. Рослый. Несколько изданий пережили воспоминания командующего войсками Закавказского фронта И.В. Тюленева. Но возглавлявшие Северо-Кавказский фронт С.М. Будённый, И.И. Масленников и И.Е. Петров о своем участии в Великой Отечественной войне читателям не поведали. Меньше всего возможностей для этого судьба отмерила генералу армии Масленникову. Он ушел из жизни в апреле 1954 г., покончив с собой после ареста и смерти своего руководителя – Л.П. Берии.

Поэтому определенный интерес вызвало обнаружение в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации дела «Описание действий Северной группы войск Закавказского

фронта в период с августа 1942 года по январь 1943 года», автором которого оказался Иван Иванович Масленников. Ведь это едва ли не единственный документ, раскрывающий взгляд бывшего командующего Северной группы войск на происходившие в ходе Битвы за Кавказ события.

Сам текст был выполнен на 119 машинописных листах и озаглавлен автором как «Организация боевых действий войск Северной группы армий Закавказского фронта в битве за Кавказ» с указанием хронологических рамок: август 1942 г. – январь 1943 г. К тексту прилагалось пояснение И.И. Масленникова, отпечатанное на бланке Министерства внутренних дел СССР и адресованное начальнику Генерального штаба маршалу А.М. Василевскому. В нем автор сообщал, что работа была подготовлена на основании доклада, выполненного во время обучения на высших академических курсах при академии имени К.Е. Ворошилова. Отметки на пояснительной записке говорят о том, что документ поступил в Генеральный штаб Вооруженных сил 11 июля 1948 г., а двумя днями позже на нем появилась виза А.М. Василевского – «Штеменко С.М. Прошу ознакомиться». 9 августа «Описание» поступило в Военно-историческое управление Генерального штаба.

То, что материалы И.И. Масленникова были там внимательно изучены, подтверждается достаточно критичными заключениями генералов Н.М. Замятина и С.А. Петровского. Их главной претензией к работе стало то, что «она страдает многословием, самовосхвалением автора – как командующего Северной группой войск и поношением командования Закфронта, в силу чего не является объективной» [9: 3]. Недостаточно внимания было уделено управлению силами группы, взаимодействию различных родов войск, вопросам инженерного и тылового обеспечения, а также неудачам на фронте – прорыву неприятеля в полосе 37-й армии в октябре 1942 г., попыткам разгрома Моздокской группировки противника в ноябре – декабре, участию в наступлении кавалерийских корпусов и подвижной группы Лобанова в январе 1943 г. Тем не менее оба генерала сочли необходимым использовать работу И.И. Масленникова в подготовке исследования о Битве за Кавказ.

Сухой, казенный слог «Описания» не оставляет сомнений в том, что в его основу легли оперативные документы. Тем не менее данные И.И. Масленниковым оценки и расставленные им акценты

позволяют отчасти проследить его взгляд на ход боев. В начало и окончание своего текста он поместил обширные цитаты И.В. Сталина и ссылки на его приказы. Тем самым обосновывалось значение победы советских войск в Битве за Кавказ. Также ее ход увязывался с возможным вступлением в войну Турции и положением на Ближнем Востоке. Отмечалось, что «под непосредственным руководством Верховного Главнокомандующего товарища Сталина и при прямой помощи его соратника товарища Берия Л.П., войска Северной группы армий, а затем, Северо-Кавказского фронта успешно осуществили освобождение почти всей территории Кавказа» [9: 112].

Оценивая подготовку обороны Кавказа, генерал Масленников подчеркнул, что штаб Закавказского фронта считал возможным наступление немцев только через Махачкалу и проигнорировал предупреждение Ставки об опасности прорыва противника через перевалы Большого Кавказа. Последствия такого решения виделись в следующем: «Войска второго эшелона и резерва фронта, в силу предвзятого мнения Командующего фронтом генерала армии Тюленева в определении истинного удара, были расположены на Махачкалинском операционном направлении. Рокировать их властью командования Северной группы войск категорически воспрещалось» [9: 11]. По мнению И.И. Масленникова, это повлекло дальнейшие разногласия с руководством Закавказского фронта в ходе проведения Нальчикско-Орджоникидзевской оборонительной операции. Наконец, утверждалось, что именно командование фронта, «руководствуясь неведомыми соображениями, ослабило уже активно действующие обе ударные группировки Северной группы армий», направив резервы в полосу Черноморской группы войск и помешав развитию успеха сил И.И. Масленникова в январе 1943 г. [9: 113]. Между тем решение о перегруппировке войск было принято Ставкой ВГК еще в конце 1942 г.

Критически бывший командующий Северной группой войск отзывался о действиях 4-го гвардейского кавалерийского корпуса. В начале ноября 1942 г. ему ставилась задача действовать в тылах противника, вместо этого конники втянулись в бои за Ачикулак. Основная вина за неэффективное использование конницы возлагалась на командующего корпусом Н.Я. Кириченко [9: 70].

Вместе с тем И.И. Масленников отметил успехи войск генералов К.А. Коротеева, В.А. Хоменко, И.П. Рослого, А.Г. Селиванова,

И.А. Рубанюка, В.В. Глаголева, М.П. Кутейникова, А.Н. Ратова, А.И. Голдовича [9: 116].

Значительная часть «Описания» посвящена действиям 4-й воздушной армии. Вероятно, это было обусловлено помощью начальника штаба армии генерал-лейтенанта авиации А.З. Устинова при подготовке текста, о чем И.И. Масленников упомянул в сопроводительной записке. Бывший командующий Северной группой войск высоко оценил вклад советской авиации в нанесение поражения противнику и отметил плотное взаимодействие летчиков с сухопутными войсками. Наряду с действиями авиации проанализированы вопросы применения бронетанковых войск, артиллерии и войск связи. Несколько раз генерал Масленников останавливался на усилиях по оперативной маскировке и дезинформации противника.

Однако штаб Закавказского фронта, его командующий генерал армии И.В. Тюленев имели свой взгляд на ход боев в полосе Северной группы войск и не скупилась на критику И.И. Масленникова. Это отчетливо прослеживается в «Описании действий войск Закавказского фронта по обороне Кавказа», подготовленном оперативным отделом штаба фронта в 1943 г. Представленный там анализ действий Северной группы войск содержит указания на несогласованную с И.В. Тюленевым перегруппировку сил во второй половине сентября, недооценку штабом группы угрозы немецкого наступления через Нальчик на Владикавказ в конце октября, слабость управления войсками в боях на владикавказском направлении и нерешительность генерала Масленникова при организации контрнаступления в ноябре 1942 г. [10: 70 об., 77 об., 83]. В той части «Описания действий войск Закавказского фронта по обороне Кавказа», которое касается перехода Красной армии в наступление на Кавказе, рассказывается о личном участии в делах Северной группы войск И.В. Тюленева и Л.М. Кагановича, которые «на месте вскрыли много недочетов в организации наступления Северной группы и ряд оперативно-тактических и политических ошибок» [11: 10].

При этом составители «Описания действий войск Закавказского фронта по обороне Кавказа» всячески подчеркивали личный вклад командующего, офицеров штаба и членов Военного совета фронта в удержание рубежей на р. Терек и переход советских войск в наступление. Нет ничего удивительного, что этот нарратив присутствует в мемуарах самого И.В. Тюленева. А факт трений между двумя

командующими по вопросам использования национальных соединений и управления войсками отмечается российскими исследователями А.Ю. Безугольным [1: 235–238], А.А. Здановичем [3: 300–304], А.В. Карташевым [5: 14], С.И. Линцом и С.В. Янушем [6: 371].

Надо сказать, что нарекания в адрес И.И. Масленникова, а в равной степени и И.В. Тюленева, не раз звучали от Ставки ВГК и лично И.В. Сталина. Так, в связи с проведением наступательной операции на Северном Кавказе в начале 1943 г. оба командующих получили из Москвы целую серию директив с замечаниями и критикой [8: 22, 25, 26, 30].

В августе 1953 г. их содержание дало генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко основание говорить о «некомпетентности в военных вопросах» И.И. Масленникова и задавать Л.П. Берии вопросы о причинах назначения генерала командующим фронтом. В ответ обвиняемый ссылался на решение Ставки ВГК. Более того, в вину Масленникову ставили бездействие его войск в период советского наступления под Сталинградом, что никак не соответствовало действительности [2: 193–195].

Арест Л.П. Берии, следствие над многими руководителями органов внутренних дел и госбезопасности повлекли переоценку роли И.И. Масленникова в Битве за Кавказ. В звучавших в адрес командующего фронтом обвинениях просматриваются самые разные мотивы – от искреннего стремления добиться правды до банального сведения счетов. Пример тому – письмо полковника Мельникова, преподавателя Военной академии имени К.Е. Ворошилова, занимавшего в 1942 г. пост начальника штаба 3-го стрелкового корпуса. Он привел несколько примеров ошибочных решений командующего Северной группой войск во время боев за Орджоникидзе и негативно высказался о его личных качествах: «Руководство генерала Масленникова И.И. сводилось к постоянным угрозам расстрела. Были случаи, когда он своими действиями грубо компрометировал действия командиров соединений» [2: 98]. С этими словами перекликается мнение члена Военного совета Закавказского фронта Л.М. Кагановича. Вспоминая о своем пребывании в Северной группе войск в составе комиссии из фронтового управления, он озвучил коллективное мнение о работе командующего группой: «Основной наш вывод заключался в том, что командующий войсками группы Масленников слабо связан с войсками, что в его командовании

много элементов формализма и схематизма, потому что слабо знает факты жизни» [4: 472].

Но среди тех, кто служил под началом И.И. Масленникова в дни боев на Северном Кавказе, бытовали и другие оценки. Тепло о командующем фронтом отзывался И.П. Рослый, возглавлявший ряд корпусов и 46-ю армию. В своих воспоминаниях он подчеркивал роль командующего Северной группой войск в организации обороны на Тереке, отмечал его личное мужество: «В самые критические моменты боя Масленников появлялся там, где было труднее всего, где решался вопрос о победе или поражении. Это мы видели не раз» [7: 167].

Тем не менее в советской историографии роль И.И. Масленникова в событиях Битвы за Кавказ 1942–1943 гг. описывалась очень скупо или вовсе игнорировалась. В исследовании А.С. Завьялова и Т.Е. Калядина его имя не упоминалось вовсе. Фамилия командующего фронтом несколько раз встречалась в книге А.А. Гречко, но исключительно в официальной тональности, хотя автор руководил армией в составе этого фронта. Обошел фигуру И.И. Масленникова вниманием С.М. Штеменко, хотя последнему по долгу службы пришлось не раз бывать на Кавказе в 1942–1943 гг.

Материалы дела, о котором шла речь в данной публикации, были рассекречены 7 декабря 2005 г. и в научный оборот фактически не вводились. Приведенные в нем факты достаточно хорошо изучены, но их подача позволяет приблизиться к пониманию взаимоотношений в среде высшего советского военного руководства и проследить становление истории Битвы за Кавказ 1942–1943 гг.

Источники и литература

1. Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование. М., 2021.
2. Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / Сост. В.Н. Хаустов. М., 2012.
3. Зданович А.А. Органы военной контрразведки в битве за Кавказ и освобождение Крыма. М., 2021.
4. Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996.
5. Карташев А.В. Бои на Ставрополье: противостояние (сентябрь – декабрь 1942 года). Ставрополь, 2022.

6. Линец С.И., Януш С.В. Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июль – декабрь 1942 года). М., 2020.
7. Рослый И.П. Последний привал – в Берлине. М., 1983.
8. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5). Ставка ВГК: Документы и материалы: в 4 ч. Ч. 3. М., 1999.
9. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1365.
10. ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 499.
11. ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 503.

В.В. Коровин

РОЛЬ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ И КОММЕМОРАЦИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ КУРСКА ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Проблема верификации исторических событий периода Великой Отечественной войны приобретает особую остроту в условиях современных попыток фальсификации истории и пересмотра итогов Второй мировой войны. В этом контексте визуальные источники, к числу которых необходимо отнести фото- и кинодокументы военного времени, выступают не просто как иллюстративный материал, но как важнейший инструмент доказательной базы, позволяющий с документальной точностью восстановить хронологию событий, атмосферу времени и, что наиболее важно, вернуть из небытия имена участников исторических событий.

Освобождение г. Курска в феврале 1943 г., предшествовавшее формированию на территории региона линии фронта в форме выступа, вошедшего в историю под наименованием «Курская дуга», стало важным этапом в ходе общего наступления советских войск после разгрома противника под Сталинградом. Однако, несмотря на значимость этого события, ряд фактологических деталей долгие годы оставался вне поля зрения исследователей. В частности, обстоятельства гибели командира 322-й стрелковой дивизии подполковника С.Н. Перекальского в местной периодической печати излагались лишь на основе неподкрепленных документально воспоминаний ветеранов. Легендарным событием на протяжении 70 лет оставалось водружение красного знамени над зданием Дома пионеров в освобожденном городе.

Уточнение хронологии боев за Курск стало возможным благодаря открывшемуся для региональных исследователей доступу к фондам Центрального архива Министерства обороны РФ. В частности, ознакомление с боевыми приказами и распоряжениями, оперативными сводками и политическими донесениями, журналами боевых действий и картографическим материалом соединений 60-й армии Воронежского фронта позволило реконструировать с максимальной точностью ход событий, происходивших в районе Курска 7–9 февраля 1943 г. Результаты проведенных исследований нашли отражение на страницах нескольких выпусков «Курского военно-исторического сборника» – продолжающегося издания, осуществляемого ныне региональным отделением Российского военно-исторического общества [1].

Важным дополнением к комплексу документальных источников, введенных в научный оборот, стало обнаружение автором этой статьи в Российском государственном архиве кинофотодокументов (далее – РГАКФД) уникальной кинохроники, запечатлевшей освобожденный Курск. К сожалению, непосредственно ход боев за город не был зафиксирован на киноплёнку. В то же время боевые действия по освобождению восточных районов Курской области в конце января – начале февраля 1943 г. нашли отражение в документальной кинохронике. Причины отсутствия кинооператоров Воронежского фронта в передовых частях, наступавших на Курск, назвать сложно. Но последствия случившегося отражены в исследовании орловского краеведа, доктора филологических наук А.И. Кондратенко «Фронтовая кинохроника: Орловская битва на документальном экране» [2].

Как следует из приведенного в указанной монографии приказа, изданного 4 марта 1943 г. начальником Главного управления по производству хроникально-документальных фильмов Комитета по делам кинематографии при СНК СССР Ф.М. Васильченко, в работе некоторых фронтовых киногорупп отмечалось снижение оперативности в съемке и передаче кинорепортажей с фронта, что свидетельствовало о низкой исполнительской дисциплине некоторых операторов и руководителей фронтовых киногорупп. К числу таковых была отнесена и киногоруппа Воронежского фронта во главе с С.Я. Ураловым, сорвавшая съемку взятия советскими войсками Курска, за что ее руководителю объявлялся выговор [2: 38–40].

Уже на следующий день после освобождения города, 9 февраля 1943 г., в Курск прибыл оператор киногоруппы Брянского фронта Ф.А. Леонтович. На основе отснятого им материала был подготовлен звуковой информационный сюжет, помещенный в 16-й выпуск «Союзкиножурнала». В поле зрения оператора, увидевшего освобожденный город через объектив своей кинокамеры, оказались: части 322-й стрелковой дивизии и 248-й отдельной стрелковой бригады, проходившие по улицам Курска; водружение над зданием Дома пионеров красного флага; население, возвращавшееся к местам постоянного жительства; работы по разминированию; разрушенные в ходе бомбардировок здания.

12 февраля 1943 г. оператор сохранил для истории церемонию прощания с командиром 322-й стрелковой дивизии С.Н. Перекальским. Монтажный лист подготовленного киноматериала, хранящегося ныне в РГАКФД, содержит детальное описание этого эпизода: «Похоронная процессия движется по улице Ленина. Впереди женщины несут венки, за гробом командира перемещается группа военнослужащих. Траурный митинг на месте захоронения в Парке пионеров. Выступления командующего 60-й Армией генерал-майора И.Д. Черняховского, секретаря Курского обкома ВКП(б) И.Р. Попова. Гроб с телом С.Н. Перекальского воины опускают в могилу. Бойцы салютуют из автоматов» [3]. На лицах местных жителей оператор сумел профессионально запечатлеть неподдельную скорбь.

Финальные кадры курской кинохроники Ф.А. Леонтович снял в районе железнодорожной станции. На них – командующий 60-й армией генерал-лейтенант И.Д. Черняховский, член Военного совета армии генерал-лейтенант А.И. Запорожец, начальник политотдела армии генерал-майор К.П. Исаев и секретарь Курского обкома ВКП(б) И.Р. Попов рассматривают карту с региональной дорожной сетью.

Необходимо отметить, что при первичном ознакомлении с монтажным листом обнаруженной в 2012 г. кинохроники сведения об операторе отсутствовали, не указывалась и фамилия офицера, водрузившего флаг над освобожденным Курском. Выявленная неточность при упоминании 322-й дивизии (она была указана как 232-я) побудила обратиться к руководству архива с заявлением об исправлении ошибки. Проведенная архивистами проверка позволила им найти более раннюю и подробную версию монтажного

листа, что открыло курянам два новых имени в истории освобождения города – фронтового оператора Ф.А. Леонтовича и заместителя начальника политотдела 60-й армии А.М. Чечулина, благодаря съемке ставшего за последнее десятилетие своеобразным символом этого памятного события.

Знакомство с творческой биографией Ф.А. Леонтовича (1904–1969) открыло широкой аудитории ряд интересных фактов, известных ранее лишь ограниченному кругу специалистов. С 1925 г. он работал учеником осветителя на кинофабрике «Культкино», через год стал ассистентом оператора, а с 1929 г. – оператором дальневосточной базы «Совкино». В начале 1930-х гг., являясь оператором «Союзкинохроники», он снимал сюжеты для киножурналов «Наука и техника», «Пионерия», «Союзкиножурнал». В довоенный период проявил себя как новатор, создав в 1936 г. отечественный аппарат для подводных съемок и участвуя в экспедициях подводных работ особого назначения.

С началом войны его навыки были направлены на фронтовую работу. С августа 1941 г. Леонтович служил в киогруппе Ленинградского, затем Брянского фронтов. В апреле 1943 г., вскоре после съемок в Курске, был награжден медалью «За боевые заслуги». В наградном листе отмечалось, что офицер лично сконструировал прибор для установки камер на самолетах, что позволило снимать штурмовку аэродрома Курск непосредственно с борта самолета [5: 196–196 об.].

В дальнейшем Ф.А. Леонтович снимал бои в Берлине и подписание капитуляции. Его работы вошли в такие фильмы, как «Орловская битва», «Берлин» и «Парад Победы». После войны он стал пионером подводных съемок в СССР, работая над картинами «Голубая стрела», «Человек-амфибия» и уникальными съемками дельфинов в Крыму.

Ключевым эпизодом хроники, снятой Ф.А. Леонтовичем, стало водружение красного флага над Домом пионеров. Камера зафиксировала живые детали: офицеры поскользнулись на заснеженной крыше, но удержали флаг с надписью «СССР». Идентификация по архивным документам РГАКФД и ЦАМО РФ показала, что знаменосцем был заместитель начальника политотдела 60-й армии подполковник А.М. Чечулин (1902–1988), до начала войны занимавший должность первого секретаря Раменского РК ВКП(б) Московской области.

А.М. Чечулин вступил в Курск одним из первых в составе боевых порядков 322-й стрелковой дивизии. В представлении к ордену Красного Знамени подчеркивалось, что он проявил инициативу по наведению «революционного порядка» и фактически выполнял функции городского совета в течение пяти дней. Организовал предотвращение расхищения имущества и провел серию митингов, завершившихся общегородским собранием 12 февраля 1943 г. [4: 36]. В октябре 1943 г. Чечулин отличился при форсировании Десны и Днепра, за что получил орден Отечественной войны I степени. В конце 1944 г. он организовывал гражданскую власть в освобожденном Львове и польском Жешуве, обеспечивая безопасность тылов 60-й армии. В ходе Пражской операции А.М. Чечулин возглавлял группу политработников в составе фронтовой подвижной группы. С 1950 по 1959 г. занимал должность председателя Раменского райисполкома, а в 1986 г. был удостоен звания Почетного гражданина г. Раменское.

Сопоставление кадров кинохроники с документами ЦАМО РФ позволяет говорить о высокой степени достоверности визуальных источников. Случай с Ф.А. Леонтовичем и А.М. Чечулиным доказывает, что визуальный артефакт является важным инструментом, позволяющим вскрывать пласты информации, спрятанные в сухих строках делопроизводственной или оперативной документации. Например, визуально зафиксированное водружение знамени 9 февраля (предположительно) подтверждает оперативность установления контроля над административным центром города. Кроме того, анализ деятельности Леонтовича как «инженера-кинооператора» расширяет наше представление о техническом обеспечении фронтовых киногрупп.

Особое значение кинохроника освобожденного Курска приобрела в праздновании этой памятной даты на территории региона. В кратчайшие сроки корреспондентом ГТРК «Курск» Е.А. Донцом при содействии ученых-историков (В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, А.Ю. Золотухин) был подготовлен 25-минутный документальный фильм «Курск. Возвращение». Его премьерный показ состоялся на торжественном собрании, посвященном 70-летию освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. С этого времени сам фильм и отдельные кадры из него положены в основу всей просветительской, воспитательной и военно-мемориальной работы, связанной с сохранением памяти о событиях зимы 1943 г. на Курской земле.

К моменту выхода фильма в Курске проживали три участника освобождения города: полковник в отставке П.К. Горовой (1923–2014) и бывшие фронтовые медики К.Г. Аносова (1919–2018) и А.И. Каплинская (1918–2014). Интервью Петра Кузьмича стало значимой частью фильма, украсив и конкретизировав его содержание воспоминаниями человека, непосредственно участвовавшего в боях за Курск.

В документальном фильме «Курск. Возвращение» использовалась кинохроника, снятая не только Ф.А. Леонтовичем. Достоинством курян стали более поздние кадры февраля – апреля 1943 г. На них нашли отражение первые восстановительные работы в городе и пригородных населенных пунктах, погрузка свежее выпеченного хлеба из цехов только что восстановленного хлебозавода, строительство баррикад и других оборонительных сооружений, и, самое главное, возвращение к мирной жизни, несмотря на проходившую по улицам военную технику и обилие разрушений.

Внимательное отношение сотрудников РГАКФД к обновлению научно-справочного аппарата позволило исследователям установить имена авторов этих съемок. Ими оказались не менее известные военные кинооператоры Н.А. Вихирев и М.М. Оцеп, каждый из них оставил заметный след в кинодокументальной фиксации ключевых событий Великой Отечественной войны.

Уточнение ряда фактов, отраженных в упомянутых визуальных источниках, а также сопоставление их с другими видами исторических материалов привели представителей муниципальной власти (председателя комитета культуры и туризма г. Курска И.А. Мазаева) к идее съемок продолжения фильма «Курск. Возвращение», в котором предполагалось рассказать об открытиях в военной истории города, совершенных за минувшее десятилетие.

Кроме судеб двух ключевых фигур Ф.А. Леонтовича и А.М. Чечулина, связанных со ставшей известной каждому курянину кинохроникой, новый фильм подробно рассказывает о биографии пришедшего на смену погибшему в бою комдиву Перекальскому майора Д.Е. Высоцкого, возглавившего 322-ю стрелковую дивизию в разгар боев за Курск. Его имя ныне носит одна из улиц города. Для многих зрителей определенным открытием стала информация о том, что мама и вдова уроженца Тамбовской губернии легендарного С.Н. Перекальского захоронены на Курской земле. Но самое главное содержательное отличие нового фильма – обилие новых

и несправедливо забытых имен рядовых творцов истории – бойцов и младших командиров, отличившихся при освобождении города. В жизни каждого героя фильма Курск стал знаковым местом. Неслучайно и вполне символично новый фильм получил название «Курск. Возвращение. Судьба».

Источники и литература

1. «Вперед, на запад двигались полки...»: к 70-летию освобождения Курской области от немецко-фашистских захватчиков, январь – сентябрь 1943 года. Курский военно-исторический сборник / Гл. ред. В.В. Коровин. Вып. 10. Курск, 2013.
2. Кондратенко А.И. Фронтовая кинохроника: Орловская битва на документальном экране. Орёл, 2019.
3. Российский государственный архив кинофотодокументов. Учетный № 6051. Город Курск. URL: <http://old.rgakfd.ru/catalog/films/> (дата обращения: 06.03.2026).
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682526. Д. 182.
5. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 2877.

С.С. Молчанов, А.В. Танцева

«СОХРАНЯЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ»: ВОССОЗДАНИЕ БОЕВЫХ И ТРУДОВЫХ БИОГРАФИЙ МИИТОВЦЕВ (на материалах архива Российского университета транспорта (МИИТ))

Проблема сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне сегодня стоит особенно остро. Попытки фальсификации истории, искажение результатов Великой Отечественной и Второй мировой войн ставят перед образовательными учреждениями важную задачу по защите исторической правды и сохранению исторической памяти. Под последней понимается «совокупность транслируемых от поколения к поколению знаний и представлений, ценностей и символов, идей и убеждений» [3: 47]. Передача знаний об исторических событиях требует подтверждения их достоверными источниками, и обращение к архивам приобретает принципиальное значение, поскольку именно архивные материалы формируют

фактическую основу для реконструкции событий Великой Отечественной войны. На необходимость опоры на достоверные источники указывал и президент РФ В.В. Путин на заседании Российского организационного комитета «Победа» 15 января 2025 г., подчеркнув роль архивов как институционального механизма хранения и передачи информации о Великой Отечественной войне [6]. О важности архивных источников неоднократно говорила в своих выступлениях руководитель Национального центра исторической памяти при Президенте РФ кандидат исторических наук Е.П. Малышева [4].

Особый интерес представляют архивы образовательных и научных учреждений, в фондах которых сосредоточены нормативно-методическая, учетная и информационно-справочная документация, а также личные дела сотрудников, преподавателей и выпускников [9]. В Российском университете транспорта (МИИТ) при поддержке Российского общества историков транспорта (создано в ноябре 2024 г.) ведется работа по подготовке биобиблиографического справочника о миитовцах – участниках Великой Отечественной войны. Большой пласт документов по истории войны хранится в архиве университета, в фонде по истории вуза. Особое место в архивном фонде занимают личные дела участников войны, которые представляют собой систематизированный комплекс персональных и первичных учетных документов студентов и преподавателей университета [7]. Как правило, личное дело заводилось при поступлении или приеме на работу и сопровождало человека на протяжении всего периода его пребывания в образовательном учреждении.

Обязательным элементом личного дела выступает автобиография, которая отражает основные этапы жизненного пути, сведения о семье и социальном положении. В состав дела также входят документы о профессиональной деятельности: приказы, характеристики, материалы аттестации и т.д. Личные дела участников Великой Отечественной войны содержат сведения о мобилизации, прохождении военной службы, ранениях, наградах либо о трудовой деятельности в тылу в период войны [5].

При работе в архиве вуза по выявлению биографий миитовцев – участников Великой Отечественной войны – первоначально осуществлялась выборка личных дел студентов, выпускников, сотрудников и преподавателей, которые в период войны работали или учились в вузе. При просмотре личных дел выявлялась

информация об их участии в боевых действиях на фронте или о работе в тылу. Основанием для отбора служили данные, зафиксированные в личных листках по учету кадров, автобиографиях и справках.

Второй этап работы в архиве предполагал аналитическую обработку выявленных личных дел и систематизацию содержащихся в них сведений по заранее разработанному унифицированному шаблону. В рамках данной процедуры фиксировались основные биографические данные: дата и место рождения, смерти, сведения о семье, об образовании, профессиональной деятельности, участии в Великой Отечественной войне, наличии наград, а также данные о научных и педагогических достижениях (для преподавателей и сотрудников). На данном этапе осуществлялось сопоставление архивных сведений с материалами федеральных цифровых ресурсов, прежде всего информационной системы «Память народа», а также с опубликованными документальными материалами из сборников по истории вуза и истории Великой Отечественной войны и специализированными базами данных. Метод источниковедческого анализа, анализ исторических источников позволили уточнить биографические данные участников войны, принадлежность к воинским подразделениям, реконструировать боевой путь, установить даты призыва и демобилизации, сведения о ранениях и государственных наградах. При этом были выявлены расхождения и информационные пробелы, требующие дополнительной проверки и источниковедческого анализа.

Третий этап работы представлял собой подготовку биографических очерков на основе систематизированных и проверенных данных. Структура очерка, как правило, строилась по хронологическому принципу и охватывала довоенный период, участие в войне и последующую профессиональную деятельность.

Заключительным этапом являлась научная редакция биографических справок и подготовка материалов к публикации, что предполагало унификацию формулировок, проверку дат и фактических данных, а также оформление ссылочного аппарата. Таким образом, работа над биобиблиографическим сборником сочетает элементы источниковедческого анализа, биографической реконструкции и научной систематизации архивного материала. В основе лежит источниковедческий анализ материалов из личных дел, которые

объединяют различные документы, формируют целостный массив источников персонального характера.

В архиве университета хранятся и личные дела выпускников – участников Великой Отечественной войны. Эти документы позволяют проследить связь между профессиональной подготовкой инженеров транспорта и ее практическим применением в условиях военного времени. Выпускник Строительного факультета МИИТ, майор Иван Васильевич Баранов (1902 г. рождения) прошел большой боевой путь в составе штурмовых инженерно-саперных соединений в годы Великой Отечественной войны. Благодаря личному делу удалось воссоздать его жизненный и боевой путь. И.В. Баранов родился в Москве в семье служащих. В 1927 г. он окончил строительный факультет МИИТ. Осенью 1928 г. был призван в армию и проходил службу в 5-м железнодорожном полку в г. Ораниенбауме, где прослужил год. После демобилизации с ноября 1929 г. работал в транспортном проектно-институте «Промтранспроект», где на протяжении 22 лет занимал различные инженерные и руководящие должности, в том числе должность главного инженера военного отделения в Свердловске [2: 4].

Согласно автобиографии из личного дела, в начале Великой Отечественной войны в 1941 г. И.В. Баранов был призван в армию и направлен на курсы усовершенствования командного состава при Военно-инженерной академии. С октября 1941 г. он командовал 13-м отдельным штурмовым инженерно-саперным батальоном Резерва Главного командования. Полученная в институте профессиональная подготовка была востребована при решении задач, связанных с инженерно-саперным обеспечением наступательных и оборонительных действий. С 1942 г. участвовал в боевых действиях в составе штурмовых инженерно-саперных соединений на Южном фронте, а позднее на 3-м и 2-м Белорусских фронтах. В ходе боевых операций подразделения под его руководством выполняли задачи инженерного обеспечения войск: устройство проходов в заграждениях, разминирование местности, оборудование переправ и фортификационных сооружений. В 1943 г. он был назначен начальником оперативного отдела штурмовой инженерно-саперной бригады, где осуществлял планирование и координацию инженерных работ. Демобилизован в 1946 г. в звании майора [2: 4].

И.В. Баранов был награжден орденами Красной Звезды (1943), Красного Знамени (1943), Отечественной войны II степени (1944), Отечественной войны I степени (1945), медалями «За оборону Сталинграда» (1942), «За оборону Кавказа» (1944), «За взятие Кёнигсберга» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «В память 800-летия Москвы» (1948), «За восстановление металлургии Юга и Донбасса» (1950).

В архиве Российского университета транспорта хранятся также личные дела миитовцев – тружеников тыла. Их профессиональная и научная работа обеспечивала функционирование транспортной инфраструктуры, подготовку инженерных кадров и решение прикладных задач, имевших оборонное значение. Подробные сведения крайне ограниченно представлены в общедоступных базах данных, что усиливает значимость работы с университетским архивом, хранящим уникальные источники. Подготовка данных материалов к публикации способствует введению архивных источников в научный оборот.

Рассмотрим трудовую биографию доктора технических наук, профессора, заведующего кафедрой «Мосты» МИИТ, участника Великой Отечественной войны Георгия Константиновича Евграфова (1885–1967). В 1912 г. Г.К. Евграфов с отличием окончил реальное училище в Севастополе и поступил в Петербургский институт инженеров путей сообщения. Теоретический курс завершил в 1917 г., однако из-за революционных событий дипломный проект защитил в 1922 г., после чего был направлен на работу в Петроградскую мостостроительную станцию Народного комиссариата путей сообщения, где участвовал в обследовании и испытании эксплуатируемых и строящихся мостов [1: 7]. С 1930 г. возглавлял кафедру «Мосты» МИИТ. Его научная и педагогическая деятельность была связана с совершенствованием методики преподавания мостовых дисциплин, разработкой и проектированием мостовых конструкций и подготовкой инженерных кадров. В 1934 г. ему было присвоено звание профессора, а в 1938 г. – ученая степень доктора технических наук. В том же году он был назначен заместителем начальника МИИТ по учебной и научной работе [1: 8].

В период Великой Отечественной войны деятельность Г.К. Евграфова была связана с оказанием помощи фронту в деле восстановления разрушенных мостов. Он осуществлял консультирование

военных и гражданских организаций по вопросам реконструкции крупных железнодорожных и автомобильных мостов, входил в состав комиссий по приемке восстановленных объектов и определению условий их безопасной эксплуатации. Под его научным руководством коллективом МИИТ разрабатывались инженерные решения, направленные на сокращение сроков восстановления мостовых переходов, что имело принципиальное значение для обеспечения бесперебойного движения поездов и снабжения фронта [1: 15].

Кафедра «Мосты» МИИТ под руководством Г.К. Евграфова выполняла расчеты несущей способности поврежденных конструкций, разрабатывала проекты усиления и временных пролетных строений, участвовала в обследовании разрушенных объектов транспортной инфраструктуры [1: 22]. Научная деятельность ученых МИИТ играла важную роль в проведении военно-восстановительных работ на освобожденных территориях. В послевоенные годы требовалось восстановить более 14 тыс. мостов по всей стране. Над способами капитального восстановления мостовых опор, малых мостов и труб работали профессор Г.К. Евграфов и доцент В.В. Померанцев [8]. В 1946 г. в МИИТ была создана мостоиспытательная лаборатория на базе переданной Главным управлением военно-восстановительных работ мостоиспытательной станции [1: 11].

За заслуги перед Отечеством Г.К. Евграфов был награжден орденами «Знак Почета» (1942), Трудового Красного Знамени (1945, 1961), Отечественной войны I степени (1946), медалями «За трудовую доблесть» (1938), «За оборону Москвы» (1944), «За доблестный труд в Отечественную войну» (1945) и нагрудным знаком «Почетный железнодорожник» (1950) [1: 6].

Таким образом, введение в научный оборот материалов из личных дел преподавателей и выпускников Российского университета транспорта (МИИТ) – участников Великой Отечественной войны – играет важную роль в образовательной и воспитательной работе, проводимой в университете, а также выступает важным инструментом в научно-исследовательской работе студентов. Архивы вышших образовательных учреждений сегодня выступают не только как хранилища ведомственной документации, но и как важный ресурс для сохранения исторической памяти об участниках Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Архив Российского университета транспорта (далее – РУТ). Личные дела преподавателей. Оп. 240. Связка 2. Д. 20.
2. Архив РУТ. Личные дела студентов. Оп. 78. Связка 2. Д. 18.
3. Бойков В.Э. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования // Социология власти. 2011. № 5. С. 44–52.
4. В День архивов, 10 марта, профессиональный праздник отмечают хранители истории. Их колоссальный каждодневный труд сегодня приобретает особое значение // Национальный центр исторической памяти. Официальное ВК-сообщество Национального центра исторической памяти при Президенте Российской Федерации. URL: https://vk.com/wall-217412623_396 (дата обращения: 01.03.2026).
5. Документы архива // Интернет-портал архивной службы Вологодской области. URL: <https://gosarchive.gov35.ru/article/dokumenty-arhiva> (дата обращения: 01.03.2026).
6. Заседание Российского организационного комитета «Победа». 15.01.2025. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76110> (дата обращения: 01.03.2026).
7. Методические рекомендации ВНИИДАД от 26.03.2019 № 6/н, действующая редакция. URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/97_469421/ (дата обращения: 01.03.2026).
8. Научно-исследовательская работа МИИТа за 50 лет // Сталинец. 1949. № 26. 7 ноября.
9. Перечень документов, образующихся в процессе деятельности Министерства просвещения Российской Федерации и подведомственных ему организаций, с указанием сроков их хранения (утв. приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 27 августа 2025 г. № 624). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412688527/> (дата обращения: 01.03.2026).

Е.В. Камынин

«РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ ВСКОЛЫХНУЛА СЕРДЦЕ – ВОЙНА ОКОНЧЕНА»: ОКОНЧАНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ ГОД В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ КОМАНДИРА ОГНЕВОГО ВЗВОДА Е.В. БОНДАРЕВА

Великая Отечественная война по-прежнему остается одним из главнейших событий в исторической памяти жителей России.

Одним из новых и важных направлений изучения данного события является военная повседневность. Эта тема рассматривается во многих научных работах, например, в монографии Е.С. Сениявской, А.С. Сениявского и Л.В. Жуковой, посвященной фронтовой повседневности в целом в войнах России в XX в. [4]. Важным источником для изучения истории повседневности является дневник. Особенность дневника как источника личного происхождения заключается в том, что зафиксированная в нем информация в какой-то степени обладает большей достоверностью, поскольку записи дневника изначально не предполагают огласки. Кроме того, автор дневника обычно фиксирует относительно актуальную информацию, описывает события в тот же день, когда они произошли, или же спустя относительно небольшой промежуток времени. В данной статье основным источником служит дневник офицера Евгения Васильевича Бондарева, который в период с апреля 1945 г. по апрель 1946 г. покинул освобожденную Красной армией Румынию, посетил различные советские города и в итоге был отправлен служить за границу в Польшу. Дневник Е.В. Бондарева является семейной реликвией, что делает содержащуюся в нем информацию уникальной. В цитируемых отрывках мы сохраняем авторскую орфографию, пунктуацию, использование прописных и строчных букв.

Военная часть, где Е.В. Бондарев служил в начале 1945 г., располагалась близ румынского города Плоешти. В конце апреля 1945 г. офицер узнал о том, что его направляют на учебу в Евпаторию. Тогда же в дневнике была зафиксирована новость о том, что «наши войска взяли здание Рейгстага и водрузили знамя победы над Берлином» [1]. 5 мая Евгений Васильевич выехал из Плоешти на автомобиле, а 7 мая в Одессе сел на поезд. Утро 9 мая он встретил в поезде на пути в Харьков: «Радостная весть всколыхнула сердце “война окончена”. Радость немая душевная радость невольно выливалась наружу. Уже идя по улицам Харькова видя веселый праздничный народ ликующий над победой нашей Красной Армии. Мы шли с капитаном, девушки железнодорожницы кинулись со слезами радости на глазах целовать нас как представителей той героической Красной Армии, которая добила немецкого зверя в его берлоге» [1]. После этого автор дневника добрался до родного Ростова-на-Дону. Он отметил, что там «девчат очень много и всем только предложить хоть сейчас под венец» [1], – отражение того, что большая часть

мужского населения в тот момент находилась на территориях, освобожденных Красной армией. 18 мая офицер добрался до Евпатории. В дневнике он характеризовал ее как «место хотя и курортное но мало прильщающее. Почти весь город разбит. Народу очень мало <...> Гулял в парке везде когда то чувствовалась тишина спокойствие отдыхающих а сейчас груды развалин напоминают о следах войны». Это неудивительно, ведь Евпатория в период войны не только была местом тяжелых боев, но и подверглась вражеской оккупации. Дни на учебе летели незаметно, однако заниматься было «очень трудно и утомительно» [1]. Тем не менее, судя по июльским записям, офицеру для учебы хватало знаний, полученных в ходе войны: «Занимаюсь также как и раньше то есть книги в руки не беру а двоек нахватал сравнительно мало <...> Все время контрольные и проверочные занятия по трем предметам я здал хорошо» [1]. Также интересна запись, посвященная вступлению СССР в войну с Японией: «Только смирились с тем что война кончилась как 8го августа вечером радио сообщило что Сов. Союз считать с 9го числа в состоянии войны с Японией» [1]. «Духом конечно никто из нас не упал, но всё же это надоело, ведь жизни я никакой еще не видел. <...> По всей вероятности мы поедем на дальний восток. <...> Днем 9го числа сообщили официально что началась война с Японией. Был у нас митинг. Все ребята горели желанием поскорей вырваться туда на Восток» [1], – офицер отмечал как стойкость духа, так и усталость от войны, стремление вернуться к обычной жизни. Возможно, этим было вызвано желание «вырваться на Восток» [1] – не из-за стремления воевать, а ради того, чтобы скорее окончить войну там.

В начале октября Е.В. Бондарев вернулся в Ростов-на-Дону, где его уже ждала невеста З.С. Кулева. 20 октября 1945 г. они вступили в брак и сыграли свадьбу: «Правда это было не громкое торжество но всетаки по настоящему времени приличное» [1]. Но супруги недолго были вместе: 2 ноября офицер выехал в Москву, где жили родственники. Его тетя, Лидия Васильевна Бондарева, была второй женой советского военачальника Василия Васильевича Глаголева. 5 ноября Евгений Васильевич прибыл в советскую столицу: «я добрался до Белорусского вокзала <...> пошел искать дом № 8 на Тимшинской площади. Площадь я нашел быстро, а вот дом, пришлось походить вокруг да около» [1]. Офицер также описал в дневнике

празднование 28-й годовщины Октябрьской революции: «Вечер в Москве в этот день был прекрасный. Воины следовали за воинами тысячи разноцветных ракет взлетались в воздух, прожектора выделяли разные замысловатые фигуры. На всех площадях тысячные толпы народа, кругом музыка, концерты, аттракционы, представления, прямо под открытым небом при освещении прожекторов» [1]. Действительно, парад на Красной площади в тот день был выдающимся событием и широко освещался в печати, например, в той же «Правде» [3]. Однако путешествие в Москву было не конечной целью, а остановкой на пути за границу. 10 ноября офицер выехал из столицы и через Белоруссию проехал на территорию Польши, где в г. Лигниц (ныне Легница) получил назначение в Прейсиш-Фридланд (в дневнике обозначен как Пройс-Фридланд, ныне Дебно), где «вскорости принял батарею и стал ею командовать», «скука здесь ужасная» [1].

Далее в дневнике идет повествование о повседневной жизни советских солдат за границей. Е.В. Бондарев быстро свыкся с новой обстановкой и отмечал: «Занятий почти никаких нет, так как людей демобилизовали а помещение до 10-го декабря находится в карантине. Так время проходит от завтрака до обеда, чемнибудь да занят, то собрание, то совещание просто арттренаж» [1]. Тем не менее он тосковал по жене и добивался разрешения вывезти ее за границу. А 12 декабря офицер написал о работе военного трибунала и суда чести на месте его дислокации: «судили 2х офицеров офицерским судом чести, за безобразия творимые ими, присудили каждому задержать на год присвоение очередного звания. А сегодня судят одного младшего командира и бойца за кражу и продажу крупного рогатого скота, и одного красноармейца за самовольную отлучку. Судит их военный трибунал» [1]. В дневнике не описано, за какие именно преступления судили офицеров судом чести, однако эта запись свидетельствует о том, что советское командование следило за поведением и моральным состоянием военнослужащих и не позволяло им переходить определенные границы. Иногда нашему герою приходилось непосредственно решать возникающие проблемы. Так, 13 декабря он писал: «меня буквально ошеломили. Докладывает старшина о том что у одного бойца украли часы. Сколько я не бился и не искал <...> часы как в воду канули» [1]. Интересная история произошла в конце декабря: «меня возмутил такой факт

приходит к моему соседу, польский бургомистр и приказывает ему в 24 часа освободить квартиру, это ему который своей кровью добывал свободу всему поработанному гитлером народу. За то что он 4 года скрипел в землянке. Да очень наглый народ поляки. Хочет освободить квартиру тому кто за чужой спиной скрывался в дабавок имеющему здес же пекарню и магазин. Да он <...> обошелся с этим бургомистром очень мягко я бы не выдержал такой наглости» [1]. Здесь обозначено понимание бойцом Красной армии ее освободительной миссии в Европе, отражен остро вставший в послевоенное время жилищный вопрос, как видно, затронувший не только СССР. Также можно отметить характерную для советского дискурса неприязнь к мелкой буржуазии в лице поляка – владельца пекарни и магазина, который не сражался против нацистов.

Офицеры и местное население взаимодействовали и во время празднования Нового года. Сначала солдаты готовились, рисовали плакаты, писали поздравления, а затем «офицеры собрались встречать новый год и пригласили меня. <...> новый 1946 год встретили с бокалами в руках» [1]. Затем, около двух часов ночи, офицеры «собрались и пошли на польскую <...> “Забави”» [1]. Автор дневника описывает «танцы на полный ход и нашего брата офицера полным полно» [1]. После завершения мероприятия «появляется всеми нами “уважаемый” товарищ комендант и официальным тоном приглашает нас одеться и следовать за ним. Но тут просто наверно действовал инстинкт самосохранения. Где мы раздевались обнаружили черный ход ведущий во двор и там дальше совсем на другую улицу, но когда мы бежали по лестнице за нами увязался поляк думая что мы “воры”. И пока товарищи с ним разговаривали мы с другим другом подготовились и открыли ворота. <...> я открыл ворота и побежал за мной побежали двое и мы ушли оттуда» [1].

Данная история также демонстрирует, что за поведением и досугом офицеров следили, однако Е.В. Бондареву удалось избежать наказания: «На другой день шуму было очень много а я пока что отделался хорошо» [1]. Тем не менее следующая запись показывает, что контроль над дисциплиной был оправданным: «в ночь с 31го на 1е <...> рассказывали что была порядочная перестрелка между патрулями и отдельными военными» [1].

В новом 1946 г. были проведены выборы в Верховный Совет СССР – первые выборы, в которых приняли участие находящиеся

за границей советские военнослужащие [2], в том числе и Е.В. Бондарев с сослуживцами. Всю вторую половину января шла «кропотливая подготовка к выборам в верховный совет СССР. Сердце наполняется радостью ведь я первый раз буду принимать участие в этом грандиозном движении по выбору нашего правительства. Работы очень много уходишь из дому в 7 часов утра и приходишь 2300 а то и 2400» [1]. Несмотря на кропотливую работу, Е.В. Бондарев чувствовал воодушевление в преддверии выборов. 3 февраля 1946 г. в военной части даже провели «кросс имени Выборов в верховный совет», где «батарея моя вышла на одно из первых мест <...> Бежал во главе подразделения я сам <...> мне все время приходилось <...> подгонять отстающих» [1]. Сам день выборов описан скупо, но торжественно: «Вскорости и наступила долгожданная дата 10е февраля. Избирательный участок помещенный в нашем клубе был прекрасно оборудован. Пятым по счету я зашел и получил избирательные бюллетени и уже в 5 минут седьмого имел честь проголосовать за своих кандидатов» [1].

Помимо кросса в части устраивались и другие соревнования. Так, 19 февраля были проведены соревнования по стрельбе: «моим пришлось стрелять третьими по счету. Командование на моих людей не надеялось что выполнят задачу, а оказалось наоборот, вообще задачу выполнили <...> После стрельб пошла сразу проверка знаний вот тут они немного» [1]. По поводу обеспечения солдат в дневнике не дано подробностей, однако отсутствие жалоб может свидетельствовать о том, что обстановка была более или менее сносной. Однако при случае автор дневника не упускал возможности добыть мясную пищу охотой: «На днях отпросился у своего хозяина на охоту он меня отпустил. <...> Лес громадный и дичи в нем очень много. Целый день пробродили по лесу <...> мы собрались уходить и напали на небольшое стадо коз. (а до этого я убил двух белок из мелкокалиберки) получилось так что я с Сафаровым (моим парторгом) выстрелили одновременно попали в одну и ту же козу <...> Солдаты моей б-и и я покушали немного мяса» [1]. В конце февраля в дневнике была зафиксирована радостная новость: «на днях получил разрешение на право выезда Зоички на территорию Польши. Написал уже рапорт и жду когда оформят документы чтобы отправить моего посланца за ней». Однако «посланца» к жене Е.В. Бондареву удалось отправить лишь в марте 1946 г., а к началу апреля

дневниковые записи оборвались – к тому времени жена офицера еще не добралась до военной части.

Проанализированные нами дневниковые записи, относящиеся к 1945–1946 гг., дают представление о личном восприятии военнослужащим Красной армии событий, последовавших за победой СССР в Великой Отечественной войне. Победа над Германией, окончание войны стали радостными событиями для множества советских граждан, в том числе и для Е.В. Бондарева. Тем не менее советским гражданам предстояло возрождать страну и возвращаться к мирной жизни в условиях, которые оставили после себя нацистские захватчики. Нехватка мужского населения, разрушенные города – всё это нашло отклик в душе советского офицера.

Весть о том, что СССР вступает в войну с Японией, вызвала смешанные чувства – как усталость от войны, желание жить мирно и «увидеть жизнь» [1], так и стремление «вырваться на Восток» [1] и поскорее закончить Вторую мировую войну. Окончание войны позволило наладить быт и личную жизнь – Е.В. Бондарев женился на девушке, которую встретил еще в 1943 г.

Описание парада 7 ноября 1945 г. в Москве свидетельствовало о том, как соскучился народ по мирной жизни. Новое геополитическое положение СССР на мировой арене также оказывало свое влияние на жизнь военнослужащих – автор дневника был послан служить за границу. Повседневная жизнь там во многом состояла из военных подготовок, соревнований и обучающих занятий. Также дневниковые записи демонстрируют, что советское командование следило за поведением солдат и офицеров – иногда дело доходило до судов чести или даже военного трибунала. Кроме того, служба за границей означала и контакты с местным населением – не всегда доброжелательными со стороны местных. В дневниковых записях отражено столкновение советского солдата, справедливо считающего себя освободителем польского и других народов, ожидающего какого-нибудь сносного жилья в награду за четыре года боевых действий, и зажиточного поляка, отстаивающего свои мелкие интересы. Волнующим событием стало проведение выборов в Верховный Совет СССР в феврале 1946 г.: военнослужащие долго готовились к этому мероприятию и искренне радовались возможности проголосовать, даже находясь за границей. Таким образом, дневниковые записи демонстрируют взгляд «маленького человека» на те

большие события, которые происходили в первый послевоенный год, отражают часть мировоззрения того поколения, которое пережило тяжелое военное время и победило нацизм.

Источники и литература

1. Бондарев Е.В. Дневниковые записи за апрель 1945 г. – апрель 1946 г. // Семейный архив Е.В. Камынина.
2. Мотревич В.П. Выборы в Верховный Совет СССР 1946 г. // Документ. Архив. История. Современность. 2009. № 10. С. 372–381.
3. Правда. 1945. № 267.
4. Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М., 2017.

А.В. Проценко

ФЕНОМЕН *HISTOTAINTMENT* КАК ФАКТОР ОТРАЖЕНИЯ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

В современном социально-гуманитарном знании изучение исторической памяти занимает одно из центральных мест, что обусловлено ее ролью в формировании коллективной идентичности и легитимации политических порядков. Для современной России память о Великой Отечественной войне представляет собой фундаментальное «место памяти» (по выражению П. Нора), консолидирующее общество и являющееся основой патриотического воспитания [2: 15]. Однако в последние десятилетия процесс передачи и закрепления этих воспоминаний сталкивается с новыми вызовами, связанными с цифровой революцией и изменением форм потребления культурного продукта. Одним из таких вызовов выступает феномен *histotainment* (*history + entertainment*) – способ репрезентации исторического прошлого, при котором развлекательная функция доминирует над познавательной и воспитательной, а исторический нарратив подчиняется законам драматургии и зрелищности.

Необходимость осмысления этого феномена продиктована тем, как логика *histotainment* трансформирует традиционные формы мемориальной культуры (музеи, памятники, ритуалы) и создает

новые (компьютерные игры, блоги, исторические реалити-шоу). Вопрос о границах допустимой интерпретации военной истории, о сохранении ее сакрального смысла в условиях «общества спектакля» (Ги Дебор) приобретает не только академическое, но и острое общественно-политическое звучание.

Теоретические основания изучения исторической памяти заложены в трудах М. Хальбвакса, П. Нора, Я. и А. Ассман. Применительно к российскому (советскому) контексту фундаментальные исследования проведены такими авторами, как Д.Л. Хоффманн, который в коллективной монографии «Память о Второй Мировой войне в советской и постсоветской России» подробно анализирует эволюцию коммеморативных практик, подчеркивая преемственность героического нарратива [1; 5]. Вопросы типологии исторической памяти и ее трансформации в молодежной среде рассматриваются в работах Е.М. Арутюновой и других исследователей, которые выделяют такие типы, как «эмоционально-исторический», «формально-исторический» и «ценностно-исторический» [3: 303]. Однако феномен *histotainment* как специфический способ взаимодействия с прошлым, особенно в контексте Великой Отечественной войны, до сих пор не получил комплексного анализа в российской науке.

Термин *histotainment*, образованный от слияния слов *history* ('история') и *entertainment* ('развлечение'), обозначает специфический способ презентации исторического знания, при котором приоритет отдается зрелищности, эмоциональной вовлеченности и драматизации сюжета, нередко в ущерб фактологической точности и глубине. В отличие от научно-популярного жанра, который стремится к популяризации знаний с сохранением научной достоверности, *histotainment* ориентирован на законы рынка и массового спроса, превращая историю в товар, в продукт индустрии развлечений.

Истоки этого явления кроются в более широких процессах визуального поворота и медиатизации культуры, описанных еще в середине XX в. В современном цифровом пространстве *histotainment* становится доминирующим способом потребления прошлого для поколения, выросшего на клиповом мышлении и видеоиграх. Важно различать *histotainment* как форму (она может быть нейтральной или даже полезной, выступая «мостом» к более глубокому

изучению) и как идеологию, когда развлекательность полностью вытесняет рефлексию и критический анализ.

В контексте памяти о Великой Отечественной войне это ставит сложные этические и методологические вопросы. С одной стороны, традиционные формы коммеморации (уроки мужества, военные парады, монументы) часто не находят эмоционального отклика у молодежи. Согласно данным социологических исследований, значительная часть студентов демонстрирует «формально-исторический» тип памяти или даже «отсутствие памяти», что требует поиска новых каналов коммуникации [3: 303]. *Histotainment* (фильмы-блокбастеры, квесты, реконструкции) способен заполнить эту эмоциональную лакуну. Однако возникает риск подмены: вместо сложного, трагического и многомерного прошлого массовому потребителю предлагается его упрощенная, глянцева или, напротив, гипертрофированно жестокая версия, адаптированная под формат «удобного потребления».

Анализ современных мемориальных практик позволяет выделить несколько ключевых сфер, где влияние *histotainment* наиболее заметно и проблематично.

Кинематограф всегда был мощнейшим инструментом формирования исторических представлений. Однако современные блокбастеры о войне всё чаще подчиняются законам голливудской (или подражающей ей) драматургии: наличие обязательного героя-одиночки, универсализация сюжета (история любви на фоне войны как обязательный элемент), визуальная эстетизация насилия. Как отмечают исследователи современного военного кино, акцент смещается с «истории народа-победителя» на «историю человека на войне», что само по себе не является недостатком, но часто ведет к деполитизации и деисторизации контекста [6: 299–317]. В погоне за зрелищностью режиссеры жертвуют исторической достоверностью деталей (вооружение, форма, тактика), что формирует у зрителя искаженную картину прошлого. Проблема заключается в том, что для массового зрителя именно такой симулякр (по Ж. Бодрийяру) замещает собой реальную историю.

Традиционный музей с его витринами и этикетками сегодня проигрывает конкуренцию за внимание посетителя интерактивным форматам. Новые музеи, посвященные войне, активно внедряют мультимедийные технологии, зоны виртуальной реальности,

инсталляции. С одной стороны, это позволяет создать эффект погружения (иммерсивности). Например, экспозиции типа «Россия – Моя история» предлагают посетителю яркую, визуализированную историю, что привлекает молодежь. Однако критики справедливо указывают, что такая «история-аттракцион» неизбежно упрощает прошлое, сглаживая острые углы и предлагая готовые, эмоционально заряженные, но часто идеологизированные интерпретации. Подлинные артефакты войны (письма, дневники, личные вещи) рискуют затеряться в потоке мультимедийных эффектов, уступая место их симуляции. Музей рискует превратиться из места рефлексии в место потребления зрелища.

Наиболее радикальной формой *histotainment* выступают компьютерные игры и исторические блоги. Жанр видеоигр предлагает пользователю не просто наблюдать за историей, а «проживать» ее, принимая решения и идентифицируя себя с персонажем. Это создает мощнейший эффект присутствия. Однако логика игры требует соблюдения жанровых условностей (уровни, квесты, возможность «рестарта»), что принципиально противоречит нелинейной и фатальной природе реальных исторических событий. Как справедливо отмечают исследователи, в играх происходит «реконструкция исторического времени», но эта реконструкция всегда вторична по отношению к геймплею [4]. Проблема усугубляется тем, что для многих молодых людей первое и наиболее яркое знакомство с военной историей происходит именно через игры или короткие видеоролики в социальных сетях, где сложные исторические процессы редуцируются до уровня лайков и репостов. Происходит фрагментация исторической памяти, о которой писали еще классики социологии [3: 297].

При этом *histotainment* не является однозначным злом или благом. Это инструмент, который может использоваться в различных целях. Во-первых, он служит для коммерциализации памяти. Прошлое становится брендом, который продается. Это ведет к формированию «индустрии памяти», где спрос рождает предложение. Чем более сенсационной и упрощенной представляется история, тем лучше она продается. Это создает опасность вытеснения из публичного пространства сложных, неоднозначных сюжетов (например, коллаборационизма, цены Победы, трагедии плена) в пользу героико-патриотического или мелодраматического канона.

Во-вторых, *histotainment* активно используется в рамках исторической политики государства. Государство, финансируя масштабные проекты, использует развлекательный формат для трансляции нужного нарратива. Д.Л. Хоффманн подчеркивает, что в 2000-х гг. память о войне стала ключевым ресурсом консолидации и мобилизации общества, и в этом процессе задействованы все современные медиа [5]. В данном контексте *histotainment* служит инструментом политики памяти, делая ее более эффективной и заметной для массовой аудитории.

В-третьих, нельзя отрицать образовательный и эвристический потенциал феномена. Проблема в том, что современная система гуманитарного образования не всегда успевает подготовить молодежь к критическому восприятию подобных продуктов.

Таким образом, основное противоречие заключается в том, что, стремясь сделать историю «живой» и интересной, *histotainment* неизбежно упрощает и мифологизирует ее, заменяя сложную мозаику прошлого яркой, но плоской картинкой. Стирается грань между знанием и мнением, между документом и его художественной интерпретацией.

Источники и литература

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2014.
2. Нора П. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999.
3. Пузанова Ж.В., Нарбут Н.П., Ларина Т.И., Тертышникова А.Г. Типология исторической памяти о Второй мировой войне: методологические аспекты изучения (на примере студенчества РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 292–306.
4. Харитоновна Е.В. Историческое время Великой Отечественной войны как источник победы 1945 года // Психологический журнал. 2025. Т. 46. № 3. С. 5–13.
5. Hoffmann D.L. The Memory of the Second World War in Soviet and post-Soviet Russia. Abingdon; New York, 2022.
6. Norris S.M. The War Film and Memory Politics in Putin's Russia // The Memory of the Second World War in Soviet and post-Soviet Russia / Ed. by D.L. Hoffmann. Abingdon; New York, 2022. P. 299–317.

А.Н. Еремеева

ИСТОРИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОГО УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ СОБРАНИЯХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ¹

Монументальное увековечение памяти о Великой Отечественной войне, как известно, началось еще до ее окончания и продолжает-ся в наши дни. Уникальным источником по истории складывания монументального ландшафта являются документальные собрания органов государственной охраны объектов культурного наследия. Они до настоящего времени не систематизированы и не каталогизированы в полной мере. В открытом доступе находятся лишь списки объектов культурного наследия, причем не всегда актуальные, с указанием наименования и местонахождения объекта. Списки, как правило, сопровождаются данными о постановке на государственную охрану, номере по государственному списку, виде памятника, категории охраны, наличии учетной карты или паспорта, использовании (или информации о собственнике, пользователе, охранном обязательстве), а также краткими дополнительными сведениями.

Исследователи, ограничиваясь работой в государственных центральных и региональных архивах и библиотеках, «обходят стороной» архивы органов государственной власти, уполномоченных в сфере охраны объектов культурного наследия.

Памятники, увековечивающие подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны, имеются во всех городах и населенных пунктах. Особенно много их на территориях непосредственного противостояния фашистам, таких как Краснодарский край. Значительная часть памятников, ансамблей, достопримечательных мест имеет статус объектов культурного наследия федерального или регионального значения.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва» по теме «Эвристический потенциал документальных собраний органов государственной охраны объектов культурного наследия (на материалах Краснодарского края и Республики Адыгея)».

Город-герой Новороссийск представляет собой мемориальное пространство, складывавшееся более 80 лет. Его символы – памятники «Неизвестному матросу», «Непокоренным», ансамбль «Линия обороны» (объекты культурного наследия федерального значения) и многие другие – достойны отдельного рассмотрения. Как следует из новейших исследований, еще в 1958 г. предпринимались попытки присвоить Новороссийску звание города-героя [3].

В центре внимания данной статьи – мемориальный ансамбль на Сухумском (Сухумийском) шоссе у цементного завода «Пролетарий», включающий объект культурного наследия федерального значения памятник-символ «Здание Дворца культуры цементников, где в 1942 г. были остановлены немецко-фашистские захватчики и проходила линия фронта», и объекты культурного наследия регионального значения: «Памятник воинской славы, установленный на постаменте танк в честь танкистов – защитников города от немецко-фашистских захватчиков» и памятник «Братская могила».

Уникальная информация, касающаяся ансамбля и его составляющих, имеется в материалах комплексных натурных исследований, произведенных ООО «КубаньПроектРеставрация» в 2022 г. с целью установления границ территории объектов культурного наследия и режимов использования их территорий. По результатам данной работы был принят приказ администрации Краснодарского края № 752-КН от 5 сентября 2022 г.

141 ненумерованный лист проекта сброшюрован и хранится в архиве управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края [4]. Особый интерес представляет обосновывающая часть проекта – «Исходные данные» и «Предварительные работы». В них содержатся программа научно-проектных работ, схема расположения исследуемой территории в системе г. Новороссийска и на кадастровой карте, и, главное, информация об объектах культурного наследия, включающая копии постановления Совета Министров РСФСР от 4 декабря 1974 г., решения Краснодарского крайисполкома от 29 января 1975 г., копии паспорта на объект культурного наследия с фото и учетной карточкой 1976 г., архивную информацию об ансамбле с приложением схемы, историческую справку 1999 г., копии письма Министерства культуры РСФСР от 12 апреля 1989 г., приказа Министерства культуры РФ

от 11 ноября 2016 г., выписки из ЕГРН от 14 июня 2018 г., приказа администрации Краснодарского края от 3 марта 2022 г.

В кратком обзоре документов поясняется, в частности, что здание Дворца культуры цементников, где в 1942 г. были остановлены немецко-фашистские захватчики и проходила линия фронта, было изначально поставлено на государственную охрану и включено в список памятников истории и культуры республиканского (ныне федерального) значения постановлением Совета Министров РСФСР от 4 декабря 1974 г. Вместе с тем решением Исполнительного комитета Краснодарского краевого совета депутатов трудящихся от 29 января 1975 г. этот же объект вошел в состав мемориального комплекса (ансамбля) «Памятник-символ “Дворец цементников”», состоящего из разрушенного Дворца культуры цементников, братской могилы и танка Т-34. Мемориальный комплекс был признан памятником истории и культуры местного (то есть регионального) значения. В письме Минкультуры РСФСР от 12 апреля 1989 г. весь объект вновь указывается как мемориальный комплекс с государственным регистрационным номером 2389, в который входят 2389/1 – руины здания Дворца культуры цементников, где были остановлены немецко-фашистские захватчики и проходила линия фронта; 2389/2 – братская могила советских воинов, погибших в боях с фашистскими захватчиками; 2389/3 – танк Т-34, установленный в честь танкистов – защитников города от немецко-фашистских захватчиков; 2389/4 – скульптура воина. Таким образом, здание Дворца культуры одновременно числилось и как самостоятельный памятник федерального (республиканского) значения, и как составной элемент мемориального комплекса (ансамбля) регионального (местного) значения. Документы последнего десятилетия отражали изменения статуса памятников. Так, объект культурного наследия федерального значения «Здание Дворца культуры цементников...» – доминанта мемориального комплекса – в состав ансамбля формально не вошел.

Разработчики проекта предложили при решении вопроса о границах территории исходить из первоначального замысла и сути исторических событий, которым посвящены все объекты, и рассматривать их как составные части единого целого. Границы ансамбля распространили на все памятники, вне зависимости от их формальной принадлежности к ансамблю.

Описание особенностей объекта, послуживших основанием для включения его в реестр и подлежащих обязательному сохранению, произведено Г.И. Сурмак, бывшим региональным инспектором Краснодарского краевого комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) в г. Новороссийске. В этом недатированном документе имеются сведения о возникновении мемориального комплекса и отдельных объектов, в частности, о строительстве из железобетона, бутового камня и кирпича Дворца цементников, решенного в стиле неоклассицизма, по проекту А.В. Щусева (к лету 1941 г. была завершена первая очередь – так называемая театральная часть; открытие Дворца так и не состоялось), об инициаторе его строительства – К.Я. Миксоне, об обстрелах здания, находившегося на линии фронта с сентября 1942 по сентябрь 1943 г. Подробно описан обелиск, а также надгробный памятник, установленный в 1946 г., – гипсовая скульптура солдата в гимнастерке и плащ-палатке с пилоткой в правой руке и с лавровым венком, перевитым бантом, – в левой. История появления в ансамбле 9 мая 1971 г. танка Т-34 (скульпторы – Г. Петрова, В. Сливин) с аннотационной чугунной доской с текстом «Героям танкистам» связана Г.И. Сурмак с участием в освобождении Новороссийска 5-й гвардейской танковой команды под командованием полковника П.К. Шуренкова.

Представляются ценными исторические справки о каждом объекте ансамбля, составленные в 1999 г. Р.М. Соколовой – заведующей отделом Великой Отечественной войны Новороссийского исторического музея. В них, в частности, сообщается, что практически все тематические и обзорные экскурсии по городу включают посещение этого мемориального комплекса. Дана информация о принятом в 1950-е гг. решении Дворец цементников не восстанавливать и не сносить, а оставить потомкам как суровое напоминание о войне; сообщается об аварийном состоянии здания – рушится остов, упала часть стены, поэтому нахождение внутри опасно. Р.М. Соколова подчеркнула необходимость реконструкции памятника на братской могиле, в процессе которой важно предусмотреть занесение имен погибших и захороненных. Данное предложение реализовалось спустя два десятилетия: в результате реставрации 2021 г. на памятнике появилось 347 имен вместо изначальных 13 [2: 122].

Представляют интерес имеющиеся в проекте материалы натурной фотофиксации – 20 фотографий, сделанных М.Е. Артюховым

в 2022 г. Их полезно соотнести с представленными как архивные фотографии и зарисовками прошлых лет.

Указанная в документах дата открытия «светомузыкального» комплекса – 8 мая 1979 г. – позволила посредством обращения к периодике получить представление о конкретной коммеморативной практике. Тогда, накануне 34-й годовщины Победы, в сумерках десятки прожекторов осветили руины. Мощные динамики разносили голос диктора: «Вслушайтесь в молчание этих сохраненных навеки руин. Сегодня они заговорят». Звучали песни предвоенных и военных лет. Архивные аудиозаписи с сообщениями Юрия Левитана о ситуации на фронте, в том числе подвиге защитников Цемесской бухты, погружали участников мемориального события в прошлое. Перед собравшимися выступил первый секретарь Новороссийского горкома партии И.С. Ищенко [5]. Приведем еще один факт из истории изучаемого ансамбля: 9 мая 2021 г. временно снятый с пьедестала танк Т-34 участвовал в параде в честь 76-й годовщины Победы в Новороссийске [1].

Проведенное исследование свидетельствует о значительном потенциале документальных собраний органов государственной охраны культурного наследия в воссоздании истории складывания монументального ландшафта, отдельных памятников. Имеющиеся данные также могут значительно обогатить содержание экскурсий.

Источники и литература

1. Военный парад // Муниципальное образование город-герой Новороссийск. Официальный сайт администрации и городской думы. URL: <https://admnrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-09052021112857-89576/> (дата обращения: 24.02.2026).

2. Кольцевая Г. Новороссийск. Право на память: очерк-путеводитель. Краснодар, 2023.

3. Кринко Е.Ф. Документы о попытке присвоить г. Новороссийску звание города-героя в 1958 г. // Вестник архивиста. 2025. № 2. С. 493–511.

4. Проекты границ территории объекта культурного наследия федерального значения «Здание Дворца культуры цементников, где в 1942 г. были остановлены немецко-фашистские захватчики и проходила линия фронта», 1942 г., Краснодарский край, г. Новороссийск, Сухумское шоссе, у цементного завода «Пролетарий»; объекта культурного наследия регионального значения «Памятник воинской славы – установленный на постаменте танк в честь танкистов – защитников города от немецко-фашистских

захватчиков», 9 мая 1971 г., Краснодарский край, г. Новороссийск, Сухумское шоссе, у цементного завода «Пролетарий»; объекта культурного наследия регионального значения – ансамбля «Памятник-символ, «Дворец цементников», 1942–1943 гг., 9 мая 1971 г., Краснодарский край, г. Новороссийск, Сухумское шоссе, у цементного завода «Пролетарий», а также входящего в его состав объекта культурного наследия регионального значения – памятника «Братская могила», 1942–1943 гг., Краснодарский край, г. Новороссийск, Сухумское шоссе, у цементного завода «Пролетарий». Краснодар: ООО «КубаньПроектРеставрация», 2022 // Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. № 2389.

5. Ярцев Н. Ничто не забыто // Советская Кубань. 1979. 9 мая. С. 3.

Г.Д. Гриценко

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В условиях массового распространения диджитал-технологий возрастает роль визуализации информации как средства усиления ментальных процессов человека, процессов построения ментальных образов [7; 9]. Более того, как полагают специалисты по социальной коммуникации, визуализация информации становится фактором удовлетворения потребностей человека в получении ее в удобной и понятной форме, а также в интересном содержании [8]. Именно поэтому для расширения исторических знаний о событиях Великой Отечественной войны в последнее время приобретают значимость такие визуализированные формы представления информации, как выставки, экспозиции и др.

2025 год был годом 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, 2026-й – год 85-летия начала войны. Регионы Северо-Кавказского федерального округа приняли активное участие в закреплении в памяти общества этих исторических дат. Особенно сильно создаваемых экспозиций стало привлечение новых данных о героизме участников военных действий, мужестве работников тыла. Данный подход свидетельствует о стремлении организаторов увековечить память о тех героях, о которых по тем или иным причинам было известно небольшому кругу лиц, подвиги которых

долгое время не получали широкого освещения. Создание таких экспозиций способствует формированию ментальной основы для закрепления понимания того, что только единение всех народов многонациональной страны смогло обеспечить победу в Великой Отечественной войне и что такое единение важно для процветания Родины.

Среди таких мероприятий следует назвать открытие 9 мая 2025 г. в дагестанском с. Чагаротар дома-музея Героя России Абдулхамма Исмаилова, который вместе со своими боевыми товарищами – Алексеем Ковалёвым и Леонидом Горычевым – водрузил Знамя Победы над одной из башен Рейхстага в Берлине. Этот эпизод фронтовой фотокорреспондент Евгений Халдей запечатлел на фотоснимке, ставшем одним из символов Победы в Великой Отечественной войне. Однако о том, кто именно был изображен на фотографии, длительное время знали лишь единицы. И только в 1996 г. были оценены мужество и героизм А. Исмаилова: указом президента РФ ему присвоили звание Героя России [1]. Подвигу и жизни А. Исмаилова посвящены экспонаты дома-музея.

К визуализированным мероприятиям, возвращающим в историческую память примеры проявления массового героизма воинов и мужества мирных жителей, относятся выставки, посвященные Битве за Кавказ (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.). Ключевым этапом в разгроме гитлеровской армии на Северном Кавказе стала Малгобекская оборонительная операция, которой посвящена действующая на постоянной основе экспозиция «Оборона Малгобека в годы Великой Отечественной войны», открывшаяся в Ингушском государственном музее краеведения имени Т.Х. Мальсагова [3]. Малгобекская оборонительная операция – настолько важная веха в истории Великой Отечественной войны, что газета «Красная Звезда» сравнила защитников Малгобека с защитниками Москвы летом 1941 г.: «Здесь завязался важнейший узел событий второго года Отечественной войны. От исхода боев на юге зависит судьба Отечества, свобода и жизнь миллионов советских людей. На защитниках Советского юга лежит сейчас важнейшая ответственность за исход летней кампании 1942 года, за судьбу Советского государства. Их ответственность можно сравнить лишь с ответственностью защитников Москвы осенью 1941 года» (цит. по: [5]). Именно в Малгобеке с сентября по декабрь 1942 г. Красная армия сдерживала натиск

врага, остановив продвижение на восток немецко-фашистских войск. Именно из Малгобека 3 января 1943 г. началось освобождение Кавказа. На выставке представлены фотографии, мундиры советских и немецких солдат и офицеров, фрагменты свидетельств боев, найденные в ходе поисковой работы, книги, посвященные Малгобекскому сражению, и другие экспонаты, имеющие ценность в сохранении исторической памяти [3].

2026 год объявлен годом единства народов России. В этом контексте значимым событием стало проведение выставки «Женщины на войне. 1941–1945», которая открылась в Черкеске [2]. Особенностью данной выставки стал ее общероссийский формат. Экспозиция рассказывает о советских женщинах, которые в военные годы воевали на разных фронтах, трудились в тылу разных регионов, поддерживали как могли и чем могли защитников Родины. В частности, на одном из стендов рассказывается о женщинах-снайперах, среди которых заметное место отводится Нине Алексеевне Лобковской, родившейся в с. Фёдоровка Карагандинской области. Она уничтожила 89 солдат противника, став десятой по результативности среди советских женщин-снайперов Великой Отечественной войны [4].

На другом стенде рассказано о труженице колхоза «Путь к коммунизму» Ярославской области Прасковье Ефимовне Моровой, которая, проводив на фронт 10 сыновей и 14 внуков, продолжала работать, несмотря на свой преклонный возраст. Выработав более 300 трудодней, она из своих сбережений в 1943 г. внесла 3 тыс. рублей на формирование танковой колонны имени своего земляка – патриота земли русской Ивана Сусанина [6].

Представление визуализированных материалов, рассказывающих о подвигах советских людей на фронтах и в тылу в годы Великой Отечественной войны, можно продолжить. Однако даже приведенная информация свидетельствует о наличии огромного массива визуализированных документов, «рассказывающих» эмоционально ярко и жизненно достоверно о героях, которые своей каждодневной работой приближали Победу. Главное – такую деятельность необходимо продолжать, доводя до самых широких слоев населения, особенно молодого, документально визуализированную информацию о Великой Отечественной войне, которая историческую память делает прочной, социально значимой.

Источники и литература

1. В Дагестане открыли музей Героя России, водрузившего Знамя Победы над Рейхстагом // РЕН ТВ. 09.05.2025. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1332270-v-dagestane-otkryli-muzei-geroia-rossii-vodruzivshego-znamia-pobedy-nad-reikhstagom> (дата обращения: 03.03.2026).
2. Выставка «Женщины на войне. 1941–1945» // Карачаево-Черкесский колледж культуры и искусств имени А.А. Даурова. Официальный сайт. 27.02.2026. URL: <https://daurovcollege.kchr.muzkult.ru/news/138329394> (дата обращения: 03.03.2026).
3. Коззоева М. В ИГМК работает выставка, посвященная защитникам Малгобека // Сердало. Общенациональная газета Республики Ингушетия. 21.03.2025. URL: <https://serdalo.ru/v-igmk-rabotaet-vystavka-posvyashhennaya-zashhitnikam-malgobeka> (дата обращения: 03.03.2026).
4. Лобковская Нина Алексеевна // Советские снайперы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: <http://soviet-aces-1936-53.ru/snipers/abc/1/lobkovsk.htm> (дата обращения: 03.03.2026).
5. Матиев Т.Х. Малгобекский бастион: поворотный момент битвы за Кавказ, сентябрь – октябрь 1942 г. М., 2016.
6. Мать-патриотка // Звезда. 1943. 24 ноября. № 239. URL: <https://base.permgaspi.ru/zvezda/view?id=22876> (дата обращения: 03.03.2026).
7. Пескова О.В. О визуализации информации // Вестник МГТУ имени Н.Э. Баумана. Серия «Приборостроение». 2012. № 1 (1). С. 158–173.
8. Шевченко В.Э. Визуальный контент как тенденция современной журналистики // Медиаскоп. Электронный журнал факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. 2014. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1654> (дата обращения: 03.03.2026).
9. Card S.K., Mackinlay J.D., Shneiderman B. Readings in information visualization: using vision to think. San Francisco, CA, 1999.

Раздел 2

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЮЖНОМ ФЛАНГЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Б.Б. Кондратенко

ВООРУЖЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦ СССР 1932–1945 гг.

Восточные окраины России исторически рассматривались как уязвимые территории. Дальний Восток – это пограничный макро-регион, который в начале XX в. являлся ресурсно-сырьевым центром, военно-стратегическим форпостом на Тихом океане. Дальневосточный участок государственной границы СССР являлся самым протяженным, включал все виды границы: сухопутную, водную (морскую, речную, озерную), воздушную [4: 142, 143].

До середины 1920-х гг. иностранные компании и частные лица на основании заключенных в годы Гражданской войны соглашений практически беспрепятственно использовали ресурсно-сырьевую базу в собственных интересах. Сложившаяся ситуация определила основные задачи по формированию обороны и социально-экономического развития. Для Дальнего Востока была определена пространственная модель развития территории [7: 87–89].

В начале 1930-х гг. военно-стратегическая обстановка стала кардинально меняться. Япония осуществила выход на рубежи СССР. В 1931 г. был принят план «Основные положения оперативного плана войны»; в 1935 г. после оккупации Маньчжурии – «План войны против СССР». Согласно принятой доктрине, предполагалось нанести молниеносные удары по северной части о. Сахалин и южному Приморью. В 1936 г. была утверждена программа «Курс на оборону империи», которая учитывала мобилизационные возможности СССР и военный потенциал США. После анализа ситуации была принята доктрина «Основные принципы государственной политики Японии», которая предполагала расширить сферу влияния в Азии и затем приступить к корректировке и разработке плана основных ударов по территории СССР. Для этого предполагалось увеличить количество

войск в два раза от численности группировки войск Красной армии на Дальнем Востоке [1: 45–47; 2: 33, 34; 3: 45, 46, 47].

Параллельно с разработкой военно-стратегических планов создавался плацдарм для развертывания воинских соединений. Мероприятия, развернувшиеся вблизи советской границы, были направлены на расширение сети объектов военного назначения [9: 14].

С середины 1930-х гг. характер взаимоотношений изменился от столкновений между пограничниками и группами нарушителей к боевым действиям. Противник стал использовать диверсионно-разведывательные группы под прикрытием вооруженных отрядов численностью до 100 человек, а развернутые в непосредственной близости к границе СССР огневые расчеты – до 500 человек, вооруженных пулеметами и в отдельных случаях минометами.

Боевые столкновения на советской границе стали регулярными. Так, 17 апреля 1935 г. на участке пограничной заставы «Полтавка» советский пограничный наряд обнаружил группу японцев в составе восьми человек, которая двигалась к месту засады численностью 20 человек другой группы. В результате боя все спешно покинули пределы СССР. Боевое столкновение между диверсионным отрядом нарушителей в составе 15 человек и советским пограничным нарядом в составе четырех человек произошло 1 мая 1935 г. В результате два пограничника были убиты, а старший наряда А. Краев был ранен, а затем убит. 3 июня 1935 г. пограничный конный наряд в составе двух человек в районе пади Шереметьева столкнулся с японским вооруженным отрядом численностью 12 человек, старший наряда Силуянов был убит и обезглавлен, а голову нарушители забрали с собой как трофей [5: 453, 456, 461].

Масштабное боестолкновение произошло в 1936 г. на участке Гродековского погранотряда с участием 47 человек личного состава двух пограничных застав, а также 300 человек стрелкового батальона Красной армии. Противник сосредоточил силы двух рот и одной пулеметной роты прикрытия на сопредельной стороне границы СССР. Боевые действия шли двое суток за высоту сопки Пионер и падь Мещерякова. В бою погибли трое пограничников (Агеев, Стариков, Грачев), семь были тяжело ранены, один пропал без вести. По масштабу боевое пограничное столкновение переросло в военный конфликт [6: 146–155].

В марте 1939 г. пограничники заставы Грушевая Ханкайского пограничного отряда неоднократно отражали нападение

вооруженных групп (15 и 40 человек) с сопредельной стороны. Нападение отряда численностью более 400 человек (две роты пехоты, один взвод кавалерии) дальневосточные пограничники отбивали совместно с ротой РККА. Участники этого боя были представлены к государственным наградам: всего 16 человек были удостоены высоких воинских наград, из них один стал Героем Советского Союза, шесть человек награждены орденом Красного Знамени, один – орденом Ленина, два – орденом Красной Звезды, шесть – медалью «За отвагу» [5: 574–579].

В 1930-е гг. на дальневосточных рубежах развернулись интенсивные боевые столкновения, в отдельных случаях они перерастали в пограничные и вооруженные конфликты. Их отражали солдаты пограничных войск и бойцы Красной армии. На сопредельной стороне границы противник завершил основные подготовительные мероприятия по нападению на СССР. Многочисленные провокации носили характер проверки системы обороны государственной границы Советского Союза.

В 1940 г. интенсивность вооруженных нарушений границы снизилась. Крупных боевых столкновений не отмечалось, но наряды периодически подвергались обстрелам [8: 154, 156, 200].

За 1941 г. было зафиксировано 765 случаев нарушения границы (14 нарушений остались не выявлены), 19 случаев обстрела советской территории и мирного населения, проживающего в непосредственной близости к государственной границе, 15 случаев обстрела пограничных нарядов, три случая вооруженного захвата и удержания территории с применением вооруженных диверсионно-разведывательных групп, восемь случаев нарушения правил плавания и обстрелов пограничных катеров, 16 случаев авиаобстрела территории, выявлено 246 разведчиков, перешедших границу СССР [10: 13; 9: 67].

В 1942 г. было зафиксировано пять случаев обстрела территории, один факт захвата в плен мирного населения, два – нарушения границы военнослужащими сопредельной стороны. Всего было задержано 573 нарушителя государственной границы, из них 128 переходили границу в составе организованных вооруженных диверсионно-разведывательных группировок. Среди нарушителей 72 человека являлись военнослужащими Маньчжурской армии, 123 – китайскими партизанами, 128 – представителями разведки

Японии и других государств. С сопредельной стороны государственной границы СССР регулярно обстреливались пограничные наряды, гражданское население, осуществлялись поджоги продовольственных складов [10: 22, 86, 87, 89; 11: 9].

В 1943 г. на сухопутном участке границы Приморского округа было зафиксировано три боевых столкновения. Самое крупное – 26 июня 1943 г. на участке 69-го Ханкайского пограничного отряда, когда на советской территории была обнаружена диверсионная группа. Для ликвидации военной угрозы были задействованы силы Красной армии [11: 242]. Боевые столкновения носили характер организованного вооруженного нападения. До Великой Отечественной войны, когда в отражении агрессии были задействованы соединения Красной армии, конфликт приравнялся к пограничному.

В 1939–1945 гг. дальневосточная граница СССР регулярно нарушалась. Боевые столкновения, ружейно-пулеметные обстрелы пограничных нарядов вынуждали держать группировку войск Красной армии вблизи советской границы. Действие пакта о нейтралитете, заключенного между СССР и Японией в мае 1941 г., ограничивало применение войсковых соединений РККА при защите дальневосточной границы, увеличивало нагрузку на пограничников в условиях недостатка личного состава. Дальневосточные пограничники имели право применять оружие на приграничной с сопредельными государствами территории.

В годы Великой Отечественной войны граница подвергалась провокациям. Ситуация требовала вмешательства и изменения военно-стратегической обстановки. Переход к мирному строительству при наличии на границах вооруженного противника с его доктриной захвата территорий не представлялся возможным. Провокационные действия носили характер втягивания СССР в войну с Японией с целью перебросить войска с фронтов Великой Отечественной войны. Менялась интенсивность провокаций, от открытого огневого противостояния до скрытых диверсионных актов, однако цель не менялась. Эти факторы служили логическим основанием для вступления СССР в войну с Японией, в том числе для выполнения союзнических обязательств перед странами антигитлеровской коалиции.

Несмотря на сложности в служебно-боевой деятельности пограничных войск, СССР удалось комплексно трансформировать

систему пограничной охраны и минимизировать угрозы безопасности на дальневосточных рубежах. Исходя из опыта, полученного в пограничных и военных конфликтах, задачи пограничников были изменены в период подготовки к проведению военно-стратегических операций на заключительном этапе Второй мировой войны.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012.
2. Вооруженные силы Японии. История и современность. М., 1985.
3. Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Бараброса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011.
4. Ларин В.Л. Тихоокеанская политика России в начале XXI века // Свободная мысль. 2007. № 2. С. 142–155.
5. Пограничные войска СССР: сб. документов и материалов. М., 1972.
6. Смирнов А.Г. У самой границы. История Пограничного района. Владивосток, 2005.
7. Ткачева Г.А. Административно-территориальное деление Дальнего Востока России в 20–30-е годы // Исторический опыт освоения Восточных районов России: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции, Владивосток, 20–22 сентября 1993 г. Кн. 2. Владивосток, 1993. С. 86–89.
8. Центральный пограничный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ЦПА ФСБ РФ). Ф. 220. Оп. 1. Д. 67.
9. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 176.
10. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177.
11. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128.

К.С. Инюшев

УЧАСТИЕ ДИВЕРСИОННО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ГРУПП ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1942 гг.¹

В современной историографии сложился корпус исследований, посвященных истории добровольчества в годы Великой

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2026 г. (проект № 125011200146-5).

Отечественной войны. Формами добровольчества традиционно считают подпольное и партизанское движение, народное ополчение, работу во вспомогательных службах. Однако данная типология не исчерпывает всего многообразия патриотических инициатив в военное время. Показательным примером служит участие советских граждан в диверсионно-разведывательных группах, которое долгое время не рассматривалось в качестве отдельного направления добровольческого движения.

В советских исследовательских очерках диверсанты растворялись в общей массе партизан, а их деятельность изучалась в контексте независимых добровольческих инициатив на оккупированных территориях СССР [7; 8]. Современная историография, напротив, сместила фокус на исследование деятельности диверсантов как одной из форм целенаправленной политики органов государственной безопасности [1; 2]. Тем не менее реальная практика допускала сочетание централизованного и добровольного начала в организации данных групп. Анализ материалов из архивов Ростовской области демонстрирует, что статусом диверсанта могли обладать разведчики-добровольцы вне прямых ведомственных связей с Народным комиссариатом государственной безопасности СССР и Народным комиссариатом внутренних дел СССР (далее – НКВД).

Другим недостаточно освещенным аспектом в истории служебной деятельности диверсионных групп остается их функциональное назначение. В большинстве работ, посвященных истории специальных служб, внимание авторов сосредоточено на реализации данными формированиями типичных разведывательных задач [3; 9]. Вне поля зрения остаются проблемы взаимодействия диверсантов с фронтовыми частями, а также концептуальное осмысление их места и роли в системе управления советской политикой на захваченных территориях.

Цель данной работы – изучить историю деятельности и способы формирования диверсионно-разведывательных групп органов государственной безопасности СССР на территории Ростовской области, а также определить их роль в политике советского руководства в оккупированных районах Донского региона в период с сентября 1941 г. по июль 1942 г. В качестве источников были привлечены материалы партийных организаций Дона о борьбе с оккупантами на захваченных территориях, хранящиеся в Центре документации новейшей

истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО), а также документы штаба истребительных батальонов Управления НКВД Ростовской области в Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО).

Формирование диверсионного аппарата на территории Ростовской области развернулось вследствие приближения линии фронта к границам региона в сентябре 1941 г. Уже со второй декады сентября 1941 г. в западных районах Донского края была проведена серия собраний назначенных 4-м отделом НКВД Ростовской области партизанских командиров и уполномоченных инструкторов в сфере диверсионно-подрывных работ. По итогам проведенных мероприятий была начата подготовка местного диверсионно-агентурного аппарата в целях координации действий добровольцев [12: 189].

Подготовка кадров местной агентуры проходила при тесном взаимодействии областных партийных организаций и Главного управления НКВД Ростовской области. Добровольцы из рядов советских политработников и активистов, вступившие в партизанские отряды, переводились на специальное обучение в истребительные батальоны НКВД [4: 2]. В целях создания организационной структуры диверсионно-разведывательного аппарата для сотрудников районных отделений НКВД проводились групповые семинары, где рассматривались вопросы устройства агентурной сети, методов связи и легализации разведчиков во вражеском тылу [10: 61].

Однако в связи со стремительным развитием событий первой оккупации Ростовской области в октябре — ноябре 1941 г. завершить подготовку диверсионно-агентурного аппарата в прифронтовых районах региона не удалось. Это было обусловлено внеплановой эвакуацией ответственных руководителей и вынужденным отступлением осведомителей и разведчиков в составе партизанских отрядов [4: 5]. В результате запланированная система взаимодействия руководства Ростовской области с ее оккупированными западными районами налажена не была. В целях реорганизации диверсионного аппарата на захваченных территориях предполагалось развернуть отправку через линию фронта групп добровольцев-разведчиков, в чьи задачи входило обеспечение управления местными партизанскими отрядами и внедрение каналов связи и влияния среди населения во вражеском тылу [4: 9].

Приступить к реализации данных планов удалось лишь после завершения Ростовской наступательной операции в декабре

1941 г. С этого времени в оккупированных и в прифронтовых районах Ростовской области стали действовать группы диверсантов, укомплектованные уроженцами Донского края. Координация их действий велась из разведывательных центров, организованных 4-м отделом НКВД в ст. Кагальницкой, с. Стефанидинодар и с. Семибалки [6: 65]. Район диверсионных операций распространялся от Азовского моря до с. Екатериновки и Анастасиевки, а замерзший Таганрогский залив стал коридором, по льду которого осуществлялась переброска агентуры [14: 87].

Основным кадровым ресурсом для формирования диверсионных групп являлись отступившие с Красной армией партизанские отряды прифронтовых районов Ростовской области. Нередко весь их личный состав переориентировался на выполнение диверсионных задач. К созданию диверсионных групп широко привлекались бойцы местных истребительных батальонов, созданных в целях оказания помощи органам НКВД [5: 90–94].

В данных обстоятельствах личный состав первых диверсионно-разведывательных формирований отличался отсутствием качественной агентурной подготовки. Во многом это было обусловлено акцентом, заданным при подборе кадров: прежде всего партизаны, переведенные в статус диверсантов, обладали безупречными политическими характеристиками [14: 1]. Среди участников сводных партизанских отрядов, отправляемых через линию фронта, находились партийные секретари, председатели исполкомов и бригадиры колхозов [13: 7]. Вследствие этого многие разведчики не имели возможности легализации и конспиративной работы среди населения [13: 5].

Невзирая на объективные трудности, действующим в прифронтовых районах или во вражеском тылу агентурным группам удалось наладить системную поддержку местных партизанских отрядов. Диверсионно-разведывательные подразделения связывали деятельность добровольческих формирований, разведотделов близлежащих воинских частей и политического руководства Ростовской области [10: 60]. Одновременно диверсанты исполняли роль посредников между эвакуированными властями и населением на захваченных территориях: в ходе агитационно-разъяснительных работ местным жителям рассказывали о стратегических успехах Красной армии и ее скором переходе в решительное наступление. Среди донских жителей во вражеский тыл возвращались

эвакуированные политработники, благодаря чему в подконтрольных врагу районах предполагалось восстанавливать партийные связи [4: 46]. Тем самым закладывалась основа для координации взаимодействия наиболее инициативных граждан, решительно настроенных против оккупационных властей. Это позволяло использовать их организационный потенциал в интересах военного руководства, а также формировать из их числа новые подпольные и партизанские группы [11: 5].

Однако первые мероприятия диверсионно-разведывательных групп в оккупированных западных районах Ростовской области оказались подчинены приоритету военно-тактических действий, что определялось высокой интенсивностью боев на южном направлении в конце 1941 г.

Одними из первых в январе 1942 г. во вражеском тылу развернули деятельность группы Гуды и Рыбальченко. Район их деятельности охватывал западное побережье Таганрогского залива [13: 1]. Разведчикам удалось произвести несколько вооруженных налетов на вражеские прибрежные гарнизоны, ликвидировать военного коменданта, а также вывести в тыл группу бежавших из лагерей военнопленных и мирных жителей [13: 2].

В конце января 1942 г. разведгруппы были объединены с Александровским партизанским отрядом. Сводная группа численностью 49 человек 25 января выдвинулась по льду Азовского моря в расположение вражеских частей. Но ее состав «проявил моральную неустойчивость, что повлекло распространение панических настроений». Вследствие этого задачи в прифронтовой зоне диверсионной группой выполнены не были, а значительная часть добровольцев «разъехалась по домам» [13: 4].

Последующие мероприятия в прибрежных районах Таганрогского залива носили более ограниченный характер. Действия диверсантов сводились к огневым налетам на вражеские гарнизоны и к нарушению коммуникаций в близлежащем тылу противника. Группы добровольцев проводили регулярные диверсионные акты вдоль логистических маршрутов из Мариуполя в Таганрог, Матвеев Курган и Ряженое [11: 5, 6]. Нередко они привлекались для прямой помощи подразделениям Красной армии – например, для обеспечения их навигации в незнакомой местности, а также сбора разведанных [10: 63].

Однако результативность вылазок часто снижалась в силу просчетов в планировании диверсионных операций. Диверсанты сбивались с маршрутов, обнаруживались береговой охраной и возвращались на исходные позиции в азовских плавнях. Даже при успешном пересечении Таганрогского залива их деятельность, как правило, ограничивалась по срокам. Тяжелое хозяйственное положение в оккупированных районах и отсутствие заблаговременно подготовленных источников снабжения вынуждали добровольцев ограничиваться краткосрочными операциями во вражеском тылу [15: 2].

В связи с этим накануне Таганрогско-Покровской операции, во второй половине февраля 1942 г., местное военно-политическое руководство приняло меры по организации серии крупных диверсионных операций, ориентированных на поддержку наступающих соединений Красной армии. Для реализации поставленных задач был сформирован сводный партизанский отряд численностью 307 бойцов [13: 12].

С учетом неудачного опыта отряд был обеспечен необходимыми сведениями об устройстве обороны противника и четко сформулированными задачами на протяжении всех этапов предстоящей диверсии. Разработку плана налета осуществил 4-й отдел Управления НКВД Ростовской области, в частности, заместитель его начальника – полковник НКВД Брагин, а командование отдельными взводами диверсантов осуществляли сотрудники 5-го и 2-го отделов НКВД Сухих и Кимшаль [13: 13]. В преддверии наступления сил Южного фронта 7 марта 1942 г. отряд был подчинен политотделу 56-й армии, что отчасти сковывало деятельность партизан. Выступление отряда ставилось в зависимость от сигнала военного руководства, в связи с чем он бездействовал до 19 марта. Лишь в ночь с 22 на 23 марта партизаны выступили в направлении населенных пунктов Ново-Бессергеновки и Бацманова [4: 9, 27].

В результате операция завершилась лишь ограниченным успехом. Диверсантам удалось совершить серию огневых налетов на несколько опорных пунктов противника и дестабилизировать пути его отступления [13: 20]. Однако дальнейшего развития их действия не приобрели. Заместитель начальника 4-го отдела Управления НКВД Ростовской области Брагин резюмировал: «Партизанский отряд по своей организованности, составу и огневой мощи в состоянии был сделать значительно больше, но будучи скован

приказом командования «выжидать» сигнала, большего сделать не смог» [4: 26]. Приведенная оценка показала, что несогласованность решений военного командования и органов государственной безопасности лишала подразделения оперативной самостоятельности, снижая их боевой потенциал.

В связи с этим практика использования партизанских отрядов в качестве диверсионных подразделений в дальнейшем была пересмотрена. Личный состав отрядов стал источником комплектования малых агентурных групп, переподчиненных напрямую разведывательным ведомствам [4: 9]. Планирование операций во вражеском тылу перешло в ведение ответственных структур госбезопасности, а подготовка диверсионных групп переориентировалась на обеспечение долгосрочной деятельности в автономных условиях [4: 61].

Итак, на начальном этапе оккупации задачи первых диверсионно-разведывательных групп выполняли партизанские отряды западных районов Ростовской области. Добровольцы, пересекающие линию фронта с диверсионными задачами, не являлись штатными сотрудниками разведотделов Красной армии или органов НКВД, но их деятельность была подчинена единому стратегическому замыслу военно-политического руководства на южном направлении. Только вследствие неудачного опыта применения непрофессиональных, смешанных по составу партизанских отрядов работа местного диверсионно-разведывательного аппарата была подчинена профильным разведывательным ведомствам. В функциональном отношении диверсанты не ограничивались выполнением сугубо военных задач, находясь в зоне пересечения компетенций общевойсковой разведки, органов НКВД и партийных организаций. Таким образом, изучение деятельности диверсионно-разведывательных групп не только расширяет известный перечень добровольческих практик в годы Великой Отечественной войны, но и наглядно демонстрирует процесс трансформации ситуативных общественных инициатив в организованные формы борьбы с врагом.

Источники и литература

1. Андрианов В.Н. Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990.
2. Боярский В.И. Партизаны и армия: история утеранных возможностей. Минск; М., 2001.

3. Веденеев Д.В., Колтакиди А.И., Чертопруд С.В. Разведка Судоплатова. Зафронтовая диверсионная работа НКВД-НКГБ в 1941–1945 гг. М., 2015.
4. ГАРО. Ф. 3656. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАРО. Ф. 3656. Оп. 1. Д. 32.
6. ГАРО. Ф. 3656. Оп. 1. Д. 69.
7. Киселев В.К. Партизанская разведка, сентябрь 1943 – июль 1944. Минск, 1980.
8. Мищенко Г.П., Мигрин Г.П. Задача особой важности (партизанская разведка, 1941–1945 гг.). Киев, 1985.
9. Попов А.Ю. Диверсанты Сталина. М., 2018.
10. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2.
11. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 3.
12. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 7.
13. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 9.
14. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 11.
15. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 13.

А.Н. Заблотский, И.А. Заболотский

590-й ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЙ АВИАПОЛК В ТАГАНРОГСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (март 1942 г.)

В настоящей работе авторы продолжают воссоздавать хронику боевых действий в воздухе на Дону и Северном Кавказе в 1941–1942 гг., начатую ими в книге «Ростовское небо. Осень 1941-го...» [2]. На этот раз речь пойдет об участии советской авиации в неудачной Таганрогской наступательной операции 56-й армии Южного фронта в марте 1942 г. на примере боевой работы 590-го истребительного авиаполка (далее – иап) 73-й смешанной авиадивизии (далее – сад).

Авиации в этой операции ставились следующие задачи: «Взаимодействует с наземными войсками на поле боя. Подавляет артиллерию и огневые точки противника. Штурмует подходящие резервы. Не допускает подвоза оперативных резервов по грунтовым и железным дорогам с направления Сталино – Мариуполь» [5: 6].

590-й иап к весне 1942 г. был ветераном боев на ростовском направлении. Полк был сформирован перед войной в апреле 1941 г. в Ставрополе как 272-й иап. В августе полк был переформирован и 3 октября переименован в 590-й иап. Боевые действия полк начал 11 сентября на самолетах И-16 и И-15бис [1: 656–657].

Летчики полка штурмовали немецкие моторизованные колонны, рвавшиеся к Таганрогу, а затем и к Ростову. Полк воевал самоотверженно и достаточно эффективно. Ценой этого стали большие потери личного состава и техники и полная утрата боеспособности. 10 декабря 1941 г. в журнале боевых действий полка (далее – ЖБД) даже появляется такая запись: «590 иап в течение 10.12.41 г. боевых вылетов не производил ввиду отсутствия матчасти самолетов» [8: 63]. В течение месяца, в период плохой погоды, боеспособность полка была частично восстановлена.

8 марта 1942 г., еще затемно, в шестом часу утра советская пехота пошла вперед. С рассветом, ближе к семи часам, начала работать наша артиллерия. В 7 ч 20 мин бипланы 590-го иап поднялись в свой первый в этот день вылет. Целью стали позиции вражеской артиллерии на окраинах Покровского. Менее чем полтора часа спустя «бисы» и «чайки» ушли на второй боевой вылет [6: 56]. Целью самолетов 590-й иап во второй половине дня стало находившееся в немецком ближнем тылу с. Рясное. При штурмовке Рясного на земле произошло два больших взрыва.

Последний в этот день боевой вылет состоялся уже вечером. На подходе к цели наши самолеты были атакованы «мессершмиттами». По докладу летчиков, был сбит Bf-109 (немецкими документами не подтверждается) [9]. Один И-15бис был подожжен на подходе к цели, но летчик на горящей машине сбросил бомбы на немецкие позиции. За первый день боев 590-й иап совершил 50 самолетовылетов (3–4 на каждый боеготовый самолет), на позиции врага сброшено по 60 бомб ФАБ-50 и АО-25, израсходовано 13 тыс. пулеметных патронов, выпущено 19 РС-82. В ЖБД полка отмечено: «По наблюдениям экипажей уничтожено 11 автомашин, 4 зенитных орудия, 8 артиллерийских орудий, 2 автоцистерны с горючим, 4 миномета, 5 лошадей, 5 повозок, до 160 солдат и офицеров» [8: 112].

В первую половину дня 9 марта по всей полосе Южного фронта отмечался туман, но всё равно 590-й иап смог совершить без потерь 25 боевых вылетов на цели в окрестностях с. Покровского.

За 10 марта 590-й иап совершил только один групповой вылет шестью И-15бис на удар по узлу вражеской обороны в Джерегановой балке. Сильный зенитный огонь помешал наблюдать результаты атаки. На обратном пути подбитый немецкими зенитками

над целью И-15 упал и сгорел в нескольких километрах северо-восточнее с. Политотдельского.

С 11 по 13 марта на фронте стояло относительное затишье. Погода становилась всё хуже, поэтому три дня авиация не летала.

14 марта погода не улучшилась, но ударная группировка 56-й армии снова двинулась в наступление. Авиация, в том числе и 20-я сад с соседнего участка фронта, делала всё возможное, чтобы подавить огневые средства противника и тем самым помочь наступающим частям 56-й армии прорвать вражескую оборону. ЖБД 590-го иап описывает погоду 14 марта как нелетную: «облачность Н=50–100 метров, разорванно-слоистая. Видимость 200–400 метров. В течение дня поземка высотой 2–3 метра» [8: 115]. Но полк поднял в воздух 10 машин. Одновременно взлетели восемь И-16 из 88-го иап 20-й сад.

Цель обеих групп была определена как атака на немецкую артиллерию и войска в Джерегановой балке. Группа 590-го иап накрыла три зенитные пушки и танк противника, обнаружила позиции двух артиллерийских батарей. Эскадрилья 88-го иап отработала реактивными снарядами и стрелково-пушечным вооружением по немецким позициям. По докладам летчиков, были разбиты два полевых орудия и расстреляна прислуга еще двух. По времени и месту этот налет примерно совпал с печально известной неудачной атакой группы танков 63-й танковой бригады, возглавленной комбатом капитаном М.В. Юдиным.

Самолеты 590-го и 88-го полков, сменяя друг друга, работали по этим целям в течение светового дня. В полковом ЖБД 590-го иап честно записано: «Результат удара в виду плохой видимости не наблюдался» [8: 115]. Но главное – расположившиеся здесь немецкие артиллерийские батареи всё 14 марта находились под непрерывным огнем воздействием.

На следующий день 590-й иап снова работал по вражеской артиллерии в Джерегановой балке и в с. Покровском. На этот раз в строю были уже 15 И-15бис и 3 И-153. День стал для полка рекордным: за 55 боевых вылетов было сброшено 140 бомб, выпущено 24 реактивных снаряда, 47 500 патронов [8: 116]. Погода несколько улучшилась, и в воздухе снова появились «мессершмитты». При уклонении от их атак в воздухе столкнулись и упали в районе х. Копани два И-15бис. Еще один не вернувшийся на свой аэродром самолет, вероятно, был сбит пулеметным огнем с земли.

16 марта 590-й иап силами 11 И-15бис и звена И-153 без потерь со своей стороны нанес бомбо-штурмовые удары по артиллерии, живой силе и автотранспорту противника в районах х. Рясного, Некрасова и рощи западнее с. Покровского.

На следующий день 17 марта восемь И-15бис и один И-153 590-го иап штурмовали немецкие части в Джерегановой балке. Зенитным огнем было сбито два самолета И-15бис.

Непогода заставила сделать вынужденный перерыв на двое суток, до 20 марта, когда семь И-15бис вылетели на штурмовку позиций немецкой артиллерии в районе с. Покровского. В момент атаки наши самолеты сами попали под удар «мессершмиттов», поэтому атаку пришлось прервать и срочно оттягиваться через линию фронта на свою сторону. В воздушном бою был сбит один самолет, однако летчику удалось посадить свой «бис» на нашей стороне в районе Новосёловки. Еще два И-15бис вернулись на аэродром с повреждениями и требовали полевого ремонта.

Несмотря на все усилия частей 56-й армии, так и не удалось прорвать немецкую оборону. Поэтому командование армии продолжило попытки всё-таки отыскать слабое звено в обороне Миус-фронта. 21 марта у пилотов 590-го иап появляется новая цель – немецкие позиции на кургане Солёном. По ним в течение дня было выполнено три полковых вылета группой из 11 И-15бис. По докладом летчиков, было уничтожено 4 автомашины, 14 повозок и до 170 солдат противника; разрушено 3 ДЗОТа, подбито 5 орудий [8: 120].

На следующий день 22 марта 10 И-15бис нанесли два удара по той же цели. Несмотря на сильный зенитный огонь, потерь не было.

23 марта, по опыту боев осени – зимы 1941 г., была сделана попытка вытеснить немецкую авиацию с таганрогского аэродромного узла. Рано утром семь И-15бис 590-го иап проштурмовали летное поле аэродрома «Таганрог-Центральный». Было сброшено 8 бомб ФАБ-50, 12 АО-25, израсходовано 3 тыс. пулеметных патронов. Несмотря на открытый с земли сильный зенитный огонь, ударная группа вернулась без потерь [8: 121]. По докладом летчиков, был уничтожен один истребитель и повреждены два бомбардировщика, что не было подтверждено противником [9]. Этот удар по аэродрому так и остался единственным, и вряд ли одна штурмовка могла заставить немцев перелететь из Таганрога в Мариуполь.

24 марта самолеты 590-го иап снова вернулись на линию Миус-фронта. Дважды за день девять И-15бис разрушали проволочные заграждения и штурмовали передовые немецкие позиции в полосе нашего будущего наступления у кургана Солёного. Несмотря на сильный зенитный огонь, боевых потерь не было. Однако небоевую потерю полк всё же понес. Возвращаясь с утреннего боевого вылета, ведущий группы при бреющем полете в районе с. Большие Салы, задел землю. Самолет был разбит и не подлежал ремонту.

25 марта погода опять начала портиться. Всё равно полк выполнил один вылет. Восемь И-15бис штурмовали позиции немцев на западных скатах кургана Солёного. В районе цели был отмечен сильный зенитный огонь. Из-за низкой облачности результатов атаки летчики не наблюдали. Был сбит один самолет.

26 марта части 56-й армии начали третью попытку в ходе этой операции прорвать Миус-фронт. На этот раз направление главного удара еще немного сместилось на юго-восток. Части армии начали штурм высоты Безымянной и кургана Солёного. Задачей авиации было уничтожение артиллерии и огневых точек противника на участке прорыва, а также непосредственная поддержка пехоты на поле боя. Однако в разработанные планы внесла свои коррективы погода. Первые два дня боев, 26 и 27 марта, из-за нелетной погоды наша авиация оставалась на своих аэродромах. В воздух самолеты 590-го иап смогли подняться только 28 марта, когда девять И-15бис штурмовали немцев в западной части Джерегановой балки и на западных скатах кургана Солёного.

29 марта, как и накануне, был выполнен один боевой вылет шести И-15бис по позициям артиллерии противника юго-западнее кургана Солёного и в западной части Джерегановой балки. По докладам летчиков, было уничтожено до 25 солдат, подбито два орудия, разрушено прямым попаданием бомб три вражеских окопа. Своих потерь не было. 30 марта с улучшением погоды увеличились объемы боевой работы. Утром четыре И-15бис штурмовали немецкие минометные батареи в районе высоты 82.8. Затем группа из восьми самолетов нанесла удар по немецким позициям на западных скатах высоты Безымянной. Завершил боевой день бомбо-штурмовой удар шестерки И-15бис по войскам противника на западных скатах и вершине кургана Солёного. Согласно докладу летчиков, прямым попаданием реактивного снаряда был подбит немецкий танк.

31 марта стало кульминацией боев за высоту Безымянную и курган Солёный как на земле, так и в воздухе. Самолеты 590-го иап в течение всего дня штурмовали немецкие позиции на высотах. Впервые за время боев ударные группы И-15бис прикрывались специально выделенным звеном из трех И-16. За день было сброшено 62 бомбы ФАБ-50 и АО-25, выпущено 8 реактивных снарядов РС-82, израсходовано 15 100 патронов к пулеметам и 230 снарядов к авиационным крупнокалиберным пушкам Шпитального-Владимирова (ШВАК) [8: 127].

Восемь И-15бис под прикрытием тройки И-16 нанесли бомбоштурмовой удар по западным скатам кургана Солёного. Позже группа в том же составе четырьмя И-15 штурмовала западные скаты кургана Солёного, а другой четверкой И-15 – западные скаты высоты Безымянной. На подходе к цели наши самолеты были встречены «мессершмиттами», с которыми вступили в бой И-16 прикрытия. По итогам боя предположительно был сбит Bf-109. Эта победа не была подтверждена немецкими документами [9], так что фактически обе стороны потерь не имели.

До конца дня западные скаты кургана Солёного еще дважды были проштурмованы И-15 под прикрытием И-16. Но, несмотря на все усилия, к исходу суток обе высоты остались за противником.

На этом участие 590-го иап в Таганрогской наступательной операции закончилось. Впрочем, сама операция ввиду явной неспособности частей 56-й армии добиться успеха и прорвать немецкую оборону 1 апреля также была окончательно свернута.

Подведем некоторые итоги. Миус-фронт – система полевой фортификации, хорошо продуманная и качественно исполненная. Поэтому укрепления немцев стали сложными целями для И-15бис и И-153 из 590-го иап. Вот как, например, описываются немецкие блиндажи на Миусе в наших документах: «Блиндажи имеют перекрытие в два ряда рельс, поверх которых сделан деревянный накат и земляная насыпь, а в отдельных местах блиндажи перекрыты металлическими плитами толщиной до 8 мм. Танки КВ, проходившие и разворачивающиеся на блиндажах, их не разрушали» [7: 48]. Главный калибр 590-го иап – фугасная бомба ФАБ-50 – пробивала до 30 мм палубной брони, 900 мм кирпичной кладки или 220 мм железобетона. То есть при удачном стечении обстоятельств такая бомба могла пробить перекрытие и разрушить блиндаж.

Хотя добиться прямого попадания в такую небольшую по размерам цель под плотным зенитным огнем было делом непростым.

Тем не менее, по данным штаба 56-й армии, во второй половине марта 1942 г. наша авиация нанесла немцам больший урон, чем артиллерия [4: 8]. Сложно сказать, насколько это соответствует реальности. Так или иначе, но имевшиеся у военно-воздушных сил 56-й армии немногочисленные истребители старых типов плохо подходили для непосредственной поддержки войск на поле боя и ударов по объектам в ближайшем тылу. Зато по опыту боев за Ростов они хорошо справлялись со штурмовкой вражеских автомобильных и гужевого колонн.

Возможно, если бы командование 56-й армии задействовало свои И-15бис, И-153 и И-16 для изоляции района боевых действий, атакуя уязвимые линии снабжения закопавшихся в землю войск противника на Миус-фронте, «бисы» и «ишачки» при слабом противодействии вражеских истребителей смогли бы принести больше пользы. Хотя даже устаревшие истребители, пилотируемые летчиками 590-го иап, продемонстрировали достаточно высокую живучесть. В период с 11 сентября 1941 г. по 12 августа 1942 г. 590-й иап имел 61 самолетовылет на боевую потерю одного И-15 и 70 самолетовылетов на потерю одного И-16 [3: 13]. Это превышает показатели живучести штурмовиков Ил-2 даже в среднем за войну. Тем не менее фронтовые реалии требовали срочной замены «бисов» и «ишаков» на специализированный самолет поля боя.

Источники и литература

1. Анохин В.А., Быков М.Ю. Все истребительные авиаполки Сталина. Первая полная энциклопедия. М., 2014.
2. Заболотский И.А., Заболотский А.Н. Ростовское небо. Осень 1941-го... Хроника войны в воздухе. Таганрог, 2024.
3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 51. Оп. 932. Д. 157.
4. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 994.
5. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1076.
6. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 0010301. Д. 0063.
7. ЦАМО РФ. Ф. 832. Оп. 0000001. Д. 0016.
8. ЦАМО РФ. Ф. 22103. Оп. 0226009. Д. 0001.
9. Bundesarchiv-Militärarchiv. RL. 2 III/1177 – 2 III/1196.

А.Г. Попов**«ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕПРАВА...»: АРТЕРИЯ ЖИЗНИ
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ**

В этой статье рассмотрим значение работы переправ с использованием обычных переправочных средств и организации нестандартных способов переправы войсками Красной армии в полосе обороны 63-й армии Сталинградского фронта.

В конце октября 1941 г. во исполнение приказа инженерного управления Юго-Западного фронта силами 4-го отдельного запасного понтонно-мостового батальона проводилась рекогносцировка р. Дон на участке от Павловского района Воронежской области до ст. Вёшенской Ростовской области. Общая протяженность обследуемого участка составляла 300 км. Рекогносцировка должна была дать информацию о ширине, глубине реки, скорости течения, характере дна, конфигурации берегов, наличии подъездных дорог, бродов, переправ, мостов и грузоподъемности последних. Необходимо было охарактеризовать водную преграду и как оборонительный рубеж. Результаты обследования были изложены в докладной записке. Отметим наиболее важные и интересные детали.

Ширина р. Дон на обследуемом участке колебалась от 140 до 200 м, хотя местами имела сужения менее 100 м. Глубин более 9–10 м не было обнаружено, имелось значительное количество бродов. Дно на всем протяжении участка – ровное, песчаное. Скорость течения – от 0,4 до 0,7 м/с. Левый берег занижен, с возвышениями лишь у с. Мамон (15 м) и ст. Вёшенской (20 м). Правый берег – более сложный, с подъемами до 80 м над водой и углом наклона, достигающим до 45°. Средствами переправы на обследуемом участке были в основном паромы, за исключением двух мест, где через Дон были проложены мосты. Паромов с грузоподъемностью свыше 10 т имелось всего три. Остальные паромы – маломощные, без подъездных путей, грузоподъемностью максимум до 5 т. Мост, находившийся у ст. Вёшенской, имел грузоподъемность 10 т. Гражданские дорожные организации сразу же приступили к работам, чтобы довести его грузоподъемность до 45 т [9: 1–11]. Как станет ясно спустя восемь месяцев, в начале июля 1942 г., несмотря на предусмотрительно проведенное изучение русла р. Дон, коренного улучшения положения с переправами не произошло.

В первой декаде июля 1942 г. войска 9-й, 28-й, 38-й, 57-й армий Юго-Западного фронта под натиском 6-й армии вермахта стремительно отступали на северо-восток к большой излучине Дона. Тылы этих армий устремились к переправам у г. Богучары, ст. Казанской и Вёшенской. «Отход был тяжелым. Стояли июльские жаркие дни. По бесконечным сухим придонским степям по пыльным дорогам ехали на уставших лошадях всадники, шли пешие, медленно двигались повозки. Люди по несколько дней не отдыхавшие, усталые, запыленные, заросшие двигались на восток. С болью в сердце каждый боец и командир оставляли хутор или станицу»¹ [10: 45]. Так эмоционально описан в документе отход к переправе воинов 32-й кавалерийской дивизии.

В этот же период командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор А.И. Родимцев описывал отступление своей дивизии такими словами: «10.7.42. Части дивизии отходившие за р. Дон, были упреждены противником и отрезаны от переправ у Богучар, Казанская, ведя разрозненные бои мелкими группами отходили на ю.в. к переправам Мигулинская, Вёшенская. Штадив с утра 11.7 преследуемый частями пр-ка отходил в направлении Базковская и в ночь на 12.07.42 переправился за Дон организовал переправу тылов полков и дивизии на участке Базковская – Рыбный (две паромных переправы из подручных средств). Большое количество вооружения, снаряжения и гужевого транспорта, после переправы через р. Дон отобрано частями 5 армии» [7: 10, 12].

Переправа через реку для пехоты и кавалерии не представляла больших затруднений. При отсутствии мостов и паромов в ход шли не только лодки, но и всё, что могло держать вес бойца и оружия на воде: бревна, доски, плетни и многое другое. Для автотранспорта мало было только мостов и паромов, важны были подъездные пути к переправам, которые, как правило, представляли собой обычные грунтовые дороги, предназначенные для гужевого транспорта, что создавало дополнительные трудности для подъезда тяжело груженого транспорта Красной армии. «Под станицей Вёшенская к берегу Дона спускался лес, в котором находилось очень много автомашин и другой техники с боеприпасами и ранеными. Я выбрал дорогу по окраине леса и спустился к песчаному берегу возле переправы.

¹ Здесь и далее при цитировании орфография и пунктуация архивных документов сохранены.

Берег был устлан снарядами и бомбами, по которым двигались автомашины (на песке машины буксовали)» [3: 116]. Недостаточная обеспеченность прикрытия переправ зенитной артиллерией сразу же сказалась на том, что те малочисленные мосты, которые имелись в тот момент по Дону, получили значительные повреждения. Это привело к невозможности эвакуации армейской техники на спасительный левый берег. «На той стороне Дона оставалось еще около 5 тысяч различных машин, а свайный пролет восстановить мы не могли. Нужен был механический копер, у нас же лишь пилы и топоры» [2: 300]. Такими словами обрисовал ситуацию командир саперного батальона, который в тот момент отвечал за ремонт мостовой переправы. Недостаточные меры при подготовке переправ к организации массовой эвакуации автомобильного транспорта и бронетехники войск Юго-Западного фронта во время июльского отступления привели к потерям нескольких тысяч машин только на подъездах к немногочисленным и уже разрушенным переправам. Этих машин так не будет хватать на этом участке фронта во второй половине декабря 1942 г., когда наши войска перейдут в наступление. Будет ощущаться нехватка транспорта для перевозки боеприпасов.

Спустя всего лишь месяц в дивизию 63-й армии поступил приказ готовить переправочные средства. Подробное описание подготовки и самого форсирования реки мы встречаем в документах 14-й гвардейской стрелковой дивизии: «Нашей дивизии была поставлена задача форсировать Дон на участке Еланская, устье р. Хопёр. Ввиду того что авиация противника одиночными и групповыми налетами разведывала среднее течение Дона, сосредоточение и перегруппировка войск проводились только в ночное время. Автомашины двигались с потушенными фарами, обозы передвигались так же только ночью» [8: 33]. В документах подробно описаны все трудности, с которыми предстояло столкнуться нашим бойцам. Это и высокие меловые кручи южного берега, достигавшие 60–80 м, и наоборот, наш северный берег, просматривавшийся на большую глубину. Каменные дома и сараи казачьих хуторов, расположенные на берегу между вершинами, легко приспособлялись противником для обороны. Кроме того, за последние недели противник успел вырыть полноценные окопы и организовать огневые точки на высотах. Собранные у местного населения лодки имели малую

грузоподъемность и были в ветхом состоянии. Срочным порядком из подручных материалов приступили к изготовлению переправочных средств. Хотя некоторые из описанных в документах плавсредств сложно отнести к таковым: «Переправочные средства изготавливались индивидуальные и групповые, например, сколачивались досками два бревна, в виде клетки, боец помещался внутри клетки опираясь подмышками на перекладину. Групповые средства переправы представляли собой два длинных сухих бревна, скрепленные между собой досками в виде рамы, которая служила для переправы 4–6 бойцов, которые находясь или внутри рамы, или вне ее; держались руками за бревна и гребли свободной рукой» [8: 37, 38].

Большие по количеству группы и артиллерийские орудия предполагалось переправить с помощью имеющихся паромов. Всего было подготовлено 27 лодок, 140 различных плотов и один катер. Особое внимание для целей форсирования было обращено на взаимодействие с артиллерией, которая должна была своим огнем прикрывать полки на тех четырех участках, которые были выбраны для организации переправ. Еще одним фактором, который должен был обеспечить успешное форсирование, стала организация передовых отрядов из групп, в которые, кроме обычных стрелков, входили автоматчики, пулеметчики и бронебойщики.

В 2:00 20 августа 1942 г. настал тот час, к которому так спешно готовились. Здесь можно отметить и успешную бесшумную переправу бойцов передового отряда 36-го гвардейского стрелкового полка, которым сходу удалось снять часовых и напасть на спящий гарнизон противника, но даже это не спасло основные силы полка, которые начали переправу в 3:00 и попали под сильный артиллерийский огонь. Еще хуже обстояли дела при переправе одного из батальонов 38-го гвардейского стрелкового полка, который был вынужден прекратить переправу из-за сильного артиллерийского огня со стороны противника. И только смелые действия командира батальона, который личным примером увлек за собой бойцов, бросившись вплавь на противоположный берег, выправили ситуацию. Вскоре более 300 человек с командиром были на южном берегу Дона. В течение первого дня на отдельных участках воинам 14-й гвардейской стрелковой дивизии удалось отеснить противника на расстояние до 5 км. На следующий день переправу продолжили, но тут же активно вмешалась вражеская авиация, но и это

не остановило наших бойцов, которые смогли закончить переправу к исходу второго дня.

Несколько лучше дела с форсированием реки обстояли у 197-й стрелковой дивизии. Саперы этой дивизии смогли в одном из четырех выбранных для переправы мест организовать уникальную переправу в виде двух натянутых через реку тросов. К успешной организации такой переправы привело стечение нескольких факторов. Во-первых, нашелся местный житель, который помог выбрать наиболее удачное место для переправы, на котором ноги бойцов, держащихся при переправе за трос, не касались дна. Во-вторых, помогла смекалка одного из бойцов, который предложил изготовить сами тросы из снятых со столбов электрических и телефонных кабелей. Попытки найти тросы такой длины у тыловиков фронта успеха не имели. И конечно же, решающей стала работа саперов, которые скрытно, под носом у противника, смогли натянуть эти тросы через Дон. Такая переправа позволила с минимальными потерями организовать форсирование реки двум полкам дивизии в первый день и еще почти двум полкам соседней дивизии на следующий день. Спустя еще несколько дней, держась за эти тросы, на северный берег стали переправляться пленные итальянцы [1: 115–117]. «В итоге этих боев тремя дивизиями 63 армии 197-й, 203-й, 14-й гв. сд был завоєван плацдарм площадью около 500 кв. км, ставший впоследствии плацдармом для сосредоточения войск и нанесения фланговых ударов по сталинградской группировке немцев, проводимых по плану Верховного Главнокомандования в ноябре 1942 г.» [8: 42].

Сегодня мы знаем, что одним из факторов, который привел к достаточно стремительному и успешному окружению немцев, стало наличие правобережного плацдарма, занятого в ходе отвлекающего удара силами 63-й армии в конце августа 1942 г. Благодаря самоотверженному подвигу бойцов, сражавшихся на этом плацдарме, его удалось прочно удерживать до начала нашего контрнаступления. Чем еще был обусловлен успех? Ответ прост – наличие переправ. Инженерные войска Красной армии на участке Вёшенского (сейчас – Шолоховский) района Ростовской области и на территории Серафимовичского района Волгоградской области смогли в менее чем трехмесячный срок построить 17 мостов и 18 паромных переправ, при этом проложив свыше 800 км подъездных

путей. Наряду с действительными переправами строились ложные, часть из которых использовалась в качестве пешеходных мостов. «Эффективность инженерных мероприятий по введению противника в заблуждение видна из следующего примера. При подготовке наступления в ноябре 1942 г. на ложный мост у станции Еланская противник сбросил 200 бомб, в то время как на действительный мост в этом районе он не произвел ни одного налета» [4: 140–141].

16 декабря 1942 г. правый фланг подразделений 63-й армии перешел в наступление. Перед воинами 153-й и 197-й стрелковых дивизий стояла задача по форсированию Дона в новых условиях. Установившийся на реке ледяной покров не позволял уверенно его использовать без риска провалиться. Началась активная подготовка деревянных щитов, с помощью которых в момент форсирования выкладывали на льду пешеходные мосты для переправы пехоты [5: 150]. Но то, что подходило для пехоты, не могло выдержать вес техники. И сразу, как только противник был опрокинут с передовых позиций у реки, саперы приступили к изготовлению ледяных мостов [6: 83]. Постепенно укрепляя соломой и плетнями намываемые слои в местах создания таких мостов, саперы смогли добиться того, что через Дон смогла переезжать вся техника, включая танки. Используя эти переправы, войска смогли успешно развивать наступление и уже к концу декабря 1942 г. отбросить противника на многие десятки километров от берегов Тихого Дона.

Завершая статью, я хочу процитировать слова председателя Верховного Совета РСФСР Николая Матвеевича Грибачёва: «Переправа! Я не знаю на войне места страшнее – и при отступлении, и при наступлении». Он как командир 261-го саперного батальона, защищавший в 1942 г. Родину на донских берегах, как никто другой знал цену, которую платили жизнями наши бойцы во время каждой переправы.

Источники и литература

1. Грибачёв Н.М. Когда становишься солдатом... М., 1987.
2. Грибачёв Н.М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М., 1986.
3. Еремин Б.Н. Воздушные бойцы. М., 1987.
4. Инженерные войска в боях за Советскую Родину / А.Д. Цирлин, П.И. Бирюков, В.П. Истомин, Е.Н. Федосеев. М., 1970.
5. Калинин П.Г. Солдатская верность. Тверь, 2005.
6. Ховратович А.А. Переправа войск. М., 1950.

7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 441. Оп. 8452. Д. 23.

8. ЦАМО РФ. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 5

9. ЦАМО РФ. Ф. 3468. Оп. 1. Д. 55.

10. ЦАМО РФ. Ф. 3563. Оп. 1. Д. 15.

А.В. Драбкин, Д.В. Голубев

СРАЖЕНИЕ В МЕЖДУРЕЧЬЕ ДОНА, МАНЫЧА И КУБАНИ. ГИБЕЛЬ 37-й АРМИИ

Первоначальный порядок обороны в нижнем течении Дона был определен директивой Ставки Верховного Главнокомандования № 170491 от 10 июля 1942 г.: участок от ст. Верхнекурмоярской до устья у г. Азова должен был оборонять Северо-Кавказский фронт силами резервной 51-й армии. Но обстановка менялась быстрее, чем оформлялись решения. Директивой № 170512 от 15 июля Ставка приказала командующему войсками Южного фронта генерал-лейтенанту Р.Я. Малиновскому отводить части за Дон, а командующему войсками Северо-Кавказского фронта Маршалу Советского Союза С.М. Будённому – использовать отходившие соединения для усиления обороны южного берега. Директива № 170524 от 22 июля разделила ответственность: Южный фронт занимал южный берег Дона от ст. Константиновской до г. Батайска, Северо-Кавказский – от ст. Верхнекурмоярской до ст. Константиновской [4: 332].

22 июля части моторизованной дивизии «Великая Германия» вышли к Дону, сбили прикрытие переправ, заняли ст. Мелиховскую и х. Пухляковский. Оборону здесь держали измотанные части 24-й и 37-й армий, основу которых составляла 295-я стрелковая дивизия, насчитывавшая менее 1,5 тыс. человек [6: 18]. В распоряжении командующего 1-й танковой армией генерал-полковника Э. фон Клейста оказался мелиховский плацдарм – удобная исходная позиция для броска к Манычу.

23 июля Клейст приказал расширить плацдарм силами моторизованной дивизии «Великая Германия» до х. Ажинова и Сусатского, а затем перебросить туда 16-ю моторизованную дивизию для удара в направлении переправы через Маныч у х. Спорного [12: 7260207]. Немецкий замысел выходил далеко за пределы локального прорыва.

Директива Верховного командования вермахта (ОКВ) № 45 от 23 июля 1942 г. ставила группе армий «А» задачу окружить и уничтожить советские войска, ушедшие за Дон южнее и юго-восточнее Ростова, а затем развить наступление на Черноморское побережье, Грозный и Баку [1: 326]. 17-я армия должна была давить из района Ростова на юг, 1-я танковая армия – преодолеть Маныч и выйти к железной дороге Тихорецк – Сталинград, а 4-я танковая армия – наступать с цимлянского и николаевского плацдармов через ст. Пролетарскую и г. Сальск [11: 7199148–7199149].

Генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский поставил задачу 37-й армии генерал-майора П.М. Козлова занять прочную оборону по левому берегу Дона на участке х. Задоно-Кагальницкий – ст. Багаевская. Однако к середине дня 25 июля немцы овладели х. Сусатским, а вечером заняли х. Калинин. Дорога к переправам через Маныч фактически оказалась открытой; 16-я моторизованная дивизия начала переправу на плацдарм.

37-я армия оказалась перед выбором: срочно отводить главные силы к Манычу или пытаться контратаковать уже прорвавшегося противника. Был выбран второй вариант. На 26 июля 295-й стрелковой дивизии совместно с полком 102-й дивизии ставилась задача ударом с юга овладеть х. Калининым, частям 110-й кавалерийской и 230-й стрелковой дивизий – вернуть х. Сусатский. В резерве у х. Весёлого находился лишь 988-й стрелковый полк 230-й дивизии – около 400 бойцов с шестью станковыми пулеметами [5: 34]. На карте это выглядело как активная оборона, но сил для остановки моторизованной дивизии не было.

Ставка и командование Северо-Кавказского фронта постепенно приходили к выводу, что удержать Дон сплошным рубежом невозможно. В переговорах с И.В. Сталиным 27 июля С.М. Будённый сформулировал главный принцип: наличными силами оборону можно вести только подвижную; основными рубежами обороны должны стать Терек и Кавказский хребет, а управление необходимо сосредоточить в одних руках [4: 328–330]. В ночь на 28 июля директивой Ставки № 170534 Южный фронт был объединен с Северо-Кавказским, С.М. Будённый стал командующим фронтом, а его заместители Я.Т. Черевиченко и Р.Я. Малиновский возглавили Приморскую и Донскую оперативную группы. Но это решение запоздало. Утром 26 июля передовые части 16-й моторизованной

дивизии переправились через Дон у ст. Раздорской и ударили с мелиховского плацдарма на юг. Они рассеяли остатки 102-й и 295-й дивизий, разгромили обозы 37-й армии и достигли Маныча ниже Весёловской плотины. Лишь залпы «катюш» 25-го гвардейского минометного полка задержали продвижение: немецкий 156-й моторизованный полк потерял 35 человек [10: 1225]. Ночью одна из рот этого полка заняла х. Свобода на левом берегу Маныча, а саперы навели временный мост.

К утру 27 июля у Весёловской плотины штаб 37-й армии смог собрать лишь около 400 отступавших бойцов, которых условно зачислили в состав фактически прекратившей существование 102-й дивизии. Оборону у северного въезда на плотину держал 988-й полк 230-й дивизии – также около 400 человек. В тот же день немецкие танки вышли к х. Спорному, а мотоциклисты атаковали левобережное охранение плотины. Комендант переправы майор В.С. Хейфец приказал взорвать мосты, шлюзы и дамбу Манычского гидроузла. По советским данным, взрыв произошел в 10:15, по немецким – в 11:10 [10: 1225]. В плотине образовалась брешь около 30 м, вода Весёловского водохранилища хлынула в низменность.

Цена была высокой: большинство защитников Спорного попало в плен, из 400 бойцов 988-го полка на южный берег Маныча вышло только 90 человек с двумя пулеметами [5: 71], но подрыв плотины смог замедлить наступление врага. Основные силы 1-й танковой армии застряли на плацдарме у Весёлого до 31 июля. Это дало частям правого фланга 12-й армии и левого фланга 37-й армии несколько спасительных дней.

Командование Северо-Кавказского фронта, принявшее утром 28 июля войска расформированного Южного фронта, не вполне владело обстановкой и находилось под влиянием приказа № 227. В 14:00 штаб фронта потребовал прекратить отход, навести порядок и готовиться к решительным действиям по уничтожению противника на Дону [9: 123–124]. Командующий 37-й армией генерал-майор П.М. Козлов, не обращая внимания на развитие обстановки и состояние собственных войск, исполнял полученный приказ, продолжая упорно обороняться и контратаковать.

Неудача с захватом плацдарма на Маныче у х. Весёлого и задержка переправы 3-го танкового корпуса из-за подрыва плотины потребовали смены планов использования 57-го танкового корпуса.

Если по первоначальному замыслу корпус должен был ударить в тыл отходившим от Ростова-на-Дону советским частям, то теперь на дивизии генерала Ф. Кирхнера возлагалась задача обеспечить уничтожение главных сил Донской оперативной группы войск. Для этого требовалось прорвать советскую оборону, перерезать железную дорогу Тихорецк – Сальск и соединиться с 40-м танковым корпусом, наступавшим через ст. Пролетарскую [12: 7260219–7260221].

Не подлежит сомнению, что, если бы не задержка 3-го танкового корпуса на Весёловской плотине, 57-й танковый корпус был бы направлен через эту брешь на запад, в тыл Приморской оперативной группе войск, что привело бы к самым печальным последствиям уже для всего Северо-Кавказского фронта.

В ночь на 28 июля 57-й танковый корпус был подчинен 1-й танковой армии и получил задачу наступать на ст. Мечётинскую. За сутки он прошел почти 50 км и вышел в глубокий тыл 37-й армии [12: 7260218–7260219]. Штаб Донской оперативной группы отреагировал с опозданием: утром 29 июля Р.Я. Малиновский еще ставил задачу ликвидировать переправившиеся на южный берег Дона части противника и выйти к реке. В качестве резерва были брошены «катюши» группы полковника А.И. Нестеренко и два полка 176-й стрелковой дивизии на грузовиках, но они уже не успевали стабилизировать положение [8: 80].

30 июля немецкий прорыв стал необратимым. Моторизованная дивизия СС «Викинг» вышла к Среднему Егорлыку, 13-я танковая дивизия повернула на Целину и Гигант, а 1-я танковая армия приказала 57-му корпусу как можно быстрее выдвинуть левый фланг на Сальск для окружения главных сил 37-й армии [12: 7260222–7260224]. Одновременно основные силы самой 37-й армии у Весёлого продолжали выполнять невыполнимый приказ о наступлении к Дону. Судьбу армии во многом решило запоздалое следование распоряжениям, уже не соответствовавшим обстановке.

31 июля 13-я танковая дивизия атаковала Сальск. Оборону города пыталась организовать группа генерал-майора М.И. Дратвина, но в ее распоряжении находились только около 150 пехотинцев 275-й дивизии с двумя орудиями и около 250 саперов с двумя пулеметами [5: 88]. К середине дня немцы овладели городом. В тот же день 3-я танковая дивизия 40-го танкового корпуса форсировала Маныч у ст. Маныч, соединилась с 13-й танковой дивизией

севернее Сальска и замкнула окружение основных сил Донской оперативной группы. Из войск 37-й армии окружения избежали только 74-я и 275-я стрелковые дивизии, отступившие от Сальска на юго-восток, и два полка 11-й стрелковой дивизии НКВД [7: 739–740].

Под давлением перешедшей в наступление с плацдарма у Весёлого 16-й моторизованной дивизии части 37-й армии начали прорываться из окружения на юг на участке между Целиной и Гигантом, главным образом у железнодорожной платформы 147-й км, где их действия поддерживали огнем реактивные минометы полковника Нестеренко. На р. Средний Егорлык они соединились с частями 176-й стрелковой дивизии, затем арьергардное прикрытие выходящей из окружения армии приняла 4-я стрелковая дивизия. Штаб армии осуществил выход утром 1 августа – в числе первых, вместе с частями 4-й стрелковой дивизии [3: 91–100].

347-я стрелковая дивизия полковника Н.И. Селиверстова прорвалась у платформы 147-й км, затем была вновь окружена у с. Богородицкого, но ее штаб и отдельные группы продолжали выходить к своим до середины августа. Одиссея дивизии в тылах противника продолжалась долго: ее штаб прорвался к своим только 13 августа в районе г. Прохладного на Тереке, а выход других отдельных групп продолжался до 20 августа. Из дивизионного арtpолка вышла из окружения одна батарея с четырьмя 76-мм орудиями. Существенная часть войск 37-й армии не смогла вырваться и осталась в окружении. Из 230-й и 295-й стрелковых дивизий вышли только штабы, 102-я стрелковая дивизия вырвалась с несколькими десятками бойцов, 41-я мотострелковая бригада, которая имела 300 человек на 20 машинах, смогла вырваться организованно сама и вывести некоторые другие подразделения. По немецким итоговым данным, северо-западнее Сальска за первые дни августа было взято около 7 тыс. пленных, затем еще около 2 тыс. красноармейцев при прочесывании местности [13: 7268688]. Из 21 148 человек, числившихся в 37-й армии к 27–28 июля, не менее двух третей, по нашей оценке, погибли или оказались в плену.

В начале августа немецкое наступление продолжилось на юг. 3 августа передовые отряды 3-й танковой дивизии заняли Ворошиловск, захватили склады, станцию, мастерские и городскую инфраструктуру. 5 августа отряд майора Г. Папе вышел к Невинномыску,

захватил железнодорожную станцию и неповрежденный мост через Кубань. По советским данным, гарнизон города был незначительным, а группа 2-й гвардейской стрелковой дивизии, переброшенная на грузовиках, опоздала на несколько часов [2: 49–50]. С потерей Невинномысска железная дорога Армавир – Грозный была перерезана, а войска Северо-Кавказского фронта распались на две группы.

Сражение в междуречье Дона, Маныча и Кубани с 25 июля по 6 августа завершилось тяжелым поражением советской стороны. Противник занял огромную территорию, вышел к Кубани, захватил плацдармы и создал условия для наступления на Краснодар, Майкоп и Черноморское побережье. Обескровленные отступлением из Донбасса, боями за Ростов и переправы, лишенные значительной части танков, артиллерии и транспорта, армии бывшего Южного фронта не могли остановить удар танковых корпусов группы армий «А».

И всё же поражение не стало полным уничтожением фронта. С.М. Будённый, исходивший из необходимости подвижной обороны и переноса главных рубежей на Кубань, Терек и Кавказский хребет, сумел сохранить значительную часть штабов, тылов и отдельных боевых групп. Немецкое командование, добившись впечатляющих территориальных успехов, не решило главной задачи – уничтожения советских войск. Кроме того, разворот 4-й танковой армии к Сталинграду, оформленный решением Верховного командования сухопутных сил вермахта (ОКХ) и группы армий в конце июля – начале августа, лишил наступление на Кавказ прежней силы. План «Эдельвейс» уже на первом этапе столкнулся с тем, что вместо серии быстрых окружений немцам предстояла затяжная борьба с сохранившим управление противником в предгорьях и горах Северного Кавказа.

Источники и литература

1. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, документы и материалы: в 2 т. / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР А.М. Самсонов. Т. 2: Агрессия против СССР. Падение «Третьей Империи». 1941–1945 гг. М., 1973.
2. *Карташев А.В.* Бои на Ставрополье: жаркий август сорок второго. Ставрополь, 2021.
3. *Рослый И.П.* Последний привал в Берлине. М., 1983.
4. *Русский архив: Великая Отечественная.* Т. 16 (5-2). Ставка ВГК, 1942: документы и материалы. М., 1996.

5. Санин Д.Н. Боевые рубежи Маныча. Элиста, 2013.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 7. Оп. 26. Д. 403.
7. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 9.
8. ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 53.
9. ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 12.
10. *Memminger F.* Die Kriegsgeschichte der Windhund-Division: 16. Infanterie-Division (mot.). 16. Panzergrenadier-Division, 116. Pz. Division. B. II. Pöppinghaus. Bochum, 1962.
11. National Archives and Records Administration (далее – NARA). Т. 311. R. 151.
12. NARA. Т. 313. R. 29.
13. NARA. Т. 313. R. 37.

А.С. Бушуев

БОЕВЫЕ ПОТЕРИ 147-й СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В СРАЖЕНИЯХ В БОЛЬШОЙ ИЗЛУЧИНЕ ДОНА В ИЮЛЕ – АВГУСТЕ 1942 г.

В ожесточенных боях на подступах к Волге, куда летом 1942 г. стремились немецко-фашистские войска, чтобы захватить крупный стратегический район и перерезать коммуникации, связывающие центр страны с Кавказом, приняла участие 147-я стрелковая дивизия, сформированная в декабре 1941 – мае 1942 г. в пос. Кукморе Татарской АССР.

С июля 1942 г. дивизия под командованием генерал-майора А.А. Вольхина вошла в состав 62-й армии. Недавно сформированное подразделение, как и пять других стрелковых дивизий этой армии (33-я гвардейская, 181-я, 184-я, 192-я, 196-я), по оценке, данной Военным советом армии, было «сырым» и только недавно начало осваивать полученное вооружение [1: 170].

Решая поставленную перед Сталинградским фронтом задачу недопущения прорыва противника по кратчайшему пути к Сталинграду, бойцы дивизии заняли оборону в большой излучине Дона (на западном его берегу), в районе ст. Сузовикино [4: 89–90]. В то время как воины дивизии готовили рубеж обороны на 12-километровом участке фронта, командир дивизии для задержания наступающего противника выслал вперед на 40–50 км два батальона и 600-й стрелковый полк под командованием майора К.П. Талаквандзе [2: 132–133].

600-й полк занял оборону у ст. Морозовской, а первые батальоны 15-го и 640-го полков – у ст. Обливской [1: 171]. В течение нескольких дней эти передовые отряды сдерживали натиск превосходящих сил противника, неся большие потери в живой силе и технике.

22 июля 1942 г. 1-й батальон 600-го стрелкового полка под командованием капитана Г.А. Попова, прикрывая отход своего полка в районе ст. Чернышковской, в течение двух часов вел неравный бой с механизированными частями противника. Лишь с приходом темноты, когда гитлеровцы временно прекратили наступление, а в батальоне осталось семь человек, командир приказал отходить [2: 133]. Таким образом, передовые отряды дивизии понесли существенные боевые потери – как санитарные, так и безвозвратные. По свидетельству комдива А.А. Вольхина, майор К.П. Талаквадзе вывел свой полк за линию обороны дивизии в составе 600 человек, потеряв свыше 50 % личного состава [2: 133].

26 июля на оборону 147-й стрелковой дивизии обрушился удар механизированных войск противника. Части дивизии удерживали занимаемые рубежи, отбивая непрерывные атаки противника. Не имея приказа на отход, части дивизии продолжали обороняться на своих рубежах как могли. При этом снаряды у артиллерии заканчивались, некуда было эвакуировать раненых, а связь с командованием 62-й армии в течение нескольких дней отсутствовала [4: 116].

В итоге превосходящие силы противника окружили шесть дивизий 62-й армии, в том числе и 147-ю. До 13 августа соединение вело бои, пробиваясь к переправам через Дон. Дивизия была расколота на мелкие группы, из которых лишь немногие вышли из окружения. Всего из 14 600 бойцов и офицеров, оказавшихся в окружении в августе 1942 г. в районе с. Грачево Калачевского района Сталинградской области, вырвались лишь 148 человек во главе с комдивом А.А. Вольхиным (подсчитано по: [5: 130–137], в литературе встречаются и другие цифры – 165 [2: 137] и 171 человек [1: 174]).

Так воины дивизии упорной обороной на дальних подступах к Сталинграду внесли свой вклад в срыв плана немецкого командования, которое рассчитывало овладеть городом благодаря одному решительному удару. Однако, несмотря на исключительную стойкость бойцов, большинство воинов дивизии сложили головы на поле брани.

Многие документы штаба дивизии были утрачены во время выхода из окружения, поэтому мы попытались проанализировать

понесенные в этих боях потери, используя сведения из опубликованных Книг Памяти Республики Татарстан [3]. В результате проведенной работы удалось выявить 488 имен и фамилий бойцов 147-й стрелковой дивизии, 296 из которых погибли или пропали без вести в боях 1942 г. в большой излучине Дона (табл. 1). Безусловно, проведенные нами расчеты, учитывая неполноту данных, носят лишь предварительный характер и могут служить ориентиром для дальнейших изысканий в этом направлении.

Место призыва не установлено в 28,0 % случаев, 67,9 % бойцов были призваны республиканскими райвоенкоматами (включая 5,7 % – военкоматами г. Казани). В других регионах РСФСР (Чувашской, Марийской и Удмуртской АССР, Чкаловской, Калининской и других областях) было призвано 4,1 % бойцов дивизии. При этом доля призывников из Кукмора и Кукморского района, где формировалось подразделение, составила всего 7,4 %.

Таблица 1

*Распределение по видам безвозвратных потерь
147-й стрелковой дивизии в боях в большой излучине Дона в 1942 г.*

Вид потерь	Чел.	%
Погибли	75	25,3
Умерли	11	3,7
<i>в том числе умерли от ран</i>	2	0,7
Попали в плен	202	68,3
<i>в том числе умерли в плену</i>	6	2,0
Не установлен	8	2,7
Всего	296	100,0

Как можно видеть в табл. 1, большинство из установленных редакцией Книги Памяти [3] имен бойцов 147-й дивизии относятся к тем, кто попал в плен. Такая ситуация является следствием утраты значительной части дивизионных документов, а имена пленных были восстановлены по другим источникам.

В составе выявленных боевых потерь присутствуют военнослужащие 1890–1925 гг. рождения (см. рис. 1). При этом каждый второй боец (50,6 %) родился с 1920 по 1923 г., только в одном 1922 г. – почти каждый третий (28,4 %). Это и определило преимущественный возрастной состав потерь.

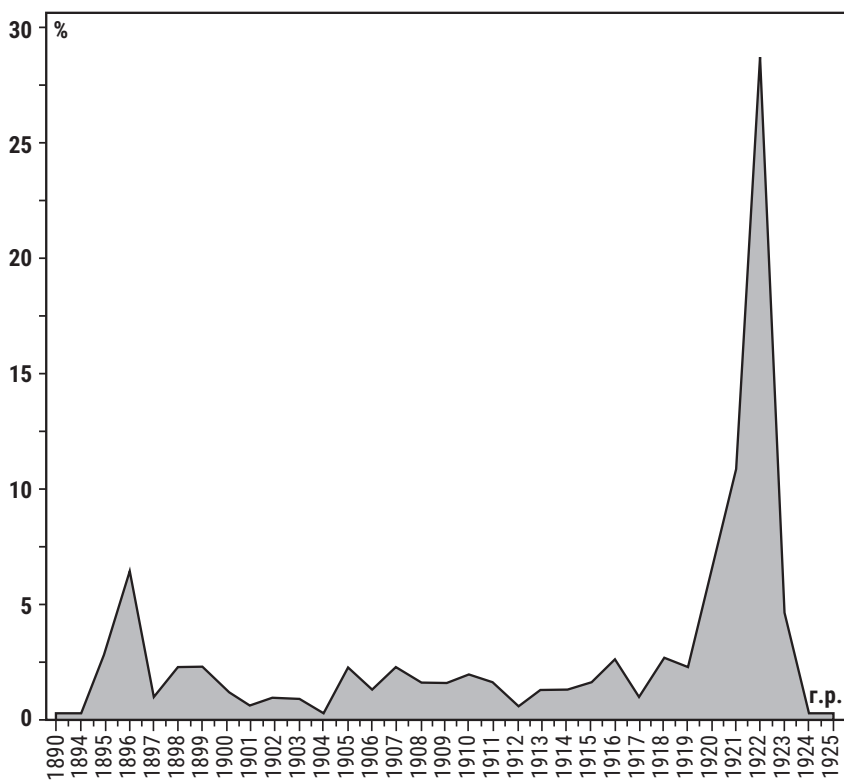

Рис. 1. Распределение бойцов 147-й стрелковой дивизии, выбывших в 1942 г., по годам рождения, в %

Каждый третий (33,7 %) выбывший здесь боец не старше 20 лет, а каждый второй (52,1 %) – не старше 22 лет. Бойцы в возрасте от 30 до 39 лет составляют 15,3 %, в возрасте 40 лет и старше – 18,9 %.

В качестве зафиксированного в Книгах Памяти места службы (табл. 2) у каждого седьмого указана 147-я стрелковая дивизия без уточнения наименования подчиненного подразделения, а у 2,7 % это подразделение указано неправильно (из числа не входивших в состав дивизии). Остальные служили в 15-м, 640-м, 600-м стрелковых и 379-м артиллерийском полках.

Традиционно наибольшие людские потери приходятся на рядовой состав. Как можно увидеть в табл. 3, и здесь большая часть (85,5 %) всех бойцов дивизии составляют красноармейцы

и ефрейторы (3 человека). К младшему командному составу относится каждый одиннадцатый выбывший военнослужащий (по трое старшин и младших сержантов, 11 сержантов и 8 старших сержантов). На средний и старший командный состав приходится 4,4 и 0,3 % соответственно. Офицеры представлены четырьмя младшими лейтенантами, шестью лейтенантами, а также по одному – замполитом, военфельдшером, военным юристом 3-го ранга и комбатом (без уточнения воинского звания последнего).

Таблица 2

*Места службы бойцов 147-й стрелковой дивизии,
выбывших в 1942 г.*

Место службы	Чел.	%
147-я стрелковая дивизия (без указания подразделения)	47	15,9
15-й стрелковый полк	95	32,1
231-й отд. истребительно-противотанковый дивизион	3	1,0
281-й отдельный саперный батальон	1	0,3
379-й артиллерийский полк	18	6,1
600-й стрелковый полк	50	16,9
640-й стрелковый полк	74	25,0
Неправильно указанные подразделения	8	2,7
Всего	296	100,0

Таблица 3

*Воинский состав бойцов 147-й стрелковой дивизии,
выбывших в 1942 г.*

Воинский состав	Чел.	%
Рядовой состав	253	85,5
Младший командный и начальствующий состав	26	8,8
Средний командный состав	13	4,4
Старший командный состав	1	0,3
Не установлено	3	1,0
Всего	296	100,0

Полученные на основе анализа Книг Памяти Республики Татарстан данные о составе потерь 147-й стрелковой дивизии на данный момент имеют предварительный (разведочный) характер и, безусловно, нуждаются в дальнейшем уточнении. С учетом того, что состав воинов героически сражавшейся в большой излучине Дона летом 1942 г. и погибшей здесь 147-й стрелковой дивизии никогда не являлся предметом специального исследования, эта попытка проанализировать имеющиеся весьма скудные сведения может стать приглашением к дальнейшему поиску ответов на важные вопросы о судьбе этой и других подобных дивизий.

Источники и литература

1. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.) / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев. Ростов-на-Дону, 2016.
2. Дюрягин Г.М. Боевой путь и подвиги воинов дивизий, сформированных в Татарии (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1972.
3. Память: Республика Татарстан: [списки погибших и пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.]: в 28 т. / Сост.: А.А. Иванов (гл. ред.) и др. Казань, 1993–2010.
4. Самсонов А.М. Сталинградская битва. 3-е изд., доп. М., 1982.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 277.

Т.Х. Матиев

БОИ 11–14 СЕНТЯБРЯ 1942 г. ЗАПАДНЕЕ МАЛГОБЕКА В ДОКУМЕНТАХ ВЕРМАХТА

Малгобекская оборонительная операция стала одной из важнейших составных частей оборонительного этапа Битвы за Кавказ (июль – декабрь 1942 г.). Огромное значение, которое имела остановка казавшегося в предшествующие месяцы неудержимым наступления германских войск на Северном Кавказе у стен маленького городка нефтяников и срыв планов противника с ходу захватить один из важнейших советских нефтяных бассейнов – Грозненский нефтяной район, – было явно недооценено в советской и на начальном этапе постсоветской российской историографии. Лишь отдельные аспекты битвы за Малгобек были освещены в работах

А.Г. Гучмазова [5], А.А. Гречко [4], Б.В. Баданина [1], С.В. Януша [11], И.Б. Мощанского [8], В.В. Бешанова [2], А.В. Исаева [6] и др. В последние годы научный и общественный интерес к проблематике малоисследованных страниц войны в целом и к Малгобекской оборонительной операции в частности вырос. Появился ряд монографий [7] и сборников [3], посвященных указанным событиям. Однако до сих пор крайне слабо введены в оборот немецкие источники, прежде всего документы частей и соединений вермахта, принимавших участие в Малгобекской операции.

Для действий на малгобекском направлении в начале сентября 1942 г. противником была сосредоточена в районе Моздок – Кизляр крупная группировка, включавшая отборные танковые и пехотные дивизии 1-й танковой армии генерал-полковника Э. фон Клейста. На 2 сентября 1942 г. эта группировка включала две пехотные (111-ю и 370-ю) и три танковые (3-ю, 13-ю и 23-ю) дивизии.

После форсирования Терека в ночь на 2 сентября силами 111-й и 370-й пехотных дивизий, несмотря на упорное сопротивление советских войск 11-го гвардейского стрелкового корпуса, немцам удалось создать два плацдарма в районах Предмостного и Кизляра. 4 сентября, перебросив на южный берег танковые части, противник перешел с моздокского плацдарма в наступление на вознесенском участке фронта с целью стремительного прорыва на Малгобек по наиболее удобному и короткому для движения тяжелых моторизованных частей пути. Малгобек лежал на входе в Алханчуртскую долину и представлял собой своеобразный «засов» на этом наиболее удобном для действий немецких танков пути к Грозному.

Выиграв несколько дней за счет яростных контратак на немецкие плацдармы на южном берегу Терека, командование 11-го гвардейского стрелкового корпуса сумело использовать эту передышку для организации прочного оборонительного рубежа на вознесенском участке фронта. Попытка немецкого прорыва на Вознесенскую 4 сентября не увенчалась успехом. После суточной паузы, подтянув на южный берег новые силы, противник собрал для прорыва целую боевую группу, в состав которой вошли части 111-й пехотной, 13-й и 23-й танковых дивизий, под командованием полковника Херфурта (командира 117-го пехотного полка 111-й дивизии). С утра 6 сентября эти силы обрушились на позиции 62-й морской стрелковой бригады из состава 11-го корпуса генерала И.П. Рослого.

62-я бригада полковника С.П. Кудинова, относительно недавно переброшенная на Северный Кавказ, была сформирована из моряков-тихоокеанцев зимой 1941–1942 гг. Она уже имела опыт участия в боях под Москвой, отличалась сплоченностью, высоким боевым духом, изобретательностью и инициативностью личного состава как в наступательных, так и оборонительных действиях. Эти качества в полной мере проявились в оборонительных боях, которые 62-я бригада вела севернее Вознесенской 4–8 сентября 1942 г. При активной поддержке артиллерии и противотанковых средств бригада сумела не только остановить противника и нанести ему тяжелые потери, но и перейти в контратаку при поддержке подошедших танков, 50-го гвардейского минометного полка и штурмовой авиации. Немецкие отчеты, в частности, донесения боевой группы Гомилле (командир 2-го батальона 4-го танкового полка), атаковавшей Вознесенскую, свидетельствуют о серьезных проблемах, возникших у немцев [12: 1160]. Итогом успешных действий советской стороны к вечеру 6 сентября стало оперативное окружение группы Херфурта, которая вместо триумфального взятия Вознесенской и прорыва на Малгобек теперь вынуждена была пробиваться из советского кольца (правда, в отчете боевой группы Гомилле, часть сил которой в те дни действовала на том же участке, «отход на исходные позиции» объясняется «исчерпанием боезапаса») [12: 1161].

Хотя попытка советской стороны развить контрудар на следующий день не увенчалась успехом, несмотря на ввод в сражение свежей 52-й танковой бригады, к 10 сентября стало очевидно, что расчет немецкого командования на стремительный прорыв к Малгобеку с севера и выход в Алханчуртскую долину для наступления на Грозный провалился. Операция приобретала затяжной характер. Между тем она уже сковала практически все подвижные силы 1-й танковой армии (во всяком случае все ее танковые дивизии). Не имея возможности перебросить дополнительные резервы (и не видя в этом необходимости), командование противника решило маневрировать наличными силами и сделать основной составляющей ударного кулака, смещенного к западу, 13-ю Ганноверскую танковую дивизию генерала Т. Герра.

Главным вектором вражеского наступления с запада должна была стать ось Малгобек (Западный), или Старый Малгобек – Нижний Курп – Верхний Курп, а также прилегавшие высоты, после чего

для войск 1-й танковой армии Клейста на южном берегу Терека открывалась широкая перспектива охватывающего маневра в тыл и фланг малгобекской группировки РККА.

Вражеское командование, как обычно, прибегло к нанесению ударов силами боевых групп (Kampfgruppe). Так, для наступления на западном фланге моздокского плацдарма немцы создали в составе 13-й танковой дивизии две боевые группы Кризолли и фон Ражека.

Боевая группа под командованием В. Кризолли, командира 13-й панцергренадерской (мотопехотной) бригады, на которую возлагалась основная боевая задача в ходе данного наступления, включала штаб 13-й панцергренадерской бригады, 4-й танковый полк (без 2-го батальона), 93-й панцергренадерский (мотопехотный) полк, 1-й дивизион 13-го танково-артиллерийского полка, 1-ю батарею 13-го противотанкового дивизиона, 3-ю роту 4-го танково-саперного батальона, а также подразделение из состава 2-го батальона учебного полка «Бранденбург-800» [12: 1172]. По приказу из штаба 13-й танковой дивизии группа стянулась к 11 часам 10 сентября в район Нижний Бекович и в лес к востоку от него [12: 1173].

В западном и юго-западном направлении немцам пыталась противодействовать 151-я стрелковая дивизия (полковник В.П. Колесников), переданная в состав 37-й армии. Отчет группы Кризолли сообщает о том, что из данных разведки и рекогносцировки была ясна невозможность преодоления танками глубоко прорезанного русла Курпа. Поэтому командир боевой группы решил в тот же день под вечер всеми силами атаковать восточнее Курпа в направлении на Малгобек. Разведка уже в предполье Малгобек уничтожила противотанковую пушку калибра 76 мм и орудие. Танки, панцергренадеры и противотанковые орудия, решительно атакуя при поддержке артиллерии, захватили два орудия крупного калибра и в наступившей темноте остановились в 2 км севернее и северо-восточнее Малгобека перед болотистой местностью и каналом: «В сложнейших условиях саперы разведали возможности для переправы, эти работы заняли всю ночь до самого рассвета». К утру 12 сентября мост был полностью готов: «Благодаря покрову тумана и действительному огню артиллерии всех калибров по Малгобеку удалось беспрепятственно переправить все силы боевой группы. Несмотря на мощное противодействие со стороны вражеских полевых укреплений и неприятельских танков наступление успешно развивалось.

Фланкирующий огонь противотанковых орудий с юго-востока был эффективно нейтрализован благодаря туману. В 8:30 передовые танки и панцергренадеры ворвались в населенный пункт. В ходе тяжелых уличных боев он был очищен» [12: 1174].

Судя по немецким документам, советская сторона оказалась застигнутой врасплох массовой атакой танковых и моторизованных сил на западном фланге Малгобекского оборонительного периметра. Очевидно, советское командование полагало, что противник и далее будет стараться пробиться в Алханчуртскую долину по кратчайшей дороге на Малгобек через Вознесенскую. К обычным для немцев смене направления удара и маневру силами, прежде всего, подвижными, советская сторона вновь оказалась не совсем готовой. Это косвенно признает в своих мемуарах и командующий Закавказским фронтом генерал И.Ф. Тюленев [10: 185].

Успех немецкого наступления на Старый Малгобек позволил командованию 1-й танковой армии ставить перед своей западной ударной группировкой новые задачи. В отчете боевой группы Кризолли говорится: «На 13 сентября командиром дивизии было приказано взять Нижний Курп, уничтожить закрепившегося там врага и отодвинуть рубеж обороны на запад на 6 км от сектора Курпа». Боевой группе было приказано развивать главный удар путем охвата Нижнего Курпа с юга и юго-запада: «Для этого один танковый батальон должен был достичь дороги Верхний Акбаш – Нижний Курп и вдоль нее наступать на север. Далее другой танковый батальон 93-го панцергренадерского полка должен был наступать с запада и севера» [12: 1175].

Атака оказалась успешной: «В 12:25 3-й батальон 4-го танкового полка взял юго-западную окраину Нижнего Курпа, в то время как 1-й батальон 4-го танкового полка подошел с севера». Как признают немецкие штабисты, «отрезанный от путей отхода противник оборонялся отчаянно». Несмотря на это, танки и панцергренадеры, согласно немецким донесениям, добились успеха: «Было взято более 1000 пленных, множество вооружения, прежде всего противотанковых орудий и минометов, было уничтожено или захвачено в качестве трофеев. К 13:10 населенный пункт был полностью очищен» [12: 1175].

Обращает внимание указанное количество пленных в результате штурма всего лишь одного населенного пункта, пусть и при

внезапной массированной атаке вкупе с признаваемым сами неприятелем упорным и стойким сопротивлением защитников Нижнего Курпа. Вероятно, в отчет для придания весомости одержанной победе включались и захваченные в селе мужчины, привлекавшиеся к оборонительным работам и отнесенные немцами к категории военнопленных.

Как пишет И.П. Рослый, «прикрыв свой левый фланг в районе Предмостного и Бековичей, противник с утра 11 сентября двинулся в наступление из района Кизляра в направлении Малгобека Западного. В результате трехдневных боев немцам удалось прорваться в Алхан-Чуртскую долину и овладеть Нижним и Верхним Курпами» [10: 121]. Однако в результате спешно организованной и энергично проведенной контратаки немцы были выбиты из Верхнего Курпа, а затем оставили и ключевую высоту 404 [12: 411]. К исходу 14 сентября в результате решительной контратаки ударной группы 37-й армии, собранной из подразделений 151-й и 275-й стрелковых дивизий, а также введенных в бой подразделений 60-й стрелковой бригады и 113-го стрелкового полка НКВД, дальнейшее продвижение противника на стыке 37-й и 9-й армий было приостановлено.

Немецкая сводка признает, что к вечеру 14 сентября общее положение радикальным образом изменилось. Советские войска предприняли попытки крупными силами прорваться из района Сагопшина и Раздольного. Они атаковали южнее и севернее высоты 555 (тут противник дальше всего вклинился в советскую оборону в направлении самого Малгобека), охватывая группу Кризолли, вернее, ее авангард, с востока, и к 15:00 стояли в районе перекрестка дорог в 10 км южнее Раздольного. Немецкие документы с тревогой отмечали ожидание прибытия дополнительных советских сил, особенно из района Сагопшина, леса юго-западнее него и из района Раздольного. В донесении группы Кризолли отмечалось, что «наступательные замыслы пришлось отложить. 15 сентября давление противника на соседа слева привело к еще большему уплотнению боевых порядков. До 6:00 была незаметно для противника оставлена высота 404 и также оставлено охранение на высоте 489 и проложена новая линия обороны севернее Верхнего Курпа. В 12:00 противник полностью занял южную часть Верхнего Курпа и силами одного батальона вышел к западу от северного выезда из Верхнего Курпа» [12: 1175]. Решительные меры, предпринятые советским командованием, сумели вновь

сорвать не только дальнейшее развитие немецкого наступления по охвату Малгобека с запада, но и вынудили неприятеля попятиться – как и под Вознесенской неделей ранее.

Немало помогла в этом советская авиация, которая в те дни подерживала в районе Малгобека буквально круглосуточную активность, ночью бомбя переправы и коммуникации, а днем прикрывая свои войска на поле боя. И.П. Рослый пишет, что только за один день 13 сентября летчики совершили 430 боевых вылетов. Действуя на высоте 100–150 м, наши Ил-2 расстреливали живую силу неприятеля, поджигали его танки [9: 121].

Советские контратаки продолжались и в последующие дни. Группа Кризолли указывает в рапорте: «На рассвете 16 сентября противник перешел силами одного батальона в атаку на высоту 489 и в 4:00 занял высоту в 2 км восточнее отметки 489. Стоявшие там наши разведывательные патрули были вынуждены с боем отойти. Одновременно противник атаковал высоту 489 с запада. 1-й батальон 93-го панцергренадерского полка удержал в ходе тяжелого боя высоту и смог отбросить противника. Одновременно велась атака против левого фланга 667-го пехотного полка (370-й пехотной дивизии. – Т. М.) (в 3 км юго-западнее отметки 350)» [12: 1175].

Штабные немецкие документы неохотно констатируют неудачу своего наступления на западном фланге затеречного плацдарма. Так, в докладе командира 13-й танковой дивизии командиру 52-го армейского корпуса указывается: «Поскольку дивизия занимала полосу шириной 25 км и оборонялась на пересеченной местности против неприятельских сил и, кроме того, вынуждена была выделить крупные силы для 370-й пехотной дивизии и севернее, то обеспечение сильно вырвавшихся вперед частей на высоте 404 и в Верхнем Курпе было затруднено». Без дальнейшего усиления указанных частей на высоте 404 и в Верхнем Курпе «удержание сильно пересеченной местности, удаленной на 8–10 км от основных сил дивизии, было невозможно» [12: 411]. Противнику пришлось отвести в ночь на 15 сентября 1942 г. сильно выдвинутые вперед подразделения на высоте 404 и в Верхнем Курпе и оставить эти важные для дальнейшего наступления пункты. При этом командование дивизии просило указать в сводке в штаб армии, что «оставление высоты 404 и Верхнего Курпа было обосновано выше-названными причинами, а не произошло под атаками противника

с юга юго-востока и запада» [12: 411]. Это было признанием факта провала новой попытки обхода Малгобека с запада и достижения решающего прорыва на западных скатах Терского хребта.

Таким образом, немецкие документы позволяют сделать вывод о действиях противника с позиции как его штабистов, так и полевых командиров, отправлявших отчеты и донесения о происходивших событиях в вышестоящие инстанции. Из анализа документов штабов 13-й танковой дивизии, боевой группы Кризолли и других частей и соединений вермахта, принимавших участие в попытке прорыва к Малгобеку через Нижний и Верхний Курп, видно, что в ходе боев 11–14 сентября противнику удалось первоначально продвинуться на левом фланге обороны Малгобека. Отчасти этому способствовал эффект внезапности. Советское командование, окрыленное успехом оборонительных действий 11-го гвардейского корпуса под Вознесенской, проглядело сосредоточение новых вражеских сил западнее. Пользуясь этим, боевым группам фон Ражека и Кризолли, ядром которых были части 13-й танковой дивизии, удалось овладеть Малгобеком (Западным), а позднее Нижним и Верхним Курпом. Однако советская сторона неожиданно быстро для немцев оправилась от первоначального замешательства и предприняла энергичные контрмеры по купированию прорыва. Большую роль сыграли при этом действия советской авиации, по сути, господствовавшей над полем боя. К середине сентября 1942 г. планы стремительного прорыва к Грозному через Малгобек окончательно были сорваны. Промежуточный успех советской обороны предопределил во многом конечный исход Малгобекской оборонительной операции.

Источники и литература

1. Баданин Б.В. На боевых рубежах Кавказа. Очерки по инженерному обеспечению битвы за Кавказ в Великой Отечественной войне. М., 1962.
2. Бешанов В.В. Год 1942 – «учебный». Минск, 2003.
3. Битва за Малгобек (сентябрь 1942 – январь 1943 гг.): документы и материалы. Магас, 2014.
4. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1969.
5. Гучмазов А., Траскунов М., Цкитишвили К. Закавказский фронт Великой Отечественной войны. Тбилиси, 1971.
6. Исаев А.В. Когда внезапности уже не было. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2006.

7. Матиев Т.Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь – октябрь 1942 г. М., 2016.
8. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление, 25 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2009.
9. Рослый И.П. Последний привал – в Берлине. М., 1983.
10. Тюленев И.В. Через три войны. М., 1972.
11. Януш С.В. Войсковые операции Советской Армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь, 2005.
12. National Archives and Records Administration. T. 315. R. 643.

Д.Н. Санин

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ФИНСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДИВИЗИИ СС «ВИКИНГ» НА РУБЕЖЕ Р. МАНЫЧ В ЯНВАРЕ 1943 г.

Боевые действия на Манычском рубеже, от ст. Манычской до с. Баранники Сальского района Ростовской области, откуда открывался прямой путь на Ростов-на-Дону, длились больше двух недель. Немцы старались сдерживать наступающие части советских войск, давая возможность выйти из окружения частям 1-й танковой армии, начавшей свой основной отход 1 января 1943 г. [4]. Немецкие соединения сопротивлялись изо всех сил. Одним из таких соединений была 5-я моторизованная дивизия СС «Викинг» под командованием группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС Феликса Штайнера. Около 10 % ее личного состава являлись иностранцами – добровольцами из разных стран Европы, прежде всего Прибалтики и Скандинавии: голландцами, датчанами, норвежцами, шведами, эстонцами, финнами и др.

В состав дивизии входил финский добровольческий батальон СС, вербовка в который началась еще в марте 1941 г. [2: 60]. До 20 мая 1941 г. годных к военной службе имелось: 125 офицеров, 109 унтер-офицеров и 850 рядовых солдат [2: 70]. По подсчетам Л. Вестерлунда, из примерно 900 тыс. военнослужащих СС 1400 финских добровольцев составляли менее 0,2 %, а летом и осенью 1941 г. их доля в дивизии СС «Викинг» была около 2 %. Зимой 1942 г. эта доля на некоторое время выросла, возможно, до 5 %, за счет включения в ее состав финского добровольческого батальона СС [7: 92]. Многие финские добровольцы имели уже опыт советско-финляндской

войны 1939–1940 гг. и испытывали ненависть к Советскому Союзу. Необходимо отметить и то, что существовавший тогда режим в Финляндии искал себе политическую опору в Германии. Финский маршал К.Г. Маннергейм «лично был связан с историей финского эсэсовского движения, поскольку именно он персонально решал все основные вопросы, связанные с созданием, деятельностью, а затем и роспуском финских эсэсовских формирований» [1: 308]. Финские добровольческие подразделения были включены в состав полка СС «Нортланд» штандартенфюрера СС фон Шольца. Изначально финский добровольческий батальон СС под командованием гауптштурмфюрера Коллани носил название «Нордост», а 13 сентября 1943 г. был переименован в «финский добровольческий батальон войск СС» [2: 79].

Свой дебютный бой финны приняли в конце января 1942 г. у х. Новобахмутский и Голубячий в районе р. Миус. С января 1942 г. финский добровольческий батальон войск СС в составе дивизии СС «Викинг» прошел путь от Миуса до гор Кавказа. В боях на Кавказе он был серьезно обескровлен. Только за период с сентября по конец октября 1942 г. было убито 88 и ранено около 380 человек [1: 245].

Для восстановления численности состава финского батальона продолжалась вербовка людей, но ее темпы не соответствовали ожиданиям немецкого командования. К концу 1942 г. в расположение батальона, дислоцировавшегося на Грозненском направлении, прибыло всего 200 человек личного состава [1: 247].

С 31 декабря 1942 г. 3-й финский добровольческий моторизованный батальон войск СС полка «Нордланд», занимавший оборону в районе с. Толдзгун в Северной Осетии, начал свое большое отступление вслед за ранее отошедшими на новые позиции другими частями дивизии СС «Викинг». Форсированным маршем на машинах через Пятигорск, Ворошиловск и Сальск подразделения батальона направились в район реки Маныч.

11 января 1943 г. финский батальон СС прибыл в район Маныча и расположился восточнее ст. Пролетарской. 15 января батальон, согласно приказу, занял отведенный ему участок фронта. Задачей батальона было прикрытие переправы через реку Маныч между Пролетарской и Сальском.

18 января 1943 г. 3-й батальон СС получил новую задачу: на следующий день атаковать подразделения Красной армии, находившиеся

в северо-восточной части с. Екатериновка. Там финнам пришлось столкнуться с батальонами 99-й отдельной стрелковой бригады 28-й армии. Екатериновка представляла собой вытянутое вдоль шоссе поселение, восточная часть которого была расположена несколько обособленно от остальных строений. В этой части села находилось около 1 тыс. красноармейцев, которые закрепились ночью и к утру 19 января 1943 г. подтянули 76-мм орудия и тяжелые минометы.

99-я отдельная стрелковая бригада под командованием полковника Дмитрия Васильевича Макарова состояла в основном из жителей Средней Азии и Казахстана, а также солдат, выписавшихся из госпиталей. Многие бойцы бригады ранее не участвовали в боях и не прошли необходимую боевую подготовку. После продолжительного марша бригада была сразу введена в бой [5: 11]. Силами частей 99-й отдельной стрелковой бригады советское командование пыталось отрезать пути отхода немецким войскам, находившимся в Пролетарской, и нанести удар по Сальску, который являлся главным железнодорожным узлом. С аэродрома Сальска продолжали взлетать транспортные самолеты 52-й истребительной авиационной эскадры люфтваффе под командованием оберст-лейтенанта Дитриха Храбака, снабжая окруженные под Сталинградом германские войска. Задача дивизии СС «Викинг» заключалась в том, чтобы не дать частям Красной армии быстро овладеть переправами и захватить аэродром.

19 января 1943 г. в 9:00 3-й финский батальон в соответствии с приказом полка СС «Нордланд» перешел в атаку. 10-й роте оберштурмфюрера Порша удалось вырваться на 800 м вперед. Бой шел за каждый дом. В отдельных местах происходили рукопашные схватки. Оберштурмфюрер Порш был убит. Атака красноармейцев усиливалась, потери финнов стали расти [2: 236]. Все атаки частей Красной армии удалось отбить на дальних подходах к немецкой передовой. Под конец дня потери красноармейцев составили 300 убитыми и 159 пленными. Трофеи финнов составили: две автомашины с разведывательным оборудованием, пять тяжелых минометов, 13 противотанковых ружей и другое вооружение [6: 9].

Под прикрытием финского батальона полки дивизии СС «Викинг» в ночь на 20 января 1943 г. снялись с плацдарма у ст. Пролетарской и ушли через мосты на Маныче, чтобы занять новые боевые позиции. 1-й и 2-й батальоны полка «Нордланд» передислоцировались

в Екатериновку и Шаблиевку, чтобы прикрыть отход финского батальона. С 19 по 22 января 1943 г. части 99-й отдельной стрелковой бригады вели тяжелые бои с финнами. 3-му батальону СС удалось уничтожить более 100 советских солдат и захватить боеприпасы и вооружение. Потери финнов составили: 9 человек убитыми и 24 ранеными. По заявлению немецкого командования, сделанному позднее: «Благодаря смелым действиям 3-го батальона “Нордланд” указанные планы были сорваны. Снова финский добровольческий батальон войск СС доказал свою верность и подтвердил это своей кровью» [3: 335]. Было отмечено, что бои за с. Екатериновка оказались «самыми кровопролитными... за всю историю отступления батальона с Кавказа» [1: 260]. Немецкие войска продолжали откатываться все дальше на запад.

В ночь на 22 января 1943 г. дивизия СС «Викинг» под давлением 28-й армии советских войск отступила из Сальска. 3-й финский добровольческий батальон отходил всё дальше на другие участки для занятия новой обороны. 11 июля 1943 г. приказом рейхсфюрера СС Гимmlера финский батальон был расформирован. Было официально объявлено, что батальон «увольняется со службы... и переходит в подчинение финских вооруженных сил» [1: 287]. Маршал К.Г. Маннергейм решил полностью ликвидировать батальон как самостоятельную единицу. 661 солдат батальона СС получил новые назначения, причем в различные войсковые части.

Таким образом, Финляндия не рискнула оставлять у себя батальон в качестве самостоятельного подразделения, которое целиком состояло бы из солдат, прошедших эсэсовскую подготовку. Эсэсовцам в Финляндии не доверяли прежде всего по политическим мотивам. «По факту финский добровольческий батальон СС прекратил свою деятельность» [1: 268].

Можно сказать, что финскому добровольческому батальону, действовавшему в составе дивизии СС «Викинг», не удалось добиться на Юге РСФСР и Украинской ССР каких-либо выдающихся побед. Финны, как и их соратники по оружию немцы, приобрели известность лишь своим откровенным варварством и зверствами, нацеленными прежде всего на захваченных в плен солдат и мирных граждан. Крупных военных успехов на фронте у них не было или их было слишком мало, чтобы они имели какое-либо конкретное военное значение.

Недолгая история финского эсэсовского движения и создания из финнов эсэсовских войск в конце Второй мировой войны завершилась. Финские подразделения СС, созданные в рамках сближения Финляндии с нацистской Германией в начале 1940-х гг., выполняли в основном политическую и идеологическую функцию. Их присутствие в составе войск СС подчеркивало союзнические отношения между странами, хотя их вклад в боевые операции оставался ограниченным.

Источники и литература

1. Барышников В.Н. Финские СС на Украине и Юге России. От возникновения до ликвидации. М., 2025.
2. Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943 / Пер. с нем. В.Д. Кайдалова. М., 2015.
3. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942–1943 гг. М., 2005.
4. Хаунт В. Сражения группы армий «Юг»: взгляд офицера вермахта. М., 2006.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 422. Оп. 8465. Д. 57.
6. National Archives and Records Administration. Т. 17. R. 50.
7. Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. Juutalaisten, siviilien ja sotavankien surmaaminen Saksan hyökkäyksessä Neuvostoliittoon. Helsinki, 2019. URL: https://kansallisarkisto.fi/documents/141232930/153230445/suomalaiset_ss-vapaaehtoiset.pdf/8f6c4b35-c878-49ea-1302-c0f28efd0349/suomalaiset_ss-vapaaehtoiset.pdf (дата обращения: 07.03.2026).

Н.И. Медвенский

БОЕВОЙ ПУТЬ 863-го ИСТРЕБИТЕЛЬНОГО АВИАЦИОННОГО ПОЛКА В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ

В героической обороне Кавказа принимали участие представители всех родов и видов войск Вооруженных сил СССР. Особое место в этом ряду занимает авиация. На протяжении долгих 442 дней Битвы за Кавказ – одного из наиболее продолжительных и кровопролитных сражений Великой Отечественной войны – советские авиаторы выполняли сложнейшие задания. Яркими страницами истории стали полеты над перевалами Главного Кавказского хребта, прикрытие кораблей Черноморского флота, штурмовка зенитных батарей противника и многое другое.

Активное участие в обороне Кавказа принимал 863-й истребительный авиационный полк (далее – иап). Он начал формироваться 20 апреля 1942 г. на базе Руставской военной авиационной школы пилотов по штату 015/174 в соответствии с приказом войскам Закавказского военного округа (далее – ЗакВО) № 0069 от 13 апреля 1942 г. Летным составом полк укомплектовывался за счет указанной авиашколы и 12-й отдельной перегоночной авиационной эскадрильи, остальным составом – за счет 11-го и 25-го запасных авиационных полков ЗакВО. Он имел двухэскадрильный состав, в каждой из эскадрилий насчитывалось по три звена (то есть две эскадрильи по девять самолетов и самолет командира полка). Непосредственно полк подчинялся командующему военно-воздушных сил (далее – ВВС) ЗакВО генерал-майору авиации Н.Э. Глушенкову. Местом базирования 863-го иап был назначен аэродром Махарадзе (Мериа), его командиром – майор А.Н. Коновалов, ветеран Гражданской войны в Испании. Формирование полка было завершено 22 апреля 1942 г., когда он был укомплектован 20 истребителями ЛаГГ-3, полученными с завода № 31, эвакуированного в октябре 1941 г. из Таганрога в Тбилиси [2: 759].

23 апреля 1942 г. полк приступил к вывозным и учебно-тренировочным полетам. В этот же день четыре экипажа с аэродрома Рустави перелетели на аэродром Сухуми, имея задачу прикрывать столицу Абхазской АССР от потенциальных налетов противника. Спустя четыре дня 15 экипажей двумя группами перелетели на аэродром Кутаиси-1 с аналогичной задачей. Технический состав полка 28 апреля 1942 г. поездом убыл в Махарадзе, а оттуда – в расположение полка в Кутаиси, куда прибыл 1 мая 1942 г. Весь полк 9 мая 1942 г. перебазировался на аэродром в Сухуми с задачей прикрывать город от налетов противника и одновременно вести учебно-боевую подготовку [3: 28]. Шифрограмма командующего ВВС ЗакВО № 1/15 от 12 мая 1942 г. определила полку район противодействия самолетам противника: Лазаревское – Очемчири – Ткварчели, а также акваторию на 50 км от берега вглубь Чёрного моря. 16 мая 1942 г. командующий ВВС ЗакВО приказал передислоцировать 2-ю эскадрилью в составе восьми экипажей с аэродрома Сухуми на аэродром Алахадзе (ныне – с. Алахадзы Гагрского района) для перехвата самолетов противника на дальних подступах к столице Абхазии с севера. Ввиду сложных метеорологических условий

перелет был осуществлен лишь 19 мая 1942 г. После размещения полка на аэродроме Сухуми был незамедлительно выработан план взаимодействия с 794-м бомбардировочным авиационным полком и 394-й стрелковой дивизией [4: 51].

8 июня 1942 г. в связи с участвовавшими полетами самолетов-разведчиков противника командующему Батумским бригадным районом противовоздушной обороны было предоставлено право поднимать дежурные звенья 863-го иап с аэродромов Сухуми и Алахадзе. Вскоре произошла первая встреча с врагом в воздухе. 12 июня командир звена 1-й эскадрильи лейтенант А.И. Артемьев при вылете по боевой тревоге на высоте 6000 м встретил бомбардировщик Junkers-88, который преследовал до Гагры на 60–70 км в море. Несколько атак на немецкий самолет, который вел ответный огонь, успеха не принесли, и по израсходованию боекомплекта советский летчик был вынужден выйти из боя. Противник ушел в море. Это был первый воздушный бой полка.

18 июня 1942 г. 863-й иап вошел в состав ВВС 46-й армии Закавказского фронта с непосредственным подчинением командующему ВВС данной армии подполковнику Шалимову. Полк продолжал осуществлять вылеты на патрулирование и перехват, вел воздушные одиночные учебные бои, проводил учебные стрельбы. Квалификация личного состава повышалась: пилоты натренировались в радиосвязи, большее внимание уделялось слежению за воздухом, учащались встречи с противником. 13 июля летчиками 863-го иап был открыт боевой счет своих воздушных побед. В этот день капитаном А.Д. Шалагиным и младшим лейтенантом В.С. Шейко был уничтожен один из бомбардировщиков Junkers-88, атаковавших советские корабли в районе мыса Пицунда. Не исключено, что это была первая воздушная победа советских ВВС в небе над Абхазией.

15 июля 1942 г. шифрограммой начальника штаба ВВС 46-й армии 863-му иап устанавливался новый район противодействия самолетам противника: Лазаревское – Очамчире, а также акватория на 50 км вглубь Чёрного моря. Кроме того, была поставлена задача взаимодействовать с наземными частями 46-й армии и Потийской военно-морской базой, прикрывать корабли Черноморского флота при их входе в зону действия полка, но любые действия осуществлять только по распоряжению командующего ВВС 46-й армии. С этого момента боевая работа 863-го иап интенсифицировалась.

Так, 3 августа 1942 г. было совершено 12 самолетовылетов на прикрытие кораблей в районе Сухуми – Адлер. Благодаря воздушному прикрытию истребителей полка противник не атаковал, корабли благополучно проследовали заданным курсом, выполнив поставленные перед ними задачи [7: 18].

5 августа 1942 г. полк получил шифротелеграмму начальника штаба ВВС 46-й армии № 33/нш, предписывавшую перебазирование с аэродрома Сухуми на аэродром Махарадзе (Мериа) с задачей прикрывать Потийскую военно-морскую базу от налетов авиации противника. Технический состав в тот же день был переброшен на самолетах Сухумского аэропорта, остальной личный состав и имущество были отправлены железнодорожным эшелоном, прибывшим к месту назначения 9 августа. Сразу после прибытия полк включился в боевую работу. Здесь следует отметить, что в связи с приближением к перевалам Главного Кавказского хребта немецкого 49-го горного армейского корпуса 863-му иап, кроме прикрытия Поти, пришлось выполнять и ряд других задач. Так, уже 13 августа три экипажа 2-й эскадрильи под командованием капитана А.Д. Шалагина вылетели с аэродрома Махарадзе (Мериа) на разведку Клухорского, Марухского, Санчарского, Белореченского перевалов с задачей установить наличие либо отсутствие на них войск противника. Перевалы были осмотрены с высоты 500 м, противник обнаружен не был.

16 августа полком была получена шифротелеграмма № 43/нш начальника штаба ВВС 46-й армии, предписывавшая 2-й эскадрилье вернуться на аэродром Сухуми. Это было связано с тем, что в период с 5 по 15 августа город оставался без воздушного прикрытия, чем не преминул воспользоваться противник. 15 августа немецкие самолеты дважды бомбили столицу Абхазии. Были потоплены буксир «Рекорд» и паром «Червона Украина», повреждены госпитальное судно «Львов» и нефтеналивная баржа «Тендра», разрушена часть портовых сооружений и городских зданий, около 200 человек было убито и ранено. В результате повторных авиаударов 16 августа погибли и получили ранения 54 человека. Из-за сложных метеоусловий 2-я эскадрилья 863-го иап смогла перелететь в Сухуми лишь 17 августа. Оставшийся без воздушного прикрытия город снова подвергся бомбардировке. Однако при очередном заходе на столицу Абхазии 18 августа силами шести бомбардировщиков

Junkers-88 ситуация резко изменилась. С сухумского аэродрома были подняты три экипажа ЛаГГ-3 863-го иап, а также два экипажа Hurricane и один экипаж И-153 35-го иап. Один Junkers-88 был сбит и упал в море, еще один подбит, остальные построились в пеленг и ушли в сомкнутом строю. Убедившись в том, что Сухуми прикрыт истребительной авиацией, немецкое командование прекратило бомбардировки города и сухумского морского порта. Планы противника в отношении столицы Абхазии были сорваны [1: 159].

После преодоления боевыми группами немецких 1-й и 4-й горных дивизий 49-го горного армейского корпуса основных перевалов Главного Кавказского хребта и проникновения противника на его южную сторону в горах начались ожесточенные бои. На 863-й иап были возложены задачи по поддержке сухопутных войск, патрулированию местности и перехвату самолетов противника, сопровождению бомбардировщиков, ведению воздушной разведки и осуществлению штурмовки вражеских войск на Клухорском, Марухском, Санчарском и Умпырско-Белореченском направлениях. Удары наносились по скоплениям немецких войск, колоннам гужевого транспорта, одиночным автомашинам и автоколоннам, зенитным батареям и стоявшим на земле самолетам. 863-й иап продолжал нести потери. 27 августа 1942 г. были потеряны сразу два экипажа. Погибли комиссар полка, старший политрук Г.И. Беланов и командир 2-й эскадрильи капитан А.Д. Шалагин [5: 11]. Как было позже установлено, последний пал смертью храбрых при совершении воздушного тарана.

11 сентября 1942 г. в полк поступила шифрограмма начальника штаба 295-й истребительной авиационной дивизии, в соответствии с которой 863-й иап должен был передислоцироваться с аэродрома Сухуми на аэродром Грозный и поступить в распоряжение командования 4-й воздушной армии. Переброска основного состава полка (12 самолетов) в пункт назначения была завершена спустя два дня. 13 сентября 1942 г. приказом № 064 по 219-й бомбардировочной авиационной дивизии 863-й иап был включен в состав данного авиасоединения. Полку была поставлена задача прикрывать бомбардировщики дивизии в ходе Моздок-Малгобекской операции при уничтожении переправ и переправочных средств через реку Терек южнее Моздока. За 10 дней интенсивной боевой работы полк выполнил 124 боевых вылета, потеряв троих летчиков и четыре

самолета. Негативно сказывалось отсутствие обслуживающего персонала, поскольку прикомандированное к полку небольшое количество технического состава из 219-й бомбардировочной авиационной дивизии проблемы не решало. Поэтому 21 сентября 1942 г. по приказу командующего 4-й воздушной армией генерал-майора авиации К.А. Вершинина 863-й иап передал восемь ЛаГГ-3 и 10 летчиков в 790-й иап и был выведен с линии фронта [7: 31].

С 25 сентября по 13 декабря 1942 г. 863-й иап находился в 6-м отдельном учебно-тренировочном авиационном полку 4-й воздушной армии ВВС Закавказского фронта (г. Сальяны), после чего убыл в 26-й запасной иап ВВС Закавказского фронта (г. Сандар), где 29 июня 1943 г. был переформирован по штату 015/284 и доукомплектован. 18 июля полк вошел в состав 229-й истребительной авиационной дивизии 4-й воздушной армии Северо-Кавказского фронта, однако боевой работы не вел. 16 сентября 1943 г. был передан в состав 230-й штурмовой авиационной дивизии 4-й воздушной армии как полк сопровождения и включился в боевые действия на самолетах ЛаГГ-3.

Общие итоги боевой работы 863-го иап в ходе Битвы за Кавказ приведены в его историческом формуляре. Согласно данному документу, за означенный период летчиками полка были уничтожены: 31 автомобиль с войсками и грузами, два бензовоза, подожжены пять занятых противником домов, подавлены шесть зенитных точек, рассеяно и частично уничтожены до 90 повозок с войсками и грузами, рассеяны и частично уничтожены до трех батальонов пехоты. Общий налет за период боевой работы составил 3047 самолетовылетов (1162 ч), из них боевой налет – 820 самолетовылетов (626 ч), учебный налет – 2227 самолетовылетов (536 ч). Боевые потери полка составили восемь самолетов ЛаГГ-3 и четыре летчика; пять летчиков погибли в авиакатастрофах на своих самолетах ЛаГГ-3. Сбито восемь самолетов противника, два самолета противника уничтожено на земле [6: 3].

По окончании Битвы за Кавказ 863-й иап продолжил выполнять свою боевую работу. 20 ноября 1943 г. в составе 230-й штурмовой авиационной дивизии он был введен в состав войск Отдельной Приморской армии. За период боевых действий в ее составе принял участие в Новороссийской десантной, Таманской и Крымской наступательных операциях. 15 мая 1944 г. 863-й иап был выведен

из состава 230-й штурмовой авиационной дивизии, после чего убыл в тыловой Харьковский военный округ. Там он вошел в состав вновь формируемой 129-й истребительной авиационной дивизии. В ее рядах вплоть до 4 октября 1944 г. полк находился в резерве Ставки Верховного Главнокомандования, дислоцируясь на аэродроме Каменная Яруга, где был переформирован по штату 015/364 (1 августа 1944 г.) и приступил к освоению истребителей Ла-5.

К 12 октября 1944 г. 863-й иап в составе 129-й истребительной авиационной дивизии был передислоцирован на 3-й Белорусский фронт, после чего включен в состав 1-й воздушной армии под командованием генерал-полковника авиации Т.Т. Хрюкина. 13 октября полк приступил к выполнению боевых задач. Он принял активное участие в Мемельской, Гумбиннен-Гольдапской и Восточно-Прусской наступательных операциях. За образцовое выполнение боевых заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками при овладении восточнопрусским городом Хайлигенсбаль и проявленные при этом доблесть и мужество указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1945 г. 863-й иап был награжден орденом Александра Невского [8].

День Победы личный состав полка встретил в Восточной Пруссии, на аэродроме Гросс Линденау (ныне – пос. Озерки Калининградской области). За весь военный период летчиками 863-го иап было выполнено 4822 боевых вылета, сбито 72 самолета противника в воздухе и 11 уничтожено на земле при собственных потерях в 50 самолетов и 24 погибших летчика. В Гросс Линденау, полк базировался вплоть до 27 июля 1945 г., после чего в составе 129-й истребительной авиационной дивизии был передислоцирован на аэродром Россь Щучинского аэроузла Барановичского военного округа. В марте 1947 г. на основании шифротелеграммы командующего 1-й воздушной армией № 1317 от 22 февраля 1947 г. и приказа командира 14-го истребительного авиационного корпуса № 001 от 5 марта 1947 г. 863-й ордена Александра Невского истребительный авиационный полк был расформирован. На этом его трудный и славный боевой путь подошел к концу.

Источники и литература

1. Абхазия в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.). Сб. документов / Сост. Б.Г. Берулава и др. Сухуми, 1978.

2. Анохин В.А., Быков М.Ю. Все истребительные авиаполки Сталина. Первая полная энциклопедия. М., 2014.
3. Пачулия В.М. Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сухум, 2015.
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 1720. Оп. 1. Д. 21.
5. ЦАМО РФ. Ф. 22546. Оп. 228309. Д. 5.
6. ЦАМО РФ. Ф. 22546. Оп. 228857. Д. 1.
7. ЦАМО РФ. Ф. 22546. Оп. 228857. Д. 3.
8. Holm M. 863rd order of Aleksander Nevskiy Fighter Aviation Regiment // Soviet Army Forces 1945–1991. URL: <http://www.ww2.dk/new/air%20force/regiment/iap/863iap.htm> (дата обращения: 06.03.2026).

С.И. Линец, А.С. Линец

СРАЖЕНИЯ НА «ГОЛУБОЙ ЛИНИИ» И НА МИУС-ФРОНТЕ В 1943 г.: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В годы Великой Отечественной войны Красная армия на всех участках советско-германского фронта в разное время провела десятки крупных наступательных операций против немецкого вермахта и его союзников. Часть этих операций, в том числе стратегических, закончилась успешно, к примеру, операция «Уран» в ноябре 1942 г. по окружению противника в районе Сталинграда или операция «Багратион» в Белоруссии, осуществленная летом 1944 г., итогом которой стало тяжелое поражение немецкой группы армий «Центр». Вместе с тем в ходе войны целый ряд наступательных операций закончился для Красной армии не вполне удачно. В их числе были самые длительные и кровопролитные операции с тяжелыми для наших войск потерями в районе Ржева на центральном участке фронта, а также два сражения на юге – на Миус-фронте и на «Голубой линии».

Две последние операции имели как определенные сходства, так и некоторые отличия, обусловленные разными временными, географическими, демографическими и другими факторами. Вначале отметим, что хронологически сражения на Миус-фронте начались еще в ноябре 1941 г., после успешной операции Южного фронта по освобождению Ростова-на-Дону и последующего выхода наших войск к оборонительной линии врага, спешно созданной по правому берегу реки Миус на высотах Донецкого кряжа. Закончились

бои на Миус-фронте в конце августа 1943 г. Основные военные действия проходили здесь в три этапа: в ноябре – декабре 1941 г., в марте 1942 г. и в феврале – августе 1943 г. В общей сложности Красная армия проводила с разной интенсивностью наступательные операции на Миус-фронте примерно 9 месяцев. Географически фронт проходил по трем районам Ростовской области – Неклиновскому, Матвеево-Курганскому, Куйбышевскому, а также по территориям Сталинской (в настоящее время – Донецкая Народная Республика) и Ворошиловградской (в настоящее время – Луганская Народная Республика) областей [3: 11].

Сражения на «Голубой линии» проходили с апреля и до начала октября 1943 г., то есть в течение примерно 6 месяцев. Если брать рамки только 1943 г., то бои на Миус-фронте шли 7 месяцев – на один месяц больше.

Что собой представляли обе эти оборонительные линии противника? Вдоль течения р. Миус от побережья Азовского моря и далее в меридиональном направлении вплоть до Северского Донца враг в течение нескольких недель в конце 1941 г. построил глубокоэшелонированную полосу стратегической обороны глубиной от 10 до 30 км, все огневые точки которой были привязаны к неприступным высотам, скалам и обрывам правого берега р. Миус. «На протяжении 104 км система обороны включала минные поля и проволочные заграждения шириной до 200 м, цепи дотов, дзотов, пулеметных гнезд... а еще бесконечные траншеи и противотанковые рвы в несколько рядов» [7: 39]. В качестве сравнения можно указать, что на французской линии обороны – Мажино – на 1 км приходилось 7 дотов, на финской линии Маннергейма – 2 дота, а на Миус-фронте – 24 дота и дзота [5]. Одной из главных задач этой мощной оборонительной линии было стремление немецкого командования защитить угольный Донбасс и не дать возможности Красной армии развивать наступление далее в западном направлении и в последующем выйти к Днепру.

«Голубая линия» также была мощным оборонительным рубежом, строительство которого началось в первых числах января и совершенствовалось затем вплоть до сентября 1943 г. Общая протяженность линии составляла 113 км, то есть она была на 9 км длиннее оборонительной линии врага на Миус-фронте. Географически она проходила с севера на юг по линии Азовское море – Киевское –

Крымская – Нижнебаканская – Новороссийск. «Этот рубеж опирался на исключительно выгодную для обороны местность: на севере приазовские плавни и плавни в поймах рек Кубань, Адагум, Вторая, а также сами эти реки, разлившиеся в период весенней распутицы. В центре и южнее Таманского плацдарма рубеж обороны проходил по цепи горных высот северо-западных отрогов Большого Кавказского хребта и упирался в Чёрное море» [6: 266].

Основная оборонительная полоса имела глубину до 6 км, а далее на 30–40 км в глубину простирались хорошо укрепленные рубежи. При этом оборона противника состояла из передовой позиции – предполья, и второй полосы обороны, которая, собственно, и являлась «Голубой линией». Она проходила примерно в 11 км западнее первой полосы и опиралась на господствующие здесь высоты. Кроме того, за второй полосой обороны был построен еще ряд промежуточных оборонительных рубежей. В общей сложности было возведено восемь таких рубежей. Ст. Крымская, находившаяся в середине «Голубой линии», была важнейшим укрепленным узлом обороны немцев [2]. Можно сделать вывод, что по основным показателям (ландшафт местности, протяженность и глубина укреплений) обе укрепленные линии гитлеровцев – Миус-фронт и «Голубая линия» – были примерно одинаковыми рубежами обороны.

Далее сравним силы сторон к началу боевых действий в районе этих оборонительных линий. На Миус-фронте у вермахта в полосе 180 км против войск Южного фронта оборонялись три немецких армейских корпуса, в составе которых было 11 дивизий и 5 батальонов штурмовых орудий из состава 6-й полевой армии, вновь созданной после гибели в Сталинграде ее предшественницы. Шесть армий Южного фронта накануне освобождения Ростова-на-Дону имели 11 стрелковых дивизий, 16 механизированных и танковых бригад и другие соединения общей численностью около 272 тыс. солдат и офицеров [3: 115–116]. К началу прорыва Миус-фронта численность войск Южного фронта сократилась.

В свою очередь в составе 17-й полевой немецкой армии к началу боев за «Голубую линию» было 16 дивизий, которые с воздуха поддерживали самолеты 4-го воздушного флота. Отметим, что на этом участке фронта боевые порядки противника постепенно уплотнялись как следствие медленного отступления немецких и румынских дивизий на Таманский полуостров. Поэтому их

сопротивление 56-й армии Северо-Кавказского фронта постоянно возрастало. Тем не менее к началу апреля 1943 г. наши войска уже имели над противником значительный перевес: по пехоте в 3,5 раза, по танкам – в 1,7 раза и по артиллерии – в 1,9 раза.

Первая в 1943 г. попытка прорыва Миус-фронта была предпринята нашими войсками 17 февраля. В этот день, выполняя приказ командующего Южным фронтом генерала-полковника Р.Я. Малиновского, в наступление в районе Матвеева Кургана перешел 4-й Сталинградский гвардейский механизированный корпус генерала-майора Т.И. Танасчишина, а вслед за ним 33-я гвардейская стрелковая дивизия. Им удалось форсировать реку Миус и вклиниться на 30 км вглубь немецкой обороны, захватив поселок Анастасиевка. Здесь наши подразделения закрепились, не предпринимая дальнейших наступательных действий. Через несколько дней противник, подтянув крупные резервы, взял в окружение наши подразделения. С большими потерями корпусу и дивизии удалось прорваться обратно к своим войскам. А.Н. Заблотский и Р.И. Ларинцев в своем исследовании так объясняют причину этой неудачи: «Задержка в Анастасиевке позволила немцам сначала отрезать и блокировать корпус, бросив наличные резервы сначала на восстановление прежней линии обороны, а затем на уничтожение окруженных частей. Вместо того чтобы навязывать противнику свою инициативу, советское командование отдало ее в руки немцев. Тем более, что дальше на запад у немцев боевых частей не было. В сложившейся ситуации наиболее перспективным был бросок 4-го гвардейского мехкорпуса на Таганрог. В случае успеха он неминуемо привел к кризису немецкой обороны, ликвидировать который собственными силами группа “Холлидт” уже не смогла бы» [1: 165]. 7 марта 1943 г. наступательные операции, продолжавшиеся 18 дней, были остановлены.

На пять дней позже начала наступления на Миус-фронте, 22 февраля 1943 г., Северо-Кавказский фронт под командованием генерала-лейтенанта И.И. Масленникова приступил к штурму «Голубой линии». Поскольку в предыдущих наступательных боях, продолжавшихся два месяца, в том числе в ходе освобождения Краснодара, наши войска понесли большие потери, практически не получили передышки и пополнения, наступление оказалось неудачным. К 14 марта, то есть за 20 дней, подразделения фронта смогли продвинуться всего примерно на 50 км, понеся при этом

большие потери в личном составе и боевой технике. Необходимо было приостановить наступление для перегруппировки войск и получения резервов. Таким образом, первые попытки штурма советскими войсками и Миус-фронта, и «Голубой линии» в 1943 г., осуществленные примерно в одно время – с середины февраля до середины марта, оказались неудачными.

С марта 1943 г. Южный фронт возглавил генерал армии Ф.И. Толбухин. Началась подготовка к очередному прорыву Миус-фронта. Новое наступление началось 17 июля и проходило в тяжелейших условиях. Враг отчаянно сопротивлялся, нередко переходя в контратаки, но остановить продвижение войск Южного фронта всё же не смог. 31 августа 1943 г. оборонительные рубежи вермахта на Миус-фронте, наконец, были прорваны. Кровавопролитные бои на этом участке советско-германского фронта, проходившие в течение семи месяцев, закончились. «На рубежах реки Миус летом 1943 г. произошло решающее сражение, изменившее дальнейший ход событий на южном участке советско-германского фронта в годы Великой Отечественной войны. Изгнание группировки противника больше не оставляло ему шансов на реванш. У советских войск значительно расширились возможности по овладению стратегически важным промышленным регионом – Донбассом – и получению выхода к нижнему течению Днепра, к Северной Таврии и перешейкам Крыма», – подчеркивает значение этой победы М.В. Медведев [4: 155].

Очередное наступление войск Северо-Кавказского фронта по прорыву «Голубой линии» началось 4 апреля 1943 г. и в тяжелейших условиях проходило до 4 мая, когда была освобождена ст. Крымская – ключевой опорный пункт немецкой обороны. Однако после этого успеха наступление вновь остановилось. За месяц боев войска фронта продвинулись в глубину обороны немецкой 17-й армии на разных участках всего на 3–10 км. Затем в период с 26 мая по 7 июня 1943 г. советские войска предприняли еще одно наступление в центре «Голубой линии», но противник смог удержать здесь мощные укрепленные пункты – Киевское и Молдаванское. Наше наступление опять закончилось неудачей. И только в течение июля – начала августа, наконец, оборона немецко-румынских войск на «Голубой линии» была прорвана, и 16 августа 1943 г. сражение здесь закончилось.

Ожесточенные бои по прорыву Миус-фронта проходили в 1943 г. в течение 196 дней и ночей, а на «Голубой линии» – в течение 206 дней и ночей, то есть примерно одинаковое время в ходе обеих битв.

Потери с апреля до августа 1943 г. – в период самых ожесточенных боев на «Голубой линии» – составили: Красной армии – 195,5 тыс. человек; немцев и румын – 46,5 тыс. солдат и офицеров. Соотношение потерь составило примерно четыре к одному [8: 9–10]. В ходе сражений на Миус-фронте потери советских войск оказались еще большими. За период с 17 февраля по 31 августа 1943 г. войска Южного фронта потеряли здесь убитыми и ранеными 392 340 солдат и офицеров, в том числе безвозвратные потери составили 97 126 человек. Это составило 47 % от всех потерь Красной армии за время штурмов Миус-фронта в 1941–1943 гг. В сутки в среднем потери составляли 2012 человека, из них безвозвратные – 496 человек. О немецких потерях в этот же период боев на Миус-фронте точных данных нет. Известно лишь, что за все время сражений на этом участке фронта в 1941–1942 гг. и затем в 1943 г. враг потерял 110 тыс. своих солдат и офицеров [3: 155]. Следовательно, соотношение потерь на Миус-фронте в 1943 г. точно определить сложно, учитывая отсутствие данных у противника за эти месяцы. Если предположить, что они составили примерно 50 % от всех потерь на Миус-фронте, то тогда это будет выглядеть, опять же примерно, как трагическое для нас соотношение семь к одному (392 тыс. против 55 тыс.).

В качестве выводов отметим, что две самые кровопролитные битвы на юге советско-германского фронта в 1943 г. имеют много общего по многим аспектам. Во-первых, они проходили практически в одно время. Во-вторых, советским войскам приходилось штурмовать мощные укрепления врага нередко лобовыми атаками, что, конечно, приводило к огромным потерям. В-третьих, эти потери во многом были вызваны некомпетентными решениями командования Южного и Северо-Кавказского фронтов. Что касается потерь противника, понесенных в ходе этих сражений, то они нуждаются в дальнейших исследованиях с целью более объективного их анализа и получения уточненных итоговых цифр.

Источники и литература

1. Заблотский А.Н., Ларинцев Р.И. Прорыв Миус-фронта: третья попытка // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала

Великой Отечественной войны): материалы Международной научной конференции (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2011. С. 160–165.

2. Киселёв И.В. Как Красная армия сражалась на «Голубой линии». URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/8420.html> (дата обращения: 05.03.2026).

3. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне, 1941/1942 гг., 1943 г. Ростов-на-Дону, 2010.

4. Медведев М.В. На ростовском направлении. Южный фронт в боях на Миусе. Январь – август 1943 г. М., 2022.

5. Перепелица Н.М. Миус-фронт. Трагедия героизма // Сетевое издание интернет-газета «Родник» (Матвеево-Курганский район Ростовской области). 30.08.2023. URL. <https://rodnik-gazeta.ru/mius-front-tragediya-geroizma/> (дата обращения: 04.03.2026).

6. Пишняник Г.А. Крах плана «Эдельвейс». Советская авиация в битве за Кавказ, 1942–1943. М., 2013.

7. Роменский А.Ф. Пять попыток прорыва Миус-фронта // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2013. С. 38–44.

8. Януш С.В., Киселев И.В. Штурм «Голубой линии» как завершающий этап битвы за Кавказ в 1943 году // Научная мысль Кавказа. 2021. № 2. С. 5–11.

А.И. Лойко

БЕЛОРУСЫ – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: БОИ КРАСНОЙ АРМИИ НА ЮГЕ РСФСР

Великая Отечественная война для жителей Белорусской Советской Социалистической Республики (далее – БССР), входившей в состав СССР, началась 22 июня 1941 г. К этому времени белорусы служили в разных регионах Советского Союза офицерами, солдатами и матросами срочной службы. С началом Великой Отечественной войны многие белорусы устремились в военкоматы с тем, чтобы участвовать в рядах РККА в боях с вторгшимися немецкими войсками. Это желание смогли реализовать только жители восточных регионов БССР, поскольку наступление немецких войск было быстрым и западные регионы БССР были оккупированы в течение нескольких дней. Героическое сопротивление немецким войскам

в полном окружении оказывал несколько месяцев только гарнизон Брестской крепости.

Причиной неудачных оборонительных боев РККА было то, что осенью 1939 г. государственная граница СССР сместилась на запад на 300–400 км. Части РККА покинули оборонительную «линию Сталина» на границе с Польшей и оказались на новых рубежах, где планировалось создание оборонительных укреплений под названием «линия Молотова». Особенно уязвимым был выступ в районе белорусского г. Белостока.

Сложная ситуация сложилась в июне 1941 г. и южнее БССР, поскольку немецкие войска стремились захватить Киев, а союзные им румынские войска стремились занять территорию Молдавской ССР и Одессу. Оборонные бои на этом направлении вели части Южного фронта. Севернее оборонялись части Юго-Западного фронта. Это было важное обстоятельство, поскольку любой прорыв немецких войск угрожал южному флангу обороны.

Внимание в настоящей статье к Южному фронту объясняется тем, что он оборонял не только южную часть Украинской ССР, но и направление на Ростов-на-Дону. В июле – сентябре 1941 г. войска Южного фронта вели оборонительные бои в районе Запорожья. Но после того, как немецкие танки прорвались в районе Бердянска к берегу Азовского моря, войска Южного фронта начали отступление в направлении Таганрога и Ростова-на-Дону. Наладить длительную оборону Таганрога и Ростова-на-Дону войскам Южного фронта не удалось. 20 октября 1941 г. немецкие войска заняли Ростов-на-Дону. Но 28 ноября 1941 г. город был освобожден частями РККА, и фронт стабилизировался.

Летом 1942 г. войска Южного фронта испытали на себе последствия неудачного наступления РККА в районе Харькова. Они не выдержали ударов немецкой армии и 24 июля 1942 г. оставили Ростов-на-Дону. Последствием стало расформирование фронта. Его части были переданы в состав Северо-Кавказского фронта. Немецким войскам удалось форсировать Керченский пролив, а немецкие танковые дивизии устремились в прорыв на Кубань и Ставрополье. Линия фронта стабилизировалась только в районе Новороссийска, в предгорьях Северного Кавказа и в районе Сталинграда.

Сталинградская битва приобрела решающее значение для юга РСФСР, поскольку от ее исхода зависела перспектива обороны

Северного Кавказа. Войска Турции, которая была в союзных отношениях с Германией, ждали нужного момента для наступления. Таким поводом для них могло стать поражение РККА в Сталинградской битве. Исхода этой битвы ждали и союзники Советского Союза Великобритания и США.

По мере приближения немецких войск к Сталинграду в городе была организована эвакуация промышленных предприятий. Уроженец белорусского г. Заславля Пётр Максимович Веринский участвовал в эвакуации тракторного завода имени Ф.Э. Дзержинского и завода № 221 Народного комиссариата вооружения СССР (завода «Баррикады»). Затем он принимал участие в обороне Сталинграда [6].

В составе Красной армии в Сталинградской битве в разных воинских званиях на земле и в небе воевали выходцы из БССР. В обороне Сталинграда участвовали уроженец белорусского города Речицы Михаил Наумович Кузнецов, уроженец пос. Радучи Чаусского района Могилевской области минометчик Фёдор Степанович Жлоба, Дмитрий Адамович Мартыненко из деревни Ильичи Брагинского района Гомельской области БССР. В числе участников Сталинградской битвы были командир взвода специальных работ роты технического обеспечения старший лейтенант Сергей Иванович Свиридов из Минска и уроженец белорусского города Кричева майор Владимир Яковлевич Сипкин [6].

Героический подвиг совершил уроженец д. Оскота Городокского района Витебской области Алексей Егорович Ващенко. Он служил автоматчиком в 272-м стрелковом полку 10-й Сталинградской стрелковой дивизии внутренних войск НКВД 62-й армии Юго-Восточного фронта. В бою у станции Садовая Приволжской железной дороги 5 августа 1942 г. А.Е. Ващенко закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота [1].

Уроженцы БССР отличились и в воздушных боях с немецкой авиацией. Житель деревни Борки Шкловского района Могилевской области БССР старший лейтенант Николай Александрович Карначёнок с 1 июля 1941 г. воевал на Юго-Западном и Сталинградском фронтах. На его счету 349 боевых вылетов и 10 сбитых немецких самолетов. Погиб Н.А. Карначёнок 22 сентября 1942 г. Звание Героя Советского Союза было присвоено ему 23 ноября 1942 г. посмертно [10].

Уроженец д. Яковлевичи Оршанского района Витебской области БССР гвардии лейтенант Иван Яковлевич Сержантов воевал на Южном фронте. Служил в 9-м гвардейском истребительном авиационном полку 8-й воздушной армии. Он совершил 258 боевых вылетов, участвовал в 85 боях, сбил 21 немецкий самолет. За мужество и героизм он был удостоен звания Героя Советского Союза (посмертно) [8].

Уроженец г. Кричева Могилевской области БССР Николай Иванович Столяров с 1942 г. воевал на Сталинградском фронте, был заместителем командира эскадрильи 629-го истребительного авиационного полка. Он совершил 127 боевых вылетов, участвовал в 38 воздушных боях. Указом от 8 февраля 1943 г. Н.И. Столяров за проявленное мужество и отвагу был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [7].

Уроженец д. Доброводка Смолевичского района Минской области БССР гвардии майор авиации Антон Адамович Алехнович совершил 260 боевых вылетов, сражаясь под Сталинградом. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено в 1944 г. [2].

В ряду выдающихся летчиков-белорусов оказался и Александр Константинович Горовец. Он родился в окрестностях Витебска в 1915 г. В 1935 г. А.К. Горовец завершил обучение в объединенной школе пилотов и авиатехников и прошел курсы командиров авиационных звеньев в Кировограде. Его довоенная жизнь была связана с Донбассом. В Шахтах он был начальником летной части аэроклуба [4]. С 1941 г. занимался подготовкой летчиков для Северо-Кавказского фронта.

С декабря 1942 г. А.К. Горовец со своим полком входил в состав Северо-Кавказского фронта. Приказом войскам Северо-Кавказского фронта № 060/н от 27 февраля 1943 г. лейтенант А.К. Горовец был награжден орденом Красного Знамени. Часть, в которой служил А.К. Горовец, была передана в состав Воронежского фронта. Последним его боевым вылетом стал воздушный бой, в котором он сбил девять немецких самолетов. Этот бой произошел над современной Белгородской областью 6 июля 1943 г., на второй день Курской битвы [9: 57]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1943 г. гвардии лейтенанту Александру Константиновичу Горовцу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [3].

В числе командующих фронтами были уроженцы БССР. В их числе – уроженец Могилевской области БССР дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Иван Игнатьевич Якубовский [11] и командующий Донским фронтом генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский, родившийся в с. Телеханы Пинского уезда Минской губернии [5].

Таким образом, уроженцы БССР приняли активное участие в боях с немецкими войсками в 1941–1943 гг. на юге РСФСР. Ключевую роль в срыве наступления немецких войск в южном направлении сыграла оборона Новороссийска и Сталинградская битва. Особенно высокой по международной значимости оказалась Сталинградская битва, поскольку она показала, что наступает перелом во Второй мировой войне в пользу союзников.

Источники и литература

1. 10-я дивизия войск НКВД в Сталинграде: подвиг Алексея Ващенко // Управление Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации по Воронежской области. URL: <https://36.rosguard.gov.ru/news/article/10ya-diviziya-vojsk-nkvd-v-stalingrade-podvig-alekseya-vashhenko> (дата обращения: 05.02.2026).

2. Алехнович Антон Адамович // Беларусь помнит. Помним каждого. URL: <https://беларусьпомнит.бел/hero/11256/> (дата обращения: 05.02.2026).

3. Горовец Александр Константинович // Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 1. М., 1987. С. 357.

4. Мельников А.Е. Горовец Александр Константинович // Герои страны: международный патриотический интернет-проект. URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=494 (дата обращения: 05.02.2026).

5. Радченко В.Г. Константин Рокоссовский – солдат, полководец, человек. М., 2007.

6. Свечникова Е.В. Битва под Сталинградом: белорусские герои // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. URL: https://warmuseum.by/news/online/bitva_pod_stalingradom_belorusskie_geroi/ (дата обращения: 05.02.2026).

7. Столяров Николай Иванович // Могилевская областная библиотека имени В.И. Ленина. URL: <https://libmogilev.by/names-of-victory/stolyarov-nikolay-ivanovich/> (дата обращения: 05.02.2026).

8. Сяржантаў Іван Якаўлевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; маст. Э.Э. Жакевіч. Мінск, 2001. С. 481.

9. Тихонович И.В. Советская авиация в битве под Курском. М., 1959.
10. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему составу Красной Армии» от 23 ноября 1942 года // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1942. 12 декабря. № 44 (203). С. 1.
11. Якубовский Иван Игнатьевич // Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 2. М., 1988. С. 832.

У.Б. Очиров

ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЕ АСЫ ЛЮФТВАФФЕ – КАВАЛЕРЫ РЫЦАРСКИХ КРЕСТОВ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ: БОЕВЫЕ СЧЕТА И БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ

История воздушной войны на Восточном фронте 1941–1945 гг. имеет обширную историографию, однако в ней до сих пор имеется значительное количество проблем, не решенных полностью или частично. В этом исследовании автор хотел бы обсудить несколько вопросов, связанных с дневными истребительными асами люфтваффе. Поскольку рамки статьи не позволяют охватить большой объем данных, сконцентрируемся на асах люфтваффе, награжденных высшей наградой рейха – Рыцарским крестом Железного креста. Сразу уточним, что в работе не рассматриваются пилоты, отмеченные этой наградой как ночные истребители, бомбардировщики и штурмовики, даже если в какой-то момент карьеры они летали в истребительных эскадрах.

В ходе боевых действий люфтваффе нанесло значительный урон Военно-воздушным силам (далее – ВВС) СССР, а ряд летчиков достиг высоких результатов, обогнав по количеству сбитых самолетов асов из других стран. Следует понимать, что в основе их успехов лежит ряд факторов, основными из которых являются два: высокая интенсивность боевых вылетов и слабая подготовка советских летчиков военного времени, которые стали появляться на фронте с 1942 г. Проиллюстрируем эти факторы статистикой.

Для иллюстрации первого фактора возьмем по пять лучших асов Германии и СССР. К сожалению, не у всех немецких асов удалось найти точные сведения о количестве боевых вылетов или воздушных боев, поэтому со стороны люфтваффе приведем примеры асов № 1, 2, 3, 7 и 11 (табл. 1).

Таблица 1

Показатели лучших асов ВВС Германии и СССР

Летчик	Вылеты	Воздушные бои	Победы	Соотношение вылетов и боев	Соотношение вылетов и побед	Соотношение боев и побед
Хартман Э.	1404	825	352	1,70	3,99	2,42
Баркхорн Г.	1800	1104	301	1,63	5,98	3,67
Ралль Г.	>800	621	275	1,29	2,91	2,26
Рудорфер Э.	>1000	302	222	3,31	4,50	1,36
Вайссенбергер Т.	>500	375	208	1,33	2,40	1,80
Кожедуб И.Н.	330	120	64	2,75	5,16	1,88
Покрышкин А.И.	593	145	49+6	4,09	12,10	2,96
Гулаев Н.Д.	290	69	57+4	4,20	5,09	1,21
Речкалов Г.А.	450	122	61+4	3,69	7,38	2,00
Евстигнеев К.А.	283	113	53+3	2,50	5,34	2,13

Сразу уточню, что боевые счета наших асов приведены по справочнику М.Ю. Быкова [2], но уточнены по наградным листам [5] или исследованиям других ученых, например, А.В. Марчукова [4: 417–462]. Очевидно, что немецкие асы летали в несколько раз чаще, чем советские. Это можно увидеть, если сравнить показатели А.И. Покрышкина и Г. Баркхорна, сражавшихся с первого дня войны, либо И.Н. Кожедуба (прибывшего на фронт в марте 1943 г.) и Э. Хартмана (прибывшего на фронт в ноябре 1942 г.). Более подробный анализ показывает, что А.И. Покрышкин, согласно своему наградному листу на первый орден Ленина, из своих 650 вылетов почти треть (190) совершил до 19 ноября 1941 г. (подсчитано по: [5]), то есть за пять месяцев войны из 46. Очевидно, что наши летчики в первый год войны могли действовать с такой же интенсивностью, как и противник, но в последующие годы этот показатель заметно упал.

С другой стороны, если отбросить показатели Э. Рудорфера (достоверность побед которого больше всего вызывает сомнения), то видно, что немецкие асы намного чаще вступали в бой, но большинство наших асов одерживали победы чаще, чем противник.

Это стало следствием особенностей тактики немецких и советских ВВС. В люфтваффе дневные истребители специализировались на борьбе с вражескими самолетами и редко применялись для выполнения других задач. В советских ВВС истребители могли активно использоваться для выполнения непрофильных задач: штурмовок, разведки и т.д.

Второй фактор высоких потерь советских ВВС был заложен до начала войны волюнтаристским решением И.В. Сталина о подготовке 100 тыс. авиаторов, которое было оформлено постановлением Совнаркома СССР № 2265-977сс от 5 ноября 1940 г. [1: 342–346]. Согласно этому документу, к концу 1941 г. численность ВВС следовало довести до 22,2 тыс. самолетов во фронтовой авиации и 32,4 тыс. самолетов всего. К тому времени в ВВС было уже 37,5 тыс. летчиков и еще более 9 тыс. курсантов в летных школах и училищах, что в общем-то покрывало нужды ВВС даже с учетом строящихся самолетов [7: 110]. Однако по новому постановлению к концу 1941 г. следовало подготовить еще 101,5 тыс. авиаторов, в том числе 32,5 тыс. летчиков, 15 тыс. летчиков-наблюдателей, 16 тыс. воздушных стрелков [1: 343–346]. Выпуск столь большого количества новых курсантов в звании офицеров мог пробить заметную «дыру» в бюджете, поэтому было принято решение об их выпуске в звании сержантов. Это решение не было обеспечено реальными ресурсами: инструкторами, самолетами, авиатопливом и т.д. В результате этого на фронт в конце 1941 г. – 1942 г. поступило большое количество плохо подготовленных пилотов, больше известных во фронтовом фольклоре как «взлет – посадка». Такие пилоты оказались легкой добычей для «экспертов» люфтваффе, которые благодаря этому смогли быстро увеличить количество своих побед. Проиллюстрируем этот тезис статистикой.

В 1941 г. люфтваффе максимально сконцентрировало свои силы на Восточном фронте. Против СССР было брошено 7 истребительных эскадр из 10, в составе которых было 19 ягд-групп Вf.109. Еще две ягд-группы были в учебно-боевой эскадре LG.2. Также имелось еще шесть отдельных учебно-боевых групп Вf.109, а также пять групп тяжелых истребителей Вf.110 (включая одну учебно-боевую). По данным К. Рейнгардта, ссылающегося на начальника Технического управления люфтваффе фельдмаршала Э. Мильха, к 31 октября 1941 г. люфтваффе потеряло на Восточном

фронте 1527 истребителей при том, что на пополнение авиапромышленность поставила 1079 самолетов. К концу ноября немцы потеряли на Восточном фронте 5585 машин, в том числе 3189 – безвозвратно [6: 128, 204]. В конечном итоге люфтваффе пришлось вывести с фронта управления четыре эскадры и девять ягд-групп и обратить учебно-боевые группы на доукомплектование оставшихся эскадр. Однако в 1942–1944 гг., когда в советские ВВС стали массово поставляться современные самолеты, немцам оказалось достаточно иметь на Восточном фронте 4–5 эскадр с полутора десятками ягд-групп, которые вполне успешно противостояли нашей авиации при том, что в целом количество эскадр и ягд-групп с каждым годом увеличивалось.

Приведем для сравнения общую статистику безвозвратных потерь люфтваффе на Восточном фронте: в 1941 г. (с 22 июня) – 3827 самолетов, в 1942 г. – 5824, в 1943 г. (до 31 августа) – 2962 [8: 255; 9: 107]. Видно, что кадровые пилоты Красной армии на старых «ишаках» и «чайках» за полгода 1941 г. нанесли люфтваффе заметно больший урон, чем советские ВВС в 1942 и 1943 гг., почти полностью перевооруженные на новую авиатехнику.

Для иллюстрации второго фактора приведем в табл. 2 еще одну статистическую выкладку: распределение по месяцам так называемых «юбилейных» побед «экспертов» люфтваффе от 100 побед и выше (100, 150, 200, 250, 300, 350).

В 1941 – начале 1942 г. таких побед (даже с учетом возможных приписок) было немного, но весной 1942 г. их количество возросло, причем большая часть из них связана с Восточным фронтом. Этот показатель достиг апогея в сентябре 1942 г. – период наибольших успехов немцев на Восточном фронте, затем начал спадать. Новые «пики» успехов «экспертов» выделяются летом 1943 г. (период ожесточенных боев на Курской дуге) и летом 1944 г. (период активных наступательных боев Красной армии от Прибалтики до Румынии). При анализе статистики этот фактор виден еще ярче.

Например, Херман Граф из 52-й эскадры (воевавший еще с сентября 1939 г.) до начала 1942 г. одержал лишь 42 победы. Однако 14 мая 1942 г. он достиг цифры в 100 побед, 4 сентября 1942 г. – 150 побед, 26 сентября 1942 г. – 200 побед. Вальтер Новотны из 54-й эскадры до начала 1942 г. одержал лишь 10 побед, 15 июня 1943 г. – 100, 18 августа 1943 г. – 150, 8 сентября 1943 г. – 200, 14 октября 1943 г. – 250.

Таблица 2

*«Юбилейные» победы асов люфтваффе в период
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
с распределением по месяцам*

Месяц	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Январь		—	5 (JG.54, 77)	2 (JG.52, 54)	2 (JG.52, EJG.1)
Февраль		—	1 (JG.52)	2 (JG.2, 52)	3 (JG.51, 54, инспекторат)
Март		1 (JG.54)	3 (JG.3, 54)	9 (JG.52, 54, 77)	2 (JG.7, 51)
Апрель		1 (JG.77)	4 (JG.3, 54, 77)	5 (JG.1, 52, 54)	5 (JG.51, 52, 53, JV.44)
Май		5 (JG.52, 54, 77)	2 (JG.11, 52)	5 (JG.5, 52, 54, SG.2)	—
Июнь	—	1 (JG.27)	3 (JG.5, 52, 54)	11 (JG.2, 5, 26, 51, 52, 54, NJG.3)	
Июль	1 (JG.52)	3 (JG.3, 77)	8 (JG.3, 5, 52, 54)	7 (JG.5, 51, 52, 54)	
Август	—	5 (JG.3, 51, 52, 77)	8 (JG.51, 52, 54)	9 (JG.5, 51, 52, 54)	
Сентябрь	—	10 (JG.3, 27, 51, 52, 53, 54)	4 (JG.51, 52, 54)	3 (JG.52, 54)	
Октябрь	2 (JG.2, 3)	4 (JG.52, 54, 77)	5 (JG.51, 52, 54)	7 (JG.51, 52, 54, NJG.1)	
Ноябрь	—	1 (JG.77)	5 (JG.51, 52, 54)	1 (JG.5)	
Декабрь	—	3 (JG.3, 51, 52)	1 (JG.52)	2 (JG.52, 77)	

Тем не менее среди наших ВВС было немало выдающихся пилотов, которые составили серьезную конкуренцию «экспертам» люфтваффе. По данным М.В. Зефирова, на Восточном фронте среди дневных истребителей погибло или пропало без вести 63 кавалера Рыцарского креста, 14 кавалеров Дубовых листьев, 3 кавалера Мечей; попало в плен 8 кавалеров Рыцарского креста и 2 кавалера

Дубовых листьев, то есть всего 90 «экспертов» из 419 [3: 119]. Однако поименная сверка кавалеров Рыцарских крестов выявила 92 таких человека при том, что мы исключили из списка безвозвратные потери в результате катастроф или действий наземных войск и партизан. Также в списке не учтены потери «экспертов», которые продолжили службу после ранения, но прекратили боевые вылеты. Распределение потерь «экспертов» Восточного фронта по месяцам приведено в табл. 3.

Таблица 3

*Распределение по месяцам безвозвратных потерь кавалеров
Рыцарских крестов – «экспертов» дневных истребителей*

Месяц	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Январь		1 (ZG26)	—	1 (JG.51)	1 (JG.52)
Февраль		2 (ZG2, JG.54)	3 (JG.51, 52, 54)	2 (JG.51, 54)	1 (JG.54)
Март		2 (JG.3, ZG26)	2 (JG.52, 54)	1 (JG.52)	2 (JG.51, 77)
Апрель		1 (JG.77)	2 (JG.5, 52)	1 (JG.54)	3 (JG.51, 52)
Май		3 (JG.51, 52)	1 (JG.5)	1 (JG.51)	—
Июнь	3 (JG.3, 27, 53)	2 (JG.52)	2 (JG.51, 52)	1 (JG.54)	
Июль	1 (JG.51)	—	9 (JG.3, 51, 52, 54, ZG.1)	1 (JG.51)	
Август	3 (JG.3, 51, 53)	6 (JG.51, 52, 54, 77)	7 (JG.51, 52, 54)	2 (JG.51, 54)	
Сентябрь	2 (JG.54)	5 (JG.3, 53, 54, 77)	1 (JG.52)	1 (JG.5)	
Октябрь	2 (JG.51, 77)	2 (JG.52, 54)	—	1 (JG.51)	
Ноябрь	1 (JG.51)	3 (JG.3, 51, 54)	1 (JG.54)	—	
Декабрь	—	2 (JG.3, 51)	3 (JG.51, 52, 54)	1 (JG.54)	

Здесь заметно выделяются потери противника в августе – сентябре 1942 г. и июле – августе 1943 г. – в периоды важнейших оборонительных сражений Красной армии.

Таким образом, очевидно, что массовый выпуск пилотов с недостаточной подготовкой, изначально не обеспеченный ресурсами, привел лишь к их напрасной гибели. Из-за необходимости распределять ресурсы и количество вылетов на эту категорию летчиков, упала интенсивность боевых вылетов «стариков», что хорошо видно по распределению количества вылетов по месяцам у того же А.И. Покрышкина. Нет сомнения, что если бы наши ведущие асы «сорок первого» летали с такой же интенсивностью, как и немецкие «эксперты», то они добились таких же выдающихся результатов. Характерно, что среди наших асов, имеющих 30 побед и более, нет ни одного летчика военных выпусков, сразу брошенных на фронт. Это либо пилоты довоенных выпусков, либо преподаватели авиашкол, либо летчики военных выпусков, которые длительное время находились в тылу и смогли восполнить пробелы своего обучения.

Источники и литература

1. 1941 год: в 2 кн. Кн. 1 / Сост. Л.Е. Решин и др. М., 1998.
2. Быков М.Ю. Все асы Сталина. 1936–1953 гг. М., 2014.
3. Зефилов М.В. Асы Люфтваффе. Дневные истребители: в 2 т. Т. 1. М., 2002.
4. Марчуков А.В. Герои-покрышкинцы о себе и своем командире: правда из прошлого, 1941–1945. М., 2014.
5. Обобщенный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». URL: <https://podvignaroda.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Рейнгарт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года: Исторический очерк / Пер. с нем. Г.М. Иваницкого. М., 1980.
7. Солонин М.С. Новая хронология катастрофы 1941. М., 2010.
8. Bergstrom C., Mikhailov A. Black Cross / Red Star: The Air War Over the Eastern Front. Vol. 1: Operation Barbarossa, 1941. Pacifica, 2000.
9. Murray W. Luftwaffe: Strategy for Defeat, 1933–1945. London, 1985.

РАЗДЕЛ 3

Власть и общество в 1941–1945 гг.

Е.Н. Тоноян

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ПАТРИОТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1941–1942 гг.

С началом Великой Отечественной войны произошла трансформация советской идеологии. Главным условием перестройки народного сознания стала необходимость смены идеологического дискурса – от миролюбия и интернационализма к мобилизации ненависти к врагу и защите Отечества. Был сделан акцент на поддержании патриотизма, гражданственности и обращении к героическому прошлому русского народа [2].

Ключевую роль в осуществлении данной трансформации и мобилизации всех ресурсов страны сыграла Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) – ВКП(б). В экстремальных условиях военного времени партия выступила не только главным идеологом, но и центральным инструментом управления, обеспечившим сращивание партийного и государственного аппаратов. Решения Политбюро и Секретариата ЦК приобрели силу закона, а созданный 30 июня 1941 г. Государственный комитет обороны во главе с Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И.В. Сталиным сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Партийная мобилизация носила тотальный характер: коммунисты направлялись на самые трудные участки фронта и тыла, составляя костяк партизанского движения и института военных комиссаров в армии [6: 15].

Идеологическая политика ВКП(б) претерпела существенную эволюцию. Произошел решительный отказ от абстрактных классовых лозунгов и установок на мировую революцию в пользу национально-патриотической риторики. Партийная пропаганда инициировала возвращение к историческим корням: в официальных обращениях И.В. Сталина и агитационных материалах

актуализировались образы национальных героев прошлого (Александра Невского, Дмитрия Донского, А.В. Суворова, М.И. Кутузова). Была частично реабилитирована роль Русской православной церкви, которая поддержала призыв к защите Отечества. Вместо прежних интернационалистских лозунгов главными стали призывы «Смерть немецким оккупантам!» и «За Родину! За Сталина!», что символизировало единство народа и правящей партии [1]. Введение в 1944 г. нового государственного гимна, начинавшегося со слов о «Великой Руси», окончательно закрепило отход от революционного космополитизма к державному патриотизму. Таким образом, ВКП(б) в годы войны функционировала как жесткий мобилизационный механизм, сумевший перенаправить общественное сознание с интернациональных идеалов на защиту национального суверенитета, что стало одним из решающих факторов консолидации общества в борьбе с агрессором [8: 216].

С началом войны произошла быстрая коренная реорганизация существовавших идеологических структур и создание новых. Централизованное руководство осуществлялось через Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главное политическое управление РККА. На местах ключевую роль играли партийные комитеты, политорганы в войсках и редакции центральных газет [4: 78].

Структура аппарата включала несколько уровней и носила общесоюзный характер, охватывая все республики, края и области СССР. На высшем уровне формулировались основные установки и лозунги. На оперативном уровне работали фронтовые и армейские газеты, агитаторы и политруки. В тылу идеологическую работу вели местные парторганизации, а также Совинформбюро, обеспечивавшее фронтовыми сводками население и учреждения культуры. Несмотря на многонациональный состав страны, вся пропаганда строилась на единой идеологической платформе, транслируемой из центра на всех языках народов СССР [1].

Эта система, несмотря на потери и хаос первых месяцев Великой Отечественной войны, в кратчайшие сроки приобрела жесткую вертикаль подчинения. Ее главной задачей стала мобилизация всех ресурсов на отпор врагу, для чего использовались как довоенные кадры, так и новые, сформированные в экстренном порядке.

В 1941–1942 гг. идеологическая работа концентрировалась на двух главных направлениях: мобилизации на борьбу с врагом

и сплочении общества. Ключевыми формами стали пропаганда героизма и самопожертвования, разоблачение зверств оккупантов и утверждение неизбежности победы [3: 45]. Вся деятельность была подчинена лозунгу «Всё для фронта, всё для победы!» и трансформировала патриотизм в конкретные практические действия.

Основной формой работы являлась массовая агитация через печать, радио и кинематограф. Центральные газеты («Правда», «Красная звезда», «Известия») и фронтовые листки оперативно доносили сводки Совинформбюро и патриотические призывы партии к народу. При этом газеты и листовки издавались не только на русском, но и на украинском, белорусском, грузинском, армянском, азербайджанском и других языках народов СССР, что обеспечивало общесоюзный охват аудитории. Плакаты («Родина-мать зовет!») и многочисленные листовки обладали мощным эмоциональным воздействием [4: 102]. На фронте политработники и агитаторы проводили беседы непосредственно в воинских частях, учитывая национальный состав подразделений.

В тылу идеологическая работа велась через митинги, собрания и лекции, разъясняющие положение на фронте. Культурные учреждения (театры, агитбригады) также выполняли мобилизационные задачи. Особое значение придавалось работе в союзных республиках, где пропаганда адаптировалась к местным условиям, но сохраняла единую общесоюзную направленность. Эта комплексная система, опиравшаяся на созданный аппарат, формировала психологическую устойчивость и превращала патриотический порыв в трудовые и ратные свершения, что стало ключевым фактором преодоления кризиса 1941–1942 гг. [7: 50].

Средства массовой информации стали главным рупором государственной пропаганды, обеспечивая оперативное и массовое воздействие на сознание. Центральная роль отводилась печати: газеты «Правда», «Красная звезда» и фронтовые издания тиражировали сводки Совинформбюро, приказы Верховного Главнокомандующего и материалы, разоблачающие зверства оккупантов. Их содержание жестко контролировалось, а ключевые установки формировались на высшем идеологическом уровне [4: 85].

Радиовещание, несмотря на технические трудности, обеспечивало ежедневное информирование даже в отдаленных регионах всех союзных республик. Выступления руководителей государства,

передачи о героях фронта и тыла, трансляции патриотических песен и стихов создавали эмоциональный фон единства. Особое значение имели радиопередачи для населения на временно оккупированных территориях, поддерживавшие дух сопротивления. Радиоточки работали на национальных языках, что позволяло донести информацию до каждого уголка огромной страны [4: 87].

Кинематограф и плакатное искусство дополняли систему, переводя идеологические задачи в яркие визуальные образы. Агитационные фильмы, киносборники и такие плакаты, как «Родина-мать зовет!» И. Тоидзе, мгновенно становились символами эпохи, концентрируя в себе призыв к защите Отечества. Киностудии союзных республик (Украины, Белоруссии, Грузии и др.) также активно включились в производство патриотических кинолент, адресованных своим национальным аудиториям, что усиливало общесоюзный резонанс. Эта всеохватность информационного воздействия была решающей для консолидации общества в критический период [5: 178].

Агитационная работа на фронте осуществлялась непосредственно в войсках через институт политработников, комиссаров и агитаторов. Они проводили беседы, читки газет и листовок, разъясняя бойцам текущую обстановку и задачи. В многонациональные воинские формирования активно привлекались агитаторы, владевшие языками бойцов, что позволяло преодолевать языковой барьер и обеспечивать единство понимания задач. Ключевой была личная работа по укреплению морального духа, особенно в кризисные моменты, и мобилизации на выполнение боевых приказов. Важную роль играли фронтовые газеты и боевые листки, оперативно откликавшиеся на все важнейшие события [4: 90].

В тылу агитация была нацелена на мобилизацию всех ресурсов для нужд фронта. Она велась через сеть агитаторов на предприятиях, в колхозах и учреждениях, которые доносили информацию с фронта и разъясняли производственные задачи. Массовые митинги, собрания и лекции формировали общественное мнение, превращая патриотический порыв в конкретные трудовые свершения, такие как выполнение норм на 200 и более процентов или сбор средств на строительство танковых колонн, эскадрилий боевых самолетов [7: 48]. Эта работа охватывала все союзные республики: например, трудящиеся Казахстана собирали средства на танковую

колонну, а Узбекистан стал центром эвакуации и приема беженцев, что широко освещалось в общесоюзной прессе как пример братской взаимопомощи народов СССР [1].

Особой формой массовой агитации были выездные агитбригады и концертные фронтовые группы, которые несли не только пропагандистские лозунги, но и культурную поддержку, поднимая настроение бойцов и рабочих [4: 105]. В их состав входили артисты всех национальностей, а репертуар включал произведения народов СССР, что подчеркивало интернациональное единство перед лицом врага. Эта гибкая, проникающая во все слои общества система «живой агитации» была решающей для поддержания высокого уровня мотивации как на передовой, так и у станка, обеспечивая единство фронта и тыла в масштабах всего Советского Союза [8: 220].

Патриотическая активность населения стала прямым откликом на идеологическую работу и выражалась в массовых, часто стихийных проявлениях. Наиболее яркими были добровольческое движение по записи в народное ополчение, массовые субботники и воскресники на производстве, а также сбор личных средств и ценностей в Фонд обороны. Эти действия демонстрировали глубокое личное принятие целей войны, трансформируя официальные лозунги в конкретные дела [7: 53]. Патриотическое движение приобрело общесоюзный размах: средства собирали во всех союзных республиках, в краях и областях. На эти деньги строились танковые колонны и авиаэскадрильи, носившие имена национальных героев [1].

Мобилизационный эффект этой активности был огромен. Она обеспечила критически важные человеческие и материальные ресурсы в период острейшего дефицита, компенсируя потери начального, самого тяжелого периода Великой Отечественной войны. Трудовой героизм в тылу, выражавшийся в многократном перевыполнении норм и работе без выходных, напрямую поддерживал возрастающие потребности фронта [8: 225].

Идеологическое обеспечение в 1941–1942 гг. представляло собой целостную, гибкую и всепроникающую систему общесоюзного масштаба. Она эффективно сочетала централизованное управление пропагандой с оперативными формами агитации на фронте и в тылу, учитывая национальную специфику при сохранении единой идеологической линии, что обеспечило мобилизацию

духовных сил всего многонационального общества в критический период [3: 51].

Народная патриотическая активность, будучи во многом инициированной этой работой, стала решающим материальным воплощением идеологических установок. Она продемонстрировала консолидацию всех народов СССР вокруг общесоюзного центра. Симбиоз государственного управления и массовой самоорганизации создал мощный социальный ресурс, который стал одним из ключевых факторов преодоления глубокого кризиса и заложил основу для коренного перелома в войне [7: 55].

Таким образом, патриотическая активность, направляемая государственной пропагандой в масштабах всего СССР, быстро приобрела самоорганизующийся характер. Она стала решающей социальной основой для преодоления системного кризиса 1941–1942 гг., доказав эффективность симбиоза идеологического воздействия и народной инициативы всех союзных республик в достижении общей цели – защиты Отечества.

Источники и литература

1. Бодрова Е.В., Калинов В.В. Система военно-патриотического воспитания в условиях Великой Отечественной войны // Академия исторических наук: электронный научный журнал. URL: <http://www.ainros.ru/materPP/104PobPrib.htm> (дата обращения: 01.03.2026).

2. Головченко Е.И. Пропагандистское воздействие на советское население в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе: теоретико-аналитический и научно-методический журнал. 2009. № 7. URL: <https://pish.ru/blog/archives/195> (дата обращения: 01.03.2026).

3. Ковалёв Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

4. Куманёв Г.А. 1941–1945. Краткая история, документы, фотографии. М., 1982.

5. Ларионов А.Э., Дворковая М.В. Образы русской истории в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны (часть 2) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 174–182.

6. Линец А.С., Линец С.И. Партизанское движение на Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации края (август 1942 г. – январь 1943 г.). Пятигорск, 2005.

7. Парамонов В.Н. Социальные настроения населения советского тыла в период Сталинградской битвы // Вестник Волгоградского

государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 1. С. 45–55.

8. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

Е.А. Головин

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ПЕЧАТИ
В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(по материалам отделенческой газеты
«По сталинскому пути»)**

Скорбная дата, связанная с 85-летием начала Великой Отечественной войны, побуждает исследователей вновь и вновь обращаться к событиям того трагического времени. Расширение источниковой базы научного поиска позволяет рассматривать проблематику первых дней войны более многогранно и углубленно. Признавая важнейшую роль железнодорожного транспорта в организации воинских перевозок на всех этапах вооруженной борьбы против фашистской Германии, исследователи должны четко представлять все факторы, оказывавшие влияние на эффективность его работы.

Важным средством идеологического воздействия на морально-психологическое состояние и политическую сознательность советских железнодорожников следует признать печатную пропаганду. В представленном исследовании предпринята попытка провести ретроспективный анализ процесса трансформации региональной отраслевой печати в начальный период Великой Отечественной войны. В качестве объекта изучения выбрана типичная много-тиражная газета «По сталинскому пути», являвшаяся печатным органом политотдела Курского отделения железной дороги имени Ф.Э. Дзержинского. Были рассмотрены номера газеты, изданные с июня по сентябрь 1941 г., что позволило детально проследить переход от риторики мирного социалистического строительства к жесткой мобилизационной модели военного времени. На основе анализа отдельных архивных материалов газеты (выпуски № 48–72) были выявлены и описаны ключевые механизмы воздействия на целевую аудиторию читателей – многотысячный коллектив курских железнодорожников.

Масштаб угрозы, нависшей над государством с началом Великой Отечественной войны, потребовал моментальной перестройки не только промышленного потенциала, но и информационного пространства. В этой структуре особое место занимала ведомственная пресса Наркомата путей сообщения. Железные дороги, являясь основными транспортными артериями страны, в условиях войны приобретали стратегическое значение: от их бесперебойной работы зависела мобилизация, переброска войск к фронту и эвакуация предприятий. В сложившихся условиях газета «По сталинскому пути» оказалась на острие идеологической работы в одном из важнейших транспортных узлов европейской части СССР.

До начала военных действий, как показывает содержание номера от 21 июня 1941 г., газета функционировала в парадигме «созидательного труда». На первой полосе преобладали отчеты о подготовке к уборке урожая, агитация за «лунинское движение», основанное на передовых методах технического самообслуживания паровозов, а также призывы к укреплению дисциплины. Основным мотивационным посылом публикаций являлось успешное выполнение плановых заданий четвертого года третьей пятилетки [7]. Однако уже с июля содержательная структура издания претерпела радикальные изменения.

Содержательно-тематический анализ материалов позволяет выделить несколько доминирующих дискурсивных пластов. Во-первых, газета становилась ретранслятором постановлений Государственного комитета обороны СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. Во-вторых, информационно-аналитический блок газетных публикаций военного времени был традиционно представлен сводками Совинформбюро. Эти тексты были единственным источником официальной информации о ситуации на фронте. Своим содержанием транспортная газета, как и другие средства пропаганды, вселяла в массовое сознание не только веру в победу, но и необходимость вносить личный вклад в ее достижение. Третьим важным направлением массового информирования железнодорожников в газете «По сталинскому пути» стала характеристика локальной «хроники трудового фронта». В этом плане газета выступала летописцем повседневного подвига курских железнодорожников.

При анализе структурно-графического оформления издания необходимо отметить изменение визуального облика газеты.

За период с июня по сентябрь 1941 г. фиксировалось увеличение доли лозунговых заголовков, использование жирных шрифтов для выделения директив и появление специализированных графических рубрик, например, «Всё для фронта». Трансформация первой полосы свидетельствует о превращении газеты в «боевой листок».

Все публикуемые в рассматриваемый период материалы можно классифицировать по основным темам: боевые действия, трудовой героизм, сбор средств (фонд обороны), инструкции по безопасности (местная противовоздушная оборона), образ врага. Выбранный редакцией подход к структурированию и изложению материала в полной мере соответствовал изменениям, происходившим на фронте и в тылу.

При анализе лексического состава текстов обращает на себя внимание переход от мирной метафоричности к военной. Так, вместо термина «рабочий коллектив» всё чаще использовались обороты «боевой расчет» или «отряд бойцов трудового фронта». Понятие «социалистическое соревнование» фактически заменялось понятием «военная вахта».

Сравнение материалов газеты, опубликованных до 22 июня 1941 г. и после этой даты, позволило зафиксировать «точку слома» профессионального сознания корреспондентов и административно-политических структур, когда информационная функция была в большей степени подчинена агитационной.

С августа 1941 г. газета заменила точные географические названия транспортных объектов на общепринятые в сложившихся условиях обозначения «Н-ск». Для обеспечения безопасности в прифронтовой зоне подобная мера сохранения военной тайны вполне приемлема и ее введение объяснимо. При этом ознакомление современных исследователей с такими газетными публикациями вызывает определенные затруднения в топографической привязке к месту изучаемого события.

2 августа редакцию газеты «По сталинскому пути» возглавил Григорий Захарович Павликов. В 1941 г. он стал третьим по счету руководителем журналистского коллектива этого периодического издания и оставался ответственным редактором газеты до начала немецко-фашистской оккупации Курской области [3: 121].

Одним из наиболее заметных направлений работы газеты «По сталинскому пути» выступила организация материальной

поддержки армии. С августа 1941 г. тема фонда обороны стала сквозной. Издание фиксировало уникальное явление – массовую добровольную передачу личных сбережений и заработка государству.

В номере от 6 августа 1941 г. приводился подробный отчет о все-союзном воскреснике, проведенном 3 августа, в День железнодорожника. Этому событию была посвящена передовая статья под призывным заголовком «Множить успехи тыла, близить час нашей победы». В публикации приводились конкретные факты о том, как представители разных железнодорожных профессий и служб перечислили свой дневной заработок (от 1,5 до 27,5 тыс. рублей) на изготовление вооружения и боевой техники, способной громить врага [6]. Это была расширенная версия статьи «На воскресник вышли тысячи людей», опубликованной накануне в дорожной газете «Ударник Дзержинской» за авторством Г.З. Павликова [8: 77–78].

Газета применяла тактику персонифицированного призыва, в результате чего читатель видел не абстрактные цифры, а фамилии своих коллег. В их числе токарь вагоноремонтного пункта Анна Зубкова, которая ежемесячно отчисляла двухдневный заработок [4], путейцы второй дистанции, собравшие 4300 рублей [10]. Подобная публичность создавала мощный эффект социального единения. Каждый трудовой коллектив, участвовавший в сборе средств, идентифицировал себя как неотъемлемую часть большого коллектива, отождествляемого со всем советским народом.

К сентябрю эта кампания приобрела еще больший масштаб. Так, комсомольский воскресник, проведенный в честь Международного юношеского дня (1 сентября 1941 г.) в Курском отделении, позволил пополнить фонд обороны еще на 20 тыс. рублей. Пресса умело связывала эти финансовые средства с конкретными боеприпасами, танками и самолетами, которые должны были производиться на взносы железнодорожников [1].

В условиях войны трудовые нормы мирного времени становились неактуальными. Газета «По сталинскому пути», как и другие печатные издания, выступала пропагандистом движения за перевыполнение сменных нормативов. Производственные отчеты на страницах издания стали напоминать фронтовые сводки. Машинисты В.Д. Прокопов, А.С. Храмов, И.Т. Алпеев, П.В. Булатников представляли в газетных публикациях бесстрашными героями, которые вели свои составы под угрозой авианалетов.

Особое внимание уделялось рационализаторству как способу компенсации дефицита запчастей и материалов. В выпуске от 6 сентября описывался опыт мастера вагонной мастерской В.М. Карачевцева и инженера вагонного участка И.И. Болдырева. Карачевцев внедрил ножницы для быстрой резки электродов, что в разы ускорило сварочные работы, а Болдырев усовершенствовал шприц для набивки подшипников, сократив время простоя паровозов в депо. Экономический эффект от трех рационализаторских предложений составил 3 тыс. рублей – сумму, преподносимую газетой как «залп по фашизму». Труд перестал быть средством заработка: он стал формой личного участия в сражении. «Работать за себя и за товарища, ушедшего на фронт», – этот лозунг стал лейтмотивом осени 1941 г. [9].

Массовый уход мужчин в действующую армию создал критическую нехватку кадров на курском узле. Газета «По сталинскому пути» стала главным инструментом привлечения женщин на производство. С июля 1941 г. страницы издания заполнялись призывами к женам железнодорожников и девушкам-комсомолкам. Например, описывался опыт домохозяек, которые добровольно организовали бригады по уборке путей и погрузке угля.

Параллельно газета освещала процесс формирования народного ополчения. Железнодорожники, имевшие бронь, массово записывались в отряды самообороны. В номере от 10 сентября были опубликованы материалы об учебе ополченцев. В свободное от смен время рабочие изучали материальную часть винтовки, устройство пулемета «Максим» и тактику борьбы с танками при помощи коктейлей Молотова. Примечательны письма добровольцев, таких, как 65-летний буровой мастер Григорьев, который заявлял: «Мой возраст не помеха, я еще могу крепко держать оружие». Эти публикации создавали ощущение крепости, где каждый житель был готов к круговой обороне [2].

В сентябре 1941 г., когда налеты немецкой авиации стали реальностью для Курска, газета взяла на себя функцию инструктора по противовоздушной обороне. Номер от 10 сентября содержит беспрецедентный по объему материал – подробную инструкцию «Как вести себя по сигналу воздушной тревоги». Она включала правила светомаскировки, порядок эвакуации в убежища, инструкции по тушению зажигательных бомб («зажигалок») и правила оказания первой помощи [5].

Эта информация была жизненно необходима для минимизации потерь и предотвращения хаоса. Газета требовала от читателей «железной выдержки» и запрещала «проявлять любопытство» (выходить на крыши или открытые пространства во время налета). Трансформация газеты в наглядное пособие по выживанию завершила процесс ее превращения в инструмент оперативного корректирования общественных взглядов и поведения.

Результаты анализа показывают, что газета «По сталинскому пути» в первые три месяца войны функционировала как сложный социально-психологический механизм. В условиях дефицита достоверной информации о положении на фронтах и нарастающего напряжения в тылу региональная пресса стала основным источником психологической стабильности.

Газета успешно реализовала концепцию стирания границ между фронтом и тылом. Это достигалось через специфическую жанровую верстку: сообщение о подвиге летчика Талалихина на первой полосе соседствовало с заметкой о быстрой очистке вагонов бригадой домохозяек на второй. Работа курского железнодорожного узла интерпретировалась не как производственный процесс, а как обеспечение Победы.

Газета «По сталинскому пути» эффективно использовала метод публичного порицания и публичного одобрения. В условиях войны общественное мнение коллектива, формируемое прессой, выполняло и административные функции. Упоминание нерадивого работника в газете как симулянта или нарушителя дисциплины влекло за собой необратимые последствия, связанные с определением его социальной роли.

Трансформация газеты «По сталинскому пути» в июне – сентябре 1941 г. стала отражением общей перестройки советского общества. За три месяца издание прошло путь, который в мирное время занял бы десятилетия. Из отраслевого листка оно превратилось в мощный мультифункциональный инструмент военного времени.

Источники и литература

1. Все, как один, на воскресник // По сталинскому пути. 1941. 6 сентября.
2. Горченко П. Разобьем фашистскую гадину // По сталинскому пути. 1941. 27 августа.

3. Государственный архив общественно-политической истории Кур-ской области. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2664.

4. Ежемесячно – двухдневный заработок // По сталинскому пути. 1941. 6 августа.

5. Как вести себя по сигналу воздушной тревоги // По сталинскому пути. 1941. 10 сентября.

6. Множить успехи тыла, близить час нашей победы // По сталинскому пути. 1941. 6 августа.

7. По сталинскому пути. 1941. 21 июня.

8. Суровая правда войны. Ч. 1. 1941 год на Курской земле в документах архивов: сборник документов / Гл. ред. В.Л. Богданов; отв. сост. А.Н. Манжосов. Курск, 2010.

9. Ускова К. Три предложения // По сталинскому пути. 1941. 6 сентября.

10. Царев П. Работали с большим энтузиазмом // По сталинскому пути. 1941. 6 августа.

В.Н. Якунин

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Русская православная церковь (далее – РПЦ) активно включилась с первого дня Великой Отечественной войны в патриотическую деятельность. Иерархи Церкви, священнослужители выступили с патриотическими обращениями к верующим.

4 сентября 1943 г. И.В. Сталин принял в Кремле представителей Православной церкви во главе с возглавлявшим ее митрополитом Сергием (Страгородским). В результате этой встречи была восстановлена организационная структура РПЦ в центре и на местах, появилась возможность готовить церковные кадры. Многие священнослужители были выпущены из мест лишения свободы. И патриарх Сергей (Страгородский), и его преемник Алексей (Симанский) очень часто выражали благодарность за это И.В. Сталину. Славословия Сталину являлись обязательным атрибутом тех лет, в них митрополит, затем патриарх Алексей заходил дальше своего предшественника – Сергия (Страгородского). Но и патриарха Сергия, и патриарха Алексея превзошел в славословиях Сталину митрополит Николай (Ярушевич). Сегодня трудно объяснить, что

двигало иерархами Церкви, так прославлявшими Сталина: страх, надежда, неуверенность в завтрашнем дне, всё это, вместе взятое, или что-то другое.

При помощи государства духовенство в период Великой Отечественной войны использовало для своих выступлений средства массовой информации: периодическую печать и радио. В некоторых изданиях Патриархии, несомненно, было заинтересовано само правительство. Такова, например, книга «Правда о религии в России», вышедшая во время войны в 1942 г. Вообще в большинстве изданий вопросы церковные переплетались с трактовкой политических тем в духе, благоприятном для советского правительства.

Официальный орган РПЦ – «Журнал Московской Патриархии», на издании которого с самого начала настаивал митрополит Сергей, – начал выходить лишь в 1943 г. и также имел церковно-политический характер. Вместе с короткими официальными сообщениями журнал уделял внимание внутренним вопросам церковной жизни и отношениям с другими православными церквями. Большой отдел отводился начатой Советским Союзом борьбе за мир. Число богословских статей с каждым номером увеличивалось. В издании Патриархии со временем стали появляться и некоторые богослужебные книги, в которых явно ощущался острый недостаток. Издавались также богослужебные указания для священнослужителей на весь год. Книги печатались не церковно-славянскими буквами, а русскими, и притом в новой орфографии. Церковные издания печатались в государственных типографиях, конечно, не беспрепятственно, а каждый раз с особого разрешения после предварительного просмотра властью всего представленного материала. Всё же строгость правил о недопущении «религиозной пропаганды» была несколько смягчена требованиями жизни.

17 марта 1945 г. И.В. Сталин лично утвердил предложения Совета по делам РПЦ о предоставлении Московской патриархии типографского оборудования. 10 апреля 1945 г., вскоре после своего избрания, патриарх Алексий на приеме у Сталина и Молотова выразил благодарность правительству за это [7: 332–333].

Совет по делам Русской православной церкви помогал проводить масштабные церковные мероприятия, в частности, предсоборное совещание и Поместный собор РПЦ 1945 г. В Совете по делам Русской православной церкви ответственным за проведение

предсоборного совещания и Поместного собора РПЦ 1945 г. был назначен заместитель председателя Совета Г.Г. Карпова – К.А. Зайцев. По его предложению, утвержденному Карповым 12 сентября 1944 г., Совет должен был организовать следующие мероприятия: разослать указания всем уполномоченным Совета на места о предсоборном совещании и о самом Поместном соборе; проследить за тем, чтобы Московская патриархия разослала уведомления всем архиереям; организовать размещение участников предсоборного совещания и делегатов Поместного собора в гостиницах и обеспечить их необходимыми продуктами; провести прием епископов в Совете по делам Русской православной церкви; к открытию совещания подготовить проект устава Церкви; по окончании совещания и Поместного собора обеспечить выезд делегатов на места; предоставить информацию в СНК СССР к 22 ноября и получить указания правительства по вопросам о приглашении на Собор иностранных представителей, корреспондентов и гостей и об освещении в печати информации о Соборе [3: 300].

Присутствие на Поместном соборе 1945 г. представителей семи автокефальных православных церквей, приветствовавших Собор и вновь избранного патриарха Алексия, означало признание как нового церковного строя, так и нового патриарха четырьмя православными патриархами. За этим последовало признание нового главы РПЦ со стороны и других автокефальных православных церквей, так что признание стало затем всеобщим.

О порядке ведения дел на Поместном соборе можно судить по тому, как было принято само «Положение об управлении Русской Православной Церковью». По официальному свидетельству, этот важный документ «не вызвал ни одного возражения – настолько тщательно он был продуман». Принят он был без всякого обсуждения в течение одного заседания, значительная часть которого была занята торжественными встречами почетных гостей и приветственными речами [4: 324, 334].

Поместный собор православной церкви, согласно «Положению об управлении Русской Православной Церковью», мог быть созван только с разрешения правительства (ст. 7). Председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов был осведомлен о готовящемся Положении, так как к компетенции его ведомства как раз относилась разработка проектов законодательных актов. К тому же «Положение

об управлении Православной Церковью» вносило некоторые изменения в установленный ранее порядок, и по одному этому оно не могло получить силы без согласия правительства. Предварительное обсуждение актов церковных органов имело основное значение в установлении контакта с правительственной властью. С Советом по делам РПЦ согласовывались все приветствия, послания и обращения Собора, не говоря уже о принятом на нем Положении [2; 3: 1].

Так как вся прежняя довоенная антирелигиозная работа являлась неприкрытой войной с церковью, то от новой политики часть партийных, комсомольских, идеологических кадров пришла в замешательство. Из центра не поступало никаких указаний, как следовало строить антирелигиозную работу. Союз воинствующих безбожников по сути прекратил существование, вождь безбожников Емельян Ярославский умер в 1943 г. А если указаний из центра не поступало, кадры и актив сами и не старались заниматься антирелигиозной работой, к которой у них и раньше не было большого интереса, и она мало-помалу начала вытесняться чередой других дел из области повседневной массово-политической и агитационно-пропагандистской деятельности партийных и комсомольских организаций [1: 195].

В результате даже сам термин «антирелигиозная работа» или «пропаганда» выпал из повседневной практики партийных и комсомольских органов, их политической и воспитательной деятельности. Ни в одном из постановлений ЦК ВЛКСМ за 1943–1944 гг., в том числе когда рассматривались такие вопросы, как, например, «О руководстве Молотовского обкома ВЛКСМ политической работой среди комсомольцев и молодежи», «О недостатках в проведении докладов для сельской молодежи в Саратовской области», «Об участии комсомольских организаций в работе лекционных бюро органов народного образования» и т.д., вообще не упоминалось об антирелигиозной работе. Такое же положение, как в комсомоле, было и в партии большевиков.

Многим идеологическим работникам подумалось, что завершался очередной маневр Сталина в отношениях с Церковью и вот-вот всё возвратится в прежнее русло, как это уже бывало, и снова прозвучат призывы к «решительной» и «беспощадной» борьбе с «религиозным мракобесием». Однако, вопреки их ожиданиям, с разницей в две недели в сентябре 1944 г. были приняты постановления сначала ЦК ВЛКСМ, а затем ЦК ВКП(б), в которых говорилось

и о вреде суеверий и предрассудков, и о необходимости борьбы с пережитками прошлого, но абсолютно не упоминалось о задачах и вообще важности антирелигиозной работы. Постановление ЦК ВЛКСМ, принятое 13 сентября, называлось «О пропаганде естественно-научных знаний среди молодежи», а постановление ЦК ВКП(б) от 27 сентября – «Об организации научно-просветительной пропаганды». Косность и догматизм мышления, стереотипы поведения аппарата управления в партии и государстве имели такую мощную инерционную силу, что были способны опрокинуть, повернуть вспять даже самые прогрессивные намерения и усилия руководящих лиц. Сталин это прекрасно понимал. Сталин как бы указал предмет и рамки той деятельности, которой в новых условиях должны заниматься агитаторы и пропагандисты.

Следуя этому курсу, руководство ЦК ВЛКСМ обошло вниманием тему антирелигиозной пропаганды и в постановлении XIII пленума ЦК ВЛКСМ «Об улучшении политико-воспитательной работы комсомольских организаций среди молодежи», который состоялся в январе 1945 г. Текст документа изобилует расплывчатыми понятиями о важности пропаганды естественно-научных знаний среди юношества.

Надо отметить, что воспитанные на формулировках «Краткого курса истории ВКП(б)», и «учения Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина», к тому же в догматическом изложении таких интерпретаторов, как, например, тот же Ярославский, комсомольские кадры и активисты со свойственной молодым людям неискушенностью в политических хитростях и прямотой добивались у партийцев, «вожаков» комсомола, «старших товарищей» ответа на вопрос, почему всё-таки исчезла из обихода повседневной практической работы необходимость заниматься антирелигиозной пропагандой. Интересна в этом отношении беседа М.И. Калинина с собкорами «Комсомольской правды» в начале 1945 г., состоявшаяся после XIII пленума ЦК ВЛКСМ, в которой довелось участвовать ряду комсомольских журналистов. Было сказано, что комсомольские организации в соответствии с решениями XIII пленума ЦК ВЛКСМ шире развертывают естественно-научную пропаганду. «Но не следует ли прямо сказать пионеру, что он не должен носить крестик, не следует ли прямо сказать комсомольцу, что соблюдение религиозных обрядов несовместимо с пребыванием в рядах ВЛКСМ?» [1: 197–198].

В ответ Калинин, понимая, разумеется, всю непоследовательность и двойственность позиции высшего политического руководства в этом вопросе, постарался очень уклончиво, противоречиво объяснить, что нынешняя политика партии, мол, единственно верная [1: 197–198].

Однако этот ответ, похоже, не всех удовлетворил. Посыпались еще вопросы, в том числе и такой, что, дескать, заниматься воспитанием верующей молодежи, вероятно, следует, но ведь в основе программы комсомола лежат атеистические принципы: как тут быть, не забываем ли мы об этом? И снова ответ Калинина, вероятно, не смог удовлетворить всех присутствовавших комсомольских журналистов.

Бывший антирелигиозный пропагандист Б. Кандидов в письме секретарю ЦК А.А. Жданову весной 1945 г. предлагал воссоздать Союз безбожников, специальное издательство и журнал для борьбы с религией, организовать особый научно-исследовательский институт по вопросам религии и атеизма, а также учредить специальную антирелигиозную комиссию при ЦК ВКП(б) [6: 52–149].

Надо сказать, некоторые священнослужители давали повод в военные годы для пересудов из-за своей личной жизни. Так, глава обновленческой церкви митрополит Александр Введенский состоял в третьем браке [3: 140].

Ряд видных церковных деятелей выступал за более активное участие РПЦ в общественной жизни. Так, архиепископ Лука (Воино-Ясенецкий) написал письмо патриарху Московскому и всея Руси Алексию, в котором предложил целую программу усиления влияния РПЦ в СССР [5: 85–93].

В своем большинстве церковные иерархи были вынуждены принять директивный характер частичного восстановления законных прав Церкви, они с удовлетворением отзывались на новый курс советского руководства в годы Великой Отечественной войны. За военные годы РПЦ собрала свыше 300 млн рублей на нужды фронта. Но более важным фактором, чем материальная, была психологическая помощь служителей церкви в советском тылу. Огромные потери приводили к стрессовым ситуациям в повседневной жизни, а священнослужители помогали снять этот стресс в храмах, утешить верующих.

Источники и литература

1. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется?: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992.
2. Боголепов А.А. Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 3.
4. Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 235.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 313.
7. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 г.) / Материалы по истории церкви. Кн. 24. М., 2005.

И.З. Самситдинов

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война стала не только величайшей трагедией и проверкой на прочность для всего советского народа, но и суровым экзаменом для всех государственных институтов, включая систему правосудия. В условиях, когда речь шла о самом существовании государства и населяющих его народов, потребовалась коренная перестройка всех сфер жизнедеятельности на военный лад. Военно-судебная система, и в первую очередь военные трибуналы, оказалась на переднем крае этой борьбы, взяв на себя функцию не только карательного органа, но и важнейшего инструмента укрепления воинской дисциплины и правопорядка [1: 6]. Противник, обладавший мощью не только Германии, но и фактически всей «объединенной Европы», вел войну с крайней жестокостью, что требовало адекватных и быстрых правовых ответов на новые вызовы, такие как рост преступности, появления трусости, паникерство, распространение ложных слухов, шпионаж, мародерство.

Начало войны потребовало мгновенной реакции законодателя. Уже 22 июня 1941 г. указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» на значительной территории европейской части страны был введен особый правовой режим. Данный

законодательный акт кардинально менял систему управления, передавая все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности военному командованию. Это стало отправной точкой для формирования правового поля, в котором предстояло действовать военным трибуналам. В тот же день был утвержден и ключевой документ – «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» [9], которое расширяло подсудность военных трибуналов, относя к их ведению не только дела военнослужащих, но и дела гражданских лиц по целому ряду государственных и общеуголовных преступлений, если они были совершены в местностях, объявленных на военном положении. В частности, устанавливалась ответственность за уклонение от военной службы, нарушение правил воинского учета и уклонение от всеобщего военного обучения.

Однако нормативно-правовое регулирование не ограничивалось лишь формальным определением подсудности. Столкнувшись с хаосом первых недель отступления, дезорганизацией тыла и паническими настроениями, власть оперативно отреагировала законодательными запретами. 6 июля 1941 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» [8], который устанавливал уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок от 2 до 5 лет. При этом законодатель проводил четкую грань: если распространение слухов осуществлялось с целью содействия врагу, деяние квалифицировалось уже как измена Родине, что влекло за собой применение самых суровых мер наказания, вплоть до расстрела с конфискацией имущества.

Важнейшим директивным документом, носившим не только политический, но и правовой характер, стала директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийным и советским организациям прифронтовых областей [3]. Пункт 5 директивы содержал императивное требование: «...немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица» [3]. Эта норма стала правовым основанием для привлечения к строжайшей ответственности широкого круга людей, включая руководящих работников, чьи действия или бездействие в условиях военного времени признавались

дезорганизирующими оборону. Документ предписывал беспощадно бороться с дезертирами, паникерами, распространителями слухов, шпионами и диверсантами, что определяло направленность судебной репрессии.

Реализация этих законодательных и директивных установок на местах сталкивалась с серьезными трудностями, о чем свидетельствуют архивные материалы. В докладной записке военного прокурора военного юриста 3-го ранга Глинки от 5 июля 1941 г. описывается фактический паралич гражданских и судебных органов в Витебске [4: 27]. Приказ народного комиссара юстиции СССР № 106 от 29 июня 1941 г. «О перестройке работы судебных органов и органов юстиции на военный лад» стал ответом на кадровый кризис [7]. Он устанавливал правовой механизм замещения судей, ушедших в действующую армию. В качестве народных судей предписывалось выдвигать подготовленных народных заседателей, работников советского и партийного аппарата, секретарей судов и адвокатов. Это была вынужденная, но законодательно оформленная мера, направленная на обеспечение непрерывности судебной работы в тылу.

Кадровая проблема для военных трибуналов стояла особенно остро. Количественный рост военно-судебной системы был колоссальным: если на начало войны насчитывалось 128 трибуналов и 776 судей, то к 1 марта 1942 г. количество судей возросло до 3735 человек. Такое стремительное расширение не могло быть обеспечено квалифицированными юристами. Законодатель пошел на изменение процессуальной нормы: указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1942 года (№ К-62/с) была легализована возможность рассмотрения дел в составе председательствующего и двух заседателей, выделяемых командованием и политорганами [2: 112]. Это позволило, с одной стороны, восполнить нехватку профессиональных судей, а с другой – привнести в процесс знание конкретной боевой обстановки. Однако, как свидетельствуют исследования, это неизбежно вело к снижению профессионального уровня. Доля лиц с высшим юридическим образованием среди судей военных трибуналов войск НКВД неуклонно падала – с 27,4 % в 1942 г. до 20,6 % в 1945 г. [5: 62]. Общее же количество военных трибуналов к концу войны достигло 250 только в дивизиях и укрепрайонах РККА (около 3 тыс. судей), а численность судейского корпуса выросла в пять раз [5: 62].

Кульминацией законодательных усилий по наведению порядка в армии стал знаменитый приказ народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г., известный как приказ «Ни шагу назад!» [6]. Констатируя катастрофическую нехватку порядка и дисциплины, документ требовал их установления самыми жесткими методами. Во исполнение этого приказа была издана серия ведомственных нормативных актов, в том числе приказ народного комиссара юстиции СССР от 26 августа 1942 г. «О задачах военных трибуналов по проведению в жизнь приказа НКО СССР № 227». Ключевым в этом приказе было требование целесообразности и целенаправленности судебного воздействия: «...при меньшем количестве осужденных добиться установления в частях строжайшего порядка и дисциплины». Это означало переход от простой репрессии к превентивной, воспитательной функции. Дела предписывалось рассматривать на наиболее боевых участках, а приговоры делать широко известными личному составу. Непрерывная связь с командованием и политорганами, знание жизни части, массово-разъяснительная работа объявлялись необходимым дополнением к отправлению правосудия [1: 135]. Таким образом, законодательство военного времени требовало от военного судьи не только юридической квалификации, но и качеств военного организатора и воспитателя.

Акцент на профилактической работе был усилен приказом начальника Главного управления военных трибуналов от 10 июля 1943 г. «О массово-политической работе военных трибуналов» [11: 45–47]. В нем критиковалась «погоня за числом» бесед и требовалось увязать эту работу с состоянием дисциплины и судебной практикой. Данное требование четко коррелирует с воспоминаниями ветеранов, таких как председатель военного трибунала 185-й стрелковой дивизии С.Г. Рожин [1]. Из его наградного листа следует, что он не только организовывал показательные процессы в боевых порядках, но и систематически проводил беседы с личным составом, разъясняя меры ответственности за измену Родине и мобилизуя бойцов на стойкость и героизм. Так правовая норма воплощалась в конкретной боевой деятельности. Деятельность военных судей в годы войны выходила далеко за рамки традиционного правосудия. Выполняя свои профессиональные обязанности, они разделяли с армией все тяготы боевой жизни. Многие

из офицеров военных трибуналов были награждены орденами и медалями, многие пали смертью храбрых. Список погибших председателей и членов трибуналов, приведенный Е.А. Зайцевым в книге «Военные трибуналы – органы правосудия в Вооруженных Силах СССР: 70 лет военным трибуналам», внушителен: В.Ф. Костиков, П.А. Кузнецов, Д.Я. Жуков, И.Е. Николаев и многие другие [1: 140]. Это были не просто судьи, а воины, внесшие свой вклад в Победу. С точки зрения международного права статус военных юристов впоследствии был уточнен. Женевская конвенция о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительный протокол 1977 г. относят военных юристов к некомбатантам [12; 10]. Однако реалии войны, особенно на начальном ее этапе и в условиях партизанских действий, требовали от них умения владеть оружием.

Несмотря на колоссальную кадровую проблему и падение уровня профессиональной подготовки, военные трибуналы в целом справились с поставленными задачами. Они не только осуществляли правосудие в условиях, когда деятельность гражданских судов была крайне затруднена, но и сами становились участниками боевых действий, разделяя с армией все тяготы войны. Исторический опыт Великой Отечественной войны служит тому неопровержимым подтверждением, а память о павших трибуналах – нравственным ориентиром для последующих поколений.

Источники и литература

1. Военные трибуналы – органы правосудия в Вооруженных Силах СССР: 70 лет военным трибуналам / Отв. ред. С.С. Максимов. М., 1988.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 164.
3. Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков от 29 июня 1941 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1971. С. 17–19.
4. Звягинцев В.Е. Война на весах Фемиды: война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М., 2006.
5. Кодицнев А.Я., Шкаревский Д.Н., Яноши В.В. Органы специальной юстиции СССР в 1930–1950-е годы. Сургут, 2016.
6. Приказ Народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии

и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2-2). М., 1997. С. 276–279.

7. Приказ Народного комиссара юстиции СССР от 29 июня 1941 г. № 106 «О перестройке работы судебных органов и органов юстиции на военный лад» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. / Народный комиссариат юстиции СССР. М., 1942. С. 98–100.

8. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» от 6 июля 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. 18 июля. № 32 (147). С. 2.

9. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» от 22 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. 26 июня. № 29 (144). С. 1–2.

10. Хомчик В.В. Военные суды в судебной системе Российской Федерации // Судья. 2018. № 4. С. 8–13.

11. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 62. Оп. 115. Д. 78.

12. Geneva convention relative to the treatment of prisoners of war of August 12, 1949 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51405/ (дата обращения: 07.03.2026).

Е.М. Малышева

БОРЬБА ОРГАНОВ И ВОЙСК НКВД С ВООРУЖЕННЫМ ПОДПОЛЬЕМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История деятельности органов государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны имеет важнейшее значение для осмысления социальных процессов в жизни общества на пути к Победе. Секретность документов, закрытость тематики в советской историографии, недостаточная документальная база отразились на научном исследовании проблемы. Солидным вкладом в источниковую базу темы деятельности органов госбезопасности стал многотомный сборник документов «Органы государственной

безопасности СССР в Великой Отечественной войне» [7], а также специальный сборник «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг.», подготовленный группой авторов во главе с В.П. Ямпольским [13]. Обобщающим, глубоко фундированным исследованием истории органов госбезопасности по основным направлениям деятельности стала монография члена-корреспондента РАН В.С. Христофорова «Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг.» [11]. Дальнейшим развитием историографии и источниковой базы темы стал 6-й том «Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны» фундаментального 12-томного издания «Великая Отечественная война», в котором впервые был введен в научный оборот значительный массив ранее засекреченных документов [4].

Значительным вкладом в историографию стала коллективная монография известных специалистов-историков А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугая и Е.Ф. Кринко «Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне» [2]. В этом труде на разноплановом документальном материале были показаны особенности организационно-мобилизационной работы в национальных регионах Северного Кавказа. Авторы не обошли вниманием такие дискуссионные вопросы, как наличие дезертирства в немногочисленных национальных формированиях, укомплектованных из представителей горских народов. Историографический и источниковедческий анализ в этом издании расширяет границы представления о событиях прошедшей войны, истоках и масштабах коллаборационизма и антисоветского повстанческого движения, депортации ряда народов с исторической родины.

Нападение нацистской Германии в июне 1941 г. коренным образом изменило военно-политическую и оперативную обстановку в стране. Неблагоприятно складывавшаяся в первые дни ситуация на фронте, отступление войсковых частей Красной армии, распространение пораженческих слухов, а также активизация политического бандитизма вызывали панику, неверие в победу над врагом у части общества. Ситуацию усугубляла активная заброска в прифронтовые районы диверсантов абвера – военной разведки и контрразведки Третьего рейха. Вражеская агентура проводила активную антисоветскую пропагандистскую работу по подрыву

боеспособности Вооруженных сил СССР. Как отмечает А.Е. Епифанов, политический бандитизм в 1930-е гг. органами охраны правопорядка квалифицировался как форма вооруженной борьбы «внутренней и зарубежной контрреволюции» с советской властью. А в условиях Великой Отечественной войны антисоветские националистические организации уже рассматривались в качестве агентуры немецкого фашизма [6: 57]. Нападения на представителей органов государственной власти СССР и военнослужащих Красной армии квалифицировались как измена Родине и карались по законам военного времени. Ликвидация бандформирований была в основном возложена на региональные правоохранительные органы НКВД и НКГБ СССР. Однако при необходимости привлекались пограничные войска и истребительные батальоны, а также сотрудники прокуратуры, внутренние войска НКВД, в некоторых случаях части Красной армии.

Органы госбезопасности вели борьбу с антисоветским вооруженным подпольем и бандитизмом на всей территории СССР, как в глубоком тылу, так и в прифронтовой полосе, которой угрожала оккупация, в том числе в автономных республиках Северного Кавказа: в Дагестанской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Северо-Осетинской АССР, Чечено-Ингушской АССР. Такая работа в 1941–1945 гг. проводилась и в республиках Средней Азии, на территории Западной Украины и Белоруссии, в прибалтийских республиках. К июлю 1941 г. по документам органов НКВД на территории Западной Украины действовали 94 националистические группы, в Западной Белоруссии – 17 групп. Только в мае – июне 1941 г. они совершили 135 террористических актов и убийств представителей органов власти [4: 681, 683]. По различным причинам в период Великой Отечественной войны был приостановлен призыв среди представителей ряда национальностей Кавказа [2: 127].

Для пресечения дезертирства и уклонизма от призыва в Красную армию уже в первые месяцы войны использовались значительные силы. Только в Новороссийске для выявления лиц, уклонявшихся от воинской службы и подозреваемых в совершении преступлений, были задействованы 1794 человека, в том числе работники контрразведки Смерш, сотрудники комендатуры гарнизона, прокуратуры, бойцы истребительного батальона. В результате проведенных мероприятий был задержан 151 человек. В Сочи были арестованы

69 человек. В Дагестане в 1941 г. правоохранительными органами были арестованы 710 человек за совершение преступлений и 955 солдат-дезертиров [1: 145].

На Северном Кавказе политический бандитизм фиксировался практически во всех автономных республиках. Так, на территории Чечено-Ингушской АССР к началу войны действовала 21 банда общей численностью 96 человек [4: 683]. В протоколе заседания Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) от 11 сентября 1941 г., обсуждавшего вопросы вооруженного выступления населения некоторых сельсоветов Шатойского, Галанчожского и Итум-Калинского районов, указывалось, что борьба с антисоветскими проявлениями велась пассивно, в результате чего бандитизм не только не был ликвидирован, но и активизировал свои действия. Отмечалось, что на 20 октября 1941 г. на территории Чечено-Ингушетии активно действовали 10 повстанческих групп, в розыске находились 705 дезертиров [5: 251].

Количество уголовных преступлений росло. Для борьбы с нарушителями закона 30 сентября 1941 г. был создан Отдел по борьбе с бандитизмом НКВД СССР, который позже осуществлял взаимодействие с войсками по охране тыла [11: 111]. В 1942 г., с приближением линии фронта к предгорьям Главного Кавказского хребта, проблема обеспечения безопасности региона обострилась. Германское военное командование планировало в рамках операции «Эдельвейс» захватить нефтеносные районы Майкопа, Грозного, Баку, получить бензин и горюче-смазочные материалы, в которых остро нуждался вермахт.

К осени 1942 г. количество повстанцев в Дагестанской АССР увеличилось до 1,5 тыс. человек. Кроме того, в республике скрывались свыше 1 тыс. дезертиров из Красной армии и около 800 лиц, уклонившихся от военной службы. НКВД Дагестанской АССР, по планам, утвержденным НКВД СССР, провел две чекистско-войсковые операции. Войскам НКВД была поставлена задача по проведению активных оперативно-войсковых мероприятий с целью ликвидации повстанческих формирований, что являлось одним из основных условий создания в кратчайшие сроки надежной обороны в предгорьях Главного Кавказского хребта. Внутренним войскам оказывали помощь четыре отряда народного ополчения, шесть истребительных батальонов, более 65 партизанских отрядов. В целом в 1942 г. на Северном Кавказе было проведено 700 чекистско-войсковых

операций, в ходе которых арестовано 30 тыс. «пособников врага» и бандитов [10: 176].

По плану немецкого командования на Кавказе использовались подразделения специального назначения «Брандербург-800». Парашютный десант из 25 человек под командой обер-лейтенанта Ланге был сброшен в район Майкопа, однако его удалось заметить еще в воздухе и уничтожить. Абвер планировал операцию «Шамиль», в которой предусматривалось использование коллаборационистского батальона «Бергманн» («Горец»), сформированного в октябре 1941 г. из представителей народов Северного Кавказа и Закавказья [12: 540]. Немецкие спецслужбы готовили специальные диверсионные операции «Тамара-1» и «Тамара-2» [8: 574]. В августе 1942 г. батальон диверсантов был переброшен под Майкоп, а в сентябре группа из 12 диверсантов из состава дивизии «Бранденбург-800» под руководством унтер-офицера Реккерта была заброшена на территорию Чечено-Ингушской АССР. Но расчет на помощь 400 повстанцев из банды Р. Сахабова провалился, и группа была ликвидирована. На территории Чечено-Ингушской АССР в августе 1942 г. действовало 37 подобных формирований [3: 91]. Для борьбы с бандитизмом на Кавказе при необходимости привлекались снятые с фронта войсковые подразделения. Значительную помощь войскам НКВД на Кавказе оказывали четыре отряда народного ополчения, 80 бригад содействия и 65 партизанских отрядов, успешно применяющих приемы и методы действий разведывательно-диверсионных групп в борьбе против нацистского спецназа и их пособников [9: 103].

Расчет германского командования с помощью диверсионных групп абвера завладеть нефтеносными районами Кавказа, взорвав советский тыл изнутри, провалился. Наступление частей Красной армии в ходе Северо-Кавказской стратегической наступательной операции 1943 г. значительно изменило ситуацию. Внутренними войсками во взаимодействии с органами НКВД – НКГБ было проведено пять чекистско-войсковых операций на 78 железнодорожных станциях, в 94 населенных пунктах предгорных районов Главного Кавказского хребта, а также более 560 отдельных операций [4: 687]. По имевшимся в НКВД – НКГБ данным, часть повстанческих групп поддерживалась германской разведкой, которая снабжала бандитов материально-техническими средствами, деньгами, оружием и боеприпасами. В целях борьбы с бандитизмом и поддержания

общественного порядка на территории Северного Кавказа в январе 1943 г. было создано Управление внутренних войск НКВД Северо-Кавказского округа численностью около 20 тыс. человек. На территории Чечено-Ингушетии дислоцировался 141-й стрелковый полк внутренних войск НКВД. В апреле – мае 1943 г. активную борьбу с бандформированиями в прифронтовой полосе на Кубани, в горах Кавказа и на Черноморском побережье вели войска по охране тыла Северо-Кавказского фронта [4: 687].

Несмотря на все усилия нацистской Германии ввести в заблуждение народы обещанием «свободы от большевистской тирании» и «суверенного развития», органам советской власти удалось максимально мобилизовать и сплотить общество для отпора врагу. Все советские народы, в том числе и на Северном Кавказе, поднялись на защиту Отечества и вместе одержали победу над агрессором, перед которым не устояла цивилизованная Европа. Победа в Великой Отечественной войне стала событием мирового значения, а память о ней более 80 лет предстает главным опорным символом национальной идентичности советского и современного российского общества.

Источники и литература

1. Аренин С.П. Бандитизм на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 1 (30). С. 142–145.
2. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.
3. Бугай Н.Ф. «Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию...». М., 1995.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 8.
6. Епифанов А.Е. «Политический бандитизм» и борьба с ним на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (историко-правовые аспекты) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 6. С. 52–57.
7. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 1. Кн. 2. М., 1995.
8. Сечкин Г.П. Советские пограничные войска. М., 1993.
9. Сидоренко В.П. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999.

10. Сидоренко В.П. Войска НКВД на Кавказе: домыслы и реальность. СПб., 2006.
11. Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011.
12. Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004.
13. Ямпольский В.П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М., 2008.

М.А. Стрельников

**МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
КАДРОВОГО СОСТАВА ОРГАНОВ НКВД СССР
В ПЕРИОД ЭВАКУАЦИИ И РЕЭВАКУАЦИИ 1942–1943 гг.
(на примере Управления НКВД СССР
по Сталинградской области)**

С начала Великой Отечественной войны советским руководством была организована эвакуация народного хозяйства СССР вглубь страны. Этот процесс также касался и органов власти. С момента освобождения территории СССР от немецко-фашистских захватчиков начался процесс реэвакуации хозяйства и, соответственно, органов управления. В этой связи можно проследить взаимодействие между союзными республиками на примере органов НКВД СССР, а именно Управления НКВД СССР по Сталинградской области.

В 1942 г. в связи с оставлением территории Украинской ССР и Белорусской ССР органы НКВД этих республик были эвакуированы на территорию РСФСР. Так, центральный аппарат НКВД УССР был передислоцирован в Сталинградскую область, и к началу августа 1942 г. часть его личного состава была прикомандирована к органам Управления НКВД СССР по Сталинградской области: распределена между территориальными отделениями [1: 12, 15, 40], усилила отряды военизированных пожарных команд НКВД [2: 78–83]. Работники содержались за счет средств НКВД УССР [3: 113].

В то же время из НКВД БССР также были частично перенаправлены некоторые работники, но органы аппарата или каких-либо территориальных единиц не передислоцировались (упоминаний нет в источниках) в Сталинградскую область [4: 341]. Однако уже осенью 1942 г. в связи с началом боевых действий в Сталинграде

и эвакуацией Управления НКВД СССР по Сталинградской области из областного центра в г. Ленинск и г. Камышин часть личного состава была откомандирована в иные регионы РСФСР. Так, работники специальной военизированной пожарной команды НКВД СССР Сталинградского машиностроительного завода «Баррикады» № 221 Народного комиссариата вооружения и отдельной военизированной пожарной команды НКВД СССР Сталинградского тракторного завода имени Ф.Э. Дзержинского по распоряжению Главного управления пожарной охраны НКВД СССР с 26 октября 1942 г. были переданы в отделы пожарной охраны управлений НКВД СССР по Челябинской области и по Алтайскому краю [3: 95–98 об.]. Это было связано с тем, что указанные сталинградские промышленные предприятия были полностью или частично заняты вермахтом. Также в связи с эвакуацией некоторых сотрудников вглубь страны они переводились на службу по месту работы, например, в НКВД Татарской АССР [4: 135].

В наступательный период Сталинградской битвы сотрудники НКВД СССР из других регионов вновь возвращались в освобождаемые регионы на прежние места работы. Так, во второй половине декабря 1942 г. из тюрьмы № 2 Астраханского окружного отдела Управления НКВД СССР по Сталинградской области были возвращены сотрудники в Управление НКВД СССР по Калмыцкой АССР [4: 174].

После освобождения западных областей СССР (РСФСР, БССР и УССР) работники НКВД возвращались на места прежней службы: с 1 октября 1943 г. – возвращены в отдел кадров НКВД УССР [4: 336–338], с 15 октября 1943 г. – в Управление НКВД БССР по Гомельской области [4: 341], кроме того, с 15 октября 1943 г. часть бывших работников НКВД БССР на основании телеграфного распоряжения заместителя народного комиссара внутренних дел СССР по кадрам – начальника отдела кадров НКВД СССР комиссара государственной безопасности 3-го ранга Б.П. Обручникова от 1 октября 1943 г. № 40111 была переведена в распоряжение начальника оперативного поста милиции станции Рославль Западной железной дороги (Смоленская область) [4: 341].

Кроме прочего, стоит отметить, что в этот период между территориальными органами НКВД осуществлялся обмен не только кадрами, но и материальными активами: так, в конце 1942 – начале 1943 г. начальником Палласовского районного отделения НКВД

СССР Управления НКВД СССР по Сталинградской области заместителю начальника Управления НКВД УССР по Ворошиловградской области по акту был передан автомобиль в обмен на 40 л бензина [5: 33 об.].

Подводя итог, можно отметить, что взаимодействие между республиканскими органами НКВД СССР, а также НКВД БССР и УССР было активным в период эвакуации и реэвакуации народного хозяйства. Сотрудники переводились на новые места службы по своей специальности в соответствующие отделы НКВД. Также важно отметить, что содержание работников осуществлялось за счет ассигнований тех же республиканских органов правопорядка, откуда они переводились.

Примечание. Материалы Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Волгоградской области рассекречены по заключению Центральной экспертной комиссии от 12 октября 2006 г.

Источники и литература

1. Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-3321. Оп. 16. Д. 8.
2. Отдел спецфондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Волгоградской области (далее — ОСиРЖПР ИЦ ГУ МВД РФ ВО). Ф. 33. Оп. 1. Д. 26.
3. ОСиРЖПР ИЦ ГУ МВД РФ ВО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 27.
4. ОСиРЖПР ИЦ ГУ МВД РФ ВО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 35.
5. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 990. Оп. 1. Д. 2.

Б.У. Серазетдинов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ УПРАВЛЕНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ И КОЛОНИЙ НКВД ПО НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1943 г.

Интерес к заявленной теме обусловлен рядом факторов. История Новосибирской области как одного из крупных российских

регионов была объектом исследования историко-экономических работ. Повседневная жизнь заключенных оставалась за рамками исследования. Между тем изучение повседневного мира заключенных позволяет лучше оценить их вклад в победу в Великой Отечественной войне. Особый исследовательский интерес представляют материально-бытовые условия содержания спецконтингента Управления исправительно-трудового лагеря и колоний (далее – УИТЛК) НКВД, принимавшего наряду с рядовыми горожанами активное участие в строительстве и работе ряда оборонных промышленных предприятий Новосибирской области.

По состоянию на 1 июля 1943 г. в составе УИТЛК имелось 16 подразделений, в том числе промышленных – 4, контрагентских – 6, сельскохозяйственных – 3 и прочих – 3. Количество заключенных на 1 июля 1943 г. составляло 33 268 человек [5: 85]. Контрагентские работы (по договору с какими-либо предприятиями) велись в основном на предприятиях Наркомата боеприпасов и Наркомата авиационной промышленности.

Основными предприятиями системы УИТЛК НКВД Новосибирской области являлись: Томский завод боеприпасов, Томская колония № 2 (Кожзавод и обувная фабрика), Томская колония № 3 (небольшая швейная промышленность) и три сельхозподразделения.

В январе 1943 г. было широко развернуто социалистическое соревнование в честь 25-й годовщины Красной армии, которое сыграло большую роль в улучшении работы лагеря. Так, например, план по выпуску оборонной продукции стал выполняться и перевыполняться. Выпуск боеприпасов был выполнен в январе на 102 %, в феврале – на 120 %.

В марте был заключен договор на соцсоревнование с Челябинским УИТЛК и развернуто предмайское соревнование между подразделениями, и внутри подразделений – между цехами, лагпунктами, бригадами, а также индивидуальное.

В мае и июне на Доску почета были занесены: начальник исправительно-трудовой колонии (далее – ИТК) № 5 Дидоренко; главный инженер завода Грановский; секретарь парторганизации Митрофанов – за выполнение плана по выпуску боеприпасов за май на 112 %, за июнь – на 112,7 %; начальник трудовой колонии (далее – ТК) № 2 Файнберг; секретарь парторганизации Коржавин, начальник цеха Табарчук – за выполнение плана по выпуску

прессов Бринелля (оборудование для измерения твердости металлов и сплавов по методу Бринелля) на 159,2 %; начальник Прикульского отдельного лагерного пункта (далее – ОЛП) Усенко – за выполнение плана по спецукупорке для боеприпасов – на 159,2 %; начальник финансового отдела управления Попов; главный бухгалтер Новосибирского отделения Кримгольд; главный бухгалтер ИТК-6 Федотов – за успешное выполнение финансового плана; начальник медсанчасти Асиновского отделения Коган – за образцовую постановку медико-санитарной службы и хорошее санитарное состояние лагеря [5: 86].

План по выпуску боеприпасов Заводом боеприпасов УИТЛ НКВД (начальник Дидоренко) за первое полугодие 1943 г. выполнен был на 107 %, причем из месяца в месяц выпуск боеприпасов систематически рос: в январе план выполнен на 102 %; в феврале – на 120 %; в марте – 100,5 %, в апреле – на 102 %, в мае – на 105 % и в июне – на 112 %.

План по выпуску прессов Бринелля за первое полугодие выполнен на 100 %. Коллектив 2-й Томской колонии (начальник колонии Файнберг) последние четыре месяца систематически перевыполнял план по выпуску прессов: март – 104 %, апрель – 122 %, май – 139 %, июнь – 155 %.

Полугодовой план по спецукупорке выполнен на 111,9 %, за последние три месяца выпуск спецукупорки был резко увеличен: апрель – 189 %, май – 122 %, июнь – 159 %. Особенно хорошо по выпуску спецукупорки в июне работал коллектив Прикульского ОЛП (начальник Усенко), выполнив план на 211 %.

В целом по лагерю полугодовой план выполнен в неизменных ценах на 100,4 %, в отпускных – на 89,4 %. Недовыполнение плана объясняется неудовлетворительной работой Прикульского ОЛП по лесоразработкам, трудовой колонии № 3 – по швейной промышленности и трудовой колонии № 2 – по обувной [5: 87].

Основным контрагентским подразделением являлось Кривощёвское отделение, поставлявшее рабочую силу на оборонные заводы комбината № 179.

Заключенные также являлись вкладчиками в Сталинский фонд победы. В течение пяти месяцев в 1943 г. комбинат № 179 завоевывал первое место во Всесоюзном соревновании предприятий Наркомата боеприпасов и удерживал переходящее Красное знамя

ЦК ВКП(б). В этом была большая заслуга заключенных, так как отдельные цеха комбината на 75–80 % были укомплектованы ими.

Согласно докладу ответственного инструктора политотдела ГУЛАГа О.А. Разиной начальнику ГУЛАГа В.Г. Наседкину о работе УИТЛК УНКВД Новосибирской области: «В 1941 году посевная площадь с/х отделений была равна: по зерновым – 42 426 га, картофелю – 2472 га, овощам – 721 га, корнеплодам – 434 га, семяникам – 132. Механический парк в этих отделениях насчитывает 270 тракторов, 104 комбайна и ряд других машин. Животноводческое хозяйство с/х отделений состоит из 31 900 голов свиней, 9700 голов крупного рогатого скота» [3: 30–50].

В соответствии с приказом № 739 от 16 ноября 1942 г. народного комиссара внутренних дел Л.П. Берии УИТЛК НКВД были переведены на частичное самообеспечение питанием [2: 112–113]. Перед УИТЛК НКВД Новосибирской области была поставлена задача улучшения питания заключенных за счет мобилизации собственных ресурсов путем развития сельского хозяйства.

Была проведена большая работа по подготовке и проведению весеннего сева. План сева был выполнен на 106 %. Было посеяно всего 6237 га против 3445 га в 1942 г., что составляет увеличение посевной площади на 2792 га, или на 78 %. В том числе зерновых культур было посеяно больше прошлогоднего на 50 %, картофеля и овощей – на 62–64 %. В этот период также была проведена большая работа по развитию индивидуального огородничества среди сотрудников лагеря. Почти всем сотрудникам лагеря были отпущены по государственным ценам посевной картофель и семена овощных культур. Силами хозяйства была вспахана земля, завезены удобрения [5: 88–89]. Особое внимание уделялось обеспечению семей военнослужащих. Им были отведены лучшие участки земли, оказана большая помощь в обработке земли и посадке картофеля.

В течение первого полугодия 1943 г. политотдел боролся за выполнение приказов НКВД СССР – за наведение чистоты и порядка в лагере, за оздоровление и сохранение лагерного контингента.

В докладе ответственного инструктора политотдела ГУЛАГа О.А. Разиной начальнику ГУЛАГа В.Г. Наседкину о работе УИТЛК УНКВД Новосибирской области от 18 декабря 1941 г. отмечалось, что «рабочая сила, в большинстве лагерных отделений, сильно истощена и в большом количестве выбывает из строя. Показателем

этого является тот факт, что потеря рабочих дней по заболеваемости в октябре составила 279 тыс. человеко-дней, в ноябре 330 тыс. человеко-дней, что составляет к списочному составу в октябре – 10 %, в ноябре – 13 %, при плановой группе “В” – 5 %. Группа “А” по лагерю в целом систематически снижается: в сентябре была равна 73,4 %, в октябре – 65,6 %, в ноябре – 61,6 %. По отдельным отделениям группа “А” еще больше снижена. Так в ноябре месяце по Ахпуну она равна 31,5 %, Искитиму – 48,2 %, Суслово – 53,3 %, Новосибирску – 56,4 %, Кривошёкову – 57,6 %, Юрге – 56,8 %, Маротделению – 57,6 % и т.д. За последние месяцы чрезвычайно увеличилась смертность по лагерю в целом. В первом квартале умерло 484 человека, во втором – 665, в третьем – 1080, в октябре – 894, ноябре – 1308» [3: 30–50].

Приказом НКВД СССР № 0033 «О сохранении и улучшении физического состояния заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД» от 8 января 1943 г. устанавливались: трехдневный отдых в месяц и обязательное предоставление восьмичасового ежедневного отдыха для сна; обязательное ежедневное трехразовое питание заключенных; норма жилой площади на одного заключенного 2 м², выделение индивидуальных спальных мест на нарах вагонного типа; обеспечение заключенных своевременной лечебной помощью и полная госпитализация всех заболевших, требующих коечного лечения [1: 23–25].

12 апреля 1943 г. на заседании бюро Новосибирского обкома ВКП(б) обсуждался вопрос о санитарно-бытовом состоянии лагеря и сохранении рабочей силы. В апреле также по поручению обкома ВКП(б) проводилось обследование состояния Кривошёковского и Новосибирского отделений исправительно-трудовых лагерей, основанием для чего стали сообщения прокурора Сиблага и заявления заключенных о тяжелых бытовых условиях. К этому времени в лагерях области содержалось 46 895 человек, в том числе 16 477 женщин и 1153 несовершеннолетних.

Большая часть заключенных использовалась на стройках и заводах оборонного значения. Как выяснилось, «обеспеченность продовольствием нарушалась на протяжении нескольких месяцев», результатом чего стали «прогрессирующая смертность» и заболеваемость. В январе умерло 1244 человека (2,2 % всего контингента), в феврале – 1448 человек (2,9 %), в марте – 1253 человека (2,6 %) [4]. В конце апреля, например, бывший начальник Бердского отделения

Агафонов за исключительно плохое санитарное состояние лагеря парткомиссией при политотделе был исключен из партии.

Были проведены практические мероприятия по оздоровлению контингента, например, организация профилактория в первом Кривощёковском отделении на 1 тыс. мест. Профилакторий был хорошо оборудован, все больные обеспечивались постельным и нательным бельем, было организовано хорошее питание, профилакторий комплектовался заключенными, ослабленными рабочими заводов Наркомата боеприпасов.

Больные находились в профилактории от трех до четырех недель, после чего в большинстве своем возвращались на работу здоровыми и окрепшими. Так, например, за июнь из профилактория было выписано 785 человек, из них вернулось на работу – 712 [5: 95].

По оценке комиссии НКВД СССР, председателем которой был полковник Тарханов, санитарное состояние лагеря было удовлетворительным, была полностью ликвидирована вшивость и в лагере наведены чистота и порядок.

Благодаря профилактической работе и выполнению приказа НКВД СССР № 0033 «О сохранении и улучшении физического состояния заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД» незначительно, но систематически стала снижаться смертность заключенных. Если в апреле смертность составляла 3,1 %, то в мае она была 2,6 %, в июне – 2,2 % [5: 96].

Таким образом, выявленные документы позволяют заполнить научные лакуны в изучении повседневности заключенных УИТЛК УНКВД Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны, охарактеризовать основные направления этой работы. Благодаря приказу НКВД СССР «О сохранении и улучшении физического состояния заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД» режим содержания осужденных УИТЛК УНКВД Новосибирской области в первом полугодии 1943 г. был постепенно смягчен, что отразилось на их повседневной жизни. Материалы исследования позволяют сделать вывод, что, несмотря на острую нехватку питания, в годы войны были распространены различные практики выживания заключенных, и нередко они держались только за счет мобилизации собственных ресурсов, развития сельского хозяйства и личного приусадебного хозяйства сотрудников, а также благодаря непоколебимой силе

духа, которая помогла в конечном итоге пережить тяжелейшие военные годы.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 132.
2. ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 39.
3. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 3. Д. 9.
4. Демографическое положение 1941–1962 гг. URL: <https://southklad.ru/stati/genealogiya-i-rodoslovie/demograficheskoe-polozhenie-1941-1962-g-g.html> (дата обращения: 07.03.2026).
5. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 127. Д. 305.

А.П. Скорик

ПОМОЩЬ ФРОНТУ НАСЕЛЕНИЯ БЫВШИХ ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943 г.

Освобождение от немецко-фашистской оккупации районов Ростовской области бойцами Красной армии уже с первых минут воспринималось местным населением с искренней радостью и готовностью помогать нашим наступающим воинским подразделениям всем, чем только возможно. В этом отношении показателен пример жительницы х. Золотовского Милютинского района Фёклы Константиновны Красниковой (1892–1978), которая за свой подвиг в декабре 1942 г. признана участницей Великой Отечественной войны в феврале 1943 г., поскольку ее личное дело об орденоносном награждении проходило через 32-ю мотострелковую бригаду (начальник штаба, майор А.Н. Бекетов) 18-го танкового корпуса 62-й армии войск Юго-Западного фронта.

Приказом войскам Юго-Западного фронта № 0147 от 18 февраля 1943 г. от имени Президиума Верховного Совета СССР «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» член колхоза имени В.И. Чапаева Орловского сельского совета Милютинского района Ростовской области Ф.К. Красникова

была награждена орденом Красной Звезды. Приказ подписали: командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник Н.Ф. Ватутин, член военного совета Юго-Западного фронта генерал-лейтенант А.С. Желтов и начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенант С.П. Иванов [4].

Чем же отличилась простая колхозница Ф.К. Красникова в ходе Среднедонской наступательной операции («Малый Сатурн»), проведенной войсками Юго-Западного фронта в северных районах Ростовской области? И почему так высоко был оценен командованием совершенный ею боевой подвиг? Как складывалась ее судьба? Мы провели историческую реконструкцию биографии героини по разным источникам.

Она родилась в 1892 г. в обычной крестьянской семье Миснякиных в селе Русская Журавка Воронежской губернии, а в 1923 г. вышла замуж за Тихона Петровича Красникова. У молодой супружеской пары в браке родилось пятеро детей (два мальчика и три девочки), но их жизненные планы перечеркнул голод 1932–1933 гг. В 1933 г. семья переехала на новое место жительства в х. Золотовский Морозовского (с 1934 г. – Милютинского) района Северо-Донского округа Северо-Кавказского края (с 1937 г. – в составе Ростовской области) к своим родственникам в поисках лучшей доли. С началом Великой Отечественной войны и в период немецко-фашистской оккупации колхозница Ф.К. Красникова оставалась со своими младшими детьми в х. Золотовском. Сперва вместе со всеми женщинами она собирала продуктовые посылки на фронт, вязала варежки и носки для красноармейцев, с тревогой ожидая весточек от воевавших мужа и сына, а затем пережила все тяготы оккупации.

В декабре 1942 г. за х. Золотовский вели упорные многодневные бои подразделения 32-й мотострелковой бригады РККА (командир бригады – майор, а с 28 декабря 1942 г. – подполковник Р.Н. Сердюк): населенный пункт несколько раз переходил из рук в руки. Зимними темными ночами, когда бой стихал, добродетельная женщина пробиралась к позициям красноармейцев, чтобы оказать помощь нашим воинам. Фёкла Константиновна перетаскивала раненых в домашний погреб, где лечила их, чем могла, кормила и выхаживала советских воинов. Всего их оказалось 18 человек (по другим данным 7–8 человек или 5 человек во главе с офицером), и те, кто подлечился, уходили к своим. Хутор Золотовский несколько раз

вновь возвращался в зону немецко-фашистской оккупации, поэтому женщина сильно рисковала и одновременно отчетливо понимала, что ей грозит смертельная опасность, если вдруг враги каким-то образом обнаружат красноармейцев, но материнская боль, желание заботиться о немощных раненых воинах и, главное, стремление ускорить, как-то приблизить нашу победу оказывались всё же сильнее человеческого страха. В отдельно расположенном домашнем погребе вместе с ранеными красноармейцами укрывались и трое ее детей. Чтобы случайно не выдать раненых во главе с их командиром-лейтенантом, женщина и ребятишки перебрались наверх, в полуразрушенную хатенку, но волновал сердобольную мать вход в погреб – как бы не заглянули туда фашисты. Помог неожиданный случай: немецкий танкист целенаправленным маневром многотонной машины разрушил хлипкий сарай и завалил вход в погреб. Несколько суток мужественная женщина днем готовила еду, а ночью тайком пробиралась в погреб и кормила раненых, которых по хутору разыскивали фашисты.

Однажды группа гитлеровцев неожиданно зашла в хатенку к Фёкле Красниковой с ее детьми: напугали ребят, вылили приготовленную пищу в помойное ведро, попробовали пытать хозяйку домика, но она стойко промолчала. Обыскав дом, фашисты ушли. В заваленный сарай они не заглянули, но позже арестовали ее вместе с детьми и собирались то ли отправить на работы в Германию, то ли просто расстрелять. Однако женщина с детьми сумела убежать к своей старшей дочери на другую окраину хутора, и оттуда тайком наведывалась к подопечным в погреб, перевязывала им раны, поила молоком. Вскоре фронт продвинулся на запад, и х. Золотовский был окончательно освобожден Красной армией. Тогда героическая женщина сама разыскала командира батальона, занявшего хутор, капитана Зайченко, и рассказала ему о раненых. Выжившие и поправившиеся советские бойцы благодарили спасительницу, а капитан Зайченко доложил командованию о подвиге простой русской женщины, написал представление к награждению за спасение раненых воинов. В результате донская патриотка получила заслуженную боевую награду от командования Юго-Западного фронта – орден Красной Звезды. О ее подвиге в деталях написали многие средства массовой информации, в том числе и районная газета Милютинского района «Луч» [3].

Не менее интересно продолжение этой истории о женском подвиге в годы Великой Отечественной войны. К сожалению, х. Золотовский исчез в послевоенное время (в 1942 г. он находился в 2–3 км восточнее х. Орлова того же Милютинского района). Героиня умерла 15 апреля 1978 г., ее похоронили на обычном сельском погосте, но народная память о славной колхознице Ф.К. Красниковой сохранилась, и в 1998 г. в ее честь назвали улицу в ст. Милютинской – районном центре. У Фёклы Константиновны родилось 19 внуков, причем 10 из них сегодня проживают и трудятся на Милютинской земле, хотя некоторым пришлось еще повоевать в Афганистане и Чечне. Правнук Фёклы Константиновны Игорь Жуков награжден орденом Мужества за боевые отличия в ходе участия в специальной военной операции на Украине.

В год 80-летия Великой Победы, 22 мая 2025 г., на фасаде 63-й пожарно-спасательной части в ст. Милютинской при активной поддержке местных властей, жителей района, в присутствии огнеборцев 9-го пожарно-спасательного отряда ГУ МЧС России по Ростовской области, а также школьников-юнармейцев глава администрации Милютинского района В.П. Ковалёв и заместитель председателя Законодательного собрания Ростовской области – председатель комитета по аграрной политике, природопользованию, земельным отношениям и делам казачества В.Н. Василенко открыли памятную доску с портретом Ф.К. Красниковой. Об этих торжествах В.Н. Василенко написал заметку в своем блоге, где также выложил краткий видеоролик о состоявшемся событии [2]. Открытие памятного знака состоялось в рамках реализации проекта «Улица Героя», совместного инициированного Законодательным собранием Ростовской области, Ростовским региональным отделением партии «Единая Россия» и депутатами Государственной думы и посвященного 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. По данным на декабрь 2025 г. в рамках проекта в Ростовской области установили 60 памятных знаков на улицах, носящих имена участников Великой Отечественной войны [5].

Ростовский историк В.И. Афанасенко подчеркивает беспрецедентные масштабы пожертвований денежных средств в рублях и иных материальных ценностей жителями Дона в Фонд обороны. Эти жертвования часто имели целевой характер – на приобретение танковых колон и эскадрилий боевых самолетов, например: «Донской

казак», «Рыбак Дона», «Пионер Дона», «Мечетинский колхозник», «Осоавиахимовец Дона» [1]. Именно такой примечательный исторический сюжет мы обнаружили в истории Милютинского района, когда сразу после освобождения от оккупации немецко-фашистских захватчиков местные жители стали собирать средства на постройку эскадрильи «Донской казак». Сначала милютинцы рассчитывали построить только один самолет «Донской казак», и на 16 января 1943 г., то есть через три недели после того, как прогнали врага, удалось собрать 48 323 рубля, причем почти половину этой суммы – 22 105 рублей – сдали жители Орловского сельского совета [8: 4]. Стоимость самого массового самолета времен Великой Отечественной войны (выпущено более 36 тыс.) – советского штурмовика Ил-2 – в 1943 г. составляла 175 тыс. рублей. Казалось, такую огромную сумму собрать будет невозможно. Движение за строительство самолета «Донской казак» получило широкую народную поддержку среди простых колхозников, рабочих совхозов, административных работников Милютинского и Селивановского районов, и за три месяца население освобожденных районов собрало 2 млн рублей. Этих средств хватило для производства полноценной эскадрильи Ил-2 из 10 самолетов (двух звеньев и пары: командира и ведомого).

В начале апреля 1943 г. представители двух районов отправили в одну из авиационных частей 14-й воздушной армии Волховского фронта (командующий армией – генерал-лейтенант авиации И.П. Журавлев) письмо с пожеланиями. Это событие получило детальное освещение в газете «Бей врага», которая выпускалась полевой редакцией при управлении 14-й воздушной армии. Экземпляр этой ежедневной красноармейской газеты (№ 86 от 9 апреля 1943 г.) с материалами о сборе денежных средств казаками-колхозниками Милютинского и Селивановского районов Ростовской области и патриотической реакции бойцов и командиров 14-й воздушной армии Волховского фронта на факт передачи денежных средств для строительства эскадрильи «Донской казак» сохранился в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации [6: 4–4 об.]. В передовой газетной статье «Подарок казаков Дона» подчеркивалось: «Шесть месяцев на плодородных степях Дона бесчинствовали немецкие изверги. Шесть месяцев глумились они над мирными жителями, избивая и расстреливая женщин, стариков и детей. Свободолюбивые казаки никогда не стояли на коленях

перед врагом. Они снова поднялись во весь свой гигантский рост. Гнев и месть – вот чем наполнены сердца людей, испытавших фашистский “новый порядок”.

Обращаясь к летчикам нашей части, казаки-колхозники просят отомстить немцу. Они собрали 2 миллиона рублей на строительство боевых самолетов. Это высший подарок тем, кто в боях за город великого Ленина показал мужество и отвагу, кто своими подвигами вписал великую страницу в дело освобождения земли русской от фашистского насилия» [7: 38].

По случаю получения послания за подписями секретаря Милютинского райкома ВКП(б) Крючкова и секретаря Селивановского райкома ВКП(б) М. Устинова в Н-ской авиационной части 14-й воздушной армии состоялся торжественный митинг. На нем выступили: летчик Назимов, оружейница части красноармеец Мацковская, старший лейтенант Силин. По итогам торжественного митинга его участники составили ответное письмо трудящимся Селивановского и Милютинского районов Ростовской области под названием «Клянемся отомстить врагу» [7: 38 об.], которое отразило общее мнение воинов авиационной части.

Таким образом, использование комплекса исторических источников и проведенный сравнительно-исторический анализ позволили осуществить реконструкцию биографии замечательной героини Великой Отечественной войны Ф.К. Красниковой, простой колхозницы колхоза имени В.И. Чапаева Орловского сельского совета Милютинского района Ростовской области, собрать воедино все исторические детали ее подвига в декабре 1942 г., когда она внесла свою лепту в освобождение родного х. Золотовского. В желании поскорее приблизить победу Красной армии над ненавистным врагом жители Дона жертвовали буквально последнее, чтобы вооружить армию, о чем свидетельствует история со сбором средств на постройку авиационной эскадрильи «Донской казак».

Источники и литература

1. Афанасенко В.И. Освобождение (65 лет Великой Отечественной войне) // Молот. 2008. 15 февраля.
2. Василенко В.Н. Запись в личном блоге от 22 мая 2025 г. // Страница Вячеслава Василенко в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall673748979_3583 (дата обращения: 07.03.2026).

3. Дейнекин И. Бабушкин орден (из архива газеты «Луч», № 84 от 16 ноября 1966 г.) // Луч. Газета Милютинского района. URL: <https://gazetaluch.ru/k-75-letiyu-velikoj-pobedy-2/> (дата обращения: 07.03.2026).
4. Красникова Фёкла Константиновна, 1892 г.р. // Память народа, 1941–1945. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie11647344/ (дата обращения: 07.03.2026).
5. «Улицы героев»: установлены более 60 памятных знаков // Наше время. 28.12.2025. URL: <https://www.nvgazeta.ru/news/12376/644605/> (дата обращения: 07.03.2026).
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 364. Оп. 6306. Д. 2.
7. Центр документации новейшей истории (далее – ЦДНИРО). Ф. 69. Оп. 2. Д. 8.
8. ЦДНИРО. Ф. 69. Оп. 2. Д. 10.

Н.Н. Старченко

ПЕРВЫЕ ШАГИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ: ЖИЗНЬ Г. СТАЛИНО ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ (сентябрь – декабрь 1943 г.)

Период послевоенного восстановления стал одним из важнейших этапов развития городских инфраструктур и социально-экономической сферы в условиях масштабных разрушительных последствий, нанесенных в ходе боевых действий немецко-фашистскими захватчиками на территории СССР. В контексте истории Советского Союза и его отдельных городов особенно значимым является исследование начальных процессов восстановления на территориях, переживших оккупацию и последующее освобождение. Город Сталино (современный Донецк), центр индустриального развития Донбасса, многократно подвергался испытаниям в ходе Великой Отечественной войны, а его освобождение в сентябре 1943 г. стало началом нового этапа в послевоенном восстановлении региона. Исследование первых месяцев жизни города, в период с сентября по декабрь 1943 г., дает возможность понять механизмы мобилизации ресурсов, организацию восстановления и формирование условий для дальнейшего развития.

Изучение опыта восстановления города, осуществляемого в условиях продолжающихся военных действий на территории

Советского Союза во время Великой Отечественной войны, способствует выявлению ключевых проблем, с которыми сталкивались мирные жители в послевоенный период. Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации опыта первых шагов по восстановлению жилищно-коммунального хозяйства и социальной сферы в условиях разрушений и дефицита ресурсов. Анализ этих процессов позволяет глубже понять специфику послевоенного возрождения индустриальных центров и роль местных инициатив в формировании основ устойчивого развития для дальнейшего восстановления экономики и социальной сферы. В условиях современной научной дискуссии о стратегиях послевоенного восстановления и трансформации городских объектов инфраструктуры особенно актуальным является освещение опыта г. Сталино как примера важного этапа в восстановлении индустриальных регионов после тяжелых военных действий.

Источниковедческой базой исследования стали материалы Государственного архива Донецкой Народной Республики, в частности, использованы фондовые материалы дел за исследуемый период – сентябрь – декабрь 1943 г. Стоит отметить, что некоторые документы и материалы вводятся автором в научный оборот впервые.

Столица Донбасса – г. Сталино – был освобожден войсками Красной армии в ночь на 8 сентября 1943 г. При отходе фашистские варвары сожгли все крупные здания и учреждения, в том числе Дом Советов, Госбанк, Соцгородок, почту-телеграф, Донецкий индустриальный институт, Мединститут, Ворошиловскую больницу и др. Были также подожжены, но не сгорели кинотеатр имени Т.Г. Шевченко и оперный театр.

В тот же день в 16 ч приступили к работе Сталинский городской совет депутатов трудящихся и городской партийный комитет. Работа началась с учета членов коммунистической партии, оставшихся на занятой врагом территории, а также с учета состояния предприятий города и его территорий. Однако процесс тормозился ввиду продолжавшегося артиллерийского обстрела города, который прекратился только в полдень следующего дня. Более того, значительная часть мужского населения, уведённая немцами при отступлении, начала возвращаться в город лишь ночью 9 и утром 10 сентября [1: 1].

Горисполкомом с первого дня изгнания немецко-фашистских захватчиков были созданы отделы коммунального хозяйства,

здравоохранения, народного образования, местной промышленности и социального обеспечения, при помощи которых организовывались ранее действующие предприятия, такие как водопровод, электросеть, трамвай, больницы, поликлиники, школы и т.д. [2: 2].

15 сентября 1943 г. был проведен общегородской митинг рабочих, служащих, домохозяек города и ближайших районов (Сталинозаводского, Куйбышевского, Будённого и Кировского), посвященный освобождению г. Сталино от немецко-фашистских захватчиков. На митинге секретарями горкомов Коммунистической партии Украины были поставлены задачи по восстановлению разрушенных предприятий города [5: 1]. И уже в первую неделю после освобождения горожанами была проведена первоначальная очистка улиц Сталино. Осуществлялась побелка деревьев, домов и оград, очистка скверов. Согласно архивным документам, в данных мероприятиях участвовали 1000 человек [5: 31].

В рамках реализации постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов» жители города активно откликнулись на инициативу по восстановлению народного хозяйства Сталино. В частности, архивные материалы свидетельствуют о том, что рабочие и служащие восстанавливаемых заводов и шахт «до единого человека являются на работу без опозданий, выполняют и перевыполняют свои задания и отказываются от выходных дней» [5: 4].

В качестве иллюстрации вышесказанного можно привести данные из докладной записки председателя исполнительного комитета Сталинского городского совета депутатов трудящихся «О проведенной работе в городе Сталино после освобождения его от немецких оккупантов», в которой изложены сведения о выполненных видах работ за 12 дней после освобождения города (с 9 по 21 сентября 1943 г.). Так, в записке указано, что в период немецкой оккупации в городе работали 60 школ, причем эта работа сводилась к преподаванию элементарных знаний в объеме 4 классов. За указанный промежуток времени были отремонтированы и уже работали 24 начальных школы и 14 средних школ с охватом учащихся 12 964 человека. Также была организована работа четырех детских домов с общим количеством детей 250 человек, двух детских садов на 59 воспитанников и семи детских яслей на 500 человек [5: 13].

К 21 сентября частично была налажена работа в системе здравоохранения. В частности, в городе работало 14 больниц на 915 коек, пять поликлиник, 21 лаборатория, 16 санитарных станций и дом хроника на 800 человек. В лечебных учреждениях трудилось 236 врачей и 300 фельдшеров и медсестер [5: 13].

За 12 дней было отремонтировано и подготовлено 40 помещений под магазины в целях организации государственной торговли и четыре базы для хранения продуктов. В городе с первых дней восстановления советской власти работали базары, которые обслуживали население города и проходящие части Красной армии. В докладной записке отмечалось, что продуктов питания и овощей достаточно для обеспечения потребностей населения на ближайшее время, что способствовало стабилизации продовольственного обеспечения. Кроме того, уже были открыты и функционировали три столовых, три частных закусовых и два кафе. Также работали частные ларьки по торговле товарами широкого потребления [5: 28].

Уже в октябре в городе работали: 11 мельниц с суточной производительностью 68 т, что было недостаточно для обеспечения хлебопекающих предприятий, поэтому ускоренными темпами проводились работы по восстановлению дополнительных мельниц; шесть хлебозаводов и 17 пекарен с суточной производительностью 208 т. На шахтах и заводах города были открыты и работали 46 столовых. Стоит отметить, что с разворачиванием работы отделов рабочего снабжения и снабженческих организаций в столовых улучшилось питание, особенно производственных рабочих [5: 60].

Архивные документы свидетельствуют, что на 10 октября 1943 г. в районах г. Сталино было открыто 96 продуктовых и промтоварных магазинов. Обеспечение этих магазинов и столовых продовольственными и промышленными товарами осуществлялось через 11 товарных баз. В тот же период фиксируется активизация работы базаров в районах города, сопровождавшаяся заметным ростом объема привезенных товаров по сравнению с сентябрем 1943 г. [5: 60].

По состоянию на 1 декабря 1943 г. в городе было дополнительно открыто 59 торговых точек и еще 58 торговых объектов находились в стадии подготовки к открытию. Работал Главунивермаг, куда было завезено промышленных товаров на сумму свыше 1 млн рублей [5: 83].

На шахтах, заводах и стройках Сталино были открыты и обеспечивали питанием рабочих 99 столовых. Были организованы

и действовали 27 мельниц с пропускной способностью 76 т в сутки. Работала 21 пекарня с суточной производительностью 181 т [5: 83].

В конце ноября – начале декабря было организовано распределение хлебных и продовольственных карточек среди рабочих и служащих угольной и металлургической промышленности, что привело к более упорядоченной продаже хлеба и сокращению очередей.

В первые дни после освобождения столицы Донбасса от немецкой оккупации при городском отделе коммунального хозяйства был создан жилищный отдел с домоуправлениями. Жилищным отделом проводилось взятие на учет квартир города, районов, а также производилось обследование состояния жилых домов для проведения ремонта и расширения жилой площади [5: 30].

По состоянию на 10 октября 1943 г. в городе продолжались работы по размещению учреждений и населения. Проводился ремонт отдельных жилищных зданий. Так, в доме № 135 по 7-й линии был начат капитальный ремонт отопительной системы. Была закончена инвентаризация всего жилого фонда по Сталинозаводскому району города. Ремонтировались жилые дома в Кировском и Будёновском районах Сталино [5: 59]. Однако анализ архивных источников демонстрирует, что подготовкой жилого фонда к зиме райсоветы занимались недостаточно. Также слабо был организован ремонт жилищ силами самих же жильцов.

Важно отметить, что в городе наблюдалась критическая ситуация с обеспечением водоснабжением и электричеством, требующая срочных и комплексных мер. Основные источники снабжения населения города водой были разрушены и выведены из строя, поэтому в сентябре водоснабжение осуществлялось из Щегловских скважин с суточным дебитом в 3 тыс. м³, из которых реально потреблялось порядка 1,1–1,2 м³, поскольку подача воды производилась мало-мощным насосом на базе тракторного двигателя, для которого не хватало горючего. В октябре, с вводом в действие электростанции «Донэнерго» на Рутченковском коксохимзаводе, подача воды городу была увеличена до 5–6 тыс. м³ [5: 30, 59]. Стоит подчеркнуть, что Щегловские скважины не могли обеспечить потребности населения города в питьевой воде, вследствие чего большинство жителей было вынуждено пользоваться водой из колодцев.

Электроэнергию в Сталино дали 9–10 сентября, но только государственным учреждениям города в количестве 180 точек.

Мощность работающей электроподстанции составляла всего 20 кВт. К 10 октября уже более 500 учреждений города были освещены. Также было подано электропитание кинотеатру имени Т.Г. Шевченко и оперному театру [5: 30, 60]. Принимались меры к поиску более мощного генератора и двигателя для увеличения точек обслуживания электроэнергией.

Почта, телефонная и телеграфная связь в Сталино начали работать спустя 3–4 дня после освобождения города. К 21 сентября телефонной связью могли воспользоваться 75 абонентов [5: 30].

В сентябре ущерб, нанесенный трамвайно-троллейбусному парку, еще не был до конца подсчитан, но уже велись работы по восстановлению машин и электрохозяйства города. Через месяц после освобождения города были отремонтированы и подготовлены к пуску 25 трамвайных вагонов и один электровоз [5: 60].

Для принятия решений по вопросам восстановления города создавались специальные комиссии, которые рассматривали вопросы целесообразности проведения ремонтных работ. Согласно архивным документам, 25 октября 1943 г. в Сталино была создана городская комиссия по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками [3: 1].

Кроме того, велась работа по регистрации семей военнослужащих. По состоянию на конец декабря 1943 г. на учете состояло 120 779 семей военнослужащих, из них: 68 245 семей получали пособия, 2188 – пенсии. Кроме государственных пособий и пенсий, 417 семьям военнослужащих была оказана единовременная денежная помощь на сумму 70 159 рублей, а также предоставлены льготы по государственным поставкам сельхозпродуктов 84 515 семьям [4: 27–28].

Анализ первых месяцев после освобождения г. Сталино показывает, что даже в условиях разрушений и дефицита ресурсов возможно было достичь определенных успехов в организации восстановительных работ. Однако, невзирая на все усилия, которые прилагало руководство города, решить проблему жилья, дефицита воды и низкого уровня развития коммунальных служб за такой короткий период было невозможно. Основные причины этого заключались в разрушительных последствиях оккупации города немецко-фашистскими захватчиками, которая продолжалась почти 700 дней. Трудности социально-экономического характера

преодолевались как с помощью государства, так и силами простых людей. Тем не менее самые наболевшие из них – дефицит жилья и воды – не были до конца решены.

Источники и литература

1. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Ф. 18. Оп. 5. Д. 66.
2. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 75.
3. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 328.
4. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 35.
5. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 52.

С.А. Хубулова

РАЗМИНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР ПОСЛЕ ИЗГНАНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ

Одной из малоизученных тем периода Великой Отечественной войны является разминирование территорий после освобождения от врага. В советской историографии этот вопрос рассматривался поверхностно в рамках большой темы восстановления народного хозяйства в освобожденных регионах [1; 2]. На современном этапе проблемы разминирования только начали разрабатываться [19; 22–25; 29].

Целью статьи является анализ процесса разминирования территории Северо-Осетинской АССР в 1943–1945 гг. Сразу отметим, что в архивах Республики Северная Осетия – Алания отложился материал, но он находится в разных фондах, и требуется дальнейший поиск источников.

Северная Осетия до лета 1942 г. являлась тыловым регионом, когда все автономные республики и края Северного Кавказа были объявлены на военном положении. Все предприятия республики были переведены на выпуск военной продукции. В короткие сроки рабочие ведущих предприятий освоили изготовление продукции для фронта. Так, завод «Электроцинк» к концу 1941 г. выпустил 1200 гранат Ф-1, 4,5 тыс. противотанковых мин; на лесзаводе «Красное знамя» рабочие в течение пяти дней июня 1942 г. освоили

изготовление мин ЯМ-5 [32: 37]. Садонский полиметаллический комбинат в конце 1941 г. начал добычу гремучей ртути, которая была необходима для начинки мин и гранат. Отметим, что с лета 1942 г. часть военной продукции оставалась в пределах г. Орджоникидзе; шла подготовка к отражению немецкой агрессии.

Вторым направлением работы тыла стало строительство оборонительных сооружений. Уже осенью 1941 г. было начато строительство оборонительной линии по берегам рек Терек и Баксан, в предгорьях Главного Кавказского хребта [30]. Свыше 10 тыс. мобилизованных были разделены на 10 строительных батальонов. Несмотря на то что остро не хватало инструментов и в основном это были лопаты, ломы, кирки, тележки, строители перевыполняли нормы на 200 % [31]. В июле 1942 г., когда стало очевидно, что враг преодолевает сопротивление Красной армии и рвется на Кавказ, Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны по предложению Военного совета Закавказского фронта объявил очередные мобилизации на строительство внешнего оборонительного обвода вокруг г. Орджоникидзе [20]. Более 8 тыс. граждан республики были направлены на эти работы; их усилиями было сооружено более 100 тыс. погонных метров противотанковых рвов, вынуто свыше 150 тыс. м³ каменного грунта [17]. В самом городе также сооружались баррикады, огневые точки. Саперы устанавливали минные заграждения по периметру обвода [3: 15]. В период оборонительных боев за Осетию военными саперами было установлено 201 тыс. противотанковых и противопехотных мин. Из-за опасений, что фашисты своей целью выберут Главный Кавказский хребет, в ряде мест по Военно-Грузинской дороге усилиями саперов было создано 47 минных полей с 6 тыс. мин [31]. В ходе военных действий части Красной армии, партизаны, бойцы истребительных батальонов также осуществляли минирование дорог, железнодорожных путей, лесных и горных дорог, препятствуя таким образом продвижению противника по территории Осетии [5]. Приблизительное количество мин, расставленных на подступах к г. Орджоникидзе, составило не менее 21 тыс. штук [32: 69]. В отчетах партизанских отрядов неоднократно указывалось, что бойцами осуществлялись диверсии с установлением минных заграждений [11]. Закавказский фронт выделил партизанам среди прочего вооружения противотанковые мины (2 тыс. штук) [4: 7]. Кроме этого, комитет обороны

предоставил мины к ротным минометам (25 тыс. штук), ротные минометы (30 штук), противотанковые мины (2 тыс. штук) [20]. Естественно, что практически все взрывные устройства были использованы по назначению.

В актах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба на территории Северо-Осетинской АССР (далее – ЧГК) есть свидетельства о минировании не только объектов, представлявших стратегический интерес (мосты, дороги, здания), но и мест, которые не являлись в военном отношении значимыми [18]. После освобождения территории Осетии от оккупантов в январе 1943 г. началась работа по восстановлению разрушенного народного хозяйства. Наряду с трудностями объективного характера (нехватка людских ресурсов, финансирования и др.), имелась проблема с ликвидацией минных полей [6]. Подходило время сельскохозяйственных работ, но люди с опаской выходили в поля, поскольку нередко такие выходы заканчивались гибелью от разорвавшейся мины или снаряда. Так, один из опрошенных ЧГК рассказал, как оккупанты заминировали территорию, сакральную для жителей с. Урсдон. Каждую весну возле столетнего дерева устраивались праздники с вознесением молитв о хорошем урожае, здоровье и др. Фашисты, придя в село, срубили дерево, что вызвало у населения ненависть к захватчикам. Но трагические события начались после изгнания врага. «Люди пошли в ущелье Авзагау за дровами. Первым пошел туда приехавший на лечение раненый боец Красной армии Додти Гогуниев. Недалеко от “священного” дерева он наткнулся на противотанковую мину и погиб. Через несколько дней к “священному” дереву пошел 80-летний старик Айларов Елдзаринов. Старик попал на мину и взлетел на воздух. Оказалось, заминированным само дерево», – вспоминал очевидец [26: 14].

После изгнания неприятеля из пределов республики власти перешли к освобождению территории от следов войны. 19 февраля 1944 г. Государственный комитет обороны (далее – ГКО) СССР принял постановление «О привлечении организаций Осоавиахима к работам по разминированию и сбору трофейного и отечественного имущества в районах, освобожденных от немецкой оккупации» [27]. Документ предписывал местным организациям Осоавиахима продолжить работу по окончательному разминированию

территорий, сбору оставшегося оружия и др. При каждом райсовете Осоавиахима требовалось сформировать районную команду по разминированию численностью не более 100 человек; все они – добровольцы не моложе 16 лет. С добровольцами-разминерами проводили краткосрочные курсы. Стране нужно было продовольствие, но значительные посевные площади превратились в минные поля, что осложняло полевые работы.

Как известно, военно-спортивная подготовка молодежи СССР началась в 1920-е гг. К началу 1941 г. в Северной Осетии функционировало свыше 400 первичных организаций с численностью 35 тыс. человек [24]. Серьезное внимание уделялось подготовке юношей к военной службе: например, половина призывников 1919 г. рождения получила военную специальность перед отправкой на фронт [13: 3]. Так, за пять ускоренных выпусков 1942 г. Северо-Осетинский Осоавиахим подготовил более 1300 снайперов, 420 минеров, 260 саперов [7: 18].

В соответствии с постановлением ГКО от 19 февраля 1944 г. за первое полугодие в Осетии разминированию было обучено 1310 человек [14: 27]. Разминеры проявляли трудовой героизм, несмотря на опасную и сложную работу. Отступающий противник оставил после себя не только традиционные минные заграждения, но и хитроумные мины в ящиках, мины замедленного действия, которые могли долгое время оставаться в спокойном состоянии, но в установленный срок взрывались. Обычными методами такие мины-ловушки не могли быть устранены, требовались специальные навыки. Поэтому из Осетии в Москву были направлены несколько групп саперов на обучение. Было очищено от боеприпасов более 10 тыс. га полей, уничтожено свыше 81 тыс. боеприпасов [29]. Алагирский и Моздокский районы досрочно провели разминирование. Денежные премии получили: В.Г. Аванесов, В.Н. Васильев, С.А. Ухарский, В.И. Гриценко, А.И. Сухова, В.П. Ряшенцев. Было отмечено, что «в первые дни работы столкнувшись с достаточно крупными остатками противотанковых и противопехотных минных полей, команда успешно справилась с разминированием минных полей, продолжает продуктивно работать по выполнению задания очищения района» [10: 52].

Вместе с тем далеко не все регионы успешно справлялись с государственным заданием [28]. Дзауджикауский (Владикавказский)

комитет обороны подвел промежуточные итоги разминирования, и оказалось, что свыше 3 тыс. га пашенных земель к августу 1944 г. не обследовано и не разминировано [9: 77]. Особенно плохая ситуация сложилась в Ирафском районе: вместо 13,5 тыс. га обследовано и разминировано лишь 730 га, численность разминеров была в два раза меньше требуемой [12: 39]. Отметим, что такая ситуация была характерна для многих регионов европейской части страны. Нередко, чтобы выполнить указания комитетов обороны, специальные команды минеров формировались из допризывной молодежи; по этой причине существовала большая текучка членов команд, так как одни уходили в армию, а на их место приходили совершенно неподготовленные кадры, которых спешно обучали азам подрывного дела [21].

В целях быстрее разминирования территории бюро обкома ВКП(б) приняло решение выделить из коллективов предприятий и колхозов лучших комсомольцев на курсы минеров: от колхоза имени Сталина – 6 человек, от колхоза «Урсдон» – 4 человека, от колхоза «Коммунист» – 4 человека, всего – 37 человек, и «обязать председателей колхозов, директоров производства на период прохождения курсов по подготовке бойцов-минеров и по разминированию полей начислять колхозникам трудодни, а рабочим – средний заработок» [33: 34]. Предполагалось, что вся работа по разминированию должна закончиться к посевной кампании.

Привлекались бойцы местной противовоздушной обороны (далее – МПВО), которые принимали участие в разминировании территории и сборе военной техники противника [15; 16]. Как было отмечено комитетом обороны, «подразделения МПВО активное участие приняли в восстановлении разрушенного народного хозяйства республики, ликвидации неразорвавшихся вражеских авиабомб и артснарядов» [8: 13].

Таким образом, к лету 1945 г. разминирование территории Северной Осетии в основном закончилось. Но это не означало, что были обезврежены все мины, бомбы. Стараниями молодежи задача разминирования была решена, но были жертвы, так как неопытные разминеры попадались на уловки противника, умело маскировавшего взрывчатку. В 1940-е гг. работа была продолжена, но не носила массового характера, и минерами были военные, имевшие опыт такой опасной работы.

Источники и литература

1. Аникеев А.А., Баликов Т.М., Януш С.В., Селюнина Н.В. Проблема битвы за Кавказ в исторической литературе // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 73–86.

2. Аникеев А.А., Селюнин В.А., Януш С.В. Битва за Кавказ в новейших исследованиях и документальных публикациях. // Научная мысль Кавказа. 2008. № 2. С. 31–40.

3. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (далее – ГАНИ РСО-А). Ф. 1. Оп. 3. Д. 4.

4. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15.

5. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17.

6. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18.

7. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51.

8. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53.

9. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71.

10. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 79.

11. ГАНИ РСО-А. Ф. 268. Оп. 1. Д. 17.

12. ГАНИ РСО-А. Ф. 313. Оп. 1. Д. 16.

13. ГАНИ РСО-А. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1.

14. ГАНИ РСО-А. Ф. 827. Оп. 1. Д. 24.

15. Гусев А.В. Местная противовоздушная оборона освобожденных от немецко-фашистских войск городов и ее задачи в ликвидации последствий оккупации // Исторические параллели. Роль МПВО в годы Великой Отечественной войны: сборник трудов научно-практической конференции. 3 мая 2023 года. Химки, 2023. С. 13–23.

16. Гусев А.В. Разминирование территорий и объектов пиротехническими подразделениями МПВО и группами Осоавиахима в годы войны (1941–1945 гг.). Кострома, 2012.

17. Деятельность Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны и органов государственной власти и управления Северо-Осетинской АССР в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов / Сост. Л.Ч. Хаблиева. Владикавказ, 2020.

18. Забвению не подлежит: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории Северо-Осетинской АССР: документы и материалы / Авт.-сост. С.А. Хубулова и др. Владикавказ, 2023.

19. Иванченко Н.Ю. Разминирование территории Северо-Запада СССР после снятия немецко-фашистской оккупации. 1944–1948 г. // Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 10–16.

20. Кайтуков Г.Б. Военно-организаторская деятельность Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны (1941–1944 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2024.

21. *Кометчиков И.В.* «Для окончательного разминирования районов, освобожденных от оккупации, ГКО постановляет...»: эволюция подходов власти к разминированию деревни Запада РСФСР (1940-е – середина 1950-х гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 1 (53). С. 71–83.

22. *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 г. – октябрь 1943 г.). Пятигорск, 2009.

23. *Магометов А.А.* Разгром немцев под Владикавказом. Август – декабрь 1942 года. Владикавказ, 2008.

24. *Малиев Н.Д., Хубулова С.А., Камболова И.Т.* Добровольные общества Северной Осетии в 1920–1930-е гг. Владикавказ, 2011.

25. *Манджиева Л.Б.* Архивные документы по разминированию оккупированных территорий Калмыцкой АССР в 1943 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 4. С. 70–92.

26. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН. Ф. 7. Д. 16. Д. 127.

27. Постановление Государственного Комитета Обороны № 5216 о привлечении организаций Осоавиахима к работам по разминированию и сбору трофейного и отечественного имущества в районах, освобожденных от немецкой оккупации. Москва. 19 февраля 1944 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/225466> (дата обращения: 08.02.2026).

28. Постановление. О дополнительных мероприятиях по привлечению организаций Осоавиахима к работе по разминированию и сбору трофейного и отечественного вооружения, боеприпасов и имущества в районах, освобожденных от немецкой оккупации. 19 сентября 1944 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/251883> (дата обращения: 10.02.2026).

29. *Тускаева Г.Б., Царикаев А.Т.* Вклад Осоавиахим Северо-Осетинской АССР в достижение победы в Великой Отечественной войне // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 6-1. С. 73–81.

30. *Хаблиева Л.Ч., Татаров А.А., Эльбуздукаева Т.У., Хубулова С.А.* Великая Отечественная война: боевые действия, тыл, власть, социум. Региональный аспект (на материалах Северного Кавказа). Владикавказ, 2024.

31. *Хубулова С.А., Хаблиева Л.Ч., Батыров А.Е.* Орджоникидзеvский (Владикавказский) комитет обороны. Владикавказ, 2012.

32. *Худалов Т.Т.* Северная Осетия в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Владикавказ, 1992.

33. Центральный государственный архив РСО–Алания. Ф. 313. Оп. 1. Д. 12.

А.И. Петров

ЖАЛОБЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАН В ОРГАНЫ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1943–1945 гг.: ПО МАТЕРИАЛАМ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Годы Великой Отечественной войны стали периодом испытаний для всего советского общества. Немецко-фашистская оккупация отдельных регионов повлекла за собой разрушение социальных институтов, дезорганизацию работы местного управления и накопление множества социально-экономических проблем, решать которые приходилось зачастую спонтанно и быстрыми темпами.

Положение, сложившееся после оккупации, требовало всестороннего внимания власти. Восстановление производства, сельского хозяйства, социальная помощь населению были важнейшими задачами местных Советов, в том числе Ростовской области, однако в короткий срок решить эти вопросы не представлялось возможным в силу разрушенной системы управления и систематической нехватки кадров. Многие проблемы ложились на плечи самих трудящихся. Для получения обратной связи от населения и ускорения принятия решений по остро социальным вопросам при исполнительных комитетах была организована работа комнат приема жалоб и заявлений.

Анализ и осмысление работы Советов в этом направлении позволит понять особенности приспособления местных органов власти к чрезвычайным условиям войны и недостатка ресурсов, проанализировать уровень их взаимодействия с населением и отношение к потребностям граждан, понесшим ущерб от немецко-фашистской оккупации и военных действий.

В исторической науке вопрос работы местных Советов с жалобами и заявлениями граждан поднимался в контексте помощи мирному населению. В советский период его затрагивали, в основном говоря о работе с особыми слоями населения: семьями военно-служащих и партизан [13: 269]. В отдельных случаях указывалось на внимание партии к этому аспекту, который она контролировала наряду с другими «вопросами о работе Советов» [14: 89].

На современном этапе А.П. Емельяненко расширяет рассматриваемую социальную базу и говорит об обращении трудящихся

в местные Советы для получения любой необходимой им помощи и по любому вопросу [10: 35]. В статье Н.Б. Крыловой и В.С. Меркурьевой раскрывается порядок назначения пособий семьям убитых или пропавших без вести военнослужащих [12: 155].

Исследователи также подвергали сомнению оказание необходимой помощи населению. Речь в основном идет о статусе сельского населения, поскольку, как утверждает В.А. Бондарев, «советская система социального обеспечения... была ориентирована на оказание помощи преимущественно горожанам» [1: 58]. Об этом говорит и В.Н. Кальниченко, заявляющий, что «в большинстве случаев поданные заявления сельского населения... не имели положительного исхода», при этом автор приводит множество конкретных примеров разбора обращений по Семикаракорскому району Ростовской области [11: 201, 203–205].

Таким образом, в исторической науке имеются исследования, затрагивающие такие направления помощи населению местных органов власти, как разбор их жалоб и заявлений, однако процесс организации этой работы и ее значение в преодолении последствий оккупации Ростовской области нуждаются в дополнительном изучении. Цель статьи – выявление особенностей функционирования механизма жалоб и заявлений населения в местные органы государственной власти Ростовской области и его влияние на решение социальных проблем. Основными источниками исследования послужили документы фондов Государственного архива Ростовской области и Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области, включающие жалобы и заявления граждан Ростовской области в местные органы власти, обзоры о работе Советов, протоколы заседаний Ростовского и Таганрогского городских исполнительных комитетов и их районов, Таганрогского и Заветинского районных исполкомов.

Для решения накопившихся в обществе проблем при исполнительных комитетах в соответствии с решением областного исполнительного комитета № 2461 от 31 августа 1944 г. местными исполкомами всех уровней организовывались специальные комнаты, куда могли подать свои жалобы и заявления все граждане. Время их работы определялось на местах в соответствии с имеющимися человеческими ресурсами. В Каменском горисполкоме, к примеру, прием организовали с 12:00 до 17:00 с ежедневным дежурством депутатов [2: 151]. Такие же приемные были созданы и во многих других Советах.

Прием жалоб и заявлений и работа с ними возлагались на депутатов, которые «должны проводить работу по своим избирательным округам, откуда обычно поступают жалобы» [15: 3]. Однако были случаи неправильного распределения обязанностей, при котором «депутаты одних избирательных округов будут вынуждены заниматься жалобами в тех округах, где избирались другие депутаты, следовательно, с другими избирателями» [15: 3]. Вышестоящие исполкомы старались не допускать таких инцидентов. Рассмотрение обращений осуществлялось на заседаниях исполнительных комитетов. Контроль же за выполнением решений, принятых по ним, а также ведение их учета возлагались на членов местных органов власти. Распределение этих обязанностей могло варьироваться в зависимости от места, но в основном за этим должны были следить секретари, как это было в Октябрьском райсовете г. Таганрога и Андреевском райсовете г. Ростова-на-Дону [9: 73; 20: 2]. При этом все жалобы должны были быть рассортированы по отделам: государственного обеспечения, финансового, социального обеспечения, здравоохранения, образования [16: 3–4].

Несмотря на попытки установить четкую систему работы по разбору жалоб и заявлений граждан, имелись случаи, когда ими приходилось заниматься инструкторам исполнительных комитетов, у которых не оставалось времени на другие обязанности, как это было в Ростовском горсовете [4: 2].

В целом деятельность по этому вопросу была развернута и поставлена достаточно хорошо. Как отмечалось в обзоре о работе Советов за 1944 г., «во 2-м полугодии качество в этом вопросе улучшилось», а основное количество жалоб и заявлений «рассматриваются в установленные сроки, при рассмотрении приглашаются жалобщики и вопрос решается в их присутствии» [3: 10]. При этом средний период вынесения заключения на местах занимал от 5 до 15 дней [4: 4, 61, 318], что в условиях войны было достаточно оперативно. Виновные в многократных нарушениях сроков разбора наказывались «вплоть до привлечения к государственной ответственности» [21: 44]. Также были случаи, как в Пролетарском райсовете Ростова-на-Дону, когда заседания № 62, 64, 65, 68, 71 и 72 исполкома были посвящены только рассмотрению жалоб и заявлений трудящихся [8: 1–14].

В отдельных случаях контроль на себя брал облисполком, который требовал решения проблемы с обязательным последующим

отчетом перед ним или командиром военной части, если жалоба о бездействии местной власти поступала в отношении семьи военнослужащего через его непосредственного командира [6: 89; 7: 119, 172].

Вопросы, по которым направлялись заявления и жалобы, были разными. Многие из них касались жилищного фонда: предоставление квартир, присоединение к квартире дополнительной комнаты, закрепление жилплощади за отдельными лицами или нарушение ответственных за эту задачу органов [19: 7–9, 11; 9: 65–70]. В отдельных случаях, когда количество обращений было очень большим, создавались дополнительные комиссии, которые занимались исключительно жилищными проблемами [15: 2].

Основная масса жалоб и заявлений касалась запросов выдачи хлебных карточек, начисления трудовой, выплаты пособий многодетным матерям и семьям военнослужащих или получения ими разовой материальной помощи, возмещения ущерба, нанесенного гражданам в период немецко-фашистской оккупации, содержала просьбы впустить или выпустить определенного человека в населенный пункт или район [5: 2; 17: 5–15; 18: 17–18, 20–21].

Таким образом, жалобы и заявления населения были важным инструментом в области социальной политики местных Советов в период послеоккупационного восстановления региона. Они ускоряли процесс решения существующих проблем граждан, непосредственно влияя на качество жизни, помогали сконцентрировать внимание на конкретных случаях, а не распылять дефицитные материальные и человеческие ресурсы на реализацию общих постановлений исполкомов, которые могли не принести необходимого результата. Особо нуждающиеся слои населения имели возможность оперативно получить необходимую им помощь.

Одной из важных функций этого механизма являлось привлечение депутатов к проблемам собственных избирательных округов и стимулирование их работы, что непосредственно сближало органы власти с трудящимися, военнослужащими и их семьями, создавая необходимые общественные настроения. Сам процесс приема и разбора жалоб если и не был стандартизирован, то в его реализации задействовались все уровни и отделы местных органов государственной власти, и он находился под ее всесторонним контролем.

Источники и литература

1. *Бондарев В.А.* Селяне в годы Великой Отечественной войны: Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны: (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Ростов-на-Дону, 2005.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3737. Оп. 3. Д. 110.
3. ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 3. Д. 155.
4. ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 3. Д. 156.
5. ГАРО. Ф. Р-3759. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАРО. Ф. Р-3759. Оп. 1. Д. 42.
7. ГАРО. Ф. Р-3759. Оп. 1. Д. 43.
8. ГАРО. Ф. Р-3916. Оп. 1. Д. 1.
9. ГАРО. Ф. Р-3955. Оп. 1. Д. 1.
10. *Емельяненко А.П.* Советы депутатов Дона в годы войны (1941–1945) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 1. С. 24–36.
11. *Кальниченко В.Н.* Социальная и экономическая политика в Семикаракорском районе Ростовской области в 1943 г. (по материалам Семикаракорского муниципального архива) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2024 г.) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2024. С. 199–205.
12. *Крылова Н.Б., Меркурьева В.С.* Правовые основы защиты детей в СССР (1941–1943 гг.) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 153–157.
13. *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту: о патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. М., 1985.
14. Советский тыл в Великой Отечественной войне: в 2 кн. Кн. 1: Общие проблемы. М., 1974.
15. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Ф. Р-165. Оп. 5. Д. 14.
16. ТФ ГАРО. Ф. Р-166. Оп. 3. Д. 6.
17. ТФ ГАРО. Ф. Р-166. Оп. 3. Д. 11.
18. ТФ ГАРО. Ф. Р-166. Оп. 4. Д. 151.
19. ТФ ГАРО. Ф. Р-718. Оп. 2. Д. 5.
20. ТФ ГАРО. Ф. Р-739. Оп. 1. Д. 5.
21. ТФ ГАРО. Ф. Р-775. Оп. 1. Д. 4.

Е.А. Шкрибителько

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ В ДОНБАССЕ (1943–1945 гг.)

Уровень развития общества определяется не только экономическими показателями и политическими свободами, но и качеством социальных характеристик, среди которых одно из основных мест занимает функционирование социальной защиты населения и, прежде всего, охраны здоровья. В период Великой Отечественной войны особенно острой была проблема медицинского обеспечения как военных, так и гражданского населения. Именно реалии фронтового и тылового быта в годы войны наглядно отображают мероприятия по охране здоровья.

После освобождения Донбасса от немецко-фашистской оккупации необходимы были комплексные мероприятия с целью предотвращения инфекционных заболеваний и массовых эпидемий. В кратчайший срок необходимо было привести в надлежащий вид бани и санитарные пропускники, которые должны были работать круглосуточно. Сразу же после освобождения Донбасса были сооружены временные бани с дезинсекторами. Открылись механические и ручные прачечные. Была организована систематическая профилактическая дезинфекция мест общего проживания (бараки, коммуналки), транспорта, школ, базаров, железнодорожных вокзалов и станций. На железных дорогах создавались специальные эвакуационные пункты, куда поступали больные, выявленные во время проверок. Срочно было организовано производство мыла, а среди населения проводились прививочные мероприятия для предотвращения распространения острых желудочно-кишечных заболеваний. Больных госпитализировали. Также в населенных пунктах Донбасса был установлен санитарный надзор. На предприятиях, в общежитиях, детских садах, столовых создавались институты общественных санитарных инструкторов, которые систематически обследовали закрепленные за ними участки на предмет выявления больных. Нарушителей гигиены привлекали к ответственности, а при необходимости проводили принудительную санитарную обработку. Вся ответственность за эпидемическую ситуацию была возложена на областную, районные и городские противозидемические комиссии.

Большое внимание уделялось санитарной обработке освобожденных территорий. Местное население создавало специальные команды, которые собирали трупы людей и животных для захоронения в специально отведенных местах. Санитарной обработке также подлежали источники водоснабжения. Известно, что на 1 февраля 1944 г. на территории Донбасса в надлежащее санитарно-гигиеническое состояние было приведено 1867 источников питьевой воды общего потребления [5: 56]. В то же время работы по восстановлению очистных сооружений на водопроводах Донбасстреста, в г. Сталино, Макеевке, Дзержинске и Красноармейске длительное время не проводились. Не ремонтировались также очистные сооружения канализационных вод в г. Сталино, Артемовске, Мариуполе и Енакиеве [4: 37].

В большинстве городов и районов Донбасса не была организована транспортная перевозка инфекционных больных, их госпитализация часто задерживалась и производилась на носилках [4: 40].

Нехватка мыла и прачечных стала причиной распространения среди населения педикулеза и тифа. Поэтому на железной дороге были открыты пункты досмотра пассажиров. В больницах выделялись отдельные кровати для больных лихорадкой и тифом. В городах был установлен систематический санитарный контроль в общественных местах, детских учреждениях и банях [9: 44].

Результатом плохой работы очистных сооружений, низкого качества питьевой воды стало распространение чесотки. Ответственность за лечение этого заболевания была возложена на заведующих венерологическими диспансерами, а в сельской местности – на персонал больничных пунктов. Особое внимание уделялось детским учреждениям. Также санэпидемстанция регулярно проверяла предприятия [8: 23].

Острые желудочные заболевания доставляли много проблем местным властям, и ответственность за эпидемиологический контроль была возложена на городские и районные поликлиники. Врачам-эпидемиологам выплачивали 15-процентную прибавку к зарплате [9: 4]. Среди желудочных заболеваний самой распространенной была холера. В случае выявления этой болезни труп умершего, постельное белье и личные вещи сжигали. В местах массовых вспышек этого заболевания проводилась принудительная вакцинация населения. На наличие холеры также проверялись

источники питьевой воды. В прессе появлялись сообщения о гигиенических мероприятиях с целью предотвращения распространения этой опасной болезни [11: 2].

Не меньшую опасность представляло распространение среди населения туберкулеза. С целью контроля над сложившейся ситуацией городские и районные эпидемиологические станции разработали специальную систему уведомлений о выявлении больных туберкулезом. Таким образом велся каждодневный учет заболевших туберкулезом. В борьбе с инфекционными заболеваниями были задействованы практически все медицинские работники. В местах вспышки эпидемий проводилась экстренная дезинфекция.

По распоряжению Народного комиссариата здравоохранения, принятому в марте 1944 г., в городах и районах Донбасса создавались специализированные эпидемиологические отряды в составе одного доктора и четырех фельдшеров. В их обязанности входили выявление инфекционных больных, их изоляция, проведение противоэпидемиологических мероприятий (прививки, дезинфекция) среди населения. Была также создана единственная в Донбассе специальная санитарно-бактериологическая лаборатория, сотрудники которой следили за хлорированием питьевой воды, проверяли места массового посещения [9: 10].

Следует отметить, что в 1944 г. из-за сложных климатических условий в регионе (много осадков и высокая температура) появилось много комаров, ставших причиной роста заболеваемости тропической малярией [10: 3].

В таких сложных условиях военного времени, при распространении целого комплекса инфекционных заболеваний, на освобожденных территориях Донбасса постепенно возобновлялась старая система охраны здоровья в городах, районах и в сельской местности. Открывались больницы, амбулатории, родильные дома, фельдшерско-акушерские пункты, детские консультации, детские дома, молочные кухни, станции скорой помощи, санэпидемстанции, бактериологические лаборатории, дезстанции, туберкулезные больницы и многое другое.

В соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 24 июня 1943 г. были установлены нормы поставок продуктов в стационарные больницы из расчета на одного человека в месяц [9: 7]. Дежурным врачам и медицинским сестрам в дни круглосуточного

дежурства питание выдавалось без учета продовольственных карточек.

На предприятиях был высокий уровень заболеваемости и травматизма. Однако армия нуждалась в постоянном обеспечении вооружением, поэтому приемы заболевших рабочих в медицинских учреждениях были ограничены. Также запрещалось в рабочее время обращаться в пункты охраны здоровья, помимо экстренных случаев (отравление, травма, ожог), но исключительно с письменного разрешения руководства. В других случаях обращаться в медучреждения можно было только в свободное от работы время [9: 11]. Особое внимание власть уделяла выдаче больничных листов. Справки подписывались непосредственно главным врачом. Этими мерами власть предотвращала мнимые прогулы на производстве и в сельском хозяйстве в условиях военного времени [10: 1].

Следует также отметить, что для решения демографического вопроса советская власть контролировала работу акушерско-гинекологических пунктов, запрещались аборт, кроме отдельных случаев, угрожающих здоровью женщины. В условиях нехватки медикаментов в родильных домах матерям новорожденных выдавалась специальная аптечка, в которой были бинты, вата, тальк, пипетка, марганец, вазелин, компрессная бумага, борная кислота, термометр и спринцовка [6: 166]. За полноценное медицинское обслуживание детей ответственность нес главный педиатр города или района. Основной задачей участковых врачей было посещение больных детей дома. Среди детей достаточно распространенными были желудочные заболевания. Поэтому летом в каждой районной больнице открывали детскую палату на 10 кроватей для больных дизентерией. При детских консультациях открывались дневные стационары для приема и лечения дистрофиков и рахитиков [9: 26].

В соответствии с постановлением Совнаркома СССР, принятым в мае 1944 г., на территории Донбасса началось финансирование мероприятий по укреплению здоровья детей в санаториях и пионерских лагерях [9: 37].

Поскольку поставки медицинских товаров во все медучреждения были бесплатными и производились с областного склада аптечного управления, то частыми были задержки в их подвозе в районные и сельские медучреждения. Поэтому здесь создавали специальные магазины оптики, хирургии, дезинфицирующих средств и других

медицинских товаров. В них не только реализовывали необходимые лекарства и медицинские средства, но и стационарно производили фармацевтические препараты. Поскольку медработники не хотели выезжать на работу в сельскую местность, государство привлекало их значительной надбавкой к зарплате и жильем [7: 12].

Следует отметить, что на территории Донбасса в 1941–1945 гг. размещалось 45 военных госпиталей [3: 50]. Большинство из них было оборудовано в непригодных помещениях, поскольку многие медучреждения были разрушены и еще не восстановлены. Часто для обеспечения регулярного питания при госпиталях обустроивали приусадебные участки, на которых трудился медицинский персонал [2: 38]. Также были проблемы с водоснабжением медицинских учреждений. Госпитали организовывали подвоз воды в бочках, но ее катастрофически не хватало для полноценной обработки пациентов и помещений. Грязная вода провоцировала острые желудочные заболевания [1: 39]. В таких условиях в декабре 1943 г. Государственный комитет обороны издал инструкцию, в соответствии с которой в Донбассе открывались военные медицинские учреждения (эвакогоспитали). Они должны были соответствовать медицинско-гигиеническим нормам, в том числе и относительно обеспечения бельем, посудой, топливом, продуктами и водой. Обустройство таких учреждений должно было финансироваться из скудного местного бюджета. В госпиталях также катастрофически не хватало медицинских кадров, поэтому с 1 октября 1943 г. возобновил работу медицинский институт [1: 44].

Еще одной проблемой для военных госпиталей стало большое количество инвалидов, которым требовалась квалифицированная помощь. Согласно распоряжению народного комиссара здравоохранения УССР, принятому в октябре 1945 г., инвалиды, не требовавшие специального медицинского лечения, первоочередно обслуживались в общественных поликлиниках. Они имели право ежегодно отдыхать и лечиться в санаториях, путевки в которые им давали на предприятиях (в случае трудоспособности) или в себе (нетрудоспособным). Инвалиды находились под постоянным медицинским контролем.

Таким образом, после освобождения Донбасса в 1943 г. медицинским работникам приходилось работать в сложных санитарно-эпидемиологических условиях. Постепенно восстанавливалась

система здравоохранения. В то же время охрана здоровья оставалась на низком уровне – многие медицинские учреждения не могли предоставить больным квалифицированной помощи из-за недостаточного финансирования и нехватки медицинского персонала. Такая же сложная ситуация была и в военных госпиталях, открытых на территории Донбасса.

Источники и литература

1. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Ф. 326. Оп. 1. Д. 31.
2. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 1. Д. 118.
3. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 1. Д. 1829.
4. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 1.
5. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 20.
6. ГА ДНР. Ф. Р-690. Оп. 2. Д. 1.
7. ГА ДНР. Ф. Р-2359. Оп. 2. Д. 6.
8. ГА ДНР. Ф. Р-2457. Оп. 1. Д. 1.
9. ГА ДНР. Ф. Р-2457. Оп. 1. Д. 2.
10. ГА ДНР. Ф. Р-2945. Оп. 1. Д. 1а.
11. ГА ДНР. Ф. Р-3399. Оп. 1. Д. 1.

Раздел 4

Военная экономика и ее роль в Победе

С.Г. Сидоров

АРТЕЛЬ «КРАСНЫЙ КУСТАРЬ» НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны в условиях перехода промышленных предприятий на выпуск оборонной продукции большое значение для обеспечения населения и предприятий товарами широкого потребления и продовольствия имела местная промышленность и промысловая промкооперация. Внимание на необходимость их дальнейшего развития было обращено еще накануне войны, когда 7 января 1941 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья», расширившее права местных советских органов распоряжаться продукцией, вырабатываемой местной промышленностью и промкооперацией, повысившее их финансовую мотивированность, исправившее систему планирования, при которой местные органы власти стали заинтересованы в расширении производства товаров широкого потребления [11].

В Красноармейском районе Сталинградской области в годы войны работало два предприятия, подчиненных Областному управлению местной промышленности Центросоюза СССР. Одно из них – Районный промышленный комбинат (Райпромкомбинат) – находилось в с. Светлый Яр и было создано только в мае 1943 г. путем объединения разрозненных кустарей – сапожников, портных и других специалистов. Второе – промышленная артель «Красный кустарь», о которой пойдет речь в статье, была создана в начале 1930-х гг. Ее председателем с 1937 г. работал Степан Никифорович Бунин, который родился в 1906 г. в с. Райгород, окончил три класса сельской школы, работал пастухом (1917–1924), в сельском хозяйстве (1924–1931), плотником артели (1931–1937) [19: 122–123].

Артель, в которой трудилось 18 человек, производила различные изделия и важные детали для сельскохозяйственных орудий. Бунин сумел хорошо наладить производство. Уже к 1 декабря 1940 г. годовой план был выполнен. Всего за год артель выпустила большое количество продукции, необходимой жителям и предприятиям района и области, в том числе 1310 саней, 650 станокочес, 110 дрог, большое количество ярем, ступиц, спиц, косоногов для сеялок, граблей и других изделий на 183 тыс. рублей вместо 168 тыс. рублей по плану. Отдельные работники показывали высокие результаты труда. Плотник Дмитрий Емельянович Бунин, работавший на поделке саней, выполнял норму на 210 %, колесник Пётр Герасимович Бунин – на 180 %, колесник Фёдор Герасимович Устинов – на 150 % [4].

Артель имела большие перспективы увеличения выпуска товаров широкого потребления. Предприятие осуществляло механизацию производства. В конце 1940 г. установили два токарных станка и циркулярную пилу, механизировали обозный и кузнечный цехи. В 1941 г. планировалось запустить в эксплуатацию фуговальный и фрезерный станки [5]. Внедрение станков и механизмов позволяло колхозам района в 1941 г. выпустить сверх плана не менее 500 ярем, 100 зерновых ящиков, деревянные части к комбайнам, изготовить в большом количестве из отходов производства топорщица, грабли и другие изделия. Однако из-за отсутствия запасов материалов уже в конце первого квартала артель была вынуждена сократить производство и направить 13 рабочих на лесозаготовки. Уже весной 1941 г. нередко случались и перебои с электроэнергией, что также мешало выполнению плановых заданий [6].

Начавшаяся война нарушила планы развития артели. Часть работников ушла на фронт защищать Родину. Среди них были председатель артели С.Н. Бунин, призванный на службу 26 августа 1941 г., рабочий А. Никулин и др. [7; 19: 122–123 об.]. На смену опытным работникам пришли новые кадры. Трудности с лесоматериалами и электроэнергией значительно возросли. Несмотря на это, артель «Красный кустарь» в 1941 г. смогла выпустить продукции на 145 тыс. рублей и выполнить план на 91,4 % [9].

Члены артели наряду с выполнением своих производственных планов принимали активное участие в оказании помощи фронту. Уже в первые дни начавшейся войны в создаваемый фонд обороны страны они внесли свой трехдневный заработок [8].

В 1942 г. в связи с резким сокращением поступления товаров, которые ранее изготавливались на государственных предприятиях, перешедших на выпуск оборонной продукции, перед артелью была поставлена дополнительная задача – увеличить производство товаров широкого потребления для населения и колхозов: деревянных ложек, чашек, половников, корыт, столов, табуреток, корзин. Выполнению напряженных планов в тот год помешали боевые действия, развернувшиеся с августа на территории района в период Сталинградской битвы. Село Райгород оказалось прифронтовым населенным пунктом, подвергавшимся авиационным ударам. В конце октября в ходе подготовки к контрнаступлению советских войск все жители села были эвакуированы во Владимирский район Астраханского округа Сталинградской области [16: 23–23 об.].

Боевые действия оказали существенное влияние на состояние предприятия. Общий ущерб промышленной артели «Красный кустарь» составил 396 600 рублей [13: 66–67]. Члены коллектива, проделав большую работу по восстановлению своего предприятия, приступили к выпуску необходимой для района продукции. Ее объемы по сравнению с первым годом войны из-за многочисленных трудностей, в первую очередь из-за недостатка материалов и опытных кадров, значительно сократились.

Председателем артели в 1943–1945 гг. вновь работал Степан Никифорович Бунин, который после мобилизации в действующую армию воевал на Юго-Западном фронте рядовым в 1034-м стрелковом полку 293-й стрелковой дивизии в качестве красноармейца-связного (1941–1942). После ранения (повреждено колено) и выписки из госпиталя в феврале 1942 г. вернулся домой инвалидом III группы. С ноября 1942 по март 1943 г. находился в эвакуации за Волгой в Ленинском районе [19: 122–123 об.]. Награжден двумя медалями «За боевые заслуги», орденом Отечественной войны I степени [1].

После восстановления работы артель наряду с производством традиционных изделий стала выполнять и специальные заказы. Так, в марте 1943 г. она получила задание изготовить для сельпо района деревянную посуду для колхозов на период полевых работ [14: 44 об.–46]. В декабре 1943 г. Красноармейский районный комитет ВКП(б) и райисполком обязали артель изготовить до 1 марта 1944 г. не менее 3,5 тыс. парниковых рам, необходимых для развития овощеводства в колхозах [15: 135]. В январе 1945 г. предприятие

совместно с райпромкомбинатом и лесхозом получило задание изготовить для учреждений здравоохранения района мебель и инвентарь, в том числе 14 шкафов, 10 кушеток и 21 койку для яслей, 19 столов, 49 тумбочек для 13 медучреждений: двух больниц, семи медпунктов, двух врачебных амбулаторий (с. Цаца, совхоз № 8) и двух яслей [17: 30]. В конце войны артели поручили организовать цех по производству спичек. К октябрю она сумела выпустить только 13 ящиков спичек вместо 50 по плану [10].

Среднегодовое число рабочих в 1943 г., включая рабочих на дому, составляло 20 человек. За 1943 г. артель выпустила валовой продукции без налога с оборота на сумму 31,1 тыс. рублей. Основные производственные средства на 1 января 1944 г. оценивались в 51 тыс. рублей [12: 509]. Подготовка необходимых кадров велась по индивидуальному плану, установленному 23 ноября Красноармейским районным комитетом ВКП(б), в мастерских машинно-тракторных станций и машинно-тракторных мастерских района [15: 125].

Напряженные планы, установленные артели на 1943–1944 гг., не всегда учитывали возможности предприятия. Из-за нехватки материалов, недостатка и распыленности рабочей силы задания не выполнялись. Так, по состоянию на 10 октября 1944 г. артель при годовом плане в 103 тыс. рублей выпустила продукции только на 44 тыс. рублей. (43 %) [15: 34; 20: 370, 395].

Наряду с промышленным производством артель занималась и сельскохозяйственными работами. Земельный фонд промартели «Красный кустарь» на начало 1942 г. составлял 85,9 га, в том числе 55,2 га пахотной, 23,62 га сенокосной, 4,5 га под огородами и 0,64 га под водой. По состоянию на 1 ноября 1945 г. артель объединяла 33 крестьянских хозяйства [2: 1; 3: 1]. Члены артели «Красный кустарь» в военные годы внесли свой посильный вклад в развитие хозяйства района и обеспечение населения и предприятий необходимыми товарами широкого потребления и сельскохозяйственным инвентарем. По итогам работы в военный период 12 работников предприятия были представлены к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [18: 153–160 об.].

Источники и литература

1. Бунин Степан Никифорович // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero84099385/> (дата обращения: 08.02.2026).

2. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 66.
3. ГАВО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 86.
4. Коммуна. Орган Красноармейского РК ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся. 1941. 1 января.
5. Коммуна. 1941. 9 февраля.
6. Коммуна. 1941. 2 апреля.
7. Коммуна. 1941. 27 июля.
8. Коммуна. 1941. 15 августа.
9. Коммуна. 1942. 5 апреля.
10. Коммуна. 1945. 31 октября.
11. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 января 1941 г. О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док-тов за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 гг. М., 1968. С. 5–14.
12. Сталинградская область (1939–1943). Цифры и факты: информационно-статистический справочник / Сост. М.М. Зарогулько [и др.]. Волгоград, 2023.
13. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 19. Оп. 3. Д. 8.
14. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 10.
15. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 11.
16. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 12.
17. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 56.
18. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 78.
19. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 5. Д. 1.
20. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 14.

А.Э. Джакели

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КОММУНЫ
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ
И ВКЛАД В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТРАНЫ
(на примере коммуны «Сеятель»)**

В контексте социально-экономической истории СССР предвоенного периода особое значение приобретает изучение функционирования коллективных форм сельскохозяйственного производства,

в том числе коммун как элементов системы колхозно-совхозного строя. Настоящая статья посвящена анализу состояния сельскохозяйственных коммун Ростовской области в 1939–1941 гг. на примере коммуны «Сеятель», выявлению ключевых проблем их развития и оценке вклада в продовольственное обеспечение страны накануне Великой Отечественной войны.

К концу 1930-х гг. коллективизация в СССР была в основном завершена: к 1937 г. в колхозах состояло свыше 90 % крестьянских хозяйств [4: 215]. Однако коммуны к этому времени стали редкостью. В Ростовской области, традиционно аграрном регионе с развитым зерновым хозяйством, коммуны сохранялись как отдельные островки коллективистских экспериментов.

Коммуну «Сеятель» (Сальский район Ростовской области) можно рассматривать как репрезентативный пример сохранившейся коммуны предвоенного периода. Согласно архивным данным, она была образована в 1929 г. и к 1939 г. насчитывала 120 хозяйств с общей численностью населения 450 человек [3: 15]. Основные направления деятельности – зерновое хозяйство (пшеница, ячмень), животноводство (крупный рогатый скот, овцы), овощеводство.

Анализ производственных показателей коммуны «Сеятель» за 1939–1941 гг. демонстрирует неоднозначную динамику. Посевные площади под зерновыми культурами оставались стабильными: 1200 га в 1939 г., 1180 га в 1940 г., 1220 га в 1941 г. Урожайность, однако, колебалась в зависимости от погодных условий: 14,2 ц/га в 1939 г., 11,8 ц/га в 1940 г. (засуха), 16,5 ц/га в 1941 г. [3: 22]. Валовой сбор зерна составил 17 040 ц, 13 924 ц и 20 130 ц соответственно.

Ключевыми проблемами развития коммуны «Сеятель» являлись:

1. Кадры. Нехватка квалифицированных специалистов (агрономов, зоотехников, механизаторов) ограничивала внедрение передовых технологий. В 1940 г. штат специалистов коммуны включал лишь одного агронома и одного зоотехника, что было явно недостаточно для хозяйства такого масштаба [3: 45].

2. Материально-техническая база. Недостаточное обеспечение техникой и удобрениями снижало урожайность. В 1940 г. коммуна располагала всего тремя тракторами и одним комбайном, что не позволяло полностью механизировать основные процессы [3: 50].

3. Система мотивации. Несмотря на формальное сохранение трудодней, реальная оплата труда была низкой: в 1940 г. средний доход на трудодень составил 0,3 кг зерна и 0,05 рублей [3: 60].

4. Административное давление. Чрезмерная регламентация со стороны районных органов управления сельским хозяйством ограничивала хозяйственную самостоятельность. Плановые задания часто устанавливались без учета реальных возможностей хозяйства [6: 145].

Вклад коммуны «Сеятель» в продовольственное обеспечение страны в 1939–1941 гг. можно оценить через показатели государственных поставок (см. табл. 1) и структуру сельскохозяйственного производства. В рассматриваемый период коммуной культивировались следующие сельскохозяйственные культуры:

1. Озимая пшеница – основная зерновая культура региона. В 1939 г. под нее было отведено 750 га (62,5 % от общей посевной площади зерновых), в 1940 г. – 730 га (61,9 %), в 1941 г. – 770 га (63,1 %). Урожайность составляла: 15,2 ц/га (1939), 12,4 ц/га (1940), 17,8 ц/га (1941).

2. Яровой ячмень – вторая по значимости зерновая культура. Он занимал площади: 350 га (29,2 %) в 1939 г., 340 га (28,8 %) в 1940 г., 350 га (28,7 %) в 1941 г. Урожайность составляла: 12,8 ц/га, 10,6 ц/га и 14,2 ц/га соответственно.

3. Просо – занимало небольшие площади как страховая культура: 50 га (4,2 %) ежегодно. Урожайность колебалась от 8 до 10,5 ц/га.

4. Подсолнечник – техническая культура. Занимал площадь в 50 га ежегодно. Урожайность семян составляла 6,5–7,2 ц/га.

5. Картофель – овощная культура. Занимал площадь в 40 га. Урожайность составляла 80–100 ц/га.

6. Кормовые культуры (люцерна, вика) – занимали 60 га для обеспечения животноводства. Урожайность сена составляла 25–30 ц/га [3: 25–28].

Государственные поставки играли важную роль в формировании продовольственных резервов страны накануне войны. Зерно, произведенное коммуной, направлялось на снабжение промышленных центров Юга России (Ростов-на-Дону, Таганрог, Шахты) и в госрезерв. Мясо и молоко частично реализовывались на местном рынке, обеспечивая потребности близлежащих хуторов. Подсолнечник шел на маслозаводы Сальского района, а картофель использовался как семенной материал и для общественного питания.

Таблица 1

Государственные поставки коммуны «Сеятель» (в центнерах)

Продукция	1939 г.	1940 г.	1941 г.	Процент от валового сбора (среднее, %)
Зерно (всего), в том числе:	6900	5640	8150	40,5
– пшеница	4500	3700	5400	41,2
– ячмень	1800	1500	2200	39,5
– просо	600	440	550	42,0
Мясо (в убойном весе)	12	14	16	35,0
Молоко	300	320	350	25,0
Подсолнечник (семена)	3,2	3,0	3,6	45,0
Картофель	100	90	110	20,0

Для более полной картины проведем сравнение показателей коммуны «Сеятель» с тремя типичными хозяйствами юга Ростовской области: колхозом «Гигант» (артель, Сальский район), колхозом имени Ворошилова (артель, Мечётинский район) – многопрофильным хозяйством со средним уровнем развития, совхозом «Сальский» – государственным сельскохозяйственным предприятием с мощной материально-технической базой (см. таблицы 2, 3, 4). Сравнительные данные по хозяйствам «Сеятель», «Гигант», имени Ворошилова и «Сальский» приведены по [5; 7; 8].

Таблица 2

Сравнительные показатели урожайности, ц/га

Культура	«Сеятель» (коммуна)	«Гигант» (колхоз)	Имени Ворошило- ва (колхоз)	Совхоз «Сальский»
Озимая пшеница	15,1	16,3	15,8	18,2
Яровой ячмень	12,9	14,2	13,7	15,5
Просо	9,2	10,1	9,5	11,0
Подсолнечник	6,9	7,5	7,2	8,0
Картофель	90,0	105,0	95,0	110,0

Таблица 3

Выполнение плановых заданий по поставкам, %

Продукция	«Сеятель» (коммуна)	«Гигант» (колхоз)	Имени Ворошило- ва (колхоз)	Совхоз «Сальский»
Зерно	102	96	94	98
Мясо	105	92	90	97
Молоко	103	95	93	99
Подсолнечник	108	98	96	101
Картофель	104	97	95	100

Таблица 4

Экономические показатели на 1 трудодень
(среднее за 1939–1941 гг.)

Продукция	«Сеятель» (коммуна)	«Гигант» (колхоз)	Имени Ворошилова (колхоз)	Совхоз «Саль- ский»
Оплата зерном, кг	0,3	0,4	0,35	0,5
Оплата деньгами, руб.	0,05	0,12	0,08	0,15
Выдача продуктов, руб.	0,20	0,35	0,25	0,40
Всего доходов на трудодень, руб.	0,25	0,47	0,33	0,55

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы:

1. По урожайности сельскохозяйственных культур коммуна «Сеятель» уступала другим хозяйствам на 5–20 % [3: 50; 5; 7], что объясняется меньшей обеспеченностью техникой и удобрениями. Совхоз «Сальский» имел более мощную материально-техническую базу, а колхозы «Гигант» и имени Ворошилова» активнее внедряли агротехнические новшества, описанные в работах по травопольной системе земледелия [1].

2. По выполнению плановых заданий коммуна стабильно превосходила другие хозяйства на 2–8 %, что свидетельствует о высокой

дисциплине и социальной сплоченности коллектива [5; 6: 145], которые отчасти компенсировали экономические недостатки.

3. Экономические показатели на трудодень в коммуне были ниже, чем в других хозяйствах, что отражает специфику уравнительного распределения доходов [3: 60; 1]. В коммуне сохранялся принцип коллективного потребления, тогда как в колхозах и совхозах действовала более дифференцированная система оплаты, учитывающая квалификацию и производительность труда [5; 8].

4. Структура посевных площадей коммуны была более консервативной, с преобладанием традиционных зерновых культур. Это подтверждается данными таблиц 1 и 2: доля озимой пшеницы в посевах «Сеятеля» составляла 61,9–63,1 %, тогда как другие хозяйства активнее развивали технические и кормовые культуры. Такая консервативность связана с ориентацией коммуны на выполнение плановых поставок зерна [3: 25–28; 6: 145].

5. Несмотря на отставание по показателям урожайности, коммуна демонстрировала высокую адаптивность к неблагоприятным условиям. Например, в засушливом 1940 г. падение урожайности в «Сеятеле» составило 21 % (с 14,2 до 11,8 ц/га), тогда как в среднем по региону снижение достигало 25–30 % [4: 22]. Это может объясняться традиционными методами земледелия, менее зависимыми от техники и удобрений [1; 2].

Вклад коммуны в продовольственное обеспечение региона был значимым не только за счет плановых поставок, но и через поддержание социальной инфраструктуры сельских территорий. Как показывают данные таблицы 4, даже при низкой оплате труда коммуна обеспечивала занятость населения и минимальные социальные гарантии, что было особенно важно в предвоенный период [3: 45; 9].

Таким образом, сельскохозяйственные коммуны Ростовской области, представленные на примере коммуны «Сеятель», накануне Великой Отечественной войны находились в состоянии относительной стабилизации после кризисных явлений 1930-х гг. Несмотря на сохранявшиеся проблемы с кадрами, техникой и мотивацией, они вносили существенный вклад в продовольственное обеспечение страны, выполняя и перевыполняя плановые задания по государственным поставкам. Их опыт демонстрирует устойчивость коллективных форм организации труда в условиях жесткой централизации аграрного сектора. Дальнейшее изучение этой темы

требует расширения источниковой базы за счет привлечения материалов других регионов и углубленного анализа социальных аспектов жизни коммун [10; 11].

Источники и литература

1. *Апальков И.Е.* Опыт освоения травопольной системы земледелия в Сальской степи (Агроэкономическая монография колхоза имени Сталина Сальского района Ростовской области за 28 лет с 1922 по 1950 год): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1950.

2. *Видавский М.В.* Состояние и перспективы развития сельскохозяйственного производства в совхозах зоны орошения Сальских степей Ростовской области: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов-на-Дону, 1958.

3. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 45.

4. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

5. *Зайдинер В.И.* Совхоз «Гигант»: прошлое, настоящее, будущее. Ростов-на-Дону, 1993.

6. История советского крестьянства. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 гг. / Отв. ред. М.А. Вылцан. М., 1987.

7. *Карамушка А.П., Стасенко Г.И.* Овцеводческая ферма колхоза имени Ворошилова. Ростов-на-Дону, 1957.

8. *Мамонов М.И.* Глубокие корни. Дела и люди одного донского колхоза. Ростов-на-Дону, 1969.

9. *Фоняков В.В., Гончаров М.А., Гонецкий В.Ф.* Край, где мы живем: историко-краеведческие очерки о зимовниковской земле и ее людях. Волго-донск, 1998.

10. *Черёмин А.А.* Награды СССР за труд. М., 2015.

11. *Шевченко С.А., Бочарова И.В.* Степная моя сторона. Зимовники, 2007.

Е.Л. Кохановский, В.А. Ветошкин ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ НА ВОСТОК

Одной из важнейших задач, которую пришлось решать военнополитическому руководству СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны, была эвакуация большого количества предприятий промышленности, а также непромышленного сектора экономики в восточные регионы страны. Начавшиеся боевые действия

привели к гигантским сдвигам не только в структуре экономики, но и в расположении производственных мощностей. Кроме этого, приходилось решать вопросы оперативного снабжения действующей армии всем необходимым имуществом.

К началу войны Европейская часть СССР сосредоточила на своей территории основное количество предприятий, которые занимались выпуском боеприпасов, вооружений и другого военного имущества. Такие города, как Москва, Ленинград, Брянск и Тула, были центрами не только производства, но и научных кадров страны. Однако, осознавая реальную угрозу такого размещения, руководство страны предпринимало немало усилий для ввода в эксплуатацию предприятий-дублеров в Сибири и на Урале.

Великая Отечественная война стала настоящим испытанием для системы государственного управления. В короткие сроки создавалась система оперативного и централизованного руководства всеми сферами жизнедеятельности страны, произошло резкое сокращение производства продукции для гражданских нужд. Восполнение расходной статьи бюджета страны осуществлялось за счет военных налогов и общенациональных движений в помощь фронту, но поступления от предприятий оставались основными источниками финансирования [5: 83].

Приказы Государственного комитета обороны (далее – ГКО) СССР стали основой нормативно-правовой базы, которая устанавливала последовательность процессов эвакуации. Рассматривая эвакуацию как вынужденную меру, авторы статьи сходятся во мнении, что процесс эвакуации необходимо анализировать системно, с выделением последующих мероприятий, связанных с переносом производственных сил и средств в тыловые районы страны. Такими комплексами мер явились:

- мобилизация – переход промышленности на выпуск продукции, резко отличающейся от номенклатуры мирного времени;
- массовый выпуск – создание средств вооруженной борьбы, обширное внедрение и производство перспективных образцов вооружения, усиление роли научных институтов.

Руководство страны весьма оперативно отреагировало на создавшиеся условия, и уже спустя два дня с момента нападения нацистской Германии на СССР с целью выполнения организаторских и координирующих функций был создан Совет по эвакуации.

Его первым председателем был назначен Л.М. Каганович, возглавлявший к тому времени Народный комиссариат путей сообщения, – именно его структуре предписывалась главная роль в деле руководства переносом производства в тыловые районы страны. Но в реальности объемы работ созданного органа управления оказались гораздо шире, нежели предполагалось, в связи с чем уже 3 июля 1941 г. новым руководителем был назначен Н.М. Шверник, при наркоматах и ведомствах были созданы бюро и комитеты по эвакуации.

Совет по делам эвакуации определял сроки и порядок переноса производственных мощностей, устанавливал сроки их ввода в эксплуатацию и в целом осуществлял практическое руководство эвакуацией. Главы наркоматов и директора предприятий несли личную ответственность за процессы, связанные с переносом производственных сил, при этом возмещение расходов осуществлялось за счет оборотных фондов перемещаемых производств и бюджетных средств.

Определенную помощь в организации эвакуации оказало предвоенное мобилизационное планирование, мероприятия которого предусматривали решения на перемещение в случае военных действий. К сожалению, приходится констатировать, что в предвоенные годы вопросам эвакуации населения из прифронтовых районов не уделялось достаточно внимания, и впоследствии эвакуационные мероприятия приходилось осуществлять методом проб и ошибок.

Сложность эвакуации была вызвана прежде всего высокой интенсивностью действий немецкой авиации, массированные удары которой по железнодорожным и автомобильным коммуникациям значительно сковывали мероприятия по перемещению производств на новые места дислокации. Усугубляло положение и то, что конкретных эвакуационных планов, предварительно разработанных и утвержденных, на случай неблагоприятного положения на фронтах у государственных органов не было [3: 11], поэтому проведение эвакуации приходилось осуществлять в сложнейших условиях.

Один из членов Совета по эвакуации Н.Ф. Дубровин после войны вспоминал: «Конечно, в первые месяцы... у нас было много ошибок и трудностей. Значительное число вагонов с эвакуируемым имуществом не имело адресов назначения, вагоны часто отправлялись

на чрезмерно большие расстояния, грузилось много малоценного имущества. Желание увезти всё... приводило к тому, что вагоны загружались домашней мебелью, канцелярскими шкафами и столами, личными вещами... в ущерб более важному и ценному оборудованию заводов и фабрик» [2: 211].

Кроме этого, высокая степень централизации принятия решений сковывала действия местных органов власти, которые без разрешения ГКО и Совета по эвакуации не могли приступить к вывозу станков и другого оборудования. Условия, созданные противником на начальном этапе войны, обуславливали такое быстрое изменение обстановки, что принятые решения значительно запаздывали и не соответствовали истинному положению дел. Примером может служить случай, когда решение на перемещение производств, расположенных в Донецком бассейне, было принято только 9 октября, но к этому времени уже велись бои в районе Донбасса. Руководство Мариупольского металлургического завода получило распоряжение на эвакуацию 5 октября, этот процесс был начат 6, а уже 8 октября город был оккупирован. Такие же обстоятельства помешали эвакуировать цеха Мариупольского и Макеевского заводов.

Коснулись проблемы эвакуации и авиационной отрасли. Масштабы перемещений были просто колоссальны: преодолеваемые расстояния достигали до 5 тыс. км, продолжительность перемещения могла достигать четырех месяцев. В результате эвакуации производств из Москвы и Московской области выпуск самолетов был значительно сокращен. В ноябре 1941 г. было собрано только 627 машин, что было в 3,6 раза меньше, чем в сентябре. А в декабре авиастроение произвело минимальное количество самолетов за всю войну – 600 единиц.

Однако массовое перемещение предприятий отрасли на Восток не смогли помешать массовому выпуску продукции. Даже потеряв 55 производств из 180 числившихся за отраслью до войны, советская авиационная промышленность смогла выпустить 15 735 самолетов во втором полугодии 1941 г., что превысило показатели 1940 г. на 46 % [4: 138].

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что эвакуация, начавшаяся на 12–15-й день войны, с обретением массового характера только на третий месяц, не могла не сыграть своей отрицательной роли. С другой стороны, необходимо отметить,

что, действуя в таких чрезвычайно сложных условиях, руководство страны смогло обеспечить эвакуацию в тыловые районы СССР 1500 крупных производственных объединений, из которых 1350 были оборонными.

Н.А. Вознесенский, возглавлявший Госплан СССР, писал: «В течение каких-либо трех месяцев 1941 года было эвакуировано в восточные районы СССР более 1360 крупных, главным образом военных, предприятий, в том числе эвакуировано на Урал 455 предприятий, в Западную Сибирь – 210 предприятий, в Среднюю Азию и Казахстан – 250 предприятий» [1: 41].

Анализируя управленческие факторы, которые способствовали такому крупному структурному сдвигу производства в географическом плане и обеспечили необходимые результаты, можно выделить следующие:

- концентрация усилий на главных направлениях, а при необходимости их оперативное перераспределение;
- персональная ответственность должностных лиц за проводимые эвакуационные мероприятия;
- возможность автономности действий в низовых структурах.

Успешная эвакуация предприятий помогла значительно снизить отрицательный эффект первого периода войны. Большие потери в технике и другом военном имуществе были компенсированы, и в целом было обеспечено военно-техническое превосходство страны.

Источники и литература

1. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.

2. *Дубровин Н.Ф.* Эшелон за эшелоном // Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: сборник статей и воспоминаний / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1966. С. 208–219.

3. *Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Н.И.* Партийное руководство эвакуацией в период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. Л., 1985.

4. Российский государственный архив экономики. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 641.

5. *Советская военная мощь: от Сталина до Горбачева* / Отв. ред. А.В. Минаев. М., 1999.

О.А. Гоманенко

ЖЕНСКИЙ ТРУД НА РЕЧНОМ ФЛОТЕ СРЕДНЕЙ И НИЖНЕЙ ВОЛГИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На речном транспорте СССР нехватка квалифицированных кадров и массовых рабочих являлась постоянной проблемой. Пополнение трудовыми ресурсами производилось из разных источников, в том числе за счет женщин. Накануне Великой Отечественной войны женский труд стал применяться активнее. Женщины работали на различных объектах пароходств как на судах, так и на берегу. Приказ Наркомата речного флота (далее – НКРФ) № 250 от 22 июня 1940 г. «О применении труда женщин в системе хозяйства речного флота» регламентировал их работу в этой сфере. По постановлению секретариата Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов № 443 от 13 июня 1940 г. женщины могли трудиться на всех работах за исключением: кочегаров судов на твердом топливе, матросов грузопассажирских судов, штурвальных судов с ручными штурвалами [4: 93].

С началом военных действий привлечение женщин на производство стало носить массовый характер. За первые пять месяцев Великой Отечественной войны на объекты Средневожского бассейна поступило около 300 женщин, в том числе жен речников. Так, на Куйбышевском техническом участке пути 22 женщины заменили своих мужей, ушедших в армию. Успешно выполняла и перевыполняла нормы бригада грузчиц пристани Саратов [8: 75].

Многие женщины овладевали мужскими специальностями на промпредприятиях (судоремонтных и судостроительных заводах) и других объектах хозяйств пароходств. В первые военные месяцы непосредственно из Управления Средневожского речного пароходства (далее – СВРП) на курсах медсестер обучалось 10 человек, в санитарном кружке – 30 человек. Не охвачены учебой оставались больные сотрудники, младший обслуживающий персонал (далее – МОП) (сторожи, дворники и др.) и женщины с грудными детьми. Из работников Управления СВРП был организован один кружок – женская санитарная дружина, куда вошли все женщины, кроме МОП. Занятия в этом кружке проходили три раза в неделю по два часа до 1 октября 1941 г. [7: 1–2, 113–114].

Нехватка кадров негативно отражалась на работе волжских пароходств. Новые работники, прибывавшие по трудовой мобилизации, зачастую имели проблемы со здоровьем и не в полной мере подходили для труда в речном хозяйстве. Кроме того, поступавшие кадры нуждались в обучении даже простейшим азам портово-пристанской работы. Происходило это в основном путем прикрепления к опытным работникам. Грузчиками работали и лица с ограниченными физическими данными, а также женщины. Например, на пристани Куйбышев в 1942 г. было организовано семь стахановских школ по обучению 19 женщин профессии моториста. Некоторые женщины осваивали и по три специальности. На крупных Средневолжских пристанях (Куйбышев, Саратов, Ульяновск, Сызрань, Вольск) в среднем грузчиками трудилось около 300 женщин, а механизаторами в разные месяцы навигации от 35 до 66 женщин [5: 25].

В военный период одна из главных трудностей заключалась в комплектовании промышленности и транспорта кадрами. На 1942 г. отсрочка от призыва в армию предоставлялась всему плавающему составу речного флота, квалифицированным работникам портов, пристаней, участков пути, заводов, управлений пароходств и пути. Решали проблему нехватки кадров в том числе привлечением членов семей работников водного транспорта. Существовала практика перевода на речной флот рабочих с промышленных предприятий. Кроме этого, к труду привлекали военнотружеников, молодежь, граждан пенсионного возраста. В навигационное время на судах проходили производственную практику учащиеся школ ФЗО, ремесленных училищ, студенты первых курсов речных техникумов. Экипажи судов зачастую трудились на двухсменной вахте, а в период Сталинградского сражения – на односменной (преимущественно на Нижней Волге). Кроме того, команду судна нередко составляли члены одной семьи (матери с детьми и др.). Но при гибели судна такая семья, как правило, погибала полностью. Что касается пристанских работников, то их пополнение шло и по трудовой мобилизации, и путем свободного найма.

На работников НКРФ распространялось действие указа от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Но предоставлялась отсрочка исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта в соответствии с указом

от 27 февраля 1942 г. Однако это не касалось преступлений, предусмотренных указом от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». НКРФ СССР 26 октября 1942 г. разослал по пароходствам закрытое письмо «Об укреплении дисциплины на речном транспорте». Работники речного флота приравнялись к военнообязанным, и за ними закреплялись те суда, на которых они работали.

Кадров не хватало на всех крупных волжских пристанях, особенно на Сталинградской Нижневолжского речного пароходства (далее – НВРП). Так, в навигацию 1942 г. на Сталинградскую пристань требовалось более 1700 человек – на 35 % больше работников, чем на Саратовскую [9: 126; 14: 11 об.–12]. К навигации 1942 г. Саратовская пристань СВРП не была обеспечена достаточным количеством работников, в частности грузчиков. Плавсостав пристани Саратов был укомплектован почти наполовину [15: 58], береговой состав – на 37 % [13: 3]. Если к началу 1942 г. Саратовская пристань была обеспечена грузчиками менее чем на треть [12: 31], то в течение навигации наличие грузчиков увеличилось до 45 %, треть которых составляли женщины [15: 58]. Если до Великой Отечественной войны в системе речного транспорта СССР работало около 25 тыс. женщин, то в 1942 г. их количество возросло в 2,5 раза. К открытию навигации 1942 г. в Поволжье на предприятиях речного флота насчитывалось свыше 5 тыс. женщин [3: 53]. На тот момент по СВРП в основном не хватало матросов пассажирского флота. В командном составе ощущался дефицит помощников капитанов буксирного флота.

В период навигации отдел кадров и военный отдел Средневолжского пароходства разбронировали часть плавающего состава. В итоге на 1 сентября 1942 г. недостаток в кадрах для транзитного флота составлял 547 человек [5: 31, 73]. Если на 1 мая и 1 июня пристани СВРП были обеспечены грузчиками на 40 и 50 %, то к 1 июля потребность в грузчиках была перекрыта вдвое. Это произошло в результате мобилизации населения и выделения военнообязанных районными военкоматами. Однако производительность труда прибывших была очень низкой. Около 20 % из-за непригодности были отправлены обратно, столько же использовались на других работах. Из более 1300 поступивших новых рабочих менее 10 % приходилось на долю женщин [5: 31 об.].

По транзитному флоту Средневожского речного пароходства женский труд составлял 42 %. Такие специальности, как коки, проводники, были исключительно женскими. После снятия с судов семей команд более трети женщин ушло с флота, в итоге доля женского труда снизилась до 33 %. В навигацию 1942 г. именно за счет женщин (551 человек) пополнялись кадры массовых профессий в СВРП. Кроме того, поступило 284 студента техникума и 340 учащих речных училищ [5: 32].

На начало 1942 г. на флоте и береговых объектах Нижневожского пароходства насчитывалось около 2 тыс. женщин (пятая часть всего среднегодового штата пароходства), что в полтора раза превышало довоенный показатель [10: 24 об.]. К открытию навигации 1942 г. численность женщин на предприятиях Нижней Волги увеличилась на 40 % [11: 10–11]. При этом количество женщин, трудившихся на судах, возросло в 2,5 раза по сравнению с началом года. Существенно возросла численность женщин на командных должностях. В 1943 г. женщины составляли уже треть общего количества работников НВРП [1: 11 об.; 2: 4 об.].

Достаточно широко применялся женский труд на погрузочных работах. Так, на пристанях Средней Волги в 1943 г. произошло увеличение женских бригад по сравнению с 1942 г. При этом на некоторых пристанях нормы выработки были одинаковы и для мужчин, и для женщин. Однако еще в 1942 г. приказом НКРФ женский труд регламентировался и нормы по отдельным грузам были до 20 % ниже, чем у мужчин [6: 33 об.].

Таким образом, с началом Великой Отечественной войны существенно возрос женский состав работников предприятий волжских речных пароходств. На берегу и флоте трудились целыми семьями. Несмотря на то что женщины овладевали мужскими профессиями, физически справиться с работой было крайне тяжело. Кроме того, всецело привлечь женщин на водный транспорт не получалось. В первую очередь это касалось матерей с маленькими детьми, так как детских учреждений на предприятиях пароходств не хватало.

Источники и литература

1. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 14.
2. ГАВО. Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 33.

3. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1979.
4. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 9469. Оп. 1. Д. 201.
5. РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 6. Д. 25.
6. РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 6. Д. 46.
7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 907. Оп. 1. Д. 56.
8. СОГАСПИ. Ф. 907. Оп. 1. Д. 756.
9. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 2. Д. 37.
10. ЦДНИВО. Ф. 11418. Оп. 1. Д. 6.
11. ЦДНИВО. Ф. 11418. Оп. 1. Д. 16.
12. Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее – ЦДНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 3014.
13. ЦДНИСО. Ф. 4815. Оп. 1. Д. 10.
14. ЦДНИСО. Ф. 4815. Оп. 1. Д. 14.
15. ЦДНИСО. Ф. 4815. Оп. 1. Д. 22.

Е.Е. Красноженова, А.П. Грибачева

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЛЕНИНГРАДА К УСЛОВИЯМ БЛОКАДЫ (1941–1944 гг.)¹

Труд в условиях блокады Ленинграда 1941–1944 гг. представляет собой уникальный исторический и социально-антропологический феномен, где производственная деятельность превратилась в форму коллективного выживания, а также акт сопротивления, сопряженный с ежедневным преодолением предела человеческих возможностей. Анализ трудовой деятельности на предприятиях блокадного Ленинграда требует рассмотрения триединой системы взаимосвязей: «человек – технология – среда», где каждый элемент находился в состоянии острого кризиса, а их взаимодействие порождало беспрецедентные практики адаптации. В этой системе рабочий переставал быть лишь функциональным элементом производственной цепочки, становясь центральным звеном, чье физическое

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00518, <https://rscf.ru/project/25-28-00518/>.

и моральное состояние прямо детерминировало саму возможность существования промышленного процесса в осажденном городе.

Важным технологическим нововведением, напрямую связанным с кадровым кризисом, стало создание системы упрощенных чертежей и технологических карт. Для вчерашних домохозяек и подростков, не умевших читать сложные инженерные схемы, разрабатывались наглядные инструкции-плакаты с пошаговыми изображениями операций. Это позволяло в кратчайшие сроки вводить в строй абсолютно неподготовленных людей, превращая их из случайных посетителей цеха в исполнителей конкретных задач.

Историография по данной проблеме достаточно обширна. Работу промышленности блокадного Ленинграда исследовали советские и многие современные авторы: А.Р. Дзенискевич [1], Г.Л. Соболев [4], А.В. Зотова [2], С.В. Кулик [3]. Однако данная тема не стала предметом глубокого системного анализа.

Ключевое значение для современного понимания этого процесса имеют архивные материалы, значительная часть которых десятилетия имела гриф «секретно» и лишь в последние годы введена в научный оборот, что открывает новые горизонты для исследований. Эти документы – отчеты, справки, протоколы заводских комитетов, личные дела – позволяют сместить фокус с сухой статистики выпуска вооружений на живую, трагическую и героическую реальность повседневного труда. Они фиксируют не только производственные показатели, но и состояние станков, отсутствие материалов, динамику заболеваний и смертности среди рабочих, их рационализаторские предложения, а также повседневные решения администрации, направленные на поддержание производства любой ценой.

Тотальный кадровый и физиологический кризис на промышленных предприятиях блокадного Ленинграда стал катализатором беспрецедентной по масштабам вынужденной рационализации и технологического упрощения всего производственного цикла. Конструкторская и технологическая работа оказалась перед необходимостью решения уникальной задачи: не усовершенствования или модернизации, а грубой, вынужденной адаптации довоенных технологий под физические и квалификационные возможности крайне истощенного работника. Этот процесс глубоко и детально отражен в технической документации и отчетах ведущих предприятий, в частности завода «Большевик» [5: 4].

Технологическая адаптация производственных процессов развивалась по нескольким ключевым, взаимосвязанным направлениям, каждое из которых было напрямую связано не с увеличением прибыли или производительности в классическом понимании, а с сохранением драгоценных человеческих сил и самой жизни работника [7: 12].

На заводах, таких как «Большевик», технические отделы целенаправленно разрабатывали методику разбивки сложных операций на простейшие, элементарные действия. Стратегическая задача состояла в том, чтобы максимально «оснастить» рабочее место, сделав его автономным, стандартизированным и требующим от работника минимальных решений и физических затрат. Широко внедрялись многоместные приспособления, специальные кондукторы, шаблоны, протяжки и калибры, которые брали на себя функцию точной настройки. Например, применение набора стандартных фрез на различных операциях позволило сократить время обработки детали вдвое, что было критически важно для ослабленного работника, для которого каждая лишняя минута напряжения у станка была пыткой [5: 4]. Это была технология, где главным критерием эффективности становилась не скорость или норма выработки, а минимальная затрата человеческой энергии при гарантированном, бездефектном результате.

Параллельно происходило снижение потребности в высокой квалификации за счет механизации и кардинального упрощения технологических процессов. Ярким примером этого является замена высококвалифицированной, почти ювелирной ручной операции шабровки (пригонки) детали на механическую доводку с помощью шлифовального станка в цехе № 48 завода «Большевик» [5: 5]. Это не только повышало общую производительность, но и кардинально меняло требования к работнику. На смену опыту слесаря высшего разряда приходила способность выполнить простую механическую операцию под руководством мастера. Процесс становился доступным для подростка или женщины, не обладавших многолетним опытом. Аналогично, разработка и применение специальной клиновой головки для обработки корпусов мин МТВ-280 не только улучшали качество изделия, но и стандартизировали, упрощали действия рабочего, сводя риск брака, неизбежного при работе дрожжами от слабости руками, к минимуму [5: 5].

Ключевой стратегией преодоления абсолютной нехватки ресурсов на производстве в блокадном Ленинграде стали вынужденные ресурсосберегающие технологии. Так, в довоенных условиях литейные формы сушили в специальных печах (сушилах) для придания им необходимой прочности и газопроницаемости. Этот процесс занимал 2–3 дня, требовал огромного расхода дров или мазута и большого парка металлических опок (рам для форм), так как их оборот был крайне медленным. В условиях блокады, при тотальном дефиците топлива и транспортном коллапсе, такая технология стала непозволительной роскошью. Инженеры и рабочие завода, рискуя получить брак, экспериментально опробовали и внедрили заливку металла в сырые формы. Эта инновация, нарушающая все довоенные инструкции и каноны, решала сразу несколько критических проблем: полностью исключала расход драгоценного топлива на сушку, в 3–4 раза увеличивала пропускную способность литейного цеха (оборот опок ускорялся с одного раза в 2–3 дня до двух раз в сутки) и резко сокращала объем тяжелых, энергозатратных физических работ по перемещению раскаленных, многотонных форм с помощью кранов [5: 4]. Исследуемая технология представляет собой результат жесткой оптимизации производственных процессов в условиях дефицита энергоресурсов. Ее алгоритмы (или технические решения) формировались эмпирически, в промерзших цехах, где критерием эффективности выступала минимизация энергопотерь и сокращение излишних технологических операций, что напрямую влияло на выживание персонала и сохранение работоспособности оборудования. Это были стратегии выживания всего производственного организма, освобождавшие транспортные ресурсы и человеческие силы для решения первоочередных задач.

В условиях хронических перебоев с электроэнергией повсеместно внедрялись кустарная модернизация станков и создание энергонезависимых линий. На многих заводах были реализованы проекты по переводу части станочного парка на мускульный привод. Токарные и сверлильные станки соединялись с большими маховиками, которые раскручивались вручную бригадой рабочих. Это позволяло продолжать обработку деталей даже в полном отсутствии напряжения в сети. Кроме того, широкое распространение получило создание локальных, энергонезависимых производственных линий. Например, для производства деталей к минам организовывался

конвейер, где операции выполнялись вручную, а передача заготовок осуществлялась по простым наклонным желобам или тележкам на деревянных рельсах, что исключало необходимость в электрических подъемниках и конвейерах [6: 3].

Организация труда и пространства в блокадном цеху также подчинялась новой, жестокой логике минимизации усилий и максимизации выживаемости. Рабочий день, формально установленный в размере 11,5 ч еще в начале войны, на практике зависел от внешних условий. В неотапливаемых цехах, где температура зимой 1941/1942 г. зачастую не отличалась от уличной, люди могли работать урывками по 20–30 минут, после чего вынуждены были отогреваться у временных печек – «буржук», топившихся отходами производства или разобранными деревянными конструкциями. Сама трудовая смена часто включала в себя не только прямые производственные обязанности, но и тяжелые общезаводские работы: расчистку завалов после артобстрелов и бомбежек, ремонт разрушенной кровли цеха, заготовку и распил дров для отопления того же цеха или подсобных помещений. Происходило характерное стирание граней между профессиями и цехами: токарь в свободную минуту мог выполнять обязанности истопника, инженер-технолог – участвовать в расчистке снега, а бригада слесарей – ремонтировать единственный заводской генератор. В этой ситуации ценность высококвалифицированного специалиста – мастера-наладчика, опытного энергетика, инженера-металлурга – возрастала. Его умение отремонтировать вышедший из строя станок без запчастей, используя лишь подручный материал, организовать аварийную подачу электроэнергии по временной схеме или отлить жизненно важную деталь в кустарно изготовленной форме спасало не просто кварталный план, а жизнь всего коллектива, давая ему хоть какую-то возможность продолжать работу. На предприятиях в первую очередь сокращался штат вспомогательных рабочих, разрабатывались меры по упорядочению расценок, организации экономии топлива и энергии [8: 15].

Помимо физической организации, критическую роль играли социально-технологические нововведения. Для борьбы с апатией и поддержания духа внедрялась система оперативного освещения производственных успехов. Доски «Лучший цех» и «Герой трудовой вахты», на которых отмечались даже небольшие достижения

истощенных людей, становились мощным психологическим инструментом. Бригадный метод работы, когда результат и паек зависели от общих усилий, создавал среду взаимной поддержки и контроля, где более сильные члены коллектива были напрямую заинтересованы в том, чтобы помочь слабым выполнить норму.

Анализ производственной деятельности на предприятиях блокадного Ленинграда позволяет рассматривать ее не только как часть военно-промышленного комплекса, но и как уникальный социально-антропологический и технологический феномен. В условиях тотального дефицита ресурсов, физического истощения работников и разрушения инфраструктуры промышленность осажденного города продемонстрировала способность к радикальной адаптации, выходящей за рамки классических представлений об эффективности труда.

Как свидетельствуют архивные материалы, ключевым вектором выживания производства стала не интенсификация труда в довоенном понимании, а его технологическая реорганизация, направленная на минимизацию энергозатрат человека. Упрощение технологических карт, замена сложных ручных операций механизированной обработкой, внедрение многоместных приспособлений и шаблонов – все эти меры были подчинены единой логике: сохранению физических сил работника при обеспечении гарантированного результата. Произошло своеобразное «очеловечивание» технологии, где критерием эффективности становилась не столько скорость, сколько доступность операции для обессиленного или малоквалифицированного исполнителя.

Источники и литература

1. Дзенискевич А.Р. Заводы на линии фронта. Рабочие Ленинграда фронту. М., 1978.
2. Зотова А.В. Местная промышленность Ленинграда в период Великой Отечественной войны // Управленческое консультирование. 2014. № 1 (61). С. 109–116.
3. Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Формы и методы повышения производительности труда на оборонных предприятиях блокадного Ленинграда // Современная научная мысль. 2021. № 4. С. 106–111.
4. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. СПб., 2015.
5. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. Р-5. Оп. 3. Д. 485.

6. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 6157.
7. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 6169.
8. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 6171.

И.А. Лысенко

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТАЛИНГРАДА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СТАЛГРЭС

К началу Великой Отечественной войны энергосистема Сталинграда представляла собой сеть, центром которой являлась Сталинградская государственная районная электростанция (далее – СталГРЭС), включавшая также электросетевое хозяйство, энергосбыт и электростанции заводов.

Возведение СталГРЭС началось по плану Государственной комиссии по электрификации России (далее – ГОЭЛРО) в 1929 г. И.М. Ачиков, участник строительных работ, вспоминал: «Срок окончания постройки первой очереди ГРЭС правительственными органами был определен в августе 1931 г. Затем он был перенесен на первое полугодие 1931 г. В это время ускоренно строился первенец советского тракторостроения – Сталинградский тракторный завод, который должен был стать основным потребителем электроэнергии» [6: 1].

Первая очередь электростанции плановой мощностью 24 МВт была введена в строй 7 ноября 1930 г., через 15 месяцев после начала строительства [7]. В 1931 г. сформировано Объединенное управление электросетями и электростанциями. В 1932 г. оно преобразовано в Сталинградский энергетический комбинат (далее – СЭК), который являлся горизонтально интегрированной структурой с функциями генерации, передачи и сбыта электроэнергии.

В военный период руководство СталГРЭС осуществлял А.Н. Землянский, который был одновременно и управляющим СЭК. Главным инженером СталГРЭС и заместителем управляющего СЭК был назначен К.В. Зубанов. Электростанции заводов находились в непосредственном подчинении главных инженеров предприятий. Например, на заводе «Баррикады» два цеха снабжали производственные здания и жилые дома одноименного района: цех № 23 (электрический) обеспечивал прием электроэнергии от СталГРЭС, а в экстренных случаях – от заводской Центральной электрической станции (ЦЭС), а цех № 24 (паросиловой) имел в своем составе

ЦЭС, две котельные, мазутное хозяйство, компрессорную станцию, лабораторию химводоочистки [1: 224–225]. Примерно таким же образом была организована работа небольших электростанций на других заводах города.

В период Великой Отечественной войны значение СталГРЭС для промышленных предприятий и системы жизнеобеспечения населения было чрезвычайно велико. Вопрос работы электростанции являлся одним из важнейших из числа рассматриваемых на заседаниях Сталинградского городского комитета обороны (далее – СГКО), пленумах областного комитета ВКП(б) и сессиях областного совета народных депутатов.

В условиях приближения фронта к Сталинграду и непосредственно в период осады города основной задачей СталГРЭС было обеспечить бесперебойную подачу электроэнергии и пара промышленным предприятиям, работавшим на удовлетворение потребностей армии. По мере усложнения военной обстановки в документах руководящих органов всё большее внимание уделялось работе станции. Так, 5 февраля 1942 г. на заседании VIII пленума Сталинградского обкома ВКП(б) говорилось: «Вопрос работы СталГРЭСа на сегодняшний день является основным вопросом, и от разрешения этого вопроса будет зависеть успех работы всей нашей промышленности» [9: 468].

22 июня 1942 г. на IX пленуме обкома отмечалось: «Работа станции имеет большое значение в деле выполнения взятых обязательств всей промышленностью г. Сталинграда. Поэтому особое внимание партийной организации должно быть уделено работе СталГРЭСа» [10: 189].

На X пленуме, проходившем уже в период Сталинградской битвы 3 октября 1942 г., говорилось: «СталГРЭС – это сердце нашего Сталинграда, сердце нашей промышленности. Он снабжает водопровод, армию электроэнергией, завод 264, который производит сейчас ремонт машин для армии, и главным образом, боевых машин – танков, он снабжает хлебозавод, снабжает бани, это в такой тяжелой обстановке» [11: 26].

Для организации надежной работы станции необходимо было обеспечить ее охрану и маскировку, наладить регулярную поставку топлива. Охраной СталГРЭС и высоковольтной линии занимались сотрудники НКВД на основании решения СГКО [8: 278].

Военная обстановка и приближающаяся линия фронта потребовали принять решение об осуществлении маскировки станции. СГКО в апреле 1942 г. давал задания проводить камуфлирование зданий СталГРЭС, изменение конфигурации строений [12: 123 об.]. При организации маскировки электростанции были свои особенности, которые не позволяли обойтись декоративными и имитирующими покрасками и сооружением ложных объектов. На крыше главного корпуса СталГРЭС располагались восемь дымовых труб, образывавших дымовое облако. Оно, расстилаясь по ветру на расстоянии до 10–12 км, создавало ориентир, который был виден в ясную погоду на 150 км. Поэтому предлагался ряд мероприятий по уменьшению этого демаскирующего фактора. Единственной возможностью замаскировать дым была установка подвижных и стационарных источников дымообразования [13: 13–31]. В августе 1942 г. были проведены мероприятия по возведению двух линий обороны в районе СталГРЭС для прикрытия от танковых атак с юга. При этом использовались металлические ежи, колеса железнодорожных скатов и др. [8: 443].

Положение СталГРЭС и электросетей в период Сталинградской битвы было тяжелым. В начале августа 1942 г., когда ударная группировка немецких войск стала наступать с юга на город, коллективу СталГРЭС пришлось работать в условиях постоянных воздушных тревог. Трудились почти без отдыха, ночевали на станции, покидать рабочее место не могли. Во время воздушных атак сотрудники укрывались в бронекабинах. В конце августа в результате вражеских атак были повреждены линия передач от СталГРЭС до северной части города и сама станция, после этого снабжение электроэнергией города прекратилось, но вскоре сеть была восстановлена, что дало возможность запустить водопровод и мельницу.

В конце августа 1942 г. было принято решение об эвакуации установок станции и большей части персонала. На СталГРЭС осталось лишь 200 работников, которые обеспечивали подачу электроэнергии в город. Большие трудности возникли после прекращения поставки донецкого угля – основного топлива для СталГРЭС. Возникла необходимость перевести электростанцию на жидкое топливо, поступавшее из Баку водным путем. В течение нескольких дней были построены трубопровод и хранилища, а также переоборудованы для сжигания мазута все котлы.

В сентябре положение стало более тяжелым. Прекратили свое существование заводские электростанции. Линии электропередачи от СталГРЭС к заводам на значительном протяжении были разрушены. Тушить пожары было нечем. Насосные станции остались без источников электропитания. Восстановление электрических сетей шло непрерывно, несмотря на массированные налеты вражеской авиации. Коллектив СталГРЭС продолжил снабжать электроэнергией южную часть города – промышленность, жилые дома, госпитали и др.

«Район находится под минометным и артиллерийским обстрелом. Вчера было три прямых попадания в СталГРЭС. Разбиты паропровод, циркуляционный водовод и нанесены другие повреждения. К вечеру всё исправили и снова пустили станцию. Если бы станцию остановили, то Бекетовский поселок давно бы сгорел, так как отсутствие электроэнергии остановило насосы для подачи воды при тушении пожаров», – отмечается в докладной записке уполномоченного ГКО по Кировскому району П.В. Ильина, датированной 18 сентября 1942 г. [14: 225].

В октябре обстрелы из вражеских орудий, которые находились в 2–5 км от электростанции, и ограниченные запасы топлива заставили принять решение работать только ночью. Когда немецкие танки оказывались вблизи станции, специальные подразделения минировали энергоагрегаты.

В начале ноября 1942 г. СталГРЭС подверглась бомбардировке больших групп вражеской авиации – до 40 самолетов одновременно. Было сброшено свыше 200 авиабомб. Немцы поставили на возвышенности артиллерийские батареи и непрерывно вели огонь по электростанции. В результате почти все агрегаты были выведены из строя. Председатель СГКО А.С. Чужанов отдал приказ о консервации ГРЭС.

Следует отметить, что в период Сталинградской битвы во вспомогательных цехах СталГРЭС производились работы по оказанию помощи фронту. Механический ремонтировал артиллерийские орудия, походные кухни. Работники гаража устраняли неисправности автомашин для войсковых частей. В электроцехе реставрировали аккумуляторы для артиллерии, зенитных батарей, изготавливали электроды для походных зарядных станций, оптических приборов.

По мере улучшения обстановки на фронте во второй половине декабря 1942 г. энергетики начали готовиться к запуску СталГРЭС. Прежде всего, необходимо было дать электроэнергию для восстановления станции. Решили соорудить так называемую микроГРЭС с приводом от судового одноцилиндрового нефтяного двигателя внутреннего сгорания мощностью 147 кВт. В начале января она заработала, что позволило обеспечить светом помещения станции, запустить токарные и фрезерные станки в механическом цехе и приступить к ремонтным работам. Из-за малой мощности микроГРЭС не все механизмы могли работать одновременно, поэтому восстановительные работы велись в две-три смены.

Перед СЭК в 1943 г. были поставлены следующие основные задачи: осуществить пуск первых агрегатов; восстановить подачу электричества «в темпах, обеспечивающих полную потребность восстанавливаемой промышленности и всего города Сталинграда в целом» [2: 2]; набрать и обучить персонал для организации восстановительных работ и эксплуатации станции; восстановить жилищный фонд СталГРЭС.

16 марта 1943 г. был введен в эксплуатацию котел № 2 паропроизводительностью 62,5 т/ч и турбогенератор № 5 мощностью 3 МВт [6]. Постепенно строились помещения, пригодные для проживания сотрудников.

В отчетах о работе за 1943 г. говорится, что СталГРЭС смогла справиться с задачами и снабдить электроэнергией восстанавливаемые предприятия. Были в работе и свои сложности: высокая аварийность, пережог топлива, его низкое качество и неравномерная подача с шахт, отсутствие запчастей и многих материалов для приборов, нехватка обученного ремонтного и эксплуатационного персонала. Тем не менее в 1943 г. коллектив трудился над возобновлением подачи электричества энергосистемой Сталинграда – заработали котлы и турбогенераторы общей мощностью 51 МВт, силовая подстанция СталГРЭС, трансформаторные группы общей мощностью 61,5 МВт.

В 1944 г. восстановительные работы и капитальное строительство велось по промышленным объектам СталГРЭС (главное здание, котлоагрегаты, турбогенераторы, котельно-сварочная мастерская), а также высоковольтных сетей (электрооборудование открытой повысительной подстанции и распределительных устройств и др.). Внимание было уделено жилищному строительству, а также

подсобному хозяйству отдела рабочего снабжения [3: 7]. К концу 1944 г. были восстановлены пять котлов. Мощность электростанции достигла 70 МВт [7]. Сдано в эксплуатацию 1501 м² жилплощади СЭК, в том числе: для работников СталГРЭС – 740 м², электросетей – 320 м², в лагере военнопленных – 437 м² [3: 7]. Имелось два детских сада вместимостью 210 человек [4: 10 об.].

В 1943–1945 гг. восстановление хозяйства СЭК проводились хозяйственным и подрядным способами. В строительных и монтажных работах принимали участие подрядные организации государственного треста по организации и рационализации районных электрических станций и сетей ОРГРЭС, Кавказэнергострой, Кавказэнергомонтаж и др. [5: 2]. Работы велись в основном по промышленным объектам СталГРЭС и электросетей. Установленная электрическая мощность станции составила к концу 1945 г. 100 МВт [4: 5 об.]. Выработка электроэнергии увеличилась по сравнению с 1944 г. на 58,7 % [4: 1]. Что касается жилищного фонда, то отсутствие стройматериалов, проблемы с логистикой и кадрами не позволили выполнить план 1945 г. (выполнен на 35,3 %) [5: 14]. Постепенно развивалось строительство в подсобном хозяйстве комбината (действовали свинарник на 100 и коровник на 30 голов, зернохранилище на 100 т) [5: 17].

Можно утверждать, что работы по восстановлению энергосистемы Сталинграда в 1943–1945 гг. проводились по утвержденным планам довольно успешно, хотя были и свои сложности, связанные с нехваткой топлива, оборудования, приборов. В период Великой Отечественной войны СЭК работал эффективно, показывая высокую степень адаптивности.

Значение СталГРЭС в условиях Великой Отечественной войны для города было велико. Станция выполняла свою задачу – обеспечивала бесперебойную подачу электроэнергии и пара промышленным предприятиям, работавшим на удовлетворение потребностей фронта и объектов городской инфраструктуры, тем самым приближая Победу.

Источники и литература

1. Баррикадный район Сталинграда. Завод «Баррикады» 1941–1945 гг.: энциклопедия. Волгоград, 2020.

2. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО) Ф. 642. Оп. 3. Д. 6.

3. ГАВО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 10.
4. ГАВО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 13.
5. ГАВО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 14.
6. ГАВО. Ф. 6610. Оп. 1. Д. 17.

7. Землянский А.Н. Сталинградская ГРЭС в дни битвы на Волге. URL: https://www.ruscable.ru/article/any/Zemlyanskiy_Stalingradskaya_GRES_v_dni_bitvy_na_Volge (дата обращения: 12.02.2026).

8. Сталинградский городской Комитет Оборона в годы Великой Отечественной войны. Волгоград, 2007.

9. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 12. Д. 1.

10. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 59.

11. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 59а.

12. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 1.

13. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 14.

14. Чуянов А.С. Сталинградский дневник (1941–1943). Волгоград, 1979.

А.Н. Дмитриева

ВКЛАД В ПОБЕДУ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЛЕНИНГРАДА

20 ноября 1945 г. начался один из самых известных судебных процессов в мировой истории новейшего времени – Нюрнбергский процесс. Слушания о блокаде Ленинграде проходили лишь в феврале 1946 г. Заслушивание материалов дела заняло три дня, в течение которых были обнародованы сведения о разрушениях в Ленинграде, а также свидетельские показания. Однако несовершенство судебной системы не позволило осудить немецкое руководство по обвинению в намеренном уничтожении города и его жителей. Ведение военных действий было направлено на то, чтобы отрезать все пути к обеспечению города, разрушить его промышленность и инфраструктуру, а также лишить жителей выходов к отступлению. Задачей фашистских захватчиков было доведение горожан до смерти от физического и морального истощения. Вопреки расчетам врага ленинградцы смогли не только выжить в нечеловеческих условиях, но еще и обеспечивать функционирование инфраструктуры города, а также снабжение фронта. Достаточное количество работ посвящено трудовому подвигу ленинградцев [2–5], в частности выполнению

заданий по линии военной промышленности [5; 14]. Однако недостаточное внимание уделяется работе пищевой промышленности города, благодаря которой удалось предотвратить голодную смерть части населения.

Цель данного исследования – выявить роль пищевой промышленности в сохранении обороноспособности Ленинграда. Задачами исследования стали: оценка вклада пищевой промышленности в обеспечение снабжения населения в условиях блокады; определение ее роли в организации оборонных мероприятий города; анализ взаимодействия ученых и предприятий пищевой промышленности.

Данное исследование базируется на ряде принципов исторического исследования (историзма, объективизма, системности и принципе социального подхода). В работе применяются следующие методы: хронологический метод, который позволил выстроить систему формирования технологий получения пищевых заменителей и внедрения их в промышленное производство, метод исторической реконструкции, системно-структурный и историко-генетический методы.

В ходе работы были использованы документы из Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга. В частности, были проанализированы архивные документы, содержащие служебные записки, отчеты, телеграммы и переписку глав предприятий и партийных работников, а также отчеты о научно-исследовательских разработках.

Блокада Ленинграда – это, бесспорно, великая трагедия в истории XX в. Вместе с этим она стала символом мужества и воли к жизни. С каждым годом становятся известны всё новые подробности этого тяжелейшего этапа жизни ленинградцев. В данной работе упор сделан на подвиг работников пищевых предприятий, а также ученых, предлагавших неординарные решения продовольственного вопроса. Без них не удалось бы сохранить многие жизни. Однако их подвиг теряется в тени трудовых подвигов работников оборонных предприятий, что в рамках исторического дискурса не совсем справедливо.

И.В. Быстрова отмечает, что основной тенденцией в военные годы была перестройка промышленности для выпуска оборонной

продукции. Также она упоминает, что объем продукции промышленности в целом в 1944 г. был ниже довоенного, но производство военной продукции возросло в 2,25 раза [1]. А.М. Рябков описывает факторы, влиявшие на развитие отраслей промышленности и на работу предприятий [7]. Среди них можно выделить отсутствие стабильных поставок сырья. Немецкое командование рассчитывало на то, что без снабжения продуктами питания, материалами, топливом город скоро падет. Бесконечные воздушные бомбардировки нанесли огромный урон промышленным предприятиям, начались перебои с электроэнергией, водоснабжением, что, безусловно, сказалось на работе предприятий. Тяжелую ситуацию усугубляли сложные погодные условия. Сильные морозы парализовали и без того ослабленный город. Благодаря героизму жителей работа не останавливалась, инженеры и рабочие находили новые решения и оптимизировали производственные процессы.

Организация снабжения и работы предприятий, обеспечивающих питание населения, описана Е.Е. Красноженовой [4]. Автор анализирует документы о мерах, принимавшихся для обеспечения населения продовольствием, исследует эго-документы, позволяющие посмотреть на жизнь блокадного Ленинграда со стороны обычных жителей. Н.А. Ломагин указал, что голод использовался как оружие против жителей и защитников города [6]. Для централизации распределения продуктов питания была создана продовольственная комиссия военного совета Ленинградского фронта, деятельность которой описана в работе Г.Л. Соболева и М.В. Ходякова [8]. Работникам пищевой промышленности удалось практически невозможное: они превращали, казалось бы, несъедобные вещества в сырье для производства пищи. Было введено в производство в качестве сырья большое количество так называемых «заменителей муки». С некоторыми видами сырья продолжили работать и после войны [9].

Рассматривая историю блокадного Ленинграда с точки зрения продовольственного кризиса, можно отметить, что большинство упоминаний этой темы связано либо с карточной системой отпуска продовольствия, либо с блокадным хлебом. Блокадный хлеб – это специфический продукт, созданный в условиях блокады и употребляемый исключительно в тот период. Точной рецептуры такой хлеб не имел, так как она изменялась в зависимости от наличия того

или иного сырья. Поскольку данный продукт стал негласным символом жизни жителей блокадного Ленинграда, не упомянуть его невозможно. Именно истории, связанные с блокадным хлебом, чаще всего встречаются в воспоминаниях, а также литературных произведениях. Еще одним символом стали продуктовые карточки, по которым получали продукты и другие товары. Карточная система была введена для наиболее рационального распределения ресурсов среди населения города [10: 10]. Система грамотного распределения ресурсов, а также политика, направленная на экономию пищевых ресурсов, позволяла создать резервные запасы сырья на тот период, когда доставка продуктов по Дороге жизни была невозможна.

Стоит упомянуть, что пищевые предприятия работали не только в режиме жесткой экономии сырья, но и в условиях нехватки и перебоев электроэнергии, водоснабжения, отопления. Для выработки пищевых продуктов остановка процесса на некоторых этапах производства означает ухудшение качества конечного продукта, а иногда и его непригодность для дальнейшей реализации и даже переработки. Помимо этого, были проблемы с кадрами. Люди в большом количестве ушли на фронт еще с самого начала Великой Отечественной войны. Кроме того, из работников организовывали отряды для обороны города, тушения пожаров, восстановительные бригады [10: 1]. Некоторые сотрудники были эвакуированы вместе с предприятиями на время блокады.

После снятия блокады пищевая отрасль еще долго налаживала работу. Часть предприятий необходимо было восстанавливать, часть строить заново. Цеха и предприятия, законсервированные на время ведения военных действий, возобновляли свою работу. Некоторые разработки ученых, такие как совершенствование технологии выработки белковых полуфабрикатов, а также производство жировых дрожжей, продолжили применяться после войны. Увеличивался ассортимент выпускаемой продукции, включая кондитерские изделия [11: 47–48].

За период войны были разработаны технологии переработки непищевых видов сырья с дальнейшим использованием их для приготовления пищевых продуктов. Одним из самых ярких примеров является переработка древесины и целлюлозы. Из опилок получали гидролизат, на котором выращивали белковые дрожжи; их употребляли в пищу после переработки [13: 5]. Ученые разработали

технологии получения концентрата из хвои; на его основе позже стали производить каротиновый концентрат, применявшийся при производстве пищевых жиров [12: 2 об.]. Пищевые концентраты вырабатывались на кондитерской фабрике имени Микояна в виде брикетов. В основном это были крупяные концентраты, концентраты из белковых дрожжей.

Пищевая промышленность Ленинграда сыграла важную роль в сохранении города. Отсутствие продуктов питания ослабило людей физически и морально. Власти города при содействии предприятий пищевой промышленности и ученых делали все возможное для того, чтобы обеспечить население продовольствием. Было введено большое количество ранее неиспользовавшегося сырья для изготовления продуктов питания. Эти продукты и суррогаты помогли выжить людям, которые поддерживали жизнь города. Мировая общественность и сегодня не перестает восхищаться стойкостью ленинградцев.

Как уже говорилось выше, основная роль предприятий пищевой промышленности состояла в обеспечении населения и фронта продуктами питания. Кроме того, из рабочих пищевых предприятий собирались оборонные и восстановительные отряды. В то же время в отдельных переоборудованных цехах (иногда в действующих цехах, но в другую смену) выпускали и боеприпасы. План по выпуску боеприпасов в 1944 г. был выполнен на 110 %: в том числе по заводу «Красная Бавария» – 100,4 %, фабрике имени Микояна – 122,1 %, механическому заводу Главхлеба – 117 % [10: 21]. Последнее позволяет утверждать, что предприятия пищевой промышленности напрямую участвовали в обеспечении обороны города.

Таким образом, пищевая промышленность сыграла важную роль в поддержании обороноспособности города. Поэтому изучение пищевой промышленности в контексте военной истории нуждается в дальнейшем исследовании.

Источники и литература

1. Быстрова И.В. Перестройка промышленности в СССР в 1941–1945 гг.: опыт военной мобилизации // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. № 1 (10). С. 78–95.

2. Грибачева А.П. Производственная деятельность предприятий пищевой промышленности блокадного Ленинграда (1941–1943 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. С. 118–132.

3. Зотова А.В. Местная промышленность Ленинграда в период Великой Отечественной войны // Управленческое консультирование. 2014. № 1 (61). С. 109–116.
4. Красноженова Е.Е. Продовольственное обеспечение населения Ленинграда в условиях блокады (1941–1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 108–120.
5. Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Восстановление и техническая модернизация предприятий Ленинградской промышленности (1942–1945 гг.) // Современная научная мысль. 2022. № 5. С. 168–172.
6. Ломагин Н.А. В тисках голода: блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. М., 2024.
7. Рябков А.М. О работе промышленных предприятий Ленинграда в 1941 году // Технологос. 2021. № 2. С. 14–29.
8. Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 8–21.
9. Ходяков М.В. Кондитерское производство в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 812–839.
10. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 136. Д. 49а.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 15. Д. 267.
12. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее – ЦГАНТД СПб). Ф. Р-254. Оп. 21. Д. 532.
13. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-325. Оп. 21. Д. 621.
14. Чубасов В.А., Алешин А.С., Сазыкин А.М. Промышленность блокадного Ленинграда – фронту. «Ленинград – фронт, каждый ленинградец – боец» // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2025. № 2 (137). С. 166–172.

Л.В. Печалова, А.К. Печалов

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одним из недостаточно исследованных направлений истории Великой Отечественной войны является изучение деятельности берегательных учреждений в 1941–1945 гг. Требуют глубокого и всестороннего анализа следующие темы: реализация государственной политики в данной сфере на местах; опыт мобилизации

денежных средств в экстремальных условиях войны; деятельность сберегательных учреждений в регионах; особенности работы сберкасс в различные периоды войны; выявление специфики деятельности в условиях военного времени и изучение новых форм работы сберкасс; трудовой и боевой подвиг работников государственных кредитных учреждений и др.

С началом Великой Отечественной войны изменился весь уклад жизни советского народа и, естественно, характер деятельности государственных учреждений СССР, в том числе и сберегательных учреждений. Перед сберкассами всей страны была поставлена задача максимальной мобилизации денежных средств для финансирования военных расходов. Необходимо отметить, что к началу 1941 г. в стране существовала довольно широкая сеть государственных кредитных учреждений. Так, Государственный банк СССР имел в своем распоряжении до 4664 таких учреждений, Всесоюзный банк финансирования капитального строительства промышленности, транспорта и связи (Промстройбанк СССР) – до 186 учреждений, осуществлявших кредитно-расчетное обслуживание текущей деятельности, финансирование и кредитование капитальных вложений промышленности, строительной индустрии, транспорта, связи и системы материально-технического снабжения. Также заметную роль играл Кооперативный банк, который специализировался на финансовой взаимопомощи путем предоставления ссудосберегательных услуг своим пайщикам. Банк имел до 64 кредитных учреждений. Финансированием жилищно-коммунального хозяйства, учреждений здравоохранения и предприятий бытового обслуживания занимались 226 учреждений системы коммунального кредита. Система сельскохозяйственного кредита имела 420 учреждений с правом кредитования. Государственные трудовые сберкассы, являясь специализированным государственным банком СССР, выполняли задачи по привлечению свободных денежных средств населения и дальнейшему их размещению в виде государственных внутренних займов. Гострудсберкасс насчитывалось 41 765, в них хранилось вкладов на общую сумму около 7 млрд рублей [4: 45].

Северный Кавказ в годы Великой Отечественной войны стал не только одним из важных регионов, снабжавших фронт людскими ресурсами, вооружением, боеприпасами, снаряжением, продовольствием, но и дополнительным источником мобилизации денежных

средств населения для финансирования военных расходов. Перед системой финансовых учреждений была поставлена задача решения сложнейших проблем аккумуляции денежных средств на нужды тыла и фронта.

В первые дни войны одним из предпринятых шагов, касающихся работы сберкасс, было изменение порядка выплат вкладов. Бесспорно, это было вызвано тем, что в этих экстремальных условиях была опасность начала паники среди вкладчиков. Поэтому уже с 23 июня 1941 г. и до января 1944 г. было введено временное ограничение на выдачу вкладов. При получении средств, находящихся на сберкнижке, выдавалось не более 200 рублей в месяц. При этом по новым правилам, если вкладчик по каким-то причинам не получил очередной суммы, то за ним было сохранено право ее получения позже.

С.А. Уразова указывает на «нововведения в работе сберкасс, сыгравших значительную роль в регулировании денежного обращения, банковском обслуживании населения и организации государственного кредитования» [6: 86]. При ограничении по сумме выплат, сохранялись и не ограничивались такие виды права, как распоряжение вкладами, выдача доверенности и составление завещательных распоряжений, порядок наследования и др.

Изучение архивных материалов показало, что на Северном Кавказе, и в частности на Ставрополье, значительная часть вкладчиков практически не воспользовалась или частично воспользовалась правом получения денежных средств в сберкассах. Из воспоминаний жителей Ставрополья мы узнаем, что некоторые граждане не снимали свои деньги до конца войны. Так, жительница Ставрополя О.И. Гончарова вспоминает: «...велась большая агитационная работа, людям объясняли, что эти деньги государство будет использовать для того, чтобы одержать Победу над фашистами...» [2]. Также при уходе на фронт вкладчики оставляли денежные средства на сберкнижках, чтобы сохранить их.

Перед работниками сберегательных учреждений была поставлена задача привлечения новых вкладов. Акцент делался и на привлечении военнослужащих в число вкладчиков. Для активизации данной деятельности открывался прием так называемых «выигрышных вкладов». Первые такие вклады сберкассы начали принимать уже в августе 1942 г. До этого момента такое в СССР не практиковалось.

Теперь те, у кого был вклад в сберкассе, имели полное право участвовать в выигрышных тиражах. При этом необходимо было соблюдение нескольких условий: во-первых, участие в тираже было добровольным, вкладчик мог выбрать между начислением ему процентов на вклад или выигрышной формой получения дохода; во-вторых, в тиражах имели право принимать участие только те, у кого счет не был закрыт до дня проведения тиража; в-третьих, при расчете суммы выигрыша учитывалась величина имеющегося вклада, а также срок его хранения в сберкассе. Изучив ряд имеющихся данных по выигрышным тиражам на Северном Кавказе, авторы исследования пришли к выводу о том, что в этом регионе и, в частности, на Ставрополье в основном более востребованной оставалась процентная форма вклада.

Несмотря на то что в условиях начавшейся войны работники сберегательных учреждений южных регионов страны были призваны в ряды РККА и остро встал вопрос о кадрах, на сотрудников финансовой системы была возложена обязанность по реализации политики госзаймов, а также распространению билетов денежно-вещевых лотерей. Результатами данного направления работы стало привлечение сбережений населения. В целом по стране сумма сбережений населения составила более 270 млрд рублей [3: 35].

Необходимость срочного решения ряда финансовых проблем возникла уже 22 июня 1941 г. На повестку дня Советом народных комиссаров СССР в экстренном порядке был вынесен вопрос финансирования организации эвакуации населения и промышленных предприятий в глубокий тыл, работы воинских подразделений и т.д.

Специфика военного времени обусловила появление новых форм работы, направленных на аккумуляцию денежных средств на счетах граждан. Так, уже с весны 1942 г. сберегательные учреждения стали аккумулировать на счетах граждан суммы денежной компенсации за неиспользованные отпуска. В то же время в Фонд обороны и Фонд Красной армии стали поступать денежные и иные средства, собранные на основе добровольных взносов от населения страны. Все суммы, которые жертвовали граждане СССР на нужды фронта, первоначально передавались в госбюджет, и лишь потом распределялись. Всё это требовало от сберегательных касс организовать работу таким образом, чтобы население могло беспрепятственно жертвовать часть своих доходов на помощь Родине и Красной армии.

Не менее важным шагом было создание новой системы управления банковским обслуживанием войск и тыла. Государственный банк и Внешторгбанк в самом начале войны взяли на себя ответственность за руководство отделениями в регионах. Это стало залогом бесперебойной деятельности всей денежно-кредитной системы СССР.

К ноябрю 1941 г. под фашистской оккупацией оказались территории нашей страны, где до начала Великой Отечественной войны проживало не менее 40 % населения СССР, производилось 68 % чугуна, 60 % алюминия, 58 % выплавки стали и 63 % добычи угля. Буквально с первых недель войны началась эвакуация в глубокий тыл промышленных предприятий (их к тому времени насчитывалось более 1500). На новых местах промпредприятия сразу же включались в процесс производства продукции как военного, так и гражданского назначения. Данная деятельность осуществлялась в условиях нарушения хозяйственных связей и денежных отношений между предприятиями и организациями страны. В связи с этим в годы войны между предприятиями в практику вошли взаимозачеты по задолженностям.

В военные годы резко возросли затраты не только на производство промышленных товаров гражданского и военного назначения, но и на социальное обеспечение семей военнослужащих и погибших на фронте. В решении этих задач непосредственное участие принимали сберегательные учреждения.

Германия придавала большое значение южному направлению военных действий. Поэтому одной из важнейших задач финансовой системы Северного Кавказа было сохранение денежных средств и недопущение того, чтобы они попали в руки оккупантов. Население Северного Кавказа до середины 1942 г. находилось в прифронтовой зоне. В июне – июле 1942 г. в связи с ухудшением обстановки в регионе руководством Ставропольского управления гострудсберкасс и госкредита были приняты меры по обеспечению сохранности денежных средств и документов сберкасс. Было принято решение о перевозке всех ценностей в центральную Ставропольскую сберкассу № 95. В целом были сданы: так называемый «клиентский портфель» – 1,5 млн рублей, прочие ценности на 15,2 млн рублей, ценные бланки на 204,2 тыс. рублей. Перечисленные ценности были эвакуированы в Моздокскую сберкассу № 1810, а позже в г. Ашхабад.

Туда же эвакуировалось и краевое управление. При этом Ставропольская сберкасса № 95 не была эвакуирована по причине внезапного занятия города немецко-фашистскими войсками. Оставшиеся ценности были уничтожены.

В период оккупации Ставрополья от рук фашистов погибли десятки тысяч мирных граждан. Города и села лежали в руинах. Были уничтожены сотни промышленных предприятий. Ущерб, нанесенный экономике Ставропольского края, составил 14,6 млрд рублей [7: 34]. При этом также пострадала система сберегательных учреждений: 13 сберегательных касс были полностью разрушены; 34 здания сберкасс получили частичные повреждения и т.д. Общий ущерб, нанесенный системе сберкасс, составил 62 млн рублей [1: 93].

После освобождения оккупированных территорий с января 1943 г. на Ставрополье началось восстановление промышленных предприятий, объектов социального назначения, сельского хозяйства. Уже в начале февраля 1943 г. была организована работа сберегательных касс Северного Кавказа: Невинномысской центральной сберегательной кассы № 1583, Ессентукской центральной кассы, Петровской районной сберкасс, Изобильненской сберкассы № 1858, центральной сберкассы № 1872 с. Воронцово-Александровского и др. С июля 1943 г. сберкасс Ставрополья осуществляли в основном операции по вкладам. С этого времени перед государственными трудовыми сберегательными учреждениями была поставлена задача по привлечению денежных средств населения для восстановления и развития народного хозяйства. Это планировалось осуществить посредством таких операций, как государственные займы, вклады граждан, безналичные платежи, денежно-вещевые лотереи и др.

Возобновление работы сберкасс было связано с рядом трудностей: ощущалась нехватка квалифицированных кадров; у сотрудников не было соответствующего оборудования, вычислительной техники, всё делалось вручную; помещения, в которых находились сберкасс, требовали ремонта. Несмотря на это работники сберегательных учреждений старались решить поставленные центральными и местными органами власти задачи. Были возобновлены выезды по всей территории Ставропольского края, часто выезжали даже в самые отдаленные уголки региона. Самоотверженный труд работников сберегательных учреждений неоднократно отмечался не только руководителями организаций, но и представителями

местных органов власти. В целях стимулирования работы сотрудников сберкасс применялись меры поощрения. Только в 1945 г. для премирования работников было выделено 102 тыс. рублей [1: 98]. Значение деятельности по организации и проведению госзаимов неоднократно отражалось в публикациях на страницах краевой газеты «Ставропольская правда». Так, 30 апреля 1945 г. в статье начальника краевого управления гострудсберкасс и госкредита С. И. Верича под названием «Вклады трудящихся в дело победы» отмечалось, что «наглядным примером патриотизма трудящихся СССР является исключительный успех государственных займов... Советский народ дал займы своему государству с начала войны до 1 января 1945 года 60 млрд руб.» [5: 2].

Таким образом, в период Великой Отечественной войны сберегательные кассы СССР включились в процесс мобилизации денежных средств населения для финансирования вынужденно увеличенных военных расходов. Особую роль они сыграли в организации государственных займов и в распространении денежно-вещевой лотереи. Примерно 1/6 часть средств на военные нужды поступила за счет госзаимов и проведения государством денежно-вещевых лотерей. Свой вклад внесли сберкассы в привлечение средств трудящихся в Фонд обороны – в него поступали наличные деньги, драгоценности и облигации, необходимые для снабжения фронта. Работники сберегательных учреждений СССР, как и все советские граждане, теряли на войне близких и родных, становились жертвами бомбежек и болезней, но, несмотря на всё это, продолжали выходить на работу и трудиться на благо нашей Родины, приближая Победу.

Источники и литература

1. История сберегательного дела на Северном Кавказе. Ставрополь, 2006.
2. Личный архив авторов. Воспоминания О.И. Гончаровой. Записаны 25 августа 2004 г.
3. Печалова Л.В. Производственная и социально-культурная деятельность промысловой кооперации и кооперации инвалидов Северного Кавказа и Дона (1917–1960 гг.). Ставрополь, 2022.
4. Печалова Л.В., Судавцов Н.Д. Кооперативная промышленность Ставрополья и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 2010.

5. Ставропольская правда. 1945. 30 апреля.

6. Уразова С.А. Особенности организации банковской деятельности на территории СССР в период Великой Отечественной войны // Финансы и кредит. 2009. № 47 (383). С. 81–91.

7. Чайка Е.А. Восстановление экономики и социальной сферы Ставропольского края в 1945–1950 гг.: достижения и противоречия // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2012. № 151. С. 33–40.

Е.В. Носенко

ТРУДОВАЯ ДИСЦИПЛИНА МОЛОДЕЖИ ДОНБАССА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941–1945 гг.)

Великая Отечественная война стала серьезнейшим испытанием для всей страны, включая молодое поколение жителей Донбасса. Укрепление трудовой дисциплины в годы войны стало важнейшей задачей, поскольку экономика должна была поддерживать потребности фронта и обеспечивать бесперебойную работу промышленных предприятий. Молодежь играла ключевую роль в выполнении производственных планов, обеспечивая страну необходимыми ресурсами и продукцией. Цель данной статьи – выявить истоки трудовой дисциплины и рассмотреть факторы, влияющие на ее формирование.

Изучение участия молодежи в оборонном перепрофилировании и восстановлении народного хозяйства Донбасса в годы Великой Отечественной войны остается актуальным и в наши дни. Во-первых, необходимо выяснить насколько оправданно было привлечение подростков к тяжелому физическому труду. Во-вторых, без анализа роли молодежи в оборонной перестройке и восстановлении народного хозяйства Донбасса в годы войны нельзя в полной мере понять причины Победы. Трудовой подвиг молодежи, совершенный в годы Великой Отечественной войны, должен быть известен современному поколению и потомкам.

Советское руководство осознало необходимость усиления трудовой дисциплины задолго до начала войны. Уже в декабре 1938 г. были приняты постановления, ужесточающие контроль за соблюдением трудовой дисциплины. За нарушения предусматривались следующие наказания: тюремное заключение сроком от двух

до четырех месяцев за самовольный уход с работы; исправительные работы продолжительностью до полугода с удержанием четверти заработной платы за опоздание более чем на 20 минут. Таким образом, уже до начала войны были созданы жесткие правовые рамки, обеспечивающие высокий уровень трудовой дисциплины [6: 665].

Молодежь Донбасса активно участвовала в выполнении производственных планов и создании необходимых ресурсов для фронта. Многие юноши и девушки работали сверхурочно, осваивали новые профессии и помогали восстанавливать промышленные объекты, пострадавшие от вражеских бомбардировок. Их усилия внесли вклад в победу страны над фашистской агрессией. Особое внимание уделялось подготовке новых кадров через систему профессиональных технических учебных заведений. Это помогло быстро восполнить нехватку опытных рабочих рук, вызванную мобилизацией взрослых мужчин на фронт.

Широкому вовлечению молодежи в производственный сектор экономики способствовала также мобилизация молодых людей, не занятых общественным трудом, для работы на производстве в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного населения для работы на производстве и строительстве» [5: 61].

Мобилизация трудоспособного населения осуществлялась через Комитет по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР и областные военкоматы. Кроме того, проводился организованный набор работников непосредственно предприятиями. Особую роль это играло в условиях войны. Так, за годы войны в Донбассе было мобилизовано более 100 тыс. комсомольцев и молодых беспартийных граждан. Только в 1943 г. трудовая мобилизация населения охватила 7609 тыс. человек, в том числе для работы в сфере промышленности и строительства – 1320 тыс., сельского хозяйства – 3830 тыс., на лесозаготовках – 1295 тыс. человек [1: 110].

Партийные и профсоюзные организации сыграли важную роль в формировании трудовой активности молодежи. Именно комсомольские организации являлись инициаторами создания комсомольско-молодежных бригад, которые добивались систематического перевыполнения плановых показателей. Они также стали организаторами социалистических соревнований, которые внесли

значимый вклад в восстановление промышленности Донбасса. Например, в регионе широкое распространение получило социальное соревнование «За сокращение сроков восстановления Донбасса». К концу 1945 г. уже три четверти работников Донбасса были охвачены соревнованием, более 68 тыс. перевыполняли нормы выработки, около 10 тыс. работников выполняли плановые показатели на 150 %. В результате социалистического соревнования молодежь показывала высокие результаты работы, а продуктивность работы возросла в несколько раз.

Одним из важнейших инструментов поддержания трудовой дисциплины была система наград и дисциплинарных взысканий. Для отличившихся работников предусматривались материальное стимулирование и моральные поощрения. Например, специальной медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» награждали тех, кто проявил особую преданность делу и высокий уровень профессиональной подготовки. За несоблюдение трудовой дисциплины вводились такие санкции, как лишение премий, увольнение и даже привлечение к уголовной ответственности за систематические нарушения [7: 286]. Определенную роль в повышении трудовой активности населения сыграло и присвоение почетных званий передовикам производства. Так, 1 декабря 1943 г. по инициативе Народного комиссариата угольной промышленности СССР и Центрального комитета профсоюза горняков Донбасса было введено звание «Мастер добычи угля в дни Отечественной войны». Уже к концу 1943 г. среди соревнующихся насчитывалось более 1500 шахтеров, а через год, в октябре 1944 г., этим движением было охвачено 75,4 % горняков Донбасса. К октябрю 1945 г. на шахтах Донбасса уже соревновалось 6118 бригад и 271 тыс. работников [8: 367].

Звание «Мастер добычи угля в дни Отечественной войны» присуждалось работнику, который выполнил месячную норму не ниже 150 %. Тем, кто получил это звание, выдавалась денежная помощь в размере 200–500 рублей. Кроме того, победитель получал право приобрести промышленные товары на сумму в размере 30 % от полученного за прошлый месяц денежного вознаграждения за мастерство.

Шахтеры Донбасса играли важную роль в обеспечении фронта углем и металлами. Их вклад в общую победу стал примером

мужества и героизма. Многие молодые рабочие демонстрировали высокую степень личной ответственности и профессионализма, несмотря на тяжелые условия труда и риск для здоровья. В качестве примера можно привести историю молодого шахтера Ивана Ивановича Папашатенко, который работал сверхурочно, чтобы увеличить добычу угля и внести личный вклад в обеспечение нужд фронта. После освобождения Ворошиловградской области от немецких войск он был направлен в Краснодон для восстановления шахт. Его стали называть Богатырем Донбасса. Комсомолец с большим энтузиазмом взялся за работу, выполняя по 4–5 норм каждый день. В свободное время он обучал молодых людей, которые приехали восстанавливать шахты Донбасса. В 1943 г. И.И. Папашатенко установил невероятный рекорд, выполнив за 38 рабочих дней годовую норму. Заработав 41 тыс. рублей, 30 тыс. рублей Иван внес на строительство танковой колонны «Молодая гвардия». Комсомолец стал примером для других шахтеров [4]. Такие герои получили признание общественности и награды от правительства.

Зачастую молодые шахтеры Донбасса работали усердно, но им не хватало опыта. Поэтому комсомольцы взялись проводить разъяснительную работу среди молодых рабочих и попросили опытных шахтеров взять шефство над новичками. На призыв комсомольцев отозвались специалисты из разных городов СССР, и каждый пообещал подготовить минимум пятерых новых рабочих. В результате шахты Донбасса получили свыше 15 тыс. крепких, заряженных на трудовые подвиги специалистов по добыче угля, и еще более 10 тыс. человек обучались на курсах.

Патриотическое воспитание молодежи играло ключевую роль в формировании высокой трудовой дисциплины. Государство проводило активную политику по внедрению идеалов патриотизма через школьные программы, общественные мероприятия, агитационные кампании и средства массовой информации. Так, выездная редакция газеты «Правда» в Донбассе посвятила несколько специальных выпусков вопросам дисциплины, разъяснению важности восстановления шахт Донецкого бассейна. В Ворошиловградской области только в конце 1943 г. работало 6388 агитаторов, которые провели около 100 тыс. бесед с охватом 1200 тыс. человек [2: 48]. В Сталинской области соответствующую работу проводили 11 280 агитаторов [3: 12].

Особое внимание уделялось формированию у молодых людей осознания важности своего вклада в победу, воспитанию уважения к ветеранам и героям прошлого, развитию навыков коллективизма и взаимопомощи. Всё это усиливало чувство ответственности каждого молодого человека за общее дело, формируя мотивацию к добросовестному исполнению трудовых обязательств.

Трудовое законодательство также сыграло важную роль в обеспечении высокого уровня трудовой дисциплины. Оно регулировало продолжительность рабочего дня, правила приема и увольнения сотрудников, обязанности работодателя и работника. Эти нормы создавали четкую структуру взаимоотношений, снижающую вероятность нарушений трудовой дисциплины [9].

Война потребовала от молодых людей особой выдержки и выносливости. Молодежи приходилось справляться с нехваткой ресурсов, продовольствия, жилья, медицинского обслуживания. Однако, несмотря на трудности, большинство демонстрировало стойкость и готовность идти на жертвы ради общей цели. Это стало возможным благодаря патриотическим чувствам, прививаемым государством, четким правовым рамкам, установленным законодательством, социальной солидарности и взаимовыручке.

Таким образом, высокая трудовая дисциплина молодежи Донбасса в военные годы стала результатом сложного взаимодействия нескольких ключевых факторов: жесткого правового регулирования, активной государственной политики по патриотическому воспитанию, высокого уровня общественной солидарности и сплоченности. Этот опыт демонстрирует важность целенаправленной работы государства и общественных институтов по формированию сознательного поведения граждан даже в экстремальных ситуациях.

Укрепление трудовой дисциплины среди молодежи Донбасса в годы Великой Отечественной войны сыграло важную роль в победе нашей страны. Молодежь продемонстрировала мужество, стойкость и умение справляться с любыми трудностями. Их пример вдохновляет последующие поколения и напоминает нам о значимости честного и профессионального выполнения своего долга перед Родиной.

Источники и литература

1. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.

2. Государственный архив Луганской Народной Республики (далее – ГА ЛНР). Ф. 179. Оп. 2. Д. 559.
3. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 10. Д. 632.
4. *Никитенко А.Г.* Краснодар. Путеводитель. 2-е изд., доп. Донецк, 1978.
5. Подвиг тыла. Документы. Материалы газет и радио военных лет, дневники, письма, воспоминания. М., 1970.
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов / Сост. К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова. Т. 2. 1929–1940 гг. М., 1967.
7. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост. М.И. Юмашев, Б.А. Жалейко. М., 1956.
8. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы в трех томах. Изд. 2-е, доп. Т. 3. Украинская ССР в завершающий период Великой Отечественной войны (1944–1945 гг.). Киев, 1985.
9. *Чупрынников С.А.* Политика советского государства по укреплению трудовой дисциплины и улучшению качества продукции накануне Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 2 (174). С. 58–63.

Д.С. Сергеев

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СТРУКТУРА И СОСТОЯНИЕ

Победа в Великой Отечественной войне потребовала от СССР не только решения международных задач, но, в первую очередь, возрождения разоренных оккупацией территорий. В настоящее время в исторической науке всё еще сохраняются лакуны в изучении темы восстановления промышленности на региональном уровне. Обращение к опыту Псковской и Великолукской областей позволяет выявить механизмы административно-хозяйственного управления в условиях полной разрухи, а также проследить эволюцию отраслевых органов власти в контексте общесоюзных реорганизаций 1940–1950-х гг. Целью данной работы является анализ процесса формирования и деятельности отраслевых управлений Псковского облисполкома по восстановлению местной промышленности в 1944–1957 гг. Источниковую базу исследования составили документы и описи фондов Государственного архива Псковской области

(далее – ГАПО), в частности фонды отраслевых управлений облисполкома (пищевой, топливной промышленности, промышленности стройматериалов), Псковского льнотреста, а также первичных партийных организаций предприятий. Методологическую основу работы составил историко-хронологический метод, позволивший проследить хронологию восстановительных процессов и изучить структуру и функции органов управления.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 августа 1944 г. в составе РСФСР была образована Великолукская область, а на следующий день, 23 августа 1944 г., – Псковская область, что потребовало изменения всей системы местного управления [1: 403]. Образование новых областей было обусловлено необходимостью максимального приближения органов областного руководства к местам, что создавало организационные предпосылки для оперативного восстановления хозяйства, подвергшегося значительному разрушению в годы войны. Псковская область включала 23 района, Великолукская область – 27 районов.

Организация мероприятий по восстановлению промышленности двух областей началась сразу после освобождения от немецко-фашистской оккупации. Полномасштабные работы шли в соответствии с постановлением СНК СССР от 1 ноября 1945 г. № 2722 «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов РСФСР: Смоленска, Вязьмы, Ростова-на-Дону, Новороссийска, Пскова, Севастополя, Воронежа, Новгорода, Великих Лук, Калинина, Брянска, Орла, Курска, Краснодара и Мурманска» [2]. Ключевая роль в координации восстановительных процессов принадлежала Псковскому и Великолукскому областным исполнительным комитетам Совета депутатов трудящихся. Осенью 1944 г. началось формирование отраслевых управлений, непосредственно руководивших восстановлением и развитием местной промышленности.

Управление пищевой промышленности Псковского облисполкома было образовано в числе первых в регионе – в июле – августе 1944 г. На управление возлагались задачи по восстановлению разрушенных предприятий отрасли, их организационно-хозяйственному укреплению, а также налаживанию производства и выпуска продукции. В 1944–1945 гг. в структуре управления были созданы основные подразделения: хозрасчетная снабженческо-сбытовая

организация «Псковоблищепромснабсбыт» и строительно-монтажная контора, предназначенная для быстрого восстановления предприятий, пострадавших в годы войны. Благодаря ее работе уже в 1945 г. в Пскове были введены в строй и возобновили выпуск продукции конфетно-шоколадная фабрика, пивоваренный и винный заводы, маслобойный завод «Знамя труда», а также 22 районных пищевых комбината [10: 2]. Деятельность управления была прекращена на основании постановления Совета Министров РСФСР от 20 мая 1953 г. и решения Псковского облисполкома от 3 июня 1953 г. В результате ликвидации оно было объединено с Управлением легкой промышленности в единое Областное управление легкой и пищевой промышленности. Управление курировало ряд предприятий, материалы о деятельности которых хранятся в ГАПО: Псковский городской пищевой комбинат, Псковская конфетная фабрика, Псковский маслобойный завод «Знамя труда», Псковский винный завод [10: 2].

Управление местной топливной промышленности Псковского облисполкома (далее – Облтоп) было создано 1 сентября 1944 г. на основании решения Ленинградского облисполкома от 8 июня 1944 г. и окончательно утверждено решением Псковского облисполкома от 13 ноября того же года [7: 1]. Управление находилось в двойном подчинении: Псковскому облисполкому и Министерству топливной промышленности РСФСР. На Облтоп были возложены функции по руководству предприятиями, занимавшимися добычей торфа, лесозаготовками, сплавом древесины, а также сбытом продукции государственным, кооперативным учреждениям и населению. Решением от 13 ноября 1944 г. был определен круг подведомственных действующих и восстанавливаемых производств. Для руководства на местах первоначально были организованы райтопы в Дновском, Славковском, Новоржевском и Пушкиногорском районах. В 1945 г. к ним добавились Палкинский и Печорский, а в июне 1946 г. – Пыталовский и Сошихинский райтопы. В ведении Облтопа также находились Островское, Подборовское, Лопатинское и Порховское торфопредприятия. Для централизации лесозаготовительных работ при Облтопе был создан Псковский областной лесозаготовительный трест «Псковобллесзаг». Его образование было санкционировано постановлением Совнаркома СССР от 26 сентября 1944 г. и решением облисполкома от 13 ноября 1944 г.

Трест координировал деятельность вновь организуемых леспромпромхозов: Гдовского, Лядского, Полновского, Пятовского, Серединского и Стругокрасненского [4: 23]. В 1950-е гг. система управления подверглась ряду административных реорганизаций. В июне 1953 г. на основании постановления Совета Министров РСФСР Облтоп был объединен с областным отделом местной промышленности в Управление местной и топливной промышленности. Окончательным этапом структурного преобразования стало создание в октябре – ноябре 1957 г. двух профильных отделов: лесного и торфяного, что зафиксировало отраслевой принцип организации управления топливно-энергетическим комплексом области. Некоторые предприятия, входившие в структуру Управления местной топливной промышленности Псковского облисполкома или партийные организации при этих предприятиях, передали свои материалы в ГАПО: торфопредприятия (Лопатинское, Островское, Крипецкое, Порховское, Заплюсское), леспромпхозы (Полновский, Плюский, Игомельский, Стругокрасненский, Середкинский [4: 5]), органы управления и снабжения (отдел рабочего снабжения Псковского областного управления местной и топливной промышленности), областной лесозаготовительный трест «Псковоблесзаг» [4: 23].

В системе органов управления народным хозяйством Псковской области в послевоенный период важную роль играло Управление промышленности строительных материалов. Данный орган был создан на основании решения исполнительного комитета Псковского областного Совета депутатов трудящихся 29 ноября 1944 г. [6: 1]. Основной целью деятельности Управления являлось обеспечение контроля и руководства предприятиями строительной индустрии, расположенными на территории области, а также оказание технической помощи, направленной на разработку и усовершенствование технологических процессов. В ведении Управления к 1946 г. находились ключевые производственные мощности области, выпускавшие основные виды строительных материалов: кирпично-черепичный завод «Псковкирпич» [5: 8–9], кирпично-черепичный завод «Подкрестье» [3: 80], Псковский известковый завод «Череха», Изборские гипсово-известковые комбинаты № 1 и № 2 [5: 43].

В связи с высоким уровнем развития льняной промышленности на территории Псковской области существовал отдельный орган управления этим направлением промышленности –

Главльнозаводов Наркомата текстильной промышленности СССР [8: 1]. Правовой основой для создания нового органа управления в регионе послужило распоряжение Совета народных комиссаров СССР от 28 октября 1944 г. Во исполнение данного распоряжения и на основании приказа по Ленинградскому льнотресту Главльнозаводов Наркомата текстильной промышленности СССР от 17 ноября 1944 г. Ленинградский льнотрест был переведен в Псков. С этого момента организация стала именоваться Псковским льнотрестом Главльнозаводов Наркомата текстильной промышленности СССР.

В связи с общесоюзной административной реформой, на основе закона Верховного Совета СССР от 19 марта 1946 г. «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик в Советы Министров союзных и автономных республик», произошла перестройка ведомственной системы. Во исполнение данного закона приказом министра текстильной промышленности СССР от 26 декабря 1947 г. Псковский льнотрест был передан в систему Главного управления по первичной обработке льна (Главльнозаводы) Министерства текстильной промышленности СССР.

Очередной этап реорганизации был связан с передачей промышленности в ведение совнархозов. В 1957 г. Псковский областной льнотрест был передан в ведение Управления текстильной промышленности Совета народного хозяйства Ленинградского экономического административного района. В задачи льнотреста входило: строительство новых и реконструкция действующих льнозаводов на территории Псковской области; выполнение государственных планов по заготовке и первичной обработке льна; осуществление поставок льноволокна народному хозяйству; обеспечение роста объемов выпуска продукции высокого качества в установленных планом количественных показателях. Производственную базу треста составляла широкая сеть льнозаводов, охватывающая практически все районы области. В состав Псковского областного льнотреста входили следующие предприятия: Великолукский, Дедовический, Дновский, Идрицкий, Карамышевский, Крестовский, Куньинский, Невельский, Новоржевский, Ново-сокольнический, Новоуситский, Опочецкий, Островский, Павский, Порховский, Пушкиногорский, Пыталовский, Самолуковский, Середкинский, Славковский, Сошихинский, Стремуткинский,

Финьковский и Церковищенский льнозаводы, а также Псковский механический завод «Выдвиженец» [9: 8].

Также в структуре исполнительного комитета Псковского областного Совета депутатов трудящихся было создано Управление местной промышленности, в ведении которого находились районные промышленные комбинаты (райпромкомбинаты). Данное управление осуществляло непосредственное руководство их деятельностью, координируя производственные процессы и обеспечивая выполнение плановых заданий по выпуску товаров народного потребления и восстановлению производственной базы в районах области.

Подводя итог, следует отметить, что управления, созданные в сжатые сроки в 1944 г., сыграли ведущую роль в мобилизации ресурсов для восстановления критически важных отраслей промышленности Псковской области: пищевой, топливно-энергетической, строительных материалов и льняной. Их деятельность, включавшая не только административное руководство, но и прямую организацию строительства, снабжения и сбыта, обеспечила быстрое возрождение производственного потенциала региона в первые послевоенные годы. Последующие реорганизации отражали поиск оптимальных форм хозяйствования в условиях изменения общесоюзной административной системы и подготовки к переходу к совнархозам.

Источники и литература

1. История органов власти и управления в Псковском крае (с древнейших времен до наших дней). Псков, 2016.

2. Постановление СНК СССР № 2722 «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов РСФСР: Смоленска, Вязьмы, Ростова-на-Дону, Новороссийска, Пскова, Севастополя, Воронежа, Новгорода, Великих Лук, Калинина, Брянска, Орла, Курска, Краснодар и Мурманска» от 1 ноября 1945 г. URL: <https://kosygin.rusarchives.ru/postanovlenie-snk-sssr-no-2722-o-meropriyatiyah-po-vosstanovleniyu-razrushennyh-nemeckimi> (дата обращения: 07.03.2026).

3. Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. П-1219. Оп. 1. Д. 8.

4. ГАПО. Ф. П-1219. Оп. 1. Д. 86.

5. ГАПО. Ф. Р-1758. Оп. 1. Д. 4.

6. ГАПО. Ф. Р-1758. Оп. 1. Д. 113.

7. ГАПО. Ф. Р-1763. Оп. 1. Д. 56.
8. ГАПО. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАПО. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 701.
10. ГАПО. Ф. Р-1837. Оп. 1. Д. 3.

К.С. Щевич

РАБОТА СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ФИЛАРМОНИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сталинская (ныне Донецкая) областная филармония в военный и послевоенный периоды своей истории прошла через суровые испытания, разделив судьбу страны и всего народа. Ее деятельность в 1941–1945 гг. – это не только история концертов и творческих побед, но и летопись мужества, где искусство стало оружием, а артисты – бойцами культурного фронта. Начав творческий сезон 1941 г. на высокой ноте, Сталинская областная филармония была вынуждена прервать свою работу с началом Великой Отечественной войны, чтобы возродиться вновь уже в освобожденном, израненном городе.

В годы войны культурная жизнь Советского Союза претерпела коренную трансформацию. Многие ведущие музыкальные коллективы страны, включая Ленинградскую государственную филармонию, были эвакуированы в тыловые города – Новосибирск, Куйбышев, Саратов, где продолжали активную концертную деятельность. В этих условиях филармонии становились не только центрами культурной жизни, но и важными идеологическими институтами, поддерживавшими боевой дух армии и тружеников тыла. Музыкальное искусство приобрело особое значение – симфонические концерты, патриотические песни и выступления фронтовых бригад стали неотъемлемой частью повседневности военного времени. В репертуаре филармонии преобладали произведения отечественной классики – Чайковского, Глинки, Бородина, а также новые сочинения советских композиторов, отвечавшие задачам военного времени.

Цель данной статьи – на основании материалов периодической печати и архивных источников проанализировать работу Сталинской областной филармонии в годы Великой Отечественной войны, выявить особенности ее деятельности в условиях военного времени, проследить судьбу артистического коллектива и здания филармонии, а также оценить вклад донецких музыкантов в общее дело Победы.

В начале 1940 г. на сцене Сталинской филармонии прошел концерт, посвященный творчеству Бетховена, главной жемчужиной которого была Девятая симфония. Она была написана под влиянием оды Шиллера «К радости». Исполнение Девятой симфонии было большим творческим экзаменом для оркестра радиокомитета и его главного дирижера. На тот момент Натан Рахлин уже не занимал должность главного дирижера Сталинской филармонии, а работал в Государственном симфоническом оркестре УССР в Киеве [7: 242].

С 28 апреля по 11 мая 1941 г. в областной филармонии прошли концерты артистки московской эстрады Людмилы Геоли. Художественный руководитель филармонии Борис Векслер в интервью корреспонденту газеты «Социалистический Донбасс» говорил об этой актрисе следующее: «Исключительная музыкальность, превосходная отделка фразы, разнообразие интонаций, соединение с редкой мимической выразительностью, делают актрису подлинным мастером эстрады. Артистке присущи подлинный аристократический темперамент, хороший сценический юмор. Оттого исполняемые ею произведения нередко приобретают черты театрализованной музыкальной картинки. Искусство Людмилы Геоли чрезвычайно жизнерадостно и хорошо доходит до зрителя» [5: 1].

Одним из важных направлений деятельности Сталинской филармонии было повышение культурного уровня населения. Особое внимание уделялось работникам шахт и крупных промышленных предприятий. Поэтому репертуар филармонии составляли произведения социально-политического содержания, дополненные образцами мировой и отечественной классики. В состав филармонии входили лекторская и эстрадная группы, а также ансамбль песни и танца.

Во время Великой Отечественной войны концертная деятельность Сталинской филармонии была приостановлена на длительное время. Многие артисты ушли на фронт: кто с оружием в руках, а кто в составе фронтовых концертных бригад. Солисты и музыканты продолжали дарить людям красивую музыку, хорошие песни, вдохновляя их на Победу. Так, за мужество, проявленное во время гастролей на передовых позициях, орденами Красной Звезды были награждены артистки Сталинской областной государственной филармонии Ксения Жукова, Софья Мостовая и Наталья Назаревская-Оскольская [3].

В начале Великой Отечественной войны в здании филармонии размещался штаб 383-й шахтерской стрелковой дивизии. В период немецкой оккупации подпольщики печатали здесь антифашистские листовки. Нашим современникам об этом свидетельствуют мемориальные доски на фасаде филармонии [1: 1]. Само здание является памятником культурного наследия. После освобождения города от почти 700-дневной оккупации, в сентябре 1943 г. издается ряд указов о реэвакуации эвакуированных ранее учреждений музыкальной культуры. Здание Сталинской филармонии было разрушено, и из-за этого работники филармонии вынуждены были разместиться в здании кинотеатра имени Шевченко. В связи с тем, что с началом войны многие работники филармонии ушли на фронт, в период восстановительных работ возник острый дефицит кадров. Для возобновления работы филармонии в номере газеты «Социалистический Донбасс» от 16 января 1944 г. было напечатано объявление о наличии вакантных мест [6: 3].

В мае 1944 г. в Сталинской филармонии прошел концерт для партийно-хозяйственного актива металлургического завода имени Сталина. На этом концерте выступали солисты Киевской филармонии, лауреаты Всесоюзных конкурсов: Шварц (скрипка), Силакова (пение), Радина (рояль), и мастер художественного слова Ростислав Ивицкий. Были исполнены такие произведения, как Турецкий марш Моцарта, Венгерская рапсодия № 7 Листа, а также произведения Шопена и Бетховена.

Данное событие освещалось в газете «Социалистический Донбасс»: «С большим мастерством исполнил пианист Радин “Турецкий марш” Моцарта и 7-ю рапсодию Листа. Солистка Силакова с таким же успехом исполнила несколько арий из классических опер и украинские народные песни, в частности “Гандзю”. Тепло приняла аудитория скрипача Шварца. В его программе – Шопен и Бетховен. Талантливая игра артиста была щедро вознаграждена дружными аплодисментами. С первых же минут нахождения на сцене завоевал симпатию аудитории мастер художественного слова Ивицкий. Прекрасная дикция и особая манера просто держать себя на сцене и “просто” читать помогли артисту с большой проникновенностью донести до слушателей прочитанные им рассказ “Жена” Е. Кононенко и несколько стихотворений Симонова. Концерт прошел с большим успехом» [2: 132].

Работавшие в филармонии артисты неоднократно устраивали концерты для госпиталей и гарнизонов. Осенью 1944 г. город посетила капелла бандуристов, которая дала несколько концертов в здании кинотеатра имени Шевченко, где на тот момент располагалась Сталинская филармония. В состав капеллы входило 26 артистов. Среди них старейшие мастера этого вида народного творчества С.Д. Миняйло, О.Т. Дзюбенко, Д.Ф. Пика, И.Н. Панасенко, И.Н. Цыбулев и др. В репертуаре капеллы были украинская народная и массовая советская песня.

Само здание Сталинской филармонии довольно серьезно пострадало от немецко-фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны. Обсуждение вопроса восстановления здания филармонии проходило еще в 1946 г., но никаких действий предпринято не было. В сентябре 1948 г. на заседании Центрально-городского райкома партии г. Сталино к этому вопросу снова вернулись. По итогам этого заседания было решено восстановить концертный зал филармонии к 20 декабря 1948 г. После восстановления зала его вместимость увеличилась до 600 мест, добавилась большая эстрада, огромный вестибюль, просторное фойе, два репетиционных зала, гримировочные и другие комнаты. Спустя всего год, в апреле 1949 г., вторую жизнь обрел симфонический оркестр, в состав которого, кроме музыкантов, вернувшихся с фронта, вошла также творческая молодежь – выпускники Донецкого музыкального училища и разных консерваторий страны. Руководили оркестром выдающиеся дирижеры – К. Симеонов, С. Турчак, К. Иванов, В. Гнедаш, К. Кондрашин, И. Гамкало, композиторы Б. Лятошинский, И. Дунаевский, А. Хачатурян и многие другие [4].

В последующие годы, когда был полностью восстановлен состав симфонического оркестра филармонии и в него, помимо вернувшихся с фронта музыкантов, вошли выпускники Донецкого музыкального училища, филармония быстро заняла лидирующие позиции в концертной деятельности Советского Союза. На сцене концертного зала филармонии выступали выдающиеся музыканты современности: пианисты Эмиль Гилельс, Святослав Рихтер, Михаил Воскресенский, Лев Оборин; скрипачи Давид Ойстрах, Леонид Коган; виолончелисты Даниил Шафран, Мария Чайковская; вокалисты Анатолий Соловьяненко, Юрий Гуляев и многие другие [3].

Таким образом, история Сталинской областной филармонии в годы Великой Отечественной войны представляет собой яркий пример стойкости и преданности искусству. Пройдя путь от довоенного расцвета через военное лихолетье, оккупацию, разруху и тяжелое послевоенное восстановление, филармония не только сохранила свои традиции, но и заложила основу для будущего расцвета музыкальной культуры Донбасса. Подвиг ее артистов, награжденных боевыми орденами, деятельность фронтовых концертных бригад, использование здания филармонии для обороны и подпольной борьбы – всё это навсегда вписано в историю Великой Победы. Возрождение филармонии в послевоенные годы стало символом возрождения самого Донбасса, его неиссякаемой жизненной силы и веры в будущее.

Источники и литература

1. Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф. 6416. Оп. 1. Д. 1.
2. Горчакова Е.П. Размышления в затянувшемся антракте. Донецк, 1999.
3. Здесь музыка живет... // Донецкая государственная академическая филармония. Официальный сайт. URL: <https://filarmonia-donetsk.ru/o-filarmonii/zdes-muzyka-zhivot%E2%80%A6> (дата обращения: 06.03.2026).
4. Москвич Ю.В. Донецк музыкальный. URL: <http://visit-donetsk.ru/chto-posetit/kultura/donetsk-muzykalnyj.html> (дата обращения: 06.03.2026).
5. Социалистический Донбасс. 1941. 4 мая. № 22.
6. Социалистический Донбасс. 1944. 16 января. № 12.
7. Шевич К.С. Работа Сталинской филармонии в 30-е годы XX века // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). Т. 7: Исторические и политические науки / Под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. Донецк, 2022. С. 240–242.

Е.Л. Головина

НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ПОЛНОМОЧНОЙ ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1944–1945 гг.

Сталинградская область пережила в 1942–1943 гг. разрушительное сражение, фактически уничтожившее инфраструктуру

Сталинграда и многих сельских районов, на территории которых разворачивались боевые действия. Одной из сложнейших задач при восстановлении региона стала борьба с инфекциями и их профилактика как залог сохранения здоровья и работоспособности населения. Противоэпидемическую работу в области возглавляла Сталинградская областная чрезвычайная полномочная противоэпидемическая комиссия (далее – ОЧППК), созданная в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны № 1234с от 2 февраля 1942 г. «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной армии». В состав комиссии входили представители облисполкома и обкома ВКП(б), облздравотдела, военно-санитарного управления Сталинградского военного округа и НКВД [6: 8–38 об.]. Она осуществляла управление проведением санитарно-эпидемических мероприятий и координировала деятельность всех местных организаций, участвующих в обеспечении необходимого уровня санитарного состояния. В городских и сельских районах создавались районные противоэпидемические комиссии, подчиненные ОЧППК.

Несмотря на то что период, наиболее сложный для региона в санитарно-эпидемическом состоянии, был пройден, в последующие военные годы обстановка оставалась крайне опасной. Материально-техническая база учреждений здравоохранения и санитарии еще не была восстановлена, оставался острым вопрос о дефиците кадров, сохранялись эпидемические вспышки сыпного тифа (которые начались еще в ноябре-декабре 1941 г.) [7: 7]. Также требовалась большая работа по предупреждению других острозаразных заболеваний, угрожавших области.

В 1944 г. ОЧППК провела 22 заседания (в среднем она собиралась два раза в месяц). В 1945 г. – 12 заседаний.

Одной из главных задач комиссии была борьба с сыпным тифом. Этот вопрос поднимался и на ее первом заседании 2 января 1944 г. По сообщению областного госсанинспектора Н.Н. Литвинова, в бараках Спецстройтреста в Краснооктябрьском районе возник новый очаг инфекции. Причиной вспышки являлось необеспечение администрацией Спецстройтреста минимальных санитарных условий: отсутствие систематической работы бань, вошебоек (дезинфекционных камер), карантинного барака, изоляторов. Это способствовало развитию педикулеза у рабочих (а вши – переносчики

сыпного тифа). Также медперсонал треста не отследил вовремя первый случай сыпного тифа – в результате болезнь распространилась. Решением ОЧППК были определены меры по предотвращению распространения инфекции: дезобработка и санобработка вещей и помещений, изоляция больных, внеочередные осмотры людей по всему городу на вшивость [3: 2–2 об.]. Вспышка в Краснооктябрьском районе не была единичной. Кроме того, очаг сыпного тифа возник и в Тракторозаводском районе из-за нарушения правил – подселения вновь прибывших работников без должной санитарной обработки [3: 7]. Результаты противосыпнотифозных мероприятий были заслушаны на втором январском заседании ОЧППК.

В октябре – начале ноября 1944 г. была зафиксирована новая вспышка сыпного тифа в том же Спецстройтресте № 1, а также сильная завшивленность рабочих сталинградского тракторостроя [3: 93–94]. В ноябре и декабре внимание ОЧППК опять было уделено противосыпнотифозным мероприятиям [3: 97, 102].

В январе 1945 г. комиссия занималась вопросом вспышки сыпного тифа в Руднянском районе. Она началась с сентября 1944 г., а очаги непрерывно возникали до 20 января 1945 г. Виной этому стало пренебрежение выполнением мер по предупреждению болезни и игнорирование первых случаев заболевания местными санэпидслужбами и учреждениями здравоохранения. За эту халатность председатель Руднянской противоэпидемической комиссии получил предупреждение, а заведующему райздравотделом и заведующему санэпидстанцией был объявлен выговор и предупреждение о более строгом взыскании при невыполнении требуемых мер [2: 5–5 об.].

Другой задачей ОЧППК было предупреждение острых желудочно-кишечных заболеваний (таких как брюшной тиф, паратиф, токсическая диспепсия, дизентерия, пищевые отравления в общепите) и борьба с ними. Для этой цели разрабатывались комплексные планы, включавшие в себя организационные, общесанитарные, специальные профилактические и санитарно-просветительские мероприятия [3: 12–15]. Инспектирование состояния предприятий пищевой промышленности и торговли, отделов рабочего снабжения, столовых проводилось на постоянной основе – выявлялись нарушения, выдвигались требования к их исправлению [3: 57–59]. Контроль и отчетность в ОЧППК по этому направлению санитарии осуществлялись ежемесячно. Но, несмотря на все усилия

и предупреждения, нарушения при приготовлении и хранении пищи случались, что привело к ряду пищевых отравлений в июне – июле 1944 г. Конкретные лица, ответственные за отравления, на этот момент наказаны не были. Комиссия подчеркивала излишне «либеральное отношение к лицам, допускаяшим нарушение правил содержания пищевых объектов, порядка хранения, обработки, приготовления и выдачи пищи», но конкретных репрессивных мер она также не приняла [3: 72–73].

Важным направлением деятельности ОЧППК была профилактика холеры. Ежегодно комиссия утверждала перечень противо-холерных мероприятий. В 1944 г. мобилизационный план по холере был принят в январе [3: 8]. Отчеты о его реализации заслушивались в мае [3: 56–57]. В 1945 г. план профилактики холеры был принят позже, только в апреле, вместе с планом профилактики других желудочно-кишечных инфекций [2: 13–14].

Следующей задачей деятельности ОЧППК была организация мероприятий по борьбе с грызунами и контроль над их выполнением. Это являлось основным средством профилактики туляремии, а также чумы. Среди мер первостепенное значение имели дератизация (химическая и механическая), наблюдение за численностью мышевидных грызунов и обследование на предмет инфекции (эпизоотии) среди животных [3: 28–30]. Комиссия регулярно следила за выполнением заданий по борьбе с грызунами и принимала соответствующие отчеты [3: 44]. Сводки о ходе дератизации по районам области составлялись ежедекадно. Комиссия утверждала планы данных мероприятий два раза в год: весной для весенне-летнего периода и осенью – для осенне-зимнего [3: 99–100]. Объемы запланированных работ часто не выполнялись полностью, в связи с чем ОЧППК давала предупреждение отстающим местностям и организациям. Сложности с дератизацией были на протяжении всех военных лет как в сельских районах, так и в областном центре [2: 7]. К примеру, в декабре 1945 г. в Сталинграде значительно ухудшилась ситуация с крысами. Понадобилась дополнительная поставка родентицида «Крысид» для борьбы с ними, в организации которой участвовала комиссия [2: 52 об.].

Опасность для здоровья населения представляло такое заболевание, как цинга [3: 37]. Население испытывало острую нехватку витаминов. И ОЧППК предписывала заготовительным службам

города и предприятиям общественного питания налаживать поставки и использовать витаминизированные добавки при составлении меню. Также предписывалось планировать заготовительные кампании для растений и корнеплодов, богатых витамином С.

Следующим направлением работы комиссии была борьба с детскими инфекциями: корью, дифтерией, скарлатиной, коклюшем и токсической диспепсией среди детей [3: 26–26 об.]. ОЧППК контролировала оспопрививание и отслеживала случаи желудочно-кишечных заболеваний среди детей [3: 80]. Комиссия предлагала меры, направленные на снижение скученности в детских дошкольных учреждениях и улучшение медицинского наблюдения их воспитанников. В мае – июне 1944 г. произошел резкий подъем заболеваемости корью среди детей в районах области. ОЧППК приняла постановление о мерах предотвращения распространения болезни. Согласно документу, были выделены дополнительные объемы противокоревой сыворотки для райздравов и горздравотделов, развернута санитарно-просветительная работа среди населения о мерах профилактики заболевания. Кроме того, ужесточались меры наказания за допущение вспышек кори в детских учреждениях – привлечение к строгой ответственности врача или фельдшера, допустившего распространение болезни [3: 75].

Еще одной важной задачей было курирование противомаларийной работы. Здесь в последние военные годы наметился прогресс в сравнении с 1942 и 1943 гг., когда профилактика заболевания была сорвана [5: 45]. Однако и в 1944–1945 гг. ситуация с малярией оставалась напряженной.

При инспектировании деятельности местных учреждений чрезвычайная комиссия могла вскрывать факты халатной работы, которые сказывались на эпидемическом положении. Грубейшие нарушения противомаларийных мероприятий (самовольное снижение объема работ) в апреле 1944 г. были выявлены в Краснослободском районе. ОЧППК взяла ситуацию под контроль, обязав руководство райисполкома, райздравотдела и районную противоэпидемическую комиссию устранить недостатки и докладывать ежемесячно о предпринимаемых действиях [3: 51–51 об.].

Главными противомаларийными мерами, предложенными ОЧППК, были: обследование на малярию и лечение населения, учет всех переболевших в текущем году, проведение противорецидивного

лечения (акрихинизация), наблюдение новоприбывших в течение 20 дней, ликвидация ненужных для хозяйственных целей водоемов (осушение и засыпка мелких заболоченностей), выделение в помощь местным учреждениям здравоохранения хинизаторов и бонификаторов, предоставление транспорта и ядоматериалов для обработки водоемов, поддержание должного санитарного состояния мест общественного питания, отслеживание качества воды. Также местные малярийные станции и пункты, райздравотделы должны были провести пятидневные семинары с врачами и средним медперсоналом по клинике, профилактике и проведению простейших противомаларийных мероприятий [3: 53–54].

В период Великой Отечественной войны угрозу для населения представляла септическая ангина (алиментарно-токсическая алейкия). Заболевание связано с употреблением в пищу перезимовавших в поле злаков (проса, овса, гречихи и др.), зараженных грибом [1].

В СССР пик заболеваемости септической ангиной пришелся как раз на 1944 г. [4: 41]. Голод заставлял население собирать и употреблять в пищу зерна злаков, перезимовавших под снегом и зараженных грибом. 20 марта 1944 г. ОЧППК выпустила постановление о мерах предупреждения и борьбы с септической ангиной: выявление неубранных полей и ограничение доступа к ним людей для сбора зерен, разъяснительная работа среди медиков и населения по вопросам этого заболевания [3: 39–41]. Первые случаи заболевания стали появляться в начале апреля, они были единичными. К середине мая по области насчитывалось уже 310 больных септической ангиной в десяти районах, имелись и летальные исходы. Угроза болезни сохранялась и в 1945 г., а потому были утверждены те же меры борьбы с ней [2: 12].

В январе – феврале 1945 г. комиссия поднимала вопрос паразитарных тифов и разрабатывала меры их профилактики. К борьбе с тифами было решено привлечь преподавателей Сталинградского медицинского института [2: 2, 7]. В том же году в повестке дня комиссии появилась и тема борьбы с бруцеллезом, был разработан и принят комплексный план профилактики этого заболевания и борьбы с ним [2: 14, 21].

ОЧППК также утверждала планы профилактических прививок в области и отслеживала ход реализации вакцинации [3: 70, 109].

Также комиссия следила за санитарным состоянием школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ [3: 76].

Проверке подлежали уборка территорий и помещений, наличие ремонта, наличие банно-прачечного оборудования, умывального оборудования, организация питания и хранения продовольствия, состояние обучающихся: наличие вшей, инфекций. Комиссия держала на контроле и санитарное состояние общежитий города [2: 52].

Еще одним направлением деятельности ОЧППК была проверка состояния и работы санитарно-контрольных пунктов и санпропускников на железнодорожных станциях и вокзалах, речных пристанях [3: 1–1 об.; 2: 33].

Комиссия контролировала работу чрезвычайных районных комиссий и других санитарно-эпидемических учреждений. В феврале 1944 г. обсуждались недостатки в работе Нижне-Чирской санэпидстанции – невыполнение плана прививок против дифтерии и оспы (менее 50 % по каждой из инфекций) [3: 35–36]. В январе 1945 г. комиссия проверяла Краснооктябрьскую и Тракторозаводскую районные противоэпидемические комиссии. В их работе также был отмечен целый ряд недостатков, приведших к ухудшению санитарно-эпидемической обстановки [2: 1]. Комиссия оказывала помощь в поиске помещений и оборудования для учреждений санитарно-эпидемической службы [3: 43–44].

Таким образом, у чрезвычайной противоэпидемической комиссии было множество задач, каждую из которых можно отнести к разряду первостепенных. К ним относятся разработка и организация мероприятий по профилактике различных заболеваний и борьбе с ними, контроль санитарного состояния и работы учреждений здравоохранения и санитарии области. Сосредоточение широкого спектра направлений в руках одного органа – ОЧППК – позволяло достаточно эффективно отслеживать ситуацию в регионе, анализировать эпидемические риски и оперативно принимать решения при возникавших проблемах. Поэтому работу комиссии в 1944–1945 гг. можно оценить положительно. В тяжелых условиях Великой Отечественной войны ее чрезвычайные полномочия оправдали себя и позволили не допустить эпидемий в регионе.

Источники и литература

1. Алейкия алиментарно-токсическая // Большая советская энциклопедия. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/62591/Алейкия> (дата обращения: 03.03.2026).

2. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 65.
3. ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 43.
4. *Маркова С.В., Золоедов В.И.* К истории изучения «септической ангины»: вклад ученых Воронежского медицинского института // Гематология и трансфузиология. 2015. Т. 60. № 1. С. 41–42.
5. *Сукачева О.А.* Санитарный кордон: страницы истории санитарно-противоэпидемической организации Царицына – Сталинграда – Волгограда. Волгоград, 2009.
6. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 12. Д. 8.
7. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 67.

А.С. Линченко

РАЗРАБОТКА И ПРОИЗВОДСТВО В СТАЛИНГРАДЕ ГУСЕНИЧНОГО ТРАКТОРА ДТ-54

Одним из приоритетных направлений в отечественном тракторостроении военного и первого послевоенного периода была разработка новейших образцов гусеничной и колесной техники, а затем их запуск в серийное производство на базе восстанавливаемых и строящихся заводов страны. Таковыми в этот период были Сталинградский тракторный завод имени Ф.Э. Дзержинского и Владимирский тракторный завод (далее – СТЗ и ВТЗ соответственно), впоследствии ставшие флагманами сельхозмашиностроения в СССР.

Данное исследование основано на документах, обнаруженных в Центре документации новейшей истории Волгоградской области, а также на материалах Российского государственного архива научно-технической документации (г. Москва). Помимо архивных документов и материалов, автор опирался на информацию из юбилейного издания «Волгоград. Четыре века истории», вышедшего в 1989 г. [1].

На завершающем этапе восстановления машиностроительного комплекса Сталинграда советское руководство провело огромную работу по наращиванию производства новейших образцов военной и гражданской техники. Еще 21 сентября 1945 г. на заседании Сталинградского горкома ВКП(б) отмечался низкий уровень организации труда коллектива СТЗ и снижение заработной платы рабочих в отдельных цехах предприятия, особенно в III квартале того же

года. Одновременно с этим наблюдалось значительное ухудшение работы завода по выпуску продукции: июльская производственная программа была выполнена коллективом на 73,3 %, а августовская – на 88,8 % [3: 183–185 об.]. Главной причиной этого стало невыполнение плана по производительности труда. Начиная с лета 1945 г. значительно колебалась выработка на одного рабочего в денежном довольствии – с апреля по июнь со 118 до 1018 рублей, а с июля по август – с 878 до 1098 рублей [3: 183–185 об.].

Не выполнили план по производству чугунолитейный, тракторный, сталефасонный и моторный цеха. Согласно июльским и августовским производственным показателям, главными причинами отставания стали: во-первых, наличие значительных простоев по предприятию (66 тыс. ч (10,4 %) в августе, в том числе 27,8 тыс. ч по сталефасонному цеху, 11,5 тыс. ч – по чугунолитейному и 4,1 тыс. ч – по тракторному); во-вторых, невыполнение норм выработки значительным числом рабочих (24 % от общего количества). Третьим и четвертым факторами стали слабая механизация трудоемких работ (отсутствие подъемников) и недостаточная оснащенность рабочих мест вспомогательным оборудованием, приспособлениями и транспортными средствами (отсутствие тележек для перевозки деталей на участках, нехватка режущих, измерительных и вспомогательных инструментов на рабочих местах) [3: 183–185 об.].

Низкая производительность труда повлекла за собой общее снижение заработной платы заводского коллектива. Отдел труда и зарплаты предприятия выступал простым регистратором существующих недостатков по организации трудовой деятельности в промышленных цехах, недостаточно эффективно выполняя свои функции как в управлении, так и в разработке и проведении мероприятий по повышению производительности труда [3: 183–185 об.].

Начальники участков и промышленных цехов уделяли недостаточно внимания вопросам правильной расстановки рабочих на местах и повышению эффективности работы на станках. Недостаточно контролировалось исполнение разработанных организационно-технических мероприятий и дальнейшая подготовка рабочих мест перед началом трудовой смены. Необходимо было существенно усилить наглядную агитацию, показывающую опыт лучших рабочих. Молодежные бригады, многостаночники и работники, совмещающие профессии, должны были стать костяком

будущего успеха предприятия по разработке новых моделей тракторной техники [3: 183–185 об.].

Именно неудовлетворительная организация работы с комсомольско-молодежными бригадами и редко проводимые совещания с бригадами наряду с частой переброской рабочих на другие промышленные участки послужили причинами скорого расформирования многих бригад, что сыграло отрицательную роль в производственном процессе подготовки к выпуску новейшей модели гусеничного трактора ДТ-54. Для исправления ситуации Сталинградское бюро горкома ВКП(б) обязало главного инженера завода Л.Е. Макоеда, директора СТЗ Н.Т. Просвинова и помощника директора Монины обеспечить улучшение условий труда и заработной платы коллектива. Достичь этой цели необходимо было путем: грамотной и правильной расстановки рабочих и инженеров на трудовых местах; систематического изучения процесса производства в цехах путем фотографирования, использования рабочего времени для ликвидации причин низкой производительности труда; увеличения охвата рабочих сдельщиной к 1 декабря 1945 г.; широкого внедрения совершенных и современных методов производственных работ – сверхскоростных процессов резания, автоматизации и механизации (трудоемких работ), внедрения механизированных транспортных средств [3: 183–185 об.].

Данные меры, принятые руководством предприятия, а также богатый опыт проектирования и разработки предыдущих моделей тракторов в 1945–1948 гг. способствовали тому, что 25 ноября 1949 г. СТЗ начал выпуск новейшей модели гусеничного трактора ДТ-54.

В протоколе № 5 совещания у директора Научно-автотракторного института (далее – НАТИ) от 21 февраля 1950 г. содержатся сведения о докладе начальника отдела испытания тракторов М.А. Якоби. Из протокола следует, что план внедрения законченных работ по отделу испытания тракторов в целом был одобрен, а новейшая модель сталинградских тракторостроителей – трактор ДТ-54 – рекомендована для представления в министерство 15 марта того же года [2: 11–12].

В следующих протоколах № 6, 7 и 8 от 11 марта и 5 апреля 1950 г. говорится о заявлении начальника отдела двигателей об отсрочке начала испытаний дизель-мотора ДТ-54 до 17 апреля 1950 г. (по плану-графику лаборатории общих испытаний). Работа по подбору

смазочных масел для новой модели трактора должна была завершиться в срок. В протоколах говорится о необходимости при полевых испытаниях новейших образцов тракторов ДТ-54 и КД-35 проводить первичный микрометраж всех деталей, которые были указаны в программе испытаний. На том же совещании предписывалось ускорить работу по испытанию масляных фильтров на двигателе ДТ-54 [2: 13–13 об.].

Ранее на совещании у директора НАТИ от 18 мая 1948 г. по принятию в производство антидетонационной головки СТЗ одобрялось предложение лаборатории двигателей по организации испытаний двигателя предшествовавшей ДТ-54 модели трактора СТЗ-НАТИ, оснащенного указанными новшествами, предложенными тракторостроителями Сталинграда, Барнаула (Алтайский тракторный завод) и Владимира. По результатам всеобщего испытательного процесса давалась оценка качества этих головок при помощи топлив с различными октановыми числами. С.А. Щурову предлагалось в течение пяти дней представить конкурсный план работ по данному пункту своему заместителю С.И. Акопяну, а затем с целью продолжения исследовательских работ в Сталинграде по графику, составленному работниками НАТИ и СТЗ, который был утвержден сталинградским инженером Л.Е. Макоедом, вновь командировать туда младшего научного сотрудника М.Д. Старикова. Щурову же в трехдневный срок необходимо было изготовить конкретный проект докладной записки на имя министра автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения С.А. Аكوпова о ходе выполнения его приказа [2: 18–18 об.].

План по выпуску основной продукции Опытного завода реализовался с опережением графика благодаря общим усилиям сталинградцев и москвичей, что в конечном итоге предопределило колоссальный успех. Установка трансмиссий ДТ-54 была осуществлена сверх плана по производству на 1 июня 1950 г. и досрочно завершилась 30 июля. Чертежи и готовая продукция были сданы вовремя [2: 30–33].

Коллективу тракторостроителей Сталинграда удалось дать стране к концу 1950 г. более 70 тыс. тракторов. В это время на предприятии действовало более 130 поточных линий, в том числе и автоматическая. Ее изобрел и впервые применил еще в 1939 г. сталинградский рабочий И.П. Иночкин. С 1948 г. на предприятии действовал отдел автоматики и механизации во главе с автором

изобретения, который стал главным конструктором завода. Широкое развитие получило движение за экономию. Его инициатором выступила бригада кузнецов А.Я. Белоусова. Этот почин подхватили коллективы многих заводов и фабрик возрождавшегося города и юга страны. Сам бригадир стал в 1950 г. лауреатом государственной премии СССР.

Важным моментом является обращение коллектива СТЗ в январе 1951 г. ко всем предприятиям города с призывом взять шефство над строящимся Волго-Донским судоходным каналом. Сами тракторозаводцы стали шефами Мариновского строительного района, помогая ему за счет внутренних резервов в ремонте техники, изготовлении необходимого оборудования и инструментов, а также в обучении молодых строителей различным профессиям – в первую очередь, бульдозеристов, которые работали на созданных машинах, имевших гусеничную базу ДТ-54. Примеру коллектива СТЗ последовали примерно 80 предприятий, транспортных и строительных организаций города. Был создан фонд Волго-Дона [1: 285, 298].

За указанный период была осуществлена техническая реконструкция СТЗ, после чего его производственная мощность выросла более чем в два раза. Именно это и стало предпосылкой создания в промышленных корпусах новой модели гусеничного трактора ДТ-75, пришедшего на смену ДТ-54. Его конструкция выгодно отличалась от предшественника. Вес машины стал на 300 кг меньше, мощность мотора увеличилась до 75 л.с., повысилась комфортабельность рабочего места тракториста. На международных выставках в Будапеште и Лейпциге достижения сталинградцев были отмечены серебряными медалями [1: 303–304]. 4 апреля 1960 г. сталинградцы собрали свой миллионный трактор. Произведенные СТЗ трактора продолжали трудиться и на постсоветском пространстве.

Источники и литература

1. Волгоград. Четыре века истории. Волгоград, 1989.
2. Российский государственный архив научно-технической документации. Ф. 72/Р-323. Оп. 16-6. Д. 1.
3. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 71. Оп. 5. Д. 9.

РАЗДЕЛ 5

ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ФРОНТА И ТЫЛА

И.А. Костенко

ОТВАГОЙ РОЖДЕННЫЕ **(по документам Государственного архива** **Донецкой Народной Республики)**

Статья основана на документах, хранящихся в Государственном архиве Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Они повествуют нам о Героях Советского Союза, участниках Великой Отечественной войны – уроженцах современной территории республики или проживавших в регионе.

Звание Героя Советского Союза было учреждено Постановлением ЦИК СССР 16 апреля 1934 г. 1 августа 1939 г. указом Президиума Верховного Совета СССР был введен дополнительный знак отличия – медаль «Золотая Звезда» [1: 1].

В фонде Р-3265 ГА ДНР «Документальные материалы о Героях Советского Союза (коллекция)» собраны личные документы (автобиографии, наградные листы, личные фотографии и представления к награждению) 10 защитников Родины, получивших высшую степень отличия в СССР – звание Героя Советского Союза, которое присваивалось за особый героизм или выдающиеся заслуги во время боевых действий. Ниже речь пойдет о трех участниках Великой Отечественной войны, удостоенных звания Героя Советского Союза, – выходцах из Сталинской области (в настоящее время – ДНР).

Кузьма Дмитриевич Гаркуша родился 3 августа 1917 г. в пос. Грузско-Ломовка, который сегодня является частью г. Макеевка. Он происходил из рабочей семьи. После окончания педагогического техникума в 1936 г. Кузьма Гаркуша был призван на службу в Красную армию. После окончания Ворошиловградской военной авиационной школы пилотов в 1939 г. он проходил службу в Военно-воздушных силах Киевского военного округа. В начале Великой Отечественной войны К.Д. Гаркуша служил

в 253-м истребительном авиационном полку и принимал активное участие в боевых действиях на Юго-Западном, Северном, Сталинградском, 2-м Белорусском и других фронтах. Кузьма Дмитриевич Гаркуша был удостоен звания Героя Советского Союза «за 14 сбитых немецких самолета, из них 12 бомбардировщиков, за 25 уничтоженных самолетов-разведчиков типа Ю-52, за 320 боевых вылета без единой потери, за героизм, мужество и отвагу, проявленную в бою за Родину с немецко-фашистскими захватчиками» [3: 17].

Пётр Степанович Малышев родился 19 июля 1910 г. в д. Жилино, которая сегодня относится к Рыльскому району Курской области. После окончания начальной школы он трудился в колхозе. В мае 1928 г. Малышев переехал в г. Сталино (с 1961 г. – Донецк) и работал на шахте № 10 «Чекист». В начале Великой Отечественной войны оказался в оккупации. После освобождения Сталино в сентябре 1943 г. Пётр Степанович был призван в Красную армию. С октября 1943 г. он сражался на фронте в составе 1118-го стрелкового полка 333-й стрелковой дивизии 6-й армии 3-го Украинского фронта [1: 1]. С 17 мая 1944 г. по 19 октября 1945 г. с ротой автоматчиков части 18854 «при форсировании реки Днепр под сильным артиллерийским минометным огнем противника первым занял место в лодке для переправы на правый берег. Достигнув берега, малой пехотной лопатой разрушил ограждение, чем дал возможность для атаки подразделению. Впереди подразделения бросился в атаку и забросал траншеи противников гранатами... Выбив из траншеи противника и обратив его в бегство, преследовал и уничтожал немцев... За время операции на правом берегу Днепра из винтовки уничтожил до 10 фрицев...» [4: 58]. За этот подвиг был удостоен звания Героя Советского Союза. За период участия в Великой Отечественной войне «был награжден дополнительно Орденом Красная Звезда, медалями: дважды “За отвагу”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”, “За Победу над Германией”, имел десять благодарностей от Сталина и благодарность от Маршала Советского Союза Жукова» [1: 1].

Пётр Сидорович Шматуха родился 22 июня 1922 г. в с. Гута-Студенецкая (ныне – Сновский район Черниговской области) в крестьянской семье. После окончания 7 классов школы работал в колхозе. Переехал в Покровский район Днепропетровской области. В мае 1941 г. был призван в Красную армию. В июне 1941 г. оказался на линии фронта. Наводчик орудия 115-го гвардейского

истребительно-противотанкового артиллерийского полка гвардии сержант Пётр Шматуха проявил исключительное мужество осенью 1943 г. во время операции по форсированию р. Днепр. В документе говорится: «...сержант Шматуха в числе первых переправился со своим орудием и, заняв огневую точку, сразу же открыл огонь по противнику, непрерывно поддерживая нашу пехоту и отбивая контрнаступления пехоты и танков противника... огнем своего орудия истребил до 20 немецких солдат и офицеров, поджог танк “т-6”. Будучи раненым, не уходил от орудия, продолжая вести огонь по противнику и подбил еще два танка. Только после окончания боя разрешил сделать себе перевязку» [4: 109]. За этот героический подвиг 26 октября 1943 г. Петру Сидоровичу Шматухе было присвоено звание Героя Советского Союза. Кроме того, он был награжден орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда» [2: 3]. После окончания войны старший сержант Шматуха демобилизовался и поселился в г. Сталино. До выхода на пенсию он трудился в органах внутренних дел, работал забойщиком и мастером-взрывником на шахте.

В современном мире наблюдаются попытки искажения или переосмысления событий Великой Отечественной войны, дегероизации ее участников. Изучение истории нашей Родины на основе архивных документов позволяет противостоять таким попыткам, сохранять правду о прошлом, исходя из информации первоисточников, и не допускать ее искажения.

Источники и литература

1. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Ф. Р-3265. Оп. 4. Д. 3.
2. ГА ДНР. Ф. Р-3265. Оп. 10. Д. 3.
3. ГА ДНР. Ф. Р-3265. Оп. 11. Д. 1.
4. ГА ДНР. Ф. Р-3265. Оп. 11. Д. 2.

И.Б. Полуэктов

**«ВСЕГДА ВПЕРЕДИ ГЕНЕРАЛ НАШ ЛЮБИМЫЙ,
КРЮЧЁНКИН НА БОРЗОМ КОНЕ...»**

**(к 85-летию со времени создания первых гвардейских
формирований советской конницы)**

Начальный период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.) стал самым тяжелым этапом вооруженного

противостояния Советского Союза с нацистской Германией и ее сателлитами. Красная армия в результате невыгодно сложившейся для нее обстановки была вынуждена вести кровопролитные оборонительные бои, отступить и оставить противнику огромные территории, на которых до войны проживало 42 % населения, производилось около 71 % чугуна и 60 % стали, находилось 47 % всех посевных площадей [4].

Тем не менее даже в неблагоприятных условиях советские воины сражались мужественно и умело, наносили врагу чувствительные потери, что позволило уже к началу зимы 1941/1942 гг. сначала остановить продвижение врага, а затем обратить его вспять в ходе Ростовской и Тихвинской наступательных операций и контрнаступления под Москвой.

Именно в 1941 г., помимо награждения воинских коллективов орденами и присвоения им почетных наименований, появился новый мощный стимул совершенствования боевого мастерства, сплочения воинов, их мобилизации на самоотверженную борьбу с врагом – преобразование частей и соединений в гвардейские. В целом за период 1941–1945 гг. свыше 4,5 тыс. частей и кораблей, соединений и объединений Красной армии и Военно-морского флота стали гвардейскими, среди них: 11 общевойсковых и 6 танковых армий; 1 конно-механизированная группа; 42 стрелковых, 13 авиационных, 12 танковых, 9 механизированных и 7 кавалерийских корпусов; 124 стрелковые, 62 авиационные, 17 кавалерийских, 10 воздушно-десантных, 7 реактивной артиллерии, 6 артиллерийских, 6 зенитных артиллерийских дивизий; 339 стрелковых, 245 танковых, 177 реактивной артиллерии, 101 самоходно-артиллерийских, 76 истребительно-противотанковых, 65 воздушно-десантных, 37 механизированных, 20 мотострелковых, 1 железнодорожная и 6 инженерных бригад и полков; 325 артиллерийских, 284 авиационных, 60 кавалерийских, 58 зенитно-артиллерийских полков; 86 флотских формирований, в том числе 34 корабля. Присвоение гвардейских званий осуществлялось приказами Верховного главнокомандующего и Народного комиссара обороны (далее – НКО) СССР И.В. Сталина [6: 280].

В то же время непосредственно в 1941 г. преобразование частей и соединений Красной армии в гвардейские осуществлялось довольно скупо (см. табл. 1).

Таблица 1

**Формирования Красной армии,
удостоенные гвардейского звания в 1941 г.**

№№ п/п	Наименование воинской части (соединения)	Наименование и номер документа о присвоении гвар- дейского звания	Подчиненность во- инской части (сое- динения) на момент присвоения гвар- дейского звания	Наименование воинской части (соединения) после присвоения гвар- дейского звания
1.	100-я стрелко- вая дивизия	Приказ НКО СССР от 18.09.1941 № 308	24-я армия (далее – А) Резервного фронта	1-я гвардейская (далее – гв.) стрелковая ди- визия
2.	127-я стрелко- вая дивизия	Приказ НКО СССР от 18.09.1941 № 308	Брянский фронт	2-я гв. стрелко- вая дивизия
3.	153-я стрелко- вая дивизия	Приказ НКО СССР от 18.09.1941 № 308	20 А Западно- го фронта	3-я гв. стрелко- вая дивизия
4.	161-я стрелко- вая дивизия	Приказ НКО СССР от 18.09.1941 № 308	20 А Западно- го фронта	4-я гв. стрелко- вая дивизия
5.	1-я Московская мотострелко- вая дивизия	Приказ НКО СССР от 21.09.1941 № 311	16 А Западно- го фронта	1-я гв. мото- стрелковая Мо- сковская дивизия
6.	107-я стрелко- вая дивизия	Приказ НКО СССР от 26.09.1941 № 318	24 А Резерв- ного фронта	5-я гв. стрелко- вая дивизия
7.	120-я стрелко- вая дивизия	Приказ НКО СССР от 26.09.1941 № 318	24 А Резерв- ного фронта	6-я гв. стрелко- вая дивизия
8.	64-я стрелковая дивизия	Приказ НКО СССР от 26.09.1941 № 318	19 А Западно- го фронта	7-я гв. стрелко- вая дивизия
9.	4-я танковая бригада	Приказ НКО СССР от 11.11.1941 № 337	16 А Западно- го фронта	1-я гв. танковая бригада
10.	316-я стрелко- вая дивизия	Приказ НКО СССР от 18.11.1941 № 339	16 А Западно- го фронта	8-я гв. стрелко- вая дивизия
11.	2-й кавалерий- ский корпус	Приказ НКО СССР от 26.11.1941 № 342	Западный фронт	1-й гв. кавале- рийский корпус
12.	5-я кавалерий- ская дивизия	Приказ НКО СССР от 26.11.1941 № 342	2-й кавале- рийский корпус (далее – КК) Западного фронта	1-я гв. кавале- рийская дивизия

Продолжение табл. 1

13.	9-я кавалерийская дивизия	Приказ НКО СССР от 26.11.1941 № 342	2-й КК Западного фронта	2-я гв. кавалерийская дивизия
14.	3-й кавалерийский корпус	Приказ НКО СССР от 26.11.1941 № 342	Западный фронт	2-й гв. кавалерийский корпус
15.	50-я кавалерийская дивизия	Приказ НКО СССР от 26.11.1941 № 342	3-й КК Западного фронта	3-я гв. кавалерийская дивизия
16.	55-я кавалерийская дивизия	Приказ НКО СССР от 26.11.1941 № 342	3-й КК Западного фронта	4-я гв. кавалерийская дивизия
17.	78-я стрелковая дивизия	Приказ НКО СССР от 26.11.1941 № 342	16 А Западного фронта	9-я гв. стрелковая дивизия
18.	29-й Краснознаменный ордена Ленина истребительный авиационный полк	Приказ НКО СССР от 06.12.1941 № 347	ВВС Северо-Западного фронта	1-й Краснознаменный и ордена Ленина гвардейский истребительный авиационный полк
19.	526-й истребительный авиационный полк	Приказ НКО СССР от 06.12.1941 № 348	52-я отдельная армия	2-й гв. истребительный авиационный полк
20.	155-й истребительный авиационный полк	Приказ НКО СССР от 06.12.1941 № 349	55-я смешанная авиационная дивизия (далее – сад) 7-й отдельной армии	3-й гв. истребительный авиационный полк
21.	31-й пикирующий бомбардировочный авиационный полк	Приказ НКО СССР от 06.12.1941 № 50	55 сад 7-й отдельной армии	4-й гв. пикирующий бомбардировочный авиационный полк
22.	129-й истребительный авиационный полк	Приказ НКО СССР от 06.12.1941 № 351	ВВС Калининского фронта	5-й гв. истребительный авиационный полк
23.	215-й штурмовой авиационный полк	Приказ НКО СССР от 06.12.1941 № 352	ВВС Западного фронта	6-й гв. штурмовой авиационный полк
24.	5-й кавалерийский корпус	Приказ НКО СССР от 25.12.1941 № 366	Юго-Западный фронт	3-й гв. кавалерийский корпус

Окончание табл. 1

25.	3-я кавалерий- ская дивизия	Приказ НКО СССР от 25.12.1941 № 366	5 КК Юго-Запад- ного фронта	5-я гвардейская кавалерийская дивизия
26.	14-я кавалерий- ская дивизия	Приказ НКО СССР от 25.12.1941 № 366	5 КК Юго-Запад- ного фронта	6-я гвардейская кавалерийская дивизия
27.	52-я стрелковая дивизия	Приказ НКО СССР от 25.12.1941 № 366	14 А Карельского фронта	10-я гвардей- ская стрелковая дивизия

При этом из частей и соединений, действовавших на южном участке советско-германского фронта, высокого гвардейского звания были удостоены лишь 5-й кавалерийский корпус (командир – генерал-майор Василий Дмитриевич Крючёнкин) и входившие в его состав 3-я Бессарабская ордена Ленина, дважды Краснознаменная кавалерийская дивизия имени Г.И. Котовского (командир – генерал-майор Михаил Фёдорович Малеев) и 14-я кавалерийская Коммунистического интернационала молодежи ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Красной Звезды дивизия имени А.Я. Пархоменко (командир – полковник Анатолий Иванович Белогорский).

Как отмечалось в приветственной телеграмме, подписанной главнокомандующим юго-западного направления (далее – ЮЗН) Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко и членом Военного совета ЮЗН Н.С. Хрущёвым: «Родина, великий Сталин по достоинству оценили ваши замечательные подвиги на полях Великой Отечественной войны. Бесстрашно истребляя лютых врагов – фашистских оккупантов, вы показали образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. Товарищи конники-гвардейцы! Крошите вражеские арьергардные заслоны, пробивайтесь к главным силам отступающего врага, режьте им пути отхода, окружайте, истребляйте, добивайте всю паршивую фашистскую немчину. <...> новыми подвигами вы умножите славу доблестной и стремительной советской конницы и покажете пример непоколебимого выполнения сталинского задания – истребить фашистских гадов всех до единого» [1: 2].

Хотя в приказе наркома обороны от 25 декабря 1941 г. не конкретизировалось, за какие подвиги кавалерийские соединения Юго-Западного фронта преобразованы в гвардейские, и приводилась стандартная формулировка: «За проявленную отвагу в боях

за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава» [9: 395], еще за две недели до его выхода в советской прессе был опубликован ряд материалов, отражавших успехи Красной армии в ходе зимнего контрнаступления.

В том числе внимание в этих публикациях уделялось успешным действиям советской конницы на южном участке советско-германского фронта, в частности участию частей 5-го кавкорпуса в боях по разгрому противника в районе г. Ельца. В ходе Елецкой операции правофланговые армии Юго-Западного фронта окружили и уничтожили две (45-ю и 95-ю) пехотные дивизии немцев из состава 34-го армейского корпуса 2-й армии группы армий «Центр», нанесли врагу урон в живой силе и технике, освободили до 400 населенных пунктов и к исходу 16 декабря 1941 г. отбросили неприятеля на рубеж Новосёлки, восточнее Ливны, Александровка, ликвидировав елецкий выступ [3: 290, 309, 311].

В своей передовице «Слава красным конникам!» газета «Известия» отмечала: «В боях за город Елец <...> большую роль сыграла красная кавалерия. Умело взаимодействуя с другими родами войск, конники стремительными и смелыми налетами нанесли серьезный урон врагу, заставив его поспешно отступать на ряде важных участков военных действий. Только кавалеристы командира Крючёнкина уничтожили под Ельцом свыше 1000 немецких солдат и офицеров и захватили большие трофеи» [10: 1].

В этих ожесточенных наступательных декабрьских боях 1941 г. особенно отличились конники 76-го кавалерийского полка 14-й кавдивизии под командованием подполковника Ивана Фёдоровича Пташкина, который 8 декабря в бою в районе х. Юрские Дворы впереди передового отряда повел полк в конную атаку на противника, разгромил штаб и тылы немецкой пехотной дивизии, уничтожив при этом до 70 вражеских солдат и офицеров и захватив большой обоз с продовольствием и боеприпасами, пленных, пять станковых пулеметов и три орудия. 10 декабря полк под командованием подполковника И.Ф. Пташкина уничтожил еще около 120 немцев, захватил 30 грузовых машин с продовольствием и имуществом связи, пять легковых машин, до 35 пленных [11: 210 об.].

В ходе успешного наступления и преследования бегущего противника 31-й кавполк той же дивизии (командир – майор Михаил

Викторович Бузынный) в районе с. Алексеевка уничтожил до роты пехоты противника, захватил трофеи и пленных. Находясь в передовых порядках полка, майор М.В. Бузынный 8 декабря в окрестностях деревни Хитрово лично уничтожил до 15 немцев, обеспечил захват в плен 27 вражеских солдат и офицеров, взятие в качестве трофеев 40 бричек с разным имуществом, пять автомашин, две пушки, семь станковых пулеметов, более 100 винтовок, большое количество боеприпасов и другое вооружение. В этих боях Михаил Викторович был ранен, но продолжил командовать полком вплоть до окончательного разгрома врага на данном участке [11: 98 об.].

34-й кавалерийский полк 3-й кавдивизии, которым командовал майор Павел Порфирьевич Брикель (в дальнейшем – гвардии генерал-майор, командир 6-й гвардейской кавалерийской дивизии, удостоенный за умелое командование этим соединением звания Героя Советского Союза), и 99-й кавполк той же дивизии во главе с батальонным комиссаром Денисовым совместным ударом уничтожили крупный гарнизон немцев в одном из населенных пунктов [7: 1].

В ходе контрнаступления под Ельцом советские конники часто использовали основное оружие кавалерии – холодное оружие: «В корпусе Крючёнкина, в дивизиях Малеева и Белогорского удар шашкой нашел самое широкое применение. <...> гвардейцы всегда стремятся <...> вынудить противника принять нашу атаку в конном строю. В боях за населенный пункт Н. кавалеристы подразделения Денисова <...> рубили, кололи, давили фашистов. Убегающих немцев настигали острые клинки. <...> кавалеристы Денисова истребили до 700 вражеских солдат и офицеров и захватили: 11 орудий, 37 пулеметов, 7 минометов, 232 винтовки, 8 автоматов, 143 лошади, 8 тысяч патронов <...>. Такова сила шашечного удара, который наши гвардейцы применяют в самых широких масштабах» [2: 2].

Впечатления от умелых, дерзких и отважных действий корпуса Крючёнкина были настолько ярки, что побудили известного советского поэта Евгения Ароновича Долматовского кардинально переработать первоначальный вариант своей «Конногвардейской песни», подготовленной для сборника «Песни Юго-Западного фронта» [8: 3].

В новом варианте, ставшем известным всей стране, появились посвящение «бойцам и командирам 3-го гвардейского

кавалерийского корпуса» и новые строки, отражавшие героизм и мужество героев-конников:

Промчавшись сквозь тучи военного дыма,
Добудем победу в огне.
Всегда впереди генерал наш любимый,
Крючёнкин на борзом коне. <...>
Идет в наступление наш корпус ударный, –
Мы русской отваги полны.
Пархоменко с нами – начдив легендарный,
Как в годы гражданской войны! [5: 2].

Источники и литература

1. Алексеев С. Богатырские удары: Живут и множатся традиции Первой Конной (от специального корреспондента «Комсомольской правды») // Комсомольская правда. 1941. 27 декабря. № 305 (5091). С. 2.
2. Бобкин Л.В. Конная гвардия Крюченкина громит врага // Комсомольская правда. 1941. 27 декабря. № 305 (5091). С. 2.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах: в 2 т. Т. I. М., 2010.
4. Военно-политические итоги первого периода Великой Отечественной войны. URL: <https://nagolovu-voenny.livejournal.com/31857.html> (дата обращения: 05.03.2026).
5. Долматовский Е. Конногвардейская песня // Комсомольская правда. 1941. 27 декабря. № 305 (5091). С. 2.
6. Полуэктов И.Б. Отдельные аспекты присвоения почетных наименований частям и соединениям Вооруженных Сил Российской Федерации на современном этапе // Материалы IX международной конференции «Военная история: люди, судьбы, свершения» / Под ред. В.А. Носова, С.А. Пищулина. СПб., 2022. С. 279–286.
7. Рузов М. Как был взят город Елец // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1941. 11 декабря. № 292 (7668). С. 1.
8. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1864. Оп. 2. Д. 72.
9. Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 12. Д. 99.
10. Слава красным конникам! // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1941. 12 декабря. № 293 (7669).
11. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 433.

М.П. Мерзляков, 3.3. Кузеева

**ВОЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФРОНТОВОГО КОРРЕСПОНДЕНТА
«КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ» А.В. КАЛИНИНА**

Имя Анатолия Вениаминовича Калинина – донского писателя, поэта, критика, публициста, фронтового корреспондента – навсегда вписано в историю русской и советской литературы. А.В. Калинин был не просто выдающимся мастером слова, но и человеком огромной души, который как никто другой радел за судьбы людей из народа. М.А. Шолохов, высоко ценивший талант А.В. Калинина, писал ему: «От тебя человеческое тепло далеко идет. Мне, например, легче живется, как только подумаю о тебе. Очевидно, и многим другим» [12].

Неудивительно, что человек, так глубоко чувствовавший и понимавший других, выступавший за справедливость и честность, с первых дней войны стал рваться в действующую армию, чтобы исполнить свой долг перед Родиной. Однако выявленный порок сердца препятствовал его службе в кадровых подразделениях. В 1941 г. А.В. Калинин стал специальным военным корреспондентом «Комсомольской правды» на фронтах Южного направления. К этому времени он уже имел опыт военного журналиста: в 1940 г. во время войны с Финляндией он был командирован на финский фронт в качестве военкора этой же газеты. В «Комсомольской правде» он начал работать с 1935 г. собственным корреспондентом в Кабардино-Балкарии, Армении, Украине и Ростовской области [1]. Корреспондентом «Комсомолки» Анатолий Калинин являлся вплоть до демобилизации в 1945 г. в звании майора интендантской службы.

Журналистом газеты «Комсомольская правда» А.В. Калинин стал не случайно. Еще будучи пионером, он печатал небольшие заметки о станичной жизни, первых колхозах на Дону в газетах «Ленинские внучата» и «Пионерская правда» [1]. Когда Анатолию было 16 лет, его очерки и фельетоны стали появляться в Новочеркасской городской газете «Знамя коммуны» и областной газете «Молот». Он писал о людях, с которыми встречался, их проблемах и мечтах. Работал молодой Калинин в разных жанрах: репортаж, очерк, путевые заметки, портрет.

Фронтовые репортажи А.В. Калинина раскрывали героизм рядовых солдат и командиров Красной армии, ужасы оккупации

и радость освобождения. Правдивость передаваемых событий, точность информации были одним из главных достоинств его материалов. А.В. Калинин всегда старался предоставить больше данных об участниках событий, тщательно проверяя всё перед печатью. Помимо собственных наблюдений, он опирался на таблицы, карты, которые передавали ему его фронтовые товарищи [10].

За годы войны за авторством А.В. Калинина в газете «Комсомольская правда» вышло в печать огромное количество военной публицистики и художественных произведений, основанных на документальных источниках. Где бы ни находился фронтовой журналист, отовсюду он направлял в Москву описание увиденного. В настоящей статье мы рассмотрим лишь некоторые из этих материалов.

Первая статья А.В. Калинина, относящаяся к периоду Великой Отечественной войны, вышла 24 августа 1941 г. под названием «Потерь не будет». Главная мысль автора – о необходимости обеспечить фронт продовольствием и не дать врагу захватить урожай 1941 г.

5 января 1943 г. опубликована заметка «Моздок наш!». В ней А.В. Калинин описывал героический штурм укрепленного узла противника в с. Дыдыкино Ставропольского края и самого Моздока. Он рассказывал о подвиге конкретных бойцов: майора Левита, артиллериста Шульги, казака Зубкова и сержанта Бекенева, проявивших мужество и самоотверженность в борьбе с врагом [5]. В январе того же года военкор Калинин по заданию газеты из Ставропольского края направился в Ростовскую область. «Комсомольская правда» активно перемещала своих военных корреспондентов. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях супруга А.В. Калинина Александра Юлиановна. «Комсомолка» всегда печатала новости практически с горячих точек событий и делала это с особой оперативностью, что отмечали в Москве [6: 123].

13 января 1943 г. в «Комсомольской правде» А.В. Калинин опубликовал статью «По военной дороге», в которой описал продвижение Красной армии на Северном Кавказе [7]. На следующий день после этой статьи вышел большой очерк «Донские казаки», посвященный событиям в ст. Великокняжеской и на прилегающих территориях вдоль р. Дон, а также в х. Верхнесеребряковском, которые стали ареной героической борьбы донских казаков в годы Великой Отечественной войны [2].

14 февраля 1943 г. в ходе Северо-Кавказской наступательной операции советскими войсками был освобожден Ростов-на-Дону.

16 февраля в «Комсомольской правде» вышла статья А.В. Калинина «Как был освобожден Ростов-на-Дону». Журналист описал путь советских войск вдоль Дона и станции Западной, откуда велось наступление [4]. Отметим, что Анатолий Калинин был на передовой и во время освобождения Ростова-на-Дону после первой оккупации в ноябре 1941 г. Тогда же он опубликовал в газете две статьи, посвященные боям за город, а чуть позже, в декабре, еще одну статью – «В освобожденном Ростове».

В 1943 г. выходят статьи А.В. Калинина, посвященные боям за Донбасс и освобождению Украины. Первый материал из этого блока вышел 27 июля 1943 г. под названием «Донбасс, страна моя...», в котором автор описал бои за освобождение этого крупного центра угольной промышленности СССР.

Во время ожесточенных сражений 1943 г. на линии Миус-фронта Анатолием Калининым был опубликован очерк «Квадрат боя», описывавший бои у с. Самбек в Ростовской области. Сегодня на этом месте расположен Народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты», где хранится оригинал рукописи данной статьи, переданный дочерью писателя Н.А. Калининой.

Нельзя обойти стороной очерк А.В. Калинина «Родник в степи», в котором рассказывается о том, как военные моряки, похоронив своих товарищей, установили на месте захоронения памятник из серой глыбы дикого камня с высеченными на нем именами героев и как впоследствии там забил родник.

В 1943 г. в Ростове-на-Дону вышла небольшая книга-очерк Анатолия Калинина «Казаки идут на Запад». В ней писатель рассказывал о донских казаках, участвовавших в боях за Днепр, особенностях ведения боя в конном строю, описывал «страшный баклановский удар», которым старый багаевский казак разрубил немца, предварительно «шлепнув саблей плашмя ниже спины» [3: 5]. Также в очерке дана информация о формировании казачьих кавалерийских эскадронов, которая не нашла отражения в военных документах. Автор пишет, что вначале эти подразделения были сформированы без различий по хуторам и станицам: верховые и низовые казаки были призваны вместе, но в ходе боевых действий происходило внутреннее переформирование. С течением времени воинские подразделения меняли состав посредством перевода из одной

части в другую. Появились взводы из уроженцев ст. Багаевской, Кривянской, Каменской и т.д. Война возродила традицию набора казаков в эскадроны по старинному обычаю: в казачьи сотни до революции призывали из станиц и хуторов одного казачьего юрта. Именно в битве с фашизмом началось истинное возрождение казачества, считал А.В. Калинин. Писатель не скрывал информацию о своем казачьем происхождении. Его отец Вениамин был из казаков ст. Новочеркасской, мама – из семьи каменных казаков. Анатолий Вениаминович не мог не писать о них, несмотря на сложные отношения донцов и советской власти. На вопрос о казаках он прямо отвечал: «Да, тогда боялись это произносить» [6: 217].

В военный период в творчестве Анатолия Калинина появился новый жанр – стихи. В 1943 г. впервые выходит в печать стихотворение «Дума о Родине», размещенное на странице газеты «Комсомольская правда» 26 июля 1943 г. Стихотворение представляет собой лирическое произведение, выражающее глубокие патриотические чувства автора. В нем описано особое чувство осознания Родины, которое объединяет людей и дает силы в тяжелые моменты жизни. В стихах А.В. Калинин также затрагивает тему человеческой психологии, раскрывая в своих произведениях глубокие переживания героев. Стихотворение «Баллада о ненависти», написанное в октябре 1943 г., показывает состояние солдатской психики, которая трансформируется под влиянием сложившейся ситуации. Эти изменения начинаются с проявления жалости к пленному немцу и заканчиваются беспощадным возмездием, вызванным увиденными зверствами войск СС в украинских деревнях. Отметим, что описанные события произошли практически на глазах А.В. Калинина, и он перенес впечатления о них на страницы своего блокнота.

По сравнению с произведениями раннего периода войны меняется тон повествования писателя: «ощущение безмерной тяжести вражеского нашествия, чувство горечи и тревоги за судьбу Родины в произведении Анатолия Калинина уступают место уверенному чувству превосходства над врагом, рождающемуся в жестокой борьбе» [9]. На изменение восприятия войны А.В. Калининым повлияли ужасы оккупации, увиденные им в Донбассе и на Украине. Это прослеживается от статьи к статье, от повести к романам и стихам. В стихотворении «Баллада о верности» (1943 г.) повествуется о трагической истории семьи. В прифронтовом хуторке женщина, отказавшись

подчиняться немецкому оккупанту и «стать его женой», убивает его. В отместку немцы сжигают ее вместе с детьми в доме.

В том же году во время двухмесячного отпуска, который А.В. Калинин провел возле Мелитополя в д. Искровка, родился его первый военный роман «На юге». Произведение повествует об истории формирования 5-го Донского кавалерийского казачьего корпуса и его участия в боевых действиях на Северном Кавказе в конце 1942 г. Литературовед и критик В. Перцов пишет о произведении: «Читателю становится ясным – и это достоинство повести, – как бережно сохранила советская власть воинственные традиции казачества, влив их в арсенал боевых традиций нашей Красной Армии» [9].

Роман «На юге» был опубликован в 1944 г. в журнале «Новый мир», а чуть позже в том же году выпущен в Ленинграде в издательстве «Молодая гвардия». В первых редакциях по требованию военной цензуры фамилии командиров были изменены на вымышленные: вместо генерала Селиванова – Милованов, вместо полковника Горшкова – Рожков. Несомненная заслуга и большое писательское мужество Анатолия Калинина состояли в том, что он первым осмелился написать в романе, что казаки наравне с советскими орденами носили Георгиевские кресты. Для самого автора это было свидетельством проявления любви донских казаков к России, которую они не делили на царскую и большевистскую. За это смелое утверждение А.В. Калинина впоследствии обвинят в «квасном патриотизме» [8].

В 1944 г. на территории Западной Украины во Львове, Хатыни, Румынии А.В. Калинин написал роман «Товарищи», посвященный воинской дружбе. Роман был опубликован в 1945 г. в журнале «Новый мир» и немногим позже выпущен в Ростовском книжном издательстве. Несмотря на то что роман посвящен героической борьбе советского народа с немецко-фашистскими захватчиками, он не лишен лиризма. Н.И. Селиванова о романе «Товарищи» писала А.В. Калинину следующее: «Дорогой Анатолий Вениаминович, прочли мы оба Вашу книгу “Товарищи” и с большой радостью отметили, что она написана лучше, чем “На юге” (хотя и не о нашем корпусе). Читается легче и захватывающий образ женщины нежнее, тоньше. Ваша Саша очень хороша. Я много в ней вижу черт Вашей действительной Саши. Тонкий профиль, волосы, вся фигура» [11].

По окончании Великой Отечественной войны работа по созданию военных произведений не была основным направлением

в деятельности А.В. Калинина, хотя ему были переданы документы 5-го Донского казачьего кавалерийского корпуса. Безусловно, в своих последующих публикациях он возвращался к событиям минувшей войны, раскрывая связь между прошлым и настоящим.

Анатолий Калинин, воевавший с врагом не только пером, но и с оружием, в своих фронтовых статьях и художественных произведениях запечатлел всю жестокую правду о войне. Его работы являются одним из ярчайших примеров сохранения и передачи исторической памяти через литературное слово. Личный и профессиональный авторитет писателя и фронтового журналиста А.В. Калинина основан на верности Родине, правдивости и человечности.

Источники и литература

1. Анатолий Вениаминович Калинин // Раздорский этнографический музей-заповедник. URL: <https://museum-razdory.ru/kalinin/?type=special> (дата обращения: 08.03.2026).

2. Калинин А. Донские казаки // Комсомольская правда. 1943. 14 января. № 11 (5413). С. 3.

3. Калинин А. Казаки идут на запад. Ростов-на-Дону, 1943.

4. Калинин А. Как был освобожден Ростов-на-Дону // Комсомольская правда. 1943. 16 февраля. № 38 (5440). С. 4.

5. Калинин А. Моздок наш! // Комсомольская правда. 1943. 5 января. № 3 (5405). С. 3.

6. Калинин А. От военного корреспондента «Комсомолки». Ростов-на-Дону, 2012.

7. Калинин А. По военной дороге // Комсомольская правда. 1943. 13 января. № 10 (5412). С. 4.

8. Калинина Н.А. Вместо посвящения // Литрес. URL: <https://www.litres.ru/book/anatoliy-kalinin/cygan-69732853/chitat-onlayn/> (дата обращения: 08.03.2026).

9. Перцов В.О. Новый голос // Комсомольская правда. 1945. 30 января. № 24 (6044). С. 4.

10. Письмо Жук О.В. – начальника разведотдела 5 Донского Казачьего Кавалерийского Корпуса Калинину А.В. От 16.02.47 г. // Раздорский этнографический музей-заповедник (далее – РЭМЗ). ОФ-14759.

11. Письмо от Селивановой Н.И. Калинин. От 26.04.46 г. // РЭМЗ. ОФ-14771.

12. Шолохов М.А. – Калинину А.В., 16 февраля 1970 г. // Шолохов Михаил Александрович. URL: <https://sholohov.lit-info.ru/sholohov/pisma/letter329.htm> (дата обращения: 08.03.2026).

В.Н. Кальниченко

**ГАЗЕТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ А.В. КАЛИНИНА
В РОЛИ ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА
«КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ» В 1941–1942 гг.**

Актуальность исследования определяется несколькими аспектами. С одной стороны, это мемориальная составляющая, в частности, 110-летие со дня рождения советского и российского писателя Анатолия Вениаминовича Калинина. С другой стороны, недостаточно изучена личность писателя, его творческая биография, общественная и политическая деятельность в послевоенное время. Кроме того, отсутствует обобщающее научное исследование его литературной деятельности. В данной статье мы не ставим перед собой задачу охватить вышеизложенный перечень проблем, однако рассмотрим один из этапов его творческого пути, на котором появились его репортажи с фронта и было опубликовано несколько книг [7; 11].

Цель исследования – проанализировать публикации военного корреспондента А.В. Калинина в газете «Комсомольская правда» в 1941–1942 гг. Для реализации этой цели мы ставим следующие задачи: произвести подсчет публикаций А.В. Калинина в газете «Комсомольская правда» за этот период, определить основные темы его репортажей и дать характеристику его деятельности в роли военного корреспондента в 1941–1942 гг.

Услышав по радио выступление заместителя председателя совета народных комиссаров СССР и наркома иностранных дел В.М. Молотова «Граждане и гражданки Советского Союза», А.В. Калинин отправился в военкомат г. Новочеркасска, но, по сообщению его друга Александра: «Толя выскочил из кабинета весь красный, застегивая на ходу рубашку. <...> Пускай попробуют не взять в действующую армию. Сбегу» [17: 20]. Причина его непригодности заключалась в пороке сердца. Однако он не остановился и вскоре после многократных проверок получил возможность отправиться на фронт в действующую армию в качестве военного корреспондента «Комсомольской правды» [19: 63 об.]. В этой роли он находился с 12 августа 1941 г. по 21 сентября 1945 г. [17], по другим свидетельствам – «по октябрь 1945 г.» [18: 7].

На сегодняшний день мы располагаем неполными данными о количестве публикаций А.В. Калинина в газете «Комсомольская правда» военного времени. Для данного исследования были рассмотрены выпуски газеты с 12 августа 1941 г. по 31 декабря 1942 г. В результате данного отбора удалось установить, что в 1941 г. им были опубликованы 10 статей и заметок, в 1942 г. – 31 статья и заметка. В целом в период с 12 августа по 31 декабря 1941 г. было напечатано 122 номера газеты, а в 1942 г. – уже 307 номеров. В последующие годы количество публикаций Калинина варьируется от 30 до 40. Количество статей было разным и по месяцам: в январе 1943 г. их насчитывается 12, а в июне – всего лишь одна. Изменялся и размер публикаций военного корреспондента. Если в 1941 г. из-под его пера преимущественно выходили заметки, то в 1942 г. публикуются уже и заметки, и статьи большего объема, чем в предыдущий год. А в 1943 г. на страницах газеты размещаются части его рассказа. Речь идет об очерке «Иван Смоляков», который в полном виде был опубликован в издательстве «Молодая гвардия» в том же году [5]. Следует сказать, что в рассматриваемые годы были периоды, когда публикации А.В. Калинина отсутствовали на страницах газеты, например, в сентябре 1941 г. и в августе 1942 г.

Первая небольшая заметка А.В. Калинина появилась на страницах «Комсомольской правды» 24 августа 1941 г. В ней он говорил об ответственном отношении «пионеров Дона», колхозников и комсомольского актива к сбору нового урожая. Он также сообщал о пионерских постах, организованных «в Константиновском, Сальском, Криворожском, Багаевском и десятках других районов Ростовской области» [9: 2]. Наличие подобных постов позволяло выявить неблагонадежных людей, появившихся в степях. Роль комсомольцев в помощи фронту также затронута в публикациях «В комсомольских организациях Ростова-на-Дону» [2: 1] и «Смерть предателя». Во второй заметке сообщается о подпольной деятельности партизан в Таганроге, в результате которой «уничтожили фашистского ставленника, убийцу Попова вместе со всем его уголовным аппаратом» [10: 3].

Следующая публикация вышла спустя месяц: 2 октября 1941 г. в газете была размещена заметка «Части командира Смирного теснят врага». В ней военный корреспондент А.В. Калинин передал по телефону в редакцию информацию о событиях юго-западного

направления. Он сообщил о продвижении частей Смирнова, отеснении врага на запад, ударах советской авиации, артиллерии и атаках пехоты, а также регулярных действиях партизан в тылу немецко-фашистских захватчиков [12: 3].

Сведения о боевых действиях также представлены в заметках «На подступах к Ростову», «Напряженные бои за Ростов», «Бои у реки Миус на Юге» и «Сбор трофеев на поле недавних битв», появившихся на страницах газеты в 1941 г. В первой публикации военный корреспондент обратил внимание на упорство советских солдат в обороне Ростова-на-Дону и на то, что даже погода противостоит врагу [6: 3]. Следующая заметка А.В. Калинина на данную тему сообщила о непримиримости бойцов Красной армии, их действиях по освобождению города. Он также упоминал тактические действия врага, использованные «при осаде Киева», когда враг стремился «захватить переправу через Дон» [8: 3]. В заметке с Южного фронта автор писал о боях на реке Миус, где Красная армия продолжала вести наступление, отбив важный «пункт Куйбышево» [1: 2]. И наконец, в публикации «Сбор трофеев на поле недавних боев» говорится о личном героизме советского солдата. Так, 23 декабря в неравной схватке встретились военный техник Николай Халин и два немецких офицера, «переодетых в форму командиров Красной Армии», которых Халину удалось задержать [15: 1].

В своих публикациях А.В. Калинин не обошел тему злодеяний немецко-фашистских захватчиков в период первой оккупации Ростова-на-Дону и Таганрога. Так, в статье «В освобожденном Ростове» говорится о повешенных мужчинах и женщинах на телеграфных столбах, разрушенных зданиях и грабежах горожан. В общей сложности, по сообщению автора, «на улицах Ростова уже подобрано свыше 2500 тел советских граждан», среди которых дети, женщины и старики [3: 3]. Подобная ситуация наблюдалась и в Таганроге. Военкор сообщал о тысячах погибших от рук немецких палачей граждан, обнаруженных повешенными на деревьях и телеграфных столбах. Помимо этого, он отмечал, что «фашисты усиленно вывозят из Таганрога по дорогам, ведущим к Мариуполю, военное имущество и материальные ценности» [4: 2]. В этой же заметке он не обошел вниманием и вклад в освобождение региона донских, кубанских и терских казаков, которые наносили свои «сабельные и штыковые удары» по врагу [4: 2].

В 1942 г. публикации военного корреспондента А.В. Калинина стали значительно объемнее по размеру, масштабнее по охвату географии и деталям описания событий. Количество публикаций тоже увеличилось. В I квартале 1942 г. было опубликовано 11 текстов, во II квартале – 11, в III квартале – 3, а в IV квартале – 6. Рассмотрим основные сюжеты, затронутые автором на страницах газеты в этот период.

Публикации военного корреспондента в январе – марте 1942 г. были посвящены событиям на Южном и Кавказском театре боевых действий (№ 4, 6 газеты), мужеству и героизму солдат, проявленным в ходе сражений в Крыму (№ 2, 11), успешным операциям, отесняли врага от крупных городов и ресурсных центров, действиям комсомольских организаций в районах Ростовской области (№ 19, 30, 41, 58). Особое внимание А.В. Калинин уделил участию казаков Дона, Кубани и Терека в противостоянии с врагом. В статье «Казачьи» свое повествование автор начинает с указания будущей участи для врага, обратившись к прошлому: «мы стоим на вершине кургана, под которым, согласно преданию, были похоронены 13 прусских солдат, пришедших в 1918 г. на Дон и достигнутых здесь смертью» [14: 2]. В данной публикации описываются молодые и старые казаки, тактические приемы ведения боя казачьими подразделениями, говорится о преемственности поколений, а также о «беспримерной доблести» казаков.

В апреле – июне вновь и вновь получали освещение сюжеты боевых действий в небе и на земле (№ 90, 97, 148, 151), сообщалось о причиненном врагом ущербе и зверствах в отношении мирных граждан (№ 111), о подготовке к посевной кампании и помощи фронту (№ 94, 141), о казачках, не предавших честь своих мужей-героев (№ 129). Представляет интерес статья «Товарищи», в которой рассказывается о друзьях-комсомольцах Косте и Владимире, выполнивших боевое задание ценой своей жизни [16: 3]. Одна из заметок подчеркивала страх румынской армии перед советскими воинами и артиллерией (№ 91).

С июля по декабрь публикации военного корреспондента охватывали прежний набор тем. Он неоднократно рассказывал о боевых действиях и потерях врага (№ 175, 176, 231, 232, 235, 304), партизанском движении и подпольных организациях на Юге (№ 286), вновь обращался к казачьей удали и героизму, а также подробно

описывал природный ландшафт Кавказа и горский обычай мести за смерть соотечественников (№ 268).

Таким образом, многочисленные публикации А.В. Калинина в «Комсомольской правде» с августа 1941 г. по декабрь 1942 г. имели не только высокую фактографическую ценность в описании боевых действий, но и вселяли в читателя уверенность в активном сопротивлении немецко-фашистским захватчикам. Кроме того, в репортажах военного корреспондента можно обнаружить историческое обоснование непримиримости к врагу, а также увидеть особую привязанность к теме комсомольских организаций, действиям партизан и казачеству. На наш взгляд, обращение к данным направлениям вызвано, прежде всего, личными мотивами и близостью к тематике его довоенного творчества. Подобные сюжеты в его публикациях могут стать предметом самостоятельного исследования.

Руководством газеты А.В. Калинин был заслуженно представлен к награждению орденом Отечественной войны I степени. В наградном листе от 29 апреля 1943 г. сказано следующее: «Своим личным примером в бою, горячим словом душевных бесед и материалами публикуемыми в печати, – он воодушевлял гвардейцев-донцов на подвиги во славу Родины» [13]. Данная характеристика в полной мере отражает его вклад в Победу над врагом.

Источники и литература

1. Калинин А. Бои у реки Миус на Юге // Комсомольская правда. 1941. 6 декабря. № 287 (5073). С. 2.
2. Калинин А. В комсомольских организациях Ростова-на-Дону // Комсомольская правда. 1941. 10 декабря. № 290 (5076). С. 1.
3. Калинин А. В освобожденном Ростове // Комсомольская правда. 1941. 2 декабря. № 283 (5069). С. 3.
4. Калинин А. Зима в Приазовье // Комсомольская правда. 1941. 7 декабря. № 288 (5074). С. 2.
5. Калинин А.В. Иван Смоляков: [очерк о героизме партизана-комсомольца]. М., 1943.
6. Калинин А. На подступах к Ростову // Комсомольская правда. 1941. 21 ноября. № 274 (5060). С. 3.
7. Калинин А.В. На юге. Л., 1944.
8. Калинин А. Напряженные бои за Ростов // Комсомольская правда. 1941. 25 ноября. № 277 (5073). С. 3.
9. Калинин А. Потеря не будет // Комсомольская правда. 1941. 24 августа. № 199 (4985). С. 2.

10. Калинин А. Смерть предателя // Комсомольская правда. 1941. 14 декабря. № 294 (5080). С. 3.
11. Калинин А.В. Товарищи. Ростов-на-Дону, 1945.
12. Калинин А. Части командира Смирного теснят врага // Комсомольская правда. 1941. 2 октября. № 232 (5018). С. 3.
13. Калинин Анатолий Вениаминович 1915 г.р. // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=16646344&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 08.03.2026).
14. Калинин А., Вакулин Б. Казаки // Комсомольская правда. 1942. 10 января. № 8 (5103). С. 2.
15. Калинин А., Вакулин Б. Сбор трофеев на поле недавних боев // Комсомольская правда. 1941. 24 декабря. № 302 (5088). С. 1.
16. Калинин А., Вакулин Б. Товарищи // Комсомольская правда. 1942. 8 мая. № 106 (5201). С. 3.
17. Калинина Н.А. О самом главном. Ростов-на-Дону, 2022.
18. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-9. Оп. 104. Д. 717.
19. ЦДНИРО. Ф. Р-93. Оп. 36-л. Д. 6.

В.Н. Очир-Горяева

МОБИЛИЗАЦИЯ «ОКРУЖЕНЦЕВ» САРПИНСКИМ РАЙОННЫМ ВОЕННЫМ КОМИССАРИАТОМ КАЛМЫЦКОЙ АССР В ЯНВАРЕ 1943 г.¹

В январе 1943 г., после начала разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и перехода Красной армии в общее наступление, в военкоматы освобожденных территорий стало стекаться большое количество советских военнослужащих, ранее находившихся в окружении или вышедших из него. После освобождения Калмыцкой АССР от оккупации местные военкоматы приступили к мобилизации этих военнослужащих в Красную армию.

В ходе работы с архивными материалами Сарпинского районного военного комиссариата (далее – РВК) мы обнаружили списки военнослужащих, вышедших из окружения и призванных

¹ Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проекта «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации 122022700134-6).

Сарпинским РВК в январе 1943 г. [4]. Согласно директивам того времени (приказ Народного комиссариата обороны № 270 от 16 августа 1941 г. «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» [7: 617–622], постановление Государственного комитета обороны № 1069сс от 27 декабря 1941 г. «О мерах по выявлению среди бывших военнослужащих Красной Армии, находящихся в плену и в окружении, изменников Родины, шпионов и дезертиров» [6: 179–179 об.]), все вышедшие из окружения подлежали обязательной проверке (фильтрации) особыми отделами НКВД и направлялись на специально созданные сборно-пересыльные пункты. Военкоматы в этой системе выполняли функцию первичной «сортировки», после проверки личных дел и опросов они направляли личный состав либо в действующую армию (в свои или иные части), либо в запасные полки для реформирования.

Первичные списки вышедших из окружения насчитывали 151 человека. В ходе анализа установлено, что 11 человек были вычеркнуты из итоговых списков. Вероятно, эти исключения были связаны с отрицательными результатами фильтрации: они могли быть переданы в распоряжение особых отделов для дальнейшего разбирательства, либо признаны непригодными к службе по состоянию здоровья.

В условиях военного времени, когда мобилизационные отделы работали с нагрузкой, одни и те же персоналии были записаны несколько раз. После исключения дублей (50 человек упоминались дважды, два человека — трижды) итоговая численность мобилизованных «окруженцев» составила 97 человек. Для дополнения и уточнения информации о военнослужащих мы обратились к обобщенному банку данных «Мемориал» [5] и информационной системе «Память народа» [1]. Стоит отметить, что сведения о первичном призыве удалось установить только у шести человек. Таким образом, если бы остальные не были призваны повторно Сарпинским РВК после выхода из окружения, то сведения о них вообще бы не отразились в документах.

Анализ возрастного состава показывает, что Сарпинский РВК в январе 1943 г. призывал всех, кто был способен держать оружие. Самый старший из призванных – 1884 г. рождения (58 лет). Всего было призвано 14 человек старше 40 лет (1884–1903 гг. рождения). Основной костяк составили мужчины 1904–1917 гг. рождения – 44 человека, представлявшие собой наиболее боеспособную часть мобилизованных, которых начали призывать еще в первые

дни войны. Значительную долю составила молодежь 1918–1925 гг. рождения – 36 человек. Пик пришелся на 1925 г. (10 человек). В январе 1943 г. это были 17–18-летние военнослужащие. Их присутствие в списках указывает на то, что они были призваны (часто добровольно) в 1942 г. в возрасте 16–17 лет, приняли участие в боевых действиях и смогли выйти из окружения.

Абсолютное большинство мобилизованных являлись уроженцами Калмыцкой АССР – 63 человека из 97. Это говорит о значительной роли местного населения в освобождении родной земли. Внутри республики это были уроженцы только двух граничащих между собой улусов – Сарпинского (60 человек) и Малодербетовского (3 человека). Однако среди призывников встречались и уроженцы других регионов: Сталинградской (8 человек) и Ростовской (6 человек) областей – соседних регионов, где проходили основные боевые действия, а также единичные представители Куйбышевской, Новосибирской областей, Орджоникидзевского края, Украинской ССР и других регионов.

Даты призыва, зафиксированные в документах, соотносятся с заключительным этапом освобождения Калмыкии [2: 175] и продолжения наступления Красной армии на запад. Мобилизация военнослужащих была осуществлена в течение двух недель, что было обусловлено оперативной обстановкой на фронте и необходимостью быстрого пополнения воинских частей. 10 января 1943 г. был призван 21 человек (вероятно, они явились сразу после освобождения), 14 января – еще 10 человек, а 23 января – 66 человек.

Следующий этап исследования был посвящен изучению воинских званий мобилизованных (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение мобилизованных по воинским званиям

Категория	Количество	Доля от общего состава, %
Рядовые	31	32
Сержанты и старшины	12	12,3
Офицеры	5	5,2
Нет данных («военнослужащий»)	49	50,5
Всего	97	100

Среди известных званий большинство составляют рядовые, что закономерно, ведь именно рядовой состав всегда несет основные потери. Офицеров крайне мало (пять человек), причем все они относятся к младшему составу (младший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант). Категория «военнослужащий» (без указания звания) затрудняет точный подсчет, вероятно, здесь подразумевались рядовые бойцы с неполными или утраченными документами после выхода из окружения.

Особое значение имеет анализ пунктов дальнейшего назначения. Десять человек были оставлены в РВК до особого распоряжения. Вероятно, это было связано с необходимостью проведения дополнительных следственных мероприятий особыми отделами, наличием ранений, требующих длительного лечения. Остальные 87 человек были направлены в 178-й запасной стрелковый полк (далее – зсп), дислоцировавшийся в это время в селе Капустин Яр Владимировского района Сталинградской области [3: 125]. Данный полк находился в непосредственном подчинении фронта. Важно отметить, что 178-й зсп не являлся штрафной частью, а выполнял функции пересыльного пункта. Здесь бойцы обеспечивались обмундированием и проходили краткосрочное переобучение перед отправкой на фронт.

После пребывания в запасном полку военнослужащие были распределены по различным соединениям действующей армии. К сожалению, информацию о дальнейшей службе удалось найти только у 27 человек. Анализ мест службы показывает, что многие бойцы воевали на фронтах южного направления (12 человек), вели тяжелые бои за освобождение Донбасса, Украины и Крыма. В соединениях выделяются: 11-я отдельная штурмовая инженерно-саперная бригада (7 человек); по одному бойцу – в 4-й и 21-й гвардейских, 221-й, 248-й, 387-й стрелковых дивизиях и других соединениях.

18 человек из 29, о судьбе которых имеются какие-либо сведения, были отмечены высокими государственными наградами. Некоторые военнослужащие были удостоены наград неоднократно (табл. 2). В таблице показано, что среди военнослужащих, вышедших из окружения, преобладают награды за личную храбрость и непосредственное участие в боевых действиях. Таким образом, несмотря на статус «окруженцев», они не подвергались репрессиям в последующие годы. Что касается орденов Отечественной войны

I и II степени, то они были вручены в 1985 г. в честь 40-летия Победы. В тот год данными орденами наградили всех ветеранов войны, доживших до этой даты, поэтому их присутствие скорее носит юбилейный характер.

Таблица 2

*Распределение награждений военнослужащих,
вышедших из окружения*

Награды	Количество награждений
Орден Отечественной войны I степени	3
Орден Отечественной войны II степени	8
Орден Красной Звезды	6
Орден Славы III степени	2
Медаль «За отвагу»	6
Медаль «За боевые заслуги»	10
Медаль «За взятие Кёнигсберга»	1
Итого	36

Данные о причинах выбытия удалось установить только для 11 военнослужащих. Их распределение выглядит следующим образом: пропали без вести – 6 человек, погибли и убиты – 4 человека, попал в плен (впоследствии освобожден) – 1 человек. География гибели установлена для 7 человек – все они были захоронены на территории Украинской ССР.

Таким образом, анализ списков Сарпинского РВК показывает, что в январе 1943 г. военкомат фактически выполнял функции распределительного пункта для военнослужащих, вышедших из окружения. Из первоначальных 151 человека после исключения дублей в итоговые списки попало 97 человек. Возрастной состав призванных (от 17 до 58 лет) свидетельствует о дефиците личного состава и тяжелых потерях, понесенных подразделениями в оборонительных боях. Абсолютное большинство мобилизованных – уроженцы Калмыцкой АССР (63 человека), что подчеркивает вклад местного населения в освобождение республики. Все прошедшие фильтрацию были направлены в 178-й зсп, а после переобучения преимущественно на фронты южного направления. Несмотря на статус

«окруженцев», 18 человек из списка были удостоены государственных наград, включая медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», что подтверждает их личную храбрость и участие в тяжелейших боях Красной армии на различных фронтах.

Источники и литература

1. Информационная система «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43693108/ (дата обращения: 03.03.2026).
2. Калмыкия в годы Великой Отечественной войны / Отв. ред. К.Н. Максимов. Элиста, 2005.
3. Киштеева Т.Ц. Списки призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах. Малые Дербеты, 2023.
4. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 18.
5. Обобщенный банк данных «Мемориал». URL: <http://www.obd-memorial.ru> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17.
7. Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98.

Р.М. Султанбеков

БОЕВАЯ ОПЕРАЦИЯ «МАЛАЯ ЗЕМЛЯ»: СУДЬБА ОДНОГО СОЛДАТА

В данной статье на основе анализа письменного свидетельства ветерана Великой Отечественной войны Гамринского Гебека Алихановича реконструируется боевой путь красноармейца Гаджимурада Гасайниева – уроженца Дагестана, участника героической обороны плацдарма «Малая Земля» под Новороссийском. Материал раскрывает роль личности в экстремальных условиях войны и служит сохранению исторической памяти о вкладе народов Кавказа в общую Победу.

В истории Великой Отечественной много ярких героических страниц. Одна из них – боевая десантная операция 18-й армии на западном берегу Цемесской бухты на южной окраине Новороссийска, где советские бойцы удерживали небольшой участок с 4 февраля по 16 сентября 1943 г. Этот стратегически важный плацдарм впоследствии получил название «Малая Земля» [3]. В боях за Малую Землю

принимал участие будущий генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. Его воспоминания были опубликованы в книге «Малая земля» [2].

Оборона плацдарма «Малая Земля» под Новороссийском на протяжении 225 дней стала одним из символов беспримерного мужества и стойкости советского солдата. Эта операция, потребовавшая от ее участников нечеловеческого напряжения сил, навсегда вписана в летопись Великой Отечественной войны. Однако за общей историей великих сражений всегда стоят судьбы отдельных людей, чьи имена и подвиги не должны кануть в лету.

Цель данной статьи – осветить судьбу одного из защитников Малой Земли, красноармейца Гаджимурада Гасайниева, чья биография была восстановлена благодаря письму его боевого товарища Гамринского Гебека Алихановича [5].

К началу 1943 г. борьба за освобождение Кавказа вступила в решающую фазу. Ключевым узлом обороны вермахта являлся город-порт Новороссийск. Для его блокировки советским командованием была спланирована десантная операция. Ставка Верховного Главнокомандования приказала генералу И.В. Тюленеву, командующему Закавказским фронтом, подготовить и провести наступление на Краснодар, чтобы перерезать пути снабжения и лишить возможности отхода северокавказскую группировку немецких войск. Разработанный по приказу Ставки план состоял из двух частей: «Горы» и «Море». Первая часть предусматривала наступление в районе Горячего Ключа, выход к Краснодару, его освобождение и дальнейшее наступление, чтобы отрезать пути немецкой группировке, движущейся на Ростов. Часть «Море» предусматривала наступление черноморской группы по суше с одновременной высадкой морского и воздушного десанта с последующим совместным наступлением на Новороссийск [6].

Плацдарм «Малая Земля» – клочок земли площадью около 30 км² на мысе Мысхако – был захвачен десантным отрядом под командованием майора Цезаря Куникова в ночь на 4 февраля 1943 г. [1: 33]. Несмотря на крайне невыгодное тактическое положение (участок простреливался с окружающих высот) и постоянные ожесточенные атаки противника, включая массированные бомбардировки авиации, его удержание имело стратегическое значение. Это сковывало крупные силы немецких войск, лишало противника возможности

беспрепятственно использовать порт и создавало плацдарм для будущего наступления.

Малая Земля рассматривалась как ключ к освобождению Таманского полуострова. С этой целью в период с 10 по 14 февраля на Малую Землю были переброшены дополнительные силы – 51-я и 107-я стрелковые бригады, 897-й горнострелковый полк 242-й горнострелковой дивизии [4: 19].

В составе 51-й отдельной стрелковой бригады в боях на Малой Земле героически погиб командир минометного отделения 1-го батальона сержант Гасайниев Гаджимурад, уроженец с. Сутбук Дахадаевского района [9: 25]. Он был призван на фронт в январе 1942 г. [7: 257].

Основным источником информации о боевом пути Гаджимурада Гасайниева служит письмо его однополчанина Гамринского Гебека Алихановича [5]. Этот документ позволяет не только восстановить хронологию событий, но и понять личностные качества бойца, какими он запомнился своему командиру.

Его боевой путь начался в составе минометной роты 1-го батальона 51-й отдельной стрелковой бригады, сформированного в Бакуриани (Грузинская ССР). Уже в первых испытаниях проявились лидерские качества бойца. Как писал Гебек Алиханович, во время внезапной воздушной тревоги в Сухуми именно Гаджимурад собрал вокруг себя всех земляков-дагестанцев, продемонстрировав решимость и хладнокровие [5].

Далее батальон в течение двух месяцев вел тяжелейшие бои на Белореченском перевале в Краснодарском крае [8: 38]. Несмотря на скудное снабжение и экстремальные условия, Гасайниев неизменно проявлял стойкость и силу духа. Его авторитет среди товарищей был непререкаем: «он был их вожаком», – пишет Гебек [5].

Яркой иллюстрацией храбрости Гасайниева стал эпизод, когда после одного из боев он был объявлен погибшим в рукопашной схватке с врагами. Однако Гаджимурад сумел выйти из вражеского окружения и вернуться в строй. Примечательно, что, считаясь официально погибшим, он не спешил сообщать домой радостную весть, оставаясь всецело сосредоточенным на выполнении своих воинских обязанностей.

В ночь на 15 февраля 1943 г. батальон Гасайниева был переброшен на плацдарм «Малая Земля». Высадка частей бригады происходила

при сильном накате волны и при отсутствии пристани и лодок, под воздействием артиллерийского огня противника. Поскольку берег был пологим, высадку корабли производили, не доходя до берега 50–100 м, поэтому бойцы с пароходов прыгали в воду, и по пояс, а некоторые по грудь выбирались на берег при температуре –5 °С [8: 39].

Перед батальоном Гасайниева была поставлена боевая задача – овладеть высотой 230,4 и в дальнейшем выйти на рубеж высоты 307,2. Ломая упорное сопротивление врага, уничтожая его живую силу и технику, под ураганным артиллерийским и минометным огнем, в особенности от кинжального и фланкирующего действия станковых пулеметов противника, бригада понесла большие потери в живой силе. С 17 по 22 февраля 1943 г. потери бригады составили: убитыми – 218, ранеными – 726 человек [8: 39 об.].

Воспоминания боевого товарища Гебека Алихановича, назначенного начальником связи батальона, позволяют взглянуть на события с командного уровня. В этом аду постоянных бомбежек и артобстрелов командир отделения сержант Гаджимурад Гасайниев предстает как опора и моральный стержень для своих товарищей. Командир минометной роты капитан Спиринов высоко отзывался о Гаджимураде: «Это не обычный человек, а настоящий герой, сержант минометчик. Второй раз попадает на фронт, и знает, как нужно встречать врага» (цитаты из письма даются с сохранением орфографии и пунктуации источника) [5: 6].

Именно на Малой Земле Гаджимурад Гасайниев совершил свой последний подвиг. Получив смертельное ранение осколком снаряда и истекая кровью, он не думал о себе. Его последними словами, согласно письму, были: «Идите вперед на врага, не теряя ни секунды времени!» Эта фраза стала логическим завершением его жизненного кредо, которое он часто выражал словами: «Меня немецкая пуля не возьмет!» [5: 8]. Он пал смертью храбрых, верный долгу и своей Родине до последнего вздоха. Похоронил его сослуживец, минометчик Нуоров из с. Куппа.

История красноармейца Гаджимурада Гасайниева, переданная через призму воспоминаний его боевого товарища Гебека Алихановича, – это не просто эпизод из летописи Великой Отечественной войны. Это история, обладающая мощным резонансом в современном мире. Его судьба позволяет перевести масштабную историю

обороны Малой Земли на личностный, человеческий уровень, делая ее ближе и понятнее для новых поколений.

Такие примеры служат мощным инструментом консолидации и укрепления межнационального согласия в современной России, демонстрируя, что Победа была достигнута общими усилиями. В современном мире, где размываются традиционные ценности, такие примеры служат важнейшим нравственным ориентиром, особенно для молодежи.

Таким образом, изучение и популяризация судеб таких героев, как Гаджимурад Гасайниев, через подлинные свидетельства их однополчан – это не только долг памяти, но и актуальная работа по патриотическому воспитанию и укреплению национальной идентичности, основанной на героическом прошлом нашей общей страны.

Источники и литература

1. Белоус Н. Из опыта подготовки и высадки морских десантов // Военно-исторический журнал. 1978. № 9. С. 32–38.
2. Брежнев Л.И. Малая земля. М., 1978.
3. Восемнадцатая в сражениях за Родину: Боевой путь 18-й армии. М., 1982.
4. Киселев И.В. Семь месяцев эпопеи Малой Земли // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 17–23.
5. Письмо ветерана Великой Отечественной войны Гамринского Гебека Алихановича красным следопытам Сутбукской средней школы 1982 год // Личный архив Р.М. Султанбекова.
6. Тюленев И.В. Через три войны. Мемуары. Изд. 2-е испр. и дополн. М., 1972. https://militera.lib.ru/memo/russian/tulenev_iv/index.html (дата обращения: 25.10.2025).
7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 58. Оп. 977520. Д. 314.
8. ЦАМО РФ. Ф. 849. Оп. 1. Д. 7.
9. ЦАМО РФ. Ф. 1853. Оп. 2. Д. 6.

Е.Е. Наумова

ВЫХОДЦЫ ИЗ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ СССР – ОСВОБОДИТЕЛИ ДАТСКОГО ОСТРОВА БОРНХОЛЬМ

Весной 1945 г. войска 2-го Белорусского фронта в ходе тяжелых наступательных боев вышли на побережье Балтийского моря

в районе г. Свинемюнде, Штеттин и Кольберг. На освобожденных территориях разместились подразделения 19-й армии, были сформированы части охраны водного района (далее – ОВР). 9 мая 1945 г. из солдат комендантской роты, артиллерийского дивизиона и некоторых подразделений базы ОВР Кольберга был собран десантный отряд немногим более 100 человек, который на малых катерах был отправлен на датский остров Борнхольм. Его задачами были проведение разведки и принуждение к сдаче последнего оказывающего сопротивление немецкого гарнизона, а также подготовка высадки советских полков на остров. В результате решительных действий десанта было взято в плен, разоружено и отправлено в Кольберг более 12 тыс. немецких солдат и их приспешников, а также освобождены пленные. Фашисты, не желая сдаваться советским войскам, пытались морским путем перебраться в Швецию, оказывали ожесточенное вооруженное сопротивление. Советские малые катера, сторожевики и морские охотники огнем принуждали гитлеровцев к сдаче. 9 мая 1945 г. на датский остров высадились первые полки 18-й стрелковой Краснознаменной Мгинской орденов Суворова и Кутузова дивизии. Им предстояло оставаться на Борнхольме почти год – до апреля 1946 г. В числе защитников острова было немало уроженцев южных регионов нашей Родины – Крыма, Кавказа, Краснодарского края, Дона и Поволжья.

В 2019 г. в школе при Посольстве России в Дании был организован поисковый отряд, который занимался восстановлением истории борнхольмского десанта. Ребятам удалось собрать массу материалов, найти достоверные факты о ходе этой операции, жизни советских солдат на острове, погибших в самом конце войны и вернувшихся в родные края. По результатам работы отряда на мемориальном советском воинском участке кладбища в г. Аллинге была установлена памятная доска со 180 фамилиями [14].

Первым погибшим в ходе десантной операции был моряк, старшина второй статьи Алексей Артемьевич Приходько. Он родился в 1920 г. в поселке Стрижи Оричевского района Кировской области. Вместе с родителями переехал в Пятигорск, откуда был призван в 1938 г. на флот. Попал в Московский флотский экипаж, оттуда – на Туапсинскую военно-морскую базу. Войну встретил в Туапсе, затем принимал участие в обороне Одессы. Защищая Севастополь, в 1942 г. он пропал без вести. В 1945 г. на запрос из военкомата его

отец ответил, что сын после долгого лечения в госпитале вновь ушел на фронт, служил боцманом торпедного катера ТКА-193 2-го дивизиона 1-й Краснознаменной бригады торпедных катеров Краснознаменного Балтийского флота. Награжден двумя орденами Отечественной войны I и II степеней. Третий орден он получил посмертно 18 мая 1945 г. Катер Приходько сопровождал конвой с пленными немцами. На пути им встретились немецкие эсминцы, предпринявшие попытку отбить пленных и развернуть суда в сторону Швеции. Три советских сторожевых катера противостояли нескольким тяжелым немецким кораблям. А.А. Приходько «в боевой операции 9 мая 1945 года у острова Борнхольм при атаке конвоя лично вел меткий огонь из пулемета по кораблям охранения, чем обеспечил выход торпедного катера в атаку. В этой операции, будучи тяжело ранен, проявил мужество, героизм и отвагу» [2]. Катер с умирающим героем возвратился на Борнхольм, где у немцев был развернут госпиталь с датским и немецким персоналом. Умер А.А. Приходько от ран в датском госпитале на Борнхольме. Похоронен на мемориальном кладбище советских и польских воинов в г. Колобжеге (Польша) [9; 16].

Астраханская область

Липчанский Михаил Иванович родился в 1915 г. в с. Ново-Николаевка Владимирского района Астраханской области. Призван в 1940 г. Логанским райвоенкоматом Калмыкии. Старшина, помощник командира стрелкового взвода. Погиб 1 июня 1945 г. [9; 11].

Симанов Иван Васильевич родился в 1925 г. в Астрахани. Командир стрелкового отделения, старший сержант, получил орден Красной Звезды: «в бою за населенный пункт Хлопау 13 марта 1945 года первым со своим отделением поднялся в атаку и стремительно ворвался в Хлопау, где первым завязал уличный бой. Противник с превосходящими силами четыре раза переходил в контратаку, но отошел назад». Погиб 1 июня 1945 г. [9; 18].

Сталинградская область

Бешапошникова Александра Тимофеевна родилась в Сталинграде в 1918 г. С родителями уехала в Москву, окончила школу-десятилетку и Третий медицинский институт и по распределению отправилась в г. Павлово Горьковской области, где работала педиатром в детской поликлинике. В 1942 г. была мобилизована и с 83-м медсанбатом, приданным к новому, третьему формированию 18-й стрелковой дивизии, убыла на защиту Сталинграда. Военный

врач, капитан медицинской службы. Со своим батальоном дошла до конца войны, до Борнхольма. Погибла 1 июня 1945 г. [4; 9].

Дрейбин Михаил Михайлович, родился в 1921 г. в Сталинграде. Призван на фронт в 1941 г. Командир отделения 424-го стрелкового полка 18-й стрелковой Мгинской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии, старший сержант. Погиб 1 июня 1945 г. [8; 9].

Лопатин Николай Кузьмич родился в 1912 г. в г. Камышине, призван в 1941 г. Ерманским райвоенкоматом Сталинграда. Сержант, командир отделения минометчиков [9; 12].

Писков Сергей Прокофьевич. Родился в 1915 г. в Чернышковском районе Сталинградской области, призван Ворошиловским райвоенкоматом Сталинграда в 1939 г. Линейный надсмотрщик отдельного батальона связи. Освобождал Заполярье, участвовал в Гдынской наступательной операции. Погиб 1 июня 1945 г. [9; 15].

Ростовская область

Благодарный Леонид Прокофьевич – уроженец х. Алексеевка Красносулинского района Ростовской области. В Красной армии с 1933 г. В 1942 г. числился пропавшим без вести под Сталинградом. Интендант, начальник обозно-вещевого снабжения 132-го стрелкового корпуса, старший лейтенант. Погиб 1 июня 1945 г. [5; 9].

Борзых Павел Тихонович родился в 1919 г. в Воронежской области. Призван Новочеркасским райвоенкоматом в 1939 г. Командир стрелкового взвода, лейтенант, после тяжелого ранения был переведен в должность командира автороты подвоза. Воевал на Карельском фронте, освобождал Померанию. Погиб 1 июня 1945 г. [6; 9].

Кульгачев Николай Иванович родился в 1907 г. в Ростове-на-Дону. Работал в Челябинской области, откуда ушел на фронт в 1942 г. Старшина транспортной роты. Прорывал блокаду Ленинграда, форсировал реку Свирь, освобождал Карелию и Польшу. Погиб 1 июня 1945 г. [9; 10].

Степанченко Владимир Прохорович родился в 1923 г. в ст. Старочеркасской Аксайского района Ростовской области. Командир роты связи, старший адъютант отдельного батальона связи, гвардии капитан. Прошел всю войну с первого до последнего дня. Погиб в автомобильной аварии 20 мая 1945 г. на острове Борнхольм [9; 19]. Вот что рассказала нам заведующая отделом научных экспозиций Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника Ирина Сергеевна Емельянова: «Мама героя, Софья Васильевна, работала

в Старочеркасском доме культуры, совмещала работу киномеханика и библиотекаря. В 1942 году во время оккупации станицы спасала от фашистов книги из библиотеки. Более 2000 экземпляров книг перенесла в подвал своего дома, где и хранила до самой Победы» [2].

Краснодарский край

Борисенко Михаил Тимофеевич родился в 1920 г. в Крымском районе Краснодарского края. Командир стрелкового взвода, лейтенант. Когда в 1941 г. уходил на фронт, его провожала жена с двухлетним сыном. Погиб 1 июня 1945 г. [7; 9].

Товстоног Анатолий Дмитриевич родился в 1922 г. в х. Тиховском Красноармейского района Краснодарского края. Старший лейтенант медицинской службы, младший врач санитарной роты 419-го стрелкового полка 18-й стрелковой Мгинской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии [9; 20]. Награжден орденом Красной Звезды: «в ожесточенных боях по ликвидации группировки противника Северо-западнее Гдыни с 1 по 5 апреля 1945 года четверо суток оказывал медицинскую помощь раненым под огнем противника. За период этих боев лично с поля боя под огнем противника вынес 19 человек тяжело раненных бойцов и офицеров» [13].

Ставропольский край

Бахметенко Григорий Алексеевич, 1908 г. рождения, уроженец Зерноградского района Ростовской области. Призван горвоенкоматом г. Железноводска в 1941 г. Командир взвода автоматчиков, гвардии лейтенант. Воевал на Северо-Кавказском фронте, освобождал Украину, Молдавию, Польшу. Погиб 1 июня 1945 г. На родине у него остался сын, теперь в Железноводске живут его внуки и правнуки [3; 9].

Семенюк Александр Александрович родился в 1921 г. в г. Минеральные Воды. С детства у парня были две мечты – музыка и море. Поэтому после выпуска из школы он сбежал из дома, поступил в Мурманское мореходное училище и одновременно окончил курсы киномехаников. В 1941 г. был призван на флот, служил в морской стрелковой бригаде. Был серьезно ранен в августе 1941 г., потом назначен на комсомольскую работу, служил начальником клуба [9; 17].

31 мая 1945 г. из порта Рёне вышел караван из советских и датских 15 судов, на которых в Кольберг отправлялись воины 18-й стрелковой дивизии и 132-го стрелкового корпуса. Замыкающим шло датское спасательное судно «Вестерхавет». Ранним утром 1 июня суда одно за другим входили в гавань Кольберга. Прошли

тяжелые баржи и рыбацкие шхуны. Море было спокойным. На палубе замыкающего корабля сидели солдаты, курили, вспоминали родной дом, тихо пели. Младший лейтенант Семенюк смотрел на серебряные волны за бортом. Солдаты попросили его сыграть на баяне. Лейтенант улыбнулся, кивнул и направился к лесенке в трюм. В это время раздался страшный взрыв. Над местом, где только что стоял корабль, поднялся 50-метровый столб воды. Война затаилась на дне Балтийского моря, время от времени поднимая наверх свои смертельные бомбы. На погибшем судне находилось более 150 советских воинов и более 10 датских моряков. Из воды подняли живыми датского механика и 15 солдат и офицеров, большинство из которых умерли в госпиталях Штеттина и Кольберга [1; 9; 17].

Источники и литература

1. Архив поискового отряда школы при Посольстве России в Дании.
2. Архив поискового отряда школы при Посольстве России в Дании. Информант: Емельянова И.С., заведующая отделом научных экспозиций Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника, переписка, май 2020 г.
3. Бахметенко Григорий Алексеевич, 1908 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero76771463> (дата обращения: 04.03.2026).
4. Бешапошникова Александра Тимофеевна, 1918 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero106856729> (дата обращения: 04.03.2026).
5. Благодарный Леонид Прокофьевич, 1911 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92380527> (дата обращения: 04.03.2026).
6. Борзых Павел Тихонович, 1919 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero6512293> (дата обращения: 04.03.2026).
7. Борисенко Михаил Тимофеевич, 1920 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero76082207> (дата обращения: 04.03.2026).
8. Дрейбин Михаил Михайлович, 1921 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero78294938> (дата обращения: 04.03.2026).
9. Книга Памяти, составленная активистами поискового отряда школы при Посольстве России в Дании. URL: <http://daniy.ru/index.php/component/content/article/2-uncategorised/380-kniga-pamyati> (дата обращения: 04.03.2026).

10. Кульгачев Николай Иванович, 1907 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero5287453> (дата обращения: 04.03.2026).
11. Липчанский Михаил Иванович, 1915 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero78332001> (дата обращения: 04.03.2026).
12. Лопатин Николай Кузьмич, 1912 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero81964785> (дата обращения: 04.03.2026).
13. *Одарич Я.* Анатолий Дмитриевич Товстоног // Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. URL: <https://vkrsr.com/publications/anatoliy-dmitrievich-tovstonog/> (дата обращения: 04.03.2026).
14. Остров Борнхольм. Дания. 1945–1946 г. // Школа при Посольстве России в Дании. URL: <http://daniy.ru/index.php/component/content/article?layout=edit&id=379> (дата обращения: 04.03.2026).
15. Писков Сергей Прокофьевич, 1915 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero107228838> (дата обращения: 04.03.2026).
16. Приходько Алексей Артемьевич, 1920 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero39338207> (дата обращения: 04.03.2026).
17. Семенюк Александр Александрович, 1921 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92974858> (дата обращения: 04.03.2026).
18. Симанов Иван Васильевич, 1925 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero107836252> (дата обращения: 04.03.2026).
19. Степанченко Владимир Прохорович, 1923 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero74514824> (дата обращения: 04.03.2026).
20. Товстоног Анатолий Дмитриевич, 1922 г.р. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92747746> (дата обращения: 04.03.2026).

Т.А. Шолохова

**ФРОНТОВОЙ ПУТЬ СЕМЬИ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ
Г.Ф. ШОЛОХОВА-СИНЯВСКОГО ПО МАТЕРИАЛАМ
СЕМЕЙНОГО АРХИВА
(к 125-летию Г.Ф. Шолохова-Синявского и 100-летию
его сыновей А.Г. Шолохова и Л.Г. Шолохова)**

Фронтовой путь семьи Г.Ф. Шолохова-Синявского я воссоздала на основании документов семейного архива – воспоминаний, дневниковых записей писателя, его жены Елизаветы Алексеевны

Шолоховой, сыновей Леонида и Анатолия Шолоховых, а также переписки с писателями, военкорами, друзьями. Обращение к семейному архиву позволило отразить события и даты, мысли и чаяния наших героев и то, как смогла выжить семья в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Советский писатель Георгий Филиппович Шолохов-Синявский родился 11 ноября 1901 г. в х. Синявском ст. Елизаветинской Ростовского округа области Войска Донского (ныне с. Синявское Неклиновского района Ростовской области). Умер 1 мая 1967 г. Стоял у истоков зарождения Ростовской писательской организации в 1920-е гг., был участником Первого всесоюзного съезда советских писателей 1934 г. [6: 695], с 1936 г. – член Литературного фонда СССР, возглавлял творческий коллектив писателей Дона [5], заведовал отделом литературы и искусства областной газеты «Молот» [10], в годы Великой Отечественной войны являлся собкором газеты «Известия» [7], армейской газеты «Сталинский удар» [5; 11]. В послевоенные годы был членом редколлегии журнала «Дон» [10], правления Ростовского отделения Союза писателей СССР [5], областного Комитета защиты мира от Ростовской области [3], депутатом Городского совета Ростова-на-Дону нескольких созывов [4; 5]. В своих произведениях Г.Ф. Шолохов-Синявский охватил период истории нашей страны с 1900 по 1967 г.

К началу Великой Отечественной войны в литературном арсенале Г.Ф. Шолохова-Синявского – изданные ростовским и московскими издательствами сборники рассказов «Новый причал» (1931) «Камень у моря» (1934), роман «Суровая путина» (первоначально выходил по частям под названиями «Крутии», «Суровая путина» (1935–1936), «Далекie огни» (1940)), повесть «Три брата» (1961) (выходила под названием «Семья Кудимовых», «Братья» (1936–1941)).

В первые дни войны Г.Ф. Шолохов-Синявский вступил в ряды ростовского ополчения, в августе 1941 г. добровольно ушел в Красную армию и был зачислен политруком эвакогоспиталя № 3240 [5], в ноябре 1941 г. он с семьей, также служившей в госпитале (жена Елизавета – медицинская сестра [8], оба сына – Анатолий и Леонид – санитары [9]), отправляется на барже по Дону на восток под непрерывными бомбежками фашистской авиации. Горечь отступления из Ростова-на-Дону в октябре 1941 г. усугубилась смертью тещи писателя.

О работе в госпитале Шолохов оставит запись в дневнике: «10 марта. В половине 11 утра и в 12.30 охота наших зенитчиков за немецкими самолетами. Вечером в операционной ампутация обеих ног у Л..., раздробленных миной. Какие-то почернелые искромсанные обрубки держались на блестящих, словно металлических сухожилиях и розовых странно тонких костяшках. Я отвернулся и услышал треск сухожилий и костей под хирургическими кусачками нашего хладнокровного Ивана Степановича. <...> Вчера мне хотелось продолжить свои записи о мире, сегодня это желание угасло, мне хочется проклинать войну, писать о ней какими-то жгучими словами» [2: 53].

Служба в госпитале писателя не устраивала, он рвался на передовую, писал рапорты с требованием отправить его в действующую армию. И наконец в феврале 1942 г. он был призван на фронт: «Жена моя смотрела на меня даже с каким-то необыкновенным укором, что я с такой беззаботностью оставляю ее вместе с двумя несовершеннолетними ребятами. <...> Меня охватило нетерпение и радость, что я уже не буду этаким сереньким, “луковичным”, что я буду в числе тех, которые не заслужат никакого подозрения и упрека после войны. Мне хотелось поскорее уехать. Я уезжал в действующую армию и искренне гордился этим, я испытывал какое-то необыкновенное возбуждение, глаза мои блестели, и, наверное, я нисколько не походил на такого человека, которому предстоит пережить опасность» [2: 61–62].

В марте 1942 г. Георгий Филиппович зачислен в состав редакции газеты «Сталинский удар». Это была армейская газета сначала 24-й армии, с осени 1942 г. – 28-й, а затем 65-й армии под командованием генерал-лейтенанта П.И. Батова [5]. Со второй половины 1942 г. началась подготовка советских войск к Сталинградской битве. Военкоры «Сталинского удара» были на передовой. Из дневника Шолохова-Синявского от 13 января 1943 г.: «Два полукруга соединились за Калачом, 22 немецких дивизии оказались в ловушке, в тесном кольце, вернее – в двойной неразрывной петле... Внешнее кольцо с каждым днем отжималось на юго-запад и запад, а внутреннее сжималось. Поражение остается поражением в веках. Грохотала и ревела наша артиллерия. Я шел в этот исторический час по снежному полю под Сталинградом. Я видел всё своими глазами, я слышал гул пушек, которые потом будут стоять в музеях, и на них с благоговением будут взирать потомки. Я гордился, что жил в этот час...» [2: 109].

Но даже в этих условиях из переписки супругов Шолоховых узнаем, что они ни на минуту не забывали о своих родительских обязанностях. Отец семейства давал жене советы по воспитанию сыновей-подростков. Интересные факты о военной повседневности становятся известны из переписки: о том, что в течение всей войны люди, находившиеся на фронте, получали зарплату, так называемый «аттестат» (денежный или продуктовый аттестаты выдавались военнослужащим, проходящим военную службу), что булка хлеба стоила 600–800 рублей, а зарплата составляла около 450–600 рублей, что в треугольничках-конвертах писатель постоянно высылал деньги своей семье и они доходили до адресата несмотря на то, что военный госпиталь шел за действующей армией и постоянно перемещался.

Свидетельства о жутких бомбежках Ельца, Воронежа, Камышина, Сталинграда, Орла, Курска оставит Леонид Шолохов в книге воспоминаний «Из дневников подростка военных лет (1941–1943 гг.)» [13]. Он опишет, как в письмах отец советовал держаться подальше от железнодорожных переездов и станций, давал наставления, как сохранить жизнь и при этом не быть трусом, как беречь и уважать мать, требовал продолжать учиться, заниматься самообразованием. На всех письмах с фронта военкора Шолохова-Синявского стоит печать «проверено цензурой». «...Милая, преданная моя женушка. Не грусти. Помни, что есть люди (я вижу их здесь каждый день), которые живут, зарывшись в землю. Они потеряли всё – фашизм превратил их села в пустыню. И они, эти люди, живут – встречают нас теплой улыбкой, смехом и готовы поделиться последними крохами. У этих людей надо учиться мужеству, величию их души... И пусть ребята мои не боятся траты своих молодых сил ради служения Родине. Только в этом настоящий смысл жизни» [2: 17].

Чувства супругов можно увидеть в переписке: любовь, ревность, беспокойство, страх друг за друга. Конечно, любовь давала им силы для выживания. Так, 14 сентября 1942 г. Георгий Филиппович пишет: «Дорогая моя Лизунечка, знаешь ли, о чем я думаю? Ведь, по существу, мы с тобой связали жизнь свою с Красной Армией, и ты отдаешь ей не меньше, чем я. И после войны мы с гордостью вспомним, что доля и наших сил была вложена в общую борьбу. И за то, что ты с таким энтузиазмом отдаешься своей работе, я всё больше и больше люблю тебя» [2: 22]. Из писем узнаем, что чувство долга

и патриотизма у Шолоховых-Синявских было возведено на такую высоту, что на алтарь Победы ими были положены собственные жизни и даже жизни своих детей. Разве можно без слез читать о проходах сыновей на фронт?! Летом 1943 г., когда наступил призывной возраст у сыновей, он пишет: «Драгоценная жена моя! Тебе остается только представить, как прижимаю к груди своих родных птенцов и напутствую их самыми пламенными словами. Минута естественной скорби прошла, я крепко сжал свое сердце, вспомнил о многих тысячах таких птенцов, отдающих на алтарь Отчизны свои чистые жизни...» [2: 28].

Под Курском в августе 1943 г. писатель был тяжело ранен: грузовик, в котором находилась группа военных корреспондентов, подорвался на mine в районе Дмитровско-Орловского. Из воспоминаний жены писателя: «Все получили контузии. Но Егору досталось тяжелее всего. У него переломлено несколько ребер, сотрясение всего организма. Их подобрали, положили в госпиталь. Через несколько дней их выписали, а Егора хотели везти в Москву. Но он попросил, чтобы его отвезли в Овсянниково под Курском, где находился наш госпиталь. Контузия была у него тяжелая, но со стороны врачей и медсестер были приняты все меры. Положили его на квартире, санитары выносили его в сад, я с работы прибегала несколько раз, навещать, кормить его. Он терял сознание. Я при помощи сестер вводила ему камфору. Делали пункцию. Можно сказать, выходили. Но вот нам приказ – переезжать дальше. Всех раненых эвакуировали. Егора перевели в Курск, в госпиталь, а сами двинулись дальше: на Льгов, Иванов, Глухово, Конотоп.

Как тяжело было оставлять больного Егора и ехать – куда? – неизвестно. Вновь настроение безысходное, такое, как когда выезжали из Ростова в начале войны. Но что можно поделать! Война, служба, надо подчиняться приказу» [2: 140].

В конце 1943 г. вместе с госпиталем возвращается в Ростов-на-Дону жена писателя Елизавета Алексеевна Шолохова. Сын Леонид Георгиевич Шолохов поступает в мореходное училище имени Г.Я. Седова, после окончания которого он был определен в Военно-морской флот; в 1945 г. он был мобилизован из рядов Красной армии [13].

В 1944 г. моего отца Анатолия Георгиевича Шолохова направляют на учебу в Армавирское авиационное училище летчиков испытателей. К сожалению, из-за болезни сердца отец был вынужден

уйти с последнего курса в 1946 г. Служил в Красной армии до 1949 г. Об этих годах А.Г. Шолохов оставил воспоминания «Рассказы о былом» [12].

С 1 июня 1946 г. Г.Ф. Шолохов-Синявский был утвержден уполномоченным Союза советских писателей по Ростовской области [5].

Первые книжные публикации фронтовых рассказов Г.Ф. Шолохова-Синявского вышли в 1944 г.: очерк «В тылу врага» в литературном сборнике «Большие дни», затем сборник рассказов «Змей Горыныч» и повесть «Жизнь» (впоследствии названная «Домик у речки»), посвященная жене писателя. В 1946 г. выходит первая часть эпохального романа-трилогии о войне «Волгины». Г.Ф. Шолохов-Синявский как истинный патриот своего города первым в литературе описал подвиг ростовчан в ноябре 1941 г. Это была первая победа в Великой Отечественной войне над фашистами, добытая совместными усилиями советских войск и нашими земляками, народными ополченцами, в битве за освобождение Ростова-на-Дону.

Все члены семьи Г.Ф. Шолохова-Синявского отмечены правительственными наградами. Бабушка и дедушка выделяли особо медаль «За оборону Сталинграда». Г.Ф. Шолохов-Синявский награжден также медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», за достижения в области литературы – орденом Трудового Красного Знамени.

Мой отец Анатолий Георгиевич Шолохов – по профессии строитель. Получил звание заслуженного строителя России. Трудился на возведении социально значимых объектов нашей страны. Был творчески одарен, написал цикл рассказов, воспоминания, стихи. Его произведения были изданы в 2003–2005 гг. Анатолий имел художественный дар, оставил множество картин, изображающих Донской край.

Леонид Георгиевич Шолохов был директором Новочеркасского музея истории донского казачества с 1954 по 1962 г. По его инициативе и при непосредственном участии формировались композиции дома-музея Грековых в Новочеркасске и историко-архитектурный музей-заповедник в Старочеркасске [1]. Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, работал профессором кафедры социологии и психологии Новочеркасского политехнического института, автор книг по истории и географии Дона и Приазовья.

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне была издана книга «Военный корреспондент Шолохов-Синявский Г.Ф.» [2], в которой впервые в хронологическом порядке собраны произведения писателя периода Великой Отечественной войны: военные дневники, письма с фронта, публицистика, художественные произведения.

Сегодня, когда очевидцев событий тех лет практически не осталось, а итоги войны и роль советского народа в Победе над фашизмом подвергаются ревизии, мы можем достоверно восстановить историю на основании документов и художественных произведений, оставленных непосредственными участниками событий.

Источники и литература

1. 95 лет со дня рождения Леонида Георгиевича Шолохова // Новочеркасский музей истории Донского казачества. Официальный сайт. URL: <https://www.novochmuseum.ru/novosti/1237-95-let-so-dnja-rozhdenija-leonida-georgievicha-sholohova.html> (дата обращения: 06.03.2026).

2. Военный корреспондент Шолохов-Синявский Г.Ф. Ростов-на-Дону, 2020.

3. Делегатский билет тов. Г.Ф. Шолохов-Синявский Второй всесоюзной конференции сторонников мира от 16.10.1950 г. // Архив семьи Г.Ф. Шолохова-Синявского.

4. Депутатский билет № 124 Ростовского на Дону городского Совета депутатов трудящихся 2-го созыва 1947 г. // Архив семьи Г.Ф. Шолохова-Синявского.

5. Личное дело майора Шолохова Г.Ф. Послужной список Шолохова Г.Ф. (составлен 20.08.1948) // Архив семьи Г.Ф. Шолохова-Синявского.

6. Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: стенографический отчет. М., 1934.

7. Справка № 347 от 25.07.1941 г. Редакция «Известия» Совета депутатов трудящихся СССР // Архив семьи Г.Ф. Шолохова-Синявского.

8. Справка № 1109 от 11.09.1943 г. Эвакогоспиталь № 3240 // Архив семьи Г.Ф. Шолохова-Синявского.

9. Справка б/н от 06.07.1943 г. Эвакогоспиталь № 3240 // Архив семьи Г.Ф. Шолохова-Синявского.

10. Трудовая книжка Г.Ф. Шолохова-Синявского. Дата начала заполнения: 08.02.1929 г. // Архив семьи Г.Ф. Шолохова-Синявского.

11. Удостоверение № 6 о работе в армейской газете «Сталинский удар» (действительно по 31.12.1944 г.) // Архив семьи Г.Ф. Шолохова-Синявского.

12. Шолохов А.Г. Рассказы о былом. Ростов-на-Дону, 2004.

13. Шолохов Л.Г. Из дневников подростка военных лет (1941–1943 гг.) / Отв. ред. С.И. Самыгин. Ростов-на-Дону, 2009.

С.А. Приходько**ЕВГЕНИЙ ПОТАПОВИЧ МОСЯГИН: ВОИН, ИНЖЕНЕР,
ЛИТЕРАТОР И ХУДОЖНИК
(к 100-летию со дня рождения героя)**

20 января 2026 г. исполнилось 100 лет со дня рождения нашего земляка Евгения Потаповича Мосягина. Родился будущий народный защитник в Гомельской губернии, в Новозыбкове, на Шеломовской улице (в наши дни – улица Гагарина). В тот период Гомельская губерния входила в состав РСФСР – главной республики Советского Союза [1: 95].

Евгений учился в начальной школе имени И.В. Сталина, затем – в семилетней школе имени 1-го Мая. В настоящее время учебное заведение не существует. Школа находилась в Новозыбкове на Советской площади. После войны она сгорела. На ее месте расположен жилой дом. Евгений успел окончить 7-й класс. Война омрачила его юность. В течение двух лет юноша находился в оккупированном Новозыбкове.

Алексей, старший брат Евгения, ушел на фронт и пропал без вести. Его младший брат выжил, но после ранения долго лечился. Евгений не мог не посвятить поэтические произведения своим братьям [2: 43–45, 49–50].

Боль утрат не оставляла Е.П. Мосягина. Своих друзей он также увековечил на бумаге. Несмотря на периодически подводившее здоровье, Е.П. Мосягин поддерживал связь с родственниками своих боевых товарищей. Память об одном из них отражена в стихотворении «Матери Алексея Копылова». Нельзя не сказать, что Алексей Копылов, друг автора, погиб в Гомельской области в 1944 г. [2: 25].

С конца 1942 г. фашисты терпели одно поражение за другим. После катастрофы на Кавказе и разгрома на Волге гитлеровцы не смогли взять реванш на Курской дуге и начали отступление по всему фронту.

В июле 1943 г. захватчики приступили к эвакуации из Орловской области. 5 августа в честь освобождения Белгорода и Орла впервые с начала войны в Москве прогремел салют.

Чтобы нанести СССР максимальный ущерб, враги оставляли за собой выжженную землю и массово угоняли население в рабство.

Евгения вместе с десятками сверстников и сверстниц гитлеровцы посадили в Новозыбкове в товарный вагон и отправили в Германию на принудительные работы. Поезд оказался в Гомельской области, на территории оккупированной Белорусской ССР. Во время остановки на станции Жлобин три узника, в том числе Евгений, сумели сбежать и присоединились к народным мстителям. Юноша участвовал в боевых операциях, был ранен.

После освобождения Гомельской области Мосягин вернулся в Новозыбков. Евгений залечивал раны и готовился к продолжению службы.

В 18 лет, весной 1944 г., он был призван в Красную армию и служил Родине в течение семи лет. Период срочной службы в РККА составлял тогда семь лет. Сначала Евгений в запасном полку находился в Тамбовской области, затем – в Москве. Он получил звание гвардии сержанта. Во время службы Евгений оформлял плакаты. Известна фотография, на которой он запечатлен вместе с плакатом «За народную демократию!».

После окончания Московского государственного инженерно-строительного института имени В.В. Куйбышева (в наше время – Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет) Евгений Потапович остался работать в столице. Со своей первой супругой он познакомился в Москве. Дети Е.П. Мосягина от первого брака (дочь и сын) живут в Швейцарии.

Руководители СССР понимали уже в начале 1933 г., что после победы крайне правых сил в Германии во внутривосточной борьбе столкновение с ней стало неизбежным. Подготовка к войне была ускорена.

Одной из срочных мер стала концентрация интеллектуальных усилий на ключевых направлениях. В 1934 г. советские инженеры были объединены под крылом гражданской авиации. Был создан «Аэропроект» – государственный проектно-исследовательский научно-исследовательский институт гражданской авиации.

Е.П. Мосягин занимал в «Аэропроекте» должность руководителя конструкторского отдела. Масштаб его 30-летней деятельности поражает. При личном участии ветерана были разработаны проекты столичных аэропортов Внуково, Домодедово и Шереметьево, а также воздушных гаваней Грозного, Казани, Новосибирска, Киева, Таллина, Гаваны и других городов.

В 1962 г. аэропорт был открыт в Туле. Весной 1980 г., в преддверии Московской Олимпиады, международная гавань распахнула свои двери в Таллине. За возведение объекта государственной важности, к примеру, Таллинского международного аэропорта, советские труженики получали памятные медали. В конце июля 1980 г. в столице Советской Эстонии проводились соревнования по парусному спорту в рамках XXII Олимпийских игр.

Куба – не единственная страна социалистического лагеря, в которой трудился Е.П. Мосягин. Важные объекты были возведены с его участием в Чехословакии. Много путешествовавший по работе строитель вступил в Географическое общество СССР.

Инженеры «Аэропроекта» внесли вклад в Великую Победу: они трудились на трассе Красноярск – Уэлькаль. Нельзя не вспомнить, что специалисты «Аэропроекта» по-прежнему находятся на сложнейших участках трудового фронта. Они участвовали в создании аэродромного комплекса Восточного космодрома, аэропортов Казани, Ростова-на-Дону, Тобольска, Южно-Сахалинска и других российских городов.

Е.П. Мосягин являлся кавалером 14 военных и боевых, а также четырех трудовых наград, нескольких юбилейных знаков Победы Республики Беларусь. Впоследствии Е.П. Мосягин стал почетным жителем столичного района Восточное Дегунино. Портрет инженера украсил одну из площадей Северного административного округа столицы. В 2015 г. Евгений Потапович участвовал в торжественном приеме в честь 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, проходившем в Кремле.

Е.П. Мосягин обожал военные песни, в том числе композиции Б.Ш. Окуджавы. За свою активную деятельность он получал поощрения от В.А. Коля и других руководителей управы района Восточное Дегунино.

Немногие могут похвастаться таким разноплановым творчеством, как у Евгения Потаповича Мосягина.

Первые стихотворения Е.П. Мосягина увидели свет в военный период. Поэтическим творчеством он занимался более 70 лет.

Снова проявить талант живописца фронтовику удалось в середине 1990-х гг. в Москве, где он работал по совместительству художественным редактором в издательско-полиграфическом холдинге «Тerra». Печально, что возникшее в СССР издательство «Тerra»

прекратило существование в 2020 г. Е.П. Мосягин выступал на заседаниях клуба «Новозыбковский краевед».

Зинаида Семёновна, вторая супруга ветерана, занималась живописью. В Новозыбкове были организованы выставки ее работ. Антон, сын от второго брака, живет в Москве.

Благодаря своим литературным произведениям Евгений Потапович также приобрел известность. Труды Е.П. Мосягина публиковались в центральных изданиях, областных газетах. Он знакомил со своим творчеством и земляков. В трех городских газетах часто печатались прозаические и стихотворные произведения Е.П. Мосягина. Семантический анализ подтверждает, что журналисты отдавали предпочтение военным стихотворениям [5; 9]. Также установлено, что исключительно редко в периодических изданиях встречаются его стихотворения, посвященные личным переживаниям [6: 3]. К сожалению, многие прозаические работы Е.П. Мосягина не имеют названий.

В 2006 г., 20 лет назад, в издательстве «Благо» в серии «Русские на войне» вышла книга «Живое дыхание смерти» [3], в которую вошли повесть, рассказы и большая подборка стихотворений. Это издание стало знаменательной вехой не только в жизни автора. «Живое дыхание смерти» остается самой известной работой Е.П. Мосягина. Сюжетные линии книги неразрывно связаны с историей его родного города.

Кроме того, ветеран был неравнодушен к живописи. Кисти Е.П. Мосягина принадлежат десятки картин, в том числе пейзажей, воспевающих красоту родных мест. В 2025 г. в Новозыбкове была организована выставка его работ.

Даже находясь на заслуженном отдыхе, Евгений Потапович участвовал в общественной жизни, продолжал писательскую деятельность. Писатель многократно посещал Новозыбков, где встречался с литераторами и любителями искусства, привозил и дарил свои книги. Е.П. Мосягин поддерживал связи с творческим клубом «Зыбчане». В ряде мероприятий поэт принимал участие дистанционно. Многие стихотворения Е.П. Мосягина увидели свет в альманахах «Зыбь» и «Над Карной». В 2002 и 2014 гг. в альманахе были напечатаны его военные и лирические стихотворения, в 2016 г. – отрывок из романа-хроники «Старый дуб у дедовского дома», который был полностью издан только через два года [10]. В 2016 г. был напечатан

еще один сборник стихов – «В стихах прозвучавшее слово» [2]. Павлу Корчагину, прославленному герою Гражданской войны [11], Е.П. Мосягин посвятил одноименное стихотворение [2: 33].

Писателя приглашали на мероприятия учебные заведения и трудовые коллективы Москвы. Ветеран часто выступал на встречах с воспоминаниями о своей жизни, давал интервью. Художнику были посвящены сюжеты на телевидении. По мотивам литературных произведений Е.П. Мосягина был снят телефильм, который демонстрировался на канале «Подмосковье». Выставки картин Евгения Мосягина неоднократно проводились в столице. В Новозыбкове также выставлялись его картины. Инженер редко посещал родной город.

Е.П. Мосягин не состоял ни в одной писательской организации.

Понимая величие подвига советского человека и всемирно-историческое значение разгрома коричневой чумы, Евгений Потапович называл себя солдатом Великой Отечественной войны [2], хотя не сражался с врагом в рядах регулярной Красной армии. Е.П. Мосягин также передал в своей поэзии восхищение полководческим талантом Г.К. Жукова [2: 50].

Е.П. Мосягин тесно общался с Юрием Павловичем Петровым, жителем блокадного Ленинграда и известным писателем, состоял в переписке с участниками войны, проживавшими в разных союзных республиках.

Здоровье ветерана ухудшалось. Он пережил инфаркт. Евгений Потапович Мосягин умер 3 июля 2019 г. в Москве.

За год до этих событий не стало его второй супруги. Вероятно, потрясение не прошло бесследно.

Жизнь Евгения Потаповича была долгой и продуктивной. Он успел выпустить шесть книг [2–4; 7; 8; 10]. Всю жизнь ветеран стремился к правде. Закономерно, что свой жизненный путь Е.П. Мосягин завершил произведением «Медные пятаки правды» [4]. Еще одна – сборник «Свет и тень, радость и печаль» – вышла в свет осенью 2019 г. [8].

У ветерана остались два сына и дочь, внуки и правнуки.

Источники и литература

1. Колосов Ю.Б., Кеслер И.Е., Горбков И.А. Новозыбков: Историко-экономический очерк. Тула, 1970.

2. *Мосягин Е.П.* В стихах прозвучавшее слово: сборник. М., 2016.
3. *Мосягин Е.П.* Живое дыхание смерти. М., 2006.
4. *Мосягин Е.П.* Медные пятаки правды. М., 2018.
5. *Мосягин Е.П.* Нас научила этому война // Новозыбковские вести. 2000. № 22. С. 7.
6. *Мосягин Е.П.* О себе // Зыбка. 2005. № 15. С. 3.
7. *Мосягин Е.П.* Пятьсот веселый. Путешествие из Сухинич в Грязи летом сорок пятого года: повесть. М., 2016.
8. *Мосягин Е.П.* Свет и тень, радость и печаль. Рассказы и очерки. М., 2019.
9. *Мосягин Е.П.* Слово о военном поколении // Новозыбковский маяк. 2006. № 75. С. 3.
10. *Мосягин Е.П.* Старый дуб у дедовского дома. Жизнеописание благопристойной семьи: роман-хроника. М., 2018.
11. *Островский Н.А.* Как закалялась сталь. Владимир, 2011.

А.А. Попова

ВОЙНА РОСТОВСКОЙ СЕМЬИ КОСОЛАПОВЫХ

На различных ресурсах Интернета сейчас можно найти информацию о родственниках – участниках Великой Отечественной войны: чужие люди взяли на себя заботу о сохранении их памяти. Это замечательно. Но в первую очередь о подвиге семьи должна помнить и знать сама семья.

Косолаповы приехали в Ростов-на-Дону из с. Никольского Водопьяновского района Воронежской области (позже – Донской район Липецкой области) во второй половине 1920-х гг. Отец – Косолапов Павел Емельянович, мать – Косолапова (урожденная Минакова) Анна Ивановна. Поженились они в 1901 г. Было у них восемь детей: Иван – 1903 г. рождения, Прасковья – 1905, Николай – 1907, Александр – 1908, Екатерина – 1909, Матрена – 1911, Раиса – 1922, Клавдия – 1924 г. рождения.

Родители смогли получить комнату в доме 206а по ул. Энгельса (сейчас – ул. Большая Садовая). Трехэтажный дом из белого кирпича, построенный в 1927 г. для преподавателей и студентов медицинского института, до сих пор стоит на своем месте! В нем три подъезда: крайние предназначались для преподавателей, средний – для студентов. На каждом этаже – длинный коридор на 16 комнат, кухня, в которой помещалось около 10 столов. Посреди кухни

стояла огромная печь для приготовления еды. Позже ее заменили газовые плиты. В каждой комнате была своя небольшая печка для отопления. И сейчас можно увидеть в стенах старинные задвижки дымоходов. Именно здесь, в одной из комнат площадью 13 м², разместились семья из 10 человек.

Николай, поступив в 1925 г. в Новочеркасское училище связи, переехал жить в Новочеркасск, получил звание лейтенанта, женился. В 1935 г. старший сын Иван тоже женился и переселился в комнату рядом с родителями.

У обоих сыновей перед войной было уже по двое детей. Все учились, работали, нянчились с детьми и внуками, мечтали о светлом будущем...

Но грянула Великая Отечественная война. Прасковья с родителями и племянниками отправилась в эвакуацию, поскольку семье коммуниста, офицера Красной армии, оставаться в городе было небезопасно.

Раиса была угнана в Германию [5]. В Ростов-на-Дону она вернулась только в 1947 г., проведя несколько месяцев в лагере для перемещенных лиц. Соседки называли ее «немецкой овчаркой», хотя до Германии она не доехала. Их двоих – Раю и ее подружку – в Польше выкупила из состава с угнанными хуторянка, и до конца войны они батрачили на польском хуторе.

Пятеро ушли на фронт. По сохранившимся документам можно проследить боевой путь семьи Косолаповых.

Для Николая Косолапова, кадрового военного с десятилетним стажем, война началась 22 июня 1941 г. Иван был призван 22 августа [8], Екатерина, Клавдия и Матрена добровольно ушли на фронт в один день – 18 октября 1941 г. [2–4].

Иван Павлович Косолапов единственный из пятерых не вернулся с войны. Служил танкистом в 43-й гвардейской тяжелой танковой бригаде сначала рядовым, затем – сержантом. Горел в танке, освобождал Ростов-на-Дону. Под Ростовом в 1942 г. танк Ивана был подорван, сам он получил сильные ожоги, но чудесным образом дополз до хутора, где в то время находилась его жена с тремя детьми. Казачки выходили его, но предатели-полицаи сдали Ивана фашистам, его избили и выбросили в степь умирать. Тогда семья получила первое извещение. Однако он добрался до своих, долго лечился и вновь вступил в строй. До сих пор в семье хранятся несколько

писем Ивана с фронта и из госпиталей. И даже после очередного извещения о том, что воин пропал без вести, которое пришло в мае 1944 г., из-под Риги приходили письма, датированные октябрём. Где он погиб, где его место упокоения, мы не знаем. В книге «Минута молчания. Павшим в Великой Отечественной войне» есть запись под № 1898: «Косолапов Иван Павлович, род. 1903 г., сержант, проп. б/в 5.1944» [6: 148].

Николай Павлович Косолапов служил в Красной армии с ноября 1929 по май 1948 г. На должностях офицерского состава работал с 1 сентября 1931 г. Войну начал при штабе маршала И.С. Конева 19-й армии Западного фронта в звании капитана, командира батальона 48-го полка связи. В октябре под Вязьмой он попал в плен. С 28 октября 1941 г. по 1 февраля 1942 г. (три месяца и три дня) находился в плену. Ему удалось бежать из лагеря для военнопленных, добраться до своих. Но восемь месяцев и 18 дней (с 1 февраля 1942 г. по 19 октября 1942 г.) он находился на государственной проверке, успешно прошел ее, и 19 октября 1942 г. майора Косолапова направили в действующую армию – в 361-й отдельный батальон связи 24-й стрелковой дивизии 60-й армии.

Николай служил в должности заместителя командира 361-го отдельного батальона связи (далее – обс) 24-го стрелкового корпуса (далее – ск). «За полтора месяца командования батальоном товарищ Косолапов коренным образом изменил состояние батальона. В августе 1943 г. на осмотре строевой, боевой подготовки и состояния хозяйства батальон представлял вполне подготовленную боеспособную часть. За время Глуховско-Нежинской наступательной операции и форсирования реки Днепр личный состав батальона вполне справился с задачами по обеспечению командования корпуса связью для укрепления боевыми действиями соединений» [7]. За проведение данной операции майор Косолапов был представлен к ордену Красного Знамени. 2 декабря 1943 г. майора Косолапова назначили на должность командира 133 обс 30 ск. «На место дислокации 30 СК в деревне Божинка, что 35 км севернее Житомира, товарищ Косолапов прибыл 5 декабря, а 6 декабря 1943 года противник перешел в наступление, и танковые части ворвались на КП корпуса. В результате были убиты начальник связи корпуса подполковник Фрог и его помощник майор товарищ Васильев. Не имелось никаких сведений о майоре товарище Косолапове, о его

предшественнике майоре товарище Полякове и о вновь назначенном начальнике штаба батальона капитане товарище Шевченко. Все эти три офицера считались без вести пропавшими» [7].

Позже выяснилось, что 6 декабря 1943 г. Николай опять попал в плен и по 1 июля 1944 г. шесть месяцев и 25 дней находился в фашистском плену. Вот как об этом страшном эпизоде вспоминал в 1946 г. старший лейтенант Владимир Родин: «Знаю майора товарища Косолапова Н.П. с 10 декабря 1943 г. по 10 июля 1944 г., с которым я встретился в городе Бердичев Житомирской области в лагере военнопленных. Товарищ Косолапов был тяжело ранен в ногу и находился в неподвижном состоянии. Из города Бердичев нас вместе с другими ранеными товарищами перевезли в город Хелм (Польша), где также заключили в лагерь военнопленных» [9]. Несмотря на то что Николай был тяжело ранен, он всё время говорил о побеге из лагеря. Во время пребывания в лагере военнопленных связей с немцами не имел, нигде не служил и не работал. После выздоровления майор Косолапов встал во главе группы выздоравливающих офицеров и принялся за организацию побега. Когда всё было подготовлено, Николай Косолапов проделал проход в проволочном ограждении, и группа из четырех человек (майор Косолапов, старший лейтенант Титов, майор Курлыкин и старший лейтенант Родин) совершила удачный побег из лагеря военнопленных.

Далее Николая Павловича опять ждала государственная проверка, но уже не такая длительная, как в первый раз, всего три недели – с 1 июля по 22 июля 1944 г. И в дальнейшем, с 22 июля 1944 г. по 9 мая 1945 г., майор Косолапов, по словам сослуживцев, энергичный, дисциплинированный, требовательный офицер, в совершенстве знавший технику и организацию связи в масштабе корпуса, любивший свою специальность, продолжал воевать и встретил Победу в Берлине.

В представлении к ордену Отечественной войны II степени можно прочесть: «В наступательную операцию от реки Одер до реки Эльба товарищ Косолапов вложил много труда в развертывании узлов связи на НП Командующего, руководил эксплуатацией средств связи, давая свои указания для лучшей организации и обеспечения связью Командующего с подчиненными и взаимодействующими соединениями, связь в период операции работала устойчиво... Активное участие принимал в развертывании узла связи на КП

Командующего в населенных пунктах Рауэн, Рагов, Тиров, Зедин, Герцке, Вермлиц» [1].

1 июня 1945 г. майор Николай Павлович Косолапов, заместитель командира по строевой части 156-го отдельного Бранденбургского Краснознаменного полка связи, от имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество был представлен к ордену Отечественной войны I степени. Кроме того, Николай Павлович был удостоен ордена Красной Звезды, медалей «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы».

Не отставали от братьев и сестры Косолаповы. Так, Екатерина Павловна, служила кладовщиком второго отдела отделения имущества связи военно-технического склада 56-й армии. С июля 1942 г. по октябрь 1943 г. участвовала в боях за Кавказ, за что была представлена к медали «За оборону Кавказа». В апреле 1944 г. начальник летучки военно-технического склада Екатерина Павловна Косолапова за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество была представлена к медали «За боевые заслуги». В представлении к награде от 20 января 1944 г. читаем: «Являясь единственным работником летучки, она зачастую лично доставляла имущество связи в части армии, находившиеся на передовой линии. Были случаи, когда в условиях полного бездорожья, она доставляла имущество на передний край на самолете. Во всех случаях трудной обстановки, имущество в части доставлялось своевременно, чем обеспечивалась бесперебойная связь с армейскими частями. Товарищ Косолапова зачастую выполняет непосильную для женщин работу, не считаясь ни со временем, ни с трудностями» [2].

Матрёна Павловна Косолапова служила рядовым по ремонту химического имущества полевого армейского военно-технического склада № 845 56-й армии. Награждена медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В характеристике читаем: «В период операций по освобождению Кубани и Таманского полуострова от фашистов, в мастерскую поступало большое количество противогазов, которые требовали немедленного ремонта и отправки частям.

Товарищ Косолапова, не считаясь с временем, днем и ночью... только за 10 дней на своем процессе отремонтировала 3000 противогазов... Все эти противогазы были сразу переданы боевым частям на вооружение. Товарищ Косолапова всегда показывает высокие образцы выполнения боевых заданий» [4]. 25 июля 1945 г. М.П. Косолапова за непосредственное участие в штурме города и крепости была награждена медалью «За взятие Кёнигсберга».

Ефрейтор Клавдия Павловна Косолапова ушла на фронт, прибавив себе два года. Служила телефонисткой батарее управления 45-й гвардейской армейской пушечно-артиллерийской Днепродзержинской орденов Суворова и Кутузова Краснознаменной бригады 46-й армии с октября 1941 по ноябрь 1942 г. С конца 1942 по август 1945 г. – на 3-м Украинском фронте, с 15 августа 1945 по июнь 1945 г. – на 2-м Украинском фронте. Получила два осколочных ранения в июне и октябре 1943 г. Была награждена медалью «За оборону Кавказа». 3 июня 1945 г. «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» была награждена орденом Красной Звезды. В представлении к награде командир писал: «27 марта 1945 года при занятии города Двер, артобстрелами противника систематически прерывалась связь командира бригады с командирами дивизионов... Рядовая Косолапова с телефонистом Леоновым находилась на исправлении линий связи, и лично под обстрелом противника исправила два порыва. 7 апреля 1945 года при взятии пригорода Вены, рядовая Косолапова дежурила коммутаторе. В это время противник артминометным обстрелом обстрелял узел связи. Несмотря на сильный обстрел, товарищ Косолапова, имея большую силу воли, презирая смерть продолжала оставаться на своем посту» [3]. В 1985 г., к 40-летию Победы, Клавдия Павловна была награждена орденом Отечественной войны I степени.

По-разному сложилась жизнь этих людей после войны. Николай Павлович перебрался в Москву, повторно женился. Его сын Олег Николаевич и сейчас живет в Москве, бывший пограничник, подполковник погранвойск, заслуженный адвокат России, бережно хранит память об отце.

Матрена умерла в возрасте 53 лет. Екатерина и Клавдия прожили долгую, насыщенную жизнь. Они никогда не рассказывали нам о том, что им довелось пережить в самые лучшие для человека годы –

годы молодости, чем им пришлось пожертвовать ради нашего мирного будущего. И мы обязаны сберечь то, что было ими завоевано.

Источники и литература

1. Колокольцев, подполковник. Краткое, конкретное изложение лично-го боевого подвига или заслуг от 15 мая 1945 г. // Личный архив семьи Косолаповых, г. Москва.

2. Косолапова Екатерина Павловна 1909 г.р. Наградной лист от 20 января 1944 г. // Подвиг народа 1941–1945 гг. URL: <https://podvignaroda.ru/?id=21365741&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 20.02.2026).

3. Косолапова Клавдия Павловна. Наградной лист от 30 мая 1945 г. // Память народа 1941–1945 гг. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvighchelovek_nagrazhdenie41292782/ (дата обращения: 20.02.2026).

4. Косолапова Мотрена Павловна 1911 г.р. Наградной лист от 13 октября 1943 г. // Подвиг народа 1941–1945 гг. URL: <https://podvignaroda.ru/?id=19507214&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 20.02.2026).

5. Косолапова Раиса Павловна // Остарбайтеры. Перемещение советских граждан на принудительные работы в нацистскую Германию (1941–1943 гг.): база данных и интерактивная карта (на материалах Ростовской области). URL: https://ostarbaiters.ru/api/uploads/8397ec63-d6d8-425a-ac54-0008fcfd26fa/addressesBeforeShipping/1886_1_18_000132.jpg (дата обращения: 20.02.2026).

6. Минута молчания. Павшим в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. Ростов-на-Дону, 1991.

7. *Нестеров*. Боевая характеристика на бывшего командира 133-го отдельного батальона связи 30 СК майора товарища Косолапова Николая Павловича за время с марта 1943 г. по 6 декабря 1943 г. от 22 сентября 1944 года // Личный архив семьи Косолаповых, г. Москва.

8. Орджоникидзевский районный военный комиссариат. Справка от 19 января 1942 года // Личный архив семьи Поповых, г. Ростов-на-Дону.

9. *Родин В.М.* Отзыв на майора тов. Косолапова Николая Павловича от 30 октября 1946 года // Личный архив семьи Косолаповых, г. Москва.

И.Х. Сулаев

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СУДЬБЕ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ МАГОМЕДА ДЖАБРАИЛОВА (1908–1998)

Великая Отечественная война явилась тяжелым испытанием для миллионов советских граждан, повлияла на жизненный путь ее участников. В этой статье мы решили показать судьбу одного участника войны из даргинского аула Канасираги Сергокалинского

района Дагестанской АССР Магомед Джабраилова. По собранным краоведами и учителями местной школы сведениям, из аула Канасираги в Великой Отечественной войне участвовало 106 мужчин, погибло или пропало без вести – 57 [2]. В последние два года мы стали заново уточнять списки участников войны. С этой целью 25 сентября 2025 г. в Сергокалинском райвоенкомате была изучена «Алфавитная книга на призванных в ряды Советской Армии за период 1941–1945 гг.», где встречались фамилии и призванных за 1938–1939 гг. Я выявил в этой книге 15 новых имен, в том числе фамилию одного русского – Р.П. Холова [3]. Сведения об остальных мы уточнили по книгам памяти «Назовем поименно. Книга памяти» и «Солдаты Отечества: Книга памяти» [4; 5]. Согласно этим подсчетам, из аула Канасираги было 128 участников войны, один из них – герой нашей статьи [3].

Согласно автобиографии, собственноручно написанной и заверенной подписью 5 мая 1939 г., Магомед Джабраилов родился в селении Канасираги Сергокалинского района Дагестанской АССР в 1908 г. в семье бедняка-земледельца¹. В 1917–1919 гг. (в 9–11 лет) учился Корану в сельской джума-мечети. В 1919–1923 гг. помогал по хозяйству и пас домашний скот. В 1923–1925 гг. учился арабским наукам в джума-мечети родного села и в с. Баршли соседнего Кайтагского района. В 1925–1930 гг. трудился по хозяйству и ездил на рыбные промыслы, чтобы заработать. В 1930–1931 гг. Магомед Джабраилов исполнял обязанности секретаря Канасирагинского сельского совета депутатов трудящихся. Имея семь классов образования, с 1932 г. до призыва на войну он работал учителем начальных классов родной Канасирагинской семилетней школы² [8: 123–123 об.]. Здесь же в 1931 г. вступил кандидатом в ряды ВКП(б), в 1934 г. во время партийной чистки его зачислили в группу сочувствующих, обвинив в слабой политической подготовке. В 1938 г. Магомеда

¹ До установления советской власти и новой административной реформы его родовой аул входил в Мекегинское наибство Даргинского округа Дагестанской области. Фамилию свою М.Д. Джабраилов по старому стилю и орфографии писал без буквы «Д» – Жабраилов, а в автобиографии указал, что нет отчества.

² Советская власть открыла в селении Канасираги начальную школу в 1928 г.; туда обязывали ходить и взрослых тоже, что было обязательным советской политики ликвидации безграмотности (ликбез). Пока М. Джабраилов учился, Канасирагинская школа стала семилетней.

Джабраилова снова приняли кандидатом в члены ВКП(б). В автобиографии он указал, что среди членов семьи и родных не было кулаков или раскулаченных [6: 9]. В анкете вступающего кандидатом в члены ВКП(б) первичной парторганизации колхоза имени 1-го Мая соседнего с. Мургук написано, что Магомед Джабраилов учится в консультационном пункте в с. Урахи Сергокалинского района и является членом сельского совета [6: 2]. За активное участие в ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения наркомпросом ДАССР в 1931 г. его наградили почетной грамотой и вручили билет ударника [6: 3]. В ряды ВКП(б) его рекомендовали: Магомедов Закарья, Абидов Махди, Гасанов Тухтархан из соседнего аула Мургук [6: 3 об.]. 18 мая 1939 г. Магомед Джабраилов был переведен из кандидатов в члены ВКП(б). Документ об этом был заверен подписью секретаря Сергокалинского райкома ВКП(б) М.-А. Махмудова 7 июня 1939 г. [6: 3–5].

Мы изучили несколько десятков протоколов заседаний первичной парторганизации ВКП(б) колхоза имени Ворошилова с. Канасираги за 1939–1941 гг., в которых активное участие принимал Магомед Джабраилов. Например, на партсобрании от 10 февраля 1941 г. его избрали секретарем собрания¹ [7: 10–10 об.]. На собрании обсудили вопрос об итогах оборонной работы среди колхозников в 1940 г. и задачах на 1941 г. Коммунисты колхоза постановили: вызвать на социалистическое соревнование организацию Осоавиахим колхоза «Красный Октябрь» соседнего с. Мургри; работать с комсомольцами и молодежью села, чтобы каждый из них освоил оборонную (военную) технику; поручить правлению колхоза оформить заказ через культурный фонд райсовета Осоавиахима для покупки материала для военного уголка [7: 10–10 об.].

7 апреля 1942 г. М.Д. Джабраилов добровольцем ушел на фронт, служил в 956-м артиллерийском полку 394-й дивизии, сформированной в Грузии, а в августе 1942 г. уже воевал в Краснодарском крае. В боях под ст. Лабинской (сейчас – г. Лабинск) был ранен в обе ноги. Раненого, его на своих плечах около 3 км несли земляки-дагестанцы – Ахмедханов из кумыкского с. Утамыш и Саидбеков из Буйнакского района. Они доставили его в полевой госпиталь. После выздоровления Джабраилов снова попросился на фронт. В своих

¹ Согласно протоколам, партийные собрания проводились три-четыре раза в месяц.

воспоминаниях он перечисляет названия некоторых населенных пунктов, в освобождении которых он принимал участие: г. Будёновск и Днепропетровск, станция Раздельная. Он служил на передовой огневой линии наводчиком пушки. Как храбрый боец, Джабраилов получает от командования звание младшего сержанта, его назначают командиром отделения и избирают заместителем парторга роты [1].

Во время боев за Будёновск (январь 1943 г.) и станцию Раздельную (март – апрель 1944 г.) Джабраилов был ранен дважды. Всего за время войны он получил три ранения. Второй раз пуля пробила четыре передних зуба и шею навылет. На этот раз Магомеда вытащил русский солдат Ямиков. Рана была тяжелой, но благодаря скорой госпитализации и вовремя сделанной операции Джабраилов чудом остался жив. Затем его направили в госпиталь в г. Сталино (в настоящее время – Донецк), где он продолжал лечение больше трех месяцев. После выздоровления младшего сержанта М. Джабраилова отправили на курсы по подготовке младших офицеров, но он не смог их окончить из-за недостаточной подготовки, и в августе 1944 г. он снова отправился на фронт. Магомед Джабраилович продолжил воевать в составе 3-го Украинского фронта, участвовал в Яско-Кишинёвской операции, освобождал Бессарабию и Молдавию, воевал в Болгарии [1].

М.Д. Джабраилов был демобилизован 25 сентября 1945 г. и вернулся в родное село Канасираги, где его ждала семья.

За время войны семья Джабраилова не раз получала благодарственные письма от командиров. Вот одно из них, отправленное 9 августа 1944 г. супруге: «Уважаемый товарищ Багомедова Султанат! Ваш муж, красноармеец Джабраилов Мухамед, за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество 27 июля 1944 года награжден медалью “За отвагу”. Командование войсковой части, полевая почта № 06733 поздравляет Вас с награждением высокой Правительственной наградой члена Вашей семьи, верного сына нашей социалистической Родины и желает, чтобы эта награда послужила стимулом Вам для еще плодотворной работы в тылу, а ему – для новых боевых дел на благо нашей великой Родины. Командир войсковой части Григорьев. Полевая почта № 06733. Подпись» [1].

А вот письмо от командира части отцу, Магомедову Джабраилу, написанное 14 декабря 1944 г.: «Мы на пороге нового, победного

1945 года... Сбылись слова товарища Сталина: и на нашей улице настал праздник. Народы Советского Союза отстояли свою свободу, счастье и независимость <...> Ваш сын Джабраилов Магомед – участник исполинских битв, принесших освобождение Родине. В тяжелом труде войны, в боях по разгрому немецких войск он не раз показывал образцы мужества и отваги, за что достойно отмечен высокой Правительственной наградой, медалью “За отвагу”. Вы вправе радоваться и гордиться таким славным воином, истинным патриотом своей Отчизны...» [1].

Также приведем характеристику, написанную парторгом первичной парторганизации лейтенантом Соколовым: «За время пребывания в парторганизации Джабраилов Магомед показал себя честным, дисциплинированным коммунистом. Он неустанно занимался повышением своего идейно-политического уровня, занимаясь в группе молодых коммунистов. В боевой обстановке был примером храбрости для всего личного состава, требователен к себе и подчиненным. В период боевой учебы неустанно совершенствовал свое боевое мастерство, передавая опыт, накопленный за годы войны личному составу» [1]¹.

За время войны М.Д. Джабраилов получил следующие правительственные награды: медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд в период войны», орден Отечественной войны I степени. Освобождая от фашистов Кабардино-Балкарию, погиб его единственный брат Темираз [3].

После возвращения с войны Магомед Джабраилович Джабраилов работал на ответственных должностях: был секретарем первичной партийной организации колхоза, заведующим складом, заведующим фермой, председателем колхоза имени Ворошилова.

В 1968 г. М.Д. Джабраилов переселился в соседний Карабудахкентский район вместе с 57 семьями своих односельчан, где они основали новое селение – Сираги. Он умер в 1998 г. и похоронен в Сираги.

Источники и литература

1. Воспоминания Джабраилова М.Д. Хранятся в Канасирагинской средней школе Сергокалинского района Республики Дагестан.

¹ К сожалению, сохранился только фрагмент письма, дата не читается.

2. Закарьяев Г. Прошлое не забудем // Сергокалинская районная газета «Эркиндешличи» («К изобилию»). 1981. 7 мая.
3. Личный архив И.Х. Сулаева.
4. Назовем поименно. Книга памяти. Т. VII. Махачкала, 2002.
5. Солдаты Отечества: Книга памяти. Т. 7. Махачкала, 2008.
6. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 100-п. Оп. 2. Д. 57.
7. ЦГА РД. Ф. 2850-п. Оп. 1. Д. 1.
8. ЦГА РД. Ф. Р-34. Оп. 7. Д. 31.

А.И. Лопатина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИН-МЕДИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПО ИСТОЧНИКАМ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

События Великой Отечественной войны в последние десятилетия все чаще рассматриваются через призму истории повседневности. Однако многие направления истории повседневности, особенно касающиеся женского опыта, до сих пор остаются недостаточно изученными. Решение этой задачи требует обращения к источникам, способным передать не только факты, но и живые человеческие переживания. Именно поэтому данная работа опирается на комплекс источников личного происхождения. Основу составляют воспоминания медицинской сестры ростовского эвакогоспиталя № 1602 А.И. Звонаревой [1]. Дополнительными источниками служат интервью с участницами событий З.Г. Коваленко [4] и В.М. Мухортовой [5]. Использовались также работы М.Ш. Кнопина, В.К. Таранухи [2], В.Н. Мамяченкова [3], А.В. Попова [6], Е.И. Смирнова [7] и других авторов, посвященные истории военной медицины и повседневности женщин на войне. Комплексное использование этих материалов позволяет реконструировать не только профессиональную деятельность, но и бытовые условия, моральное состояние и социальные практики женщин-медиков в экстремальных условиях военного времени.

В годы войны на женщин легла колоссальная нагрузка: они заменили мужчин во многих сферах деятельности не только в тылу, но и на фронте. Среди них в первую очередь надо отметить военную медицину: женщины составили подавляющее большинство

армейских медиков, приняв на себя основной груз заботы о раненых. Документы военных лет фиксировали показатели – сколько раненых вернулось в строй, сколько операций провели советские врачи, сколько коек развернули госпитали, но за этими цифрами исчезали живые люди, условия их работы, быт, моральное состояние. Особенно это касается женщин – медицинских сестер, санитарок, врачей, чья работа была не просто службой, а ежедневным подвигом, сопряженным с тяжелейшими физическими и моральными испытаниями. Вопросы о том, как именно женщины справлялись с этими нагрузками, в каких условиях они существовали, как сочетали «неженскую» работу с традиционной женской ролью и какую цену заплатили за Победу, до сих пор требуют углубленного изучения, что и определяет актуальность данного исследования. Его цель – выявить роль и специфику женского труда в системе советского военного здравоохранения через реконструкцию повседневных практик женщин-медиков на основе источников личного происхождения. Для этого необходимо определить место женщин в кадровой структуре эвакуогоспиталей, проанализировать условия их труда и быта, выявив специфические трудности военного времени, реконструировать профессиональные и социальные практики, включая донорство, взаимопомощь и моральную поддержку, а также оценить вклад женского труда в результативность работы системы военного здравоохранения.

С первых дней войны система здравоохранения столкнулась с острым кадровым дефицитом. Массовая мобилизация врачей-мужчин в действующую армию сделала неизбежным замещение освободившихся позиций женщинами. Коллектив эвакуогоспиталя № 1602, развернутого в Ростове-на-Дону в июне 1941 г., формировался по типичной для того времени схеме: «из медперсонала разных медучреждений города и области. Вспомогательные службы пополнялись вольнонаемным составом: санитарки, официантки и т.д.» [6: 23]. Таким образом, с самого начала женщины составили костяк среднего и младшего медицинского персонала.

Статус женщин-медиков не был статичным на протяжении войны. Первоначально многие из них числились вольнонаемными. Характерно воспоминание В.М. Мухортовой: «У нас в погонах были только врачи. Мы были все, и даже операционная медсестра, гражданские, как это называется, вольнонаемные, кроме врачей» [5]. Ситуация

со временем менялась. Например, в госпитале № 1602 7 ноября 1942 г. произошло знаковое событие: «персонал госпиталя принял военную присягу, и медики получили соответствующие звания: врачи и сестры с высшим образованием стали офицерами, а средний медперсонал – сержантами» [6: 16]. Это формально уравнило женщин-медиков в статусе с другими военнослужащими, наложив на них всю полноту ответственности и воинской дисциплины. Однако к концу войны статус ряда медиков вновь изменился. А.И. Звонарева пишет в своих воспоминаниях: «В 1944 году в конце, в начале 1945 г. всех мед. сестер демобилизовали... Оставшиеся мед. сестры перевели в в/наемные. Вскоре и врачей-женщин демобилизовали» [1]. Эта динамика отражает общую логику военного времени: женщины заполняли критический кадровый дефицит в самые тяжелые годы, а по мере приближения Победы и высвобождения мужских ресурсов их правовое положение вновь приближалось к довоенным нормам.

Война не только расширила круг обязанностей женщин-медиков, но и принципиально увеличила ежедневную нагрузку. К их основной профессиональной задаче – лечению и уходу за ранеными – добавился огромный объем хозяйственных и восстановительных работ. Начало работы госпиталя № 1602 больше напоминало строительную площадку, чем медицинское учреждение: «В течение первого и рабочего дня все прибывшие сотрудники госпиталя аж до позднего вечера наполняли матрасы соломой. Затем обустраивали помещения для приема раненых и больных. Мыли окна, двери, полы, в палатах расставляли тяжелые железные кровати, столы» [1]. В условиях постоянных передислокаций труд многократно усиливался. А.И. Звонарева лаконично описывает эту круговерть: «Шесть раз разворачивали и сворачивали госпиталь, грузили и разгружали имущество, медицинское оборудование в эшелоны при дислокации и эвакуации» [1]. Зимой к этому добавлялась борьба с холодом и разрухой: «Всем составом мыли, ремонтировали двери и окна, поставили “буржуйки” там, где не уцелели печи, белили известью. У многих медицинских сестер после такой работы руки покрылись ранками и язвами» [1].

Особую проблему представляло отсутствие инфраструктуры на новых местах дислокации. Не было централизованного водоснабжения и освещения. Воду для всего – мытья рук хирургов, стерилизации инструментов, стирки белья и бинтов – носили из колодца [1]. Работа на износ стала не исключением, а нормой: «В эти

дни люди трудились каждый за троих, порой сутками, не выходя из стен госпиталя, оставляя для сна лишь считанные часы» [1]. Медицинские сестры и санитарки дежурили сутками, а в свободное время помогали обустроить быт. Т.И. Ивченкова вспоминала: «Чаще всего мы дежурили сутки, а потом сутки отдыхали... постоянно, каждую ночь, отдохнуть не получалось» [3: 59].

Крайне тяжелым испытанием становились эвакуация и транспортировка раненых, особенно в прифронтовой полосе. В.М. Мухортова вспоминала один из самых страшных эпизодов, когда при отступлении через Дон пришлось буквально тащить раненых на себе: «Зимой было очень холодно. И через Дон я сама лично раненых перетаскивала... мы эти плащ-палатки снимали, раненого ложили и тащили его через Дон. А на Дону было много воронок, и ветер был сильный, и мороз был до 40 градусов... Девочки их обрабатывали, обмывали, перевязывали раненых, кормили их, а мы только тащили» [5].

Большинство девушек не имели довоенного медицинского опыта, и подготовка шла ускоренными темпами, часто прямо на рабочем месте. А.И. Звонарева с благодарностью вспоминает: «Начальник госпиталя в напряженные дни подготовки к приему раненых находил время обучать свой персонал работе в военных условиях. Нас учили, как быстро накладывать гипсовые повязки, всяческие шины, делать безболезненно перевязки, а также уходу за ранеными» [1]. Для молодых медсестер, не имеющих стажа, эти занятия были жизненно необходимы.

Работа в условиях постоянной угрозы требовала не только профессионализма, но и исключительного мужества. А.И. Звонарева описывает процесс погрузки раненых из санитарных поездов, которые в целях безопасности от налетов авиации принимали ночью на дальних путях: «Медперсоналу надо было обладать завидной расторопностью, мужеством, чтобы добраться до сансостава. А добирались где в обход, где проползали под вагонами. И всё – в крошечной темноте» [1]. Более того, медсестры несли и караульную службу, получая оружие – «старую винтовку весом около 6 кг» [1].

Ярчайшим проявлением женского самопожертвования стало массовое донорство. Как вспоминает А.И. Звонарева, «молодые медсестры охотно отдавали» свою кровь раненым прямо в палатах, причем после процедуры зачастую не имели времени на отдых;

медицинские сестры из эвакогоспиталя № 1602 А. Быковская, М. Любченко, С. Фридман и другие не раздумывая делились кровью с танкистами, пехотинцами, летчиками, провожая их из госпиталя уже не просто как пациентов, а как «братьев по крови» [1].

Помимо профессиональных нагрузок, женщины сталкивались с бытовыми проблемами, многие из которых были специфичны именно для них. А.И. Звонарева пишет: «Помню, всем трудно в душных вагонах без воды и мыла, но особенно нам, девушкам с косами» [1]. Подобные бытовые трудности требовали от женщин не только терпения, но и изобретательности. Так, медсестра М. Глазкова, обменяв свой паек махорки у машинистов поезда на горячую воду, обеспечила девушкам редкую возможность помыться: «Открыли они на паровозе какой-то кран, и медсестры заполнили все имеющиеся у них емкости хоть и маслянистой, но горячей водой. Многие девочки-медсестры тогда с удовольствием вымыли косы» [1].

Не менее сложной была проблема одежды и обуви. Выданное обмундирование часто было мужским, неудобным и не подходящим по размеру. А.И. Звонарева описывает этот эпизод с долей юмора, за которым скрывается горечь: «Только отчаянная медсестра Мария Глазкова решила примерить полученные ею вещи. В результате: брюки-галифе не сошлись в талии, и она связала их кусочком бинта. На ноги обула 43-его размера ботинки и обмотала голени обмотками... Надев пилотку, она в таком “шутовском” виде прошла по перрону. Многие от души посмеялись. Но все понимали, что идет война, и никто не жаловался на трудности» [1].

Повседневность женщин-медиков была неразрывно связана с постоянной борьбой за питание – и для пациентов, и для себя. В.М. Мухортова вспоминала, что сытыми бывали не всегда: «...когда и голодные были» [5]. Зимой ситуация усугублялась тем, что привезенная еда замерзала, и женщины ели замерзшие борщ и кашу, нарезаая их кусками. При этом забота о раненых всегда стояла для них на первом месте [1].

Женщины-медики не только выполняли профессиональные функции, но и играли роль психологов, утешительниц, сестер милосердия в самом высоком смысле этого слова. Они «не просто выполняли процедуры, назначенные врачом. Для каждого раненого находили доброе, ласковое слово, чутко и внимательно относились к просьбам больного» [8: 31]. Раненые, чем могли, старались

облегчить труд выбывавших из сил медсестер: «Подойдет, бывало, на костылях или с гипсовой повязкой на плече или руке и скажет: “Пусти, дочка, я посижу. Услышу, кто будет звать, я разбужу”» [1]. Атмосфера в женских коллективах, несмотря на тяжелейшие условия, оставалась удивительно дружной. В.М. Мухортова, вспоминая голод и нужду, неизменно добавляла: «Но очень было дружно» [5]. З.Г. Коваленко вторила ей той же фразой: «Очень было дружно» [4]. Эта сплоченность была важнейшим ресурсом выживания.

Интересно, что вопрос о личных отношениях и романах на фронте большинство женщин-медиков в своих воспоминаниях обходили стороной или категорически отрицали возможность подобного, подчеркивая строгость и отсутствие «казусов». Однако отдельные свидетельства, как, например, история медсестры Н.Г. Калининой (Бормотовой), у которой на фронте был роман с летчиком, закончившийся беременностью и увольнением, показывают, что фронтовая жизнь была сложнее и многообразнее официальных нарративов [3: 59–60].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов, раскрывающих роль и специфику женского труда в системе военного здравоохранения. Женщины составляли подавляющее большинство среднего и младшего медицинского персонала, выполняли огромный объем физической работы, которая в мирное время считалась мужской. Именно на их плечи легла основная тяжесть реализации задачи, сформулированной Маршалом Советского Союза К.К. Рокоссовским: «...поставить раненых и больных на ноги и дать им возможность снова вернуться в строй» [2: 83]. Подвиг женщин-медиков складывался не из единичных героических актов, а из ежедневного, изнурительного, часто невидимого труда: стирки бинтов в ледяной воде, заготовки крапивы для щей, сдачи крови в перерывах между сменами, отказа от своего пайка в пользу раненого. Этот «тихий героизм» был не менее важен для Победы, чем подвиги на передовой. Наконец, в экстремальных условиях войны сформировались особые социальные связи, основанные на взаимопомощи и доверии.

Источники и литература

1. Воспоминания Звонаревой А.И. // Личный архив Бабелюк Н.Д., сотрудницы окружного госпиталя № 1602.

2. Кнопов М.Ш., Тарануха В.К. Вклад медицинской службы в восполнение боевых потерь в личном составе в годы Великой Отечественной войны

(К 70-летию Великой Победы) // Хирургия. Журнал имени Н.И. Пирогова. 2015. № 4. С. 82–84.

3. *Мамяченков В.Н.* Повседневная жизнь и деятельность женщин-медиков Советской Армии в годы Великой Отечественной войны (по материалам интернет-проекта А.В. Дабкина «Я помню») // Победа над фашизмом в контексте современных вызовов России. 14-е Уральские военно-исторические чтения: сборник научных статей. Екатеринбург, 2025. С. 58–61.

4. Полевые материалы (далее – ПМ) Кринко Е.Ф. Информант Коваленко З.Г., 1926 г.р., записана в г. Ростове-на-Дону 29 октября 2012 г.

5. ПМ Кринко Е.Ф. Информант Мухортова В.М., 1922 г.р., записана Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат в г. Ростове-на-Дону 18 мая 2012 г.

6. *Попов А.В.* 1602 Окружному военному клиническому госпиталю – 70 лет / Под ред. П.Е. Крайнюкова. Ростов-на-Дону, 2011.

7. *Смирнов Е.И.* Война и военная медицина. 1939–1945 годы. М., 1979.

8. *Стасева А.Б., Кириллова И.Г., Максимов Б.И., Золотова Н.В., Пчелкина А.Н., Шмолина Н.К., Гарева Р.Р.* Подвиг медицинского персонала эвакуационных госпиталей № 3062 и № 3070 г. Канаш Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Русская старина. 2020. Т. 11. № 1. С. 26–40.

Д.А. Вычеров

ВРЕМЯ ПРОВОЖДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ, РАБОТАВШИХ НА ЛЕНИНГРАДСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ, В ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЯХ В 1943–1944 гг.¹

В 2026 г. исполняется 85 лет со дня начала Великой Отечественной войны. Несмотря на то что прошло уже немало лет, в нашей стране помнят и чтят подвиг предков. Историки и общественные деятели трудятся над тем, чтобы как можно точнее и достовернее реконструировать события тех лет. С этой целью они вводят в научный оборот новые источники, проводят исследования по данной тематике, а также активно работают с детьми и подростками, чьи сверстники в годы Великой Отечественной войны наравне со взрослыми помогали всей стране и защищали свою Родину.

Тяжело пришлось и ленинградским детям и подросткам. Летом 1941 г. и в блокадные годы они перечисляли деньги в фонд обороны,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00518, <https://rscf.ru/project/25-28-00518/>.

The study was supported by the Russian Science Foundation № 25-28-00518, <https://rscf.ru/project/25-28-00518/>.

выступали перед ранеными бойцами в госпиталях, собирали металлолом и лечебные растения, а также воевали в составе регулярной армии или партизанских отрядов, дежурили на крышах во время авианалетов и тушили зажигательные бомбы. Немало было и тех, кто трудился на предприятиях и в учреждениях города.

Их трудовые будни протекали в тяжелых условиях голода, холода, артобстрелов, бомбардировок, антисанитарии. Катастрофически не хватало лекарств, а получить своевременно медицинскую помощь было очень трудно. Вследствие этого смертность среди этих возрастных групп была высокой. Местные органы власти и управления предпринимали попытки улучшить их быт. С этой целью детям и подросткам выдавали теплую одежду и обувь, мыло и другие товары народного потребления; при предприятиях открывали столовые, где наиболее нуждающиеся могли получить дополнительный паек. Вместе с тем масштабы оказываемой помощи напрямую зависели от поставок с Большой земли. В результате столовые часто были закрыты, пайки нередко были совсем маленькими, а теплую одежду и обувь получить мог далеко не каждый ребенок [2].

Ситуация стала меняться в лучшую сторону после прорыва блокады в 1943 г. По железной дороге, проложенной в кратчайший срок, под обстрелами врага шли в город поезда со всем необходимым для жителей и фронта. Показательным является тот факт, что с лета 1943 г. началось восстановление сети пионерских лагерей в неоккупированной части Ленинградской области (подробнее см. [1]). Путевки получали, прежде всего, наиболее нуждающиеся дети и подростки: сироты, имевшие серьезные проблемы со здоровьем (например, функциональные расстройства сердечно-сосудистой системы, малокровие, заболевания дыхательных путей, авитаминоз) [4: 15], дети фронтовиков и т. п. При этом некоторые получали эти путевки бесплатно, другие же приобретали по цене ниже, чем была установлена для остальных категорий детей [6: 12].

Анализ документов позволяет сделать вывод, что среди отдыхающих были и юные рабочие, трудившиеся на предприятиях и в учреждениях Ленинграда. Очевидно, что это была мера социальной поддержки для тех, кто в тяжелые блокадные дни трудился на благо города и всей страны.

Во время нахождения в пионерском лагере отдыхающие могли поправить свое здоровье, поскольку их старались регулярно

кормить. В 1943 г. меню на день состояло из мяса (60 г), крупы (70 г), творога (80 г), картофеля (800 г), хлеба (600 г) и других продуктов [3: 10]. В течение дня с подростками проводили беседы на различные актуальные темы: обсуждали новости с фронта, биографии видных деятелей коммунизма, прежде всего В.И. Ленина и И.В. Сталина, говорили о важности учебы и труда [5: 9].

Отдыхающих активно привлекали к общественно-полезной деятельности: помощи колхозам, сбору растений и металлолома, уборке территории пионерлагеря, отправке подарков для красноармейцев. В свободное время ребята читали, гуляли, готовили творческие номера, с которыми потом выступали перед ранеными бойцами. Серьезное внимание уделялось военной подготовке: необходимые навыки и умения дети и подростки получали во время игр. Вместе с тем досуговые практики включали в себя и виды деятельности, не связанные с военной тематикой.

Таким образом, во время блокады местные органы власти и управления предпринимали комплекс мер, пытаясь спасти жителей города. Во многом масштабы оказываемой помощи зависели от поставок по Дороге жизни. С прорывом блокады удалось увеличить количество поставок. С этого времени началось восстановление сети пионерских лагерей на территории Ленинграда и области. Среди отдыхающих были также дети и подростки – рабочие предприятий и учреждений города. Своим трудом они внесли немалый вклад в то, что город выстоял, и за этот подвиг им была оказана поддержка. В пионерском лагере ребенок мог поправить свое здоровье, отдохнуть, получить медицинскую помощь и усиленное питание. После окончания смены он вновь погружался в трудовые будни.

Источники и литература

1. *Вычеров Д.А.* Восстановление сети пионерских лагерей в 1943–1944 гг. в Ленинграде и Ленинградской области: основные проблемы // Труды Института истории обороны и блокады Ленинграда. 2025. № 3. С. 79–97.

2. *Газиева Л.Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде 1941–1944. СПб., 2014.

3. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 5472. Оп. 1. Д. 221.

4. ЦГА СПб. Ф. 9023. Оп. 1. Д. 179.

5. ЦГА СПб. Ф. 9395. Оп. 1. Д. 204.

6. ЦГА СПб. Ф. 9636. Оп. 1. Д. 55.

РАЗДЕЛ 6

НАЦИСТСКАЯ ОККУПАЦИЯ, ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЗАХВАТЧИКОВ, КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОТИВНИКУ

Н.В. Башкирева

УЧАСТИЕ ФРАНЦУЗСКИХ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

В своей агрессии в отношении Советского Союза нацистская Германия была не одинока – некоторые европейские государства выступили в рядах ее союзников и сателлитов, а также сформировали добровольческие воинские формирования, влившиеся в вермахт и войска СС. При этом представители европейских стран принимали участие не только в боевых действиях на советско-германском фронте, но и в проведении нацистской оккупационной политики, установлении «нового порядка», реализации действий, квалифицируемых современной юридической практикой как геноцид советского народа. В числе гитлеровских пособников выступили и французские коллаборационисты, на протяжении двух лет несшие охранные функции на временно оккупированных территориях РСФСР и БССР. Фрагментарная освещенность данного аспекта реализации нацистской оккупационной политики в годы Великой Отечественной войны обуславливает актуальность его исследования.

В мае – июне 1942 г. в оперативный тыл группы армий «Центр» прибыли два батальона Легиона французских добровольцев против большевизма – военизированной структуры, созданной в коллаборационистской Франции в целях содействия Германии в осуществлении так называемого «крестового похода против большевизма». После неудачного наступления под Москвой в декабре 1941 г. французский 638-й пехотный полк был выведен с фронта, переформирован и отправлен нести службу по обеспечению безопасности тыловых районов. Главной задачей французских солдат вермахта становилась охрана путей сообщения и антипартизанская борьба на территории Смоленской и Орловской областей РСФСР, Минской,

Могилевской и Витебской областей Белорусской ССР. До июня 1944 г. в составе охранных дивизий французы принимали действенное участие не только в борьбе с партизанами, но и в реализации преступной политики в отношении гражданского населения.

Основной формой преступной деятельности французских коллаборационистов в отношении мирных жителей на временно оккупированной территории СССР стали грабежи и мародерство. Уже в августе 1942 г. командующий 221-й охранной дивизией, в подчинении которой находился 3-й батальон французского легиона, указывал, что во время проведения антипартизанских зачисток французы в чрезмерных объемах отбирали у гражданского населения скотину, одежду, предметы быта [11: 288]. Подобные действия в период пребывания легиона в западных районах СССР, подвергшихся нацистской оккупации, становились привычной практикой – пристрастие французских солдат и офицеров к грабегам зафиксировано в отчетных документах штаба группы армий за январь 1943 г. [8: 17–18]. Участие французов в ограблении гражданского населения засвидетельствовано в сообщениях белорусских партизан. Так, разведдонесения штаба военно-оперативной группы Круглянского подпольного районного комитета КП(б)Б Могилевской области содержат следующие сведения: 27 декабря 1943 г. около 400 французов и полицейских из местных гарнизонов выбывали в направлении д. Деваница, Гибайлово, Харчичи с целью борьбы с партизанами и грабежа населения; 8 января 1944 г. французы в д. Матощка (Крупский район, Минская область) взяли лошадь и мужчину [5: 216 об., 133]. Легионеры даже обзавелись повозками, на которые грузили ценные вещи, мебель, иконы, бесцеремонно реквизируемые у деревенских жителей [10: 137–138].

Одной из составляющих нацистской оккупационной политики являлась отправка населения на принудительные работы в рейх. Находясь на службе в тыловых районах, французские военнослужащие также принимали участие в угоне гражданского населения в Германию. Так, французы из нескольких гарнизонов, расположенных в Круглянском районе, 8 января 1944 г. в ходе антипартизанской вылазки в д. Микулинка, Тимаховка, Яново, Любище забрали молодежь в рабство в Германию [5: 133].

Участие французских коллаборационистов в проведении крупномасштабных операций против партизан, а также локальных

антипартизанских выездов нередко сопровождалось поджогами деревень и убийствами мирных жителей. Свидетельства подобных преступлений нашли отражение в мемуарной литературе [14: 80, 82], партизанских донесениях [6: 70 об., 177] и даже попали в кадры кинохроники – во время визита в расположение Легиона французских добровольцев летом 1943 г. члена правительства Виши [13]. Запечатленные таким образом действия французов по сожжению деревенских домов в период проведения антипартизанской операции на территории Белоруссии демонстрировались впоследствии широкой публике в пропагандистском ролике немецкого киножурнала [12]. Комментируя журналисту участие французских солдат в подобных преступлениях, влекущих за собой смерть мирных жителей, включая детей, один из легионеров указывал, что это всего лишь «забавная работа», а деревни «хорошо горят, все же из дерева» [3: 226–227]. При этом французы использовали даже специально придуманное для обозначения убийства гражданских лиц во время зачистки слово – *забрализуем* (от рус. *забрать*) [4].

Приведем свидетельства о двух фактах крайней жестокости французских коллаборационистов в отношении гражданского населения на оккупированной территории Белорусской ССР. Причем оба они связаны с деятельностью 1-го батальона Легиона французских добровольцев и завершились судебными разбирательствами. Речь идет о действиях командира батальона капитана Симони и офицера батальона лейтенанта Дагостини. Жестокость первого по отношению к гражданским лицам, выражавшаяся в сожжении деревень вместе с населением и расстреле тех, кто пытался спастись, отмечалась даже немецкими служащими легиона [9: 97]. В ходе одной из таких антипартизанских зачисток, проведенной по приказу Симони в д. Сыч Минской области в январе 1943 г., было убито и сожжено более 50 человек, включая женщин и детей [7: 84]. Практика целенаправленного убийства гражданских лиц была продолжена на оккупированной территории БССР французским лейтенантом Дагостини: по его приказу в д. Котово Могилевской области были расстреляны трое крестьян, не указавших, где находятся тела легионеров, попавших накануне в засаду [15: 143]. Несмотря на то что немецким военным трибуналом оба французских офицера были оправданы, тем не менее отправка их во Францию [10: 138, 141] выступает свидетельством того, что их преступные действия в отношении мирного населения

на оккупированных советских территориях даже немецким командованием были расценены как недопустимые.

Помимо проведения карательных акций против партизан, сопровождавшихся грабежами и убийствами мирного населения, задокументированы факты участия французских солдат и в иных преступлениях на временно оккупированных территориях СССР. К таковым следует отнести изнасилования женщин, в том числе и пожилых [1: 244; 2: 75; 5: 628]; использование прогона местных жителей по заминированным дорогам в целях очищения таким образом путей следования от мин [14: 86].

В целом можно констатировать, что французские коллаборационисты в годы Великой Отечественной войны принимали непосредственное участие в нацистской оккупационной политике в западных областях СССР – в районах Смоленщины, Брянщины и, главным образом, на территории Белоруссии. Находясь в составе охранных дивизий вермахта, солдаты Легиона французских добровольцев (638-го пехотного полка) под прикрытием антипартизанской борьбы беззастенчиво грабили мирное население, насильно отбирая у местных жителей скотину, предметы быта, одежду, ценные вещи. В период проведения широкомасштабных антипартизанских операций, а также мелких рейдов и зачисток французские солдаты и офицеры участвовали в сожжении деревень, в том числе вместе со стариками, женщинами и детьми. Изнасилования женщин, угон гражданского населения на принудительные работы в Германию также входят в число преступлений, совершенных французскими легионерами на временно оккупированных советских территориях.

Источники и литература

1. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Минская область. Сборник архивных документов и материалов / Сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) и др. Минск; М., 2022.

2. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Могилевская область. Сборник архивных документов и материалов / Сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) и др. Минск, М., 2021.

3. Буле В. «Мы пришли, чтобы помочь раздавить чудовище»: французский фашизм от теории до практики на примере Легиона французских добровольцев против фашизма // Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы: материалы международной научной конференции (Москва, 26–28 апреля 2010 года). М., 2010. С. 222–230.

4. Вершинин А.А. Французы в поисках себя: «Легион французских добровольцев против большевизма» на Восточном фронте (1941–1944 гг.) // Исторические исследования. 2019. № 14. С. 123–137. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/250/589> (дата обращения: 24.03.2026).

5. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 1450. Оп. 2. Д. 25.

6. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 26.

7. Сожженные деревни Белоруссии, 1941–1944: Документы и материалы / Сост. Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменев и др. М., 2017.

8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 500. Оп. 12462. Д. 518.

9. ЦАМО РФ. Ф. 972. Оп. 1. Д. 299.

10. Bene K. La collaboration militaire française dans la Seconde Guerre mondiale. Talmont-Saint-Hilaire, 2012.

11. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BAMA). RH 26-221/43.

12. Die Deutsche Wochenschau Nr. 670. 1943-07-07 // Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/1943-07-07-Die-Deutsche-Wochenschau-670> (дата обращения: 01.03.2026).

13. La Légion des Volontaires Français présente (604-й Остбатальон и LVF в Беларуси) // Rutube. URL: <https://rutube.ru/video/487f24021cd11869a328ec746914d1df/> (дата обращения: 01.03.2026).

14. Rusco P. Stoi! Quarante mois de combat sur le front russe. Paris, 1988.

15. Saint-Loup. Les Volontaires. Paris, 1963.

Н.А. Ломагин

ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ПРИГОРОДАХ ЛЕНИНГРАДА В 1941–1942 гг.

В течение сентября 1941 г. немецким войскам удалось осуществить сухопутную блокаду Ленинграда, захватив ряд пригородов: Шлиссельбург, Пушкин, Слуцк (Павловск), Красногвардейск (Гатчину), Сиверскую, Вырицу, Петергоф. Вплоть до полного освобождения Ленинграда от блокады они оставались в руках

жестокого противника, лишь Шлиссельбург удалось отбить у врага раньше – через 16 месяцев [2: 239–244].

Гитлер не только ставил своей целью разгром Красной армии и расчленение Советского Союза, но и подчеркивал, что речь идет о войне на уничтожение, что «на Востоке ненависть оправдана во имя будущего» [7: 184]. В Пушкине в первые же дни оккупации было убито почти 800 евреев [12: 161]. Политика геноцида в отношении евреев, цыган, коммунистов и политруков продолжалась в течение всего периода оккупации. Однако, по мнению Г. Хасса, политика Германии по отношению к остальному гражданскому населению Ленинградской области не была столь суровой и со временем эволюционировала от «мягкой» в сторону «жесткой» линии [6]. С этим тезисом не согласился Г. Али, показав, что нацистское руководство превратило государство в беспрецедентную машину для выкачивания ресурсов. В период Второй мировой войны нацисты переложили объективно существовавший дефицит продовольствия на народы оккупированных стран и советских военнопленных. «Это означало голод в Польше, в Греции и особенно – в Советском Союзе, а также голодные смерти в психиатрических больницах, гетто, концентрационных лагерях для военнопленных. В русле такой политики Геринг не раз заявлял: “Когда речь идет о голоде, то пусть голодают не немцы, а другие”» [1: 223]. Из этого следовала и важнейшая установка относительно политики в отношении СССР: «Поэтому ни при каких обстоятельствах речь не идет о сохранении прежнего уклада этой страны, а наоборот – о сознательном отходе от него и включении пищевой промышленности России в рамки Европы. Это неизбежно приведет к исчезновению как промышленности, так и значительной части населения... Многие десятки миллионов людей станут лишними в этих районах и вымрут либо переселятся в Сибирь» [1: 223–225].

Тезис о «мягкой» линии является весьма поверхностным и не отражает сути оккупационной политики. Ставшие доступными материалы немецких специальных служб и военных органов, функционировавших в тылу группы армий «Север» (ГАС), дают возможность проиллюстрировать ее сущность в конкретных населенных пунктах, захваченных вермахтом, и полностью опровергают точку зрения Г. Хасса. Кроме убийств тех, кого нацисты считали своими идеологическими противниками, происходили

и другие преступления. Некоторые совершались быстро и подчас тайно, однако большинство носило характер длящихся преступлений. К числу первых относится, например, решение руководителя айнзацгруппы А об убийстве пациентов психиатрической больницы в Никольском в октябре 1941 г. 10 октября 1941 г. отделение СД в Красногвардейске получило сообщение об устном распоряжении генерала Шталекера совершить убийство психически больных людей, называя это «устранением» [9: 81]. Документы красноречиво свидетельствуют не только о преступном решении одного из руководителей службы безопасности СД нацистской Германии и его подчиненных, но и ответственности военных, которые также были осведомлены о планировании операции.

В целом оккупационная политика Германии с самого начала носила геноцидальный характер с той лишь разницей, что в отличие от евреев, цыган, представителей партийного и госаппарата, уничтожение которых проводилось по мере их выявления, остальные были обречены на страдания вследствие принятой еще до войны политики голода в отношении населения Советского Союза.

Примечательно, что о сущности политики голода как важнейшем элементе войны на уничтожение говорил на Нюрнбергском процессе представитель обвинения от США еще 17 декабря 1945 г., когда обсуждался вопрос о планах и целях нацистов в отношении СССР. В частности, в выступлении С. Гарриса были представлены документы, раскрывающие план нацистов по «эксплуатации и онемечиванию Советского Союза после предполагаемого захвата». Важнейшим из них был документ, представленный в Трибунале под шифром ЕС-126, США-316, датированный 23 мая 1941 г. Он называется «Директивы по экономической политике для организации экономики на Востоке, сельскохозяйственная группа». В разделе «Снабжение армии» Директивы особо отмечалось, что «положение Германии в области продуктов питания на третьем году войны настоятельно требует, чтобы вооруженные силы снабжались всевозможными продуктами не с германской территории, с территории дружественных народов или с территорий, воссоединенных с Германией, а продуктами с оккупированных территорий» [5: 281]. «Наша задача, – говорилось в Директивах, – заключается в преднамеренном повороте от существующего положения и включения русских пищевых ресурсов в европейский план потребления» [5: 281–282].

6 сентября 1941 г. командующий тылом ГАС генерал фон Рок на совещании с руководителями и чиновниками военной администрации определил основные принципы их деятельности: «Так как СССР не присоединился к Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны... вся исполнительная власть находится в руках немецких вооруженных сил, а именно у командующего оперативной зоны войск» [3: 446].

Документы территориальных органов СД показывают, что представляла собой политика голода в действии. В течение первого года войны она проявилась даже более отчетливо, чем с наступлением лета 1942 г. Отделение СД в Гатчине сообщало о том, что зимой в лагерях от Гатчины до Луги от голода умерло 12 тыс. военнопленных [10: 55]. Как свидетельствуют документы полиции безопасности и СД, голод в Пушкине и Павловске начался раньше, чем в Ленинграде. Население было занято поисками продовольствия уже с середины октября 1941 г. [11: 263].

Свидетельница тех страшных дней, которая по идеологическим соображениям решила дожидаться прихода вермахта в Пушкин, записала в своем дневнике 10 октября 1941 г., что в организованной немцами столовой «отпускают супы. Обычно это горячая вода и на каждую тарелку приходится буквально или одна пшеничка, или горошинка, или чечевинка. Привлекательна только возможность купить при супе одну лепешку из ржаной муки. Они величиной с блюдечко для варенья и имеют чисто символическое значение, но по вкусу ни с чем не сравнимо. Ведь почти с самого прихода немцев мы даже и не видели хлеба» [4: 448]. 4 ноября она же констатирует, что «с едой всё хуже... Немцы берут на учет все продукты. А так как у нашего населения никаких продуктов нет, то взяты на учет все огороды... Собираем желуди» [4: 449]. 12 ноября автор дневника пишет о том, что «жизнь начинается робинзонья. Нет самого необходимого. И наша прежняя подсоветская нищета кажется непостижимым богатством... Население предоставлено самому себе. Можно жить, вернее умереть, по полной своей воле. Управа выдает своим служащим раз в неделю, да и то нерегулярно или по килограмму овса или ячменя или мерзлую картошку. Голод принял уже размеры настоящего бедствия» [4: 451].

В конце декабря по Пушкину на подводах ездили по домам и собирали трупы, а потом складывали в выкопанные еще до прихода

немцев рвы. По свидетельству очевидцев, вся дорога от Пушкина до Гатчины с обеих сторон была уложена трупами тех, кто ушел из города в надежде выменять еду на свои вещи.

Из-за голода из оставшихся на 1 января 1942 г. 6727 жителей соседнего Павловска и 114 гражданских лиц, которые находились в лагере, 3574 человека в течение месяца предпочли добровольно эвакуироваться. За этот же промежуток времени от голода умерло около 500 человек. Таким образом, в Павловске осталось 2653 жителя и 114 заключенных. Оккупанты отметили, что вследствие массового переселения населения города появилось много вакансий при подразделениях вермахта. Кроме того, через городскую управу было выделено 1200 ежедневных пайков наиболее нуждающимся. Эти пайки состояли из 200 г хлеба или 250 г муки и 10 г жира [9: 75]. Смысл этих действий состоял прежде всего в том, чтобы сохранить необходимые для вермахта трудовые ресурсы.

Структура оказавшегося в оккупации населения пригородов Ленинграда к лету 1942 г. была во многом схожей с населением Павловска. Проведенная оккупационными органами регистрация дала следующие результаты: женщины составили более 56 % населения, на долю детей приходилось около 30 %, а мужчин – менее 15 %. При этом к категории лиц с ограниченной трудоспособностью относилось 35 % населения (см. табл. 1).

В Гатчине также численность населения резко сократилась. Если до войны в городе проживало более 25 тыс. человек, то к 1942 г. в нем осталось менее половины. Картофеля не осталось совсем, мяса и масла не было вовсе, в наиболее тяжелом положении были те, кто раньше работал в Ленинграде, а их было около 5 тыс. человек [8: 136, 166–167].

Размер продовольственного пайка был мизерным. В середине апреля в распоряжении бургомистра Павловска было всего 650 скудных пайков, в состав которых входило 7 г кофе, 7 г маргарина, 7 г мяса, 14 г сахара, 71 г муки, 28 г перловой крупы и одна буханка хлеба на шестерых [9: 51]. К концу месяца число пайков выросло до 950 при том, что в городе численность населения увеличилась до 3300 человек за счет части вернувшихся. По сведениям местного отделения СД, доставка продовольствия и его качество несколько улучшились [9: 41], но это никоим образом не изменило общего положения.

Таблица 1

Структура населения г. Павловска в период оккупации

Категория	Мужчины	Женщины	Дети	Всего
Работающие				
при комендатуре	47	74		121
в подразделениях вермахта	82	338		420
на дорожных работах	65	487	61	613
городской управе	71	98	1	170
лагере для гражданских	4	18		22
Всего работающих	269	1015	62	1346
самозанятые	34	24		58
безработные	63	514	118	695
с ограниченной трудоспособностью (старше 55 и младше 15 лет)	72	305	792	1169
находящиеся в лагерях для гражданских лиц	50	14	8	72
Итого	488	1872	980	3340

Особенно тяжелая ситуация сложилась с продовольствием в деревнях, которые находились у леса, например, в Сусанино, расположенном на расстоянии в 25 км от Гатчины. В таких населенных пунктах не было сельского хозяйства. Вермахт не квартировал в них, и вследствие этого там не было никакой работы. «Жителям остается лишь либо умереть с голода, либо мигрировать, – отмечалось в отчете СД. – Раньше в Сусанино было около 5 тыс. жителей, которые в большинстве своем ездили работать в Ленинград, а сейчас там всё еще остается около 800 человек. Днем деревня производит впечатление вымершей. Воровство является обычным делом. Краденные вещи продают на близлежащих рынках, например, в Вырице и Гатчине» [10: 30].

В конце мая, по сведениям администрации Павловска, в городе осталось около 1500 человек, которые имели ограниченную возможность работать. Речь шла о детях и пожилых. Отделение СД отмечало: «Недалек тот момент, когда многие из этих людей обменяют свое последнее имущество на средства к существованию. Новый случай каннибализма станет своего рода сигналом. В связи с этим рекомендуется эвакуация в широких масштабах, так как нельзя

ожидать, что ситуация с продовольствием улучшится без крупной поддержки» [9: 35].

В начале июня 1942 г. городская управа Павловска планировала открыть продовольственный магазин, чтобы постепенно снизить цены. Однако общая ситуация ухудшалась из-за постоянного оттока трудоспособных граждан. Местная администрация предоставила в распоряжение населения 30 тыс. семян капусты. Как сообщили в городской администрации, потребность в семенах капусты полностью удовлетворена, поскольку хозяйственное управление Гатчины также выделило значительный объем. Не хватало лишь посадочного материала картофеля [9: 29]. В тех же случаях, когда владельцам садовых участков удавалось изыскать такие возможности, только что посаженную картошку сразу же выкапывали и съедали голодные дети, вследствие чего в отчете СД говорилось о том, что население полагало, что заниматься посадкой картофеля бесполезно [9: 46].

Чтобы в максимальной степени высвободить еще не занятых на работах в интересах оккупационных органов женщин, предпринимались меры «социального» характера, включая открытие в ряде населенных пунктов временных учреждений по типу детских садов, а также планировалось несколько улучшить снабжение малолетних детей. Из-за того что практически повсеместно регистрировались вспышки тифа, открывались небольшие лечебные заведения. Так, в Вырице была открыта больница, половина коек в которой резервировалась для больных инфекционными заболеваниями. Приют для сирот также был организован из соображений не столько гуманности, сколько с целью контроля за детьми, чтобы не допустить шалостей, включая поджоги. Иными словами, все социальные мероприятия, проводившиеся в Гатчине, Вырице, Сиверской и других населенных пунктах, были ориентированы либо на получение дополнительной рабочей силы, либо на обеспечение безопасности [10: 5].

С 1 июля 1942 г. были введены карточки, однако продовольственные нормы практически во всех пригородах Ленинграда, в которых хозяйничали оккупанты, обрекали население на голод. Они составляли для работающих всего 300 г хлеба или 225 г муки, для членов семей работающих и иждивенцев – 150 г хлеба или 110 г муки. Неработавшие получали рацион только в случае наличия запасов зерна [10: 5].

Источники и литература

1. Али Г. Народное государство Гитлера: грабеж, расовая война и национал-социализм. СПб., 2025.
2. Валькова М.Ю. Шлиссельбург в оккупации. Документальные свидетельства // Ленинградская область в Великой Отечественной войне. К 65-летию Победы: материалы научной конференции 19–20 апреля 2010 г. СПб., 2012. С. 236–244.
3. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. 2-е изд. Кн. 1. СПб., 2004.
4. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. 2-е изд. Кн. 2. Документы, приложения. СПб., 2004.
5. Нюрнбергский процесс: сборник материалов: в 8 т. Т. 4 / Сост. Ю.Н. Зоря, А.Н. Николаев; науч. ред., авт. предисл. Н.С. Лебедева. М., 1990.
6. Хасс Г. Германская оккупационная политика в Ленинградской области (1941–1944 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 105–120.
7. Хасс Г. Немецкая историография блокады Ленинграда (пер. Н.А. Ломагина) // Нестор. 2005. № 2 (8). С. 180–197.
8. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 9788. Оп. 1. Д. 5.
9. ЦГА СПб. Ф. 9788. Оп. 1. Д. 7.
10. ЦГА СПб. Ф. 9788. Оп. 1. Д. 10а.
11. ЦГА СПб. Ф. 9788. Оп. 1с. Д. 1а.
12. Цытин В.М. Город Пушкин в годы войны. СПб., 2010.

А.В. Венков

«СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО» В ОККУПИРОВАННЫХ И ПРИФРОНТОВЫХ РАЙОНАХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Дети, пережившие Великую Отечественную войну, оказались в абсолютно разных условиях. Одни оказались на занятых противником территориях и пережили весь ужас оккупации, другие оккупации не знали и жили в тяжелых, но привычных условиях. Объединяло их детское восприятие мира и свойственная возрасту страсть к игре. Судя по воспоминаниям детей, они воспринимали оккупацию во многом как и взрослые. Во время первого прихода немцев в Ростов-на-Дону, по воспоминаниям школьницы, «если житель убьет одного немецкого офицера, то озверевшие немцы убивали двадцать-тридцать жителей» [1: 295].

Дети привлекались к заработку денег в семьях. Юный ростовчанин вспоминал: «У меня была тачка. Я с ней и промышлял.

Подбирали куски угля, подметали угольную пыль, рубили, где можно было, дрова, короче, промышляли, что Бог пошлет» [5: 142]. Один мальчик делал лампочки-коптилки из пустых банок от немецких консервов [5: 152]. Дети участвовали в «менке», торговали солью. «Покупали соль и немцы. Некоторые из них меняли ее на сигареты, что было для детей гораздо выгоднее, если сигареты продать» [4: 54]. Охотились на воробьев. «Я и Виктор голодные искали воробьев, чтобы подстрелить с рогатки и поджарить на костре. Виктор очень метко стрелял», – вспоминал житель Таганрога Г.П. Жуков [4: 88]. Такая же ситуация была в Ростове. Дети «из рогаток убивали воробьев. Иной раз и голубь перепал. На штыках их жарили» [5: 139].

Впечатление об оккупации и оккупантах у детей соответствовало действительности. В с. Воронцово-Николаевском немцы размещались в домах местных жителей, в лучших комнатах, «а хозяйева с детьми в пристройках, садах, окопах. Офицеры демонстрировали перед жителями, особенно детьми, деликатесы... Детвора могла подходить к немецким машинам, часовые их не били» [3: 143]. Один раз ударили мальчика, который «лазил» возле немецкой техники, по «заднему месту» [3: 143–144]. Были и более серьезные случаи, но без жестокостей с немецкой стороны. «Однажды ребята своровали карту. Когда немцы обнаружили пропажу, то не стали никого истязать, а сказали, чтобы карту вернули через 2 часа, и через это время ребята карту подбросили» [3: 143]. Но столь же распространены свидетельства о жестоком обращении солдат вермахта с детьми. В сл. Верхнемакеевке немецкие солдаты били розгами и шомполами четверых ребят 15, 14, 10 и 6 лет за украденные нож и курительную трубку, после чего один из детей – 10-летний – умер [7: 8]. В Дубовском районе был случай, когда 11-летний мальчик Валерий Канурков мыл в речке ноги, а проходивший по дороге «немецкий людоед», «не говоря ни слова», выстрелил ему в живот и смертельно ранил [6: 74].

Какую-то часть несовершеннолетних немцы привлекали для вспомогательных работ. Так, Н. Васильев вспоминал, как работал мальчишкой в штабе немецкой дивизии: «В мою и Анатолия обязанности входили: доставка обедов и продуктов питания, мытье котелков и посуды, чистка обуви офицеров нашего отдела и пастьба коней» [2: 36]. Иногда были разовые подачки со стороны оккупантов.

«Подошел ко мне немецкий офицер. Погладил по голове и дал мне кусок белого хлеба с маслом, а сверху был посыпан сахар. Мне показалось, что я в раю» [5: 145].

Дети в районах, которые не подверглись оккупации, тоже вынуждены были много работать. Помимо работы на собственных приусадебных участках, все достигшие 12 лет привлекались на работу в колхозы. Но эта работа воспринималась иногда как приключение – они пасли по ночам рабочий скот, и колхоз выдавал им для этого подседланного коня.

Немцев обворовывали. Немцы-снабжение стояли на квартире в Ростове. На кухне у них стояли мешки с мукой и крупами. «Бабушка подол подняла, я же угольным совком ей муку туда сыплю», – вспоминал ростовчанин, переживший оккупацию ребенком [5: 150].

Ни один свидетель, переживший войну, не рассказывал автору этих строк, что детьми что-либо было украдено у советских солдат. Наоборот, для раненых бойцов они давали концерты, приносили им из дома свежие фрукты и овощи.

Детвора, оказавшаяся на оккупированной территории, зачастую проявляла безразличие к смене условий жизни: «для нас, мальчишек, раздолье было лазить по руинам» [5: 64]. «Мы ничего не боялись. Наоборот, где стреляют, туда и мы бежим» [5: 69]. Они быстрее адаптировались, но и они же отмечали падение нравственности: «Началась обычная страшноватая жизнь. Мне-то что – 11 лет возраст бесстрашия. Я ходил совершенно спокойно по городу с ребятами. Воровали тогда в городе по-черному. У многих было ощущение, что это навсегда. Потом появилась всякая шваль и нечисть. Чтобы завладеть квартирами, имуществом соседей, вырывали людей мгновенно. И невероятно просто. Донос – и всё» [5: 124–125].

На советских территориях такого падения нравственности не было, но было заметно появление некой черствости. Автору этих строк один из очевидцев с улыбкой рассказывал, как его младший 12-летний брат пошел в районный центр за хлебом и попал под бомбежку.

Были случаи, когда подростки из лесного массива стреляли из найденного оружия по колоннам пленных немцев или итальянцев. Конвоя они не опасались – не будут же красноармейцы в ответ по своим стрелять... Таких подростков их соседи и товарищи по играм помнили и, пока они были живы, называли «живодерами».

Дети легче переносили тяготы оккупации, «тряпичным мячом, набитым травой, играли в футбол» [5: 136]. Г.П. Жуков оставил описание целого ряда детских игр в Таганроге во время оккупации. «Играть в “войнушку”, как играли раньше, было нельзя. Не то время и не те условия. Но всё равно, пацаны находили чем развлечь себя. Игры в “пожарчик” или в “жёсточку” были в ходу. Игра в “пожарчик” – игра под деньги. Неважно, какие монеты: немецкие пфенниги, итальянские лиры, венгерские пенсы (видимо, автор имел в виду пенгё. – А. В.) или форинги (правильно форинты. – А. В.), французские сантимы или наши копейки. Это разнообразие всегда можно было приобрести у немцев или румын в обмен на марки или что-нибудь еще по договоренности. У каждой монеты был свой (наш пацанячий) курс в переводе на рубли или марки. Немецкие марки и пфенниги были оккупационные, то есть временные, имели хождение на оккупированных территориях. Монеты пфенниги были изготовлены из алюминия. После освобождения города от немцев у многих мальчишек эти монеты остались неиспользованными и пополнили коллекции нумизматов. Содержание игры было следующим. На землю, как можно горизонтальнее, укладывали половинку кирпича, на которую игроки стопкой укладывали монеты. Это назывался “кон”. Все монеты укладывали решкой вверх. Ставка делалась по договору, одинаковой для всех игроков и в зависимости от достоинства монеты. По договору, обычно с расстояния пять-восемь шагов, согласно возраста и навыка играющих, по очереди (по розыгрышу) бросали каждый свою увесистую монету, как можно ближе к кону. Чья монета после “подачи” оказывалась ближе всех, тот и получал возможность первым бить ребром своей монеты по стопке кона. Если монеты, разлетаясь, переворачивались на орла, тот и забирал их себе. Это выигрыш. Если монета не переворачивалась, бьет очередной, и так пока на кону не останется денег» [4: 127].

«Была и другая игра, тоже азартная, “под деньги” или “под интерес”. Выигрывал тот, кто окажется натренированным. Это “жёсточка”. Сама так называемая жёсточка делалась из кусочка кожи с длинным мехом. Чем длиннее мех, тем лучше в полете жёсточка. Снизу к кружочку кожи подбирался по весу и прикреплялся свинцовый грузик. Подбросив ее один раз вверх, начинаешь подбрасывать одной ногой или, по очереди, двумя, до тех пор, пока сможешь, а если устанешь или ошибешься, то она улетит в сторону.

Натренированные могли “бить” сто или более раз. Кто перебьет, тот и выиграл. Мальчишки поголовно были заражены этой игрой. Проявляли интерес к ней и некоторые молодые немцы» [4: 128]. Подростки составляли отдельные сообщества, «все вместе добывали и ели вместе. Дома нас никто не ждал» [5: 139].

Во время оккупации в городах Ростовской области оставалось много оружия. Главными хранителями его были дети. Подростки набирали много оружия и умели с ним обращаться, поскольку изучали его в школе. Толлом (тротилом) растаптывали буржуйки [5: 55]. «Патрон у нас при обменах был самый ходовой товар, вроде денег», – вспоминал очевидец, переживший оккупацию подростком [5: 64]. У одного мальчика, например, имелись: ручной пулемет, карабин, несколько пистолетов, гранаты, толковые шашки [5: 138].

Из-за обилия оружия был высок травматизм. В воспоминаниях запечатлен случай, при котором несколько подростков покалечились, когда глушили рыбу [5: 140].

На Верхнем Дону, где оккупации не было, по рассказам местных жителей, подростки первыми, до советских войск, вышли на оставленные итальянцами позиции и тоже запаслись оружием. Более того, они опробовали его. Например, они обнаружили брошенный миномет на позиции и расстреляли оставшийся боекомплект. Отметили: чем ниже наклоняешь ствол, тем мина дальше летит. Всё время войны они играли в пойме Дона в войну настоящим оружием. Был и травматизм. Но большинство травм получили подростки из беженских семей, не умеющие, как казацкие дети, обращаться с оружием. Так, подросток-беженец, подкрадывавшийся к часовому (местному подростку), получил по-настоящему прикладом по голове. Другой подросток-беженец, которого «поймали и конвоировали», не отреагировал на приказ «Стои!» – и получил пулю в ногу.

Таким образом, нет необходимости доказывать, где детям жилось лучше в годы Великой Отечественной войны. Но и в оккупированных, и в не занятых противником районах мы видим быструю адаптацию детей к изменившимся условиям жизни и непреодолимое стремление к игре.

Источники и литература

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы

Великой Отечественной войны. Ростовская область: сборник документов / Отв. ред. О.А. Литвиненко; отв. сост. Л.В. Левендорская. М., 2020.

2. *Васильев Н.* Записки юного казака // Война и судьбы / Сост. Н.С. Тимофеев, С.Д. Бобров. Невинномысск, 2002. С. 4–63.

3. Великая Отечественная война в истории Дона: актуальные проблемы изучения / А.В. Аверьянов, М.В. Братолубова, А.В. Венков и др.; под ред. М.А. Пономарёвой. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2021.

4. *Жуков Г.П.* Осколки памяти моей. Воспоминания. Таганрог в оккупации 1941–1943 гг. Таганрог, 2019.

5. *Смирнов В.В.* Ростов под тенью свастики. Ростов-на-Дону, 2020.

6. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1.

7. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 2.

Т.Ю. Людоровская

УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ МИРНЫМ ГРАЖДАНАМ В Г. КРАМАТОРСКЕ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1943 гг.

Тема ущерба, причиненного мирным гражданам в г. Краматорске Сталинской области в период немецкой оккупации 1941–1943 гг., является чрезвычайно актуальной по нескольким историческим, социальным и политическим причинам. Во-первых, г. Краматорск был одним из ключевых промышленных центров Донбасса. Во-вторых, исследование конкретного города позволяет отойти от общих цифр и рассмотреть механизмы воздействия оккупационного террора на разные группы населения. В-третьих, в контексте продолжающегося военного конфликта в Донбассе изучение событий 1941–1943 гг. имеет прямое идеологическое и историческое значение. Исследование ущерба, нанесенного г. Краматорску в 1941–1943 гг., актуально как пример глубокого социального и экономического слома, который пережил один из ключевых промышленных регионов СССР, и как основа для понимания механизмов исторической памяти и современных вызовов, стоящих перед регионом.

Данное исследование продолжает цикл научных статей автора, посвященных теме ущерба, нанесенного мирным гражданам, предприятиям, сельскому хозяйству, инфраструктуре Донбасса в годы немецко-фашистской оккупации региона [5; 6]. Изучение проблемы проводится на материалах фонда Р-7021 Государственного

архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), а также опубликованных документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК).

С 26 октября 1941 г. по 8 сентября 1943 г. (за исключением 22 дней в феврале 1943 г.) Краматорск находился под властью немецких оккупантов. Оккупационные власти применяли репрессии, произвольно задерживали, арестовывали и казнили местных жителей, что создавало атмосферу страха и жестокого контроля. Экономическая деятельность существенно снижалась или полностью останавливалась из-за конфискации товаров, разрушения производственных предприятий и ограничения доступа к ресурсам. Жилье и инфраструктура также подвергались повреждениям в результате боевых действий, обстрелов, бомбардировок и грабежей со стороны оккупантов. Множество зданий было разрушено или повреждено, что ухудшало жизнь мирных жителей и препятствовало восстановлению города после освобождения.

Отступая, в августе 1943 г. фашисты полностью уничтожили новый благоустроенный центральный район Краматорска (Соцгород), где до войны проживало 40 тыс. жителей – рабочих, служащих и инженерно-технических работников Новокраматорского машиностроительного завода имени Сталина [2: 10].

О разрушениях в г. Краматорске сообщала в прессе в 1943 г. ЧГК: «Немецко-фашистские захватчики разрушили всю промышленность гор. Краматорска, в том числе один из лучших заводов машиностроения – Новокраматорский завод имени Сталина, Старо-Краматорский машиностроительный завод имени Орджоникидзе, металлургический завод имени Куйбышева, завод тяжелого станкостроения, цементный, коксохимический, этернитовый и другие заводы» [8: 3]. До начала Великой Отечественной войны «Ново-краматорский машиностроительный завод имени Сталина выпускал оборудование для доменных, мартеновских, коксовых печей, прокатных станов и угольных шахт. Завод занимал территорию в 200 гектаров и состоял из 20 основных и 10 вспомогательных производственных цехов. Только основные цехи завода занимали площадь в 183 045 квадратных метров. Мартеновский цех отливал

болванки весом до 20 тонн из высоколегированной стали. Балансовая стоимость всех заводских зданий, оборудования, транспорта энергохозяйства составляла 900 миллионов рублей. На заводе работало 20 тысяч рабочих, инженеров, техников и служащих» [8: 3].

После характеристики довоенного состояния завода члены ЧГК описывают ущерб, нанесенный предприятию гитлеровцами: «Немецкие оккупанты привели в негодность на этом заводе 1113 станков, разрезали автогеном станину 800-тонного пресса; вывезли в Германию оборудование прессового цеха, моторы и вентиляторы, ковочные прессы и оборудование насосных станций; взорвали гидравлический 300-тонный горизонтальный пресс; разрушили мартеновские печи; вывезли паровые котлы станции холодного газа. Гитлеровцы уничтожили энергетическое хозяйство завода, все котлы ТЭЦ, силовое оборудование, более 100 километров кабеля» [8: 3; 2: 12].

До войны Краматорск был городом с хорошо налаженным медицинским обслуживанием. В нем функционировали четыре крупные больницы, две поликлиники, 11 медицинских пунктов, санстанция, санаторий для туберкулезных больных, 14 детских яслей и детских садов, 12 школ, парк культуры и отдыха, стадион. Немцы сожгли три больницы, две поликлиники, детскую больницу, родильный дом, летний театр (дворец культуры имени Пушкина) на 1200 мест, взорвали Дворец культуры имени Ленина (с театральным залом на 1000 мест), уничтожили три кинотеатра. Был разрушен стадион, сожжено более 1300 лучших домов (из 247 многоэтажных домов завода было сожжено 204). Из 18 школ в городе остались только три. Специальные роты оккупантов, снабженные горючей смесью в бутылках и другими взрывчатыми средствами, поджигали и взрывали жилые дома, водокачки, узлы связи, два моста через реку Торец. На центральной площади города был взорван памятник В.И. Ленину. Все разрушения города производились под руководством коменданта города лейтенанта Мойшке и бургомистра Шопена [2: 14; 3: 8; 7: 57].

Преступления фашистов были подтверждены показаниями многочисленных свидетелей и документами, а также зафиксированы в актах комиссий и судебной экспертизы.

25 января 1942 г. в г. Краматорске были уничтожены сотни мирных советских граждан. Нацисты приводили их группами по 20–30 человек и расстреливали в пос. Меловая Гора. По свидетельству

жительницы А. Васковской, нацисты пригнали оставшихся в поселке женщин для того, чтобы те закопали трупы [1: 40]. В пос. Красногогорка (недалеко от г. Краматорска) нацисты в одном из оврагов убили всё еврейское население поселка – более 600 семей [7: 58]. Местом массового истребления населения также был каменный карьер около пос. Ивановка [4: 283].

Всего во время массовых расстрелов в г. Краматорске было уничтожено более 6 тыс. советских граждан. В сообщении ЧГК читаем: «25 сентября 1943 года комиссия в составе: представителя командования гвардейской армии подполковника Шапошникова, священника Покровской церкви Стрижко Д., учительницы Анищенко, представителя военной прокуратуры 3-й гвардейской армии майора юстиции Айзенварта Д.И. при участии главного судебно-медицинского эксперта Юго-Западного фронта капитана медицинской службы Шингановича А.В., главного патологоанатома Юго-Западного фронта полковника медицинской службы Шур Б.Ю., армейского судебно-медицинского эксперта капитана медицинской службы Поташина произвела на северной окраине г. Краматорска на старом глиняно-меловом карьере раскопки трех ям. “При снятии верхних слоев породы на глубине от 20 см до 1 м, говорится в акте комиссии, обнаружены трупы советских граждан, лежащие рядами лицом вниз. Из этих трех ям извлечено 812 трупов. При обследовании оказалось 740 мужских трупов, 50 женских и 22 детских. 126 трупов были опознаны, среди них мастер завода им. Куйбышева Соломко Н.И., счетовод Давиденко Н.И., инженер Греков Е.С., домашняя хозяйка Солод М.И. и другие. Судебно-медицинской экспертизой установлено, что у 761 трупа имеются сквозные пулевые отверстия черепа, у 40 трупов – сквозные пулевые ранения шейного отдела позвоночника. Из подвергнутых экспертизе трупов во всех 812 случаях смерть наступила в результате выстрела из ручного огнестрельного оружия в затылок, на близком расстоянии, почти в упор» [2: 21; 8: 3].

ЧГК установила, что ответственность за перечисленные выше преступления, а также угон населения на принудительные работы в Германию, помимо ранее упомянутых Мойшке и Шопена, разделяли следующие лица: «хозяйственный руководитель группы армий Нагель... руководитель концлагерей оберштурмфюрер Домник и капитан Тром, технический руководитель акционерного общества “Восток” шеф-генерал Винаккер, его заместитель доктор Бранс» [8: 3].

В одном из актов ЧГК приводится подробная информация об угоне населения Краматорска в Германию: «С момента вступления немцев в город Краматорск большинство трудоспособного населения и особенно девушки, молодые женщины и юноши были отправлены в Германию, в порядке мобилизации, в количестве 10 тыс. человек. На первых порах немецкая власть пыталась изобразить угон в рабство как добровольную поездку в Германию. Так называемая “Биржа труда”, которая в народе получила название “дома ужаса”, по указанию начальника биржи офицера Полюкке (а в народе его называли “подлюка”), стала рассылать повестки с угрозой в случае неявки применять репрессии вплоть до расстрела. Но и это средство оказалось недостаточным». Людей начали хватать на улицах. Каждому выдавался пропуск, в котором, помимо других пунктов, указывалось, что: “Он/она задержан местной фельд-жандармерией и должен (должна) немедленно явиться в управление рабочими кадрами города для посылки на работу» [4: 281].

Разными способами доходили из Германии вести о каторжной жизни отправленных девушек и юношей. Вот одно из писем, полученных жительницей Краматорска от дочери: «Здравствуй дорогая мама и Николай. Может быть Вы уже забыли про мое существование. Я не верю этому. Ведь родное никогда не забывается. Мама! Вот сегодня ровно год, как я нахожусь в Германии. Вы не можете себе представить каким длинным показался мне этот год. Дома обычно я не замечала времени. Годы шли как-то незаметно, быстро. Здесь пришлось считать каждую минуту в ожидании возвращения на свою родную Украину. Ждать с минуты на минуту счастливый день, когда мы сможем свободно вдохнуть воздух украинских степей и радостно крикнуть: “Здравствуй родная мать, здравствуй родная Украина и все мои друзья!” Иной раз не хочется жить, а другой раз является надежда на возвращение и тогда становится веселее. Как я Вам уже писала, работаю на кухне. Получаю как когда: один месяц 10 марок, а когда 6 и 2 марки. На эти деньги здесь не купила ничего, т.к. купить ничего нельзя, все по талонам. То, что из дому взяла, то и все, а сколько оно будет носиться – неизвестно. Что я делала дома. Кроме уроков я ничего не знала. А здесь придешь с работы, надо постирать и погладить и гулять хочется. Какое гулянье, когда нас никуда не пускают. Как вспомнишь дом, так и плакать хочется, а слез уже нет. Сейчас на все смотришь как-то холодно, тупо. Да, нам

больно, но и Вам знаю не легче, чем вы живете. Где вы достаете продукты? До свидания, жму крепко Ваши руки и целую несчетно раз. С приветом Нина» [2: 22].

Чтение таких писем вызывало ужас. Молодежь всячески старалась избежать поездки в Германию. Молодые девушки и юноши обливались холодной водой, ложились в холодных подвалах на пол, травили руки или ноги разъедающей каустической содой с целью вызвать заболевание [4: 282].

Непростая участь постигла и тех, кто остался в городе: «Рабочие и интеллигенция за непосильный труд на немецких предприятиях города получали от 150 до 300 граммов суррогатного хлеба, 200 граммов постного масла в месяц. Жители питались мясом павших лошадей, макухой, которую, кстати, нелегко было достать. На заработную плату приобрести ничего нельзя. Месячный заработок рабочих равнялся 1 килограмму хлеба. Нуждающиеся и инвалиды никакой помощи не получали» [4: 282]. Инвалид Карпачев обратился к бургомистру городу Шопену с заявлением: «Прошу распоряжения о выдаче мне за наличный расчет, так как я имею туберкулез второй стадии. Я работал на проволочном заграждении 10 дней, голодный, а посему прошу помочь моему безвыходному положению и отпустить пшеницы или муки 2 кг и масла постного 400 гр.». На заявлении резолюция: «Продуктов нет» [2: 24].

В городе до прихода немцев насчитывалось не менее 130 тыс. жителей, в результате повешения и расстрелов, голода и холода осталось не более 50 тыс. человек [2: 25; 4: 283].

Ущерб, причиненный мирным гражданам и предприятиям Краматорска Сталинской области в 1941–1943 гг., был обусловлен непрерывными боевыми действиями, бомбардировками и артиллерийскими обстрелами со стороны немецких войск и их союзников. В этот период город подвергался значительным разрушениям, что привело к потерям среди населения, повреждению жилых зданий, промышленных и социальных объектов, инфраструктуры. Многие предприятия были уничтожены или сильно повреждены, что негативно сказалось на промышленном производстве и экономике региона. Этот период был одним из самых тяжелых в истории города и региона в годы Великой Отечественной войны и потребовал масштабных восстановительных работ после завершения боевых действий.

Источники и литература

1. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 3.
2. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 9.
3. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 30.
4. Документы обвиняют: сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Вып. II / Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. М., 1945.
5. Людоровская Т.Ю. Оказание социальной поддержки демобилизованным и инвалидам в Донбассе в первое послевоенное десятилетие // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2023. № 2 (85). С. 120–125.
6. Людоровская Т.Ю. Ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям Сталинской области в 1943 г. (по материалам ГА РФ) // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета / Под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. Донецк, 2022. С. 104–106.
7. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сборник материалов: в 7 т. Т. 4 / Под общ. ред. Р.А. Руденко. М., 1959.
8. Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. О разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками промышленности, городскому хозяйству, культурно-просветительным учреждениям Сталинской области // Красная звезда. 1943. 13 ноября. № 268 (5639). С. 3–4.

Е.В. Дорджиева

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НАЦИСТОВ В КАЛМЫКИИ: ТРАГЕДИЯ СЕМЬИ ГОВЕНКО

Летом 1942 г. в результате наступления группы армий «А» вермахта значительная часть территории Калмыцкой АССР оказалась в зоне немецко-румынской оккупации. Несмотря на непродолжительность, она сопровождалась массовыми убийствами мирных граждан.

Одним из чудовищных преступлений этого периода стало уничтожение семьи Ивана Тимофеевича Говенко в с. Красная Михайловка (сейчас – с. Красномихайловское) Яшалтинского улуса. Цель данной статьи – на основе документов, в том числе опубликованных в рамках федерального проекта «Без срока давности», восстановить обстоятельства гибели семьи Говенко, изучить механизм послевоенного правосудия в отношении нацистских пособников, показать роль расследований военных преступлений фашистов в сохранении исторической памяти.

Основу исследования составляют опубликованные документы фонда Р-68 Национального архива Республики Калмыкия «Республиканская комиссия при СНК Калмыцкой АССР по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба народному хозяйству республики». Данная комиссия, работавшая сразу после освобождения территорий Калмыкии, зафиксировала показания свидетелей и акты судебно-медицинской экспертизы. Документы о подпольной деятельности семьи Говенко и расследовании ее трагической гибели в Калмыкии в 1943 г. и в Ставрополе в 1958 г. были опубликованы в сборниках «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945» [7: 244–254; 293–297], «Калмыкия в партизанском движении 1941–1945 гг.» [8: 290–296], «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Калмыкия» [2: 124–126], «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [3: 203–209], «Злодеяния нацистов и экономический ущерб, нанесенный в период оккупации Калмыцкой АССР» [6].

Важным источником является роман А.Г. Балакаева «В степи орлиной: хроника одной трагедии», основанный как на архивных документах, так и на показаниях очевидцев [1]. Автор провел в Красной Михайловке несколько недель, лично опрашивая выживших свидетелей и старожилов, что позволяет рассматривать его произведение как источник по устной истории.

Подвиг И.Т. Говенко и его дочерей, жестокая расправа над семьей нашли отражение в работах М.Л. Кичикова [9: 303–309], К.Н. Максимова [11], С.С. Цуцулаевой [15], К.Ц. Саврушовой [13],

У.Б. Очирова [12: 128–129], А.Е. Гайсановской [5: 18], посвященных истории немецко-фашистской оккупации территории Калмыцкой АССР и партизанского движения.

Село Красная Михайловка Калмыцкой АССР находилось под оккупацией с 5 августа 1942 г. по середину января 1943 г. Немецкое командование, стремясь наладить систему местного управления, назначило старостой авторитетного в селе плотника колхоза «Коминтерн» Ивана Тимофеевича Говенко, 1884 г. рождения. Как следует из материалов расследования, Говенко принял эту должность не из стремления к коллаборации (его четыре сына сражались на фронте), а с целью саботажа и оказания помощи подполью [8: 290]. В селе действовала патриотическая группа под руководством политрука Красной армии Виктора Войтенко, в которую входили раненые красноармейцы, скрывавшиеся у местных жителей, а также дочери старосты – учительница Наталья и восьмиклассница Агриппина (Груня) Говенко [2: 126].

Используя свое положение, И.Т. Говенко срывал поставки продовольствия для оккупационных войск, предупреждал подпольщиков о готовящихся облавах, помогал семьям коммунистов. Поводом для расправы послужило убийство военнопленным Виктором четырех полицейских, после чего он скрылся. Начальник полиции Яшалтинского улуса А.В. Миллер, бывший уголовник, не сумев найти беглеца, решил уничтожить семью, которая, согласно его показаниям на суде в 1958 г., оказывала поддержку подполью [7: 250].

Расправа произошла 5–6 января 1943 г. Отряд полиции ворвался в дом Говенко. Миллер действовал по отработанной схеме тотального устрашения: во время пыток Ивана Тимофеевича выколол ему глаза, отрубил пальцы. Несломленные глава семьи и его дочь Наталья, которой нанесли множество ножевых ран и отрезали уши, были казнены [3: 205]. Особой жестокостью отличалось убийство детей. Миллер собственноручно расстрелял десятерых малолетних детей, включая двухлетнего Евгения, находившегося в колыбели. Жена Ивана Тимофеевича Харитина Антиповна, жены сыновей, ушедших на фронт, – Софья и Клавдия были расстреляны во дворе [7: 252], раненая внучка Лида добита полицейским Мельниковым [7: 294].

Младшая дочь Агриппина (Груня), 1926 г. рождения, была подвергнута жестоким пыткам, но держалась стойко и не выдавала местонахождение подпольщиков. Потеряв над собой контроль

от ярости, полицаи приговорили ее к повешению. Согласно воспоминаниям жительницы села Л. Земцовой, Груню вели к виселице босой по снегу, при этом девушка пела песню «Орленок», ставшую символом мужества комсомольцев [4; 8: 298].

В ту ночь погибло 16 членов семьи Говенко. Единственным представителем рода остался фронтовик Илья Говенко, узнавший о трагедии через 10 месяцев из письма сестры, жившей в другом селе. В те же дни в Красной Михайловке было расстреляно еще 27 членов подпольной патриотической группы, чьи тела были сброшены в колодцы [6].

Преступления нацистов и их пособников в Калмыкии не имеют срока давности. В 1958 г. в Ставрополе состоялся открытый судебный процесс над карателями, участвовавшими в расправах на территории Яшалтинского улуса. Пособники Миллера были приговорены к расстрелу, один из предателей получил 25 лет лишения свободы. В 2025 г. зверства фашистов и коллаборационистов на оккупированной территории Калмыкии были признаны судом геноцидом [14], что свидетельствует об эволюции правовой оценки совершенных преступлений.

В с. Красномихайловском установлен мемориал «Жертвам фашизма» работы скульптора Н. Санджиева. В камне запечатлен образ И.Т. Говенко с дочерьми и внуком. На плите высечены имена мирных жителей, погибших от рук оккупантов. Фамилия Говенко повторяется в этом списке 16 раз. В народе монумент называют памятником семье Говенко, что подчеркивает восприятие трагедии как одной из ключевых в истории военной Калмыкии. Ежегодно 5 января у памятника проходят митинги и часы памяти [10]. Коммеморация – акт конструирования идентичности. Через выбор того, что помнить и как помнить, общество определяет свои ценности, ориентиры и цели.

Трагедия семьи Говенко выходит за рамки локального эпизода Великой Отечественной войны. Это концентрированное выражение нацистской политики террора против гражданского населения, стремившегося к сопротивлению в условиях оккупации. Расследование этого преступления, начатое советскими следователями в 1958 г., получило правовую оценку в 2025 г. как преступление против человечности, что демонстрирует неразрывную связь времен, важность документирования военных преступлений,

неотвратимость возмездия. Подвиги Ивана Говенко, принявшего смерть, но не выдавшего подпольщиков, его дочери Груни, шедшей на казнь с песней, являются нравственным уроком для будущих поколений.

Источники и литература

1. Балакаев А.Г. В степи орлиной: хроника одной трагедии. М., 1985.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Калмыкия: сборник архивных документов / Сост. С.П. Замбаева и др., отв. ред. Р.Б. Тогаева. М., 2020.
3. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов: в 2 ч. Ч. 1 / Отв. сост. Я.М. Златкис, отв. ред. А.В. Юрасов. М., 2020.
4. В калмыцком селе в годы войны фашисты уничтожили семью из 18 человек // Сетевое издание «МК в Калмыкии». 12.05.2020. URL: <https://www.mk-kalm.ru/social/2020/05/12/v-kalmyckom-sele-v-gody-voyny-fashisty-unichtozhili-celuyu-semyu.html> (дата обращения: 27.02.2026).
5. Гайсановская А.Е. Борьба подпольных групп и партизанских отрядов с фашистскими оккупантами на территории Калмыкии // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 3 (31). С. 13–19.
6. Злодеяния нацистов и экономический ущерб, нанесенный в период оккупации Калмыцкой АССР (август 1942 – декабрь 1943 гг.). Сборник документов. Т. 3 / Отв. ред. В.В. Куканова, отв. сост. К.Н. Максимов, сост. Л.Б. Манджикова, Л.Б. Манджиева, Р.Б. Тогаева. Элиста, 2025.
7. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945: Документы и материалы / Сост. М.Л. Киников, Б.С. Санджиев, Ю.О. Оглаев. Элиста, 1966.
8. Калмыкия в партизанском движении. 1941–1945 гг.: документы и материалы / Сост. В.З. Атуева. Элиста, 2006.
9. Кичиков М.Л. Во имя победы над фашизмом. Очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 1970.
10. Куськеев С. В Красномихайловском почтили память местных героев // Сетевое издание Республиканская интернет-газета «Степные вести» («Теггин зянг»). 09.01.2018. URL: <https://tegrk.ru/archives/26564> (дата обращения: 27.02.2026).
11. Максимов К.Н. Установление оккупационного режима нацистов в Калмыкии (август – декабрь 1942 г.) // Российская история. 2012. № 1. С. 116–130.
12. Очиров У.Б. Партизанское движение на территории Калмыкии // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной

войны: неизвестные страницы и новые подходы: сборник научных статей. Элиста, 2014. С. 124–150.

13. Саврушова К.Ц. Партизанская борьба в Калмыкии в период немецко-фашистской оккупации (сентябрь 1942 – январь 1943 гг.) // Вестник Калмыцкого НИИ языкознания, литературы и истории. 1967. № 2. Ч. 1. С. 63–71.

14. Суд признал геноцидом преступления немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны на территории Республики Калмыкия // Следственный комитет Российской Федерации. 04.02.2025. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1951026/> (дата обращения: 23.02.2026).

15. Цуцулаева С. Партизанское движение на территории Калмыкии в период фашистской оккупации: историография проблемы // Вклад трудящихся Калмыкии в победу над фашистской Германией (1941–1945 гг.): сборник научных трудов. Вып. II. Элиста, 2002. С. 25–30.

А.А. Боголюбов

ЗЛОДЕЯНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В ПЯТИГОРСКЕ

Тема, выбранная для данной статьи, хорошо изучена и подробно освещена в работах исследователей. Тем не менее автор берет на себя смелость утверждать, что есть еще не изученные и не включенные в научный оборот материалы, особенно если под термином «злодеяния» подразумеваются не только геноцид, массовые убийства мирных советских граждан, но и последовательное уничтожение промышленных и других жизненно важных для города объектов, а также, что особенно важно, массовое уничтожение и разграбление объектов культурного наследия. Этим аспектам деятельности оккупантов посвящена наша работа, основным источником которой выступили публикации в городской газете «Пятигорская правда».

Казалось бы, в начале оккупации, в августе 1942 г., отношения между оккупантами и местным населением складывались неплохо. Был установлен твердый курс рубля, имевшего хождение наряду с оккупационной маркой, – 10 рублей за одну марку. По приемлемым для населения ценам продавались хлеб, колбаса и другие продукты. К 20 сентября 1942 г. в городе было открыто

834 предприятия промышленности, торговли и общественного питания. Для сравнения: в конце 1911 г. таких предприятий в Пятигорске функционировало 760 [2: 199]. Однако новая власть в лице городской охраны уже готовила списки граждан для уничтожения. Согласно списку № 1 к началу сентября 1942 г. в Пятигорске проживало 486 евреев, в списке № 2 числилось уже 98 евреев, в списке № 3 – 38 и № 4 – 24. Нет ничего удивительного в том, что население города, насчитывавшее к началу 1941 г. 62 304 человека, к 1 февраля 1943 г. уменьшилось на треть и составило 42 426 человек [4: 125–126].

В качестве примера злодеяний захватчиков, направленных против мирного населения Пятигорска, можно привести судьбу директора пятигорской нефтебазы Василия Максимовича Красноярского, не успевшего из-за болезни эвакуироваться и впоследствии зверски замученного оккупантами. О его судьбе, как и о ходе восстановления сожженной оккупантами нефтебазы, рассказала на страницах газеты «Пятигорская правда» в мае 1943 г. Л. Струкач [7: 2].

Список жертв оккупантов далеко не исчерпывался евреями. В очерке Тамары Беньяш, помещенном в № 62 «Пятигорской правды» за 1943 г., рассказывалось о судьбе корейской семьи Пак, глава которой, летчик и коммунист, также не успел эвакуироваться из-за болезни. Он и его жена были зверски замучены приспешниками оккупантов. Пятнадцатилетняя Ника Пак осталась сиротой [1: 2].

О подвиге сотрудников Музея краеведения в дни оккупации (в настоящее время – Пятигорский краеведческий музей) рассказала корреспондент газеты Н. Паршина [5]. В начале оккупации в музей пришел обер-лейтенант Витте. Он потребовал от сотрудников полного подчинения, отобрал и унес с собой лучшие картины русских и зарубежных мастеров. Он же потребовал от сотрудников через несколько дней открыть музей, но без экспонатов и оборудования, «нежелательных немецкому командованию». К чести сотрудников музей так и не был открыт при оккупантах. Зато каждый из немецких солдат и офицеров, приходивших в музей, что-то с собой уносил. Так из фондов музея исчезли украшения III–IV вв. н. э., а также 44 картины лучших мастеров.

Свой вклад в борьбу с фашизмом сотрудники музея внесли, открыв после освобождения новую экспозицию «Варварства немецких оккупантов».

Вернемся к событиям начала оккупации. Сотрудники музея с ужасом наблюдали, как из окон, находившихся напротив школ № 1 и № 2, летело оборудование учебных кабинетов. Горы этого оборудования были тут же сожжены [5: 2]. Это ли не свидетельство варварства оккупантов?

Тысячи ценных книг спасли сотрудники Пятигорской городской библиотеки. Оккупанты же устроили в помещениях библиотеки общежитие, рвали и резали картины и книги, разбили бюсты великих русских писателей. В этих условиях сотрудникам библиотеки удалось спасти тысячи ценных книг в своих квартирах [5: 2].

Такой же подвиг совершили и сотрудники музея «Домик Лермонтова» и сочувствующие им люди. Среди них Т.А. Мартиросова, школьницы Галя и Нина Сподаренко, уборщица музея Брусенская. Их стараниями в течение двух месяцев после оккупации удалось собрать и вернуть в фонды библиотеки 30 тыс. книг. Безвозвратные потери музея составили 35 тыс. книг [5: 2].

При отступлении немецко-фашистских войск из города был сожжен Бальнеологический институт с его уникальной научной библиотекой, насчитывавшей многие тысячи томов, в том числе старинных изданий [2: 153].

Первые итоги оценки последствий пребывания оккупантов в городе подвел в своем выступлении перед собранием партийного актива Пятигорска секретарь горкома ВКП(б) Л.Я. Борохов. Выступление было опубликовано в № 40 газеты «Пятигорская правда» за 1943 г. [3: 1–2].

По словам Л.Я. Борохова, в Пятигорске оккупантами были полностью уничтожены электростанция, трамвайное хозяйство, насосная станция для подачи воды в район Провала, завод вулканизационного оборудования, авторемонтная база, швейно-трикотажная фабрика, обувная фабрика, типография имени Анджиевского, почта, телеграф, телефон. Полностью или частично было разрушено 12 школ и два детских сада, пединститут, техникум совторговли, фарминститут. В выступлении Л.Я. Борохова отмечалось, что было убито и замучено около 3 тыс. мирных граждан Пятигорска. Как выяснилось в ходе дальнейших исследований [2; 3], эта цифра оказалась сильно заниженной.

По сведениям Управления Федеральной службы безопасности по Ставропольскому краю, с начала августа 1942 г. и до

освобождения 11 января 1943 г. в Пятигорске было истреблено более 6 тыс. мирных советских граждан [4: 125]. Однако и эту цифру заведующий сектором истории культуры научного отдела Пятигорского краеведческого музея М.В. Семендяев не считает окончательной, полагая, что места массовых захоронений расстрелянных и замученных советских граждан в районах мемориала у места дуэли Лермонтова и на Комсомольской поляне изучены еще недостаточно [6].

Таким образом, даже приведенная в данной статье небольшая часть фактов, свидетельствующих о злодеяниях немецко-фашистских войск в оккупированном ими Пятигорске, ясно указывает на целенаправленную политику геноцида оккупационных властей по отношению к мирным советским гражданам. Политика эта, по мнению автора статьи, включала в себя не только прямое физическое уничтожение мирных граждан, но и целенаправленное уничтожение памятников истории и культуры советского народа, планомерное уничтожение оккупантами перед отступлением жизненно важных для города объектов и учреждений образования и науки. На эти злодеяния автор попытался взглянуть сквозь призму местной советской печати периода после освобождения города от оккупации – в первые месяцы 1943 г.

Источники и литература

1. Беньяш Т. Палач // Пятигорская правда. 1943. № 62. 24 апреля. С. 2. Пятигорский краеведческий музей (далее – ПКМ). Основной фонд (далее – О.ф.) 4052.
2. Воинская слава Пятигорска: очерки истории / А.Н. Коваленко, С.Н. Савенко, Л.И. Краснокутская, А.А. Багдасарян, С.И. Линец; под ред. С.И. Линца. Пятигорск, 2025.
3. Выступление Л.Я. Борохова на партийном активе города Пятигорска // Пятигорская правда. 1943. № 40. 26 марта. С. 1–2. ПКМ. О.ф. 4052.
4. Линец С.И. Город во мгле... Пятигорск, 2005.
5. Паршина Н. В музее краеведения // Пятигорская правда. 1943. № 55. С. 2. 14 апреля. ПКМ. О.ф. 4052.
6. Полевые материалы автора. Информант Семендяев М.В., записан в 2025 г.
7. Струкач Л. Советская женщина // Пятигорская правда. 1943. № 72. 9 мая. С. 2. ПКМ. О.ф. 4052.

В.В. Симонов**ОБ ОДНОМ ИЗ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ КЕРЧЕНСКОГО
ПОЛУОСТРОВА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ ОККУПАЦИИ:
ОЦЕНКИ ИЗ 1942 г.****(Маяк-Салынский отряд, о котором не принято вспоминать)**

Со вторым эшелоном войск, переправленных в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции на Керченский полуостров, в Керчи и Феодосии высадились пять оперативно-чекистских групп НКВД Крыма. Позже, в 10-х числах февраля 1942 г., к ним добавились еще семь оперативных групп, организованных во временные райотделения в Керчи для усиления агентурно-оперативной работы [2: 192]. Одна из основных задач этих групп заключалась в выявлении и поимке «изменнических, предательских элементов и иных немецко-фашистских агентов».

Цифры, приводимые «Отчете НКВД Крымской АССР о работе на Керченском полуострове в период с 1 января по 14 мая 1942 г.», свидетельствуют о размахе этой деятельности и широком использовании агентурно-осведомительской сети для выявления всех случаев предательства и пособничества со стороны советских граждан, оставшихся на временно оккупированной территории [2: 205]. Известны не единичные факты, когда лица, ставшие на путь предательства, оказывали содействие сотрудникам немецких разведывательных, карательных и административных органов в задержании и ликвидации советских патриотов, в том числе участников партизанского движения. Показательна в этом смысле история партизанского отряда Маяк-Салынского района, по ряду причин как объективного, так и субъективного характера не сумевшего выполнить свои задачи.

После освобождения Керченского полуострова в январе 1942 г., по сообщению агента НКВД «Колос», среди бывших партизан Маяк-Салынского отряда, который в период оккупации должен был действовать в каменоломнях на территории одноименного района, была выявлена группа предателей (первоначально три человека) [1: 69]. Это привлекло повышенное внимание сотрудников органов госбезопасности к отряду.

Было известно, что летом – осенью 1941 г. в Крыму в соответствии с решениями обкома ВКП(б) и НКВД Крыма в каждом

административном районе создавался партизанский отряд. На Керченском полуострове планировалось создание четырех отрядов (в Орджоникидзевском и Сталинском районах Керчи, Ленинском и Маяк-Салынском сельских районах). Местом базирования для них, с учетом опыта партизанской борьбы в 1919 г., были выбраны каменоломни, хотя часть керчан считала, что в каменоломнях продержаться нельзя, и потребовалось специальное подтверждение со стороны Крымского штаба партизанского движения и НКВД Крыма для окончательного решения этого вопроса [9: 105; 12: 213].

Местом для расположения Маяк-Салынского отряда были определены Караларские каменоломни (в 5 км севернее современного с. Чистополье). Этот выбор вряд ли можно считать удачным, учитывая характеристики подземной системы (ее протяженность, глубину, количество выходов) и конкретное место, где оборудовалась база отряда. Фактически партизанская база соединялась с основным районом каменоломен несколькими штреками, которые могли легко простреливаться с одного из выходов или могли быть завалены несколькими взрывами с поверхности, что полностью лишало партизан возможностей маневра [8: 263–264; 11: 114–115]. Отмечались и серьезные проблемы при создании самой базы: отпуск продовольствия задержался до конца октября 1941 г., и оно завозилось буквально в последние дни перед немецкой оккупацией; не были построены и бассейны-емкости для воды, ее также завезли, по воспоминаниям партизан, в последний момент в семи двухсотлитровых бочках [9: 107].

По спискам в отряде было 100 человек, но фактически в нем оказалось вдвое меньше – 47. Основу его составили местные жители – бойцы 20-го истребительного батальона, в большинстве своем советские партийные и хозяйственные руководители и служащие. Командиром был назначен И.И. Шульга, директор Промкомбината Маяк-Салынского района, начальником штаба – В.В. Костыркин, директор совхоза «Мариенталь», комиссаром – Д.К. Ткаченко, заведующий учетом Маяк-Салынского райкома партии. В первых числах ноября партизаны спустились под землю, готовые к борьбе с захватчиками.

История Маяк-Салынского отряда оказалась очень короткой – он продержался лишь до середины ноября, так и не предприняв каких-либо активных действий. После того как несколько человек бежали из отряда и выдали немцам его местонахождение, все выходы

были блокированы и, по словам партизан, фашисты применили стандартные методы для подавления подземного очага сопротивления: взорвали выработки и пустили газ.

По результатам полевых разведок, проведенных в Караларских каменоломнях в 1995–1996 гг., стало очевидным, что разрушения от взрывов не носили здесь масштабного характера [8: 262; 13: 126–129] (по некоторым данным, взрыв вообще был один). Тем не менее в отряде возникла паника, и 17 ноября 1941 г. в штабе приняли решение – мелкими группами выходить на поверхность и пробираться в Аджимушкайские каменоломни или Старокрымские леса.

Выйдя из-под земли, партизаны попытались укрыться в ближайших населенных пунктах, но не всем это удалось: 10 человек были арестованы немецкими карательными органами. По некоторым данным, пятеро из них – Н.И. Спиридонов, З.И. Рюмков, И.Ф. Гамма, Д. Журавлев и Мамбетшаев, выданные одним из жителей Маяк-Салынь, – расстреляны в декабре 1941 г., остальные через некоторое время отпущены.

После освобождения Керченского полуострова в ходе оперативной проверки и выяснения обстоятельств гибели партизан было установлено, что первым выдал базы-склады отряда арестованный и завербованный гестапо Лукьяненко, 1909 г. рождения. А уже он склонил к предательству Самарина, 1915 г. рождения (который, по версии следствия, выдал оккупантам еще две партизанские базы и пятерых партизан) и Федорченко, 1904 г. рождения (обвиняемого в том же). Все они были арестованы органами НКВД и в ходе следствия дали признательные показания [2: 206]. Примерно в это же время был арестован еще один бывший партизан – Климов, 1902 г. рождения, также обвинявшийся в том, что выдал базы отряда и дал обязательство работать в пользу гестапо [2: 206; 7: 50].

Особое внимание представители советских спецслужб обращали на тех, кто во время оккупации был арестован или задерживался немцами и был отпущен. Если речь шла о коммунистах и комсомольцах, считалось, что в отношении них «германские карательные органы на первых порах проявляли тактику морального подавления, вместе с тем вербуя среди них свою агентуру». Среди подобного контингента оказались, например, Шульга И.И., Ткаченко Д.К., а также Золотоверхов, 1919 г. рождения, Очередный, 1898 г. рождения, Романов, 1900 г. рождения, Левченко, Марченко и Харин;

все – члены ВКП(б), все арестованные гестапо, давшие обязательство, что «не будут вести борьбу с немецкой армией» и отпущенные. Причем в гестапо они сознавались, что являются членами партии и партизанами [2: 198]. Как отмечалось в «Отчете НКВД Крымской АССР...», все они были арестованы органами госбезопасности и большинство оказалось осуждено.

Не остались в стороне и партийные органы. Со второй половины января 1942 г. на заседаниях оргбюро Маяк-Салынского районного комитета ВКП(б) начали рассматриваться персональные дела партизан-коммунистов об обстоятельствах роспуска партизанского отряда и их нахождения на временно оккупированной территории. Видимо, сотрудники райкома действовали в соответствии с позицией, чуть позже «озвученной» Керченским горкомом партии. В протоколе № 16 заседания бюро Керченского городского комитета ВКП(б) от 10 февраля 1942 г. прямо указывалось, что «в связи с тем, что при оформлении партизанских отрядов попали отдельные люди, которые впоследствии оказались трусами и дезертирами, привлечь их к суровой ответственности» [3: 55]. Об этом же говорили и на собрании партактива Керчи: «Надо дело поставить так, чтобы ни один прохвост, ни один предатель и шпион не остался на воле. Все меры надо принять в порядке взаимной работы парторганов и органов НКВД» [4: 11].

В соответствии с этими установками и, главное, с учетом информации, поступавшей от органов НКВД, 20 января 1942 г. был исключен из рядов ВКП(б) С.Г. Бариев, 19 февраля – Золотоверхов («арестованный органами, как изменник Родины»), 1 марта – Климов, Осинний, Очередный (с формулировками: «осужденный Военным Ревтрибуналом, как предатель и изменник Родины»), 30 марта – С.Ф. Муханов. Оставили в рядах партии Е.Б. Кузьмичева, на которого никаких компрометирующих материалов не было, и И.И. Шульгу (с объявлением строгого выговора) [5: 2, 10, 14, 18, 19]. Последнее, довольно «мягкое» решение в отношении командира отряда вызывает некоторое удивление, учитывая судьбу комиссара Д.К. Ткаченко.

Д.К. Ткаченко, как и другие члены отряда, после выхода из-под земли был арестован гестапо, где находился 12 дней. Хотя немцам было известно о его членстве в партии и том, что он был комиссаром партизанского отряда, его отпустили [2: 198]. Подобный факт

несмотря на то, что в отличие от других арестованных Д.К. Ткаченко не давал обязательств «не вести борьбу с немецкой армией», сотрудники органов НКВД пропустить не могли. Как следует из определения от 22 января 1980 г. Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УССР, занимавшейся пересмотром дела в отношении Д.К. Ткаченко, он был арестован и обвинен в том, что «вместе с другими руководителями отряда проявил трусость и распустил отряд, не выполнив боевых заданий по борьбе с фашизмом и ни к какому другому отряду не примкнул. 13 декабря 1941 г. он был арестован гестапо... но вскоре был освобожден и никаким репрессиям не подвергался». Указанные действия квалифицированы по статье 58-1а УК РСФСР как измена Родине, и 16 марта 1942 г. Д.К. Ткаченко приговорен военным трибуналом Крымского фронта к высшей мере наказания [10: 21–22]. Тогда же, в марте, приговор был приведен в исполнение.

Интересно, что Д.К. Ткаченко вменялось в вину то, что он не предпринял никаких мер для продолжения борьбы и соединения с другими отрядами. В то же время начальник партизанских отрядов Керченского полуострова И.И. Пахомов прямо говорил в своем докладе об итогах деятельности партизан, что такое распоряжение он давал не комиссару, а командиру: «Мое указание командиру Шульге о том, что если отряд окажется в тяжелом положении, то должны пробраться в Аджимушкайские каменоломни и присоединиться к этому отряду, не было выполнено, несмотря на полную возможность перехода отряда в Аджи-Мушкой» [6: 2]. Утверждение о возможности перехода в Аджимушкайские каменоломни представляется спорным. В протоколе № 10 заседания оргбюро Маяк-Салынского районного комитета ВКП(б), рассматривавшего 30 марта 1942 г. персональное дело И.И. Шульги, отмечалось: «По решению штаба отряд должен был мелкими группами идти на соединение с существующими отрядами Аджи-Мушкой или Старого Крыма, но так как Шульга не знал ни одной подпольной квартиры или связных для связи с партизанскими отрядами других участков – поэтому он не смог принять соответствующих мер для переправки организованно своего отряда». И хотя, как было сказано далее, «т. Шульга не принял никаких мер для того, чтобы организовать оборону скалы, не мобилизовал бойцов на выполнение задания, ради которого остались. Партбилет уничтожил», ему

объявили лишь строгий выговор [5: 18]. О привлечении к уголовной ответственности за то же самое, за что комиссар отряда уже был приговорен военным трибуналом Крымского фронта к высшей мере наказания, речь почему-то не шла.

Как и во многих других случаях, в указанный период работа советских органов госбезопасности была достаточно эффективной, и никто из бывших партизан, вставших на путь сотрудничества с врагом, не избежал наказания. То, что в это число попал комиссар отряда Д.К. Ткаченко, реабилитированный в 1980 г., было отнесено к числу неизбежных в таком деле издержек. А об отряде (тем более на фоне официально признанных успехов керченских партизан) просто перестали вспоминать: погибшие партизаны даже не вошли в шестой том Книги Памяти Республики Крым.

Тем не менее история Маяк-Салынского отряда наиболее четко продемонстрировала не только ряд существенных просчетов, допущенных при организации партизанского движения в Крыму, но и ошибочность решения об использовании каменоломен – они явились естественной ловушкой и воспрепятствовали решению задач по диверсионной, разведывательной работе, ради которой и создавались отряды, а сами партизаны стали заложниками этого решения [9: 113; 11: 115–116; 12: 217].

Источники и литература

1. Архив УФСБ России по Республике Крым и Севастополю. Ф. 100. Д. 6.
2. Битва за Крым в документах органов государственной безопасности / Сост., отв. ред. И.Н. Верешков, С.Н. Ткаченко. Симферополь, 2020.
3. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. 48. Оп. 1. Д. 89.
4. ГАРК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 90.
5. ГАРК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 19.
6. ГАРК. Ф. 151. Оп. 1. Д. 625.
7. ГАРК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 21.
8. Грек И.О., Молдавская Н.Н., Саморуков А.В. Новые сведения о Кара-лавских каменоломнях // Спелеология и спелестология: сборник материалов конференций. № 4. Набережные Челны, 2013. С. 260–265.
9. Короткова Г.В. Партизанское и подпольное движение в г. Керчи и на Керченском полуострове в первый период оккупации: планирование, организация, итоги // Керчь военная. Сборник статей. 60-летию освобождения города посвящается. Керчь, 2004. С. 101–126.

10. Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Оп. 3. Ед. хр. 1663.

11. Симонов В.В. Возможности использования каменоломен Керченского полуострова для организации очагов сопротивления на временно оккупированной территории (на примере партизанских отрядов 1941 г.) // XIV Таврические научные чтения (г. Симферополь, 31 мая 2013 г.). Сборник материалов. Ч. 2. Симферополь, 2014. С. 109–119.

12. Симонов В.В. Партизанское движение на Керченском полуострове в ноябре-декабре 1941 года: организация, возможности, итоги // Пантикапей-Боспор-Керчь – 26 веков древней столице. Материалы международной конференции. Керчь, 2000. С. 212–218.

13. Симонов В.В. Экспедиция «Аджимушкай». 1998–2012. Сборник научных статей и материалов / Военно-исторические чтения. Вып. 6. Симферополь, 2019.

Ю.А. Яхутль

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В АДЫГЕЕ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ОККУПАЦИИ (август 1942 г. – февраль 1943 г.)

Вероломное нападение Германии 22 июня 1941 г. на Советский Союз требовало принятия быстрых и эффективных мер по мобилизации сил и средств страны. Одним из таких направлений стало партизанское движение – организованное сопротивление советских патриотов на временно оккупированных территориях. 29 июня 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) направили директиву всем партийным организациям и советским органам, в которой предлагалось заблаговременно подготовить подпольную сеть, создать партизанские отряды для борьбы с врагом. Очередное постановление ЦК ВКП(б) принял 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германской армии».

В Краснодарском крае директиву от 29 июня 1941 г. ввели в действие 23 октября. Это было связано с нарастающей с осени 1941 г. военной угрозой южным регионам страны. В начале октября 1941 г. наступление 1-й танковой группы генерала Э. фон Клейста из района Днепропетровска привело к прорыву фронта и сдаче Мариуполя и Таганрога. До Краснодара немецким частям оставалось пройти около 300 км. С учетом того, что средний темп наступления

немецких войск составлял от 15 до 30 км в сутки, до Краснодара механизированные части врага могли дойти за 10 суток. В этих условиях краевая партийная организация приняла решение начать закладку партизанских баз. Особое место в этих мероприятиях отводилось органам НКВД, которые принимали активное участие в формировании партизанских отрядов.

В состав Краснодарского края с 1937 г. входила Адыгейская автономная область, руководство которой тоже включилось в эту работу. На территории края было заложено 1000 тайников с продовольствием. Но в ходе этой работы были допущены ошибки, характерные для партизан как Краснодарского края, так и Адыгеи: нарушились требования конспирации, места расположения баз были известны местному населению и др. [2: 112].

Однако события на фронте резко изменились после провала операции вермахта «Тайфун» под Москвой. Исчезла угроза оккупации Северо-Западного Кавказа, и региональное руководство ослабило работу по созданию партизанских баз и сооружению оборонительных линий. Но это продолжалось недолго. Провал наступления Красной армии весной – летом 1942 г. под Воронежем и в Крыму и начало 28 июня 1942 г. операции «Блау», предпринятой вермахтом, вынуждали возвращаться к теме организации партизанского движения на территории Краснодарского края и Адыгеи [6: 331].

28 июля немецкие части вступили в северные районы Краснодарского края. В этих условиях партийные и советские органы вынуждены были проводить мероприятия по вывозу, укрытию или уничтожению материальных ценностей, а также меры по эвакуации населения. На территории Краснодарского края и Адыгеи по предложению УНКВД были определены места дислокаций партизанских отрядов. 18 июля 1942 г. бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) приняло решение о формировании 86 партизанских отрядов, а 27 июля были образованы 7 партизанских кустов-соединений с личным составом 6510 человек.

Государственный комитет обороны СССР учредил при Военном совете Северо-Кавказского фронта штаб партизанского движения во главе с членом военсовета, первым секретарем Краснодарского крайкома ВКП(б) П.И. Селезевым. Бюро Адыгейского обкома ВКП(б) приняло решение о создании областного партийного центра для руководства партизанским движением и подпольем. В его

состав вошли первый секретарь обкома ВКП(б) А.П. Ермаков, секретарь Н.Ц. Теучеж, председатель облисполкома А.Х. Чамоков, первый секретарь Майкопского горкома партии Я.М. Семкин, заведующий отделом обкома ВКП(б) П.Ц. Джасте и др. Областной комитет ВКП(б) определил структуру и зоны действий партизанских отрядов. Наиболее боеспособными по итогам боев были признаны отряды «Народные мстители» (г. Майкоп); «За Родину», «За Сталина» (Тульский, Шовгеновский районы). В состав отрядов входили рабочие, колхозники, интеллигенция, партийные, советские работники разных возрастных групп [1: 14].

В начале августа 1942 г. Майкоп был оккупирован. Эвакуация руководства областного штаба партизанского движения прошла неорганизованно, в результате чего областной комитет партии первые 8–9 дней не мог наладить взаимодействие партизанских отрядов [3: 401, 402]. Подготовительная работа по организации партизанских отрядов, продовольственных баз, вооружения была проведена неудовлетворительно. Партизанские отряды выходили к местам дислокаций неорганизованно. Областной штаб партизанского движения во главе с А.П. Ермаковым располагался в Махошевских лесах, но не имел налаженной связи с отрядами. В этой ситуации деятельность партизанских отрядов во многом зависела от уровня подготовки командиров и комиссаров [7: 1].

По решению Краснодарского крайкома ВКП(б) от 3 сентября 1942 г. на территории Адыгейской автономной области и соседних районов был создан штаб Майкопского куста партизанских отрядов, состоявший из 14 отрядов общей численностью 1179 бойцов, в том числе членов и кандидатов ВКП(б) – 727 человек, комсомольцев – 147 человек. Командиром куста стал М.С. Попов – секретарь крайкома ВКП(б), а его заместителем и начальником штаба назначили В.Е. Зинченко. В большинстве районов партизаны не имели возможности своевременно эвакуировать членов своих семей и поэтому в отряды пришли вместе с ними. Среди партизан было 363 женщины. Отдельные отряды, не имея опыта партизанской борьбы и организации быта в лесу, представляли собой плохо приспособленные к боевой деятельности подразделения. Основным местом дислокации партизанских отрядов и штабов куста являлся Тульский район, а Махошевские леса, растянувшиеся на десятки километров, прикрывали партизан от преследования немцев и являлись хорошим

исходным местом для совершения налетов, диверсий, развертывания партизанской войны в тылу фашистских войск. В середине августа 1942 г. партизанские отряды Майкопского куста начали деятельность по уничтожению оккупантов. Самый отдаленный уголок Тульского района – с. Хамышки – оставался некоторое время не занятым гитлеровцами, и в первое время здесь же разместились районные партийные и советские организации для продолжения своей работы. Перед партизанами региона были поставлены следующие задачи: усилить боевое воздействие на коммуникации врага, препятствуя подвозу и вывозу с Северного Кавказа материальных средств и живой силы; не допустить начала восстановительных работ на нефтяных промыслах Майкопа, Нефтегорска; уничтожать нефтяные вышки, скважины и резервуары и т.д. [5: 153].

Осенью 1942 г. наиболее сложная ситуация сложилась в Махонцевской лесодаче (под Майкопом). Немецкое командование применило против партизан даже авиацию, но успеха не достигло. Партизанский отряд «Народные мстители» совместно с другими отрядами (Шовгеновским, Тульским, Гиагинским, Ярославским и др.) отразил все атаки противника. С октября по ноябрь 1942 г. партизанские отряды Ладожский, Майкопский № 2, Тульский № 3, Ильинский и Ново-Покровский отбили у немцев и своими силами удерживали пять населенных пунктов, находящихся в тылу фашистских войск. Попытки врага вернуть контроль над населенными пунктами не увенчались успехом [1: 359]. В освобожденных населенных пунктах партизаны восстанавливали советскую власть, организовывали массово-политическую работу среди населения, выпускали листовки с обращениями и сводками Совинформбюро.

В январе 1943 г. в связи с отступлением частей вермахта и его союзников с Северного Кавказа партизанские отряды активизировали боевые действия, систематически нарушая коммуникации противника и нанося точечные удары. Отличились партизанские отряды Майкопского и Шовгеновского районов. Партизанский отряд Шовгеновского района состоял из 75 человек, кроме того, 22 человека вели подпольную работу. Отрядом руководил Г.В. Верховцев (начальник районного отдела НКВД), а комиссаром был назначен Д.И. Криворучко (первый секретарь Шовгеновского районного комитета ВКП(б)). Отряд поделили на четыре группы, во главе которых были поставлены командиры и политруки. Это повышало

мобильность отряда и его жизнеспособность. В течение 6–7 дней удалось вооружить всех партизан. Организационные мероприятия, проведенные руководством района, позволили подготовить достаточное количество продовольствия и слаженно выйти в район дислокации отряда 9 августа. Первое боевое крещение партизан произошло 15 августа 1942 г. в районе ст. Абадзехской [1: 370]. С августа по сентябрь отряд провел ряд успешных операций, что вдохновило партизан и придало им уверенности. Количество боестолкновений росло, что вызывало ужесточение оккупационного режима со стороны фашистов. Немецкое командование совместно с полицией в течение ноября – декабря 1942 г. неоднократно проводило войсковые операции против отряда с привлечением авиации.

За период с 9 августа 1942 г. по 1 февраля 1943 г. партизанские отряды Майкопского партизанского куста провели свыше 200 боевых операций против частей вермахта, его союзников и предателей. В результате боевых действий партизаны уничтожили 1785, ранили 429, взяли в плен 190 солдат и офицеров противника [8: 89–118, 171–174]. Партизаны и подпольщики Кубани и Адыгеи истребили свыше 12 тыс. солдат и офицеров и уничтожили большое количество военной техники. Они взорвали и пустили под откос 14 эшелонов с войсками и грузами, взорвали 20 железнодорожных мостов, семь складов с боеприпасами и продовольствием и др. [4: 80].

Стратегическая обстановка на советско-германском фронте кардинально поменялась после поражения вермахта под Сталинградом в начале 1943 г. Зимой 1943 г. начались бои за освобождение региона, которые продолжались с 29 января по 18 февраля.

Родина по достоинству оценила боевые подвиги партизан и подпольщиков региона. За проявленную храбрость и мужество в борьбе против захватчиков более 700 партизан из Адыгеи получили боевые награды [1: 15]. В партизанских формированиях Адыгеи воевали представители различных национальностей СССР и всех возрастов, но наибольшее число было граждан 1897 г. рождения. Основу отрядов составляли коммунисты, комсомольцы, сотрудники НКВД, прокуратуры, милиции, руководители предприятий и др. Все командиры отрядов состояли во Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. По социальному составу больше половины членов отрядов были служащие. Борьба против врага сплотила советский народ. Все усилия противника оказались бессмысленными,

враг не смог противостоять растущему сопротивлению советских людей.

Особенностью партизанского движения в Краснодарском крае и Адыгейской автономной области было то, что часть отрядов размещалась за линией фронта. Это противоречило указаниям Центрального штаба партизанского движения, но ситуация до конца активных боевых действий на Северо-Западном Кавказе так и не изменилась. В последующем такое положение отрядов было использовано в ходе подготовки наступательных операций РККА, когда от партизан требовалось проведение разведывательных операций и в меньшей степени боевых действий.

Необходимо обратить внимание на ряд недостатков, допущенных партийным руководством края и области, ответственным за партизанское движение. Быстрая оккупация региона привела к дезорганизации в деятельности краевого и областного комитетов ВКП(б): не все партизанские базы были подготовлены, а часть продовольствия была уничтожена или разграблена. Были нарушены требования и правила конспирации. Потери, понесенные отрядами в первые месяцы оккупации, привели к распаду некоторых из них.

Всенародная борьба с врагом стала составной частью Великой Отечественной войны и одним из источников Победы многонационального советского народа над фашистской Германией и ее союзниками. История войн не знала аналогов такого массового партизанского и подпольного движения, но опытом всенародной борьбы обладал российский народ еще со времен Отечественной войны 1812 г. Именно в годы Великой Отечественной войны народы Советского Союза смогли сплотиться, противостоять врагу и одержать победу в неравной битве. Руководителями и организаторами партизанского и подпольного движения выступили партийные органы и структуры НКВД.

Источники и литература

1. Адыгейская автономная область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: документы и материалы (к 80-летию освобождения от немецко-фашистской оккупации) / Ю.А. Яхутль, В.В. Касьянов, Е.М. Малышева, А.И. Брантов. 2-е изд. перераб. Майкоп, 2023.

2. Без грифа «Секретно». Из истории органов безопасности на Кубани / Сост. А.М. Беляев, К.И. Горожанин и др. Краснодар, 2008.

3. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: в 3 кн. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. / Сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. Краснодар, 2000.

4. Малышева Е.М. Движение Сопротивления в период временной нацистской оккупации Северного Кавказа // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. № 2. С. 75–81.

5. Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Майкоп, 2000.

6. Мужехоева М.Б. Начало осуществления немецко-фашистскими войсками операции «Блау» // Образование и право. 2020. № 11. С. 330–332.

7. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 12.

8. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 17а.

А.А. Зданович

ЗАФРОНТОВОЕ АГЕНТУРНОЕ ДЕЛО «ДОНЦЫ» УПРАВЛЕНИЯ КОНТРАЗВЕДКИ СМЕРШ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В 1943 г.

В отечественной исторической литературе достаточно активно рассматривается тема стратегий выживания людей в условиях оккупации или плена. Причем речь чаще всего не идет об участии в сопротивлении врагу в партизанских отрядах либо в подпольном движении, а о советских гражданах, которых позднее назовут пособниками германских властей. Только в ноябре 1943 г. появилось разъяснение высших судебных органов относительно того, в чем заключается пособничество, наказуемое в уголовном порядке. До этого под категорию пособников оккупантов попадали, к примеру, учителя, медицинские работники, заводские рабочие, колхозные активисты и т.д. Изучается и вопрос о коллаборационизме как активном пособничестве врагу вплоть до участия в боевых и карательных операциях фашистов, службе в органах вражеской разведки, контрразведки, полицейских структурах и пропагандистских аппаратах. Рассматриваются особенности проявления коллаборационизма в зависимости от регионов нашей страны, этнической принадлежности и этнографических отличий коллаборантов. В этом плане своеобразная обстановка сложилась к началу 1943 г. на направлении наступления Южного (второго формирования)

фронта (далее – ЮФ), созданного на базе Сталинградского. В основу исследования положены целенаправленно рассекреченные в феврале 2026 г. материалы Особого отдела (далее – ОО) НКВД – Управления Смерш ЮФ.

В 1941–1942 гг. органы военной контрразведки в своей зафронтной работе концентрировались на добывании сведений о войсках противника в интересах штабов фронта и армий, практически не занимаясь проникновением во вражеские спецслужбы и в созданные ими формирования коллаборационистов. Зафронтные контрразведывательные мероприятия вплоть до создания органов Смерша носили эпизодический характер. Но это не значит, что отдельные операции не приносили успеха. Это, в частности, относилось к внедрению чекистской агентуры в подконтрольные оккупационным властям структуры, используемые для борьбы с партизанским движением в сельской местности и подпольщиками в городах.

В конце января 1942 г. военные контрразведчики добыли данные об антисоветских казачьих формированиях, о чем свидетельствует спецсообщение в Военный совет войск Юго-Западного направления (далее – ЮЗН), подписанное начальником ОО НКВД ЮЗН старшим майором госбезопасности Николаем Николаевичем Селивановским. Нельзя утверждать, что чекисты еще в 1941 г. не получали сведений о казачьих частях вермахта. Но, как сообщил Н.Н. Селивановский в одном из интервью, «все документы старого Особого отдела фронта, особых отделов армий и дивизий, находившихся в окружении, были уничтожены» [5: 83].

7 марта 1942 г. ОО НКВД ЮФ представил в Военный совет спецсообщение о выявленных фактах формирования на временно захваченной территории украинских и казачьих частей, предназначенных для участия в боевых действиях на стороне германской армии и проведения антипартизанских карательных операций [2: 97]. Речь, в частности, шла о Кривом Роге, Николаеве и иных городах. Так, в Таганрог прибыла рота «украинских добровольцев» численностью около 200 человек. Это были освобожденные из лагерей советские военнопленные. Из этого же контингента была сформирована и воинская часть кубанских казаков (1200 человек), тоже размещенная в Таганроге в здании авиатехникума. Зафронтная агентура военных контрразведчиков сообщала, что обмундированы они были в красноармейские шинели, но носили серые шапки

с красным верхом, синие брюки с красными лампасами. В Днепропетровске немцы сформировали еще одну казачью часть, насчитывавшую до 300 человек. Таким образом, можно утверждать о создании немцами в 1942 г. казачьих частей, укомплектованных бывшими бойцами Красной армии, оказавшимися в плену.

25 января 1943 г. фронтовой ОО НКВД представил в Военный совет (генерал-полковнику А.И. Ерёменко, генерал-лейтенанту Н.С. Хрущёву и генерал-майору И.С. Варенникову) спецсообщение «Об антисоветских казачьих формированиях» [3: 100]. В преамбуле данного документа указывалось, что это только вновь поступившие сведения, то есть ранее командование уже информировалось по указанному вопросу, что подтверждается приведенными ниже фактами. Так, фронтовые чекисты установили, что еще до начала наступления частей Красной армии под Сталинградом уже получили информацию о якобы появлении генерала Краснова на Дону и развертывании им деятельности по формированию бело-казачьих (так назывались коллаборационисты-казаки в чекистских документах тех лет. – А. З.) частей. Это были отрывочные сведения, но контрразведчики не преминули с дополнениями и уточнениями сообщить их Военному совету дважды: 25 октября и 18 ноября 1942 г., поскольку нашим войскам предстояло продвигаться на Запад на южном фланге советско-германского фронта и освобождать казачьи районы Краснодарского края и Ростовской области.

Через зафронтовых агентов была добыта газета «Казачья дума», где было напечатано письмо белого генерала Н. Краснова под заголовком «Наше спасение – идти вместе с Германией» [6]. Бывший атаман Всевеликого войска Донского обращался к донцам, кубанцам и терцам с призывом создавать казачьи части, восстанавливать дореволюционное земледелие, избирать атаманов [3: 87]. В спецсообщении ОО НКВД ЮФ от 25 января 1943 г. отмечены и факты проведенной организационной работы штаба войска Донского, возглавляемого полковником С. Павловым. Он приказывал атаману Романовского района произвести регистрацию казачьих офицеров, добровольцев-казаков, желающих служить в германской армии. Предлагалось присвоить им чины по бывшей донской добровольческой или царской армии.

Как начиналось формирование казачьих частей, показал на допросе Д. Журавлев, бежавший из немецкого плена, после этого

проживавший в ст. Краснодонецкой и в начале февраля 1943 г. перешедший на сторону наших войск. По его словам, в последних числах ноября 1942 г. в станице состоялось собрание казаков. Выступил выбранный атаман, который призвал станичников добровольно вступать в подчиненные немецкому командованию казачьи части. Но на это откликнулось лишь четыре человека, ранее служившие в белых армиях, запись провалилась. Не возымели должного эффекта и пропагандистские беседы с молодежью казаков старшего поколения. И только после команды местного немецкого коменданта и под угрозой возможных репрессий в «казацкий отряд» записалось 210 станичников призывного возраста (1893–1923 гг. рождения). Однако на военные занятия явилось не более 40–50 человек [4: 100].

В декабре 1942 г. в Новочеркасске состоялось торжественное собрание, положившее начало так называемому «возрождению Донского казачества». На собрание пригласили уже избранных атаманов, обер-атаманов и их помощников из донских станиц и хуторов. По данным перебежавшего на сторону Красной армии казака М. Горбатова, это собрание официально именовалось «Съездом казачества Донского округа» [3: 88]. Перебежчик сообщил, что, кроме Павлова, в штаб входили: его помощник войсковой старшина П. Духопельников, сотник А. Сюсюкин и «атаман станицы Новочеркасской» А. Кумшанский. Эти лица разъезжали по станицам и произносили агитационные речи, объясняя, что записавшимся в казачьи части вермахта сохраняют дореволюционную форму одежды, обещая соблюдение традиций, а также денежное и продовольственное снабжение наравне с немецкими солдатами. Записывать в части предлагалось всех лиц мужского пола от 18 до 50 лет, планировалось набрать около 200 человек.

Чекисты установили: записавшихся добровольцев в Семикаракорском районе было 34 человека; в ст. Задоно-Кагальницкой – 10; в хуторах Романовского района – 50; в х. Красный Яр – 47; в х. Большом – 24 человека. Всего записалось рядовых – 175; урядников – 6; старших урядников – 3; вахмистров – 4; подхорунжих – 7; сотников и есаулов – 2 [3: 89]. Немецкое командование считало «казаков-добровольцев» недостаточно надежными, и поэтому на 9 января 1943 г. отмечено участие лишь отряда «донских казаков в 300 сабель» в боевых действиях против войск 2-й гвардейской армии в районе ст. Мелиховской. Чекистская агентура выяснила:

в майкопском лагере военнопленных распространяется слух, что сформированный немцами в Майкопе «казацкий полк» из военнопленных, направленный на фронт в район реки Терек, в полном составе перешел на сторону Красной армии. Подтвердить эту информацию тогда контрразведчики не смогли. Но ОО НКВД 5-й танковой армии зафиксировал факт перехода на нашу сторону 12 человек с оружием в руках из так называемой пластунской сотни (всего 150 человек), набранной из жителей поселка шахты № 8 неким атаманом Рыковским [4: 100].

Основываясь на ранее добытых сведениях об обстановке в германских казачьих частях и понимая, что далеко не все местные казаки готовы добровольно служить оккупантам, 6-е (зафронтовое) отделение ОО НКВД ЮФ решило начать активную работу по разложению уже созданных немцами частей. Для концентрации всех материалов и выработки единых планов действий армейских органов госбезопасности 3 марта 1943 г. было заведено агентурное дело «Донцы», работа по которому продолжалась до 9 апреля 1944 г. [1: 1]. Среди собранных материалов по «бело-казакам» были и материалы, полученные оперативной группой ОО НКВД 2-й горно-минно-инженерной бригады 5 февраля 1943 г. при занятии нашими частями с. Стефанидинодар в Азовском районе Ростовской области [3: 105]. Тогда опергруппой при задержании был убит начальник штаба формирования казачьих войск Терека и Кубани есаул Н. Вольтер. Он и еще пять человек пытались скрыться бегством по льду в направлении Таганрога. Всю группу в итоге ликвидировали и обнаружили при осмотре трупов ряд документов: инструкцию офицера по поручениям штаба казачьих войск формирований Терека и Кубани на 18 листах, краткую историю казачьего войска на 9 листах, докладную записку Вольтера о делении казачьих войск на отделы и пункты их формирования, текст присяги казачества, перечень вопросов, подлежащих обсуждению на съезде атаманов и с ответственным за формирование немецким майором Беке, сводка о движении казачьих отрядов совместно с германскими войсками, список офицеров штаба, личные документы Вольтера, его фотографии, а также разная переписка [3: 106]. Все захваченные материалы активно использовали в зафронтовой работе по «казачьей линии».

Накопленные материалы, включая и документы Вольтера, составили основу дела «Донцы». Постановление о заведении дела и план

работы по нему утвердил начальник фронтового ОО комиссар госбезопасности 3-го ранга Н.Н. Селивановский. А работой по делу «Донцы» весь период руководил капитан госбезопасности Иван Григорьевич Зверев, ставший во главе небольшой группы оперработников. Это был достаточно опытный контрразведчик, награжденный орденами Отечественной войны I и II степеней, орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Одессы», «За отвагу», «За оборону Сталинграда». Он имел незаконченное (в связи с направлением по партийной мобилизации на работу в органы госбезопасности в 1939 г.) высшее образование по специальности «журналистика». В одной из аттестаций Зверева говорилось, что за время работы в 6-м (зафронтовом) отделении он провел большую работу по отбору агентов для направления в тыл к немцам и они за добычу особо ценной информации были представлены ОО НКВД ЮЗФ к правительственным наградам.

О заведении зафронтового агентурного дела «Донцы» было проинформировано руководство созданного 19 апреля 1943 г. Главного управления контрразведки Смерш НКО СССР. Заместитель начальника данного главка, отвечавший за зафронтовую работу, комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Яковлевич Мешик дал указание сделать упор на разложение казачьих формирований, обеспечение перехода казаков на сторону Красной армии.

О первых шагах по делу «Донцы» уже 20 марта 1943 г. контрразведчики ЮФ проинформировали Военный совет, а также Управление особых отделов НКВД СССР. В поселке Глубоком Ростовской области чекисты вскрыли и арестовали группу из четырех человек – военнослужащих казачьей сотни при немецком коменданте Шестлере. Сотня участвовала в облавах на партизан и подпольщиков, конвоировала советских военнопленных в лагеря. За эту предательскую работу они получали ежемесячно 24 марки, по 2 сигареты в сутки, 100 грамм водки в день и бесплатное питание, а при наступлении частей Красной армии занимали оборону в Глубоком. Немецкий комендант, понимая, что удержаться не удастся, приказал нескольким казакам из сотни остаться в освобожденном Глубоком для разведывательно-диверсионной работы. Сведения об этой группе военные контрразведчики незамедлительно передали чекистам из Глубокинского райотдела НКВД. В результате всю группу диверсантов арестовали [4: 133].

По указаниям из Москвы в тыл врага было направлено пять агентов военных контрразведчиков 2-й гвардейской армии. Они организовали переход 26 казаков-добровольцев и продолжили свою работу. Обработанные нашей агентурой казаки провели диверсионные акции, уничтожили несколько складов вермахта с оружием и боеприпасами, готовили ликвидацию прикомандированных немецких офицеров и солдат [1: 7].

Кстати говоря, в указанных зафронтовых действиях некоторое участие принимал старший оперуполномоченный ОО 387-й стрелковой дивизии старший лейтенант госбезопасности Семен Кузьмич Цвигун – будущий первый заместитель председателя КГБ СССР. В частности, он участвовал в разработке плана зафронтовой агентурной комбинации по внедрению наших секретных сотрудников в так называемую «Зверевскую казачью сотню», на базе которой готовились диверсионные группы для заброски в тыл Красной армии. Эта сотня была сформирована немецкой разведкой, ее абвергруппой-201, в феврале 1943 г. в поселке Зверево Ростовской области. Ее номинальными командирами являлись бывший есаул Земляков, а затем Кондратьев. Через внедренного зафронтового агента Управления контрразведки Смерш ЮФ деятельность диверсантов «Зверевской сотни» удалось во многом парализовать.

Еще одним зафронтовым агентом по «казацкой линии» у армейских чекистов являлся уроженец Ростовской области «М», полная фамилия его автору известна, но пока огласить ее нельзя. Именно он, выполняя задание, собрал и предал органам Смерша установочные данные на 223 казаков – добровольцев вермахта, что потом активно использовалось в работе по их выявлению и задержанию при проведении розыскной работы по коллаборационистам, а также по противодействию диверсионной абвергруппе-201 [1: 54].

Источники и литература

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Омской области (далее – АУФСБОО). Ф. 40. Оп. 27. Д. 30.
2. АУФСБОО. Ф. 40. Оп. 31. Д. 165.
3. АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 147.
4. АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 153.
5. Военный контрразведчик Н.Н. Селивановский. М., 2023.
6. Казачья дума. Орган районного станичного правления Романовского района. 1942. 3 ноября.

Н.В. Греков**РАБОТА КОНТРРАЗВЕДКИ ЮЖНОГО ФРОНТА (1943 г.) ПО
ВЫЯВЛЕНИЮ И ЛИКВИДАЦИИ АГЕНТУРЫ ПРОТИВНИКА**

Южный фронт к апрелю 1943 г. представлял собой крупное объединение войск. В него входили одна ударная, две гвардейские, две общевойсковые и одна воздушная армии. По состоянию на 1 апреля 1943 г. в частях и соединениях фронта действовали 111 особых отделов НКВД общей численностью 1876 человек, в том числе 227 старших оперуполномоченных, 532 оперуполномоченных и 117 следователей [2: 16].

Главной задачей военной контрразведки (особых отделов НКВД, с 19 апреля 1943 г. – органов контрразведки Смерш Народного комиссариата обороны) была борьба с разведывательной и диверсионной агентурой противника. Кроме того, органы военной контрразведки выполняли широкий круг обязанностей. Они должны были вести борьбу с дезертирством, предательством и изменой Родине, разоблачать и задерживать активных пособников оккупантов, пресекать деятельность «антисоветчиков», бандитов, членовредителей, трусов и паникеров, лиц, высказывавших террористические намерения, и т.д. Например, в апреле 1943 г. «шпионы» (так в документах Смерша) составили 7 % общей массы арестованных контрразведкой Южного фронта, для сравнения доля дезертиров была 19,4 % [2: 31]. В июне «шпионов и диверсантов» было 8 % от всех арестованных, в сентябре – 8,7 % [2: 65, 95]. Арестованных за шпионаж было относительно немного: 43 человека – в апреле, 29 – в июне, 31 – в июле, 29 – в августе и 43 – в сентябре [2: 140, 147]. Следует отметить, что такая ситуация не была специфичной для Южного фронта. Рядом – на Юго-Западном фронте – складывалась та же картина. В общей массе перешедших на сторону противника военнослужащих Красной армии, арестованных в сентябре – ноябре 1943 г. органами Смерша Юго-Западного (3-го Украинского) фронта, агенты противника составили 8,7 % (48 человек) [1: 15].

В целом доля арестованных по обвинению в «шпионаже» не превышала 9 %. Каждый случай захвата агентуры противника был крайне ценен, и контрразведка готова была использовать любые средства. Так, по показаниям разоблаченного агента-парашютиста

Цхададзе, в ночь на 31 июля 1943 г. в районе Таганрога немецкая разведка намечала переброску на советскую территорию четырех своих агентов. Для их задержания Смерш привлек более 400 солдат и офицеров, со стороны моря было выставлено 70 постов, кроме того, непосредственно в прибрежных водах противника поджидала целая эскадра из 40 катеров [2: 106].

Борьба с разведкой противника всегда оставалась приоритетной задачей военной контрразведки. Ее выполнение требовало огромных усилий одновременно по многим направлениям. Прежде всего, необходимо было определить и изучить своего непосредственного противника – разведывательные, контрразведывательные и диверсионные органы, действовавшие против войск Южного фронта. Для этого нужно было их выявить, организовать постоянное отслеживание их дислокации, смены личного состава и методов работы. С этой целью особые отделы НКВД (органы Смерша) вели зафронттовую работу, пытаясь внедрить своих агентов в спецслужбы противника. С августа 1942 г. по март 1943 г. особые отделы Сталинградского, а позже – Южного фронта перебросили в тыл противника 104 агента с контрразведывательными заданиями, в разведку противника внедрились 27. Второй источник сведений – задержанные либо добровольно явившиеся с повинной агенты противника. Агент-диверсант Морозов в ночь на 23 июля 1943 г. был сброшен с парашютом для подрыва железной дороги на участках Зверево – Черевково, Зверево – Шахты. 24 июля он явился с повинной. Морозов сообщил об организации немцами в пос. Мушкетово Сталинской области краткосрочных курсов по подготовке агентов-разведчиков для действий в тылу Красной армии на «короткую ходку» [2: 103]. Агент «группы Локкерта» Егоров, бывший полицейский г. Ростова-на-Дону, во время допросов в Смерше назвал фамилии официальных сотрудников германских разведорганов, располагавшихся в Таганроге и Сталино. Позже к этим источникам добавилась информация Центра о спецслужбах противника. Все три канала дополняли друг друга.

Опираясь на отрывочные сведения, сотрудники контрразведки добросовестно пытались выстроить схемы подчинения германских спецслужб, зоны их ответственности. Это было весьма не просто. Дело в том, что абвер (служба военной разведки и контрразведки Германии) периодически проводил реорганизацию своих

подразделений, менял их дислокацию, проводил ротацию руководящих кадров. Например, абвергруппа 101 с августа 1942 г. по февраль 1943 г. действовала на Северном Кавказе, в феврале 1943 г. была переведена в Таганрог, позже – в Запорожье, Мелитополь, Сталино и т.д. Всего с февраля 1943 г. по август 1944 г. абвергруппа 101 сменила 34 пункта дислокации. Разведорганы могли маскироваться под гражданские административные или коммерческие учреждения, штабы несуществующих частей вермахта и т.д. Получить сколько-нибудь ясную картину работающих против фронта спецслужб удавалось не всегда. Отдельно приходилось вести работу по выявлению подразделений румынской разведки.

В «Обзоре деятельности разведки противника на юге советско-германского фронта» по состоянию на 15 мая 1943 г. начальник 6-го отделения Управления контрразведки Смерш Южного фронта признавал, что предлагаемую им схему германских разведорганов «нельзя считать абсолютно точной», но она составлена на основании добытых материалов, а значит, может быть «весьма вероятной» [2: 52].

Судя по всему, советские спецслужбы скупно делились друг с другом информацией. Даже между разными уровнями внутри одной спецслужбы от центра к периферии данные шли медленно. Поэтому фронтовым органам контрразведки длительное время при оценке сил противника приходилось довольствоваться только самостоятельно добытыми, часто весьма скудными сведениями. Фронтовые органы путем долгих предположений и догадок устанавливали то, что уже давно было известно центру. По предположению Управления контрразведки Смерш Южного фронта, в мае 1943 г. абверкоманды 301 и 305 занимались контрразведкой, абверкоманды 201 и 202 – разведкой, а задачи команд 101 и 102 были в то время неясны [2: 52]. Между тем с весны 1941 г. разведывательные абверкоманды и подчиненные им абвергруппы обозначались цифрой «1», диверсионные – «2», контрразведывательные – «3». В июле 1942 г. абвер изменил нумерацию. Разведывательные команды и группы получили номера от 101 и выше, контрразведывательные – от 301 и выше, диверсионные – от 201 [4: 119]. Ничего этого фронтовая контрразведка даже в мае 1943 г. не знала, хотя обязана была противостоять этим разведорганам противника.

Ситуация изменилась через месяц. В «Обзоре деятельности разведки противника» по состоянию на 15 июня 1943 г. Смерш

называет разведорганы, работающие непосредственно против Южного фронта: абвергруппа 103, обслуживающая 1-ю танковую армию вермахта, и абвергруппа 106, обслуживающая 6-ю армию. Кроме того, контрразведка теперь знает, что противник в полосе фронта и на соседних участках задействует силы еще шести абверкоманд (101, 201, 203, 204, 303, 304) [2: 59].

Возможно, причиной такой осведомленности послужила помощь центра – Главного управления контрразведки (далее – ГУКР) Смерш. После этого работа наладилась. В «Обзоре» на 1 июля 1943 г. уже говорится о выдвижении разведорганов к линии фронта, указаны конкретные пункты дислокации шести абверкоманд. В большинстве случаев были известны улицы и номера домов, в которых располагались сотрудники и агенты. Например, абверкоманда 101 находилась в Сталино, Будёновском районе, на шахте «Капитальная», в клинике. Правда, сотрудники Смерша вынуждены были признать, что не успевают отследить перемещение новых разведорганов противника [2: 107].

Информация из месяца в месяц становилась всё более конкретной. В «Обзоре деятельности разведки противника на юге советско-германского фронта» по состоянию на 15 августа 1943 г. логично и последовательно, как в учебнике, изложена емкая информация о руководящих органах разведки противника (абверкомандах), о действующих против Южного фронта абвергруппах и их передовых пунктах (мельдекопфах). Смершу теперь были известны фамилии, звания начальников, их приметы и характеристики, адреса квартир, клички руководителей мельдекопфов и прочие крайне важные детали. Например, начальником абвергруппы 101 был капитан Гантер, немец лет 48–50, маленького роста, худощавый с энергичным лицом и кривыми ногами. Капитан «характер имеет нервный, раздражительный». Руководитель абвергруппы 201 – обер-лейтенант Шлегель и т.д. [2: 132]. В отдельных случаях указывалась численность сотрудников разведорганов, количество агентов, находящихся в его распоряжении, места вербовки и способы вербовки агентуры.

Изучение спецслужб противника позволяло контрразведке выявлять их планы, эффективно вести зафронттовую работу по нейтрализации агентуры уже на стадии ее подготовки. Кроме того, в ходе наступления войск фронта опергруппы органов Смерша получали

возможность быстро проводить захват сотрудников и документов разведывательных и контрразведывательных органов противника в местах их дислокации.

В комплексе задач, которые ставила немецкая разведка перед своей агентурой, направляемой в тылы Южного фронта, можно выделить общие и специальные. К первым относились выявление дислокации и передвижения воинских частей, перевозка техники и боеприпасов. Кроме того, в зависимости от интересов германского командования, агентуре поручалось установить степень готовности войск Южного фронта к химической обороне, наличие термитных снарядов, «прыгающих» мин, узнать о вероятности подготовки партизанских отрядов на Дону в случае вторичной оккупации этих районов [2: 59]. В июле 1943 г. разведка противника через свою агентуру пыталась выяснить номера авиационных частей, типы самолетов, обеспеченность советской авиации горючим и маслами, действие новых снарядов к 45-мм пушке и т.п. Германское начальство настойчиво требовало от своей агентуры искать доказательства якобы имевших место фактов применения войсками Южного фронта химического оружия [2: 108].

Выясняя цели абвера, Смерш проявлял инициативу. В июле – августе 1943 г. контрразведка Южного фронта с санкции ГУКР Смерш проводила агентурную комбинацию (радиоигру с германской разведкой) «Степь». Штабу «Валли» было передано шесть радиogramм. Смерш планировал получить от немцев задание по Ростову-на-Дону и Батайску, выяснить, что именно интересуется абвер [2: 105].

Сведения о целях и задачах германской разведки на Южном фронте органы контрразведки получали в ходе допросов захваченных агентов противника, в результате зафронтовой работы и при ознакомлении с соответствующими материалами ГУКР Смерш. Информацию о переброске агентуры противника черпали из тех же источников.

Захват агентов противника осуществлялся благодаря организации заградительной службы, прочесыванию местности, проверкам населенных пунктов, а также в результате активного целенаправленного розыска конкретных лиц. Так, из 184 агентов германской разведки, арестованных на Южном фронте в период с 1 января по 15 мая 1943 г., 140 человек (76 %) были задержаны на линии фронта, агентурным путем разоблачены 37 человек, 7 явились

с повинной [2: 11]. В августе 1943 г. из 29 немецких агентов на переднем крае обороны были захвачены 17, в тылу фронта – 11 и в воинской части – 1 [2: 2]. Подавляющее большинство агентов были задержаны благодаря заградслужбе. На первый взгляд, «обезличенный» метод может показаться главным и наиболее результативным. Однако задержанная таким способом агентура, как правило, не имела серьезной подготовки, массово переправлялась на советскую сторону для решения простых задач.

Органы Смерша использовали также и «профилактические меры» по борьбе с агентурой противника. Одной из таких мер являлось удаление «подозрительных лиц» из мест, представляющих интерес для разведки, прежде всего – штабов. В июле 1943 г., по информации Смерша, из штабов частей и соединений, находившихся на переднем крае, были отчислены 34 офицера. В частности, был удален начальник штаба одной из армий, полковник. Основанием стало то обстоятельство, что в 1941 г. он был в окружении, кроме того, «с работой не справлялся», собрал вокруг себя «политически сомнительных лиц». Был удален майор, заместитель начальника оперотдела штаба армии, поскольку в 1941 г. он трижды был в окружении [2: 84]. В октябре – ноябре 1943 г. из органов управления и связи Южного (4-го Украинского) фронта были отчислены еще 40 человек [3: 461]. Эти меры могут показаться примером чудовищной несправедливости в духе того времени. Безусловно, по отношению ко многим, а может быть, и ко всем этим людям подобное унижение было незаслуженным. Между тем хорошо известно, что для абвера наиболее ценными были агенты из числа советских командиров. Органы Смерша Южного фронта разоблачили агента абвера офицера Н. Трофименко, который пытался проникнуть в одну из частей 2-й гвардейской армии. В сентябре – декабре 1943 г. органы Смерша 3-го Белорусского фронта выявили 39 офицеров, ставших агентами противника [3: 433]. Нельзя дать однозначную оценку «профилактическим» мерам. Скорее следует признать, что это была вынужденная необходимость.

Вопреки распространенному мнению, агента, осужденного военным трибуналом за шпионаж во время войны, далеко не всегда ждал расстрел. Многое зависело от обстоятельств и степени вины конкретного человека. Так, в апреле 1943 г. из 14 осужденных военными трибуналами Южного фронта за шпионаж к высшей мере

были приговорены два человека, остальные получили наказание в виде длительных сроков лишения свободы [2: 31]. В июне 1943 г. судом военного трибунала к смертной казни были приговорены 11 из 19 осужденных, в сентябре – 6 из 17 [2: 65, 167].

Об эффективности борьбы с разведкой противника судить можно только по косвенным сведениям общего характера. Согласно опубликованным оценкам, в период с 1942 по 1944 г. несмотря на то, что масса агентов попадала в руки советских органов, абвер постоянно располагал 500–800 агентами в советском тылу [3: 378]. Чтобы победить спецслужбы государства, необходимо полностью уничтожить его политическую и военную структуры, заставить его капитулировать. До этого борьба спецслужб неизбежно представляет собой череду побед и поражений. В ходе войны органы Смерша сумели разрушить многие замыслы противника, обесценив его усилия.

Источники и литература

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Омской области (далее – Архив УФСБ России по Омской области). Ф. 40. Оп. 26. Д. 5.
2. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 29.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013.
4. Смерш: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003.

Д.В. Кузнецов

ИЗ ИСТОРИИ РОЗЫСКА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ ПРЕДАТЕЛЕЙ И ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ, ПОСОБНИКОВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ: ДЕЛО А.Г. ДИНКЕЛЯ – И.А. ПОНОМАРЁВА

В 2024–2025 гг. в рамках федерального проекта «Без срока давности» Управление ФСБ России по Донецкой Народной Республике рассекретило документы о работе оккупационных карательных органов немецко-фашистских захватчиков, занимавшихся истреблением советских граждан на территории Донбасса в период 1941–1943 гг. Информация об этом была размещена на различных

отечественных информационных ресурсах в глобальной сети Интернет (ТАСС, РИА Новости, «Российская газета», «Комсомольская правда», «Известия», Lenta.ru и др.) [9].

В апреле 2025 г., в преддверии 80-летия Великой Победы, на сайте Информационного агентства России ТАСС впервые были опубликованы уникальные рассекреченные материалы, в том числе видеоролики, снятые оператором КГБ в послевоенный период. На них каратели признаются в своих преступлениях, совершённых на территории Донбасса в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [1; 4].

Согласно материалам, с самого начала вторжения в Донбасс немецко-фашистские захватчики создали на оккупированных территориях особые карательные органы, истреблявшие коммунистов, партизан и мирных граждан, а активными участниками проведения такой карательной деятельности являлись Александр Густавович Динкель и Иван Андреевич Пономарёв. Первый возглавлял карательную деятельность полиции на оккупированных территориях и руководил ею, а также отдавал приказы Ивану Пономарёву, Петру Сирику и другим своим подчиненным об арестах и расстрелах советских граждан. При этом он лично принимал участие в зверствах нацистов [5; 11].

Первые шаги в рамках расследования по делу в отношении А.Г. Динкеля и И.А. Пономарёва относятся к началу 1970-х гг. Всё началось с того, что в 1971 г. решил совершить поездку в СССР гражданин ФРГ. Спустя некоторое время немец получил визу и вскоре прибыл в Советский Союз. 1 июня 1972 г. во время визита в г. Златоуст Челябинской области, куда гражданин ФРГ приехал навестить свою бывшую жену и общего ребенка, с которыми он незадолго до своего приезда вступил в переписку, он был задержан сотрудниками органов государственной безопасности СССР [10]. Как оказалось, это был тот самый Александр Густавович Динкель, который в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., будучи пособником немецко-фашистских оккупантов, принимал активное участие в карательной деятельности в отношении советских граждан на оккупированной территории Донбасса.

Александр Густавович Динкель, 1909 г. рождения, немец по происхождению, уроженец х. Ново-Ивановка Барвенковского района Харьковской области, до Великой Отечественной войны работал

бухгалтером в колхозе имени Карла Маркса в с. Ново-Бахметьево Александровского района Донецкой области Украинской ССР. Был женат, имел несколько детей. В 1936 г. был приговорен к двум годам лишения свободы за хулиганство.

В 1941 г., с началом Великой Отечественной войны, А.Г. Динкель был мобилизован в трудовую армию в числе других немцев-колонистов, однако ушел домой в Ново-Бахметьево и вскоре после прихода в Донбасс немецко-фашистских оккупантов решил податься к ним на службу, работал сначала переводчиком сельхозкомендатуры, комендатуры и жандармерии, затем – начальником особого отдела Александровской районной полиции и, наконец, начальником Александровской районной полиции.

На допросах в органах государственной безопасности А.Г. Динкель выдавал буквально всех, кого знал по совместной службе, в интересах нацистской Германии, очевидно, надеясь на снисхождение. В результате благодаря полученной информации достаточно быстро удалось выйти на подручного Александра Густавовича Динкеля – Ивана Андреевича Пономарёва, который, как выяснилось, проживал на территории Амурской области.

Следствие, которое проводили сотрудники Управления КГБ при Совете Министров УССР по Донецкой области, подробно выяснило все этапы службы А.Г. Динкеля и И.А. Пономарёва у немецко-фашистских оккупантов. Все эпизоды их службы были восстановлены в деталях.

А.Г. Динкелю удалось скрыться от правосудия сразу же после окончания войны в Европе. Он перебрался в Западную Германию и в 1948 г. стал гражданином ФРГ. Не имея приличного образования, устраивался по найму на сельскохозяйственные работы. Женился еще раз: в 1951 г. зарегистрировал брак с гражданкой ФРГ, с которой проживал в г. Ветцларе на Лане (земля Хессен). В 1963 г. он получил статус пенсионера по инвалидности. В 1971 г., уже будучи гражданином ФРГ, А.Г. Динкель решил навестить своего сына от первого брака, который жил в Советском Союзе. По прибытии был арестован органами государственной безопасности СССР [6; 8].

Важно подчеркнуть, что непосредственное участие в расследовании уголовного дела в отношении А.Г. Динкеля и И.А. Пономарёва принимали и чекисты Приамурья, и в первую очередь – сотрудник

Управления КГБ при Совете Министров СССР по Амурской области Владимир Антонович Семёнов (скончался в 2020 г.).

Именно чекисты Приамурья разыскивали одного из фигурантов этого уголовного дела – И.А. Пономарёва, который с 1947 г. работал в системе предприятий «Дальвостокуголь», был одним из передовиков производства, победителем социалистического соревнования и даже имел награды за успехи в труде, в том числе медаль «За трудовую доблесть» [2].

Действительно, арестованный в Приамурье И.А. Пономарёв был на хорошем счету в Райчихинске – имел награды за безупречный труд, награждался путевками в ведомственные санатории, его приводили в пример молодежи. При этом даже его семья не знала, что в начале Великой Отечественной войны после того, как он попал в немецкий плен, спустя некоторое время он перешел на сторону врага.

Ради справедливости, однако, важно подчеркнуть, что в отличие от А.Г. Динкеля И.А. Пономарёв всё-таки успел повоевать с немцами. Он оказался в действующей армии в первый же день войны. Еще в мае 1941 г. его, женатого человека, отца двоих детей и работника одного из краматорских заводов, призвали на 45-дневные военные сборы. В боях под Богуславом его часть оказалась в окружении, И.А. Пономарёв попал в плен. Несколько раз бежал и спустя какое-то время решил вернуться домой к семье, притаиться и попытаться жить при новой власти.

Вскоре на него обратили внимание местные полицейские, и поначалу И.А. Пономарёв категорически отказывался идти на службу к немецко-фашистским оккупантам. Он забрал свою семью и переехал к матери в небольшую тихую деревню. Однако его нашли и там. Полицейскому руководству кто-то донес, что до войны видели его в отряде содействия милиции.

В результате И.А. Пономарёва поставили перед выбором, угрожая его семье. Поскольку деваться было некуда, он принял решение поступить на службу во вспомогательную полицию. Ему выдали оружие, боеприпасы, обмундирование, зарплату. Спустя несколько дней полицейский И.А. Пономарёв уже нес патрульную службу на улицах Александровки. Чуть позже его, как и многих других полицейских из числа местных жителей, повязали кровью. Сломленный И.А. Пономарёв по приказу А.Г. Динкеля расстрелял одного

из задержанных сельчан, причем стрелял ему в спину. Так и проходила служба И.А. Пономарёва в Александровской районной полиции до того момента, как в 1943 г. он бежал на Запад вместе с отступающими немецко-фашистскими войсками.

После ареста в Райчихинске И.А. Пономарёв был этапирован в Донецк, где его уже ждал бывший начальник Александровской районной полиции А.Г. Динкель и другие каратели.

Как выяснилось в ходе следствия, во время освобождения Донбасса от немецко-фашистской оккупации пособники бежали вместе с немцами на Запад. И.А. Пономарёв оказался в оккупированной Франции, где служил в немецких частях. Какое-то время ему довелось охранять военные объекты, а позже работать на строительстве оборонительных сооружений.

В марте 1945 г., после прихода англо-американских войск, И.А. Пономарёв оказался в плену у союзников. В фильтрационном лагере он сумел получить статус советского военнопленного. Его передали советской стороне, однако и здесь прошлое карателя не вызвало подозрений у проверяющих [2]. Пользуясь послевоенной неразберихой, И.А. Пономарёв скрыл свою службу у немецко-фашистских оккупантов в Донбассе, и в результате, как и многих так называемых власовцев, его отправили на спецпоселение сроком на шесть лет на Дальний Восток СССР – в г. Райчихинск Амурской области, где он несколько лет работал в Райчихинском железнодорожном депо. Здесь, в Райчихинске, И.А. Пономарёв остался жить после окончания шестилетнего срока спецпоселения [7].

Судили А.Г. Динкеля и И.А. Пономарёва в 1973 г. по месту совершения преступлений – в пос. Александровка Александровского района Донецкой области Украинской ССР. Приговором военного трибунала Краснознамённого Киевского военного округа от 13 июня 1973 г. А.Г. Динкель и И.А. Пономарёв по статье 56 Уголовного кодекса УССР были приговорены к высшей мере наказания – смертной казни. Они попытались обжаловать обвинительный приговор и вынесенное по нему решение. Попытки смягчить приговор, включая обращения посольства ФРГ в Москве в МИД СССР с ходатайством о помиловании, не увенчались успехом. Военная коллегия Верховного Суда СССР определением от 1 октября 1973 г. приговор в отношении А.Г. Динкеля и И.А. Пономарёва оставила без изменений.

Тем не менее супруге А.Г. Динкеля удалось добиться того, чтобы в его защиту выступил президент ФРГ Густав Хайнеман, сославшись на немецкое гражданство осужденного и отсутствие смертных приговоров в ФРГ. В ноте посольства ФРГ в Москве от 3 августа 1973 г. говорилось: «Господин Федеральный президент поддерживает просьбу г-жи Лины Динкель не приводить в исполнение смертный приговор, вынесенный Военным Трибуналом в Александрове ее мужу Александру Динкелю, поскольку в Федеративной Республике Германии смертная казнь не существует и г-н Динкель имеет также германское гражданство» [6].

На фоне того, что в мае 1973 г. прошел успешный визит генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева в ФРГ, портить налаженные не без труда советско-германские отношения не захотели. 5 марта 1974 г. Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил ходатайство осужденных о помиловании. На этом основании смертная казнь была заменена на 15 лет лишения свободы [3].

Источники и литература

1. В ДНР рассекретили документы о массовых убийствах нацистами в Донбассе // ТАСС. 10.12.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22624275> (дата обращения: 22.02.2026).

2. Ветеран госбезопасности Владимир Семёнов умер в Благовещенске. Во времена СССР он занимался расследованием тяжких преступлений // Дальневосточное информационное агентство «Порт Амур». 03.04.2020. URL: <https://portamur.ru/news/detail/veteran-gosbezopasnosti-vladimir-semenov-umer-v-blagoveschenske/> (дата обращения: 22.02.2026).

3. Война после Победы // Интернет-портал Gazeta-bam.ru. 03.04.2020. URL: <https://gazeta-bam.ru/news/media/2020/4/3/vojna-posle-pobedy/> (дата обращения: 22.02.2026).

4. Грищенко Н. Дела двух коллаборантов рассекретили в Донбассе // Родина. 10.12.2024. URL: <https://rodina-history.ru/2024/12/10/dela-dvuh-kollaborantov-rassekretili-v-donbasse.html> (дата обращения: 22.02.2026).

5. Грищенко Н. Рассекречены документы о зверствах немецких фашистов // Российская газета. 20.12.2024. URL: <https://rg.ru/2024/12/20/reg-ufo/rassekrecheny-dokumenty-o-zverstvah-nemeckih-fashistov.html> (дата обращения: 22.02.2026).

6. Журнов Е. «Лично расстрелял 7 человек». Почему помиловали безжалостного карателя // Коммерсантъ Власть. 11.11.2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2336483> (дата обращения: 22.02.2026).

7. Зверства нацистов в Донбассе. УФСБ по Донецкой Народной Республике рассекретило архивы // ТАСС. 29.04.2025. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/23786357> (дата обращения: 22.02.2026).

8. Москаленко В. ФСБ раскрыла архивы о преступлениях в Донбассе пособника нацистов Динкеля // Аргументы и факты. 29.04.2025. URL: <https://aif.ru/society/fsb-raskryla-arhivy-o-prestupleniyah-v-donbasse-posobnika-nacistov-dinkelya> (дата обращения: 22.02.2026).

9. Отраднов Р. ФСБ рассекретила документы о массовых убийствах в Донбассе в 1941–1943 годах // Российская газета. 10.12.2024. URL: <https://rg.ru/2024/12/10/fsb-rassekretila-dokumenty-o-prestupleniyah-fashistskih-karatelej-v-donbasse-v-vov.html> (дата обращения: 22.02.2026).

10. ФСБ рассекретила документы о преступлениях фашистов в Донбассе // РИА Новости. 10.12.2024. URL: <https://ria.ru/20241210/voyna-1988303726.html> (дата обращения: 22.02.2026).

11. Ходырев Ю. В Донбассе коллаборационист в 1943 году убил женщину на глазах дочерей // Аргументы и факты. 29.04.2025. URL: <https://aif.ru/society/history/v-donbasse-kollaboracionist-v-1943-godu-ubil-zhenshchinu-na-glazah-docherey> (дата обращения: 22.02.2026).

А.С. Саенко

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ О ГЕНОЦИДЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА НАЦИСТАМИ И ИХ ПОСОБНИКАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Одной из актуальных исследовательских проблем в отечественной науке является сохранение исторической памяти. Само понятие исторической памяти интерпретируется по-разному: как совокупность представлений о социальном прошлом, как опорные пункты массового сознания о прошлом, как минимальный набор образов исторических событий и исторических личностей [2: 180].

Формирование исторической памяти – сложный процесс. На него влияют разные факторы, связанные с государственной политикой, идеологией, ценностными установками, традициями, системой образования, деятельностью общественных организаций, средств массовой информации. Вопросы, касающиеся формирования

¹ Исследование проводилось в рамках научно-исследовательской работы по выполнению гранта Российского научного фонда (№ 25-18-00464).

исторической памяти, остаются и будут оставаться в поле междисциплинарных исследований историков, социологов, психологов, методистов, педагогов и других специалистов.

Поскольку данная тема находится в фокусе научных интересов разных специалистов, стоит обратить внимание на определение исторической памяти, которое дают ученые Московского педагогического государственного университета Л.С. Подымова и И.А. Горбенко в контексте психологии. Согласно их точке зрения, историческая память – это «системное образование, включающее не только процессы запоминания, сохранения, узнавания, забывания и воспроизведения информации, но и виды когнитивной активности: вербализации семантики образа, словесно-образного перевода, чувственно-эмоциональных переживаний» [4: 667].

Изучение исторической памяти молодежи – актуальная задача, поскольку это важнейший инструмент обеспечения безопасности государства и общества. Поэтому вопросам исторической памяти в Российской Федерации придается колоссальное значение.

Особое место в исторической памяти российских граждан занимает память о Великой Отечественной войне. Ее событиям уделяется внимание на самом высоком государственном уровне, в образовательной среде, мемориальной культуре. Такое отношение к этому периоду стало традиционным в нашем обществе и поддерживается десятилетиями.

Многие годы основной акцент в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне делался на прославлении боевых и трудовых подвигов, силе, мужестве советского народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В последние годы мы наблюдаем неуклонный рост интереса к семейной памяти. Результаты социологического исследования, проведенного автором статьи в 2021 г. в Донецкой Народной Республике, показывают, что молодежь чаще может вспомнить своих родственников – участников Великой Отечественной войны, чем назвать советских полководцев, Героев Советского Союза. Однако общий уровень исторической осведомленности о событиях Великой Отечественной войны у молодежи республики в 2021 г. оставался, на наш взгляд, недостаточно высоким. Об этом говорит то, что лишь половина опрошенных смогла назвать хотя бы одно крупное сражение Великой Отечественной войны.

В 2022 г. Донецкая Народная Республика стала субъектом Российской Федерации. С этого момента регион стал более интенсивно интегрироваться в российское пространство, в том числе через образовательные и просветительские проекты. Один из таких проектов – «Без срока давности», направленный на сохранение исторической памяти о геноциде советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны. Проект включает в себя ряд мероприятий, в которые вовлечены как школьники, так и студенты. Его реализация является чрезвычайно актуальной для Донбасса как региона, который в годы Великой Отечественной войны пережил оккупацию немецко-фашистскими захватчиками и сейчас продолжает испытывать на себе преступления украинских неонацистов. Многие специалисты проводят исторические параллели между этими событиями.

Посягая на безопасность национальных, этнических, расовых, религиозных групп и таким образом на безопасность всего человечества, геноцид представляет наибольшую общественную опасность среди всех запрещенных уголовным законом деяний [3: 5]. С 2020 г. в России начала формироваться концепция геноцида советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны. В 2024 г. Верховный суд ДНР признал военными преступлениями и преступлениями против человечности, геноцидом советского народа установленные и вновь выявленные преступления, совершённые немецко-фашистскими захватчиками на территории Сталинской области в годы Великой Отечественной войны [1: 85]. В связи с этим представляет интерес изучение восприятия молодежью республики темы геноцида советского народа. Для этого было проведено анонимное анкетирование 36 студентов исторического факультета Донецкого государственного университета в возрасте от 18 до 22 лет. Как видим, группа респондентов представляет собой аудиторию, которая выбрала историческую науку в качестве своего профессионального интереса.

Студентам было предложено ответить на шесть вопросов:

1. Как Вы понимаете, что такое «геноцид»?
2. Что Вы знаете о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны?
3. Назовите основные источники информации о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны.

4. Что будет, если люди забудут про геноцид или будут отрицать, что он был?

5. Что нужно сделать, чтобы геноцид никогда не повторился?

6. Знаете ли Вы о проекте «Без срока давности»? Если да, то как вы в нем участвуете?

Отвечая на первый вопрос, 13 человек написали, что связывают геноцид с уничтожением людей по расовому и национальному признаку; 10 указали, что геноцид – это уничтожение группы людей полностью или частично. Значительно меньшее количество респондентов отметило, что геноцид – это истребление народа, массовое убийство (по четыре человека), нарушение норм международного права (два человека), порабощение (один ответивший); два респондента указали абстрактно, что геноцид – это что-то плохое, ужасное.

Ответить на второй вопрос студентам оказалось сложнее. Здесь абсолютное большинство (22 человека) написали, что ничего не знают о геноциде советского народа, или указали, что «геноцид советского народа совершался нацистами и фашистами», назвав геноцид преступлением и жестокостью, что практически дублирует их ответы на первый вопрос. Чаще всего к жертвам геноцида опрошенные отнесли евреев, цыган и коммунистов (пять человек). Один опрошенный отметил, что геноцид – это уничтожение славян; еще один человек связал геноцид советского народа с холокостом. Такое же количество студентов (по одному ответившему) соотнесли геноцид советского народа с сожженными деревнями и лагерями смерти. Два респондента указали общее количество жертв геноцида советского народа – 13 млн человек.

Среди основных источников о геноциде советского народа респонденты называли: архивные документы, Интернет, воспоминания очевидцев, фильмы (чаще документальные, хронику), исторические исследования, фотографии и книги (рис. 1).

Абсолютное большинство опрошенных (23 человека) на вопрос о том, что будет, если люди забудут про геноцид или будут отрицать, что он был, ответили, что такая трагедия повторится в будущем. Семь человек не смогли дать точного ответа. Среди других ответов: забвение геноцида приведет к разрушению морали и нравственных устоев общества; люди не будут ценить историю; утратится связь поколений; будут новые конфликты; хаос.

Рис. 1. Источники знаний о геноциде советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны

Ответы на вопрос о том, какие меры нужно принимать для того, чтобы геноцид никогда не повторился, распределились следующим образом: 24 % – образовательная, воспитательная, просветительская деятельность; 20 % – сохранение истории и памяти о геноциде; 13 % – соблюдение прав человека; 13 % – предотвращение конфликтов; 6 % – уважение людей; 6 % – наказание преступников; 6 % – не знают; 4 % – совершенствование законодательства; 4 % – не убивать; 2 % – верить в Бога; 2 % – полностью оградиться от геноцида невозможно.

О проекте «Без срока давности» знают 16 из 36 опрошенных (44 %). Из них четверо принимали участие в мероприятиях проекта (Международный конкурс сочинений «Без срока давности», написание эссе).

Таким образом, можно сказать, что у молодежи Донецкой Народной Республики продолжается процесс формирования исторической памяти о геноциде советского народа нацистами и их

пособниками в годы Великой Отечественной войны. У студентов имеются фрагментарные представления о геноциде, но практически отсутствуют фактологические знания о нем. Следует обратить внимание на то, что самым эффективным инструментом противодействия геноциду сегодня молодежь считает систему образования. В этой связи важно активизировать работу по историческому просвещению подрастающего поколения, вовлекать студентов в мероприятия проекта «Без срока давности». Такая деятельность особенно важна для студентов исторических специальностей, которые планируют связать свою профессиональную деятельность с преподаванием. Эффективными инструментами считаем проведение лекций, встреч с приглашенными экспертами, просмотры и обсуждения фильмов по тематике проекта «Без срока давности».

По мере возможности (что особенно важно в условиях боевых действий) необходимо обратить внимание на музейный и мемориальный потенциал региона. В 2024 г. Российским военно-историческим обществом реконструирован мемориал шахты 4/4-бис, где нацистами и их пособниками были уничтожены 75 тыс. советских граждан. В 2026 г. в Донецке на месте Дулага-162, где содержались советские военнопленные, открылся музей героев подполья Донбасса. Интересные экспозиции, связанные с оккупационным периодом истории региона, представлены в Военно-историческом музее Великой Отечественной войны (отдел Донецкого республиканского краеведческого музея), Макеевском художественно-краеведческом музее и других. Такую работу необходимо проводить системно.

Источники и литература

1. Донбасс: преступления без срока давности (1941–1943): документальная экспозиция. Электронное издание сетевого распространения / Авт.-сост. А.С. Саенко. М., 2025.

2. Лыкова В.В. Историческая память в современной России: проблемы трансформации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 1-2 (3-4). С. 176–182.

3. Москалев Г.Л. Уголовная ответственность за геноцид (статья 357 УК РФ). Красноярск, 2017.

4. Подымова Л.С., Горбенко И.А. Содержание понятия «историческая память» в психологии: к проблеме исследования // XXVI Международная научная конференция «Цивилизация знаний: российские реалии» (г. Москва, апрель 2025 г.). М., 2025. С. 665–668.

Раздел 7

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ ПАМЯТИ, ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

А.К. Дудайти

ПОЛИТИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ЗАПАДНОМ ДИСКУРСЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕШАЮЩЕМ ВКЛАДЕ СССР

Рубеж 1980–1990-х гг. стал точкой, после которой переоценка Второй мировой войны в ряде стран Запада приобрела прямое политическое измерение и постепенно перешла из академических дискуссий в сферу внешней политики, публичной дипломатии, школьного образования и мемориальной культуры. В исследованиях, посвященных динамике исторической памяти, фиксируется рост попыток пересмотра итогов войны через реконфигурацию образов союзников и противников, а также через смещение акцентов в интерпретации причин, хода и результатов боевых действий, что особенно заметно по сюжетам, связанным с ролью СССР и послевоенным устройством Европы [4: 299–301].

В отечественной историографии и источниковедческой литературе выделяются устойчивые направления фальсификации, получившие распространение за пределами России: продвижение тезиса о «превентивной войне» Германии против СССР, усиление нарратива о решающем вкладе США в разгром нацистской Германии, а также дискредитация освободительной миссии Красной армии в Восточной Европе [1; 2]. Характерный признак подобных трактовок – опора на пропагандистские конструкции военного периода и их последующее воспроизведение в послевоенных публикациях, затем в массовых интерпретациях и медийных материалах, где советская сторона нередко выводится из позиции главной жертвы и главной ударной силы антигитлеровской коалиции в Европе [6: 48–49].

Для анализа последствий политизации памяти необходима опора на сопоставимые демографические оценки потерь, поскольку масштаб человеческих жертв СССР определял не только цену

Победы, но и место советского опыта войны в коллективной памяти. В научных расчетах, основанных на методе избыточной смертности и данных экспертных демографических комиссий, нижняя граница избыточных военных смертей оценивается на уровне 26,6 млн человек, при этом общий объем фактических смертей на советской территории за период июля 1941 г. – июня 1945 г. в расчетах достигает порядка 42,7 млн человек, что является верхним пределом демографической убыли, связанной с войной [8: 939].

Демографическая цена сопровождалась решающей нагрузкой на Восточном фронте, где Германия несла основную долю потерь сухопутных войск, а исход войны в Европе определялся прежде всего столкновением вермахта с Красной армией и советской экономикой военного времени. В профильных справочных материалах подчеркивается, что значительная часть германских потерь пришлась на боевые действия против СССР, а британская политическая риторика периода войны содержала признание критической роли советского сопротивления для перспектив общей победы антигитлеровской коалиции [11].

Западный политический дискурс последних лет демонстрирует тенденцию к институционализации «правильной» памяти через документы, ориентированные на школы, публичные пространства и культурные практики. Показательный пример связан с резолюцией Европейского парламента от 19 сентября 2019 г., в которой война в Европе формулируется как «непосредственный результат» пакта Молотова-Риббентропа и секретных протоколов, а на уровне оценочных конструкций в один ряд ставятся «нацистский» и «коммунистический» режимы. Это сопровождается призывами к «принципиальной оценке» действий СССР, включению истории «тоталитарных режимов» в учебные программы и школьные учебники, ограничению символики, а также устранению из публичных пространств памятников, которые трактуются как «прославляющие тоталитарные режимы» и ведущие к «искажению исторических фактов» о последствиях войны [9].

Переход установок памяти в образовательную и медийную сферы коррелирует с представлениями массовой аудитории о том, кто внес наибольший вклад в разгром Германии. В материалах сравнительного опроса, проведенного в Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании и США в апреле 2025 г., ответы на вопрос о стране, внесшей наибольший вклад в поражение Германии, показывают

доминирование версии о первенстве США (например, 52 % в США и 51 % в Италии), при существенно меньшей доле ответов в пользу Советского Союза (17 % в Великобритании, 22 % во Франции, 28 % в Германии, 23 % в Италии, 25 % в Испании, 18 % в США) [12].

Мемориальная культура в странах Восточной Европы всё чаще регулируется административными и правовыми решениями, где память о войне отделяется от памяти об освобождении и связывается с понятием «оккупации». В Эстонии в августе 2022 г. власти провели демонтаж советского танка-памятника в Нарве, объясняя этот шаг недопустимостью символов, создающих напряженность в общественном пространстве [7]. В Латвии законодательно был закреплён запрет на экспонирование объектов, «прославляющих» советский и нацистский режимы, с установлением механизма их демонтажа [10]. Параллельно в публичном поле обсуждался перечень объектов, подлежащих демонтажу, и приводилось политико-правовое обоснование таких решений [3].

Наиболее последовательно логика «двух агрессоров» и «коммунистической оккупации» оформляется в практиках «декоммунизации» и «войн памяти», затрагивающих памятники советским воинам-освободителям, топонимику, музейные экспозиции и школьные интерпретации. В исследованиях по Украине и Польше после 2014 г. показывается закрепление официального нарратива, в котором обе страны позиционируются как жертвы «двух агрессоров» во Второй мировой войне, а последующий период интерпретируется как «коммунистическая оккупация», вследствие чего историческая политика направляется на устранение «советского наследия» из публичного пространства, включая демонтаж мемориалов и трансформацию практик увековечения [5: 146–148].

Таким образом, политизация памяти о Второй мировой войне в ряде западных стран формирует цепочку последствий, затрагивающих сразу несколько уровней: официальные формулировки в документах, школьное обучение, музейно-мемориальные практики, а затем массовые представления о роли СССР в Победе. Приоритет получают интерпретации, в которых СССР исключается из числа главных воюющих сторон на европейском театре военных действий и утверждается положение о «равной ответственности» за начало войны, после чего логично запускаются кампании по демонтажу памятников и изменению символического ландшафта

городов. Западные политические элиты придают процессу характер целенаправленной исторической политики: нормативные тексты и рекомендации «по памяти» используются не как вспомогательный инструмент гуманитарного сотрудничества, а как механизм идеологической дисциплины, позволяющий выстраивать удобную картину прошлого, служащую задачам текущего дня. Под флагом борьбы с «тоталитаризмом» на практике часто продвигается выборочное осуждение, где нацизм и коммунизм уравниваются в морально-правовом регистре, а освобождение Европы Красной армией оттесняется на периферию, уступая место нарративу, выгодному для самооправдания и для консолидации Западного блока.

Политика памяти в западных странах всё заметнее превращается в средство внешнеполитического давления, поскольку ревизия интерпретаций войны облегчает легитимацию современных конфронтационных установок. Демонтаж памятников советским воинам и переименование объектов памяти выполняют не музейную функцию и не задачу «бережного обновления» мемориальной среды, а задачу вытеснения советского присутствия из публичного пространства, в том числе в странах, освобожденных от нацизма ценой огромных потерь Красной армии. В образовательной сфере подобная установка закрепляется через учебные трактовки, где ключевой сюжет войны смещается к западноевропейскому театру военных действий, а Восточный фронт преподносится как второстепенный фон, удобный для сокращенного пересказа. Опросы, фиксирующие доминирование версии о решающей роли США в разгроме Германии, выглядят прямым итогом системного воздействия школы, медиа и мемориальной политики, поскольку массовое представление складывается из повторяемых сюжетов, а многократное повторение в западной культурной индустрии давно стало фактором формирования «исторического здравого смысла» для широкой аудитории.

Возврат к источниковой базе, проверяемым демографическим оценкам и документам военного времени, а также активная работа архивов, музеев, библиотек и системы исторического образования способны удерживать представление о решающем вкладе СССР в разгром нацизма в поле научной добросовестности и общественной памяти. Наиболее действенной линией выступает документально подтверждаемая публичная история, где каждый тезис поддерживается фондовыми материалами, публикациями источников, статистикой

потерь, картографией операций и персональными свидетельствами, а не конъюнктурными формулами. Для отечественной гуманитарной среды важен и принципиальный вывод: западные «стандарты памяти» нередко обслуживают политическую целесообразность, поэтому научная и просветительская работа должна не подстраиваться под идеологические рамки, а методично возвращать разговор о войне к фактам, к документу и к масштабу решающего вклада СССР, без которого победа над нацизмом в Европе была бы невозможна.

Источники и литература

1. Дудайти А.К. Искажение памяти о Великой Отечественной войне в информационно-идеологическом противостоянии Грузии с Россией в постсоветский период // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2015. № 3. С. 40–44.

2. Дудайти А.К., Плиева З.Т. Отражение битвы за Кавказ (1942–1943 гг.) в отечественной и зарубежной (германской) историографии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2020. № 1. С. 45–52.

3. Кабмин Латвии вынес приговор 69 советским памятникам // Sputnik. Латвия. 14.07.2022. URL: <https://lv.sputniknews.ru/20220714/kabmin-latvii-vynes-prigovor-69-sovetskim-pamyatnikam-22239825.html> (дата обращения: 09.02.2026).

4. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № (4). С. 299–310.

5. Филёв М.В., Курганский А.А. Демонтаж памятников как ключевая часть процесса «декоммунизации» на Украине и в Польше после 2014 года // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 4. С. 146–161.

6. Хисамутдинова Р.Р. Фальсификация истории Великой Отечественной войны в зарубежной и отечественной историографии // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2019. № 4 (13). С. 48–55.

7. Estonia removes Soviet-era tank monument amid Russia tensions // The Guardian. 16.08.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/aug/16/estonia-removes-soviet-era-tank-monument-amid-russia-tensions-narva> (дата обращения: 07.02.2026).

8. Harrison M. Counting Soviet deaths in the Great Patriotic War: comment // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55. No. 6. P. 939–944.

9. Importance of European remembrance for the future of Europe. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)). URL: https://www.memoryandconscience.eu/wp-content/uploads/2019/09/TA-9-2019-0021_EN.pdf (дата обращения: 06.02.2026).

10. Par padomju un nacistisko režīmu slavinošu objektu eksponēšanas aizliegumu un to demontāžu Latvijas Republikas teritorijā. 22.06.2022. <https://likumi.lv/ta/id/333439> (дата обращения: 08.02.2026).

11. Sutton D. The Nazi-Soviet war, 1941–1945 // Australian War Memorial. URL: <https://www.awm.gov.au/articles/blog/nazi-soviet-war> (дата обращения: 06.02.2026).

12. YouGov Survey Results: VE Day topline compiled (Fieldwork: 3rd–16th April 2025). URL: https://ygo-assets-websites-editorial-emea.yougov.net/documents/VE_Day_toplines_compiled.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

И.Е. Татаринов

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ О СОБЫТИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА УКРАИНЕ: ГЕНЕЗИС И ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ¹

Сегодня мы наблюдаем масштабные сражения на новом конфронтационном поле – ментальном. Особую актуальность приобретает умение не только отстаивать историческую правду, подавать верные, убедительные интерпретации основных событий и своевременно пресекать попытки их сфальсифицировать, но и формировать устойчивую архитектуру исторической политики, о которую разбивались бы ставшие в последнее время системными попытки пересмотреть ключевые события мировой истории. Важно понимать, что историческая политика государств Восточной Европы и ряда других стран во многом строится на формировании и закреплении негативного образа России, выступая важным инструментом внутригосударственной консолидации социумов.

Актуальность обращения к исторической памяти и соответствующей государственной политике продиктована их важнейшей ролью в консолидации общества. Так, популяризация образа общего героического прошлого формирует самосознание этносов и социальных групп, объединяя их вокруг совместных проектов и укрепляя межнациональное единство страны. Историческая память выступает тем фундаментом, на котором выстраивается здание национальной идеологии и гражданской идентичности. Однако

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02675 «Российский исторический нарратив и политика памяти на Украине в 1990–2020-е гг.: проблемы интерпретации и концептуализации».

реализация этих функций возможна лишь при соблюдении исторической объективности и достоверности, без политически конъюнктурных интерпретаций и мифов. Типичным примером продуцирования исторической мифологии является Украина. С целью концептуально обосновать национально-культурную самобытность и собственную государственность, отличную от российской, Киев пускается в откровенное искажение и фальсификацию истории. В итоге попытки консолидировать чрезвычайно неоднородное украинское общество вокруг ложных символов и смыслов и сформировать особую коллективную идентичность оборачиваются полным провалом.

Одним из ключевых сюжетов, которым украинские фальсификаторы уделяют большое внимание, является Великая Отечественная война и интерпретация ее основных событий. Следует признать системность и последовательность исторической политики на Украине. Какой же путь прошла политика памяти в этой бывшей советской республике, обретшей в 1991 г. государственную независимость? При исследовании генезиса и ключевых трансформаций политики памяти на Украине в 1990–2020-е гг. как политического и историко-культурного феномена необходимо обращение, прежде всего, к хронологическому методу. Он позволяет изучить ключевые вехи украинской исторической политики в их последовательности. Выделяются несколько основных этапов, преимущественно связанных с периодом правления украинских президентов и ключевыми событиями 2010–2020-х гг., приведшими к радикализации политического курса.

На первом этапе, хронологически охватившем время президентства Леонида Кравчука – бывшего коммунистического функционера, ранее заведовавшего в ЦК Коммунистической партии Украины идеологией и пропагандой, а в 1991–1994 гг. занимавшего пост президента Украины, – обозначился тренд на отделение от советского прошлого и национализацию исторической памяти. В годы правления Кравчука началось формирование основ исторической политики с отчетливым политико-символическим дистанцированием от бывшего центра – Москвы – и от советских нарративов о братских народах и их совместном вкладе в героическую летопись единого государства. В плане освещения событий Великой Отечественной войны стала очевидной гиперболизация роли и вклада украинского народа в победу над нацизмом. Более того, местами, наряду с объективным изучением массового партизанского движения на Украине,

обозначился процесс внедрения нарративов о борьбе так называемого украинского националистического подполья против немецко-фашистских оккупантов. Весьма примечательны слова Л. Кравчука о том, что «у украинского народа нет своей истории» [5: 53]. На фоне этноцентризма в исторической политике Украины того периода начался процесс конструирования истории украинского народа и его идентичности на максимально отличной от советской/российской ценностно-символической и мировоззренческой базе. Примечательно, что в период президентства Л. Кравчука образ России также претерпевал значительные трансформации. Украину захлестнул вал публикаций в СМИ, научной и учебной литературе, где Российская Федерация предстала в качестве «тысячелетнего врага украинской государственности» и «гонителя украинской культуры... становлению которой мешала и продолжает мешать Россия» [2: 23].

Следующий период связан с двумя президентскими сроками Леонида Кучмы. Десятилетие его правления (1994 – январь 2005 г.) ознаменовалось продолжением системной политики по формированию истории и идентичности украинского народа. Его многовекторный и в целом компромиссный курс в исторической политике проявился в сочетании национального исторического нарратива с сохранением элементов советской символики и риторики. Подобные ориентиры в политике памяти были продиктованы необходимостью удержания электорального баланса между востоком и западом страны. Уже тогда четко обозначилась поляризация украинского общества по условной линии «Восток – Запад», причем этот раскол прослеживался не только в плане исторической памяти и культурно-ментальных различий, но и весьма ярко проявлялся в сфере электоральных предпочтений украинцев.

Отметим двойственность идейного наполнения украинской исторической политики в годы президентства Л. Кучмы. С одной стороны, можно было наблюдать проявление уважения к ветеранам Великой Отечественной войны и «неотрицание» советских нарративов, а с другой – всё более настойчиво шел процесс реабилитации видных деятелей украинского национализма, в годы войны отметившихся коллаборационизмом и военными преступлениями. Например, по линии Национальной академии наук Украины в научно-идеологический дискурс и информационное поле активно внедрялась мысль о необходимости примирения ветеранов Великой

Отечественной войны и ветеранов Организации украинских националистов – Украинской повстанческой армии (далее – ОУН-УПА)¹. К этой работе были подключены видные украинские ученые-историки и общественники. Заметим, что, несмотря на широко декларируемую многовекторность внешней и внутренней политики Л. Кучмы, межэлитное балансирование, а также бытовую русскоязычность самого президента, итогом его политики стал выход в 2003 г. книги с максимально символическим названием «Украина – не Россия», где сюжетам Великой Отечественной войны также нашлось место [3].

Значительно изменилась украинская историческая политика в годы президентства Виктора Ющенко (2005–2010 гг.). После его прихода к власти на волне так называемой «оранжевой революции», а по сути, в ходе первого переворота в Киеве на майдане Незалежности, происходит резкая активизация и радикализация исторической политики. Отметим усиление украинизации и попыток консолидации «украинской нации» вокруг новых героев и мифов, а также системную виктимизацию украинской истории, которые стали основными сюжетами его политики. Укажем также на попытки институционализации национального героического нарратива на государственном уровне. В частности, в июле 2005 г. по образцу действующих аналогичных структур в странах Восточной Европы, Балтии, Грузии, был создан Украинский институт национальной памяти (далее – УИНП) с целью наполнения политики памяти ложными сюжетами и смыслами, которые в конечном итоге привели бы к созданию условий, когда интеграция и кооперация с Россией станет невозможной, а в ментальном пространстве закрепятся антагонистические убеждения и образы по отношению к СССР / Российской Федерации.

Значительный резонанс вызвало присвоение звания Героя Украины лидерам ОУН-УПА С. Бандере и Р. Шухевичу. Процесс героизации ОУН-УПА как борцов за независимость, признание голода 1932–1933 гг. геноцидом украинского народа и массовое возведение по всей территории Украины соответствующих мест памяти, а также появление вала публикаций в СМИ и научном дискурсе на эти темы стали финалом правления Ющенко. Вся историческая политика реализовывалась в рамках концепции «национально-освободительной борьбы украинского народа».

¹ Экстремистские организации, запрещенные в Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014.

В 2010–2013 гг., в период президентства Виктора Януковича, историческая политика приобрела черты инертности. С одной стороны, виктимизация исторической памяти и героизация неоднозначных фигур истории Великой Отечественной войны, которые были заданы при Ющенко, при Януковиче в целом сохранялись. С другой – был заметен отход от радикального националистического вектора, особенно с учетом электоральной базы В. Януковича, ставшего президентом благодаря голосам с Востока и Юга Украины, где радикальные нарративы всегда вызывали отторжение. В годы его правления произошло частичное сворачивание наиболее одиозных элементов прошлой политики памяти, как, например, отмена присвоения звания героев Украины лидерам ОУН-УПА Бандере и Шухевичу. Возврат к многовекторной риторике стал для Януковича основным направлением исторической политики, что проявилось также в реанимации советских нарративов о Великой Отечественной войне и частичной приостановке кампании по героизации ОУН-УПА на общегосударственном уровне. Однако на Западной Украине практики глорификации националистов и их лидеров приобрели еще больший масштаб. Этот регион не принял историческую политику Януковича и саму личность президента, которого всячески демонизировали и обвиняли в пророссийской позиции. Более того, жители Запада Украины стали основной движущей силой во время вспыхнувшего в Киеве второго государственного переворота, получившего название «революция достоинства». В феврале 2014 г. Янукович бежал в Россию, а власть в Киеве захватили националисты.

С 2014 г. украинская политика памяти о событиях Великой Отечественной войны значительно радикализируется. Частью этой политики стали процессы декоммунизации и формирования агрессивных русофобских нарративных конструкций. Например, снос памятников Ленину ряд авторов назвал «одним из главных символов политических и культурных изменений, произошедших в Украине после 2014 г.» [1: 28]. Случился полный разрыв с советским прошлым, закрепленный на законодательном уровне в виде осуждения «преступного коммунистического режима». Стали массовыми запреты советской символики, факты уничтожения мест памяти, в том числе связанных с Великой Отечественной войной, переименования топонимов. На концептуальном уровне термин «Великая Отечественная война» системно вытесняется термином

«Вторая мировая война». Формулировка «освобождение Украины от немецко-фашистских захватчиков» замещается выражением «изгнание нацистских оккупантов», а День Победы 9 мая заменен на День памяти и примирения, отмечаемый 8 мая и посвященный погибшим во Второй мировой войне. Кроме того, члены ОУН-УПА получили признание на государственном уровне. 9 апреля 2015 г. Верховная Рада приняла закон, признавший их борцами за независимость Украины и уравнивший с ветеранами Великой Отечественной войны. А в декабре 2018 г. вышел закон, предоставляющий им статус участников боевых действий [4]. Сегодня на Украине сотрудничество оуновцев с Третьим рейхом не скрывается и оправдывается необходимостью достижения цели государственной независимости.

Таким образом, за 1990–2020-е гг. на Украине сформировалась и институционально оформилась весьма специфическая и чрезвычайно агрессивная историческая политика, основанная на мифологизированной украиноцентричной версии истории. На данный момент на Украине советские нарративы о Великой Отечественной войне полностью вытеснены из официального общественно-политического и научного дискурса. Какие-либо представления о совместной борьбе украинского народа против немецко-фашистских захватчиков делегитимизированы и полностью исключены из коммуникационного пространства. Нарратив о борьбе с «советской оккупацией» и «русской агрессией» получил окончательное закрепление и стал сегодня центральным элементом исторической политики Украины.

Источники и литература

1. Гайдай А.Ю., Любарец А.В. «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 2 (33). С. 28–41.
2. Козлов С.В. Региональные варианты исторической памяти постсоветской Украины // Ценности и смыслы. 2014. № 6 (34). С. 20–31.
3. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. М., 2003.
4. Порошенко подписал закон о признании боевиков ОУН-УПА участниками боевых действий // ТАСС. 23.12.2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5945452> (дата обращения: 07.03.2026).
5. Томайчук Л.В. Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3. С. 52–55.

О.Б. Пенькова**ПЕРВЫЙ ЭТАП ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1939 – ИЮНЬ 1941 г.) В СОВРЕМЕННЫХ
УКРАИНСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ**

В ходе современной идеологической и прямой военной агрессии Запада против нашей страны, начавшейся с государственного переворота в Киеве в 2014 г., бомбардировок городов и сёл восставшего против киевского режима Донбасса, и, как реакция на них, специальной военной операции, в состав Российской Федерации вернулись исконные русские территории. 30 сентября 2022 г. в состав РФ были включены четыре новых субъекта: Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области в границах 1991 г. На Украине население на государственном уровне подвергалось националистической, а с 2014 г. неонацистской пропаганде. Сейчас часть этих людей стала гражданами России. Процесс возвращения своих земель будет продолжаться и далее, что ставит перед руководством страны и обществом задачу их скорейшей и полной интеграции в российское социальное и политическое пространство. Решение этой задачи предполагает понимание степени деформации мировоззрения и исторической памяти жителей современной Украины, которые формируются через школьное обучение. Рассмотрим это на примере современных украинских школьных учебников истории, в которых излагаются события периода Второй мировой войны.

К различным аспектам этой проблемы обращался ряд отечественных исследователей. Необходимо выделить изданную в 2023 г. в Петрозаводске коллективную монографию «Вторая мировая война в школьных учебниках XX и XXI веков: уроки истории», содержащую исследования О.Ю. Репуховой [6] и О.В. Хаталах [8]. Тема современной украинской трактовки истории Великой Отечественной войны поднимается белорусским исследователем А.Д. Гронским [3]. Некоторые аспекты этой проблемы уже рассматривались автором данной статьи ранее [4].

Наша цель – на материалах современных украинских школьных учебников проанализировать современный украинский исторический нарратив, посвященный первому этапу Второй мировой войны (1939 – июнь 1941 г.). Для анализа были использованы учебники

истории Украины для 10 класса, рекомендованные Министерством образования и науки Украины, написанные четырьмя разными авторскими коллективами как для стандартного, так и для профильного уровней, изданные в 2018 г., затем дополненные и переизданные в 2023 г. на хорошей бумаге, в твердом переплете, с большим количеством иллюстраций, качественной цветной печатью. Все учебники издавались значительными тиражами (более 100 тыс. экземпляров).

Преобразование Украины в плацдарм для будущей агрессии против России началось задолго до киевского майдана. В годы президентства Л. Кучмы (1994–2005 гг.) в образовательном и медиапространстве произошел отказ от термина «Великая Отечественная война». Признавалось исключительно понятие «Вторая мировая война», в рамках которого рассматривалась «советско-немецкая война на территории Украины». Курс «Отечественная история» стал называться «История Украины». Изменилась и наполняемость этой дисциплины. При сохранении прежних часов в ее рамках преподавался только материал, непосредственно касающийся территории современного Украинского государства. Всё, что происходило за его пределами, автоматически было перемещено в курс всемирной истории. События истории Московского государства, Российской империи и СССР в крайне усеченном и фрагментарно избирательном виде перешли в курс всемирной истории. Дисциплина «История Украины» была искусственно раздута, исторический процесс трактовался украиноцентрично, через призму «тысячелетней украинской державности», с отказом от принципа историзма и научности. Обучение велось исключительно на украинском языке.

Раздел, который во всех учебниках назывался «Украина в годы Второй мировой войны», начинается с параграфа, посвященного началу Второй мировой войны, с пункта, знакомящего учащихся с так называемой «украинской картой» или «украинским вопросом». В учебнике, подготовленном А.В. Гисемом и А.А. Мартынюком, дается определение понятия «украинская карта»: это «комплекс проблем в международных отношениях, планах отдельных государств, вызванных нерешенностью “украинского вопроса” в предвоенной Европе» [1: 189]. В учебнике Е.И. Пометун и Н.Н. Гупана пункт параграфа называется «Украинский вопрос в международной политике накануне войны»; в нем говорится: «...накануне Второй мировой войны этнические украинские земли находились в составе пяти

государств, что стало одним из дестабилизирующих факторов политической жизни тогдашней Европы, превращая “украинский вопрос” в клубок противоречий в международных отношениях» [5: 194]. В сознании школьников формируется понимание исключительности и особой значимости Украины, и в условиях современной геополитической ситуации, и 90 лет назад. Утверждается, что Украина всегда была субъектной и ее всегда притесняли, особенно Россия. При этом грубо нарушается принцип историзма. Украина в 1939 г. позиционируется не как Украинская ССР – составная часть единого СССР, а как отдельный субъект международной политики, как «народ, борющийся за свою независимость» против «кровавого сталинского режима».

Причиной Второй мировой войны названо подписание пакта Молотова – Риббентропа. В учебнике Е.И. Пометун и Н.Н. Гупана указано, что А. Гитлер и И.В. Сталин, дав согласие на подписание пакта, по которому разделялась Польша, инициировали Вторую мировую войну. Советско-германский договор был ориентирован не на укрепление гарантий мира в Европе, а на удовлетворение геополитических интересов двух тоталитарных держав. Для Украины последствия этого документа были неоднозначными. С одной стороны, он способствовал единению ее земель, с другой – имел целью реализацию интересов «сталинского тоталитарного режима», стремившегося распространить свою власть на новые территории [5: 195]. В учебнике В.С. Власова и С.В. Кульчицкого указано, что прямым следствием подписания пакта стало нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г.: «Так началась Вторая мировая война – самая масштабная война в истории человечества. 17 сентября советские войска вошли на территорию Западной Украины. Пересечение Красной армией государственной границы Польши означало фактическое вступление СССР в войну на стороне нацистской Германии. Вскоре западные украинцы почувствовали весь ужас сталинского тоталитаризма с его репрессиями» [1: 197]. В учебнике, изданном в 2023 г. в Тернополе, написано: «Тайный протокол к пакту размежевал сферы территориальных интересов Германии и СССР в Центральной и Восточной Европе, чем нарушил территориальную целостность и суверенитет нескольких государств» [9: 233].

В учебнике, изданном в 2018 г. в Харькове, указано: «Пакт Молотова – Риббентропа открыл путь к развязыванию Второй мировой войны. Германия (1 сентября) и СССР (17 сентября) совершили

агрессию против Польши. Воспользовавшись поражением Польши, СССР захватил Западную Украину и Западную Белоруссию. Так уже с первого дня войны украинские земли стали театром боевых действий во Второй мировой войне, а украинцы – ее участниками» [2: 196]. В книге для дополнительного чтения, изданной во Львове, написано: «Вторую мировую войну СССР, начал на стороне фашистской Германии 17 сентября 1939 г. Он виновен в ее развязывании больше, чем сама Германия... В 1939 г. Москва возжелала не только Галичину, но все древнерусские земли, настойчиво доказывая, что она и есть Русь. Так, для украинцев Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г., т.к. сотни тысяч галичан и волянян находились в составе Войска Польского» [7: 268].

В учебнике Е.И. Пометун и Н.Н. Гупана дается объяснение, почему Красная армия вошла на территорию Западной Украины 17 сентября: «Советское руководство (учитывая договоренности с Гитлером, но выдержав паузу, чтобы Германия приобрела статус страны-агрессора) отдало приказ Красной армии перейти польскую границу и захватить территорию Западной Украины. Хотя СССР и вступил в войну с двухнедельным интервалом после Германии, он действовал на стороне нацистов как их союзник и соответственно тоже стал агрессором. Страна-агрессор по международному праву – это страна, первой применяющая вооруженную силу против другого государства, осуществляя тем самым агрессию» [5: 196]. В учебнике В.С. Власова и С.В. Кульчицкого говорится, что 22 сентября 1939 г. войска Украинского фронта во главе с маршалом С. Тимошенко вошли во Львов. Еще через неделю СССР оккупировал согласованные с Германией территории Польши. «Это вторжение советские пропагандисты называли “золотым сентябрем”. 22 сентября в Брест-Литовске в честь успешного завершения польской кампании состоялся совместный парад советских и немецких войск. Сотни тысяч солдат и офицеров украинского происхождения первые удары Второй мировой встретили в составе Войска Польского. В течение сентября 1939 г. в боях погибло около 8 тыс. украинцев – граждан Польши... В 1940 г. в соответствии с положениями пакта Риббентропа – Молотова, Сталин выдвинул ультиматум Румынии и без боя в июне захватил Бессарабию и Северную Буковину» [1: 199]. Советский Союз показывается как захватчик: «К СССР отошла территория в 200 тыс. кв. км с населением 13 млн человек в том

числе 5 млн поляков и более 1 млн евреев. После присоединения в 1939–1940 гг. западноукраинских земель, население УССР в июне 1941 г. выросло на 8,1 млн человек, то есть до 41 млн 657 тыс. человек, а территория – до 560 тыс. кв. км» [1: 201].

Ни в одном из учебников не упоминается ни Мюнхенский стговор 1938 г., ни другие агрессивные действия Германии в этот период, ни соглашательская политика ведущих стран Европы. Вообще международный контекст этих событий никак не освещается.

Во всех учебниках упоминаются достижения в сфере образования, здравоохранения, культуры, социальной сфере после вхождения украинских земель в состав СССР. Но при этом указывается, что они происходили в рамках насильственной советизации. В.С. Власов и С.В. Кульчицкий дают ее определение: «Советизация – силовое насаждение норм общественно-политической, экономической, культурной жизни, характерных для тоталитарного строя в Советском Союзе» [1: 204]. Отдельный пункт их учебника называется «Какие преступления совершала советская власть в Западной Украине». В нем говорится: «Население Западной Украины быстро поняло, какие истинные намерения маскировала советская власть под лозунгами воссоединения. Оперативные группы НКВД и пограничники осуществляли тотальные аресты. Для запугивания тех, кто был взят в плен, оперативные группы широко применяли расправы, выборочные расстрелы» [1: 206]. В учебнике Е.И. Пометун и Н.Н. Гупана указано: «Советская власть использовала в западноукраинских землях такой вид наказания, как депортация, то есть принудительное выселение людей, которые не разделяли политику правящего режима. За 1939–1940 гг. из Западной Украины вглубь СССР было депортировано 10 % населения края. Кроме того, многие люди по разным обвинениям были брошены в тюрьму» [5: 201]. В таком же духе преподносится материал в учебнике А.В. Гисема и А.А. Мартынюка: «Широкомасштабные репрессии украинского народа начались с декабря 1939 г., их осуществляли без суда и следствия. Самой распространенной формой стала депортация в Сибирь и Казахстан. Смертность среди депортированных составляла 16 %» [2: 195].

Обращает на себя внимание эмоциональный тон, в котором повествуется обо всем, что происходило на присоединенных землях, – он откровенно негативный. Авторы даже явные достижения и позитивные перемены умудряются очернять, видят в них либо

коварность и злой умысел советской власти, либо пишут, что чего-то не додали. Все учебники создают крайне отрицательный образ И.В. Сталина, пишут о его запредельной кровожадности и т.д. При этом негативных характеристик личности А. Гитлера не дается.

В результате изучения материала современных украинских школьных учебников, посвященного первому этапу Второй мировой войны (1939 – июнь 1941 г.), можно сделать вывод о том, что учащиеся не получают целостной, объективной картины рассматриваемого исторического периода, в частности, экономических, геополитических причин начала Второй мировой войны. Исходя из русофобских установок, украинские учебники целенаправленно искажают исторические события, навязывают лживые нарративы, где передергивание фактов прошлого, полуправда перерастают в откровенную фальсификацию, направленную на искажение исторической памяти и деформацию мировоззрения молодежи.

Источники и литература

1. Власов В.С., Кульчицкий С.В. Історія України (рівень стандарт): підручник для 10 класу закладів загальної освіти. Київ, 2018.
2. Гісем О.В., Мартинюк О.О. Історія України (рівень стандарт): підручник для 10 класу закладів загальної освіти. Харків, 2018.
3. Гронский А.Д. Украинский взгляд на Великую Отечественную войну через призму учебников истории // Тезисы докладов II Всероссийской научной конференции «Народы России на защите Отечества» (г. Элиста, 6–9 октября 2025 г.). Элиста, 2025. С. 80–83.
4. Пенькова О.Б. Современные украинские учебники: конструирование нарратива и искажение памяти о Великой Отечественной войне // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: историческая память и вызовы современности: сборник статей I-й Международной научно-практической конференции. М., 2024. С. 181–187.
5. Пометун О.І., Гулан Н.М. Історія України (рівень стандарту): підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти. Київ, 2018.
6. Репухова О.Ю. Вторая мировая война (до начала контрнаступления Красной Армии под Москвой 5 декабря 1941 года) в школьных учебниках истории Украины // Вторая мировая война в школьных учебниках XX и XXI веков: уроки истории Петрозаводск, 2023. С. 230–241.
7. Семенюк С. Правдива історія України-Русі. Львів, 2021.
8. Хаталах О.В. Изложение событий Второй мировой войны в учебниках Украины XX и XXI веков // Вторая мировая война в школьных учебниках XX и XXI веков: уроки истории. Петрозаводск, 2023. С. 242–261.

9. Хлібовська М.Є., Крижановська М.Є., Наумчук О.В. Історія України. Рівень стандарту: підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти. Тернопіль, 2023.

А.В. Аверьянов

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ УЧЕБНИКАХ: ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ, СМЫСЛЫ¹

Коллективная, историческая или приобретенная память, согласно М. Хальбваксу, является ключевым элементом идентичности и самосознания социума. В отличие от индивидуальной памяти, она представляет собой определенный конструкт, который складывается под воздействием внешних факторов [6]. В рамках концепции культурной памяти А. Ассман прошлое превращается в символические памятники (образы и фигуры), традиции и ритуалы (функциональная память), характеризующиеся регулярностью и повторяемостью [1]. На постсоветском пространстве образ Великой Отечественной войны выступает в качестве стержня, который формирует идентичность и скрепляет людей вне зависимости от места их проживания, является частью так называемой «народной памяти» или, согласно подходу П. Нора, одним из ключевых «мест памяти» – символическим элементом наследия национальной памяти [8]. Неслучайно именно события Второй мировой войны, а также Великой Отечественной войны как ее ключевой составляющей подвергаются попыткам ревизии не только в общественном и научном пространстве, но и на политическом уровне.

Важнейшую роль в формировании мест памяти – символов, которые увековечивают память об исторических событиях и личностях, играет школа. Она дает минимум базовых представлений об окружающем мире, в том числе о прошлом, который человек проносит через всю жизнь. Современные когнитивные технологии при определенных условиях позволяют переформатировать историческую память значительной части общества, что подтверждает ситуация на Украине и в ряде других государств. Они являются составной частью так называемой исторической политики или «политики памяти».

¹ Исследование выполнено в Южном федеральном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-02675).

Впервые это понятие было введено в оборот во Франции после Второй мировой войны для обозначения тесной взаимосвязи политики и способов интерпретаций прошлого. Главным теоретиком концепта политики памяти является Пьер Нора, вдохновитель и координатор многотомного исследования «Места памяти» [8]. В некоторых случаях политика памяти отождествляется с исторической политикой (*Geschichtspolitik*), трактовка которой была предложена в Германии в 1980-е гг. в рамках попыток западногерманского руководства пересмотреть концепт вины немецкого народа за преступления нацистской Германии в годы Второй мировой войны [3: 19–20]. Так называемый «спор историков» в ФРГ во второй половине 1980-х гг. положил начало пересмотру «Нюрнбергского консенсуса», являвшегося столпом глобальной памяти (*global memory*), в основе которой лежало представление об абсолютном зле в лице нацистской Германии [3: 23–25]. Он был заменен нарративом двух тоталитаризмов (Германии и СССР), в равной степени виновных в развязывании Второй мировой войны и несущих за нее ответственность [3: 58–62].

В контексте распада социалистической системы и СССР данные идеи получили широкое распространение в странах Восточной Европы, особенно в Польше. Вслед за Польшей приемы и методы исторической политики стали широко использоваться в других восточноевропейских странах, а также на постсоветском пространстве, в том числе в Прибалтике и на Украине. В основе концепции лежали принципы виктимизации сознания и концепт исторической травмы. На Украине политика памяти, или историческая политика, стала ключевым элементом формирования украинской идентичности, в основе которой лежал антироссийский исторический нарратив, спекулирующий такими терминами, как «голодомор», «геноцид», «оккупация» и т.д. Общее прошлое стало рассматриваться как экзистенциальная причина социально-экономических и политических проблем современной Украины.

Данный нарратив стал широко транслироваться при прямой государственной поддержке в научно-образовательном пространстве, в том числе в школьных учебниках, особенно после «оранжевой революции» и создания Украинского института национальной памяти.

Центральное место в исторической политике современной Украины занял сюжет, связанный с событиями Второй мировой войны, оценкой места в ней Советского Союза и позиционированием

в этих процессах самой Украины, которая рассматривается не только в отрыве от СССР, но и через призму противопоставления ему.

Из официального общественно-политического и научного дискурса и, как следствие, из школьных учебников был окончательно изъят сам концепт и образ Великой Отечественной войны – освободительной борьбы всех народов Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков. Он был заменен на европейский и частично американский нарратив о Второй мировой войне, которая рассматривается в западноцентричной парадигме и оценивает военные действия в Западной Европе, в Северной Африке и на Тихом океане как более значимые, нежели события на советско-германском фронте, где было уничтожено три четверти военного потенциала нацистской Германии и ее союзников.

После 2014 г. репрезентация Второй мировой войны в официальном украинском дискурсе приобрела деструктивный и идеологизированный характер, что воплотилось в концепции так называемой «немецко-советской войны 1941–1945 гг.». В ее основе лежит нарратив «двух тоталитаризмов», широко представленный в украинской учебной и научной литературе. В рамках данного подхода Советский Союз позиционируется не как жертва нападения нацистской Германии, а как один из виновников начала Второй мировой войны. Проводятся прямые параллели между внешней политикой гитлеровской Германии и СССР. Берлин и Москва представляются союзниками по итогам заключения пакта Молотова-Риббентропа, якобы приведшего к совместному разделу Польши в сентябре 1939 г. В одном из учебников для 10-х классов отмечается, что, хотя СССР и вступил в войну с двухнедельным интервалом после Германии, он действовал на стороне нацистов как их союзник и соответственно тоже стал агрессором [4: 196]. В другом учебнике приводится следующая формулировка: «Пакт Молотова-Риббентропа открыл дорогу к развязыванию Второй мировой войны. Германия (1 сентября) и СССР (17 сентября) совершили агрессию против Польши» [2: 196]. Данный подход стал широко использоваться сразу после первого Майдана в 2004 г. [5: 12].

Симптоматично, что Украина позиционируется как жертва «двух тоталитаризмов», в одинаковой мере пострадавшая от Советского Союза и Германии. При этом украинская советская государственность в формате УССР рассматривается не как выражающая

интересы украинского народа, а как якобы навязанная проживавшим в границах СССР украинцам помимо их воли из Москвы (так называемая «неукраинская Украина») [7: 14].

В целом в украинской учебной литературе превалирует этнический, по сути, националистический подход. Украина представляется в виде некоего искусственного конструкта – совокупности так называемых этнических украинских земель, которые находились в составе пяти государств – Польши, Румынии, Чехословакии, Венгрии и СССР. Поэтому война для украинцев, как отмечается в учебниках, началась не 22 июня 1941 г., а 1 сентября 1939 г., поскольку много украинцев в рядах польской армии обороняли Польшу [4: 194]. Та же логика используется при упоминании вступления на территорию Западной Украины 17 сентября 1939 г. частей Красной армии. При этом игнорируется тот факт, что в ее составе служило большое количество советских украинцев.

На основании концепции «двух тоталитаризмов» кардинальным образом пересматривается справедливый характер войны со стороны Советского Союза. Сам нарратив о «немецко-советской войне» призван подчеркнуть, что это была война двух равнозначных противников. Более того, в некоторых учебниках проводится мысль о том, что Гитлер был вынужден начать превентивную войну, опасаясь угрозы со стороны СССР [4: 202]. Отмечается, что якобы И. Сталин после 17 сентября 1939 г. руководствовался не интересами украинцев и белорусов, а «выгодными рубежами для нового удара на Запад» [2: 192]. В конечном итоге активно внедряется идея о том, что «наступившие изменения политической карты Европы были обусловлены агрессивной внешней политикой тоталитарных режимов Германии и СССР и амбициозными планами их руководителей Адольфа Гитлера и Иосифа Сталина о разделе сфер влияния в регионе» [7: 7]. В таких условиях война со стороны Советского Союза, как полагают авторы учебников, не могла быть справедливой, поэтому украинцы оказались между молотом и наковальней в качестве жертвы двух диктатур.

Показательно, что действия Красной армии в годы Великой Отечественной войны, в которой воевали миллионы украинцев – во много раз больше, чем в какой-либо другой армии Европы, оцениваются в лучшем случае нейтрально, а ее подвиги замалчиваются. Даже на уровне используемой в учебниках риторики красноармейцы

представляются не в качестве освободителей, а в лучшем случае в виде безликих исполнителей воли «тоталитарного» советского руководства. Указывается, что Красная армия не освободила Киев и другие города УССР, а «овладела» ими, «заняла», «взяла», «зачистила» их. Освобождение УССР в годы Великой Отечественной войны подается как «восстановление контроля тоталитарного сталинского режима над Украиной», в результате чего «в полной мере возобновили свою деятельность и карательно-репрессивные органы» [5: 61, 227]. Указывается, что советская власть для украинцев была чуждой и навязанной сверху. По этой причине, как отмечается в ряде учебников, окончательный мир для украинцев не наступил после 9 мая 1945 г. Ведь в западных областях Украины разгорелось вооруженное противостояние между сторонниками советской власти и идей независимой Украины в лице Украинской повстанческой армии (далее – УПА) [2: 234]. Тем самым пособники нацистов из Организации украинских националистов (далее – ОУН) – УПА¹ преподносятся как единственная сила, борющаяся за свободу Украины, а ее лидеры, активно сотрудничавшие с нацистской Германией, позиционируются в качестве национальных героев. При этом участие активистов ОУН-УПА в карательных акциях – массовом уничтожении советских и польских граждан – полностью замалчивается.

Увековечение Победы в Великой Отечественной войне в украинских учебниках сведено к современным европейским коммеморативным практикам. Она подается как трагедия украинского народа, а ее символом являются красные маки – «символ скорби и жертв войны». Полностью переформатирована и выхолощена прежняя суть праздника. В одном из учебников за 10-й класс отмечается: «Украина, как и весь цивилизованный мир, отмечает 8–9 мая День памяти примирения и День победы над нацизмом во Второй мировой войне» [4: 240]. Тем самым предпринята попытка встроиться в европейскую, шире – западную повестку увековечения памяти о войне. Образ Победы символизирует не единство всех народов Советского Союза в борьбе с нацистскими оккупантами и, следовательно, общность исторической памяти потомков победителей, а историческую трагедию украинского народа, «когда украинцы

¹ Организация украинских националистов и Украинская повстанческая армия – экстремистские организации, запрещенные в Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014.

вынуждены были воевать за чужие интересы» [7: 8]. Таким образом, на символическом уровне в украинском учебном нарративе демонстрируется полный разрыв с представлениями о Победе как результате совместной борьбы народов Советского Союза против нацистских захватчиков. Сам образ Победы выступает не символом объединения, а поводом для разъединения и исторических претензий деструктивного характера.

Істочники і література

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
2. Гісем О.В., Мартинюк О.О. Історія України: підруч. для 10 кл. закл. заг. серед. освіти. Харків, 2018.
3. Корнева Л.Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005). Кемерово, 2007.
4. Пометун О.І., Гупан Н.М. Історія України: підруч. для 10 кл. закл. заг. серед. освіти. Київ, 2018.
5. Турченко Ф.Г. Історія України: підруч. для загальноосвіт. навч. закл.: профіль. рівень. Київ, 2011.
6. Хальбвасс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 01.03.2026).
7. Хлібовська Г.М. Історія України. Рівень стандарту: підручник для 11 класу закл. заг. серед. освіти. Тернопіль, 2019.
8. Les Lieux de Mémoire: en 3 vol. / Sous la dir. de P. Nora. Paris, 1984.

Е.І. Макарова

МЕСТА ПАМ'ЯТІ О СОБЫТИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В МЕМОРИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛУГАНСКА

В нынешних условиях глобального противостояния между Российской Федерацией и странами так называемого коллективного Запада, роста международной напряженности и на фоне неблагоприятно складывающейся международной экономической ситуации наша страна столкнулась с информационными угрозами, затрагивающими массовое сознание и коллективную идентичность. В этой связи целостность исторической памяти является ключевым

условием консолидации общества и выступает фундаментальным фактором поддержания общенационального единства. Сегодня в ряде государств мы видим не только попытки пересмотра итогов Второй мировой войны, но и проведение государственной политики героизации нацистских преступников, различных коллаборантов и убийц, запятнавших себя участием в массовых казнях мирного населения, чьи злодеяния признаны Нюрнбергским международным трибуналом в качестве военных преступлений. В рамках данного курса в этих государствах развернулись беспрецедентные по своему размаху кампании по «десоветизации», итогом которых стал массовый снос памятников и осквернение захоронений, связанных с историей Великой Отечественной войны.

Исследуя места памяти, связанные с событиями Великой Отечественной войны, в мемориальном пространстве Луганска, мы исходим из классической концепции мест памяти (*lieux de mémoire*), разработанной во второй половине XX в. Пьером Нора: «Места памяти являются местами в трех смыслах слова – материальном, символическом и функциональном, но в очень разной степени... Всегда существуют три аспекта» (цит. по: [3: 76]). Согласно П. Нора, историческая память отличается от исторической науки и со временем исчезает, если ее не поддерживать. Осознания важности события для этого недостаточно – нужны специальные усилия по его актуализации, причем роль государственной политики в этом контексте видится определяющей. Нора оставил понимание того, что может считаться местом воплощения памяти. К таким местам он причислял как материальные объекты (музеи, памятники), так и символические (тракаты, годовщины). Главный тезис: память общества – это сконструированный феномен, возникающий благодаря оформлению истории в предметах и ритуалах культурного наследия, это «материальное воплощение исторической памяти» [3: 75].

Исходя из этой концепции, мемориальное пространство Луганска и Луганской Народной Республики (далее – ЛНР) имеет ряд своих особенностей, однако в целом укладывается в рамки рассуждений Пьера Нора. С момента своего провозглашения в 2014 г. Донецкая и Луганская народные республики, лишь в 2022 г. получившие официальное международное признание со стороны Российской Федерации, заняли последовательную антагонистическую позицию по отношению к курсу официального Киева на дерусификацию

и масштабное переписывание событий Великой Отечественной войны. Оказавшись в состоянии острого конфликта с Украиной, еще в 2014 г. Донбасс сделал осознанный выбор в пользу мобилизации общества вокруг символов Победы в Великой Отечественной войне. Этот курс следует воспринимать не только в качестве ответа на украинские попытки фальсификации истории и националистической политики. Популяризируя воинские монументы и советскую символику в мемориальном пространстве, в Донбассе стремятся не только сохранить преемственность с прошлым, но и противопоставить внешней угрозе внутреннее единство, основанное на героическом образе предков-победителей. Кроме того, места памяти, связанные с Великой Отечественной войной, выступают в качестве морального и исторического фундамента, призванного подтвердить неразрывную историческую связь Донбасса с Россией и право на выбор собственного пути развития, а актуализация указанных символов и смыслов, воплощенных в мемориальных объектах, указывают на преемственность с прошлой исторической политикой и на общий, совместный с Россией путь развития.

В настоящее время можно выделить несколько важных мемориальных объектов, расположенных в столице ЛНР – Луганске. Так, на юго-восточном въезде в город в октябре 1971 г. на специальном пьедестале в качестве памятника был установлен средний танк Т-34-85 под № 4080297. На мемориальной табличке указано: «Советским воинам-танкистам, громившим немецко-фашистских захватчиков в годы Великой отечественной войны 1941–1945 годов» [5: 572]. Подробные сведения об истории данной боевой машины и ее боевого пути были исследованы [5]. Также имеются документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Известно, что танк под № 4080297 не принимал участия в освобождении Луганска в феврале 1943 г., поскольку Т-34 с 85-миллиметровым орудием стал поступать в войска лишь год спустя, в начале 1944 г. Тем не менее боевая машина в составе 36-й гвардейской танковой бригады 4-го гвардейского механизированного корпуса 2-го Украинского фронта, освобождала от нацистов Болгарию, Югославию и Венгрию и участвовала в разгроме японских милитаристов. Экипаж Т-34-85 под № 4080297 под командованием гвардии лейтенанта Ивана Кисенко неоднократно был награжден правительственными орденами и медалями [7: 183–184, 199]. Указанное

место памяти выступает символической и концентрированной репрезентацией целого комплекса исторических событий и призвано содействовать гражданско-патриотическому воспитанию и формированию духовно-нравственных ценностей у луганской молодежи.

Не менее символическим местом в Луганске является мемориальный комплекс Острая Могила, расположенный недалеко от вышеуказанного мемориала Т-34-85, на господствующей над городом кургане-высоте (198 м). Он расположен на месте братской могилы 250 советских воинов, погибших в боях за Луганск в 1942–1943 гг. Этот комплекс является местом памяти, почитается луганчанами и является объектом коммеморации. Мемориальный комплекс состоит из трех элементов: братской могилы, памятника героям обороны Луганска и монумента «Знамя не умирает». История мемориального объекта началась еще в 1945 г., с установки небольшого памятника на месте братской могилы погибших советских воинов. Позднее памятник дополнили в 1965 г. еще несколькими объектами, значительно расширив территорию комплекса [2]. В разные годы над его созданием трудились известные архитекторы: Н. Бунин, Н. Можаяев, В. Мухин, Г. Смешной, В. Федченко. В 2023 г. он прошел реконструкцию и был дополнен объектами, символизирующими преемственность поколений в борьбе за свободу и мирную жизнь луганчан. Важно обратить внимание на социо-антропологическое измерение данного мемориального комплекса. На его территории установлено несколько десятков мраморных табличек с именами павших героев, чьи личности сами по себе выступают символическим воплощением всенародности и массовости отпора врагу, создавая при этом «представления общества о самом себе и своей истории» [3: 77].

Аналогичное наполнение и символическое значение несет в себе монументально оформленная братская могила «Знамя памяти», установленная в 1972 г. в сквере 9 Мая в Артёмовском районе Луганска. Постамент украшает надпись «1943. Слава павшим героям» и фигура смертельно раненного бойца, которого мать накрывает накидкой. На территории комплекса расположены несколько десятков гранитных плит с именами похороненных на этом месте в братской могиле 456 воинов, погибших при освобождении Ворошиловграда и скончавшихся от ран в луганских госпиталях в 1943 г. Заметим, что на плитах имеются данные лишь о 332 героях, а имена 123 бойцов до настоящего времени остаются неизвестными. Однако

установлено, что большинство погибших и умерших составляют бойцы 279-й стрелковой дивизии, воевавшей в составе 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта, которые с января вели бои за освобождение Ворошиловграда и Ворошиловградской области.

В 1985 г. в честь 40-летия Победы в Великой Отечественной войне в центральной части Луганска по ул. Оборонной недалеко от центрального автовокзала коллективом луганских скульпторов Е.Ф. Чумака, И.И. Чумака и В.В. Ермолы во главе с И.М. Чумаком, при участии архитекторов А.И. Барилюка и А.Я. Долгополова был создан монумент «Победа». Он состоит из железобетонного обелиска и выкованной из металла копии ордена «Победа». Скульптурная композиция изображает группу бойцов, со знаменем и оружием ворвавшихся в город. Сбоку от стелы на наклонном железобетонном постаменте, облицованном гранитными плитами, установлена мемориальная табличка с информацией о воинских соединениях 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта, участвовавших в боях за освобождение Луганска [1: 43].

В 2000 г. на центральной площади Луганска был торжественно открыт обновленный мемориальный комплекс, посвященный героям войны. В их честь эта площадь и носит имя Героев Великой Отечественной войны. Комплекс состоит из памятника, сооруженного в 1965 г., и могилы Неизвестного солдата, открытой в 2000 г. Сам памятник, именуемый в некоторых источниках «Пилон Славы», выполнен в виде трехгранного обелиска из нержавеющей стали с установленным на лицевой стороне барельефом, окованным медью. С правой и левой сторон обелиска установлены мемориальные плиты с именами Героев Советского Союза – уроженцев Луганщины. Авторами комплекса являются скульптор Е.Ф. Чумак, архитектор А.Я. Долгополов при участии А.А. Редькина и Г.Г. Головаченко. Они посвятили свое творение 215 Героям Советского Союза – уроженцам Ворошиловградской/Луганщины [4].

Среди мест памяти Луганска выделяются монументы, возведенные в честь сформированных непосредственно в городе воинских частей. Так, подвиг бойцов 395-й стрелковой дивизии, созданной в 1941 г. из шахтеров комбината «Ворошиловградуголь», увековечил лаконичный памятник работы скульптора Н.Н. Щербакова, установленный в 1974 г. «Он расположен в Каменнобродском районе г. Луганска рядом с центральным входом в парк имени Максима

Горького. Эта дивизия получила почетное наименование «Таманская», участвовала в боях на Украине, освобождала Киев, Житомир, Бердичев, Stanisлав, в Львовско-Сандомирской операции, с боями дойдя до Берлина» [6: 318–319]. Не менее важным элементом воплощения исторической памяти об участии луганских воинских подразделений в Великой Отечественной войне является мемориал 569-му Ворошиловградскому минометному полку Резерва Верховного Главного командования в Луганске. Он находится в Жовтневом районе, на входе в сквер Победы (ул. Гудованцева). Трехметровая скульптура красноармейцев со знаменами дополнена картой боевого пути, а по сторонам от нее расположены барельефы с четырьмя орденами, которыми был награжден полк. Памятник был «создан в 1975 г., а в 2004 г. монумент был дополнен и реконструирован. Авторами памятника являются скульпторы Н.Л. Бунин и Л.И. Осипенко» [6: 321].

В завершение отметим, что места памяти в ЛНР, как и в других регионах России, наделены символической сакральностью, обуславливающей особые механизмы коммеморации. Особенно это актуально для молодого поколения, которое при взаимодействии с наследием прошлого продуцирует его современные интерпретации при сохранении изначального коммеморативного ядра, основанного на комплексе исторических событий. Военно-мемориальное наследие сегодня служит инструментом развития исторической памяти, обеспечивая сохранность коллективных представлений о прошлом. В данном контексте историческая политика, проводимая в ЛНР, является ярким примером укрепления ценностно-мировоззренческого фундамента на базе общегороссийского исторического нарратива. Апелляция к событиям Великой Отечественной войны возведена в ранг базового государственного приоритета, выступая не просто инструментом сохранения прошлого, но и подчеркивая цивилизационное единство с Россией.

Источники и литература

1. Алексеева Л.И. Ворошиловград: путеводитель. Донецк, 1986.
2. Булкин С.П. Острая Могила: путеводитель. 2-е изд., доп. Донецк, 1979.
3. Дмитриева О.О., Туманова М.М., Широков О.Н. «Место памяти / lieux de mémoire» как механизм сохранения исторической памяти общества // Исторический поиск. 2023. Т. 4. № 2. С. 73–81.
4. Смирнов В. К 60-летию освобождения Ворошиловграда от фашистских оккупантов // Жизнь Луганска. 2004. 11 февраля.

5. Татаринов И.Е. К истории одного танка. Страницы монументализации исторической памяти о Великой Отечественной войне в Луганской Народной Республике // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы III Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2022. С. 571–579.

6. Татаринов И.Е. Особенности монументализации памяти об участии воинских подразделений Донбасса в Великой Отечественной войне (на примере г. Луганска) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы II Всероссийской научной конференции, приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. В 2 ч. Ч. 2. Ростов-на-Дону, 2021. С. 316–325.

7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 923.

Е.М. Горюшина, А.Д. Осмаев

ДЕНЬ ПОБЕДЫ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР: УЧАСТИЕ БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ

Память о Великой Отечественной войне на Северном Кавказе распределена неравномерно. В случае Чечено-Ингушской АССР это проявилось особенно остро, поскольку республика и ее титульные народы вошли в советский и постсоветский канон Победы через внутреннее противоречие. Уроженцы Чечено-Ингушетии участвовали в боевых действиях, в тыловом обеспечении, в обороне стратегически важного Грозненского нефтяного района. Однако 23 февраля 1944 г. чеченцы и ингуши были депортированы, а сама автономия ликвидирована [9]. К моменту Победы 1945 г. Чечено-Ингушская АССР уже не существовала как политическая единица. В этом состоит главный парадокс: сообщество, внесшее вклад в войну, было исключено из политического пространства, которое затем было символически оформлено благодаря самой Победе [1; 2].

Такой статус можно определить как присутствие через отсутствие. В региональной и общероссийской историографии неоднократно подчеркивалось, что выходцы из Чечено-Ингушетии участвовали в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны, а материалы книг памяти и специальные исследования позволяют

проследить это участие на персональном и коллективном уровнях. Вместе с тем политическое присутствие самой республики в жизни страны было прервано еще до окончания войны. Поэтому в случае Чечено-Ингушской АССР возникает разрыв между военным участием и политической репрезентацией. Республика присутствует в военных биографиях и тыловой истории Кавказа, но отсутствует в послевоенном пространстве признания как административно уничтоженный субъект [11].

Это делает случай Чечено-Ингушетии особенно важным для исследований политики памяти. Победа 1945 г. здесь не может рассматриваться только как интеграционный миф. Для чеченцев и ингушей она с самого начала была соединена с памятью о выселении, то есть с опытом, разрушавшим идею безусловной принадлежности к советскому сообществу победителей. Поэтому Победа для них становится частью сложной траектории, где фронтовой вклад и государственное насилие соединены в одном историческом узле [11].

Наиболее остро этот конфликт проявляется в календарной политике. В советском календаре 23 февраля был отмечен как День Советской армии и Военно-морского флота. В российский государственный календарь данный праздник вошел как День защитника Отечества. Для чеченской и ингушской исторической памяти эта же дата является днем начала депортации 1944 г. В результате одна и та же календарная точка несет два несовместимых символических смысла: государственный праздник и коллективную скорбь. Это столкновение двух моделей памяти: в одной из них центральное место занимает государство-победитель, в другой – народ, ставший жертвой государственного насилия в ходе той же войны [5: 172–173].

Для исследований в области памяти (*memory studies*) это показательный сюжет, поскольку он позволяет увидеть, что канон Победы строится через контроль над допустимыми датами траура и торжества. Пока 23 февраля сохраняется как общегосударственный воинский праздник, память о депортации в ее исходной дате неизбежно приобретает характер несогласия с федеральным календарем. Поэтому для власти важно не само существование памяти о депортации, а режим ее календарной и политической институционализации.

Именно в этом контексте следует рассматривать перенос мемориального акцента с 23 февраля на 10 мая в современной Чеченской Республике. В официальном календаре республики 10 мая

закреплено как День памяти и скорби народов Чеченской Республики. Тем самым память о депортации не исчезает, но переоформляется и включается в другой мемориальный контур, тесно примыкающий к 9 мая — Дню Победы [4]. В этнографических исследованиях Грозного показано, что 8, 9 и 10 мая образуют сложный символический кластер, в котором праздник Победы, локальная скорбь и официальная республиканская память сосуществуют в одном пространстве. Речь идет о политической перенастройке травмы [5: 179].

Содержательно такая перенастройка означает снятие прямого конфликта между федеральной и локальной памятью. Пока центральной датой памяти депортации оставалось 23 февраля, национальная травма входила в лобовое противоречие с государственным военным ритуалом. Перенос акцента на 10 мая переводит память о событиях 1944 г. в управляемую и политически совместимую форму. Возникает новая композиция: 9 мая как день общегосударственной Победы и 10 мая как день республиканской скорби. Память о выселении в этой модели уже не выступает самостоятельным протестным календарем, а встраивается в архитектуру лояльной региональной государственности. Это пример того, как канон Победы способен интегрировать и подчинять различные составляющие памяти [4].

Следующий узел связан с реабилитацией 1956–1957 гг. В общественном и публицистическом дискурсе реабилитация часто воспринимается как единичный акт исторической справедливости. Однако с юридической и политической точки зрения это был многоэтапный и неполный процесс. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 г. снял ограничения по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей. Вместе с тем снятие режима спецпоселения не означало автоматического возвращения имущества и не восстанавливало в полной мере прежний статус. Иначе говоря, принятие документа означало отказ от наиболее жесткой формы контроля, но не восстановление прав во всей полноте [8].

Очередным этапом стало восстановление Чечено-Ингушской АССР в январе 1957 г. Формально Советское государство признало необходимость восстановить национальную автономию чеченского и ингушского народов. Но и этот шаг не был простым возвращением к довоенному положению. За годы отсутствия автономии изменилась демографическая и административная структура региона, а сама реабилитация была ограничена рамками советского

понимания допустимой компенсации. Поэтому корректнее говорить о неполном восстановлении справедливости, а не о частичном восстановлении политической субъектности [7].

Именно поэтому понятие неполного восстановления справедливости в данном случае точнее, чем формально-правовой термин «реабилитация». В случае чеченцев и ингушей можно выделить как минимум три уровня реабилитационного процесса. Первый – прекращение режима спецпоселения. Второй – восстановление национально-государственной автономии и институциональных условий возвращения. Третий – признание самой репрессивной политики незаконной и преступной. Последний уровень был оформлен уже в позднесоветский и постсоветский периоды прежде всего в Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» 1991 г., который прямо признавал незаконными и преступными репрессивные акты против репрессированных народов и связывал реабилитацию с восстановлением территориальной целостности и национально-государственных образований [1].

Но и этот нормативный язык не исчерпал проблему. Для чеченской коллективной памяти реабилитация была и остается не только юридическим актом, но и морально-политическим требованием. Право на возвращение, право на память, право на признание незаконности коллективного наказания и право на включение в историю Победы как полноправного участника – это разные, хотя и связанные измерения одного процесса. Именно здесь возникает еще одно противоречие: Победа 1945 г. и депортация 1944 г. формируют конкурирующие основания лояльности. С одной стороны, участие в войне дает чеченцам право быть частью общего корпуса победителей. С другой стороны, депортация свидетельствует о том, что само государство поставило под сомнение их принадлежность к этому корпусу [1; 6].

Это противоречие объясняет, почему сюжеты о фронтовом вкладе чеченцев и ингушей имеют не только историко-описательное, но и морально-политическое значение. Публикации об их участии в войне, исследования по книгам памяти, работы о военных биографиях выполняют функцию исторического опровержения коллективной вины [10]. Через них чеченское общество возвращает себе право на участие в советской истории как жертва и субъект подвига. В этом смысле память о Победе становится инструментом

символической реабилитации, частично компенсирующим неполноту правовой и политической реабилитации.

Однако и этот язык памяти не остается неизменным. После «чеченских войн» 1990-х и 2000-х гг. депортация 1944 г. начала описываться иначе. Современные исследования показывают, что постсоветский опыт войны, разрушения, перемещения и утраты дома существенно повлиял на язык рассказа о депортации. Новая травма не заменила старую, а переформировала ее. В результате память о 1944 г. стала не только памятью о сталинской репрессии, но и языком интерпретации последующих катастроф чеченской истории [6; 12: 134].

Это обстоятельство принципиально важно для понимания места Чечено-Ингушской АССР в каноне Великой Победы, постоянно переосмысляющемся из более поздних исторических точек. Для современной Чечни память о Великой Отечественной войне проходит через фильтр депортации, реабилитации и постсоветских войн. Поэтому Чечено-Ингушская АССР выступает «отсутствующей республикой Победы» не только в административном, но и в символическом смысле. Ее участие в войне невозможно отрицать, но и включить его в простой триумфальный нарратив без учета депортации и ее последствий также невозможно [12].

В современной чеченской модели памяти это приводит к двойственному результату. Республика активно участвует в общероссийском ритуале Победы, но одновременно сохраняет собственный травматический сюжет о 1944 г. Этот сюжет не устранен, но его язык, дата и публичная функция изменены. Память о депортации сохраняется в официально допустимой форме, перенесенной в иной календарный режим и встроенной в региональную политическую символику. Тем самым чеченский случай показывает, что государство работает с травмой через ее перераспределение по датам, ритуалам и институциональным рамкам [3].

Таким образом, случай Чечено-Ингушской АССР концептуально важен для исследований памяти о Великой Отечественной войне. Это республика, которая участвовала в войне, но была политически устранена до момента Победы. Это сообщество, для которого 23 февраля означает одновременно государственный воинский праздник и начало национальной катастрофы. Это пример реабилитации, которая началась как частичное снятие ограничений, продолжилась

восстановлением автономии, а позднее была переосмыслена как вопрос незавершенной исторической справедливости. Наконец, это случай, в котором постсоветские войны дополнительно усложнили представление о месте республики в каноне Победы.

Формула «отсутствующая республика Победы» позволяет охватить эту множественность смыслов. Она описывает не только административную ликвидацию Чечено-Ингушской АССР в 1944 г., но и более широкий политико-символический процесс. Автономная республика отсутствовала как политическая единица в послевоенном устройстве, но продолжала присутствовать через фронтовые биографии, через память о выселении, через борьбу за реабилитацию и через современные формы мемориальной политики. Именно здесь находится главный аналитический смысл темы, поскольку чеченский случай показывает, что Победа может быть пространством спора о праве на принадлежность, о границах признания и о цене включения в общий исторический канон.

Источники и литература

1. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10200365/> (дата обращения: 06.05.2026).

2. Исакиева З.С. Из истории повседневной жизни депортированных народов в годы Великой Отечественной войны: на примере чеченцев и ингушей // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 12-5 (114). С. 119–126.

3. Постановление Верховного Совета РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О порядке введения в действие Закона РСФСР “О реабилитации репрессированных народов”» // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/6315157/> (дата обращения: 06.05.2026).

4. Праздники и памятные даты // Глава Чеченской Республики. URL: <https://chechnya.gov.ru/respublika/simvolika/prazdniki-i-pamyatnye-daty/> (дата обращения: 06.05.2026).

5. Резникова О. Скорбь и праздник в (пост)колониальном контексте. Этнографические заметки. Прозный 8, 9 и 10 мая // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3 (101). С. 166–183.

6. Танайлова В.А. Истории о депортации чеченцев: трансформации языка описания // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 164–179.

7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 09 января 1957 г. «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР» // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70702338/> (дата обращения: 06.05.2026).

8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 г. «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, кара-чаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165844-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-o-snyatii-ogranicheniy-po-spetsposeleniyu-s-chechentsev-ingushey-karachaevtsev-i-chlenov-ih-semey-vyselennyh-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-16-iyulya-1956-g> (дата обращения: 18.03.2026).

9. Уштаров И.А. Депортация северокавказских народов в публичном пространстве: случаи Республики Чечня и Республики Ингушетия // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16. № 4. С. 94–104.

10. Цуцулаева С.С. Книги Памяти Чеченской Республики как источник по истории участия чеченцев в Великой Отечественной войне // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 38 (2). С. 54–61.

11. Цуцулаева С.С. Чечено-Ингушетия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историография вопроса // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3а. С. 102–105.

12. Шагоян Г.А., Гучинова Э.-Б.М. Языки описания национальных депортаций на Кавказе. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 134–143.

А.А. Новикова

НАРОДНЫЙ МУЗЕЙ ФРОНТОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: СИНТЕЗ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В последние годы прослеживается тенденция роста внимания общественности к артефактам, имеющим непосредственное отношение к военно-историческому наследию: повышение активности в проведении поисковых мероприятий, организация тематических научных конференций, интерес к посещению музеев военного профиля [6: 24]. Коллекции таких музеев служат источниками ценных материалов для исследований, помогают формировать представление о героическом прошлом своей страны.

В данном контексте заслуживающим особого внимания представляется Музей фронтовой журналистики, сформированный на базе газеты «Военный вестник Юга России» (газета Южного военного округа), ранее именовавшейся «Красный кавалерист» и являвшейся печатным органом 1-й Конной армии. История издания началась 25 ноября 1919 г. [3]. Фронтовые выпуски газеты

начального периода ее работы содержат многочисленные военные репортажи и очерки писателя Исаака Бабеля под псевдонимом Кирилл Лютов, на основе которых впоследствии было создано его знаменитое произведение «Конармия» [4: 2]. Позднее газета меняла свое название на «За мир и труд» и «Красное знамя». Во время Великой Отечественной войны редакция выпускала армейские газеты «К победе!» (19-й армии) и «За нашу Родину» (56-й армии) [2: 528–529]. Газета «Военный вестник Юга России» (1991 г.) по праву считается самой воюющей газетой Вооруженных сил Российской Федерации.

В разное время авторами статей для упомянутых выше газет были известные писатели и журналисты. Так, среди военных корреспондентов издания «За нашу Родину» трудился Виталий Александрович Закруткин [4: 1]. Редакционный коллектив газеты «К победе!» включал в себя писателей и журналистов, состоявших в Ростовской областной писательской организации: Александра Ивановича Бусыгина, Григория Михайловича Каца, Михаила Ефимовича Штительмана, Григория Борисовича Гридова и других. Осенью 1941 г. многие из них погибли в котле под Вязьмой: из 21 журналиста, служившего в редакции армейской газеты «К победе!», в живых остались лишь шестеро: Анатолий Софронов, Илья Котенко, Андрей Гвоздев, Георгий Осокин, Александр Оленич-Гнененко, Виктор Гунин [9: 7]. Газета «Военный вестник Юга России», ведущая свою историю от легендарного издания «Красный кавалерист», в 2019 г. отпраздновала вековой юбилей, внося за эти годы неоценимый вклад в развитие военной публицистики региона [5: 1].

Инициатором основания Музея фронтовой журналистики выступил Георгий Григорьевич Лень – участник обороны Брестской крепости. После окончания войны он начал работу в газете [4: 1]. В 1970-е гг. экспозиция представляла собой имитацию фронтовой землянки военных корреспондентов, а музейными экспонатами стали предметы, хранившиеся в редакции и обладающие исторической ценностью.

В 2009 г. редакцию газеты переместили в другое здание, и поскольку было выделено недостаточно комнат, музей демонтировали, а экспонаты сотрудниками редакции были перемещены в подвал многоквартирного дома, арендованного на личные средства полковника запаса Александра Науменко. Позже при совместном участии энтузиастов, военных журналистов экспозиция была восстановлена

в подвальном помещении, преобразовавшись в музей, доступный для посетителей. С течением времени ветераны, местное население и поисковые организации передавали в дар музею личные или найденные ими предметы, обладающие историко-культурной ценностью. Таким образом, в настоящее время музей является народным, так как создан по инициативе частных лиц и функционирует при непосредственном участии граждан за счет их личных пожертвований [7: 107].

Сегодня экспозиция музея представлена семью тематическими залами: «Кабинет редактора газеты» (Сталинский зал), «Великая Отечественная война», «СССР (послевоенный период)», «Афганистан», «Чеченские события», «Фотолаборатория», «Зал СВО». Фонд представлен вещественными источниками: мебель, личные вещи военных журналистов (фото- и видеотехника дореволюционного и советского периодов, письменные принадлежности, средства связи, дорожные сумки, посуда, печатные машинки, удостоверения), фрагменты оружия, государственные награды, военная форма и др.; печатные и рукописные письменные источники (книги, периодические издания 1920–1990-х гг., телеграммы, письма и др.); изобразительные источники (картины, плакаты, архив фотоматериалов редакции и др.).

По профилю музей главным образом можно отнести к категории военно-исторических, так как его собрание документирует военную историю и развитие военного искусства. С другой стороны, экспозиция транслирует историю журналистики и с этой целью осуществляет сбор, хранение и экспонирование музейных предметов, связанных с литературной деятельностью писателей-военников, что указывает также и на литературный профиль музея [10: 103, 334].

Пространство музея, помимо экспозиционной деятельности, служит репетиционной площадкой театра эстрадных миниатюр гарнизонного Дома офицеров Южного военного округа «Вернисаж», творческий коллектив которого составляют офицеры и прапорщики запаса, гражданский персонал армии. Труппа осуществляет гастроли в воинские части Южного военного округа и в военные госпитали.

Основатели народного музея Андрей Бонев, Александр Науменко и Сергей Белогруд проводят бесплатные обзорные экскурсии для групп школьников, гимназистов, кадетов и частных лиц. Общее количество таких посещений в год составляет около 1 тыс. человек. В разные периоды существования музея его посетителями

становились популярные актеры, писатели и общественные деятели. Так, в 1976 г. Музей фронтовой журналистики посетил Виталий Закруткин, а в 2017 г. – Василий Лановой, о чем свидетельствуют записи с автографами в книге отзывов. Позже Василий Семёнович преподнес в дар музею реквизит со съемок фильма «Семнадцать мгновений весны» – свою немецкую фуражку, ставшую одним из экспонатов [1: 8].

Большинство народных музеев, открытых в 1960–1980-е гг., прекратило свое существование. Сохранились лишь те учреждения, которые получили государственную поддержку, стали муниципальными или привлекли спонсоров [8: 62].

Как и многие другие общественные музеи, Музей фронтовой журналистики в настоящее время испытывает сложности в развитии. В первую очередь это обусловлено отсутствием непрерывного финансирования, необходимого для полноценной работы. При этом у коллектива единомышленников завязалось сотрудничество с общественными организациями «Боевое братство», Советом ветеранов области и города, Ассоциацией ветеранов СВО, музеями и библиотеками, высшими и средними образовательными учреждениями региона. А значит, впереди работа на будущее.

Источники и литература

1. Белогруд С. Василий Лановой в нашей памяти // Военный вестник Юга России. 2021. 1–7 февраля. № 4. С. 8.
2. Васильев К.И. Газета Первой конной армии «Красный кавалерист» в дни Варшавской битвы // Военная история России XIX–XX вв.: Материалы XIII Международной военно-исторической конференции / Под ред. Д.Ю. Алексеева, А.В. Арановича. Санкт-Петербург, 4 декабря 2020 г. СПб., 2020. С. 527–545.
3. Военный вестник Юга России. Газета Южного военного округа // Министерство обороны Российской Федерации. ФГБУ «Редакционный центр “Красная звезда”» Министерства обороны Российской Федерации. URL: <https://ric.mil.ru/Gazettes/Voennyj-vestnik-Yga-Rossii> (дата обращения: 01.03.2026).
4. Волошинова В. Ради нескольких строчек в газете // Молот. Информационно-аналитическая газета Ростовской области. 2020. 14 января. № 1. С. 1, 2.
5. Дворников А. Целый век на переднем крае. «Военному вестнику Юга России» – 100 лет // Военный вестник Юга России. 2019. 25 ноября. № 46. С. 1.
6. Кузнецов А.М. Военные музеи и их роль в культурно-просветительной работе с военнослужащими: 1918–1991 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009.
7. Литературные музеи России. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2: М–Я. М., 2024.

8. Мазур Л.Н. Народный музей как форма инициативной коммеморации в прошлом и настоящем // Будущее нашего прошлого-7: Историческая память и коммеморативные практики. Материалы международной научной конференции. 26–27 ноября 2021 г. М., 2022. С. 52–62.

9. Попова А. Автор песни нашелся // Военный вестник Юга России. 2019. 25 ноября. № 46. С. 7.

10. Российская музейная энциклопедия: в 2 т. / Редкол.: В.Л. Янин (пред.) и др. Т. 1: А–М. М., 2001.

Ж.М. Аппаева

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ТХАКУМАШЕВА

Выпускник Ростовского художественного училища имени М.Б. Грекова, заслуженный художник РСФСР, народный художник Кабардино-Балкарии, лауреат Государственной премии Кабардино-Балкарской Республики Михаил Хамидович Тхакумашев получил широкое признание не только в родной республике, но и далеко за ее пределами как автор многих скульптурных работ станкового характера и монументальных произведений, которые стали неотъемлемой частью архитектурно-пространственной среды городов и сел республики. Большая часть памятников, сооруженных ваятелем, носит военный характер. Так титулованный скульптор, истинный мастер резца М. Тхакумашев отдал дань памяти героев и жертв Великой Отечественной войны.

Тема войны не случайно стала особенно важной в его творчестве. В годы военного лихолетья он был еще подростком, но, оказавшись на занятой фашистами территории Кабардино-Балкарии, познал все ужасы оккупации. Пережитые в эти несколько месяцев страдания позже помогли скульптору создать убедительные образы героев и жертв Великой Отечественной войны.

Монументальные произведения М. Тхакумашева – это отклик на трагические события военных лет, которые предстают в его творчестве в самых разных аспектах. Одним из удачных образцов монументальной пластики Кабардино-Балкарии стал «Памятник работникам колхоза “Победа”, не вернувшимся с войны» (1968 г.), выполненный М. Тхакумашевым совместно с архитектором Рубеном Палагашвили. Комплекс был установлен на западной окраине г. Прохладного и стал

одной из доминант городского ландшафта. Мемориал получил признание и у официальных лиц, и в творческой среде, и у простых горожан. В статuae нашли отражение черты героической личности, воина – защитника Отечества. По признанию М. Тхакумашева, хотя скульптура носит обобщенный характер, но всё же в ней есть сходство с его старшим братом Султаном, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Фигура солдата четко вырисовывается на фоне величественного, устремленного ввысь обелиска с надписью «Вечная слава героям». Образ воина излучает спокойствие, силу и отвагу. По воспоминаниям ваятеля, работа над этим памятником, да и другими мемориалами для него всегда становилась тяжелым испытанием, поскольку была сопряжена с личными воспоминаниями о близких людях, погибших в Великой Отечественной войне [1].

Еще один монумент, выполненный М. Тхакумашевым (архитектор Рубен Палагашвили, 1975 г.), стал особенно дорог жителям г. Нарткалы. Это мемориальный комплекс, посвященный бойцам 115-й кавалерийской дивизии, погибшим в Великой Отечественной войне. Скульптурная композиция символизирует дружбу народов Советского Союза, благодаря которой страна смогла победить страшного врага. Два могучих воина, настоящих исполина скрепили свою дружбу, крепко обняв друг друга за плечи. Жест их рук приобретает особую убедительность, подчеркивает высокий пафос патриотизма и героизма советских солдат. Упрощенность форм и силуэтов делает образы более выразительными и легко прочитаемыми. Зритель сразу узнает в кавалеристе кабардинца в бурке и папахе, а в пехотинце – русского в плащ-палатке и каске. Торжественная статика застывших в вечной неподвижности героев, отчужденный ритм крепко сбитых форм передают высокое гражданское, патриотическое содержание памятника. Удачный выбор места расположения мемориала позволяет видеть комплекс как с близких, так и дальних расстояний.

Весьма удачными оказались и другие монументальные памятники, в частности те, над которыми Михаил Хамидович работал в дуэте с другими кабардино-балкарскими ваятелями. Так, вместе со скульптором Заурбеком Озовым они создали образ защитника Отечества, который органично вписался в контекст с. Заюково Баксанского района (архитектор Валентин Шадыкаев, 1975 г.). Он произвел столь сильное впечатление на потенциальных заказчиков

мемориала, что авторское повторение скульптуры было установлено и в с. Псынадаха Зольского района.

С автоматом в руке на фоне трепещущего на ветру знамени твердо стоит на родной земле советский солдат. Гордый, благородный облик воина исполнен силы и мужества. В работе видны поиски выразительного силуэта и своеобразной пластической лепки. Ваятели сумели добиться созвучности всех форм и объемов и создать целостную композицию, которую искусно вписали в природное окружение.

Успешным было и сотрудничество М. Тхакумашева со скульптором Александром Дурневым. Двухфигурная композиция солдата и скорбящей матери, изваянная скульпторами и посвященная погибшим в Великой Отечественной войне, была установлена в с. Бабугент Черекского района (1970 г.) [2]. Она является одним из авторских повторений скульптурной группы, украсившей несколько других населенных пунктов республики. Сейчас разные варианты этой композиции можно увидеть в с. Баксанёнок, Куба-Таба и Кишпек Баксанского района, а также в с. Хабаз Зольского района. Моделью для женского образа стала кабардинская певица Вера Куашева, а для мужской фигуры позировал один из авторов проекта – скульптор Александр Дурнев. Однако не стоит здесь искать портретного сходства, поскольку художники ставили перед собой задачу создать не портретные изображения конкретных лиц, а обобщенные образы советских людей. Интонация реквиема одинаково сильна в обеих статуях.

Еще один аспект разрабатываемой М. Тхакумашевым военной тематики – вклад женщин в Победу в Великой Отечественной войне. Ведь представительницы прекрасного пола наряду с мужчинами сражались на фронте, выполняли тяжелейшую работу в тылу, но особенно важным не только для семьи, но и для государства было то, что они растили, воспитывали детей, часто жертвуя ради них всем. В мемориальном ансамбле, посвященном памяти погибших в Великой Отечественной войне жителей с. Дейское Терского района, который М. Тхакумашев выполнил совместно со своим коллегой Хамзатом Крымшамхаловым (1980 г.), мы видим молодую мать с сыном-сиротой, которые пришли к Вечному огню, чтобы отдать дань памяти фронтовикам, погибшим в годы военного лихолетья [3]. Тема войны нашла отражение в двух многофигурных фризовых рельефных композициях, с обеих сторон фланкирующих

фигурную группу, на которых запечатлены страницы героической борьбы советского народа с фашистами. На одном из фризів представлена сцена проводов на фронт добровольцев. На другом запечатлен финал войны, закончившийся триумфом нашей страны-победительницы во Второй мировой войне. Значимость обоих рельефов в общей композиции мемориала весьма велика, поскольку они становятся как бы историческим фоном для скульптурной группы. Используя классические традиции формообразования рельефа, М. Тхакумашеву и Х. Крымшамхалову удалось передать атмосферу военного лихолетья. В образах матери и сына для ваятелей было важно передать в первую очередь теплоту их родственных чувств, когда хрупкая незащищенность ребенка удачно сочетается с готовностью матери к жертвенной самоотдаче. Работая над мемориалом, авторы пользовались современным языком пластики, позволившим им добиться строгой архитектурности композиции и обобщенности форм. Надо отметить, что М. Тхакумашев и Х. Крымшамхалов всегда работали в координатах реализма и не меняли свою творческую установку на протяжении всей жизни.

Внушительен список памятников, выполненных Михаилом Тхакумашевым, ведь он, в первую очередь, скульптор-монументалист. В Кабардино-Балкарии немало населенных пунктов, в контекст которых вписаны мемориалы, выполненные ваятелем. К интересным образцам этого вида искусства можно отнести и памятник майчанам, погибшим в Великой Отечественной войне (г. Майский, 1977 г.), который носит необычный для нашей республики характер.

Разделенный на три части барельефный фриз заполнен фигурами пехотинцев (справа) и всадников (слева), а в центр композиции вписана рельефная вставка с изображением ребенка, которого стремятся оградить от опасностей две женщины. Рельефы выполнены в едином композиционном, пластическом и ритмическом ключе и создают ощущение монолитности, сплоченности и единения всех трех групп героев М. Тхакумашева. Искусно переданы суровые, опаленные войной лица воинов, идущих в атаку, стремительный ритм их движений. В образах солдат доминирует сила воли, мощная энергия духа, женские же образы носят лирический характер.

Монументальная скульптура «Скорбящая мать» (г. Нальчик, Вольный аул, 1984 г.), архитектурную часть которой выполнил Геннадий Чудягин, установлена в специально разбитом сквере

на территории школы № 12 и органично вписалась в ландшафт микрорайона «Вольный аул». Фоном для скульптуры служат два архитектурных элемента в виде треугольников, которые, как бы раздвигаясь, открывают вид на стелу, дополненную вычеканенными в металле орденом Победы и орденой лентой. Невысокая металлическая решетка четко определяет границы комплекса, создавая сакральное пространство памятника [4].

Нельзя не сказать и о людях, благодаря усилиям которых родился на свет этот мемориальный комплекс. Началось все с того, что учащиеся и педагоги школы № 12 скрупулезно собрали материал о советских солдатах, которые погибли в боях за Вольный аул. Им стоило немалых усилий установить имена погибших, которые сейчас выбиты на мемориальной доске памятника.

Идея установить монумент на могиле погибших воинов была поддержана директором совхоза «Нальчикский» Черкесом Мовсисяном, который и выделил средства на возведение мемориала. Так в 1984 г. во дворе школы № 12 возник скульптурно-архитектурный ансамбль «Скорбящая мать» как неизбывная память о тех, кто отдал жизнь, защищая Отчизну [4].

Михаил Хамидович Тхакумашев работал до последних дней своей жизни. Его творческая биография складывалась вполне удачно. Не только в республике, но и далеко за ее пределами он хорошо известен своими многочисленными талантливо выполненными произведениями, за которые удостоился множества престижных наград.

Источники и литература

1. Акт государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Памятник с Вечным огнем работникам колхоза «Победа» не вернувшимся с войны 1941–1945 гг.», расположенного по адресу: Кабардино-Балкарская Республика, г. Прохладный, ул. Свободы, к северо-западу от перекрестка ул. Свободы и ул. Остапенко // Управление по государственной охране объектов культурного наследия Кабардино-Балкарской Республики. URL: <https://nasledie.kbr.ru/upload/medialibrary/71c/kl00jooe3gddns21xixwc4iwj8af8v7i/Akt-GIKE-Prokhladnyy-pamyatnik-Pobeda.pdf> (дата обращения: 20.02.2026).

2. Памятник павшим в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://kartarf.ru/dostoprimechatelnosti/236706-pamyatnik-pavshim-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 20.02.2026).

3. Памятник погибшим воинам односельчанам 1941–1945 гг. URL: <https://exponat-online.ru/object/233961/> (дата обращения: 20.02.2026).

4. «Скорбящая мать» (Скульптор Михаил Тхакумашев). URL: <https://pomnim.1sept.ru/2108> (дата обращения: 20.02.2026).

И.В. Кедрова

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ БАРЕЛЬЕФОВ (ГОРЕЛЬЕФОВ) РОСТОВА-НА-ДОНУ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Обращаясь к определению понятия «историческая память», данному Е.С. Сенявской, автор данного исследования считает необходимым рассмотреть его как коллективное представление о прошлом через эмоционально-образные формы и приемы, используемые в экскурсионной работе [7]. В настоящей статье анализируются некоторые визуальные средства формирования исторической памяти в пространстве г. Ростова-на-Дону. Эта тема приобретает особенное значение в период «кризиса мемориальной коммуникации (физического исчезновения непосредственных носителей живой коммуникативной памяти о наиболее значимых событиях прошлого)» [5: 3]. Специфика данного исследования заключается в том, чтобы представить возможность применения синтетического сочетания визуальных (изобразительных) и текстовых (нарративных) компонентов, которые присутствуют в барельефах (горельефах) Ростова-на-Дону [3: 99].

Мемориальные доски с барельефами (горельефами) представляют собой уникальные произведения искусства, дополняющие информативную составляющую памятника синтезом эмоциональной глубины и визуальной привлекательности, делая их частью культурного наследия. Искусство барельефов используется как средство формирования и функционирования долговременной исторической памяти, которая имеет сложную структуру и избирательность. Этот вид исторической памяти всегда символичен и мифологизирован. Изображения на барельефах могут передавать факты военной истории не точно, а в «предельно обобщенном образе» [7]. Мемориальные объекты являются визуальными символами прошлых событий, и их использование в экскурсионной деятельности дает возможность прикоснуться к истории, увидеть прошедшие события в образном виде. Художественные особенности барельефов (горельефов) выступают

как средство коммуникации между автором и зрителем через натурализацию исторического факта и интерпретацию смыслов.

При рассказе о барельефах Ростова-на-Дону в ходе экскурсий в первую очередь следует обращать внимание на расположение этих объектов. Часто размещение мемориалов обусловлено исторической логикой: их создают на местах, связанных с биографией увековеченных персоналий, или там, где непосредственно происходили исторические события, проводились захоронения погибших. Однако также следует учитывать привязку к природному или архитектурно-градостроительному ландшафтам [3: 99]. О.В. Семёнова и В.И. Афанасенко пишут, что в Ростове-на-Дону «памятники в большинстве своем являются выразительными и наполненными тематическим содержанием произведениями... современные памятники, обладая высокой степенью выразительности, отличаются детализацией, близкой к реализму» [6: 124].

Рассмотрим некоторые примеры отражения событий военной истории Ростова-на-Дону, в том числе Великой Отечественной войны, на барельефах (горельефах), которые автор статьи использует в практической деятельности – во время тематических экскурсий для школьников.

К наиболее ярким натуралистическим изображениям военных сражений относятся горельефы на фасаде Ростовского академического театра драмы имени М. Горького. Удачное расположение творения гениального скульптора С. Королькова позволяет «чувственно воспринять детали предметов», придает передаваемому смыслу «естественность и очевидность» [10: 63]. Многофигурные горельефные композиции были названы «Гибель Вандей» и «Железный поток». Горельеф «Гибель Вандей», завершённый в 1935 г., передает атмосферу тяжелого, жестокого боя между белогвардейцами и красными конниками. Интересна художественная задумка скульптора: в неистовой схватке бойцы держат в руках невидимое оружие. Это, безусловно, является художественной аллегорией, хотя где-то видна часть танковой гусеницы и колесо пушки, движения коней и яростная, вероятно, смертельная атака безоружных полуголых людей. Восточный горельеф «Железный поток», выполненный после открытия театра, изображает участников известного исторического похода Гражданской войны [4; 8]. Крупнейший советский скульптор О.К. Комов, впервые увидев эти горельефы

в 1980-е гг., отмечал: «...ни в русской, ни в советской скульптуре ничего подобного среди тематических композиций по монументальной мощи и силе образной выразительности я не знаю» [8].

Следующим примером художественного отражения событий Великой Отечественной войны является памятник-стела «Воинам-освободителям г. Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков». Решение об открытии мемориала ростовчане приняли, собравшись на митинг перед зданием взорванного драматического театра вскоре после освобождения города в 1943 г. Путь от замысла до его воплощения занял долгие 40 лет. Комплекс был открыт к 40-летию освобождения Ростова-на-Дону. Помимо общих композиционных особенностей, монумент интересен комбинацией наборных скульптур, барельефов и контррельефов, расположенных внизу стелы на опоясывающем рельефе из туфа. Здесь представлены темы «Фронт», «Тыл», «Мир». Так, например, тема «Фронт» отражена в фигурах солдат, изображениях огнестрельного автоматического оружия. На барельефе «Тыл» показана героическая работа женщин и детей в тылу [2: 29].

В память о героических подвигах казачьих подразделений в Великой Отечественной войне одна из площадей в Ленинском районе Ростова-на-Дону носит имя 5-го Донского корпуса. В 1974 г. на этом месте был воздвигнут монумент, авторами которого стали архитекторы Ян Занис, Рубен Мурадян и скульпторы Евгения и Борис Лопко. Он представляет собой 15-метровую стелу, выполненную из монолитного бетона подковообразной формы. В ее центре – гвардейский знак. Справа и слева от стелы высечены барельефы, на которых изображены бойцы основных родов войск, входивших в корпус. Рядом находится панно в виде карты боевого пути корпуса [1: 26].

В 2009 г. площади перед зданием старого аэропорта в Первомайском районе Ростова-на-Дону присвоено наименование «Площадь Воинской Славы». 6 мая 2010 г. состоялось официальное открытие мемориального комплекса «Город воинской славы». Архитектурно-скульптурное решение памятной стелы утверждено Российским организационным комитетом «Победа» в 2008 г. Памятник представляет собой колонну, окруженную четырьмя квадратными пилонами с барельефами на тему военной истории Ростова-на-Дону и побед над фашистскими захватчиками. На барельефах увековечены прославленные части Красной армии, сформированные

на Дону: 5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус, 339-я Таманская стрелковая дивизия, 230-й Краснознаменный полк НКВД, 3-й гвардейский Ростов-Донской Краснознаменный истребительный авиаполк [9]. Изображения барельефов помогают визуализировать рассказы экскурсовода о борьбе ростовчан против гитлеровцев в период немецкой оккупации: о партизанах и пионерах-героях – Вите Черевичкине, Володе Бондаренко, Эдике Жмайлове, Саше Чебанове и других, о Герое Советского Союза командире батареи Дмитрие Пескове. Также отражен на барельефах и подвиг нашего земляка Алексея Береста – участника водружения Знамени Победы над рейхстагом. 17 июля 2025 г. президент России В.В. Путин посмертно присвоил Бересту звание Героя Российской Федерации.

В парке культуры и отдыха имени Николая Островского, на его главной аллее, установлен мемориальный комплекс «Ростсельмашевцам – Героям Советского Союза», сооруженный в 1973 г. На семиметровой бетонной горизонтальной стеле выгравированы барельефы-портреты семи героев: капитана С.М. Алёшина, батальонного комиссара Л.С. Чапчахова, подполковника В.В. Евдокимова, рядового А.Г. Загаринского, майора П.П. Савченко, капитана В.М. Колесникова, старшего сержанта М.А. Гаккеля [1: 3–4].

В 2017 г. на углу здания учебного корпуса Ростовского института защиты предпринимателя, расположенного на улице, носящей имя Героя Советского Союза И.Я. Сержантова, был установлен бронзовый барельеф, посвященный летчику-истребителю. На барельефе с левой стороны – изображение И.Я. Сержантова в летной форме. С правой стороны расположена табличка с именем и званием героя, а также маленький бронзовый самолет, 21 звезда, обозначающая количество сбитых И.Я. Сержантовым самолетов, и звезда Героя Советского Союза. Также представлена краткая военная биография летчика.

В центре парка имени Вити Черевичкина в центре Ростова-на-Дону на горизонтальном пятиметровом белом постаменте на золотых барельефах изображены 12 пионеров-героев, совершивших подвиги в годы становления советской власти и Великой Отечественной войны. Среди них – четверо юных героев, уроженцев Донской земли: Гриша Волков и Филя Игнатенко, уроженцы ст. Тащинской Ростовской области, героически погибшие во время рейда 24-го танкового корпуса генерала В.М. Богданова в декабре 1942 г., Эдик Жмайлов, за мужество и героизм посмертно награжденный

орденом Отечественной войны II степени, Саша Чебанов, ставший бойцом Ростовского полка народного ополчения [1: 6].

Таким образом, изображения на барельефах (горельефах) не только отражают ключевые события военной истории, но и имеют символическое значение, передают в художественной форме идеи авторов, выражают отношение к историческим событиям. Барельефы (горельефы), обладая трехмерностью и визуальной глубиной, делают изображаемый объект более выразительным и запоминающимся. Следовательно, показ барельефов (горельефов) и рассказ о них необходимо использовать в экскурсионной работе. Мемориальные изображения на барельефах (горельефах) в Ростове-на-Дону служат одним из источников формирования интереса к истории своего края, исторической памяти и направлены на создание эмоциональных визуальных образов, что способствует появлению коллективных исторических представлений и укреплению связи поколений [10: 66].

Источники и литература

1. Великая Отечественная война: памятники, памятные места и улицы Ростова-на-Дону (тифлоэкскурсии): методический сборник / Сост. О.М. Рогозина. Ростов-на-Дону, 2022.

2. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Памятник на площади: жизнь в тени праздника // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 3. С. 27–35.

3. Попов А.Д. Мемориальное сооружение как источник по истории памяти: комплексный подход к изучению // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 98–106.

4. Ростовский драматический театр имени М. Горького. Часть первая. Стройка века. URL: https://www.rostovbereg.ru/publ/rostov_so_vsekh_storon/rostovskij_dramaticheskij_teatr_im_m_gorkogo_chast_pervaja_strojka_veka/1-1-0-634 (дата обращения: 26.02.2026).

5. Рубин В.А. Военно-мемориальное наследие как ресурс Российской культурной политики: теория, история, практика: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Челябинск, 2021.

6. Семёнова О.В., Афанасенко В.И. Новые памятники о прошлом: ростовские сюжеты о Великой Отечественной войне // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 3 (78). С. 118–128.

7. Сенявская Е.С. Помнить – значит знать. Память о Великой Отечественной войне как поле битвы и точка сборки // Столетие. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. 25.10.2023. URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/pomnit_znachit_znat_540.htm (дата обращения: 27.02.2026).

8. Театр имени М. Горького. URL: <https://www.vooipiik-don.ru/main/2009-06-01-10-23-39/37-2009-06-01-06-57-03/52-2009-06-01-> (дата обращения: 26.02.2026).

9. Центр по сохранению, использованию и популяризации памятников истории и культуры города Ростова-на-Дону. URL: <https://cor-rostov.ru/nashi-obekty/pamyatniki-i-memorialy-posvyashhennye-sobytiyam-velikoj-otechestvennoj-vojni/> (дата обращения: 26.02.2026).

10. Шестакова М.А. Изображения и зрелища как средства формирования исторической памяти // Философия и общество. 2022. № 4. С. 57–70.

А.Г. Евстифеева

УВЕКОВЕЧИВАНИЕ ПАМЯТИ ОБ А.П. БЕРЕСТЕ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ В 2015–2025 гг.

Все годы после Великой Отечественной войны имя Алексея Береста, под руководством которого было водружено Красное Знамя Победы в ночь на 1 мая 1945 г. в Берлине, было озарено светом благодарной памяти послевоенных поколений. В ночь на 2 мая Берест, переодевшись в форму советского полковника, совершил свой второй подвиг: рискуя жизнью, по заданию командования лично вел переговоры с остатками гарнизона Рейхстага. Берест твердо заявил немцам, что если они не вывесят белый флаг, то Красная армия снова начнет штурм Рейхстага. И немцы капитулировали! Свой последний, третий подвиг он совершил через 25 лет по окончании Великой Отечественной войны на железнодорожной станции Сельмаш г. Ростова-на-Дону, спасая ребенка ценой собственной жизни. За четверть века, прошедшую после войны, несмотря на все жизненные трудности, он так и не перестал быть героем, Человеком с большой буквы. Но что важно – героем его признали сами люди, которые 80 лет добивались, чтобы Алексею Прокофьевичу Бересту было присвоено звание Героя Российской Федерации [1; 2].

Год 70-летия Великой Победы оказался судьбоносным по отношению к Алексею Бересту. 2015 г. ознаменовался серьезными и масштабными мероприятиями, посвященными 70-летию Победы советского народа над фашистской Германией. В Ростовском институте защиты предпринимателя (далее – РИЗП) были проведены торжественные встречи с ветеранами, узниками концлагерей, бывшими партизанами, круглые столы, фестивали. Одно

из направлений поисковых работ студентов было посвящено подвигам знаменитых ростовчан. Учащихся особенно тронули судьба и подвиги Алексея Прокофьевича Береста, доклад о которых подготовила студентка Ирина Харченко. Студенты института задались вопросами, почему в Ростове-на-Дону нет достойного памятника герою, почему в 14 городах России были установлены памятники в честь знаменосца Победы Алексея Береста, а в Ростове ростсельмашевцу посвящены только маленькие бюсты на территории завода «Ростсельмаш» и на могиле героя. Ректор института А.В. Паршин горячо поддержал инициативу студентов по созданию и установке достойного памятника знаменосцу Победы. Коллектив института обратился за поддержкой к руководству города, Первомайского района, ветеранам, студентам всех вузов, школьникам, всем неравнодушным ростовчанам.

Неоценимую помощь в организации работ по установке памятника Алексею Бересту оказал депутат Государственной думы РФ Н.В. Коломейцев. Он организовал решающую финансовую и техническую поддержку и помощь со стороны завода «Ростсельмаш», а также пригласил выдающегося скульптора А.А. Скнарина, который спроектировал и изготовил памятник герою. В мае 2016 г. в сквере 353-й стрелковой дивизии, в центре Первомайского района, был установлен достойный памятник знаменитому ростовчанину – знаменосцу Победы. Благодаря инициативе педагогического и студенческого коллектива РИЗП при поддержке коллектива завода «Ростсельмаш», а также районных, городских властей и неравнодушных ростовчан, был создан величественный монумент человеку, под чьим руководством было водружено Знамя Победы, которое наряду с гербом, флагом и гимном России является символом нашей страны.

В преддверии 80-летия Великой Победы ветераны Ростова-на-Дону вновь подняли вопрос о восстановлении исторической справедливости – присвоении Алексею Бересту звания Героя Российской Федерации. В октябре 2024 г. 7 тыс. ростовчан обратились к Президенту РФ В.В. Путину с просьбой вновь рассмотреть вопрос об исправлении исторической ошибки, допущенной практически 80 лет назад по отношению к лейтенанту Бересту, и принять долгожданное решение о присвоении ему звания Героя Российской Федерации. Особый вклад в сбор подписей под обращением

к президенту внес коллектив завода «Ростсельмаш». Буквально за несколько дней было собрано около 6 тыс. подписей неравнодушных ростсельмашевцев. Сотни подписей собрали ветераны завода «Ростсельмаш», ветераны Первомайского района и ветераны Группы советских войск в Германии г. Ростова-на-Дону. Большой вклад внесли учащиеся лица № 20, поставив около 700 подписей, и студенты РИЗП. Около 100 подписей собрали учащиеся школы слабослышащих детей-инвалидов.

Собрав тысячи подписей, ростовчане обратились к депутату Государственной думы Федерального собрания РФ, бывшему ростсельмашевцу Н.В. Коломейцеву с просьбой организовать передачу коллективного письма лично президенту РФ В.В. Путину. Все месяцы юбилейного года Великой Победы прошли в ожидании ответа президента на многотысячное обращение неравнодушных жителей города, которое, к счастью, было услышано. И как результат – 17 июля 2025 г. указом Президента РФ № 480 за мужество, отвагу и самоотверженность, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Алексею Прокофьевичу Бересту присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Благодаря патриотизму, вере в историческую справедливость, неравнодушные ростовчане даже через 80 лет по окончании Великой Отечественной войны добились долгожданной победы.

Юбилейный 2025 год ознаменовался многими знаковыми событиями и мероприятиями. Активное участие в подготовке к 80-летию Великой Победы приняли администрации Первомайского и Пролетарского районов Ростова-на-Дону. Еще в 2024 г. был организован ремонт памятника, металлического ограждения и прилегающей территории. После обращения ветеранов Первомайского района совместно с ветеранами Ростовской региональной общественной организации Группы советских войск в Германии к главе администрации Пролетарского района по поводу наведения порядка на могиле Алексея Береста депутатом Законодательного собрания Ростовской области Р.Р. Мирзалиевым были организованы работы по благоустройству и наведению порядка у могилы героя на Александровском кладбище.

Памятное мероприятие, посвященное 105-й годовщине со дня рождения легендарного ростовчанина Алексея Прокофьевича

Береста, прошло в Первомайском районе Ростова-на-Дону в марте 2025 г. Его открыл заместитель главы администрации района М.В. Ожерельев. Он особо подчеркнул важнейшую роль ветеранов, молодежи и коллектива завода «Ростсельмаш» в решении вопроса о присвоении звания Героя РФ Алексею Бересту, руководившему в 1945 г. водружением Знамени Победы над Рейхстагом. Всем активным ростовчанам, внесшим особый вклад в решение этого важного вопроса, администрация района вручила благодарственные письма.

С глубоким почтением к памяти героя-земляка обратился к присутствующим председатель Ростовского регионального отделения Общероссийской общественной организации ветеранов Вооруженных сил РФ генерал-майор В.Д. Короленко, который подчеркнул решающую роль молодежи, ветеранов Первомайского района и завода «Ростсельмаш», депутатов, администраций района и города, а также всех неравнодушных ростовчан в сохранении памяти об Алексее Бересте. Ветеранам Первомайского района и города В.Д. Солдатенко, А.П. Агутенкову, А.Г. Евстифеевой, В.Г. Бобыреву, внесшим особый вклад в увековечивание памяти Героя Российской Федерации А.П. Береста, генерал вручил памятные знаки. В.Д. Короленко особо отметил, что только общими усилиями ростовчан удалось добиться победы исторической справедливости, чтобы высшая награда Родины даже через 80 лет нашла своего героя.

Обращаясь к присутствующим, ветеран труда, председатель комиссии по работе со студенческой молодежью Совета ветеранов, бывший проректор, руководитель Центра патриотического воспитания РИЗП А.Г. Евстифеева подчеркнула, что на протяжении многих десятилетий ветераны города, ветераны комбайнового завода «Ростсельмаш», бывшие однополчане, школьная и студенческая молодежь, тысячи неравнодушных ростовчан настойчиво добивались, чтобы Алексею Бересту – герою штурма Рейхстага, совершившему в своей жизни три подвига, – было присвоено звание героя нашей Родины, и добились долгожданной Победы!

30 апреля 2025 г., в день 80-летия водружения Знамени Победы над Рейхстагом, в Ростове-на-Дону были проведены грандиозные по масштабам патриотические мероприятия в честь Алексея Береста. А накануне Дня Победы около памятника знаменосцу Победы перед ветеранами войны и труда с военными песнями выступили студенты

РИЗП, свои творческие подарки, замечательные танцы подарили ветеранам воспитанники Ёлкинского центра помощи детям.

12 августа в Москве помощником Президента РФ В.Р. Мединским внуку А.П. Береста была вручена долгожданная медаль «Золотая звезда» Героя России. На следующий день он доставил из Москвы в Ростов-на-Дону награду своего знаменитого деда. На перроне его с радостью и гордостью, тепло и сердечно встречали ростовчане.

В середине августа в прославленной 150-й гвардейской мотострелковой Идрицко-Берлинской ордена Кутузова дивизии, воины которой в далеком мае 1945 г. водружали Знамя Победы над Рейхстагом, состоялось торжественное мероприятие, посвященное присвоению Алексею Бересту звания Героя России, организованное Ростовским региональным отделением ветеранов Вооруженных сил Российской Федерации. В мероприятии приняли участие ветераны Южного военного округа, Группы советских войск в Германии, представители общественности Первомайского района донской столицы и ветеранской организации завода «Ростсельмаш», где после войны трудился Алексей Берест. В своем обращении генерал-майор В.Д. Короленко особо подчеркнул, что долгожданной победы исторической справедливости по отношению к герою штурма Рейхстага удалось добиться только в едином строю ветеранов, молодежи и всех неравнодушных ростовчан [3; 4].

Памятное мероприятие, подготовленное ведущим специалистом администрации Первомайского района Е.А. Власюк, тепло и торжественно вели ученики школы № 21, артисты образцового театра «АРТелька» Игорь Шеменев и Анастасия Писарева. Они представили слово ученику лицея № 20 Денису Гречко, который прочитал стихотворение «Герою Алексею Бересту». Минутой молчания все присутствующие почтили память знаменосца Великой Победы. После этого все участники мероприятий, посвященных памяти Алексея Береста, возложили цветы к монументу герою.

Следующей точкой памяти стала железнодорожная станция Сельмаш. Именно здесь 55 лет назад Алексей Берест совершил свой последний подвиг: ценой своей жизни спас пятилетнюю девочку из-под колес поезда «Баку – Москва». С добрыми словами в память о герое обратился к ветеранам подполковник В.А. Зайченко. Затем ветераны возложили цветы к мемориальной доске, почтив память героя минутой молчания.

Третья часть памятного мероприятия прошла у могилы Алексея Прокофьевича Береста на Александровском кладбище. К присутствующим обратился депутат Законодательного собрания Ростовской области Р.Р. Мирзалиев, который организовал и достойно провел в 2025 г. серьезные работы по наведению порядка у могилы героя на Александровском кладбище. Председатель клуба «Патриот» подполковник запаса В.А. Солдатенко вспоминал Алексея Береста как человека, чей подвиг стал символом Победы в Великой Отечественной войне. Председатель Ростовской региональной общественной организации ветеранов Группы советских войск в Германии В.Г. Бобырев рассказал о большой работе, которую в юбилейном году провели ветераны по наведению порядка у могилы Алексея Береста.

Всех присутствующих до глубины души тронуло выступление учеников 1 «Б» класса школы № 7 имени Алексея Береста. Под руководством талантливого педагога Л.А. Сербиной первоклассники Елена Кужарова, Вадим Стародубов, Ева Кинякина, Ксения Шульженко и Савелий Задорожный прочли стихи, посвященные героической жизни Алексея Береста. От имени главы администрации Первомайского района директору школы А.А. Лисовской было вручено благодарственное письмо за большой вклад в увековечивание памяти Героя России Алексея Береста. Минутой молчания все присутствующие почтили память знаменосца Великой Победы. После этого участники мероприятия возложили цветы к могиле героя.

Низкий поклон Герою, ростовчанину Алексею Бересту за верность, мужество, силу и отвагу, которые он проявил во время Великой Отечественной войны и за все годы своей жизни. Светлая память Герою!

Источники и литература

1. Галкин Ю.И. Народный Герой – Алексей Берест. Ростов-на-Дону, 2016.
2. Киселев Г.Г. Неудобная правда о взятии Рейхстага. Поиск, исследование, реконструкция. Калининград, 2017.
3. Евстифеева А.Г. Звезда должна найти Героя // Ветеран. 2025. № 9-10. С. 20.
4. Евстифеева А.Г. Народ увенчал славой своего Героя! // Советская Россия. 2025. 8 октября. № 113. С. 2–7. URL: <https://sovross.ru/2025/10/08/narod-uvenchal-slavoj-svoego-geroya/> (дата обращения: 09.03.2026).

В.Ю. Мартыненко

**КОММЕМОРАТИВНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ:
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И МИРНОЕ ВРЕМЯ
В ЖИЗНИ СЕМЬИ БОЧАРОВЫХ**

В последние годы в связи с развитием эмпирической базы исследований феномена коммеморации важное значение приобретает опыт представления персональных историй участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла, а также всей последующей жизни и деятельности как их самих, так и воспитанных ими детей, переживших эти события. Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области активно занимается сбором подобной информации и созданием на ее основе фондов личного происхождения. Личные истории, рассказанные непосредственными участниками событий работникам архива, послужили отличным материалом для проведения уроков мужества и патриотизма в учебных заведениях города, встреч с общественностью, легли в основу ряда статей и сообщений для научных конференций и краеведческих чтений. Являясь частью истории Великой Отечественной войны и Победы в ней советского народа, они способствуют формированию у молодежи гражданско-патриотических ценностей и моделей поведения, укреплению семейных традиций. С этой целью обратимся к истории преподавателя Шахтинского филиала Новочеркасского политехнического института, кандидата технических наук, городского краеведа Валерия Митрофановича Бочарова, который родился 24 сентября 1939 г. в г. Шахты, вместе с семьей пережил страшное время войны, оккупации, послевоенно-го возрождения города.

Когда началась Великая Отечественная война, жизнь в городе, как и по всей стране, быстро начала перестраиваться на военный лад. В течение нескольких дней ушли на фронт сотни шахтинцев разного возраста и разных профессий. Не стали исключением и члены семьи Бочаровых. «Отец у меня 1910 г. Самый старший брат его был 1905 г., Ефим. Погиб на 41-й день войны... Он был политрук, на границе служил», – рассказывает В.М. Бочаров [3: 15].

Родители Валерия Митрофановича работали на шахте имени Л.Б. Красина с 1935 г. [3: 4] и продолжили работать на этой же шахте

и с началом войны, когда нависшая над страной смертельная опасность высоко подняла трудовую активность шахтинцев.

В первых числах октября 1941 г. городской комитет партии и комитет обороны приняли решение о создании пояса оборонительных сооружений вокруг города [1: 5]. Самое первое воспоминание о войне В.М. Бочарова: «...очень огромный мужчина (мой отец), я у него сижу на шее... и мы идем... а потом матушка рассказала, что это забирали... на оборонительные сооружения, копать там всякие рвы и все такое» [3: 4].

На рассвете 21 июля 1942 г. г. Шахты был оставлен советскими войсками [2: 23]. Начались черные дни оккупации. А днями раньше земля принимала один удар за ударом: было принято решение взорвать все шахты. Город был окутан черной дымовой завесой. «...глухие взрывы. Ну, я-то не соображал, что это такое. <...> Меня тетя Шура несет. И я так через плечо гляжу в обратную сторону, и в просвет видна часть шахты... вот какой-то... горящий шар, ну это было, конечно, пламя над разрушениями, взрывали шахту. Шахты как уничтожали? <...> поверхностный комплекс взрывали и затапливали», – отмечает в своих воспоминаниях В.М. Бочаров [3: 7].

Отец В.М. Бочарова был в эвакуации. Партийные органы оставляли его в подполье, а советские органы дали документ – бронь с указанием добираться до Баку, переправиться через Краснодарск в Казахстан, где его должны были отправить работать на шахту. Отец В.М. Бочарова говорил: «Винтовку я в жизни не держал, а уголек добывать умею». «Он... месяц добирался. <...> в эвакуацию-то они как шли: погрузили на телегу какие-то вещи, мешки, документы. <...> вдруг видят, что вдалеке немецкие танки показались. <...> куда делась эта телега с их вещами, никто не знает. Они остались вдвоем: один был мой батя, а другой – Ванька Пискунов. Два ударника социалистического труда. И вот этот Ванька Пискунов говорит: “Слушай, Митрошка, пошли домой! Какая разница, кому нам служить? Большевикам? Немцам?” Ну, а батя сказал: “Знаешь, Иван, ты как хочешь, а я пойду туда, куда сказали”», – вспоминает В.М. Бочаров [3: 9]. Так Митрофан Бочаров оказался в Казахстане, его назначили руководить небольшой шахтой, где пласт был 4 м толщиной. Система выработки таких шахт: камера-столб, а над головой земли 60–70 м. Там работали заключенные, с которыми надо было так

себя вести, чтобы однажды, как говорил сам Митрофан Бочаров, «тебя не замуровали в этом колодце». Потом, по рассказам Валерия Митрофановича, заключенных вывели из шахты, заменив военнопленными японцами: «Там всё было четко. Организация военная, офицеры – японцы. Батя дает наряд офицеру, офицер командует этими япошками. И всё. <...> А такая голодуха, говорит, была! <...> листья с бурака жрали. Ну, выжили, ничего» [3: 9].

А в Шахтах в это время хозяйничали фашисты. С первых дней оккупации во дворе Бочаровых разместились враги. Однажды соседские мальчишки у них еду украли, а женщины с улицы сказали: «Да это Полькина собака утащила». «Немец достает пистолет, или ружье, кто его знает, кто он. Мать мою берет и ставит к стенке, наставляет на нее, орет что-то. Ну Вы представляете, как мать закричала от ужаса? Но ей повезло. Нас-то в сарай выселили, а в нашей хатке жил офицер. Он услышал этот ее визг, выскочил, <...>. Между прочим, собака была на привязи, и он сказал, что “...пошел вон! Собака там привязана”. Вот представьте, что не было бы этого, пусть он враг, ее бы убили», – вспоминает Валерий Митрофанович [3: 14].

Рассказывал Валерий Митрофанович и еще один случай, который произошел в конце января 1943 г. В полицаи нанялись служить многие соседи Бочаровых. Все они запятнали себя кровью сограждан. И, тем не менее, один из них, Гаврилов, пришел к матери Бочарова ночью и сказал: «Полька, беги, на тебя поступил донос, что твой муж в коммунистах». Будучи на последних месяцах беременности, женщина побежала в соседний хутор, где жили родственники семьи. По пути она нарвалась на немецкий дозор, и немцы могли застрелить ее, но они прогнали Полину Бочарову. «Приходит к дядюшке, а тот сказал: “Чем ты думала, когда замуж выходила? Знала за кого, пошла отсюда!” Ну родственников там было много. Тетушка ее приютила», – вспоминает Валерий Митрофанович [3: 8].

17-летняя сестра отца Бочарова была комсомолкой. При обстреле города она получила ранение, все месяцы оккупации просидела в подвале, который находился в сарае их двора. «Бабушка рассказывала, что ночью она тихонько выглядывала подышать», – вспоминает Валерий Митрофанович [3: 15].

За период оккупации в городе было уничтожено около 14 тыс. человек, из которых 3500 человек были сброшены в ствол шахты имени Л.Б. Красина [2: 24]. Валерий Митрофанович рассказывал,

что его мать часто ходила вдоль железной дороги к двоюродной сестре и была свидетелем расстрела жителей у ствола шахты [3: 7].

О периоде оккупации в городе написал свою книгу «Вечный Огонь» Валентин Ющенко. Писатель работал со свидетелями происходящего, опрашивал родственников расстрелянных. В.М. Бочаров рассказывал, что мать, бабушка, дедушка читали и активно обсуждали книгу. Все считали, что изложенные в ней факты достоверны. И еще запомнилось маленькому Валере: «Передвижка. Какой-то фильм показывают. И вдруг завывли сирены. Немцы прилетели бомбить соседний поселок Каменоломни. Мать нас хватает, бежит домой и прячет под кровать <...>: “Если осколок сверху, – спасет перина, здесь – две стены, а здесь я их своим телом закрою”. Я к чему это говорю, – вот что такое мать. Помню день освобождения... рассвет... и вдруг раздаются взрывы и треск. Матушка хватает нас – и в погреб. И вот мы весь день там сидели, а она и тетка Аня, сестра моего отца... то спустятся к нам, то уйдут. Потом уже, когда стемнело, они радостно вытащили нас наверх. На улице крики: “Наши пришли!”» [3: 13].

В.М. Бочаров вспоминает и о том, что после освобождения в городе остались одни женщины: «Мужиков никого не было... Либо сидели... либо в полиции служили и сбежали, либо погибли. То есть поселок был – женский коллектив, и детвора вшивая... Но выжили, шахты начали восстанавливать. <...> Есть нечего было. <...> Нас спасала кукуруза, картошка, наши жерделы и вишни в огородах» [3: 9]. Из эвакуации вернулись шахтеры. Вернулся и отец Валерия Митрофановича. За восстановление предприятий угольной промышленности он был награжден орденом Трудового Красного Знамени [3: 19].

Бочаровы вырастили достойных детей: все трое стали уважаемыми людьми, работали на благо Родины, воспитали уже себе достойную смену. Валерий Митрофанович активно делится своими воспоминаниями с молодежью и равнодушными к истории родного города исследователями, передавая их как самое дорогое наследие.

Источники и литература

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-121. Оп. 2. Д. 1.
2. Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области (далее – ЦХАД). Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 69.
3. ЦХАД. Ф. Р-1195л/п. Оп. 1л/п. Д. 1.

М.Б. Долгиева, И.А. Тибоев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНГУШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Великая Отечественная война занимает центральное и наиболее значимое место среди трагических моментов в истории Российского государства. В условиях стремительных изменений в обществе особенно важным становится сохранение памяти о трагических и героических эпизодах военного времени, что имеет особое значение для образовательных учреждений, в том числе университетов. Руководство и преподаватели Ингушского государственного университета (далее – ИнГУ) придают большое значение этой деятельности. В стенах вуза ведутся исследования военной истории, организуются разнообразные мероприятия военно-патриотической тематики. Молодежь Ингушетии вовлечена в ключевые проекты университета, направленные на воспитание патриотизма и сохранение памяти о Великой Отечественной войне.

В сохранении коллективной памяти одним из результативных инструментов является работа поисковых отрядов, которые проводят большую работу по поиску мест захоронения погибших советских солдат и увековечению их подвигов. В 2010 г. в Ингушетии появился региональный поисковый отряд «Малгобек», возглавляемый Бесланом Дзейтовым [13]. Эта организация, в состав которой входят и студенты Ингушского государственного университета, занимается поиском и перезахоронением останков воинов, павших в Малгобекской оборонительной операции. Благодаря ее усилиям в Малгобеке было установлено 29 памятников, стел и обелисков с именами погибших советских солдат [13].

С 2015 г. к этой работе присоединился студенческий поисковый отряд «Память», сформированный на историческом факультете Ингушского государственного университета. Он занимается увековечением подвигов и сохранением памяти о героях войны, особенно уроженцах Ингушетии. Отряд «Память» проводит масштабные поисковые работы как в республике, так и за ее пределами [12]. Важным направлением деятельности отряда стала «Вахта

Памяти», включающая поиски, благоустройство мемориалов и патриотические акции. Например, к 80-летию Победы отряд провел субботник у обелиска летчикам 4-й воздушной армии в сельском поселении Вежари. В результате этой работы были найдены и перезахоронены останки бойцов, а места их захоронений приведены в порядок [11].

В рамках проекта «Ежегодный полевой лагерь» студенты Ингушского университета совместно с поисковыми отрядами проводят работу на высотах Терского хребта, где шли ожесточенные бои с врагом. Студенты вместе с молодежью из других регионов России принимают участие в поисковых экспедициях, патриотических акциях и образовательных программах [10].

Необходимо отметить, что поисковое движение, включая и отряд «Память», играет важную роль в воспитании молодежи. Представители отряда рассказывают о подвигах советских солдат, находят сведения об участниках войны на онлайн-ресурсах «Подвиг народа» и «Память народа», уделяя особое внимание поиску информации об уроженцах Ингушетии. Кроме того, членами отряда «Память» среди школьников был организован Всероссийский конкурс краеведческих работ «Отечество», призванный стимулировать интерес молодежи к своей истории, к сохранению памяти о защитниках страны [2].

Важным направлением деятельности отряда «Память» является воспитание у молодого поколения гражданской ответственности за судьбу страны и формирование патриотизма. Всестороннюю поддержку в этом направлении студентам оказывает руководство ИнГГУ. Регулярно в университете проводятся всероссийские, региональные, международные научные конференции и круглые столы. На них обсуждаются вопросы истории Великой Отечественной войны, ее воздействия на общество и роли различных социальных групп в ней. Такие мероприятия способствуют накоплению новых знаний и формированию критического мышления у учащихся.

В 2025 г. – год 80-летия Победы – в университете состоялись научные мероприятия по истории Великой Отечественной войны: международная научно-практическая конференция «Великая Отечественная война в исторической памяти народов России» и региональная научно-практическая конференция «Многонациональный Кавказ: единение в Великой Победе».

Важным аспектом работы университета является участие преподавателей и студентов в конференциях, которые проходят в различных регионах России. Более десяти вузов, в том числе Ингушский университет, каждый год принимают участие в работе Всероссийской молодежной научной онлайн-конференции «Великая Отечественная война в исторических судьбах народов и регионов России» [14].

Международная конференция, приуроченная к 80-летию Победы, собрала в Москве ведущих историков страны. В ее работе приняли участие и преподаватели Ингушского государственного университета. Значительный интерес участников конференции вызвало выступление заведующего кафедрой «Отечественная история» ИнГУ д.и.н. Т.Х. Матиева. Он подробно рассмотрел особенности боевого применения и управления войсками обеих сторон в ходе Малгобекской оборонительной операции [6].

Для студентов, школьников и их родителей университет проводит офлайн- и онлайн-лекции о ключевых событиях Великой Отечественной войны, ее последствиях и уроках. Например, в рамках проекта «Без срока давности» студенты старших курсов и преподаватели вуза провели лекции с просмотром видеофильмов о геноциде времен войны. Особое внимание слушатели проявили к темам: «Вклад тыла Ингушетии в Великую Победу», «Роль ингушских женщин в Великой Отечественной войне», «День воинской славы России: День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве». Были проведены открытые лекции ведущих преподавателей университета, приуроченные ко Дню единых действий в память о геноциде советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны [1].

Наряду с лекциями организовывались выставки, посвященные войне. Среди них были экспозиции «Война в исторической памяти народа: к 80-летию со дня начала ВОВ», «Память народа: фото-летопись Великой Отечественной войны» и др. Особый интерес вызвала выставка «Женщины в Великой Отечественной войне», проведенная в Информационно-ресурсном центре ИнГУ. На выставке через фотографии и биографии женщин был показан их боевой путь на фронте и самоотверженный труд в тылу [5].

Важной частью работы по патриотическому воспитанию и сохранению памяти о войне является изучение вклада детей

Ингушетии в Победу. В рамках исследования проводился сбор воспоминаний о том, как несовершеннолетние участвовали в боевых действиях, в тыловых работах, как собирали средства и оказывали помощь фронту. Такие инициативы дают возможность молодежи не только узнать о подвигах своих сверстников, но и понять, как война повлияла на судьбы множества семей в регионе. Заведующая кафедрой «Всеобщая история» ИнГУ З.Р. Дзуматова считает, что участие детей в сохранении исторической памяти не уменьшает значение участия взрослых, а наоборот, показывает, как все слои населения были вовлечены в дело Великой Победы [4].

Одним из наиболее значимых университетских мероприятий стало открытие выставки «Дети войны», организованной старшим преподавателем исторического факультета И.А. Тибоевым. Экспозиция рассказывала о судьбах детей, переживших трудные годы военных действий. В ходе ее подготовки были собраны различные документы, фотографии и личные воспоминания, что позволило полно и подробно показать, каким образом война повлияла на жизнь каждого ребенка. Подобные выставки служат важной площадкой для сбора и передачи знаний, способствуя формированию уважения к историческому наследию и культуре [3]. Материалы, собранные в рамках исследования вклада детей в Великую Отечественную войну, будут объединены в единую базу данных, которая в будущем станет основой для научных работ студентов, магистрантов и аспирантов. Таким образом, перед ИнГУ стоит задача не только сохранить память о военных событиях, но и подчеркнуть значимость роли каждого человека в формировании общенациональной памяти.

Одним из ключевых направлений в деле сохранения исторической памяти является издание научных статей, сборников и монографий. Преподаватели университета подготовили ряд исследовательских работ, посвященных участию ингушского народа в Великой Отечественной войне. В честь 75-й годовщины Победы старший преподаватель Т.У. Яндиева выпустила первый том Книги Памяти, в котором собраны имена уроженцев Ингушетии, призванных на фронт в годы войны [7]. Автор планирует издать второй том книги.

Т.Х. Матиев в своих монографиях «Малгобекская оборонительная операция: ход, этапы, значение» [8] и «Малгобекский бастион.

Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь – октябрь 1942 г.» [9] детально освещает ключевые этапы Малгобекской оборонительной операции и всей Битвы за Кавказ. Эти работы посвящены анализу как масштабного наступления немецких войск, так и ответных действий Красной армии, направленных на защиту стратегически важных кавказских нефтеносных районов. Т.Х. Матиев рассматривает военные стратегии противоборствующих сторон, особенности применения вооруженных сил, а также уделяет внимание условиям жизни гражданского населения в зонах боевых действий. Опираясь на обширные архивные материалы из России и Германии, автор предлагает всесторонний взгляд на события, развернувшиеся на одном из критически важных участков фронта.

Ингушский государственный университет активно участвует в сохранении исторической памяти о войне. Так, на базе Информационно-ресурсного центра вуза была проведена международная патриотическая акция «Диктант Победы». Это мероприятие, собравшее студентов и преподавателей, стало не только проверкой знаний о событиях войны, но и платформой для демонстрации значимости сохранения истории героического прошлого страны.

Университетские программы направлены на изучение малоизвестных аспектов войны, включая, например, роль женщин и детей, то есть темы, которые зачастую остаются в тени более масштабных исследований. Через поисковую работу, научные изыскания, организацию выставок и другие инициативы Ингушский университет формирует у молодого поколения чувство ответственности за сохранение исторической памяти. Подобные мероприятия помогают осознать значение событий Великой Отечественной войны, а также воспитывают патриотизм и гордость за историческое наследие и культуру своего народа. Руководство университета создает условия для открытого диалога между преподавателями и студентами о прошлом. Это способствует преемственности поколений, передаче ценных знаний и воспоминаний, а также формированию устойчивого интереса к истории родного края.

Будучи значимым образовательным и культурным центром региона, Ингушский государственный университет берет на себя миссию по сохранению и комплексному изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне. Эта задача является

основой для построения более осознанного и сплоченного общества, способного ценить свои корни и уверенно смотреть в будущее.

Источники и литература

1. В ИнГУ почтили память жертв геноцида советского народа. URL: https://inggu.ru/about_the_university/news/2100/ (дата обращения: 07.11.2024).
2. В Ингушетии прошел региональный этап Всероссийского конкурса исследовательских краеведческих работ учащихся «Отечество». URL: https://vk.com/wall291961482_554 (дата обращения: 06.03.2026).
3. Гагиева М. В Ингушетии прошел круглый стол о роли народа в Победе над фашистами. URL: <https://serdalo.ru/index.php/v-ingusetii-prosel-kruglyi-stol-o-rol-i-naroda-v-pobede-nad-fasistami> (дата обращения: 03.03.2026).
4. Информатор Дзумагова Зарета Рашидовна, 1979 г.р., с.п. Кантышево.
5. Информатор Тибоев Илез Алиевич, 1998 г.р., г. Малгобек.
6. Исторический факультет ИнГУ принял участие в международной конференции, посвященной 80-летию победы в Великой Отечественной и Второй мировой войне. URL: <https://inggu.ru/nauchnaya-deyatelnost/nauchnye-meropriyatiya/2554/> (дата обращения: 06.03.2026).
7. Книга памяти Республики Ингушетия, 1941–1945. Т. 1 / Авт. и сост. Т.У. Яндиева. Магас, 2020.
8. Матиев Т.Х. Малгобекская оборонительная операция: ход, этапы, значение. Нальчик, 2014.
9. Матиев Т.Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь – октябрь 1942 г. М., 2016.
10. Муратов А. Главная цель – увековечить память о героях. URL: <https://znamyatrudari.ru/2019/05/14/3525/> (дата обращения: 06.03.2026).
11. Провели субботник в честь 80-летия Великой Победы. URL: https://vk.com/wall-211209819_1543 (дата обращения: 05.03.2026).
12. Смит В. Ингушские студенты принимают участие в «Вахте памяти» в Малгобекском районе. URL: <https://gazetaingush.ru/news/ingushskie-studenty-prinimayut-uchastie-v-vahte-pamyati-v-malgobekskom-rayone> (дата обращения: 06.03.2026).
13. Харсиева Л. «Я был. Я есть. Я не забыт». Поисковый отряд «Малгобек» – труд, который невозможно переоценить. URL: <https://gazetaingush.ru/obshchestvo/poiskovyy-otryad-malgobek-trud-kotoryy-nevozmozhno-pereocenit> (дата обращения: 06.03.2026).
14. VI Всероссийская молодежная научная конференция «Великая Отечественная война в исторических судьбах народов и регионов России» на факультете истории и филологии. URL: <https://www.tgpi.ru/news/16-12-2025/5> (дата обращения: 06.03.2026).

О.В. Лепеш, Л.И. Мосейчук

РОЛЬ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Великая Отечественная война является ключевым элементом исторической памяти белорусов. Руководство Республики Беларусь активно поддерживает инициативы, направленные на ее сохранение. Согласно статье 15 Конституции Республики Беларусь, государство «обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны», что должно являться основополагающим элементом в преподавательской практике [3].

Преподаватели кафедры истории Белорусского национального технического университета (далее – БНТУ), руководствуясь принципами государственной политики в области социально-гуманитарной подготовки, связанными с индивидуализацией форм и методов обучения, усилением практической направленности образования, находят возможность знакомить студентов с историческими источниками не только в рамках семинаров и лекций, но и посредством посещения музеев и архивов. Например, они регулярно организуют экскурсии в Музей истории Великой Отечественной войны (г. Минск) и тематические экскурсии в музей БНТУ, в ходе которых освещается вклад сотрудников и студентов университета в Победу, а также иницируют пешие экскурсии по местам Минского гетто, обеспечивая всестороннее освоение студентами учебного материала.

В 2025 г. в БНТУ открылась постоянная выставка, посвященная геноциду белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Экспозиция основана на материалах расследования Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, которая установила новые факты геноцида, совершенного нацистами и их пособниками. Выставка значительно углубляет понимание студентами масштабов трагедии, постигшей население оккупированной Беларуси. Многие данные, впервые обнародованные в ходе расследования, еще не получили широкого освещения в литературе, что делает выставку особенно актуальной. Результаты расследования позволили уточнить и расширить информацию о местах принудительного содержания

и уничтожения людей по всей стране. Эти данные в экспозиции представлены на областных картах, дополненных фотодокументами и историческими источниками, иллюстрирующими трагические события в каждом регионе и в Минске. Также на выставке представлена публичная кадастровая карта Беларуси, где отмечены установленные и ранее неизвестные места массовых захоронений жертв геноцида, включая лагерь смерти и сожженные деревни, подобные Хатыни.

Параллельно, в рамках преподавания дисциплины «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)», преподаватели БНТУ стимулируют студентов к написанию научных работ и участию в конференциях различного уровня. Используя базу исторических источников и изучая историографические работы, студенты БНТУ ежегодно активно участвуют в конференциях и проектах, посвященных актуальным проблемам истории войны. Как показывает практика, объектом таких исследований часто становится история их родного края в военные годы.

В 2025 и 2026 гг. БНТУ дважды выступал в качестве организатора молодежной конференции «Город-фронт Ленинград». Мероприятие, инициированное Государственным мемориальным музеем обороны и блокады Ленинграда и проходившее в Санкт-Петербурге, направлено на увековечение памяти о героизме и самоотверженности советского народа. Конференция собрала молодых ученых из России, Беларуси, Узбекистана и Армении. Кафедра истории БНТУ и ее студенты внесли свой вклад в работу мероприятия, представив ряд научных докладов, которые были опубликованы [2].

Также в 2024/2025 учебном году кафедра истории БНТУ приняла участие в совместном образовательном проекте с Университетом ИТМО (г. Санкт-Петербург) – урок «Память о войне. Без срока давности», который стал примером сохранения исторической памяти и формирования патриотических ценностей у молодежи. Студент 2-го курса автотракторного факультета БНТУ Игорь Ветров представил свое исследование о судьбах детей Белорусской ССР в годы Великой Отечественной войны. Он подробно осветил политику геноцида, направленную против детей, включая убийства по национальному и расовому признаку, карательные операции, создание лагерей для детей-доноров и пересыльных лагерей для отправки в Германию. Особое внимание было уделено проблеме принудительного вывоза детей на работы в Германию, где дети-рабочие составляли

8,3 % от общего числа белорусских оstarбайтеров. Исследование также подчеркнуло уникальный аспект войны – массовое участие детей в партизанском и подпольном движении.

В свою очередь историки из Санкт-Петербурга отметили, что одной из самых трагических страниц войны является блокада Ленинграда – города, ставшего символом бессмертного мужества и непоколебимости человеческого духа. На уроке памяти директор Центра социальных и гуманитарных наук Университета ИТМО, кандидат педагогических наук Галина Петровна Жиркова рассказала о трагедии детей блокадного Ленинграда. Историкам блокады известны десятки дневников, написанных детьми и подростками. Самый знаменитый – блокадный дневник Тани Савичевой, описывающий гибель всей семьи. Большую известность получил дневник ленинградского школьника Юры Рябинкина, трагически погибшего в блокаду от голода. Г.П. Жиркова познакомила студентов с иллюстрированным дневником школьницы Тани Вассоевич, в котором нашел отражение непредвзятый детский взгляд на жизнь в осажденном городе. Свои записи Таня Вассоевич начала вести с первого дня войны. В ее дневнике есть рисунок, изображавший, как ленинградцы слушали речь В.М. Молотова о начале войны. Ее отца война застала далеко от дома в геологической экспедиции. Таня оставалась в городе с мамой и 15-летним братом, которые умерли в 1942 г., и девочка сама занималась их похоронами. В дневнике есть информация о том, как все ленинградцы, включая детей, рыли окопы, скрывались от постоянных обстрелов в бомбоубежищах, содержится диаграмма нормы хлеба для иждивенцев (самая малая норма – 125 г), описывается эвакуация по льду Ладожского озера – Дороге жизни. Главная запись в дневнике Тани Вассоевич сделана красным карандашом: «Сейчас сказали, что кончилась война. 9 мая 5 ч. 30 мин.». Дневник Тани был издан в виде книги ее сыном [7].

В завершение мероприятия студентка 2-го курса Университета ИТМО Белобородова Елизавета представила проект «Блокадная карта», разрабатываемый совместно с Центром «Прожито» и направленный на сохранение истории блокады. Проект представляет собой цифровую интерактивную карту Ленинграда с геометками, основанными на цитатах из блокадных дневников.

Урок «Память о войне. Без срока давности» не только погрузил участников встречи в трагические события Великой Отечественной

войны. Он объединил современную молодежь России и Беларуси в стремлении сохранить историческую память о тех, кто встал на защиту Родины, и проиллюстрировал трагедию детей периода войны, доказав, что память о войне действительно не имеет срока давности.

В 2024 г. к 80-летию освобождения Беларуси кафедра истории выпустила электронный сборник студенческих эссе «Войной опаленные...», посвященный героям Великой Отечественной войны. Это уже четвертый подобный сборник в БНТУ, где студенты делятся личными историями своих родных и близких, участвовавших в войне. Эти эссе, основанные на свидетельствах очевидцев и мемуарах, представляют собой уникальные исследования, обладающие высокой документальной ценностью. Их тематика затрагивает разные стороны жизни белорусов во время оккупации (1941–1944 гг.), включая выживание, пребывание в концлагерях (Тростенец, Озаричи, Колдычево и др.), жизнь в гетто, принудительный труд в Германии и антифашистское сопротивление. Особое внимание уделяется малоизученному концлагерю Озаричи, где, согласно студенческим работам, немцы в марте 1944 г. содержали узников в нечеловеческих условиях на болотистой местности, что привело к гибели более 20 тыс. человек. Факты из эссе подтверждают, что немцы намеренно заражали узников тифом, планируя использовать их как бактериологическое оружие против Красной армии и других заключенных [1].

Согласно имеющейся информации, большое количество белорусов с оккупированных земель было насильственно депортировано в Германию для принудительного труда. Студенческие исследования, основанные на свидетельствах родственников, подробно описывают условия жизни остарбайтеров из Белорусской ССР. Отмечается, что многие из них, не достигшие 18 лет, работали по 12–15 ч в день [4: 94]. Условия их жизни были крайне тяжелыми: проживание в холодных бараках и сараях, скудное питание, телесные наказания и огромные денежные штрафы [1: 15, 37; 4: 23]. В работах также упоминается практика германизации белорусских детей, переданных в немецкие семьи.

Особое внимание в эссе уделяется положению детей, переживших войну, многие из которых были несовершеннолетними родственниками авторов [4; 5]. Так, в работе одного из студентов есть пронзительная запись из дневника его прадеда, датированная 1941 г.

В ней вчерашний школьник выражает свою ненависть к войне, разлучившей его с семьей и ставшей причиной гибели близких, но при этом демонстрирует несгибаемую волю и стремление к Победе [6: 125].

В 2024–2025 учебном году студенты БНТУ при поддержке преподавателей кафедры и ведущего специалиста музея истории приняли участие в проекте «Новые имена». Этот проект музея истории БНТУ был призван рассказать о новых героях – ветеранах профессорско-преподавательского и учебно-вспомогательного состава университета, а также студентах, внесших вклад в Победу.

Кафедра истории также ежегодно поддерживает выставочный проект «История Великой Отечественной войны в лицах», инициируемый управлением воспитательной работы с молодежью БНТУ. Эта выставка дает возможность студентам и сотрудникам нашего университета поделиться своими историями о героях войны. Особую гордость студенты испытывают, когда пересылают своим родителям, бабушкам и дедушкам фотоотчет о присутствии в сердце университета лиц из своего семейного архива, внесших посильный вклад в Победу. Считаем, что данная выставка является прямым продолжением мемориализации памяти о войне в каждой семье.

Кроме того, кафедра активно организует состязательные мероприятия, углубляющие знания о Второй мировой и Великой Отечественной войнах. Среди них – захватывающая ежегодная викторина «Навечно в памяти», в которой преподаватель кафедры, кандидат исторических наук, доцент И.Ю. Сервачинский выступает в роли ведущего и автора вопросов, а команды всех факультетов и лицей БНТУ соревнуются за звание знатоков. Кафедра истории также разрабатывает вопросы о Великой Отечественной войне для ежегодного спортивно-интеллектуального квеста «Дорогами войны».

Таким образом, преподаватели кафедры истории БНТУ активно внедряют в учебный процесс ряд научных внеучебных мероприятий по сохранению памяти о Великой Отечественной войне, направленных на формирование у студентов чувства гордости, патриотизма и ответственности за будущее через погружение в образы героического прошлого, подвиги людей и личные семейные истории.

Источники и литература

1. «Войной опаленные...»: сборник студенческих эссе о героях Великой Отечественной войны к 80-летию освобождения Беларуси от

немецко-фашистских захватчиков. Минск, 2024. URL: <https://rep.bntu.by/handle/data/144807> (дата обращения: 06.03.2026).

2. Город-фронт Ленинград: сборник тезисов Международной молодежной конференции, посвященной 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Сост. А.А. Лисенкова, А.А. Попов, Д.В. Попова. СПб., 2025.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus> (дата обращения: 24.09.2025).

4. Мы помним... Студенческие эссе [К 70-летию Великой Победы] / Под общ. ред. А.Г. Балицкого. Ижевск, 2015.

5. Помним, гордимся: материалы студенческой научной конференции (к 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских оккупантов) / Под общ. ред. В.А. Бобкова. Минск, 2019.

6. Страницы подвига. Студенты размышляют, пишут о Великой Отечественной войне (к 70-летию освобождения Беларуси) / Под ред. В.А. Божанова, Д.Н. Хромченко. Минск, 2014.

7. Яско А. Свидетельства блокадников Ленинграда учат ценить мирное небо // Беларусь сегодня. 25.01.2025. URL: <https://www.sb.by/articles/eto-voyna-a-poseredine-belaya-bulka.html> (дата обращения: 06.03.2026).

Т.Ф. Маслова

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ВОСПИТАНИИ КУЛЬТУРЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ: ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Историческая память – сложный феномен человеческого бытия, затрагивающий процессы социализации, интеграции, а также культуру личности и общества. Историческая память объективируется как ядро духовной культуры «корневого человека», который, по мнению философа Н.А. Бердяева, «должен любить свою землю... во всех ее противоречиях, с грехами и недостатками. Без любви к своей земле человек бессилен что-либо сотворить» [2: 30]. В контексте социокультурных, духовно-нравственных ценностей современного российского общества воспитание исторической памяти является одним из условий гармонизации социальных отношений, укрепления межпоколенных связей. Как результат данного процесса рассматривается

степень сформированности культуры исторической памяти в общественной жизни, отражающая ценность, знание, способность субъектов к адекватной интерпретации и сохранению истории в сознании и социальном опыте, а также реализация целенаправленных, творческих, практических действий и способность социальных субъектов раскрывать и транслировать историческую память.

Данные заключения обращают внимание научного сообщества и педагогов на определение форм и методов развития культуры исторической памяти подрастающего поколения, выделяя важность роли педагога, его подготовки к этой деятельности. Для системы образования, отвечающей за качество воспитания и социализации подрастающих поколений, актуализируется задача повышения компетентности всех его субъектов в вопросах наиболее востребованных исторических символов и событий, их интерпретации, выявления основных маркеров российской идентичности молодежи. Как отмечал П.А. Сорокин: «Воспользоваться всем опытом прошлого, всеми уроками недавнего перелома – отказаться последовательно от того, что “изжито”... вот что требуется логикой жизни от “детей” в первую очередь» [3: 558].

В ходе реализации данной идеи воспитательные технологии направлены на получение и развитие опыта обучающихся, основанного на осмыслении и поддержке проявления патриотизма, гражданственности. Важнейшим стимулом при этом выступает обращение к событиям Великой Отечественной войны.

Как показало время, сложившаяся в массовом сознании память о войне для советского, российского общества стала одним из духовных интеграторов, в котором соединилась и политика, и коллективная память, вобравшая духовный опыт Великой Отечественной войны. К достижениям этого опыта относятся, прежде всего, следующие:

- приобретение опыта коллективной социокультурной рефлексии, то есть совокупности способов оценки окружающей действительности и самооценки, интерпретации ценностей и смыслов, воплощенных в комплексе взглядов, образов и символов, которые используются для адаптации к сложившейся ситуации или для ее модификации [1: 115], что выразилось в Победе и преодолении военной разрухи;

- утверждение ценностей и идеалов справедливости, патриотизма, интернационализма во времена военных испытаний, роль которых в сплоченности, интегрированности общества трудно переоценить.

Перевод достижений духовных, интеллектуальных, физических возможностей народа как исторически и морально значимых в русло воспитания требует всестороннего осмысления, поиска форм и содержания образовательных действий.

Как показывает опыт, важную роль в организации воспитания и развития культуры исторической памяти, систематизации усилий в этом направлении играет как контекстно-историческая, так и теоретико-методологическая обоснованность действий, а также информационное сопровождение всего образовательного процесса. Требуется внимания определенность теоретических основ и связанных с ними практических векторов и воспитательных практик. В качестве таких основ рассматриваются теории социализации, личностно-ориентированного обучения, концепции и технологии активного обучения с использованием проектных технологий, ролевых игр, интервьюирования, драматизации, приобщение к устной истории. Сюда же относятся методики коммеморативных практик, таких как исторические реконструкции, исторический туризм и другие, содержащие потенциал выработки у обучающихся собственного представления об историческом прошлом, основанные на творческой интеграции предметных знаний, систематизации и координации воспитательных практик, возможностей измерения их эффективности.

В совокупности весь спектр действий по воспитанию культуры исторической памяти определяется как моделирование в процессуально-деятельностном аспекте. С учетом функциональной направленности разрабатываемой модели, целесообразно выделить в ее структуре:

- прогнозно-целевой компонент, направленный на выявление перспективного запроса и актуальных образовательных решений в сфере формирования культуры исторической памяти о Великой Отечественной войне;
- содержательно-методический аспект, связанный с развитием компетентности обучающихся в образовательной работе с использованием информации о событиях Великой Отечественной войны; с приемами достижения объективности их интерпретации в системе междисциплинарных связей и воспитательных практик;
- управленческий компонент, направленный на выполнение социального заказа по развитию консолидирующей функции и воспитания культуры исторической памяти обучающихся, оценку результатов действий.

В системе методов реализации модели особое значение имеют социологические опросы как элемент информационного сопровождения воспитательного процесса. Полученные результаты позволяют конкретизировать содержание и методы его реализации.

Оценивая научно-практическую значимость данных стратегий, Ставропольский государственный педагогический институт принял участие в социологическом проекте «Студенчество о Великой Отечественной войне» (2024–2025 гг.), реализуемом Российским обществом социологов. Результатом участия стало получение информации, отражающей позиции студентов (всего 851 человек) по отношению к Великой Отечественной войне, что может рассматриваться в качестве основания характеристик их профессиональной, исторической культуры, готовности к воспитательной деятельности.

Судя по распределению вариантов ответа на вопросы об источниках знаний, их достаточности, суждениях о некоторых событиях, практически вся студенческая аудитория осведомлена об этом историческом событии. Примечательно, что большая часть респондентов в качестве источников пополнения знаний о войне выделила образовательное и семейное пространство, а также кинофильмы и музеи. При этом результаты исследования отражают глубинную сторону ценностного отношения, затрагивающего эмоционально-чувственную сторону личности. На вопрос «Чем для Вашей семьи является День Победы?» 52,9 % опрошенных ответили «Праздник со слезами на глазах»; 34,0 % – «День гордости за СССР»; 7,9 % – «День памяти о родных, прошедших войну».

Однако на фоне таких суждений в ответах зафиксированы тенденции десакрализации памяти: «С годами память о войне всё более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы» (6,9 %); «Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи» (5,1 %). Между тем основная тенденция отражает патриотические настроения, характерные для большей части опрошенных. 85,6 % респондентов ответили «Да» и «Скорее, да» на вопрос о том, считают ли они себя патриотами. Такая оценка подтверждается отмеченными в ходе опроса выявленными в ходе опроса мировоззренческими и поведенческими установками. Большинство опрошенных студентов отмечают значимость исторической памяти в развитии общества (78,0 %); стремление жить

и работать в России (79,7 %). Это согласуется с пониманием патриотизма как такового, представленного в ответах: «Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране» (16,9 %); «Испытывать гордость за свою страну» (16,8 %); «Уважать и знать историю своей страны» (14,2 %); «Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны» (9,8 %); «Честно и добросовестно трудиться» (6,8 %).

Выделяя Великую Отечественную войну как значимый маркер исторической памяти, студенты подтвердили свое участие в коммеморативных практиках. Так, основная часть респондентов – активные участники мемориальных мероприятий, среди которых наибольшую популярность получила акция «Бессмертный полк» как «хорошая форма воспитания патриотизма», на что указали 47,8 % участников опроса. При этом были выделены достоинства акции: «семейный момент» – 14 %, интернациональный характер – 9,8 %. 13,3 % респондентов поддерживают предложение о включении в эту акцию труженников тыла, а также участников локальных войн и конфликтов, что, безусловно, отражает позицию связи поколений в защите интересов Родины и государства. В своих ответах студенты подтвердили участие в просветительских проектах «Без срока давности» (15,4 %); в мероприятиях Всероссийского движения «Волонтеры Победы» (11,5 %); во Всероссийском историческом проекте «Лица Победы» (8,4 %); в тиражировании книг Памяти (7,6 %); всероссийских проектах «Хранители истории» (6,4 %); «Диалог с героями» (6,0 %).

Таким образом, в условиях риска искажения и идеологического редактирования информации о событиях Великой Отечественной войны, снижения значимости культуры исторической памяти поколений среди координат ориентирования в современном мире актуализируется готовность педагогов к организации деятельности по развитию исторической памяти обучающихся, что обуславливает внимание к практикам образовательного моделирования на этапе профессиональной подготовки будущих специалистов.

Источники и литература

1. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. 2010. № 1 (309). С. 109–115.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. Ростов-на-Дону, 1997.
3. Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы. СПб., 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Антон Викторович, д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Аманжолова Дина Ахметжановна, д-р ист. наук (Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва)

Аппаева Жаухар Мустафаевна (Кабардино-Балкарское отделение Ассоциации искусствоведов РФ, г. Нальчик)

Башикирева Наталья Валерьевна, канд. ист. наук (Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж)

Боголюбов Александр Александрович, д-р гуман. наук в области новейшей истории (независимый исследователь, г. Пятигорск)

Бушуев Алексей Сергеевич, канд. ист. наук (Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань)

Венков Андрей Вадимович, д-р ист. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Ветошкин Вячеслав Александрович (Белорусская государственная академия авиации, г. Минск)

Вычеров Дмитрий Александрович, канд. ист. наук (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

Головин Евгений Анатольевич, канд. ист. наук (Юго-Западный государственный университет, г. Курск)

Головина Евгения Леонидовна (Волгоградский государственный университет; Центр документации новейшей истории Волгоградской области, г. Волгоград)

Голубев Денис Вячеславович (Фонд сохранения исторической памяти «Я помню», г. Москва)

Гоманенко Олеся Александровна, канд. ист. наук (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград)

Горюшина Евгения Михайловна, канд. полит. наук (Институт мировой военной экономики и стратегии НИУ ВШЭ; Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, г. Москва)

Греков Николай Владимирович, д-р ист. наук (Омская гуманитарная академия, г. Омск)

Грибачева Анастасия Павловна (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

Грибков Иван Владимирович, канд. ист. наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва)

Гриценко Галина Дмитриевна, д-р филос. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Джакели Абесалом Эднарьевич (Таганрогский механический колледж, г. Таганрог)

Дмитриева Александра Николаевна (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

Долгиева Марем Белановна, канд. ист. наук (Ингушский государственный университет, г. Магас)

Дорджиева Елена Валериевна, д-р ист. наук (МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва)

Драбкин Артём Владимирович, канд. биол. наук (Фонд сохранения исторической памяти «Я помню», г. Москва)

Дудайти Альберт Константинович, д-р ист. наук (Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)

Евстифеева Алла Григорьевна, канд. хим. наук (Совет ветеранов Первомайского района г. Ростова-на-Дону)

Еремеева Анна Натановна, д-р ист. наук (Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, г. Краснодар)

Заблотский Александр Николаевич (Таганрогский авиационный научно-технический комплекс имени Г.М. Бериева, г. Таганрог)

Заболотский Иван Анатольевич (Народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты», с. Самбек)

Зданович Александр Александрович, д-р ист. наук (Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил РФ, г. Москва)

Инюшев Константин Сергеевич (ЮНЦ РАН; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Кальниченко Владислав Николаевич (Раздорский этнографический музей-заповедник, ст. Раздорская)

Камынин Евгений Вячеславович (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Кедрова Ирина Владимировна, канд. пед. наук (Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону)

Киселёв Илья Викторович, канд. ист. наук (Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени А.К. Серова, г. Краснодар)

Колесникова Марина Евгеньевна, д-р ист. наук (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Кондратенко Борис Борисович, канд. ист. наук (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток)

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук (Юго-Западный государственный университет, г. Курск)

Костенко Ирина Александровна (Комитет по архивному делу и документационному обеспечению Донецкой Народной Республики, г. Донецк)

Кохановский Евгений Леонидович (Белорусская государственная академия авиации, г. Минск)

Красноженова Елена Евгеньевна, д-р ист. наук (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

Кринко Евгений Фёдорович, д-р ист. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Кузеева Зухра Залимхановна (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала)

Кузнецов Дмитрий Владиславович, канд. ист. наук (Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск)

Кулик Сергей Владимирович, д-р ист. наук (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

Лепеш Оксана Васильевна, канд. ист. наук (Белорусский национальный технологический университет, г. Минск)

Линец Александр Сергеевич, канд. ист. наук (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск)

Линец Сергей Иванович, д-р ист. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск)

Линченко Андрей Сергеевич (Музей-заповедник «Старая Сареpta», г. Волгоград)

Лойко Александр Иванович, д-р филос. наук (Белорусский национальный технический университет, г. Минск)

Ломагин Никита Андреевич, д-р ист. наук (Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Лопатина Алёна Игоревна (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Лысенко Ирина Альбертовна, канд. экон. наук (Центр документации новейшей истории Волгоградской области; Центр по изучению Сталинградской битвы, г. Волгоград)

Людоровская Татьяна Юрьевна, канд. ист. наук (Донецкий государственный университет, г. Донецк)

Макарова Елена Ивановна, канд. экон. наук (Луганский государ-

ственный университет имени Владимира Даля, г. Луганск)

Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук (Адыгейский государственный университет, г. Майкоп)

Мартыненко Виктория Юрьевна, канд. ист. наук (Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области)

Маслова Татьяна Фёдоровна, д-р соц. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь)

Матиев Тимур Хусенович, д-р ист. наук (Ингушский государственный университет, г. Магас)

Матишиов Геннадий Григорьевич, академик Российской академии наук (заместитель президента Российской академии наук, г. Москва, научный руководитель ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Медвенский Николай Игоревич (Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа, г. Сухум)

Мерзляков Михаил Петрович (Раздорский этнографический музей-заповедник, ст. Раздорская)

Молчанов Сергей Сергеевич (Российский университет транспорта, г. Москва)

Мосейчук Людмила Ивановна, канд. ист. наук (Белорусский национальный технологический университет, г. Минск)

Наумова Елена Евгеньевна (независимый исследователь, г. Москва)

Новикова Альбина Алексеевна (Ростовская-на-Дону городская централизованная библиотечная система, г. Ростов-на-Дону)

Носенко Елена Владимировна, канд. ист. наук (Луганский государственный университет имени Владимира Даля, г. Луганск)

Осмаев Аббаз Догиевич, д-р ист. наук (Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, г. Грозный)

Очир-Горяева Валентина Николаевна, канд. ист. наук (Калмыцкий научный центр Российской академии наук, г. Элиста)

Очиров Уташ Борисович, д-р ист. наук (Калмыцкий научный центр Российской академии наук, г. Элиста)

Пенькова Оксана Борисовна, канд. ист. наук (Донецкий государственный университет, г. Донецк)

Петров Андрей Игоревич (Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону)

Печалов Анастас Константинович, канд. ист. наук (Ставропольский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права, г. Ставрополь)

Печалова Лариса Викторовна, д-р ист. наук (Ставропольский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права, г. Ставрополь)

Полуэкттов Иван Борисович (Самарский государственный медицинский университет, г. Самара)

Попов Андрей Георгиевич (Общественный совет Шолоховского района, ст. Вёшенская)

Попова Антонина Анатольевна (Ростовская-на-Дону городская

централизованная библиотечная система, г. Ростов-на-Дону)

Приходько Сергей Александрович (Новозыбковский краеведческий музей, г. Новозыбков)

Прищепа Александр Сергеевич, канд. ист. наук (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

Проценко Александр Валерьевич, канд. полит. наук (Луганский государственный университет имени Владимира Даля, г. Луганск)

Саенко Антон Сергеевич (Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва)

Самситдинов Ильфат Закиевич, канд. ист. наук (Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

Санин Дмитрий Николаевич (Егорлыкский историко-краеведческий музей, ст. Егорлыкская)

Серазетдинов Борис Уразбекович, канд. ист. наук (Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва)

Сергеев Даниил Станиславович (Колледж Псковского государственного университета, г. Псков)

Сидоров Сергей Григорьевич, д-р ист. наук (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград)

Симонов Владимир Владимирович (Восточно-Крымский центр военно-исторических исследований, г. Керчь)

Скорик Александр Павлович, д-р ист. наук, д-р филос. наук (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск)

Старченко Наталья Николаевна (Донецкий государственный университет, г. Донецк)

Стрельников Максим Александрович (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград)

Сулаев Иманутдин Хабибович, д-р ист. наук (Дагестанский государственный университет, г. Махачкала)

Султанбеков Рабадан Магомедович, канд. ист. наук (Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, г. Махачкала)

Танцевова Анастасия Владимировна, канд. ист. наук (Российский университет транспорта, г. Москва)

Татаринов Игорь Евгеньевич, канд. ист. наук (Луганский государственный университет имени Владимира Даля, г. Луганск)

Тибоев Илез Алиевич (Ингушский государственный университет, г. Магас)

Тоноян Елена Николаевна (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск)

Христофоров Василий Степанович, член-корреспондент РАН, д-р юрид. наук (Институт российской

истории Российской академии наук, г. Москва; Нижегородский государственный лингвистический университет, г. Нижний Новгород)

Хубулова Светлана Алексеевна, д-р ист. наук (Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Пятигорск; Ставропольский государственный педагогический институт (филиал в г. Ессентуки))

Шкритько Елена Александровна, канд. ист. наук (Донецкий государственный университет, г. Донецк)

Шолохова Татьяна Анатольевна (Ростовский региональный филиал АО «Россельхозбанк», г. Ростов-на-Дону)

Щевич Кристина Сергеевна (Донецкий государственный университет, г. Донецк)

Якунин Вадим Николаевич, д-р ист. наук (Московский художественно-промышленный институт, г. Москва)

Яхутль Юрий Асланбиевич, д-р ист. наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (академик Г.Г. Матишов)	5
РАЗДЕЛ 1. Новые подходы и источники в изучении Великой Отечественной войны	7
Христофоров В.С. Начальный период Великой Отечественной войны (22 июня – 31 декабря 1941 г.): новые документы и интерпретации	7
Аманжолова Д.А. Постсоветская историография о Великой Отечественной войне: этносоциальный аспект	13
Грибков И.В. Румынский оккупационный режим: тенденции современной историографии	18
Кулик С.В., Прищепа А.С. История партизанского движения на Северо- Западе РСФСР в трудах современных Санкт-Петербургских ученых	24
Колесникова М.Е. Международные исторические школы по истории Великой Отечественной войны в формате международного гуманитарного сотрудничества: опыт Северо-Кавказского федерального университета	28
Кринко Е.Ф. Использование документов органов государственной безопасности в изучении нацистской оккупации Ростовской области	34
Киселёв И.В. «Битва за Кавказ» генерала И.И. Масленникова.....	40
Коровин В.В. Роль визуальных источников в исследовании истории и ком- меморации освобождения Курска от немецко-фашистских захватчиков....	46
Молчанов С.С., Танцева А.В. «Сохраняя память о Великой Отечественной войне»: воссоздание боевых и трудовых биографий миотовцев (на материалах архива Российского университета транспорта (МИИТ))	52
Камынин Е.В. «Радостная весть всколыхнула сердце – война окончена»: окончание Великой Отечественной войны и первый послевоенный год в дневниковых записях командира огневого взвода Е.В. Бондарева	58
Проценко А.В. Феномен <i>histotainment</i> как фактор отражения событий Великой Отечественной войны в мемориальной культуре	65
Еремеева А.Н. История монументального увековечения памяти о Великой Отечественной войне в документальных собраниях органов государственной охраны культурного наследия	70
Гриценко Г.Д. Визуализация исторических документов о Великой Отечественной войне как фактор формирования научных представлений.....	75
РАЗДЕЛ 2. Боевые действия на южном фланге советско-германского противостояния	79
Кондратенко Б.Б. Вооруженные нарушения дальневосточных границ СССР 1932–1945 гг.	79
Инюшев К.С. Участие диверсионно-разведывательных групп органов государственной безопасности в боевых действиях на территории Ростовской области в 1941–1942 гг.	83
Заблотский А.Н., Заболотский И.А. 590-й истребительный авиаполк в Таганрогской наступательной операции (март 1942 г.)	90

Попов А.Г. «Переправа, переправа...»: артерия жизни во время войны	97
Драбкин А.В., Голубев Д.В. Сражение в междуречье Дона, Маныча и Кубани. Гибель 37-й армии	103
Бушуев А.С. Боевые потери 147-й стрелковой дивизии в сражениях в большой излучине Дона в июле – августе 1942 г.	109
Матиев Т.Х. Бои 11–14 сентября 1942 г. западнее Малгобека в документах вермахта	114
Санин Д.Н. Боевые действия финских подразделений дивизии СС «Викинг» на рубеже р. Маныч в январе 1943 г.	122
Медвенский Н.И. Боевой путь 863-го истребительного авиационного полка в Битве за Кавказ	126
Линец С.И., Линец А.С. Сражения на «Голубой линии» и на Миус-фронте в 1943 г.: сравнительная характеристика	133
Лойко А.И. Белорусы – участники Великой Отечественной войны: бои Красной армии на юге РСФСР	139
Очиров У.Б. Истребительные асы люфтваффе – кавалеры рыцарских крестов на Восточном фронте: боевые счета и безвозвратные потери	144
РАЗДЕЛ 3. Власть и общество в 1941–1945 гг.	151
Тоноян Е.Н. Идеологическое обеспечение военно-мобилизационной политики и патриотической активности населения СССР в 1941–1942 гг.	151
Головин Е.А. Трансформация транспортной печати в первые месяцы Великой Отечественной войны (по материалам отделенческой газеты «По сталинскому пути»)	157
Якунин В.Н. Русская православная церковь и Советское государство в годы Великой Отечественной войны	163
Самситдинов И.З. Конституционно-правовые основы и законодательная регламентация деятельности военных трибуналов в период Великой Отечественной войны	169
Малышева Е.М. Борьба органов и войск НКВД с вооруженным подпольем на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны ..	174
Стрельников М.А. Межреспубликанское взаимодействие кадрового состава органов НКВД СССР в период эвакуации и реэвакуации 1942–1943 гг. (на примере Управления НКВД СССР по Сталинградской области)	180
Серазетдинов Б.У. Повседневная жизнь заключенных Управления исправительно-трудового лагеря и колоний НКВД по Новосибирской области в первом полугодии 1943 г.	182
Скорик А.П. Помощь фронту населения бывших оккупированных районов Ростовской области в 1943 г.	188
Старченко Н.Н. Первые шаги к возрождению: жизнь г. Сталино после освобождения (сентябрь – декабрь 1943 г.)	194
Хубулова С.А. Разминирование территории Северо-Осетинской АССР после изгнания немецко-фашистских оккупантов	200

Петров А.И. Жалобы и заявления граждан в органы местной власти как инструмент социальной политики в 1943–1945 гг.: по материалам Ростовской области	207
Шкрибितко Е.А. Мероприятия по охране здоровья в Донбассе (1943–1945 гг.)	212
РАЗДЕЛ 4. Военная экономика и ее роль в Победе	218
Сидоров С.Г. Артель «Красный кустарь» накануне и в годы Великой Отечественной войны	218
Джакели А.Э. Сельскохозяйственные коммуны Ростовской области накануне Великой Отечественной войны: состояние, проблемы и вклад в продовольственное обеспечение страны (на примере коммуны «Сеятель»)	222
Кохановский Е.Л., Ветошкин В.А. Тяжелый путь на восток	228
Гоманенко О.А. Женский труд на речном флоте Средней и Нижней Волги в начальный период Великой Отечественной войны	233
Красноженова Е.Е., Грибачева А.П. Трудовой потенциал и технологическая адаптация промышленности Ленинграда к условиям блокады (1941–1944 гг.)	237
Лысенко И.А. Энергетическая система Сталинграда в период Великой Отечественной войны: СталГРЭС	243
Дмитриева А.Н. Вклад в победу пищевой промышленности Ленинграда	249
Печалова Л.В., Печалов А.К. Сберегательные учреждения в годы Великой Отечественной войны	254
Носенко Е.В. Трудовая дисциплина молодежи Донбасса в условиях военного времени (1941–1945 гг.)	261
Сергеев Д.С. Восстановление промышленности Псковской области после Великой Отечественной войны: структура и состояние	266
Щевич К.С. Работа Сталинской областной филармонии в годы Великой Отечественной войны	272
Головина Е.Л. Направления работы Сталинградской областной чрезвычайной полномочной противоэпидемической комиссии в 1944–1945 гг. ..	276
Линченко А.С. Разработка и производство в Сталинграде гусеничного трактора ДТ-54	283
РАЗДЕЛ 5. Человек на войне. Повседневность фронта и тыла.....	288
Костенко И.А. Отвагой рожденные (по документам Государственного архива Донецкой Народной Республики)	288
Полуэктов И.Б. «Всегда впереди генерал наш любимый, Крючёнкин на борзом коне...» (к 85-летию со времени создания первых гвардейских формирований советской конницы)	290
Мерзляков М.П., Кузеева З.З. Военная публицистика и художественные произведения фронтового корреспондента «Комсомольской правды» А.В. Калинина.....	298

Кальниченко В.Н. Газетные публикации А.В. Калинина в роли военного корреспондента «Комсомольской правды» в 1941–1942 гг.	304
Очир-Горяева В.Н. Мобилизация «окруженцев» Сарпинским районным военным комиссариатом Калмыцкой АССР в январе 1943 г.	309
Суттанбеков Р.М. Боевая операция «Малая Земля»: судьба одного солдата.....	314
Наумова Е.Е. Выходцы из южных регионов СССР – освободители датского острова Борнхольм	318
Шолохова Т.А. Фронтовой путь семьи советского писателя Г.Ф. Шолохова-Синявского по материалам семейного архива (к 125-летию Г.Ф. Шолохова-Синявского и 100-летию его сыновей А.Г. Шолохова и Л.Г. Шолохова).....	324
Приходько С.А. Евгений Потапович Мосягин: воин, инженер, литератор и художник (к 100-летию со дня рождения героя)	331
Попова А.А. Война ростовской семьи Косолаповых.....	336
Сулаев И.Х. Великая Отечественная война в судьбе сельского учителя Магомеда Джабраилова (1908–1998)	342
Лопатина А.И. Повседневная жизнь женщин-медиков в годы Великой Отечественной войны: по источникам личного происхождения	347
Вычеров Д.А. Времяпрепровождение подростков, работавших на ленинградских предприятиях, в пионерских лагерях в 1943–1944 гг. ...	353
РАЗДЕЛ 6. Нацистская оккупация, военные преступления захватчиков, коллаборационизм и сопротивление противнику.....	
Башкирева Н.В. Участие французских коллаборационистов в реализации нацистской оккупационной политики на территории СССР	356
Ломагин Н.А. Оккупационная политика Германии в пригородах Ленинграда в 1941–1942 гг.	360
Венков А.В. «Счастливое детство» в оккупированных и прифронтовых районах Ростовской области	367
Людоровская Т.Ю. Ущерб, причиненный мирным гражданам в г. Краматорске Сталинской области в 1941–1943 гг.	372
Дорджиева Е.В. Расследование преступлений нацистов в Калмыкии: трагедия семьи Говенко.....	378
Боголюбов А.А. Злодеяния немецко-фашистских оккупантов в Пятигорске	383
Симонов В.В. Об одном из партизанских отрядов Керченского полуострова периода первой оккупации: оценки из 1942 г. (Маяк-Салынский отряд, о котором не принято вспоминать)	387
Яхутль Ю.А. Организация партизанского движения в Адыгее накануне и в ходе оккупации (август 1942 г. – февраль 1943 г.)	393
Зданович А.А. Зафронтовое агентурное дело «Донцы» Управления контрразведки Смерш Юго-западного фронта в 1943 г.	399
Греков Н.В. Работа контрразведки Южного фронта (1943 г.) по выявлению и ликвидации агентуры противника.....	406

Кузнецов Д.В. Из истории розыска в послевоенные годы предателей и изменников Родины, пособников немецко-фашистских оккупантов: дело А.Г. Динкеля – И.А. Пономарёва	412
Саенко А.С. Историческая память молодежи Донецкой Народной Республики о геноциде советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны	418
РАЗДЕЛ 7. Великая Отечественная война в пространстве памяти, политики и культуры	424
Дудайти А.К. Политизация памяти о Второй мировой войне в западном дискурсе: последствия для представлений о решающем вкладе СССР	424
Татаринов И.Е. Политика памяти о событиях Великой Отечественной войны на Украине: генезис и характеристика основных этапов	429
Пенькова О.Б. Первый этап Второй мировой войны (1939 – июнь 1941 г.) в современных украинских школьных учебниках	435
Аверьянов А.В. Вторая мировая война в современных украинских учебниках: образы, символы, смыслы	441
Макарова Е.И. Места памяти о событиях Великой Отечественной войны в мемориальном пространстве Луганска	446
Горюшина Е.М., Осмаев А.Д. День Победы в Чечено-Ингушской АССР: участие без политического присутствия	452
Новикова А.А. Народный музей фронтовой журналистики: синтез военной истории и литературного наследия	458
Аппаева Ж.М. Тема Великой Отечественной войны в творчестве Михаила Тхакумашева	462
Кедрова И.В. Мемориальные образы барельефов (горельефов) Ростова-на-Дону как выражение исторической памяти	467
Евстифеева А.Г. Увековечивание памяти об А.П. Бересте в Ростове-на-Дону в 2015–2025 гг.	472
Мартыненко В.Ю. Коммеморативные семейные практики: Великая Отечественная война и мирное время в жизни семьи Бочаровых	478
Долгиева М.Б., Тибоев И.А. Деятельность Ингушского государственного университета по изучению и сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне	482
Лепеш О.В., Мосейчук Л.И. Роль кафедры истории Белорусского национального технического университета в формировании исторической памяти о Великой Отечественной войне у современных студентов	488
Маслова Т.Ф. Отражение событий Великой Отечественной войны в воспитании культуры исторической памяти будущих педагогов: опыт моделирования	493
Сведения об авторах	498

TABLE OF CONTENTS

Preface (Matishov, G.G., Academician RAS)	5
SECTION 1. New approaches to and sources for the study of the Great Patriotic War	7
Khrstoforov, V.S. Initial period of the Great Patriotic War (June 22 – December 31, 1941): New documents and interpretations.....	7
Amanzholova, D.A. Post-Soviet historiography of the Great Patriotic War: Ethnic and social aspects	13
Gribkov, I.V. Romanian occupation regime: Trends in modern historiography	18
Kulik, S.V., Prishchepa, A.S. History of the Partisan Movement in the North- West of the RSFSR in the works of contemporary St. Petersburg scholars	24
Kolesnikova, M.E. International historical schools on the history of the Great Patriotic War in the format of international humanitarian co-operation: Practical experience of the North-Caucasus Federal University.....	28
Krinko, E.F. Documents of the state security bodies when studying the Nazi occupation of Rostov Region (<i>Oblast'</i>).....	34
Kiselyov, I.V. General I.I. Maslennikov's 'Battle for the Caucasus'	40
Korovin, V.V. Role of visual sources in studying the history and commemoration of the liberation of Kursk from the Nazi invaders.....	46
Molchanov, S.S., Tantsevova, A.V. 'Preserving the Memory of the Great Patriotic War': Reconstructing the combat and labour biographies of the Russian University of Transport alumni (based on the materials from the Archive of the Russian University of Transport (<i>MIIT</i>))	52
Kamynin, E.V. 'Joyful News Stirred the Heart – The War is Over': The end of the Great Patriotic War and the first post-war year in the diary entries of E.V. Bondarev, Firing Platoon Commander	58
Protsenko, A.V. Phenomenon of <i>histotainment</i> as a factor in reflecting the events of the Great Patriotic War in memorial culture	65
Eremeeva, A.N. History of monumental perpetuation of the memory of the Great Patriotic War in the documentary collections of the state cultural heritage protection bodies	70
Gritsenko, G.D. Visualization of historical documents on the Great Patriotic War as a factor in shaping the scholarly perceptions	75
SECTION 2. Hostilities on the southern flank of the Soviet-German confrontation	79
Kondratenko, B.B. Armed violations of the Far Eastern borders of the USSR in 1932–1945	79
Inyushev, K.S. Participation of sabotage and reconnaissance groups of the state security bodies in combat operations in Rostov Region (<i>Oblast'</i>) in 1941–1942.....	83
Zablotskiy, A.N., Zabolotskiy, I.A. 590 th Fighter Aviation Regiment in the Taganrog Offensive Operation of March 1942	90
Popov, A.G. 'The Crossing, the Crossing'... The artery of life during the war	97
Drabkin, A.V., Golubev, D.V. Battle in the interflaves of the Don, Manych, and Kuban rivers. The Destruction of the 37 th Army	103
Bushuyev, A.S. Combat losses of the 147 th Rifle Division in the battles in the Great Bend of the Don in July – August 1942	109

Matiev, T.Kh. Battles of September 11–14, 1942, west of Malgobek in the <i>Wehrmacht</i> documents	114
Sanin, D.N. Combat operations of the Finnish units of the SS Division Wiking at the Manych River Line in January 1943	122
Medvedenskiy, N.I. Combat path of the 863 rd Fighter Aviation Regiment in the Battle for the Caucasus.....	126
Linets, S.I., Linets, A.S. Battles on the ‘Blue Line’ and the Mius-Front in 1943: A comparative analysis.....	133
Loyko, A.I. Belorussians as participants in the Great Patriotic War: The Red Army battles in the South of the RSFSR.....	139
Ochirov, U.B. <i>Luftwaffe</i> fighter aces – the Knight’s Cross holders on the Eastern Front: Kill counts and irrecoverable losses	144
SECTION 3. Authorities and society in 1941–1945	151
Tonoyan, E.N. Provision of the ideological support for the military-mobilization policy and patriotic activity of the population of the USSR in 1941–1942.....	151
Golovin, E.A. Transformation of the transport press in the first months of the Great Patriotic War (based on the articles of the <i>Po Stalinskomu puti</i> (<i>Along the Stalin’s Path</i>) branch newspaper)	157
Yakunin, V.N. Russian Orthodox Church and the Soviet State during the Great Patriotic War	163
Samsitdinov, I.Z. Constitutional and legal foundations and legislative regulation of the activities of military tribunals during the Great Patriotic War.....	169
Malysheva, E.M. Struggle of the NKVD bodies and troops against the armed underground movement in the Northern Caucasus during the Great Patriotic War	174
Strel’nikov, M.A. Inter-republican interaction of the personnel of the NKVD bodies of the USSR during the evacuation and re-evacuation of 1942–1943 (the case study of the USSR NKVD Directorate for Stalingrad Region (<i>Oblast’</i>)).....	180
Serazetdinov, B.U. Daily life of the prisoners of the Correctional Labour Camp and Colonies Administration of the NKVD of Novosibirsk Region (<i>Oblast’</i>) in the first half of 1943	182
Skorik, A.P. Assistance to the front by the population of the formerly occupied districts of Rostov Region (<i>Oblast’</i>) in 1943.....	188
Starchenko, N.N. First steps towards revival: Life in Stalino after liberation (September – December 1943)	194
Khubulova, S.A. Demining of the territory of the North Ossetian ASSR after the expulsion of the German-fascist invaders.....	200
Petrov, A.I. Claims and reports of citizens to local authorities as an instrument of social policy in 1943–1945: Based on the materials of Rostov Region (<i>Oblast’</i>) ...	207
Shkribit’ko, E.A. Healthcare measures in the Donbass (1943–1945)	212
SECTION 4. Military economy and its role in the Victory	218
Sidorov, S.G. Krasnyy Kystar’ Artel on the eve of and during the Great Patriotic War	218
Dzhakeli, A.E. Agricultural communes of Rostov Region (<i>Oblast’</i>) on the eve of the Great Patriotic War: State, problems, and contribution to the country’s food supply (the case study of the <i>Seyatel’</i> Commune)	222

Kokhanovskiy, E.L., Vetoshkin, V.A. Hard road to the East	228
Gomanenko, O.A. Female employment in the river fleet of the Middle and Lower Volga in the initial period of the Great Patriotic War	233
Krasnozhenova, E.E., Gribacheva, A.P. Labour potential and technological adaptation of the industries of Leningrad to the conditions of the Siege (1941–1944)	237
Lysenko, I.A. Power system of Stalingrad during the Great Patriotic War: Stalingrad State Regional Power Plant	243
Dmitrieva, A.N. Contribution of the food industry of Leningrad to the Victory....	249
Pechalova, L.V., Pechalov, A.K. Savings institutions during the Great Patriotic War	254
Nosenko, E.V. Labour discipline of the Donbass youth in wartime conditions (1941–1945)	261
Sergeyev, D.S. Recovery of industries in Pskov Region (<i>Oblast'</i>) after the Great Patriotic War: Structure and state	266
Shchevich, K.S. Activities of the Stalino Regional Philharmonic during the Great Patriotic War	272
Golovina, E.L. Activities of the Stalingrad Regional Emergency Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission in 1944–1945.....	276
Linchenko, A.S. Development and Production of the DT-54 crawler tractor in the city of Stalingrad	283
SECTION 5. An individual in war. Daily life at the front and in the rear	288
Kostenko, I.A. Born of courage (based on the documents of the State Archive of the Donetsk People's Republic)	288
Poluektov, I.B. <i>'Always Ahead our Beloved General, Kryuchyonkin on a Swift Horse...'</i> (to the 85 th anniversary of establishing the first guards formations of the Soviet cavalry).....	290
Merzlyakov, M.P., Kuzeyeva, Z.Z. War publicism and literary works of A.V. Kalinin, a frontline correspondent of the <i>Komsomolskaya Pravda</i> newspaper	298
Kal'nichenko, V.N. Newspaper publications of A.V. Kalinin as a war correspondent of the <i>Komsomolskaya Pravda</i> in 1941–1942.....	304
Ochir-Goryaeva, V.N. Mobilization of the encircled soldiers by the Sarpinskiy District Military Commissariat of the Kalmyk ASSR in January 1943	309
Sultanbekov, R.M. Malaya Zemlya Combat Operation: The fate of one soldier	314
Naumova, E.E. Natives of the southern regions of the USSR – liberators of the Danish Island of Bornholm	318
Sholokhova, T.A. Frontline path of the family of G.F. Sholokhov-Sinyavsky, the Soviet writer based on the family archive materials (to the 125 th anniversary of G.F. Sholokhov-Sinyavsky and the 100 th anniversary of his sons – A.G. Sholokhov and L.G. Sholokhov) ...	324
Prikhod'ko, S.A. Evgeniy Potapovich Mosyagin: Warrior, engineer, writer, and painter (to the 100 th anniversary of the hero's birth)	331
Popova, A.A. War in the life of the Kosolapov family from Rostov-on-Don.....	336
Sulaev, I.Kh. The Great Patriotic War in the life of Magomed Dzhabrailov (1908–1998), a rural teacher	342
Lopatina, A.I. Daily life of female medical workers during the Great Patriotic War: based on ego-documents	347

Vycherov, D.A. Pastime of teenagers working at Leningrad enterprises in pioneer camps in 1943–1944	353
SECTION 6. Nazi occupation, war crimes of the invaders, collaborationism, and resistance to the enemy	
Bashkireva, N.V. Participation of the French collaborationists in the imple- mentation of the Nazi occupation policy in the territory of the USSR	356
Lomagin, N.A. German occupation policy in the suburbs of Leningrad in 1941–1942	360
Venkov, A.V. So-called happy childhood in the occupied and frontline districts of Rostov Region (<i>Oblast'</i>)	367
Lyudorovskaya, T.Yu. Damage caused to civilians in the city of Kramatorsk, Stalino Region (<i>Oblast'</i>), in 1941–1943	372
Dordzhieva, E.V. Investigation of the Nazi crimes in Kalmykia: The tragedy of the Govenko family	378
Bogolyubov, A.A. Atrocities of the Nazi invaders in Pyatigorsk	383
Simonov, V.V. On one of the Partisan detachments of the Kerch Peninsula during the first occupation period: assessments of 1942 (The Mayak-Salynskiy Detachment, which is not customary to remember)	387
Yakhtul', Yu.A. Organization of the Partisan Movement in Adygea on the eve of and during the occupation (August 1942 – February 1943)	393
Zdanovich, A.A. Behind-the-frontlines intelligence case the <i>Dontsy</i> of the <i>Smersh</i> Counterintelligence Directorate of the South-Western Front in 1943	399
Grekov, N.V. Operations of the Southern Front Counterintelligence (1943) to identify and eliminate enemy agents	406
Kuznetsov, D.V. From the history of the post-war search for traitors and defectors of the Motherland, accomplices of the German-fascist occupants: The case of A.G. Dinkel – I.A. Ponomaryov	412
Saenko, A.S. Historical memory of the youth of the Donetsk People's Republic about the Genocide of the Soviet people by the Nazis and their accomplices during the Great Patriotic War	418
SECTION 7. The Great Patriotic War in the space of memory, politics, and culture	
Dudaiti, A.K. Politicization of the memory of World War II in Western discourse: Consequences for the perceptions of the decisive contribution of the USSR	424
Tatarinov, I.E. Memory policy on the events of the Great Patriotic War in Ukraine: Genesis and characteristics of the main stages	429
Pen'kova, O.B. First stage of World War II (1939 – June 1941) in contemporary Ukrainian school textbooks	435
Aver'yanov, A.V. World War II in contemporary Ukrainian textbooks: Images, symbols, and meanings	441
Makarova, E.I. Sites of memory of the Great Patriotic War events in the memorial space of Lugansk	446
Goryushina, E.M., Osmaev, A.D. Victory Day in the Chechen-Ingush ASSR: Participation without political presence	452
Novikova, A.A. People's Museum of the Frontline Journalism: Synthesis of military history and literary heritage	458

Appayeva, Zh.M. Theme of the Great Patriotic War in the works of Mikhail Tkhakumashev	462
Kedrova, I.V. Memorial images of bas-reliefs (high reliefs) of Rostov-on-Don as an expression of historical memory	467
Evstifeyeva, A.G. Commemorating the memory of A.P. Berest in Rostov-on-Don in 2015–2025	472
Martynenko, V.Yu. Commemorative family practices: The Great Patriotic War and peacetime in the life of the Bocharov family	478
Dolgueva, M.B., Tibojev, I.A. Activities of the Ingush State University on studying and preserving the historical memory of the Great Patriotic War	482
Lepesh, O.V., Moseychuk, L.I. Role of the Department of History of the Belarusian National Technical University in shaping the historical memory of the Great Patriotic War among the contemporary students	488
Maslova, T.F. Reflection of the events of the Great Patriotic War in fostering the culture of historical memory of future teachers: Modelling experience and practices	493
Information about the authors	498

Научное издание

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ИСТОРИИ И ПАМЯТИ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ:
СОБЫТИЯ, УЧАСТНИКИ, СИМВОЛЫ**

**Материалы VII Всероссийской научной конференции
с международным участием, посвященной 85-летию
начала Великой Отечественной войны
(г. Ростов-на-Дону, 24–27 июня 2026 г.)**

Подписано в печать 05.06.2026. Формат 60 × 84 ¹/₁₆
Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 29,76. Тираж 250 экз. Заказ №

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. 8 (863) 250-98-21

Отпечатано в типографии «Альгаир»
344064, г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55
Тел. 8 (958) 544-59-27